

РУССКИЕ ПОВЕСТИ

XV~XVI веков

Государственное
издательство
Художественной
литературы
Москва
Ленинград
1958

Составитель | М. О. С к р и п и л ь |

*Редактор текстов, статей
и примечаний Б. А. Л а р и н*

*Оформление художника
Л. С. Х и ж и н с к о г о*

ОТ РЕДАКТОРА

Эта книга задумана была и в своей основе подготовлена проф. М. О. Скрипилем, но внезапная смерть 16 января 1957 года оборвала его работу. Поэтому завершение книги и окончательная подготовка к публикации осуществлена Б. А. Лариным и Н. И. Тотубалиным. В силу этого и состав сборника и принципы издания текстов несколько отличаются от первоначального замысла проф. М. О. Скрипиля.

Считая главной целью книги — ввести в широкий оборот древнерусские повести, сделать их доступными для читателей, далеких от филологии и от специализации по культуре наших средних веков, редактор подчинил этой цели и подготовку текстов, и переводы, и статьи, и примечания. В нескольких случаях публикуются неизвестные до сих пор списки повестей (это указано в примечаниях). И потому эти публикации послужат также и делу научной разработки этих драгоценных памятников художественной литературы XV—XVI веков.

Исключены некоторые повести с ярко выраженной клерикальной тенденцией или верноподданническим раболепством.

Задача первой публикации вновь найденных списков некоторых повестей — как она ни почтенна — подчинена общей цели, поэтому мы отказались от воспроизведения рукописей со всеми их описками, недосмотрами, пропусками и искажениями, а даем тексты повестей с исправлениями по другим спискам, хотя бы опубликованным и общеизвестным. Однако все поправки выделены и сопровождаются оговорками, чтобы специалист мог восстановить для себя чтение списка со всеми его дефектами. Мы отказались от воспроизведения пестрой орфографии и затруднительной для современного читателя (и издателя) графики XV—XVI веков. Но язык повестей XV—XVI веков воспроизведен в нашем издании без малейшей модернизации. Все юсы, омеги, уки, яти, кси, пси, фита и сложные написания йотованных гласных переведены на современный алфавит по строгому соответствию нашим буквам. Устранены обильные отражения югославянских правил орфографии в древнерусских рукописях (всеа, моа, дааше, плоть, скърбь, азь

и подобные). Введен ъ, где его не писали, хотя произносили мягкие согласные, как мы это достоверно знаем (вместо толко, ползы, велми, кон, твар, цар, повежд, дивится и т. п. мы печатаем: только, пользы, вельми, конь, тварь, царь, повеждь, дивиться), устранены нефонетические ѣ и ъ (отъбежа, заступница, всехъ, боязнь, странньи и т. п.). Раскрыты титла и опущены надстрочные выносные буквы. Словом, тексты даны в удобочитаемом виде, но без каких бы то ни было подновлений языка. Сохранены даже дублетные написания одного и того же списка (например, Рязань — Резань, хрестьянский — крестянский и т. п.). Внесена современная пунктуация. В круглых скобках помещены дополнения по другим спискам, в квадратных скобках — интерполяции издателей.

Переводы тоже предназначены отнюдь не для специалистов, тем более что они им и не нужны. Переводчик стремился передать яркие картины, волнующий пафос, остроту и меткость слова древнерусских повествователей, избегая буквальности, излишнего педантизма, допуская небольшие вольности (микропропуски и микроамплификации) с единственной целью — верно и полно передать глубинный смысл, скрывающийся за скупыми, а иногда как будто и невыразительными словами. То, что вытекает не из прямого значения немногих слов в предложении, а из тесного контекста и из большого контекста повести (т. е. связи ее с остальной письменностью своей эпохи), переводчик считал необходимым, где ему самому это было доступно, прояснить и отразить в переводе. Отсюда — необходимость некоторых амплификаций. С другой стороны, крайне отягощающие повторения молитвенных формул, длиннейших титулов и т. п. по возможности сокращены и облегчены в переводе. И в этом случае, по нашему убеждению, мы только «промыли» древнюю живопись, а не подновили ее.

Перевод должен увлечь читателя, убедить его в литературных достоинствах древнерусских повестей, приблизить к пониманию своеобразных и не совпадающих с нашими эстетических требований и вкусов писателей средневековья.

Так как в XV—XVI веках язык повестей более существенно отличался от разговорного языка, чем теперь, то переводчик считал необходимым создать впечатление книжности, некоторой архаичности стиля, однако всячески удаляясь от подстрочника, то есть сохраняя лишь сигнальные вкрапления древних оборотов речи, отбирая при этом те, какие легко понятны по своим связям с современным языком. Некоторые забытые, но литературно добротные слова и выражения средневековых повестей — через переводы их — могут обогатить язык современных писателей, особенно писателей, работающих над историческими романами.

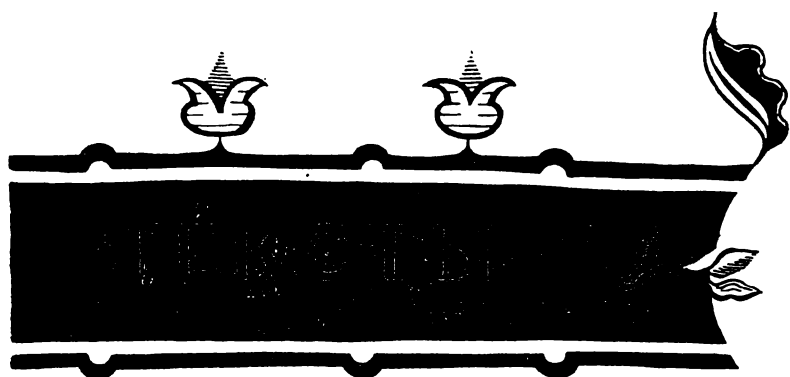
В некоторых случаях переводчик обдуманно шел к реконструкции архетипа повести. Там, где излишество плеонастических выражений древнерусского текста могло быть результатом вставок, домыслов или пояснений переписчика, они опущены в переводе. При явных лакунах в тексте повести мы стремились к восстановлению утраченного. В конце «Сказания о Мамаевом побоище» сделана перестановка абзацев, оговоренная в примечании к переводу.

Каждая из повестей представлена в этой книге одним видом из своей письменной традиции. Только раз мы отступили от этого принципа: «Повесть о набеге на Москву хана Тохтамыша» напечатана в двух версиях, и обе версии даны в переводе. Исключение это было сделано, чтобы показать нередкое в древнерусской литературе расхождение двух редакций памятника до полной несводимости. Мы видим в них две повести на один сюжет в разной литературной манере, в разных стилях, с различным социальным адресом и весьма несходными идейными целями. Мы полагаем, что это представляет интерес и для читателей, если они хотят ближе познакомиться с составом нашей древней письменности.

Подготовка текстов, статей и примечаний к повестям: «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище» — Л. А. Дмитриева; «О московском взятии от царя Тохтамыша» (в двух редакциях), «О Темир-Аксаке» — Н. И. Тотубалина; подготовка текстов и статей к повестям: «О взятии Царьграда», «О купце Дмитрие Басарге и сыне его Борзосмысле», «О Вавилоне граде», «О Меркурии Смоленском», «О Петре и Февронии Муромских», «О Луке Колочском», «О Тимофее Владимирском» и послесловие к сборнику — М. О. Скрипиля; примечания к вышеназванным повестям — Н. И. Тотубалина; подготовка текста повести «О мунтянском воеводе Дракуле» — М. О. Скрипиля, статья к ней — Я. С. Лурье, примечание — Н. И. Тотубалина. Подготовка текста повести «Об осаде Пскова Стефаном Баторием» — В. И. Малышева, статья и примечания к ней — Н. И. Тотубалина.

Переводы всех повестей — Б. А. Ларина.

Коллектив составителей убежден, что и в таком виде — со всеми несущественными отступлениями от первоначального плана — эта книга принесла бы глубокое удовлетворение ее инициатору М. О. Скрипилю, если бы он не ушел от нас.

ЗАДОНЩИНА

*Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче * и о брате его князе Владимире Андреевиче. * Писание Софония старца рязанца**

Князь великий Дмитрий Иванович с своим братом с князем Владимиром Андреевичем и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича. * Ведомо нам, братие милыи, што-де у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю. * Пойдем, братье, тамо в полунощную страну, жребия Афетова, сына Ноева, * от него же родися Русь преславная. Взыдем на горы Киевския и посмотрим славнаго Непра и посмотрим по всей земли Руской и отоля на восточную страну, жребий Симов, сына Ноева, от него же родися хиновя поганые, татаровя, бусормановя.

Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. * И отоля Руская земля сedit невесела, а от Калатьския рати * до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи. Князи и бояря и удалые люди, оставимте вся дома своя и богатество, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получитьи, главы своя положитьи за землю за Рускую и за веру християнскую.

Преже восписях жалость земли Руские и прочее, от кних приводя. Потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Одреевичю. Снидемся, братия и друзи и сынове рускии, составим слово к слову, возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий и воздадим поганому Мамаю победу, а великому князю Дмитрею Ивановичю похвалу и брату его князю Владимиру Одреевичю рцем таково слово.

Лутче бо нам есть, братие, начати поведати инеми словесы о похвальных о нынешних повестех о полку великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Одреевича.

правнука святого великого князя Владимира Киевского. * Начати поведати по делом и по былинам. Но проразимся мыслию по землям и помянем первых лет времена и похвалим вещаго Бояна, * гораздаго гудца в Киеве. Тот бо вещий Боян воскладая гораздыя своя персты на живыя струны и пояше князем руским славы: первому великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, * великому князю Владимиру Святославичу, великому князю Ярославу Володимировичю. *

Похвалим песньми и гуслеными буйными словесы и сего великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, правнука тех князей, занеже было мужество их и желание за землю Рускую и за веру крестьянскую. — Сий бо князь великий Дмитрей Иванович и брат его князь Владимир Андреевич, истезавше ум свой крепостию и поостриша сердца своя мужеством и наполнишася ратнаго духа и уставиша себе храбрыя полкы в Руской земли и помянуша прадеда своего князя Владимира Киевского.

О жаворонок птица, красных дней утеха, возлети под синии небеса, посмотри к сильному граду Москве, воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичю. Ци буря соколи зонесет из земли Залеския в поле половецкое. *

Кони ржут на Москве, звенит слава по всей земли Руской. Трубы трубят на Коломне, * в бубны бьют в Серпохове, * стоят стязи у Дону у великого на брези. Звонят колоколы вечныя * в великом Новгороде, стоят мужи новгородцы у святой Софеи, * арькучи: «Уже нам, братие, на пособье великому князю Дмитрию Ивановичу не поспеть!»

Уже бо яко орлы слетешася со всея полунощныя страны. То ти не орлы слетошася, съехалися вси князи руския к великому князю Дмитрею Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичю, арькучи им таково слово: «Господине князь великий, уже погании татарове на поля на наши наступают, а вотчину нашу у нас отнимают, стоят межю Доном и Днепром, на рице на Мече. * И мы, господине, пойдем за быструю реку Дон, укупим землям диво, старым повесть, а младым память, а храбрых своих испытаем за землю Рускую и за веру крестьянскую!»

И рече им князь великий Дмитрей Иванович: «Братья и князи руския, гнездо есмя великого князя Владимира Киевского. Ни в обиди есмя были по рождению ни соколу, ни кречету, ни черному ворону, ни поганому Мамаю».

О соловей, летняя птица, что бы ты, соловей, вышекотал земли Литовской дву братьев Ольгердовичев, Ондрей да брат его Дмитрей Ольгердовичев, * да Дмитрей Волинский. * Те бо суть сынове храбрии, кречати в ратном времени, ведоми полко-

водды, под трубами повити и под шеломы возлеліяны, 'конец копия вскормлены в Литовской земли.

И молвяше Ондрей Ольгердович брату своему Дмитрию: «Сама есма себе два брата сынове Ольгердовы, а внуки есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы. Изберем братью милую, пановой удалыи Литвы, храбрых удальцев, и сами сядем на борзые своя комони, посмотрим быстрого Дону, испием, брате, шеломом своим воды быстрого Дону, испытаем мечев своих литовских о шеломы татарския, сулиц немецких о байданы бесерменския». *

И рече ему Дмитрий: «Брате Ондрей, не пощадим живота своего за землю за Рускую и за веру крестьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича. Уже бо, брате, стук стучит, гром гримит в камене граде Москве. То ти, брате, не стук стучит, ни гром гремит, стучит сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича, гремят удальцы руския золочеными доспехы, черлеными щиты. Седлай, брате Ондрей, свои борзые комони, а мои готовы, напреди твоих оседлани. Выедем, брате, на чистое поле, посмотрим своих полков».

Уже бо возвеша сильнии ветри с моря на усть Дону и Непра, прилелеяша великия тучи на Рускую землю, из них выступают кровавыя зори, и в них трепещут синие молнии. Быти стуку и грому велику на речки Непрядве * меж Доном и Непром, пасти трупу челоуечью на поле Куликове, * пролитися крове на речки Непрядве.

Уже бо вскрипели телегы меж Доном и Непром, идут хинове в Рускую землю. И притекоша серые волды от усть Дону и Непра, ставши воют на рецы на Мечи, хотят наступати на Рускую землю. То ти было не серые волды, но приидоша погании татарове, проити хотят воюючи всю Рускую землю.

Тогда гуси возгоготаша на речки на Мечи, лебеди крылы всплескаша. То ти ни гуси возгоготаша, ни лебеди крылы всплескаша, но поганый Мамай на Рускую землю пришел, а вой своя привел. А уже беды их пасоша птица крилати, под облакы летают, ворони часто грают, а галицы своею речью говорят, орлы восклегчют, а волци грозно воют, а лисицы на кости брешут. Руская земля, то ти есть как за Соломоном царем побывала. *

А уже соколы и кречати, белозерския ястребы рвахуся от златых колодец ис каменного града Москвы, возлетеша под синии небеса, возгремеша золочеными колоколы на быстром Дону, хотят ударити на многие стады гусяныя и на лебединыя, а богатыри руския удальцы хотят ударити на великия силы поганого царя Мамай. Тогда князь великий вступи в златое стремя, взем свой меч в правую руку свою. Солнце ему ясно на востоцы сияет, путь поведает.

Что ми шумит, что гримит рано пред зарями? Князь Владимир Ондреевич полки уставляет и пребирает и ведет к Дону великому. И молвяше брату своему: «Князь Дмитрий, не ослабь, князь великий, татаром. Уже бо поганыи поля наступают, отнимают отчину нашу».

Рече ему князь великий Дмитрий Иванович: «Брате князь Владимире Ондреевич, сами себе есмя два брата, воеводы у нас уставлены, дружина нам сведома, имеем под собою борзые кони, а на себе золоченые доспехи, а шеломы черкасские, а щиты московские, а сулицы немецкие, а копии фряжския, мечи булатные, а дороги нам ведомо, а перевозы им изготовлены, но еще хотят сильно главы своя положить за веру крестьянскую. Пашут бо ся хорюгове, ищут себе чести и славнаго имени».

Уже бо те соколе и кречеты, белозерския ястреби борзо за Дон перелетели и ударилися о многие стада гусиные и лебединые. То ти наехали рустии сынове на сильную рать татарскою, ударишася копьи харалужными * о доспехи татарския, возгремели мечи булатные о шеломы хиновския на поле Куликове, на речки Непрядве.

Черна земля под копыты, костями татарскими поля насеяны, а кровью полияно. Сильнии полки соступалися вместо, протопташа холми и лугы, возмутишася реки и езера, кликнуло диво * в Руской земли, велит послушати рожным землям, шибла слава к Железным вратом, к Риму и к Кафы * по морю, и к Торнаву, * и оттоле к Царюграду * на похвалу. Русь великая одолеша Мамай на поле Куликове.

Тогда бо сильнии тучи соступалися вместо, а из них часто сияли молнии, громи гремели велице. То ти соступалися рускии сынове с погаными татары за свою обиду. А в них сияют доспехи золоченые, гремели князи руския мечи булатными о шеломы хиновския.

Не тури възрыкают на поле Куликове, побежени у Дону великого, взопаша посечены князи руския и бояры и воеводы великого князя и князи белозерстии, посечени от поганых татар: Федор Семенович, Тимофей Волуевич, Семен Михайлович, Микула Васильевич, Ондрей Серкизович, Михайло Иванович и иная многая дружина, а иные лежат посечены у Дону на брези.

Чернеца Пересвета, * брянского боярина, привели на судное место. * Говорит Пересвет чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Луче бы нам потятым быть, нежели полоняным быть от поганых». Тако бо Пересвет поскакивает на борзе кони, свистом поля перегороди, а злаченным доспехом посвечивает. И рече: «Добро бы, брате, в то время стару помолодиться, а молодому чести добыти, удалым плеч попытати». И молвяше брат его Ослабе чернец: «Брате Пересвет, уже вижу на тели твоём

раны тяжкие, уже голове твоей летети на траву ковыль, а чаду моему Якову * на ковыли зелене лежати на поли Куликове за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

В то время по Резанской земли около Дону ни ратаи, ни пастуси не кличут, но часто вороне грают, зогзици кокуют трупы ради человеческого. Грозно бо бяше и жалостно тогда видети, зане трава кровью пролита, а деревья тугою к земли преклонишася.

Воспели бяше птицы жалостные песни, вси восплакались кнегини и боярыни и воеводины, жены избыенных. Микулина жена Васильевича, Марья Дмитриева рано плакашася у Москвы берега на забралах, аркучи: «Доне, Доне, быстрая река, ты пробил еси горы каменные, течеша в землю Половецкую, прилилей моего государя ко мне Микулу Васильевича».

Тимофеева жена Волуевича Федосья так плакася, аркучи: «Уже веселье мое пониче в славне гради Москве, уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животе».

Да Ондреева жена Марья да Михайлова жена Оксенья рано плакашася: «Се уже нам обема солнце померкло в славне гради Москве. Припахнули к нам от быстрого Дону поломяныя вести, носяще великую беду. Выседоша русские удалцы з борзых коней на судное место на поле Куликове».

А уже диво кличет под саблями татарскими, а тем руским богатырем под ранами.

Туту щурове рано воспели жалостные песни у Коломны города на забралах. То ти было не щурове рано воспеша жалостныя песни, все всплакалися жены коломенския, аркучи таково слово: «Москва, Москва, быстрая река, чему еси у нас мужи наши залелеяла в землю Половецкую?» Аркучи: «Можеша ли, господине князь великий, веслы Непра зоградита, а Дон шеломы вычерпати, * а Мечю трупы татарскими запрудити? Замкни, князь великий, Оке реке ворота, чтобы потом поганые к нам не ездили, уже бо мужи наши рати трудили».

И нукнув князь Владимир Андреевич с правых руки на поганого Мамаю с своим князем Воыньским 70-ю тысящами, гораздо скакаше по рати поганым, златым шеломом посвечиваше. Гремят мечи булатныя о шеломы хыновские. И восхвалит брата своего: «Брате, князь Дмитрий, то ты еси у зла, тошна времени железная забрала. Не уставай, князь, с своими великими полки, не потакай лихим крамольником, поганые бо поля наша наступают, а храбрую дружину у нас стреляли. Уже бо брате, жалостно видети крови крестьянской».

Рече князь Дмитрий своим бояром: «Братья бояре и воеводы, дети боярские! то ти, братие, не ваши московския сластныя меды и великия места. Туту добудете себе места и своим женам. Туту стару помолодиться, а молоду ч[ес]ти добыти».

И тогда яко соколи отлетеша на быстрый Дон. То те не соколи полетеша за быстрый Дон, поскакивает князь Дмитрий с своими полки за Дон с всею силою. И рече: «Брате князе Владимире, туто испити медвеная чаша поведенье. Наступаем, брате, с своими сильными полки на рать поганых».

Тогда князь поля наступает. Гремят мечи булатные о шеломах хиновских, поганый покрыва руками главы своя. Тогда поганий борзо вспять отступиша от князя. Стязи режут, а поганий бежат. Руский сынове поля широкий кликом огородиша, золочеными доспехи осветиша. Уже бо встал тур на боронь.

Тогда князь полки поганых вспять поворотил и нача их бити гораздо, тоску им подаваше. Князи их падоша с коней. Трупы татарскими поля насеяша, а кровию протекли реки. Тутю ся поганий разлучишася борзо, розно побегши неуготованными дорогами в Лукоморье, а скрегчюще зубы своими и дерущи лица своя, аркучи: «Уже нам, братие, в земли своей не бывати, а детей своих не выдати, а катунь своих не трепати, а целовати нам зелена мурава, а в Русь ратью не ходити, а выхода * нам у руский князей не прашивати».

А уже бо востонала земля татарская, бедами и тугою покрывшася. Уныша бо царем их хотение и похвала на Рускую землю ходити, веселие их пониче. Уже руский сынове разграбиша татарская узорочья, доспехи и кони, воли и вельблуды, вино, сахар, дорогое узорочье, камки, насычеве везут женам своим. Уже жены руский всплескаша татарским златом. Уже бо по Руской земли простресе веселье и буйство, и вознесесе слава руская на поганых хулу. Уже вержено диво на землю. Уже грэзы великого князя по всей земли текут. Стреляй, князь великий, по всем землям. Стреляй, князь великий, со своею храброю дружиною поганого Мамай хиновина за землю Рускую, за веру христьянскую. Уже поганые оружие свое повергоша, а главы своя подклониша под мечи руский. Трубы их не трубят, уныша гласи их.

И отскочи поганый Мамай серым волком от своея дружины и притече к Кафы граду. И молвяше ему фрязове: «Чему ти, поганый Мамай, посягаеш на Рускую землю? То ти была орда Залеская, времена первыи. А не быти тебе в Батия царя. У Батия царя было 400 000 вою, воевал всю Рускую землю и пленил от востока и до запада. А казнил бог Рускую землю за согрешение. И ты пришел, царь Мамай, на Рускую землю с многими силами, с девяту ордами, с 70 князьями. А ныне бежишь сам девят в Лукоморье, не с кем тебе зимы зимовати в поле. Нешто тебя князи руский гораздо подчивали, ни князей с тобою нет, ни воевод? Нешто гораздо упилися на поле Куликове, на траве ковыли? Побежи, поганый Мамай, и от нас по Залесью».

Нам земля подобна есть Руская милому младенцу у матери своей, его же мати тешит [а рать лозою казнит, а добрая дела милуют его]. Тако господь бог помиловал князей русских, великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, меж Дона и Непра.

И стал великий князь Дмитрий Иванович с своим братом, с князем Владимиром Андреевичем, и со остальными своими воеводами на костех на поле Куликове, на речке Непрядве: «Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотри, иже лежат трупы крестьянские аки сенные стоги, а Дон река три дни кровию текла».

И рече князь великий Дмитрий Иванович: «Считайтесь, братия, колько у нас воевод нет и колько молодых людей нет». Тогда говорит Михайло Александрович, московский боярин, князю Дмитрею Ивановичю: «Государь князь великий Дмитрий Иванович, нету, государь, у нас 40 бояринов больших московских, 12 князей белозерских, 30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховских, 30 панов литовских, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских, 35 бояр володимеровских, 8 бояр суздальских, 40 бояр муромских, 70 бояр резанских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских, 60 бояр Можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецких. А посечено от безбожного Мамаю полтретья ста тысяч и три тысячи. И помиловал бог Рускую землю, а татар пало безчислено многое множество».

И рече князь великий Дмитрий Иванович: «Братия бояра и князи и дети боярские! то вам сужено место меж Доном и Непром на поле Куликове, на речке Непрядве. И положили есте головы своя за святые церкви, за землю за Рускую и за веру крестьянскую. Простите мя, братия, и благословите в сем вое и в будущем».

И пойдем, брате князь Владимир Андреевич, во свою Залескую землю к славному граду Москве, и сядем, брате, на своем княжение, а чести есми, брате, добыли и славного имени». Богу нашему слава!

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

*Сказание о Задонском бою, похвала великому князю Дмитрею Ивановичю * и брату его, князю Владимиру Андреевичю. * В лето 6888 (1380)-го*

Хощем, братие, начать поведати брань новые победы, како случися на Дону православным христьяном со безбожными агаряне * и како возвысися род христианский, а на поганых уничижение и посрами их суровство, яко же иногда Геден на мадияма * и православным Моисеем на Фараона. Подобае нам поведати величие божие, како сотвори волю боящихся его и како пособствова великому князю Дмитрею Ивановичю над безбожными татари.

Попущением Божиим и от навождения дияволя воздвижесе царь от восточных стран, именем Мамай, еллин сый верою, * идолом жрец и иконоборец, злый христианский укоритель. Вниде в сердце его подстрекатель диявол и научи его, како разорити православную веру и осквернити святые церкви и всему христианству потреблену быти, яко да не прославится имя господне в людех его. Господь же елико восхощет, то и сотворит. И он же, безбожный царь Мамай, нача рвением дияволим поносим быти. Поревнова скверному отступнику, царю Батю, и иному Улиану * возревнова, нача пытати от старых своих еллин, како той безбожный царь Батый пленил Рускую землю и како случися ему от них. И паки они сказаша ему все: како Батый пленил Киев и Володимер и всю Рускую словенскую землю, и великаго князя Юрья * и Василиска * убил, и многих князей православных изби, и вселенскую церковь златоверхую розграби.

И ослепе же очима и того не разуме, яко господу годен бысть, тако же бысть: яко же и во оны дни Иерусалим пленен бысть Навходносором, царем вавилонским, * маловерия ради, но господь же не до конца прогневается, ни во веки враждует.

Слышав же той безбожный царь от своих агарян и нача подвижен быти и дияволом палим¹ быти непрестанно, ратую на христианство и быв в себе и обретеса. Нача глаголати ко преступником, своим алпаутом, *² князем и воеводам, како и кождо сотворити, и рече в себе: «яко же Батый, дойду Руси и убью князя их, и которы град красный довлеет ми, ту сяду и верою рускою владети начну, тихо и безмятежно поживу». А не ведая того, яко рука господня высока.

По малех же днех по глаголах сих перевезеса великую реку Волгу * со всеми силами своими, и инии же многии орды к себе совокупи, и глаголя, яко обогатеем руским златом. И поиде же на Русь, яко лев рыкая и пыхая, яко неутолимая ехидна. Доиде же усть реки Воронежи, и распусти силу свою препочити, и заповедавая всем улусом своим: «Да ни един не паши хлеба, будите готовы на руские хлебы!»

Слышав же Олег, князь резанский, * яко царь Мамай воюет в поле на броду и хошет итти на великаго князя Дмитрея Ивановича московскаго, и послав Олег Резанский посла своего ко царю Мамаю с великою честию и со многими дары и ярлыки списа сицевым образом: «Восточному царю, вольному Мамаю, твой присяжник и посаженик, Олег резанский, много тя молит! Слышах бо, господине, яко хощешь на Русь итти, на своего служебника, на князя Дмитрея Ивановича московскаго, и угрози-тися³ ему. И ныне, господине, всесветлый царю, приспе время тебе: злата и богатства много. А князь Дмитрей крестьян чело-век, и яко услышит имя ярости твоея, то, царю, отбежит князь Дмитрей в великий Новгород или на Двину, а то многое богатство московское все в твоей руке будет и твоему великому войску. Мене же, раба твоего Ольга резанскаго, да пощадит, царю, твоя держава, аз бо тобою устрашаю Русь, твоим царским именем и князя Дмитрея Ивановича московскаго. И то, царю, еще ни едино: егда от своея обиды погрозих ему твоим царским именем и он о том о всем не радит, еще же и град Коломну * за себя взял. Того ради, царю, молю тя!»

А другаго посла скорого известника князь Олег резанский своим написанием к великому князю Ольгерду литовскому: * «Радуясь пишу тебе! Издалеча есми слышал московскаго князя Дмитрея изгонити, а Москвою владети. Ныне нам приспе время, яко великий царь Мамай грядет с силою своею. И ныне убо приложимся царю тому. Вем бо, яко царь даст тебе Москву, а иные же грады от твоея власти не отоимет, а мне царь даст Коломну, а Владимир град и Муром от моя власти. Аз бо

¹ В рукописи — хвалим.

² В рукописи — анаматом.

³ В рукописи — угрозились.

послах посла своего ко царю Мамаю с великою честию и дары многими. Еще ж ты пошли посла своего, яко и ты паки имаеши дары, и пиши к нему книги своя, елико сам веси паче мене!»

Ольгерд же, прочет таковое писание и слышав таковую речь, вельми рад бысть, елико захвали царя Олег резанский. И вскоре послав Ольгерд посла своего ко царю Мамаю с великими дары.

И мысляше Олег резанский и Ольгерд литовский: «Яко московский великий князь Дмитрий Иванович услышит нашу присягу ко царю Мамаю, то избежит с Москвы. А мы сядем на Москве и на Коломне. Егда же придет царь, и мы стретим его великими дарми и умолим его, и он возвратится вспять, а мы княжение московское царевым величеством разделим по себе». А не ведая силы божия и глумятся, яко младенцы.

Князь же великий Дмитрий Иванович московский, образ смирения мудрости нося и небеснаго царствия желая получитьи, а не ведый, яко совещаашася ближнии на нь.

Приидут же послы от литовского князя Ольгерда и от Ольга рязанского к безбожному царю Мамаю и принесоша ему великие дары и написанные книги. Царь же Мамай восприят дары с великою любовию, и разслышав написанные книги, и послов чествовав, и отпусти их, написав стречно противу ко Ольгерду литовскому и ко Ольгу рязанскому: «Хвалю вам на дарех ваших! А елико хотите Руские отчины, тем дарю вас, но толико присягнуть имейте ко мне и стретете мя своими силами, елико где успеете, да одолеем своего недруга. Мне бо пособие ваше и не надобно: аще бы аз своею силою хотел древний Иерусалим пленити, яко же халдеи,* кто бы мог укрытися от руки моя и от величества силы моя? И на чести вашей рад. Своим именем, а нашею¹ рукою распужен князь великий Дмитрий Иванович, огрозихся во странах ваших. Мне убо достоин царя победить подобна себе, прияти царская честь. Сице к своим рцыте!»

Послы ж возвратишася от безбожного Мамая, прииде коиждо² ко своему и сказаша им, яко «царь Мамай здравствует, вельми бо хвалит вам повелику». Они же несвершенным умом возрадовашася о суетнем привете безбожнаго царя. А не веды того, елико бог хочет, то и сотворит и власть дает. Ныне же едина вера и едино крещение к безбожному приложися гонителю на православную веру.

Олег же нача поспешествовати — к Мамаеву посылати послы: «Подвизатися, царю, скоро на Русь!»

¹ В рукописи — вашею.

² В рукописи — коиж.

Вскоре же князь великий Димитрий Иванович услыша, яко Мамай грядет со мною силою, посла в Боровск¹* по брата своего, по великого князя Владимира Андреевича. И розосла гонцы по всей Руской земли по вся местныя воеводы и бояре свои, повеле им вскоре к Москве к себе быти.

Князь же великий Владимир Андреевич в борзе прииде к Москве, и вси князи и воеводы съехашася.

Князь же великий Дмитрей Иванович поим с собою брата своего Владимира Андреевича, иде ко преосвященному Киприяну митрополиту* и рече ему: «Веси ли, отче наш, настоящую беду нашу, яко безбожный царь Мамай грядет на нашу православную веру с величеством вои своими и хочет нас разорити, рыкая яко лев?»

Митрополит же Киприян рече к великому князю: «Повеждь ми, княже, чем еси к нему неверному неисправился?»

Князь же великий Дмитрей Иванович прослезился и рече: «Вем бо, отче, воистинну свыше отца своего дары сугубы послал к нему по вся годы!»

Преосвященный же Киприян митрополит рече: «Видиши ли, княже, попущением божием, грех ради наших, хочет пленити Рускую землю. Но вам бо подобает, православным князем, таких нечестивых дарми утолити четверицею сугуб. Аще он того ради не смирится, то господь бог его смирит: „Гордым господь противится, а смиренным дает благодать“. И тако же случися в Кесарии отцу великому Василью,* яко злый отступник Ульян, иды к персом, хотел град его великий разорити. Отец же великий Василей со всеми христианы помолився господу богу и, собрав много злата, посла к нему, чтоб его свирепаго дарми утолити. Он же паче того восверипся. И господь посла воина своего Меркурья,* и Меркурий божиею силою изби отступника того со всеми силами. Ты же, господине, возьми злато и пошли противу ему».

Князь же великий Дмитрей Иванович избранного своего слугу, довольна смыслом, именем Захария Тютчева, послав его и дав ему два толмача, умеющих половецкому языку. И послав с ними много злата к безбожному царю Мамаю. Захарей же доиде земли Резанския и слышав, яко Олег резанский да Ольгерд литовский приложися ко царю Мамаю, и послав скоро тайника вестника к Москве, к великому князю Дмитрею Ивановичю.

Князь же великий Дмитрей Иванович, то слышав, и нача сердцем двизатися и наполнися слез и горести и нача молитися: «Господи боже мой! На тя надеюся правдою любящих.

¹ В рукописи — Бореск.

Аще ли враг пакости деет, то подобает ми противу их терпети, яко искони есть враг роду человеческому. Сие же друзи мои искреннии востаха на мя! Суди, господи, меж ими и мною. Аз пред ними ни единого зла сотворих, разве дарми и в любви. Но суди, господи, по правде моей, и да скончается злоба грешных!»

И поим с собою брата своего Владимира Андреевича и иде вторыи ко преосвященному Киприяну митрополиту и исповеда ему, како приложися к царю Мамаю Олег резанский и Ольгерд литовский. Митрополит же рече к великому князю: «Сам, господине, ты кою обиду сотворил?» Князь же великий прослезися и рече: «Аще пред богом грешен есмь, а к ним ни едины черты по отец своих закону не преступил. Веси ли, отче, яко сам я доволен отоки своими, а им кою обиду сотворил? Не вем бо, что оне злобою умножишася на мя». Пресвященный же митрополит Киприан рече к великому князю Дмитрею Ивановичю: «Господине, просветися очима и сердцем, и закон божий чти, и твориши правду, яко праведен господь правду возлюби. Ныне же обидоша тя, яко пси мнози, ты же именем господним противися им. А от всевидящаго ока его и крепкие руки его где можеша изыти?»

Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своим, князем Владимиром Андреевичем, и со всеми рускими воеводы здумаха, яко твердо сторожу послати в поле. И послаха в поле на сторожу избранных крепких оружников — Родиона Ржевского, Якова Волосатого, Василья Тупика и иных крепких витязей. И повеле им у Тихой Сосне * стеретчи и под Орду ехати и языков добывати и истинну слышати царева хотения. А сам великий князь Дмитрий Иванович по всей Руской земли розосла гонцы ко всему войску. «Да готови будете на брань з безбожными агаряны; в совокупление все на Коломну на Успенев день пресвятыя богородицы».

Ты же стражи в поле замедлиша. Князь же великий Дмитрий Иванович посла вторую сторожу в поле — Климентия Полянина, Григорья Судока и иных многих с ними и заповеда им, яко вскоре возвратитися вспять с вестию. Они же стретиша Василья Тупика, ведуща языка к великому князю Дмитрею Ивановичю. Той же язык царева двора. И поведаша язык к великому князю Дмитрею Ивановичю, что неложно идет царь на Рускую землю и како приложися к нему Олег резанский и Ольгерд литовский. Но не спешит бо царь на Русь ехати того ради — ожидает осени.

Слышав же то великий князь Дмитрий Иванович неложную ту весть и нача подвижен быти и крепити брата своего князя Владимира Андреевича и вся руския князи и рече им:

«Братия моя милая, гнездо есми великаго князя Владимира Киевскаго, иже изведе нас от закона еллинскаго. Ему же откры господь бог познати православную веру, он же заповеда нам ту веру крепко блюсти. Аще кто сия веры постражет, и тот во оном веце со святыми будут. Аз же, братие, с вами хошу пострадати, за православную веру главу свою положить!»

Князь же Володимир Андреевич и вси князи рускии и воеводы рекоста: «Мы с тобою готови умрети, главы свои положить за тя и за твою великую обиду!»

Князь же великий Дмитрий Иванович слышав то от брата своего и от всех русских князей, яко дерзают поборати, и повеле со всея Руския своя земли войску своему быти на Коломну, яко да переберут полки и коемуж полку воевод уставят.

И приидоша к Москве белоозерские князи: * Феодор Семенович да князь Семен, да князь Андрей Иванович киевский, да князь Глеб Каргапольский с вои своими вельми учрежено — доспехи на них и шеломы, яко вода колышет морскими волнами. По числу же с ними приидоша белозерские и каргопольския силы 30 000.

И приидоша ярославские князи своими силами: князь Андрей, да князь Роман Прозоровский, да князь Лев Курпский, * да князь Дмитрий Ростовский и инные многие князи.

Тут же, братие, на Москве по всем улицам стук стучит и гремит от золотых доспехов и от гремечих цепей. И сильно бо войско великаго князя Дмитрия Ивановича: не токмо что во дворех, но и дале, около Москвы, не вместитися силы.

Князь же великий Дмитрий Иванович поим с собою брата своего князя Владимира Андреевича и иных многих православных князей, поиде к живоначальной Троицы и ко преподобному игумену Сергию * благословения от него получитьи. И моли его преподобный Сергей, чтоб великий князь Дмитрий слушал святую литургию. И приспе праздник святых мученик Флора и Лавра. И моли его святей вкусити хлеба у святых обители. Великому же князю Дмитрию Ивановичю приидоша вестницы, яко приближается поганый. Моли преподобнаго, дабы его отпустил. И вкусив хлеба и нача у преподобнаго благословения просити. Преподобный же во время обеда воду святити повеле с мощей святых Флора и Лавра. Князь же великий востав от трапезы, преподобный же окропи его святою водою и все христолюбивое его войско и дает великому князю знамение — крест Христов. И рече ему: «Поиди, господине, нарекий бога, господь бог будет ти помощник и заступник!» И рече ему преподобный тако: «Имаши, господине, победити враги своя!» И рече ему князь великий Дмитрий Иванович: «Преподобный отче Сергие, дай же ми от полку своего два воина — старцов Пересвета и брата его Ослябя, * то и сам с нами пособствуеши!»

Преподобный же Сергей повеле има уготовитися, яко ведоми суть ратницы. Они же скоро послушание сотвориша, надеша на ся во оружия место схиму. И даст им нетленное оружие — крест Христов, и даст в руке великому князю Дмитрию Ивановичу и рече: «Суть мои оружныи!» И рече: «Мир вам, братие, постражите за веру православную!» И подаст православному войску Христово знамение и мир и благословение.

Князь же великий Дмитрий Иванович обвеселися сердцем и не поведи никому же, еже рече старец. И иде к Москве. И, взя с собою брата своего князя Володимера Андреевича, иде ко преосвященному Киприяну митрополиту и поведи ему единому, еже рече ему старец. Митрополит же то слово преподобного хранити повеле и никому же поведати.

Приспевшу же четвертку на память святого отца Пимина, восхоте великий князь Дмитрий Иванович изыти противу поганных. И взем с собою князя Владимера Андреевича и идет в церковь в собор святых Богородицы. И ста пред образом владыки господа нашего Исуса Христа, пригнув руке свои к персем своим, проливая источник слез своих, молящася и глаголя: «Владыко страшный и крепкий! Воистину еси царь славы, помилуй нас! Егда унываем и к тебе прибегаем: никого помощником в скорбех не имамы разве тебя, бога своего. Не остави нас, владыко, и не отступи от нас! Суди, господи, суди обидящих мя и возбрани борющихся мя! Приими, господи, оружие и щит и востани в помощь мою, даждь ми, господи, на суд¹ противные, и познают славу твою!»

И паки прииде к чудотворному образу владычицы нашей Богородицы, ея же написа Лука евангелист,* и прослезися и рече: «Царице, владычице, госпоже всея твари, человеческая заступнице! Тобою бо познахом истинного бога нашего воплощшагося и рождшагося от тебе. Не дай, царице, в разорение града нашего поганым, да не осквернят святых церкви твоя! И моли сына своего, господа бога нашего, госпоже, смирити² врагом сердца их, да не будет рука их высока! Покрый нас своею нетленною ризою, да нестрашливы будем к ранам. На тебя надеемся и на твою помощь на противныя враги своя! Подвизаюся противу безбожных печенегов, да будет тобою умолен сын твой и бог наш!»

И паки прииде ко гробу чудотворца Петра митрополита Московского* и всея Руси, любезно к нему припадая и, моляся, глаголя: «О чудотворец Петр! Моли бога и владыку нашего. Тебя господь прия последним роду нашему. Тебе моли-

¹ В рукописи — на суде.

² В рукописи — смири им.

тиса подобает о нас и просити у господи милости — да не придет на нас рука смертная! Ты бо еси страж наш от супротивных!» И скончав молитву и поклонився преосвященному Киприану митрополиту. Митрополит же его благослови и отпусти. И даст ему знамение — крест Христов. И послав соборные священники и весь клирос з живоносными кресты во Фроловские и в Никольские и в Костянтиновские ворота, * да всяк воин благословен будет.

Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своим с князем Володимером Андреевичем иде во церковь небеснаго воеводы архистратига Михаила * и поклонися святому образу его и приступиша ко гробом православным руским князем и рекуще: «Истинны есте православным хранители и поборники! Аще имаете дерзновение у владыки господи нашего, то помолитесь о нашем унынии! Зрите убо, яко велика ныне предлежит беда наследия рода вашего. Ныне подвизайтесь с нами!» И се рек, изыде из церкви.

Княгиня же великая Евдокия со снохою своею, князя Володимеровою княгинею, * и со многими боярыни и с воеводскими женами тутю стояше, слезы проливающе и проводы деюще и сердцем восклицая и рыдая, смотрячи на великаго князя Дмитрия Ивановича вся Русии, и кояждо княгиня и боярыня по своем князе и боярине. И даст великая княгиня Евдокия великому князю Дмитрею Ивановичю конечное целование и протции княгини и боярыни со всеми князи и бояре целовашеся и возвратишася с великою княгинею в хоромы.

Князь же великий Дмитрий Иванович одва удержашася от слез народа ради, а сердцем слезяше.¹ Но утешаше великую княгиню Евдокию и рече: «Аще господь по нас, то никто же на ны!»

Князь же великий Дмитрий Иванович всед на конь свой избранный, и вси князи и воеводы на кони своя тако же посели. Солнце же ему на востоце сияет, путь ему поведает. И выехаша из города каменнаго Москвы * во все трои ворота: во Фроловские и в Никольские и в Костянтиновские. И всяк воин благословен крестом во вратех и водою святою освящен. А князи белоозерские со всеми силами своими выехаша, изрядно посмотретьи учреждение их!

Князь же великий отпусти брата своего, князя Владимира Андреевича, с силою своею на Брашеву * дорогу, а князи белоозерские пошли Коломенскою дорогою мимо Симонова монастыря, * а сам князь великий пошел на Котел дорогою * со всеми силами своими. Спереди ему солнце возсияет, а позади его тиху

¹ В рукописи — слезящи.

ветру дышушу. Сего ради князь великий разлучися з братом своим, яко не вместитися итти единою дорогою силы ради.

Княгиня же великая Евдокия со снохою своею, со князя Володимеровою княгинею и с воеводцкими женами вниде во свои набережныи хоромы * и сяде на рундуце под окном и видя великаго князя Дмитрея Ивановича грядуща лугом подле Москвы реки. Конечно зрит на него и слезы проливающе и сердцем рыдая, яко же сердечными быстрины побивают. И зшиб руже свои к персем своим и рече: «Господи, владыко человеколюбец! Призри на смирение мое и сподоби мя еще видети государя своего славнаго во человецех, великаго князя Дмитрея Ивановича всея Руси! Дай же ему помощь от крепкие руки твоя победити враги своя. Не сотвори, господи, такоже, яко за мало сего брань была на Калках * крестьяном со агаряны. От толикия беды спаси, господи, и помилуй! Не дай же, господи, погибнути! Мы же ни на кого же надежи не имамы, елико надеемся на милосердие твое. И толико имею две отрасли еще малые: Василия да Георгия Дмитриевичев. * Да поразит их солнце с юга или ветры повеют противу запада, оба его терпети не могут,¹ что тогда сотворю? Но возврати им, господи, по здорovu отца их, то царствуют во веки!»

Великий же князь Дмитрей Иванович поим с собою с Москвы десять мужей, гостей сурожан, * видения ради. Что ся случит, и оне имут поведати в дальных странах. И подвизася князь великий по велицей широкой дороге. А по нем сынове руский грядут спешно, яко медвенны чаши пият.

Князь же великий Дмитрей Иванович прииде на Коломну августа в 28 день, на память святаго отца Моисея Мурина. Тутю же бысть собранные все воеводы и белоозерские князи, и стретиша великаго князя на Сиверке, * и епископ же коломенский Галасий * стрете его во вратех градных во освященной одежди с крылосом, з живоносными кресты и осени его крестом и молитву сотвори: «Спаси, боже, люди своя!»

На утрия ж князь великий Дмитрей Иванович повеле воеводам возитися за город к Девичью на поле, во святую неделю. Повеле во все трубы играти и в варганы бити. Сынове же руский наступиша на поле великое, на Коломенское. Неудоб очима зрети величества войска московскаго.

Князь же великий Дмитрей Иванович поим с собою брата своего, князя Володимера Андреевича, выеха на поле и виде много множества войска своего и возрадовася душою и сердцем и учреди коемуждо полку воеводу. Себе же прием в полк белоозерских князей, правую же руку учреди брата своего князя Володимера Андреевича и дав ему в полк ярославских князей, а

¹ В рукописи — яко же что.

левую руку учреди князя Глеба Брянскаго, * передовой же полк урядив Дмитрея Всеволодича Холмецкаго, * сторожевому же полку воеводу учреди Микулу Василевича, * да Тимофея Валуевича, * да Ивана Родионовича Квашня Углецкой. * А у князя Володимера Андреевича в полку воеводы Андрей Черкисович, * Данил * да Костянтин Конович, * да князь Феодор Елецкий, * князь Георгий Мещерский, князь Андрей Муромский. *

Князь же великий Дмитрей Иванович урядив полки и повеле им Оку реку возитися и заповедав коемуждо полку, воеводам и всем ратным, яко, идучи по Резанской земли, ни ко единому власу коснутися.

Сам же великий князь Дмитрей Иванович, прим благословение от коломенского архиепископа и перевезеся Оку реку, отпусти в поле третию сторожу избранных витязей, яко да тии купно видятца [с] стражми татарскими, а воевода пошел Семен Мелик.

Рече же князь великий Дмитрей Иванович брату своему Володимеру Андреевичю: «Поспешим, брате, противу поганых и не утаим¹ лица своего от безстудных. Аще смерть прилучится нам, то вкупе общую чашу примем!»

Идый же путем своим и призывая сродники своя на помощь, святых страстотерпец князей русских обою братии по плоти Бориса и Глеба, * нареченных во святом крещении Роман и Давыд.

Слышав же то Олег, князь резанский, яко московский иде великий князь Дмитрей Иванович совокупися со многими силами и грядут во стретение к безбожному царю Мамаю. И нача Олег блюстися, с места на место переходити со единомысленники други своими и рече: «Аще бы нам послати весть ко многоразумному Ольгерду литовскому, то како он имает мыслити? Яко же чаях — князь великий Дмитрей Иванович московский по прежнему сотворит, яко не подобает московским князем противу восточнаго царя стояти. Ныне же не разумею,² откуда ему прииде помощь, яко противу трех нас вооружатися хочет?» И рекуще ему бояре его: «Нам, господине княже, за 15 дней поведали, что есть в вотчине его калугер, имя ему Сергей, вельми прозорлив, тот его³ вооружи и от своего монастыря даст ему пособники калугеры». * Олег же възъярився на бояр своих и рече: «Почто вы мне того прежде сего не поведали? То бы аз шед умоли нечестиваго царя, да ничто ж бы зло сотворилося. Горе мне, окаянному, не токмо отчину свою потерял, но и душу свою погубил! Но горе окаянному, яко Святополка земля мя пожрет, * како аз закон имею истиннаго бога, а на православную веру опол-

¹ В рукописи — утолим.

² В рукописи — разуме.

³ В рукописи — есть его.

чихся с нечестивыми. Ольгерд бо литовский закон имея гугниваго Петра, аз же крещением огражен. И ныне бы аз возвратился к великому князю Дмитрею Ивановичю московскому, но не примет мя, вестъ бо измену мою к себе!» Нача плакати горько и рече: «Воистинну великому князю Дмитрею Ивановичю бог поможет за его правду и молением оного старца Сергия московскаго чюдотворца!» И повеле Олег бояр своих казнити, занеже ему подвига великаго князя не поведали.

Ольгерд же литовский по преже реченным книгам Ольга резанскаго совокупи много литвы из различных земель, поиде на помощь к Мамаю царю. И прииде ко Одоеву* и слыша, яко великий князь Дмитрий Иванович московский грядет со многими силами противу царя Мамаю. И послышав, что Олег резанский убоялся, и Ольгерд литовский став на едином месте, не смея никуда итти. И нача разумети суетный свой помысл и подвиг, и видево совокупление свое розно, и нача сердцем скорбети и рече: «Елико человеку не достанет своего разума, то всею чюжую мудрость требует. Николи бо Литва от Резани учения [не] принимала, ныне же Олег изведе мя из ума, а сам паче меня погиб! Яко же ныне пребуду zde, дондеже услышу победу великаго князя Дмитрея Ивановича!»

Сынове же Ольгердовичи,* князь Дмитрий Полоцкий, да князь Андрей Брянский, услышавше, яко великая беда належит великому князю Дмитрею Ивановичю московскому и всему православному христианству от безбожнаго царя Мамаю, и послав князь Андрей Ольгердович брянский вестника ко брату своему, ко князю Дмитрею Ольгердовичю полотцкому: «Слыши, брате, яко велика беда належит на великаго князя Дмитрея Ивановича московскаго, — идет его пленити восточный царь, безбожный Мамай, на Рускую землю. Отец наш, великий князь Ольгерд литовский, вместе совокупилися з безбожным на православную веру. Мы же, брате, с тобою единовернии, огражены святым крещением.* От отца верою отойдохом, а отец наш от себе отверзе, но паче господь бог присвои к себе, дав нам закон ходити по нему. Воспомани, брате, писание святаго Евангелія: „друг другу тяготы носите и тако скончаєте закон Христов“. Ныне же, брате, соберем воя своя, яко же под собою имеем, и поидем на помощь к великому князю Дмитрею Ивановичю московскому. Аще нам случится смерть воспріяти за православную веру и за его великую обиду, то общую чашу примем с великим князем Дмитрием Ивановичем!»

Дмитрей же Ольгердович писание прием от брата своего князя Андрея Ольгердовича и нача радоватися и плакати от радости и рече: «Владыко, господи человеколюбец, дай же рабом твоим совершити хотения своя. Открыл еси, владыко, брату моему подвиг!»

И по малу времени совокупися два брата брянские своими силами с тритцатю тысящами и скоро из Брянска поидут на помощь * к великому князю Дмитрею Ивановичю московскому. И встрете их бортник и поведат им великаго князя Дмитрея Ивановича московскаго — стоит близко Дону, ожидает поганых. И поидоша на Северу дорогу, обходят кругом отца своего, да не прогневаеца на них отец: дабы не возложил на них клятвы. Господь же поспешествует путем. И приидоша скоро на Дон ко великому князю Дмитрею Ивановичю московскому. Князь же великий Дмитрий Иванович, не доехав Дону, стоит на месте, нарицаемем Березы. *

И слышав князь великий Дмитрий Иванович, яко приидоша к нему на помощь литовский Олгердовичи с вой своими, взем брата своего князя Володимера Андреевича и ста на едином месте и возрадовася великою радостью и слезы радостью проливающе, яко быстрины, и рече: «Владыко человеколюбче, сотворитель небу и земли, содетель всея твари, неизреченная твоя милость к нам, яко дети отцов своих оставляют — приидоша к нам на помощь нашу!»

И встрете их князь великий Дмитрий Иванович з братом своим с великими дары и охавився с ними и целоваху друг друга со слезами, и рече князь великий: «Братия моя милая, коея ради потребы приидоста ко мне? Аз убо разумею, яко не меня ради приидосте ко мне, но господь бог посла вас в путь свой. Воистинну ревнители есте отца нашего Авраама, яко тако вскоре Лотови поможе!» * И седе с ними купно в шатрах за трапезою и посла скоро вестника к Москве, ко преосвященному митрополиту Киприяну и к великой княгине Евдокии, «яко приидоша ко мне на помощь литовский князи Олгердовичи со многими силами, а отца своего оставиша».

Скоро ж вестник прииде к Москве. Слышав же то, митрополит Киприян, востав, прослезися и нача молитву творити: «Господи, владыко, царю человеколюбче, яко сопротивнии наши ветри на тихость приложилися!» И посла скоро во все соборныя церкви и во все обители и повеле молитву творити день и ночь и чернецем поститися и церквам молебны пети.

Великому князю Дмитрею Ивановичю со всем войском вой своими стоящу на Березе 20 поприщ * от Дону, ожидая ис поля вестников. Приспѣвшу ж дни сентября в 5 день, на память убийства великаго князя Глеба Володимировича, приехала из поля два сторожа: Петр Горский да Карп Алексиев, привелоша языка — человека царева двора. Той же язык поведат, что уже царь стоит на Кузмине броду. Того ради не спешит, ожидает Ольга резанскаго и Олгерда литовскаго к себе во стретенье, а московскаго собрания царь не ведает, ни встретиения не чает.

Князь же великий вопроси у языка о величестве силы царевы. Язык же рече: «Никому же бо силы его не исчести, много множества. А будет царь на Дон в третий день после сего дни».

Князь же великий Дмитрий Иванович нача думати з братом своим, со князем Володимером Андреевичем, и с литовскими князи Ольгердовичи: «Зде ли быти, или Дон перевеземся?» Рекуще же Ольгердовичи: «Государь, князь великий Дмитрий Иванович, аще хоцещи крепку войску быти, то перевеземся Дон, то ни един вспять не мыслит, но все вкупе общую чашу восприимем! В приидущих, государь, летех Ярослав реку перевезеся, Святополка победы,* Великий Александр перевезеся, римскаго короля победы с похвалою пришедшаго.* Тебе же, великому князю, тако ж подобает творити. Но аще победим их, то все честь восприимем, но аще умрем, то все общую чашу восприимем от князя и до боярина и до простых людей!»

Князь же великий Дмитрий Иванович повеле воем своим Дон возитися и повеле войско свое все исчести. Князь же Федор Семенович Висковатой, московской большей боярин, говорит великому князю Дмитрию Ивановичю: «У тебя, государя, у великаго князя Дмитрия Ивановича, в полку в большем войска 70 000». Правыя же руки говорит брат его князь Володимер Андреевич Боровский: «У меня, государь, в полку 40 000». Левыя же руки воевода, князь Глеб Брянский, говорит: «У меня, государь, в полку войска 30 000». Сторожевого же полку воевода Микула Васильевич, да Тимофей Волуевич, да Иван Родионович Квашня Углецка говорит: «У нас, государь, в полку 34 000». Передового же полку воевода, князь Дмитрий Володимерович Холмецкой, говорит: «У меня, государь, в полку 25 000». А в ертовулах * большей стати дворян и выборных голов 20 000. А с литовскими князи Вольгердовичи пришло силы 30 000. Да мелкие статьи людє и за кошами было у кормов у всего войска 20 000.

Того же дни приехали из Великаго Новгорода посадники Яков Иванов сын Зензин да Тимофей Костянтинович Микулин к великому князю Дмитрию Ивановичю на помощь, а с ними прииде наугороцкие силы 30 000 князей и бояр и всяких людей.* Рад же бысть великий князь Дмитрий Иванович и биша челом посадником и целоваша их с великою радостию: «Воистинну есте дети Аврамли, яко [в] велицей беде мне есте пособници!»

Вестницы ж ис поля прискоряют, яко приближающа погании агаряне. И поведают языцы, яко всей силы татарские со царем Мамаем восемь сот тысяч.

За многи ж дни около поля Куликова приидоша мнози волцы, воюще безпрестани день и ночь. Мнози ж слеташеся вранове и галицы неумолкающе и кричаху. Мнози же от устья Дону слеташе орли, клекчюще и кричаху, ждуще грознаго побо-

ища, во нь же имат пасти труп человеческий, а кровопролитию, аки морской воде. От такового страху и великие беды древа преклоняются и трава по земли постилаетца. Мнози же от такового страху в полцех унывающе, ждут смертнаго часа. Вестницы же приспороют, яко приближаютца погании.

Сентября в 7 день, в шестый час прибежа Семен Мелик з дружиною своею. По них же гонишася татарове, толико безстудно гонишася, но о руский полки ударишася и, видев силу рускую, возвратишася вспять. И възвехаша на высоко место и ту видевше полки руския. Божию милостию, погибели ради поганных, показася им рускаго войска безчисленно множество и доспешно, аки морской воде колыбашеся. И скоро возвратишася и поведаша царю, яко князи руский ополчишася и приидоша и стоят при Дону и не бе сметити войска их.

Он же, нечестивый царь, слышав то и разжен дияволом на свою пагубу и крикнув напрасно, испусти глас свой великий: «Такова ли сила моя, но аще сила моя сего не одолеет, то како имам возвратитися во свою великую орду!» И скоро повеле всему войску своему вооружитися и на кони своя посести. Аще бы ему мочно, то не доехав бы побил православные веры христьян!

Семен же Мелик поведи великому князю Дмитрию Ивановичу, яко «царь Мамай приехал на Гусин брод, только единая ночь от нас, наутрие же они будут на Непрядву реку. * Тебе же, великому князю, подобает исполчитися и готову быти!»

Великий же князь Дмитрий Иванович з братом своим, со князем Володимиром Андреевичем, и с литовскими князи Ольгердовичи начаша от шестаго часа полки учрежати. Некто же приеде воевода с литовскими князи, именем Дмитрий Вольнец, * нарочитый полководец. Вельми полки учреди по достоянию — елико где кому подобает стояти.

Князь же великий Дмитрий Иванович поим с собою брата своего Володимера Андреевича и литовских Ольгердовичев и, зъехав на высоко место, видев во всех своих полцех знамена пашутца и стези ревут, простирающесе аки облацы, тихо трепещуще, хотят промолвити. Доспехи же руские аки вода морская от ветра колыбашеся, а шеломы на головах — яко златом утренняя заря во время ведра светящесе. Еловцы же шеломов их аки пламень огнен. Мысленно бо видети и ужасно зрети таковых русских сынов собрание и таковых учреждение. Все бо един за единого хотяще умерети и вси бо единогласно глаголюще: «Боже святой, призри с высоты святые на ны и даруй православному князю нашему, яко Костянтину, * победы на варвары!»

Сему же удивишася литовский князи и рекуше себе: «Не видихом бо такового войска, ни слышахом, ни по нас таковое войско не будет, подобно сугь макидонскому войску!»

Князь же великий Дмитрий Иванович сшед с коня своего и пад на землю главою своею против великаго полку чернаго знамени, на нем же вышит образ владыки господа нашего Иисуса Христа, и воздохнув из глубины сердца своего и нача со слезами молиться: «Владыко вседержителю, зри смотреливым своим оком на люди своя, иже твоею десницею сотворени суть и твоею кровию от работы искупленны! Ныне, владыко, обрати лице свое на нечестивых, иже творят пакость рабом твоим. Молюся образу твоему святому и пречистой его матери и твердому неборимому молебнику, русскому святителю Петру чудотворцу, и преподобному старцу Сергию. На их же молитвы надеяся, смею призывати имя твое святое владычне!»

По молитве востав от земли, сед на конь свой и поехав по полком и рече воеводам и бояром своим и всему войску: «Братия моя милая, от мала и до велика! Сия ночь приспе, и день грозный приближается, мужайтесь и да крепитесь, господь с нами во бранех силен. И zde пребудем кождо на местех своих не мятущеся: утре бо тако вскоре не учредити — уже бо гости наши близко грядут, на реце Непрядве, утре бо имам все общую чашу пити и поведеные чары. Уповайте на бога жива, да буди мир вам. И простите мя, братие, в сем веце и в будущем, не вемы аще что случится над нами!»

И отдав конечное целование всем воеводам своим и бояром и всем местным князем и з братом своим со князем Володимиром Андреевичем целовахуся и отпусти его вверх по Дону в дубраву, * а с ним отпусти войска 40 000 и повеле им тамо утаитися от полков. Да с ними же отпусти известнаго воеводу Дмитрея Волынца.

Уже бо ночь приспе светоноснаго праздника рождества пресвятыя Богородицы, и бысть тоя нощи велия теплота и тихость.

Рече же Дмитрий Волынец великому князю Дмитрею Ивановичу: «Сяди, государь, на конь свой!» И выехав на поле в полночь и ста посреде обоих полков, русаго и татарскаго, и обратишася на полки татарския и слышав в них крик и шум и стук велик, аки торги сымаются, позади же их волцы воюще грозно вельми, по десной же стране вороны грающе и орли кличюще, по реце же Непрядве гуси и лебеди крилами плещуще, необычную грозу подающе. Рече же Волынец великому князю Дмитрею Ивановичю: «Что, государь, слышишь?» «Слышу, брате, грозу великую и вижу над полки своими огненную зарю сымающеся». Рече же Волынец: «Добро, государю, знамение сие!»

И сниде Волынец с коня и припаде к земли на десное ухо и лежа на долг час и, встав, пониче главу. И рече великий князь: «Что суть примета твоя?» Он же не хотя сказати. Князь же великий нудив его, да поведает. Рече же Волынец: «Скажу ти, государь. Едино на пользу, а другое скорбно: слышав бо землю

плачущу надвое — единая страна плачет яко некая жена старая еллинским языком по чадах своих, а страна другая плачет аки некая девица, единожды просипела, аки в свирель плачевную. Я же множество приметы испытал. Яко ныне побеждение поганых и будет и падение много крестьяном, но будет, государь, твоя рука высока! Никому, государь, в полках не поведай того». Слышав же то, князь Дмитрий Иванович нача плакаться: «Тако буди воля божия!»

В ту же ночь некто муж етер, разбойник, именем Фома, стоях на сторожи крепце от поганых. Повеле ему бог провидити знамение. И виде от восточныя страны с небеси грядуща велицыя полцы светлы, аки огонь сымашеся з зарею, а от полуденныя страны из облака приидоша два уноши, светлы лицем, имущи во обеих руках мечи остры. И зря на татарскую силу, рекуще полковником: «Кто вам повеле требити Отечество наше? Сии грады поставление прадед наших!»¹ Оттоле же той разбойник уверен бысть.

Приехав в полки, поведа великому князю Дмитрею Ивановичу приведение то. Князь же великий Дмитрий Иванович рече же ему: «Да никому того не поведай!» Сам же князь, возрев на небо, нача плакаться, глаголя: «Господи владыко человеколюбче, молитвою святых мученик помози ми, яко же и Моисею на Аммалика и первому Ярославу на Святополка и прадеду моему Александру на хвалящаго короля римскаго.* Ныне же, владыко, не дай нас врагом нашим в разорение, да не поражаются и не рекут — где есть бог их? Но помози, господи, христианом, ими же величается имя твое святое!»

На утрии же день, на восходе солнца бысть утро мгляно, не видети полков. И нача во всех полках русских стези простираться и трубы многие гласити. Кони же руския укрепишася трубами. Койждо под своим знаменем полки же руские грядут тихо и немязежно, яко медвяныя чаши пити. Наставшу же второму часу, и начаша от обеих стран трубы гласити и сниматися. Татарские же трубы онемеша, а руские утвердишася. Полком же еще не видети друг друга, занеже мглянно есть. От такового обоих войска поле Куликово* прогибашеся и реки из мест своих выступиша, яко же бе николи же толиким людем быти на поле Куликове. Великий же князь Дмитрий Иванович воздевал на себя доспех булатный и всед на конь свой на избранный и, ездя по полком, глаголюще со слезами: «Братия моя милая, бояре и воеводы и вся местныя князи от мала и до велика, господа ради и святых ради церквей и за православную

¹ Здесь дефект данного варианта. В основном списке основной редакции читаем после этих слов такую фразу: «И начаша их сеци и всех изсекоша, ни один от них не избысть».

веру подвизайтесь, се бо не смерть есть, но живот вечный, ничто ж земного в себе не помышляйте, но венцы победными увяжемся!»

Утвердивше полки, прииде под свое великое знамение и всед на иной конь свой и совлече с себя приволоку свою и во иную облечеса. Той же конь свой даст под князя Михаила Андреевича Брянского* и приволоку свою на него же возложи — занеже любим ему паче меры, и то великое знамя повеле над ним возити. И под тем знаменем убиен бысть Михаил за великаго князя.

Князь же великий Дмитрий Иванович ста на месте своем, яко един от воин, положи руку свою в недра свои и возьме животноносный крест, на нем же изображение страсти Христовы, и восплакася горько и рече: «Владыко господи человеколюбче, на тя надеюся! Удиви на мне, рабе своем, милость свою». В то ж время приидоша к нему книги от преподобнаго старца Сергия игумена. В книгах же бе написано: «Великому князю Дмитрию Ивановичю и князю Володимеру Андреевичю и воеводам и бояром и всему православному войску от старца Сергия мир вам и благословение!»

Князь же великий Дмитрий Иванович слышав такое писание от преподобнаго старца Сергия и целовав посланника того с книгами. Слуга ж от преподобнаго подаст хлебец великому князю, и князь же великий Дмитрий Иванович протер руже свои на небо и рече: «Святая богородица, помогай ми молением старца Сергия!» И прием копию свою и взем палицу железную и подвижеся ис полков от горести душа своя и восхоте сам преж всех почати битися за свою великую обиду.

Многие же русские князи и бояре одва удержаше его и возглашиша вси едиными усты: «Не подобает тебе, великому князю, самому битися. Тебе, государю, подобает стояти на едином месте, молити бога и рассмотреть, како хто пред тобою службу ставит и кому же за его службу и кровь даровати. Мы ж, раби твои, головы за тя, государя, рады скласти. Аще будем живы, а тебя, государя, не будет, то с кем будем и от кого нам честь восприняти? И будем разгнаны, аки овца от волков не имый пастыря».

Князь же великий Дмитрий Иванович прослезися и рече: «Братия моя, сынове рускии, хошу главу свою положить преж вас от горести душа своя и за свою великую обиду. Аще ли умру, с вами, аще ли жив буду, с вами же!»

Передовой же полк, князь Дмитрий Володимирович Холмецкой с вой своими, подвижеся противу безбожных. Левы же руки, князь Глеб Брянский с вой своими грядут противу безбожных татар. Сам же безбожный царь Мамай с тремя своими ординскими князи въехав на высоко место и зряще кровопролития человеческого. Погании ж силы бредут оба пол, без числа, аки

стадо свиное,* не буди им где разступитися, сами ж меж себя в тесноте задыхахуся.

Ис полку же татарского выде печенег муж велик бо, мужеством подобен древнему Голияфу.*¹ Ис передового же полку Троецкой старец Пересвет виде того злаго печенега и возложив на главу свою схиму вместо шелома и взем в руку за оружия место крест Христов и рече: «Сей человек ищет себе противника, я же с ним готов братися!» И рече: «Преподобне отче Сергие, моли бога за мя! Отцы и братия, простите мя! Ты ж, брате Осяба, моли бога за мя!» И подвигся ис полку и напусти против того злаго печенега и ударишася крепко, и одва под нима место не проломилось, и оба спадоша с коней на землю мертвы.

Наставшу ж часу третьему дни, руские ж полки, передовой полк и левы руки и сторожевой полк, все вкупе сступишася с татарскими полки и кликнувша единым гласом: «С нами бог, помози нам над враги нашими!» И сступишася крепко бьющеся. Не токмо оружием биющеся — и сами меж себя разбивахуся.

Князь же великий Дмитрий Иванович, не терпя видети кровопролития человеческого, и своим большим полком надвигнуша на поганных и вси полки его, опричь князя Володимерова полку, и бьющеся крепко. От мечнаго сверкания яко солнце противу зари блистаяся, и от копейнаго ломления стук велик аки гром, и от великия тесноты задыхахуся. Не мочно вместитися на поле Куликове, еще ж место тесно: поперег поля Куликова 30 верст, а в длину 40 верст. На том же поли сильнии полцы ступишася, яко не мочно зрети такового побоища: во един бо час, о, колико тысяч погибло на поле Куликове! Выступили езера кровавыи, и струи кровавыя течаху. От такового грознаго побоища и величества силы поле Куликово прогибашеся и реки из мест своих выступили!

Наставшу же шестому часу дни, божием попущением, а по нашему согрешению начаша погании одолевати православных христиан. Сынове же рустии аки дубравая трава под конскими копытами постилаются. Самого же великого князя Дмитрия Ивановича уязвиша вельми, и уклонися князь великий на десную страну под гору, сердцем рыдая. Погании ж отовсюду обступиша, а христьянстии полцы оскудеша.

Видев же то князь Володимер Андреевич, — великую победу крестьянскую, — и рече Дмитрию Волыңцу: «Брате Дмитрий, что польза нашему стоянию, кому уже помощь имама? никого не будет!» Рече Волыңец князю Владимиру Андреевичю: «Еще, господине, не приспе время години нашей! И пождем мало до времени, в он же час приидет, отдадим воздарие седмерицею!»

¹ В рукописи — Голияду.

Князь же Владимир Андреевич прослезился, воздев руце на небо: «Боже отец наших, сотворивый небо и землю, не дай, владыко, врагом нашим обрадоваться об нас. Мало показнив, много помилуй, много бо еси милостив!»

Сынове же рустии, Владимирова полку, стоя плачюще, видяще друзи свои погибаеми, непрестанно порывающеся на брань, яко гости на пир сладкаго вина пити. Волюнец же возбраняще на них: «Пождите мало, есть бо вам над ким веселится!»

Приспе же осьмый час дни, божиим произволением и милости помянув, тихо ветру ззади их дохнувшу. Волюнец же возопи гласом великим: «Государь, князь Владимир Андреевич, и ныне приспе время наше!» Князь же Владимир Андреевич возрев на образ архистратига Михайла, иже на знамени вышит, и, взяв копие свое в руки, испусти глас свой великий: «Братия моя и друзи, и князи и бояре, и вси сынове рустии, побарайте по мне!» И поскочиша из дубравы зеленая, аки ясныя соколы от золотых колодиц на жаравлиное стадо, тако сии витязи, направлены на бой з добрым воеводою, приидоша аки на овчие стадо и начаша поганых сещи, аки трава от косы постилаются.

Тотаровя же, видевшие и кликнувшие единогласно: «Увы, увы нам! Умудриша ны Русь — молодыя с нами бишася, а стариин спасошася вси в дуброве!»

Сынове же рустии силою святаго духа и помощию святых страстотерпец Бориса и Глеба гоняще, сечаху их, тотарские главы аки лес кланяхуся. Бегуще и глаголюще: «Увы, увы нам и тебе, честный Мамаю, — вознесся до небес и до ада снидеши!»

Безбожный же царь Мамай виде победу свою и нача боги своя призывати, * Перуна, и Салфата, и Раклия, и Гурса, и великаго пособника Махмета, и не бысть ему помощи от них, сила бо святаго духа аки огонь пожигая татарския полки рускими полки, мечи их сечахуся, ни един от них может убежати.

Царь же Мамай видел новыя люди и от них победу свою и сед на конь с четырьми князи ордынскими и побеже в поле. Сынове же рустии гнашеся и не достигоша их, занеже кони утомишася и возвратишася вспять.

Князь же Владимир Андреевич ста под великим под черным знамением и повеле трубити в собранную трубу, и сынове же рустии начаша збиратися з грозного побоища койждо под свое знамя, едучи поюще стихи ово мученический, ово богородичны.

Князь же Владимир Андреевич не обрете великого князя Дмитрия Ивановича всея России и не виде его ни с которыхы страны грядуща, токмо едут литовские Олигердовичи здравы с побоища. И пождав мало время, и ниоткуда не грядет великий князь Дмитрей Иванович. Князь же Володимир Андреевич нача плакаться и сердцем рыдая и нача сам по полком

ездити и искати государя своего, и не обретоша его. И нача со слезами глаголати: «Где наш победитель победы и пастырь овцам своим?» И рече: «Братия моя милая, аще кто увидит где или услышит пастыря своего, то первый человек будет у нас!»

И рекуще литовский князи Ольгердовичи: «Мы убо мним, яко жив есть князь великий, но в труп с мертвыми». Рече же князь Борис Углицкой: «Яз видех великаго князя в пятом часу, видех крепко быющесе палицею своею». В то ж время приехав князь Михайло Иванович Байков: «Яз видех великаго князя в шестом часу с четырьми тотарыми быющесе». Рече же князь Степан Новосильской: «Яз его, государя, видех пред самым твоим приходом пеша идуща с побоища, вельми уязвена».*

Князи же и бояре и молодья отроцы, которы живы, разсунушася на все страны искати великаго князя Дмитрия Ивановича по грозному побоищу, ища победителя победы. И наехаша убиита князя Михаила Андреевича Брянска в приволоце великаго князя и в шеломе, и туто ж близко его лежит князь Феодор Семенович Белозерской: чающе его великим князем — за неже ему был приличен.

Того же часу два сына боярских, костромичи родом, Феодор Сабур да Григорей Холопищев* мало под гору уклонишася к речке и наехаша государя своего, победителя победы, великаго князя Дмитрия Ивановича под древом под сеченым, под березою, отдыхающа. И скоро спадоша с коней своих, поклонишася государю своему. Сабур же скоро всед на конь и возвратися ко князю Володимеру Андреевичю и поведа ему, яко государь наш, князь великий Дмитрей Иванович, здрав есть, царствует во веки.

Князь же Володимер Андреевич и все князи и бояре, слышав то, все в радости прослезися и скоро поехав и приехав, падоша на ногу его, глаголюще: «Радуйся, государь наш, древний Ярослав, новый Александр, победитель врагом!»

Великий же князь Дмитрей Иванович одва промолвил: «Что есть поведаете мне?» И рече же князь Володимер Андреевич: «По милости божи и пречистой его матери, и помощию сродник наших Бориса и Глеба, и молением рускаго святителя Петра, и пособника и вооружителя нашего игумена Сергия, тех всех молитвами врази наши побеждени суть, мы ж спасохомся!»

Князь же великий Дмитрей Иванович, слышав то, востав, рече: «Сий день, иже сотвори господь, возрадуемся и возвеселимся во нь!» И паки рече: «Велии еси, господи, и чудна дела твоя. Хвалю тя, господи боже мой, и почитаю имя твое святое, яко не дал еси иному языку хвалы, иже на мя воста, но суди, господи, по правде их! Аз же во веки уповаю на тя!»

И приведоша ему конь, и всед князь великий на конь и поехав на побоище. И виде войско свое побито вельми, четве-

рицею же того и больши побито поганых тотар. И обратися князь великий к Волынцу и рече: «Воистинну не ложна суть твоя примета, подобает тебе всегда воеводою полковотцем быти!» И нача ездити з братом своим, со князем Володимиром Андреевичем, и со оставшими князи по грозному побоищу, сердцем рыдая и слезами умывая лице свое, смотря на грозное побоище православных христиан.

Поле же Куликово — не бе видети порожнего места, но все покрыто человеческими телесы: христьяны, но седморицею больши того побито поганых. А лужи и потоки кровью текут. Князь же великий наехав, лежат побиты восемь князей белозерских, * да углицкой князь Роман Давыдович, да четыре сына его: Иван, да Володимер, Святослав, Яков Романович, все вкупе лежат на едином месте. Князь же великий прослезися и рече: «Братие, видите ли, тако сии князи за православную веру главы свои положили на едином месте друг за друга!»

И, поехав мало, наеха убита Михаила Васильевича, да пять князей ярославских, да четырех князей дорогобужских, да тутю же лежит князь Глеб Иванович брянской, да Тимофей Волуевич, да с ними же лежит дворецкой его Иван Кожухов, изсечен в части. Над ними став, князь великий нача плакаться и рече: «Братия моя милая, князи и бояре и все сынове руские, днесь же вы положили главы своя за веру християнскую и за мою великую обиду, но аще имаете дерзновение у господа бога, то молитесь о нас!»

И паки поехав на иное место и виде убита наперсника своего Михаила Андреевича Брянска да твердаго своего сторожа Семена Мелика, и рече князь великий: «Братия моя, моего ради образа убиени бысте, занеже приличны вы были моему образу!»

И наехав на иное место и виде убита троецкого старца Пересвета, с печенегом вместе лежат, и рече князь великий: «Видите ли, братие, от сего печенега от единого всем общая чаша восприяти пити, но милостию божиею против того злаго печенега бог нам дарова богатыря ж!»

И оттоле поехав и наеха убита Ивана Родионовича Квашню да Андрея Черкисовича. Князь же Володимер Андреевич нача плакати над ними и поведати великому князю: «Гонишася за мною четыре татарина с мечи, но божиею милостию Иван Родионович Квашня да Андрей Черкисович увидев и прогонив меня, скоро смялися с ними з безбожными и главы своя за мя поклали! Аз же от них спасохся!» И повеле те телеса поднять и нарядити в белы отласы и положить во гробех и отослати в вотчину их, ко женам и детям их.

И поеха по побоищу и наехав убита крепкого своего воеводу Данила Белоусова, да Костянтина Конановича, да новгород-

цких посадников Тимофея Костянтиновича Микулина, да Якова Зензина, да около их вкупе лежат побиты семь сот новгородских выборных дворян. Над ними же нача князь великий плакаться: «Любимыи мои братия, приехали вы есте своею волею ко мне, а не по моему велению, видя мене в беде великой, и главы свои поклали!»

Великий же князь Дмитрий Иванович приехав, ста под великим черным знаменем, повеле трубити во все гласные трубы, и на те трубный гласы все съехашася достальныя князи и бояре, кои остались от грозного побоища сего. И рекоста: «Здравствуй, государь наш, великий князь Дмитрий Иванович!»

Он же, став посреди их, плача и рече: «Братия моя, князи рустии и бояре местные, вам бо подобает и впредь служити, а мне господь повелит быти на своем великом княжении, тогда имам всех по достоянию жаловати. Ныне же, братие, похороним побитых христиан, да не будут зверьми съедены!» И повеле разбирати христианские тела от поганых. Князь великий стоя на Дону 12 дней, дондеже разобраша тела. Князей и бояр, дворян, кои побиты, тех всех повеле на Русь вести в дома, каждо где живут. Прочим же побитым воем повеле на поле Куликове ямы копати великие и на превысоце месте, всех же ям выкопаша великих 330, и повелеша тела их класти честно и над ними повеле сыпати землю — великии бугры.

Князь же великий Дмитрий Иванович став над ними и нача плакати и рече: «Братия моя милая, сынове рускии, простите и благословите в сем веце и в будущем. Вам, братие, суженое место на поле Куликове, меж Дону реки и Непрядвы. Положили есте головы своя за святую православную веру!» А с поганых с убитых доспехи, и портища, и злато, и серебро, и оружие, и конские наряды обирати, а тела их псом и зверем пометати на поле Куликове.

Князь же великий Дмитрий Иванович приехав в шатры своя и рече: «Братия моя, князи и бояре воеводы, сочтите ми, сколько побито православных христиан и сколько князей и бояр и воевод, сколько побито и сколько осталось?» Воеводы же и бояре 4 дни смечали и сочтоша побитых и кои остались. И рече, стоя, московской больший боярин, князь Михаил Александрович Воронцов: «Убито, государь, — 40 бояринов московских, да 12 князей московских же, да два посадников наугороцких. Да убито, государь, князей и бояр и выборных дворян и воевод твоей государевы русской вотчины и Великаго Новгорода и всех войска православных христиан и литовских людей, кои пришли с Ольгердовичи, полтретя ста тысяч, а осталось живых от побоища 50 000, а поганых побито восьмисот тысяч, только безбожный царь Мамай с четырьмя ордынскими

князи убежа в Орду и тамо убиен бысть от своих, зле окаянный душу свою испроверже!» *

Князи же литовские Ольгердовичи сочтоша силы свои, что с ними пошло, убито полтретятцать тысяч, а осталось у них силы 5000.

Князь же великий Дмитрий Иванович з братом своим, со князем Володимером Андреевичем, даша литовским князем много множества даров и целовав их любезно и отпусти их честно во свою отчину.

А сам князь великий Дмитрий Иванович з братом своим, со князем Володимером Андреевичем, и со всеми князи и бояры с великой радостью с поля Куликова поехала к сильному Московскому царству.

Слышав же Олигерд литовский, яко князь московский Дмитрий Иванович победил до конца безбожного и самохвального царя Мамая, и возвратися Алигерд в Литву с срамом великим, яко все трудился. А Олег резанский тако же живот свой зле скончав: * ров изрый (ископа) и впадеса в яму.

Великий же князь Дмитрий Иванович приехав на Рязанскую землю и услышав, что Олег зле испроверже живот и бояре его вси разбегоша по чужим землям, и рече князь Дмитрий Иванович: «Суди, господи, по правде его за его великую злобу. Аз же ему ни единого зла не сотворих!» И не отняша земли Рязанские у княгини его ни единыя десятины.

Князь же великий Дмитрий Иванович в велицей славе прииде на великое свое княжение к Москве. Преосвященный же Киприан митрополит со всем собором своим и з живоносными кресты стретиша великаго князя далече за городом, блиско Котла, и даше ему далече крестное знамение и рече: «Сим знамением победил враги своя! Ныне царствуй, государь, великий князь Дмитрий Иванович!»

Великая княгиня Евдокея и со снохою своею со князе Владимеровою княгинею и с ыными княгини и боярыни и с воеводскими женами встрече государя своего, великаго князя Дмитрия Ивановича, во Фроловских вратах, в радости и в слезах не могуще изрещи, и целовав государя своего, великаго князя: «Здравствуй, государь, победитель победы врагом своим!» И княгини и боярыни целовавшеса каждо!

ПОВЕСТЬ О МОСКОВСКОМ ВЗЯТИИ ОТ ЦАРЯ ТАХТАМЫША

В лето 6890... * царь Тахтамыш * посла на Волгу татар своих и повеле избивати вся гости русския, а суды их переимати на перевоз себе, дабы не было вести на Русь; и пришед к Волзе со всею силою своею, и перевезошася на сю сторону, и поиде изгоном на Русскую землю.

И то слыша князь Дмитрий Костянтинович * и посла к Тахтамышу сынов своих, Василья и Семена, * они же приидоша в орду; он уже пошел бе на Русь, и едва сустигоша его в рязанских приделех, борзо бо бяше иды. А князь Олег рязански * срете его, донележе не вниде в землю его, и обведе его около своей земли и броды указа ему все по Оце.

Князю же великому * едва весть прииде от некоторых доброхотящих хрестьяном, живущих в странах Татарских, иже бяху на то устроени сущи и поборници земли Русстей. Он же нача полки совокупляти и поиде с Москвы, хотя противу татар; и бысть разнo в князех русских: овии хотяху, а инии не хотяху, бяху бо мнози от них на Дону избиты; * а се царь на них идяше со многою силою и бяше близ уже, яко совокупиться некогда. Князь же великы в недоумении быв, а татаром уже близ сущим, иде за Волгу, в град свой Кострому, а во граде Москве мятеж бе велик: овии бежати хотяху, а инии в граде сидети. И бывши мятежи и распре велице, и паки народ, совокупльшеся, позвониша во все колоколы и сташа суймом, * а инии по вратом, а инии на вратех на всех, не токмо пущати хотяху из града крамольников и мятежников, но и грабяху их; ни самого митрополита * усрамилися, но на вся огрозишася, ни бояр великих устраишася, и в вратех всех с оружии обнаженными стояху, и с врат каменiem шибаху, и никого же из града пустяху. Потом же едва народи умолени быша, выпустиша из града митрополита, прочих с ним ограбивше, а одинако с ним мятаху; и се прииде к ним в град некий князь литовский

Остей, внук Ольгердов, * и той окрепи град и затворися в нем со множеством народ.

А царь Тахтамыш, перешед Оку реку, взя прежде всех Серпохов и пождьже и потом прииде к Москве, августа 23, и приехавше не мнози к граду, воспросиша о великом князи, есть ли в граде; отвещаша же им з града: «нет его», они же вокруг града всего объехали, смотряще его, и тако отъидоша от града. И наутрии же сам царь прииде со всею силою под град, и приступиша ко граду со все стороны, стреляюще; бяху же стрелы их яко дождь умножены. А граждане противу их стреляху и каменiem шибяху, но сии с стен збиша граждан, еще бо граду тогда ниску сушу, * и начаху лествици приставливати к граду и на стены хотяху взыти. И взвариша воду в котлах, ляху нань, а инии стреляху, тюфяки пущаху и пушки; * един же некто москвитин, суконник Адам, * с Фроловских ворот * пусти стрелу, напаяв, уби некоего от князей ордынских, славна суща, иже велику печаль сотвори Тахтамышу и всем князем его. Стояв же царь у города 3 дни, многи брани сотворив, и на 4 оболга их князя Остея сице: приехала бо под град в полобеда повелением вси князи ордынстии и с ними шюрья великого князя, Василей да Семен Дмитриевичи, суздальского князя, глаголюще: «Вас, людей своих, хочет жаловати царь, неповинни бо есте, не достойни смерти, а ополчился есть на великого князя, а от вас ничего же иного требует, но токмо изыдете в стретение его со князем вашим, с легкими дары, хочет бо град сей видети, а вам всем дает мир и любовь». А князи суздальстии правду хрестьяном даша, яко не блюстися ничего. Они же, емше сему веры и отверзше врата, выйдоша прежде со князем лучшии люди с дары многими, а по них чин священнически. И тако погании прежде убиша князя Остея тайно, а потом приидоша ко вратом града и начаша вся без милости сечи, священников и прских хрестьян, а святыя иконы потопташа, и тако в все врата в град внидоша, а инии по лествицам, и тако вскоре град взяша, а хрестьяне вся изсекоша, множество бо их, и всем окаанным плеча измолкоша, секуще. И тако разграбиша вси церкви, а хрестьян прибегиших изсекоша в них; такоже вся казны княжеския взяша, и всех людей, иже бяху со многих земель сбеглися, то все взяша. Взят же бе град августа 26, в 7 час дни, в четверг, и огнем попаден, а люди изсечены, а инии пленены, а инии згореша, а инии истоппоша, а инии в трупьи и в крови издушишася; се же не токмо единой Москве сотвориша, но и в Володимери, и в Переславли, и в Юрьеве, и в Звенигороде, и в Можайске, и во всех волостех все поплениша; а переславци сами на озеро бежаша, а град их, пришед, сожгоша, токмо в сих един сей не взят.

Князь же велики тогда бе со княгинею и с детьми на Костроме, а князь Володимер Андреевич * за Волоком стояше со многими людьми; и ту наехаша на них татары, он же удари на них, и тако многих избиша ту, а иных поимаша, а инии прибегоша к Тахтамышу; он же убояся и нача помалу уступати от Москвы. Кипреян же митрополит тогда во Тфери бе, а мати князя Володимерова и княгини его в Торжку, а владыка коломенски Герасим в Новгороде Великом. А Тахтамыш, отшед от Москвы, и взя град Коломну, и перевезеся за реку, и взя всю землю Рязанскую, люди же поплени, а иных изсече; а Олег убеже. Поиде же царь от Рязани и отпусти князя Семена к отцу его Дмитрею с послом своим Шихоматом, а другово, Василья, поведе с собою в орду.

Посем же прииде князь великий и князь Володимер на Москву и видеша град пожжен, а церкви разорены, а трупия мертвых многа суща вельми, и многы слезы излияша, и повелеша телеса мертвых погребати, и даваша от 80 мертвецов по рублю, и выиде того 300 рублей. Посем же князь великы отпусти рать свою на Ольга рязанского, он же беже, а землю его пусту сотвориша; пуще ему бысть татарской рати...

Тое же осени прииде на Москву посол Карач с жалованьем к великому князю от царя; он же повеле хрестьяном дворы ставити и город делати.

ПОВЕСТЬ О МОСКОВСКОМ ВЗЯТИИ ОТ ЦАРЯ ТАХТАМЫША И О ПЛЕНЕНИИ ЗЕМЛЯ РУССКЫЯ

В лето 6890 бысть некое проявление, по многы нощи являшеся таково знамение на небеси: на востоце, пред раннею зарею, звезда некая акы хвостата и акы копейным образом, овогда же в вечерней зоре являшеся, а овогда в ранней зоре являшеся, то многажды бываше. Се же знамение проявляше злое пришествие Тактамышева на Русскую землю и горькое поганых татар нахождение на христиан; якоже се бысть, гневом Божиим, за умножение грехов наших.

Бысть в третье лето царства Тактамышева, царствующю ему в орде и в Сарай, и того же лета царства его посла татар своих в Болгары, * еже есть град на Волзе, и повеле торговцы русския избити и гости грабити, а суды их и с товаром отнимати и попровадити к себе на перевоз; а сам потщався с яростию, собрав вой многы и поиде к Волзе со всею силою своею, и перевезеся на сию страну Волги со всеми князи своими и с безбожною силою татарскою, и поиде изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русскую землю: ведяше бо рать извести внезапно, со умением и тацем злохитрием, не дающе вести пред собою, да не услышано будет на Русской земли устремление его.

И то слышав великий князь Дмитрий Костянтинович Суздальский и посла два сына своя ко царю Тактамышю, князя Василия да князя Семена; они же, пришедше, не обретоша его, бе бо грядый борзо на Русь, и гнаша в след его несколько дний, и переняша дорогу его на месте, нарицаемом Серначе, * и поидоша за ним со тщанием дорогою, и состигоша его близ предел Рязанских. А князь Олег Рязанский сrete царя Тактамышя, преже даже не вниде в землю Рязанскую, и бив ему челом и бысть ему помощник на победу Руси, но и поспешник на пакость христианом, и иная некая словеса изнесе о том, како пленити землю Русскую, и како без труда взяти камен

город Москву, и како победити и изнимати великого князя Дмитрия Ивановича; еще же и царя обеде около своея отчины, земли Рязанския, хотяше бо добра не нам, но своему княжению помагаше.

А в то время неколи си едва прииде весть великому князю Дмитрею Ивановичю, возвещающе рать татарскую; аще бо и не хотяше Тактамыш, дабы кто принесл вести на Русскую землю о его приходе, того бо ради вси гости русския поймани быша и пограблени и удержани, дабы не было вести Руси, но обаче суть неции доброхоты на пределех ординских на то устроени, поборники суще земли Русской. Великий же князь Дмитрий Иванович слыша таковую весть, оже идеть на него сам царь во множестве силы своея, и нача совкупляти свои полци ратных, и выеха из города Москвы, хотя ити противу ратных татар; и начаша думати такову думу великий князь Дмитрей Иванович со всеми князи русскими, и обретеса разность в них, не хс-тяху помагати. Не помянуша Давыда пророка глаголюща: «се коль добро и коль красно, еже жити братии вкупе!» и другому приснопомнимому рекшую: «друг другу пособляя и брат брату помагая яко град тверд есть». Бывши же промежи ими неодиначеству и неимоверству, и то познав и разумев великий князь Дмитрей Иванович и бысть в недоумении и размышлении, не хотя стати противу самого царя; но поеха в свой град Переяславль, и оттуду мимо Ростов, и паки реку вборзе и на Кострому. А Киприян митрополит приеха на Москву.

В граде же на Москве бысть замятня велика, бяху людие смущени, аки овца не имуща пастыря, гражданстии народи возмയാщася: ови хотяху сести в граде и затворитися, а друзии бежати помышляху, и бывши распре промежи ими велице, овии с рухлядию вмещающиеся в град, а друзии с града бежаху, ограблени суще; и сотвориша вече, позвониша во все колоколы и сташа суймом народи мятежници, крамольници: иже хотяху изъити из града нетокмо не пуцаху из града, но и грабляху, ни самого митрополита не стыдешася, ни бояр великих не усрамишася, но на вся огрозишася, и сташа на всех воротех градских, сверху камением шибяху, а доле на земли со оружием стояху со обнаженным, не пущающе вылезти и едва умолены бывше, позде некогда выпустиша их из града, и то ограбивше. Граду же единаче мятущюся, акы морю в велице бури, ни откуду же утешения обретше, но паче больших зол ожидающе; потом же приеха к ним в город некоторый князь Литовский, именем Остей, внук великого князя Ольгерда, и той укрепив народы и мятеж градный устави и затворися с ними в граде во осаде со множеством народа, с теми, елико ся их оста, и елико бе бежлян сбежалося с волостей, и от иных градов елико приключшихся в то время и от стран, бояре,

и сурожане, и суконники, и прочие купци, и архимандриты, и игумены, и протопопы, прозвитеры и дьяконы, и чернеци, и всяк возраст мужска полу и женскаго и со младенци.

Князь Олег обеде царя около своея вотчины, земли Рязанская, и указа ему вся сущая броды на реце на Оце. Царь же перешед реку Оку и прежде всех взя град Серпохов и огнем пожже; оттуду же прииде к Москве граду, напрасно устремися, наполнился духа ратнаго, волости и села воююще и жгуще, а народ христианский секуще и убивающе всяческии, а иныя люди в полон емлюще. И прииде ратию к городу Москве, а сила татарская прииде месяца августа в 23, в понедельник, и приидоша не вси полци к городу; и начаша кличуще вопрошавати, глаголюще: «Есть ли зде в граде великий князь Дмитрий?» — они же с града, с забрал, глаголаху им: «Нету». Татарове же отступиша и поехаша около города, обзирающе и рассматривающе приступов, и ровов, и врат, и забрал, и стрельниц, и паки стаха зряще на град.

Тогда же в граде добрые люди моляхуся богу день и ночь и пристояще посту и молитве, ожидающе смерти, готовящеся с покаянием и с причастием и со слезами. Неции же недобрии человеци начаша обходить по двором, и износяще из погребов меды господския и суды серебряныя и сткляницы драгия, и упивахуся до великаго пьяна, и к шатанию дерзость прилагаша, глаголюще: «не устрашаемся нахождения поганых татар, селик тверд град имуще, иже суть стены камены и врата железна; не терпят бо ти под градом долго стояти, сугуб страх имуще, изнутри града бойци, а внеуду града князей наших совокупляемым нахождения блюдутся». И паки възлазяхе на град, пьяни суще, и шатахуся, и ругающеся татаром, образом безстудным досажаяще, и некая словеса износяще исполнь укоризны и хулы кидаша на ня, мняхут бо толико силы татарския и есть; татарове же прямо к ним на град голыми саблями своими машуще, образом аки тинаху, наживающе изда-
леча.

И в той день те полци отступиша от града, наутрия же сам царь приступи ко граду со всею силою своею под град, гражане же узревше с града силу велику и ужасошася зело; татарове же паки поидоша к городу, гражане же пустиша на них по стреле, они же паче своими стрелами стреляху на град, аки дождь умножен зело, не дадуще ни прозрети, и мнози на градных заборолех стояху и от стрел падаху язвени, и одолевашут бо стрелы татарские паче, нежели градския: бяхут бо у них стрелци горазди вельми, овии от них стояще стреляху, а инии скоро рищуще, изучени суще, а друзии от них на конех скоро едзяще, на обе руце, наперед и назад, скоро и улучно без прогехи стреляху; а инии от них створиша лестницы и присланяху

ко граду и лазяхут на стену, граждане же воду в котлах варяще и кипятнею лияхут их, ти тако возбраняхут им.

Отшедшим же им и паки приступлешим, и тако по три дни бияхуса промеж себе, пренемагающе; егда бо татарове приступяху близ стен градских, тогда граждане стрегуще града и супротивящеся им, овии стрелами стреляху с заборол, овии же камением шибяху на ня, друзии же тюфякы пущаху на них, а инии самострелы напинающе пущаху и пороки пущаху, а инии великими пушками. В них же бе един гражданин, именем Адам, Москвитин бе суконник, иже бе над враты Фроловскими, приметив единого татарина нарочита и славна, еже бе сын некоего князя ординского, и напя самострел и испусти напрасно стрелу на него, ею же уязви его в сердце его гневливое и вскоре смерть ему нанесе; се же бе велика язва всем татаром, яко и самому царю тужити о нем.

Сим же тако пребывающим, царь же стоя у города 3 дни, а на четвертый день оболга князя их Остея лживыми речми и лживым миром, и вызва его вон из града и уби его пред враты града, а ратем всем своим повеле приступити к городу со все стороны.

Какова же бысть облесть князю Остею и всем гражданам, сущим в осаде: понеже царю стоявшу 3 дни около города, а на четвертый день наутреи в польобеда, по повелению цареву, приехаша под город татарове большие, и князи ординстии, и ряди его, с ними же два князя суздальскыя, Василей да Семен, сынове великого князя Дмитрия суздальского; и пришедше под город близ стен градных по опасу и начаша глаголати к народу, сущему в граде: «царь вас, своих людей, хочет жаловати, понеже неповинни есте и ни есте достойни смерти; не на вас бо воюя пришел, но на великого князя Дмитрия Ивановича ополчился есть, вы же достойни есть милования, и ничто же иного не требует от вас, разве токмо изыдете противу ему в сретение с честию и с дары, купно же и с своим князем; хоцет бо видети град сей и в онь внити и в нем побывати, а вам дарует мир и любовь свою, а вы ему врата градная отворите»; также и князи Нижнего Новагорода глаголаху: «имите нам веры, мы бо ваши есмя князи христианстии, вам то же глаголем и правду даем на том».

Народи же христианстии веру яша словесем их, си помыслиша и прельстишася, ослепи бо их злоба татарская и омрачи я прелесть бесерменская, ни познаша, ни помянуша глаголющаго: «не всякому духу имите веры», и отвориша врата градная; и выидоша со князем своим и с дары многими ко царю, также и архимандриты и игумени и попове со кресты, а по них бояре и большие люди, и потом народ и черные люди.

И в том часе татарове почали сечи напрасно, а князь Остей прежде того убиен бысть пред градом, ту же почаша сечи архимандритов и игуменов и попов, аще и в ризах со кресты, и бояр и честных людей; и ту бяше видети святые иконы повержены на земли лежаща, и кресты честныя без чести небрегоми и ногами топчеми, ободраны и обоиманы. Татарове же такоже и поидоша в град секуще, а инии по лестницам на город взидоша, никому же бранящую им с города, ни забрал не имуще, не сущю избавляющую, ниже спасающую; и бысть внутрь града сеча велика и внеуду сеча, толико же сечаху, яко и руки и плеща их измолкоша и сила их изнеможе, саблям же их острия притупишася. Людие христианстии, сущи в граде, бегающе по улицам семо и овамо, скоро рыщуще толпами, вопиюще вельми и глаголюще, биюще в перси своя: несть где избавления обрести, и несть где смерти убежати, и несть где острия меча укрытися, оскуде князь и воеводы их, и все воинство их потребися, и оружия их до конца исчезоша; овии в церквах каменных затворяхуся, но и тамо не избыша, безбожный же силою двери разбиша церковныя и сех мечи изсекоша; везде же крик и вопль велик и страшен бываше, и яко не слышати друга друга вопиуща, множеству народу кричащую, они же крестиян изводяще, лупяще, изобнаживше сечаху. А церкви соборныя разграбиша, и олтаря святая места попраша, и кресты честныя и иконы чудныя одраша, украшенныя златом и серебром и женчюгом и каменнем драгим, и пелены златом шитыя и женчюгом саженыя ободраша, и с святых икон кузнь содраша, и святые иконы попраша, и сосуды святые церковныя, служебныя и священныя, златокованыя и серебряныя многоценныя поимаша, и ризы поповския многоценныя расхитиша; и книг множеств снесено со всего града и из сел, в сборных церквах многое множество наметано, сохранения ради спроважено, то все безвестно сотвориша. Что же изорчем о казне великого князя, яко и тоя многа сокровища скоро истощиша и велехвальное богатство и богатотворное имение быстрообразно разнесоша? Приидем же о взискании прочих и многих бояр старейших, их же казны долговременством собираеми и благоденством исполненыя, хранильница их исполнь богатства и многоценнаго имения неизчетна, то все взяша на расхищение; и паки другие сущи в граде сурожане, суконници и купци, их же суть храми наполнены богатства, всякого товара, и та вся расхитиша; и многи монастыри разориша, и многи святые церкви разрушиша, и много в них убийство створиша, и в священных олтарех много кровопролитие содеяша окаяннии, и святая места оскверниша. Якоже пророк глаголаше: «Боже! приидоша языци в достояние твое, оскверниша церковь святую твою; положиша Иерусалима яко овощное хранилище, положиша трупия раб твоих брашно

птицам небесным, плоти преподобных твоих зверем земным, пролияша кровь их аки воду», окрест Москвы не бе погребая их; «девица их не осетованы быша, и вдовица их не оплаканы быша, иерея и священники их оружием падоша»; была бо тогда сеча велика зело, и безчисленное множество паде ту избитых муж и жен мертвых лежаще непокровены. Ту же убиты бысть Симеон архимандрит Спасский, и другой архимандрит Ияков, и инии игумени, и попы и дьякони, и черноризцы и черники, от уна и до стара, мужеска полу и женска, те все посечени; а инии в воде истопоша, а друзии огнем сгореша, а инии в полон множайши поведоша, в работу поганьскую и в страну Татарскую пленени быша. И бяше тогда видети в граде плач и рыдание и вопль мног, и слезы и крик неутешимый и стонание много, и печаль горькая и скорбь неутешимая, беда нестерпимая, нужда ужасная и горесть смертная, страх и ужас и трепет, и дряхлование, срам и посмех от поганых христианом. Си вся приключися за умножение грех наших.

Тако вскоре злии взяша град Москву, месяца августа в 26, на память святого мученика Андрияна и Наталии, в 7 час дни, в четверг по обедех, и град огнем запалиша, а товар и богатство все разграбиша, а людие мечу предаша; и бысть оттоле огонь, а отселе меч, овии, от огня бежачи, мечем помроша, а друзии, от меча бежачи, в огне сгореша; и бысть им четверообразна лагуба, первое от меча, 2-е от огня, третье от воды, четвертое в плен поведени быша. Бяше бо дотоле видети град Москва велик и чуден, и много людей в нем и всякого узоруция, и в том часе изменися, егда взят бысть и пожжен; не видети иного ничего же, разве дым и земля, и трупия мертвых многих лежаща, церкви святыя запалени быша и падошася, а каменья стояща выгоревшая внутри и огоревшая вне, и несть видети в них пения, ни звонения в колоколы, никого же людей ходяща к церкви, и не бе слышати в церкви поющаго гласа, ни славословия; но все бяше видети пусто, ни единого же бе видети ходяща по пожару людей — и не един град взят Москва, но и прочии гради и страны попленения быша от поганых.

Великий же князь Дмитрий Иванович и со княгинею своею и с детьми бысть на Костроме, а брат его, князь Володимер Андреевич, на Волоце, а мати его и княгини его в Торжку, а владыка Герасим Коломенский в Новгороде.

Ельма же царь распусти вои по всей земли Русской воевати княжение великое, овии шедше к Володимерю много людей посекоша и в полон поведоша, а инии ходиша к Звенигороду, а инии к Можайску, а друзии к Волоку, а инии к Переяславлю — и взяша его и огнем пожгоша, а граждане выбегоша на озеро в судех и тамо избыша, а град повергше, — а иные

к Юриеву; мнози гради плениша, а христиан посекоша, а иных в полон поведоша, а села и монастыри и церкви святые огнем пожгоша, волости повоеваша, и много зла сотвориша земли Русской.

Князь же Володимер Андреевич стояше ополчився близ Волока, собрав силу около себе; и неции от татар, не ведуще его туто, ни познаша его и наехаша на него, он же, о бозе укрепився, удари на них, и тако милостию божиею иных изсекоша, а иных живых поимаша, а инии побегоша и прибежаша ко царю Тахтамышу и поведаша ему бывшее. Он же оттоле поча помалу поступати от града Москвы; и оттоле приступи ратию к Коломне, и взя град Коломну, и отъиде. Царь же перевезеса за реку за Оку и взял землю Рязанскую и огнем пожже, а люди посече, а иные разбегошася, а иных в полон поведоша в орду многое множество рязанцев; князь же Олег Рязанский, то видев, побеже. Царь же поиде к орде от Рязани и отпусти посольством на Русь своего шурина, Шихомата, ко князю Дмитрею Костянтиновичю Суздальскому, вкупе с его сыном, со князем с Семеном; а другого сына его, князя Василия, поя с собою в орду.

Отошедшим же татаром, и потом не по мнозех днех благоверный и великий князь Дмитрий Иванович и брат его, князь Володимер Андреевич, кыйждо с своими бояры старейшими, приехаста в свою отчину на Москву, и видеша град взят и пленен и огнем пожжен, а святые церкви разорены, а людей изсеченых многое множество трупия лежаще мертвых, и о сем сжалился вельми великий князь Дмитрий Иванович, яко и расплакатися им вельми слезно. И кто не плачется таковыя погыбели градныя, или кто не жалует толика народа людей, или кто не потужит селика множества христиан, и кто не сетует сицеваго пленения? И повелеша телеса мертвых хоронити, и даваста от осьмидесят человек мертвых по рублю тем, еже хороняху мертвые; и сочтоша, того всего вдано бысть от погребения мертвых 300 рублей.

Не по мнозех же днех великий князь Дмитрий Иванович посла рать свою на князя Ольгу Рязанского; князь же Олег не в мнозе людей убежа, а землю его до останку пусту ратнии учиниша, пуще ему бысть и татарские рати. А Киприяну митрополиту, тогда сущю на Тфери, тамо избывшю ему ратнаго нахождения, и приеха на Москву месяца октября в 7.

Тое же осени прииде из орды посол Карач к великому князю Дмитрею Ивановичю, от царя Тактамыша, еже о миру. Великий же князь Дмитрий Иванович повеле христианом дворы ставити и города рубити.

ПОВЕСТЬ О ТЕМИР АКСАКЕ *

Бысть в пятое на десять лето царства Тахтамышева, * а в седьмое лето княжения великого князя Василия Дмитриевича, * индикта 3, * а в третее на десять лето по то-таршине, по Московском взятии, * бысть замятня велика в Орде. Прииде некий царь, именем Темирияксак, с восточныя страны, от Синие Орды, от Самарханския земли, * и велику брань сотвори и мног мятеж воздвиже в Орде и на Руси своим приходом.

О сем убо Темир Аксаце некий поведаша, яко не царь бе рождением, ни сын царев, ни племени царска, ни княжеска, ни боярска, но тако спроста един сый от худых людей, от Заицских татар, * от Самарханская Орды, иже бе за Железными враты, * ремеслом же бе кузнец железный, обычаем же и делом немилостив и хищник, иже бе прежде раб был у некоего у своего осподаря, его же за злонравие его осподарь отвержеся его, бив его и отслав его от себе. Он же, не имея чим питатися, пребываше тадыбою кормяся.

Единаче бо сущу еще ему и младу, в убожестве крадя и ядыше, иже некогда у неких украде овцю, они же абие очютиша его. Он же мняшеся убежати от них, но скоро многими постижен бысть и ят и удержан бысть крепко. И биша его нещадно по всему телу и умыслиша ему дати рану смертную, яко да убияють, и пребиша ему ногу и бедру его наполю и повергоша его як мертвца, недвижущася и недышуща; мнях убо, якоже умре, оставиша его псом на снадение и отыдоша. И непоколици времени, едва воздавися от таковыя смертоносныя язвы и востав, перекова себе железом ногу свою пребитую, и такую нуждею храмаше, и того ради прозван бысть Темир Аксаком, темир бо зовется железом, а аксак зовется хромец, тако бо толмачат половецким языком, и таковою виною прозван бысть Темир Аксак, Железный Хромец, яко от вещи и от дел звание приим и по действию имя себе стяжа. Тоже потом, по исцелении от ран по великих

тех побоех, не лишился бе лиха своего обычая первого, ни смирился, ни укротился, но паче на горшее совратился и горее давнаго, пуши прежняго бысть лют разбойник. Потом же приложися к нему юноши немилостивии, мужи сурови и злии челоуеци, подобни ему, такови же разбойници и хищници, и умножилися зело. И егда бысть их числом яко сто, и нарекоша его над собою старейшину разбойници, и егда бысть их числом яко до тысящи, тогда уже князем его зваху, и егда боле умножилися паче числом и многи земли поплени и многы грады и страны и царства поймав, тогда убо уже и царя его у себе именоваху. Сий же Темир Аксак многы рати нача творити, многы брани воздвиже, многи сечи показа, многы беды учини, многим полком спротивным одоле, многы грады раскопа, многи люди погуби, многы страны и земли повоева, многы области и языки поплени, многы княжения и царства покори под себе. А се имена тем землям и царством, иже бе попленил Темир Аксак и взял за себя: Самархант, Чагадие, Хорусани, Голустани и Китай, Синяя Орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилянсиз, Шабран, Шамахии, Савас, Арзунам, Тевфлизи, Тевризии, Гурзустании, Обезии, Гурзи и Тагдат, Темиркабы, рекше Железная врата, * и Асирию и Вавилонское царство, идеже де был Навходносор царь, * иже пленил Иеросалим и три отроky: Аналию, Озария, Мисаила, и Данила пророка, и Севастию град, * идеже было мучение святых мученик 40, иже в Севастии, и Армения, идеже был святой Григорей, епископ Великия Армения, * и Дамаск * великы и Сарай великий * и ины многы земли поплени. И сия имена тем землям и тем градом и тем царством, над ними же царствова Темир Аксак, и с всех тех земель дани и оброky дают ему и на войну с ним ездят. И с всех сих преждедеченных стран собрав полкы многы и тьмочисленныя своя воя подвиже и прииде рать преждею на царя Тахтамыша, и бысть им бой: и прогна царя Тахтамыша. И оттоле восхоте ити на Русскую землю, к Москве, хрестыян воевати, и проиде всю землю Татарскую и всю Орду и прииде близ предела Рязанския земля и взя град Елич и князя Елическаго изыма и многы люди помучи.

И се слышав князь великий Василей Дмитриевич, собрав воя многы, поиде с Москвы к Коломне, хотя ити противу его в стретение его. И пришед ратию и ста на бреze у реки Оку. Темир Аксаку же стоящую в едином месте две недели, граду же Москве пребывающе возмущени и готовящюся седети в осаде и многу народу сущю отвсюду собравшуюся, по вся дни частым вестем приходящим на Москву, возвещающе прещения и грози Темир Аксака, гонителя и мучителя, как готовится воевати Русскую землю, как похваляться ити к Москве, хотя

взяти ю, как хощеть люди руския пленити, а святыя церкви жещи, веру хрестыанскую искоренити, а хрестыан бити и гонити, томити и мучити и огнем печи и жещи и мечем сещи. Беше бо сей Темир Аксак вельми нежалостив, зело немилостив, лют мучитель, зол гонитель, жесток томитель, всегда воздвиже гонение велико на крестыаны, якоже древнии зловерни царие, прежние гонителие и мучителие хрестыаны, якоже Иулиан законопреступник и Диоклитиан, Максимиан и Деки, Ликиний * и прочи мучители; такоже Темир Аксак мучительски похваляшеся, воздвигнути хотя гонение велико на крестианы. Сия же нам страшныя и грозныя вести слышаще, вельми быша народи хрестыанстии в печали и с воздыханием и с слезами моляхуся богу, дабы избавил бог от таковыя скорби и беды.

Тогда Кипреан митрополит заповеда всем людем постигтися и молитися, молебны пети. Вси людие народи хрестыанстии с радостью и с тщанием и с усердием и с верою сотвориша пост и молитву, покаяние, слезы, обещания, заветы, кто же по своей силе, от мала и до велика, и вси же моляхуся богу. Князь же великий Василей Дмитриевич, погадав с митрополитом Кипреаном и с всеми князьми и воеводами и с бояры старейшими подумав, восхотеша призвати на помощь святую богородицю, заступницу нашу и скоропомощницу нашу и в печали утешение наше, глаголюще: «Нестъ избавляя ин нас от таковыя нужда и печали, разве тое, та бо может преложити печаль нашу на радость, та может заступити нас и град наш Москву и всяк град и страну и всяко место, идеже с верою призывают ю на помощь, может избавити от глада и от пагубы и от погибели и от труса, от потопа и от огня и от меча и от нахождения поганых, от натечения поганых, от нападения вражия, от нашествия ратных и от межоусобных брани и от кровопролития всякаго и от мирския печали и от напрасных смерти и от всякаго злого находящаго на ны, токмо аще быхом с верою призывали ее на помощь, с усердием молящеся ей, не погрешим надежда». Да иже умыслиша, то и сотвориша: и послаша по икону в славный в старый во стольный град в Володимер. Сим же тако бываем, в то же время клирики и святыя великыя соборныя церкви святыя Богородица, иже в Володимери, протопоп совет сотвори с прочими попы и дяконы и с клирошаны, пречистую и владычную икону пресвятыя Богородица взяша и понесоша ю от града Володимеря на Москву, страха ради татарска, паче же страха ради Темир Аксакова, его же иногда в повестех слышахом далече суща под востокы колечны, ныне же близ яко при дверех приблизился есть и готовится и поощряется и вооружается на ны зело. И бысть тогда, месяца августа 15 день. в самый праздник честнаго Успения и преславнаго преставления пресвятыя владычица наша

Богородица и присно девица Мария, собрався весь град Володимер, изъидоша на провождение чюдныя тоя иконы, юже проводиша честно, с верою и любовью, с страхом и желанием, с плачем и с слезами, далече шествия створиша, и от великия веры и от многыя любве многыя слезы излиша. Егда же принесена бысть икона сия близ града Москвы, тогда весь град изъиде противу ея на стретение ея. И сretoша и честно Киприан митрополит и епископы и архимандриты, игумены и попы и дьяконы и весь клирос, причет церковный, князи и бояре, княгини и боярыни, мужи и жены, уноши и девы и старцы с юнотами, дети и младенцы, сироты и вдовицы, нищи и убози, чернецы и черницы, всяк возраст мужеск и женеск, от млада и до велика, и все много множество бесчисленное народ людей с кресты и с иконами и с евангелием и с свещами и с кадилы, с епископы и песни и пени духовными, паче же реши вси с слезами, больши и меньшие, и несть такова, иже бы не плакал, но вси с молитвою и с плачем, вси воздыхани немолчными и рыданием и благодарением, руце воздеюще на высоту, вси моляхуся к святей богородице, вопиюще и глаголюще: «О все-святая владычице богородице, избави град сей от нахождения поганого Темир Аксак, всяк град и страну нашу, защити князя и люди от всякого зла, заступи град наш Москву от нахождения ратных иноплеменик, избави от поганых пленения, от огня и от меча и напрасныя смерти, от нынешняа обержающа скорби и от печали, нашедшая ныне на нас, от настоящего гнева, беды, нужда и от предлежащих сих искушений избави, богородице, своим богоприятными молитвами к сыну своему и богу нашему, иже своим пришествием к нам, к нищим и убогим и скорбящим и печалующим, умилился на скорбящая люди твоя, на тя бо надеющиеся не погибнем, но да избудем тобою от враг наших. Не предай же нас, наша заступница и наша надежда, в руце врагом татаром, но избави нас от враг наших и противных советы разжени, супостат наших дома разори и козни их разруши, и во время се скорби нашея нынешняа нашедшая на ны буди нам теплая заступница и скорая помощница и предостательница, да от нынешняа беды тобою избывше, благодарно ти возопием: «Радуйся, заступница хрестьяном непостыдная!» И тако божиею благодатию и неизреченною его милостию и молитвами святая богородица Москва, град наш, цел сохранен бысть, а Темир Аксак царь возвратися вспять и поиде во свою землю. О преславное чудо! О превеликое удивление! О многое милосердие божие к роду хрестьянскому: в который день принесена бысть икона святая Богородица из Володимеря на Москву, в той день Темир Аксак поиде во свою землю. В той же день изъидоша из града на поле градстии народи, хрестьянстии собори в стретение

иконы святыя Богородица, с плачем и с молитвами и с верою и с слезами горущими. В тот же день Темир Аксак царь убоясь и устрашися и ужасеся и смятесе, и нападе на ня страх и трепет, и вниде страх во сердце его и ужас в душу его, и вниде трепет в кости его, и скоро отвержесе и отречесе воевати Русскую землю и восхотешся быстрее на потечение путняго шествия и скорее грядут к Орде, а к Руси тыл показующе, обратишся сердци своими паки в свояси, вспятишся и возвратишся без успеха, възмятошся и восколебашся, аки некто устраши их. Не мы бо устрашили, но бог, милосердый человеколюбец, молитвами святыя богородица невидимо силою своею устраши врагы наша, посла на ня страх и трепет, да окаменятся. Не мы же их прогнахом, но яко древле при Езекии цари пророке и при Исаи пророци Сенахирим, * царь Асурійскый, и прииде на Иерусалим ратию, зело похваляясь и в гордости велице на бога вседержителя хульныя глаголы впуская. Царь же Иезекия тогда боляше, но аще и болен есть бе, но обаче помолися богу с слезами купно с пророком Исаием и с всеми людьми. И услыши бог молитву их, паче же Давида ради, угодника своего, и посла бог ангела своего, мною же великаго архангела Михаила, и абие в ту ночь ангел господень уби от полк асирийских 100 тысяч, 80 тысяч и 5000. Наутрия же воставши, обретоша трупия мертвых лежаща. Царь же асирийскы Сенахирим в ту ночь устрашися зело, убоясь, с останочны своими вои скоро убежа в Ниневгию * и тамо от своих детей убиен бысть и умре. И да якоже тогда при Сенахириме было, тако и ныне при Темир Аксаке, един той же бог и тогда и ныне, и едина благодать божия действует и тогда и ныне, милостив бо есть бог и силен, елико хочет и может, еще и ныне милость его велика есть на нас, яко избавил ны есть господь от руки враг наших татар, избавил ны есть от сеча и от меча и от кровопролития, мышцею силы своей разгнал есть врагы наша, сыны Агаряны, рукою крепкою и мышцею высокою и устрашил есть сыны Измаилевы. * Не наши воеводы прогнаша царя Темир Аксака, ни наша воинства устрашили его, но силою невидимою, и нападе на них страх и трепет, и страхом Божиим ужасеся и гневом Божиим гоним бысть, потщався отъиде, от Русскыя земли отступив, поиде прочь, откуда же и прииде, а земля Русская отинуде не прикоснуса, ни оскорби, ни стужи, ни вреди ея, но поиде без вращения. Мы же востахом, прости быхом, сеть его скрушися, и мы избавлени быхом; помощь наша от господя, створшаго небо и землю.

Слышав же князь великий о Темир Аксаке, яко не бысть его, и вси князи прочи слышаша и вся воинства Руская и вси народи хрестыянстии слышаша, и прославиша бога и о сем

велико благодарение возсылаху богу. Потом же митрополит с великим князем совет сотвориша, глаголюще: «Добро бы нам не забывать толикой милости божия и святыя богородица помоща и заступления». И поставиша церковь на том месте, идеже сретоша икону святыя Богородица, принесеную от Володимеря, купно на воспоминание такового великаго, многаго благодеяния божия, да не забудут людие дел божиих. Бе же место то тогда на Кучкове поле, * близ града Москвы, на самой на велице дорозе Володимерской. Сию же церковь сам свяща митрополит во имя святыя Богородица честнаго устретения. Устави же ся таковой праздник праздновати февраля 2, а икону сретоша августа 26 день, на память святых мученик Андреана и Наталии. И тако ту бысть монастырь и в нем игумен и братия, чернеци живяху и Христе Иисусе.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ТУРКАМИ

В лето 5803 царствующу в Риму богосодетельному великому Константину Флавию, со тщанием великим отвсюду собрах отземствованных христьян, нача укрепляти и разширяти веру христьянскую, * церкви божия украшати, а ины преславны воздвизати, а идолы сокрушати и домы их в славу богу превращати. И к тому законы многы устави, яко идольская капища святителем Христовым и христьяном точию владети и рядити. В среду же и в пяток постигися страстей ради Христовых, а неделю празновати воскресения ради Христова. Жидом же отинудь жертвы не творити, и на распятие не осуждати никого же нечестия ради креста Христова, и раб им не покупати никому же, и на златнице образ его написати. И бысть радость велия повсюду христьяном.

В 13 же лето цесарства его, советом божиим подвизаем, восхоте град создати в имя свое и посла мужей достойных в Асию и в Ливию и в Европию на взыскание и избобрание преславна и нарочита места на создание такового града; онем же возвращающимся, сказаваху цесарю различныя места преславная, а наипаче похвалиша ему Макидонию и Визандию.* Он же больма прилежаще мыслию на Трояду, идеже и всемирная победа бысть греком на фригии; * и сие умышляюще царю в дни и в нощи, слыша в сне глас: «В Визандию подобает Константину граду создатись». И абие цесарь возбудився от сна, вскоре посылает в Визандию магыстров * и градских делателей готовить место; сам же цесарь, оставив в Риме кесари: два сына, Константа и Константина,* а сыновца своего Адаманта в Бретанию* [послав], поиде с матерью своею Еленою в Визандию, с нею же взят и жену свою Максиминоу, дщерь Диоклитиана царя, и сына своего Константина, и Ликиния, зятя своего, и два брата своих, Далмата и Констандина, и Далматова сына, Далмата же, и Константиновых два сына, Галу

и Улияна,* и пришед в Визандию, виде на том месте семь гор и глушиц морских много. И повеле горы рыти и нижняя места наполняти и на глушицах столпы каменные ставити и на них своды сводити и равняти место, а сам цесарь пребываше в Визандии. Егда же уготовиша место, собра цесарь вельмож и мегистан* и магистров и начат умышляти, како быти стенам и стрельницам и вратам градцким, и повеле размерити место на три углы,* на все стороны по семи верст, тако бо бе место то межи дву морь — Чернаго и Белаго.*

И се змий внезапу вышел из норы, потече по месту, и абие свыше орел спад, змия похвати и полете на высоту, а змий начат укрепляться вокруг орла. Цесарь же и вси людие бяху зряще на орла и на змию; орел же возлетев из очью на долг час, и паки явися низлетающ и паде с змием на тож место, понеже одолен бысть от змия. Людие же текше змия убиша, а орла изымаше, и бысть цесарь во ужасе велицем и, созвав книжники и мудреци, сказа их знамение, они же, поразсудив, сказаша цесарю: се место седмохолмый наречется* и прославится и возвеличится в всей вселенней паче иных градов, но понеже станет межи дву морь и бьен будет волнами морскими, — поколебим будет. А орел — знамение крестьянское, а змий — знамение бесерменское, и понеже змий одоле орла, являет, яко бесерманство одолеет хрестьянства. А понеже крестьяне змия убиша, а орла изымаша, являет, яко напоследок паки хрестьянство одолеет бесерменства и седмохолмага примут и в нем воцарятся. Великий же Константин о сем возмутися зело, но обаче словеса их vele написати, а магистры и градцкие делатели раздели на двое, ибо единой стране повеле размерити градские стены и стрельници и начати град делати,* а другой стране повеле размерити улицы и площади на римский обычай; и тако начаша делати церкви божия и двор цесарский и иные дома славны — вельможам и мегистаном и всем сановником, и воды сладкие приводити.

В седьмое же лето виде цесарь мало живущих в граде, зане велик бо бе зело, и тако сотвори, послав из Рима и от иных стран собрав достославных вельмож и мегистан, рекша, сановник, с множеством людей их ту приведе и, дома велия создав, даст им жити в граде со устроением великим и цесарскими чины, яко и своя дома и отчества им забыти. Созда же цесарь и полату великую, иподрому предивную и две поле устрои,* рекше, улицы покровены на торгование. И назва град Новый Рим.* Потом же созда церкви преславные: Софею великую, святых Апостол и святых Ирины, и святого Мокия и архангела Михаила;* постави ж и пречюдный он столп багрянный, его же из Рима принесе морем трю леты до Царяграда, зане велик бе зело и тяжек, от моря ж до торгу летом еди-

ным привезен бысть. Цесарю часто приходящу и злато много дающе людем брежения ради, и положи [в] основания 12 кош, их же благослови Христос, и от древа честнаго и святых мощей на утверждение и сохранение предивнаго и единокамennaго онаго столпа, и постави на нем кумир, * еже принесет от солнечнаго града Фругийскаго, имущаго на главе семь луч, також и ины вещи предивны и достохвальны принесет из многих стран и градов. И, преукрасив град, возда ему честь велию обновлением и праздниқы и торжества великими на многие дни, и так устави, да ся зовет град той Царьградом, и бысть радость велия во всех людех.

Днем же минувшим паки цесарь с патриархом и с святели собрав весь священнический чин, также и весь синглит цесарский и множество народа, сотвориша литию [и] мольбы, молением дающе хвалу и благодарение всемогущей и живоначальной троици, отцу и сыну и святому духу, и пречистые богоматери. И предаша град и всяк чин людцкый в руце всесвятей богородицы и Одигитрие, глаголюще: «Ты убо всенепорочная владычица и богородица человеколюбивая естеством сущи, не остави град сей, достояния твоего. Но яко мати крестьянскому роду заступи и сохрани и помилуй его, наставляя и научая во вся времена, яко человеколюбивая и милостивая мати: яко да и в нем прославится и возвеличится имя великолепия твоего во веки». И все людие рекоша: «аминь», и благодариха цесаря и похвалиша добрый его разум и еже к богу желание. Цесарь же понужаше стратиг * и градских наказателей храмы святых и дома мирския созидати на исполнение града; вельможам же и мегистаном и всем нарочитым людем тако заповеда: аще кто сподобится коей степени цесарского чина, да сотворит себе память достойну, дом да воздвигнет, или обитель славу, или иное здание дивно, яко да населится град преславными делесы.

Такоже и по нем цесарствующей цесари и цесарици, кыйждо в свое время, подвизашесь вещь преславу сотворити: овы бо на взыскание и собрание страстей господних, и пречистые богоматери ризы и пояса, и святых мощей, и божественных икон, но и того самого богомужнаго нерукотвореннаго образа, иже от Едеса; * овы же на прибавление града и домов великих, ины паки на воздвижение святых обителей и храмов божиих, якоже великий Иустиниан цесарь * и Феодосий Великий * и цесарица Евдокия * и ины мнози. И тако наполниша град преславными и дивными вещми, ими же и блаженный Андрей Критцкый * удивися рече: «Во истину град сей выше слова и разума есть». К сим же и пренепорочная владычице мати Христа бога нашего во вся времена баше цесарствующий град сохраняюще и покрывающе и от бед спасающе и от неисцельных напастей прменяюще. Такими убо великими и неизреченными благоденными

и дарованьми пресвятыя богородица сподобися град сей, яко и всему миру, мноу, недостойну быти тому.

Но убо понеже естество наше тяжкосердно и нерадиво, и, яко неистовы, еже на нас милость божью и щедрот отвращаемся и на злодеяния и беззакония обращаемся, ими же бога и пречистую его мать разгневаем и славы своея и чьти отпадаем, якоже есть писано: «злодеяния и беззакония превратят престолы сильных», и паки: «расточи гордыя мысли сердца их и низложи сильныя с престол», такоже и сий цесарствующий град неисчетными согрешеньми и безаконьми от толиких щедрот и благодеяний пречистые богоматери отпадшесь, тьмочисленными бедами и различными напастьми много лета пострада.

Також и ныне, в последняя времена, грех ради наших, овогда нахождением неверных, овогда голодом и поветреи частыми, овогда же межусобными браньми, ими же оскудеша сильнии и обнищаша людие и преуничижися град и смирися до зела, и бысть яко сень в винограде и яко овощное хранилище в вертограде.

Сия убо вся уведев тогда властвующей турки, безбожный Магумет Амуратов сын,* в миру и в докончанье сыи с цесарем Константином,* абие збирает воя многа землю и морем и, пришед внезапу, град обступи со многою силою.* Цесарь же с прилучившимися вельможами и вси людие града не ведяху что сотворити, понеже людцкаго собрания не бе и братиям цесаревым не сущим,* и послаша к Магумету салтану посланники, хотя уведати бывшее и о миру глаголати. Он же, безверен сый и лукав, посланники отосла, а град повеле бити пушками и пищальми, а ины стенобьеные хитрости нарежати и приступы градцкие уготовляти. Сущие же людие во граде, грекы и фрягове, выезжая из града, бяхуся с турки, не дающе им стенобьеные хитрости нарежати, но убо силе велице и тяжце сущи, не возмогаша им никоея пакости сотворити, зане един бяхшесь с тысящею, а два с тьмою. Сие же видев, цесарь повеле вельможам и мегистаном разделитьи воином градцкия стены и окны и врата; также и всих людей и клаколы ратные на всех странах изоставити, да койждо их вестъ и хранить свою страну, и вся яже на бранную потребу устрояет, и да бьется с турки со стены, а из града не выезжати. Також и пушки и пищали уставити по приступным местам, на обранение стенам. А сам цесарь с патриархом* и святители и весь священный собор и множество жен и детей хожаху по церквам божиим и мольбы и моления деюще, плачуще и рыдающе и глаголюще: «Господи, господи, страшное естество и неисповедимая сила, юже древле горы видевше, возтрепеташа и тварь потрясая, солнце же и луна ужасшесь блистанием их погибе, и звезды небесныя спадоша; мы же окаянныи, тая вся презрев,

согрешихом и беззаконвахом, господи, пред тобою, и тьмократне разгневахом и злобихом божества, забывающе твоих великих дарований и препирающе твоих повелений и, яко неистови, еже на нас милости и щедрот твоих отвратихомся и на злодеяние и беззаконие обратихомся, ими же далече от тебе отступихом. Вся сия, иже наведе на ны и на град твой святой, праведным и истинным судом сотворил еси грех ради наших, и несть нам отверсти усты что глаголати; но, убо всепетый и преблагословенный господи, создание и творение есмь твое и дело рук твоих, — не предай же нас до конца врагом твоим, и не разори достояния твоего, и не [от]стави милость твою от нас, и ослаби нам во время се, во еже обратится нам и покаются твоему благоутробию; сам бо владыка рекл есть: «Не приидох праведных спасти, но грешным на покаяние, во еже обратится им и живым быти». Ей, господи царю небесный, ослаби, ослаби ныне, пречистыя ради богоматере твоя и святых патриарх и цесарей, преж угодивших твоему божеству в граде сем. Сия вся и ина многа изрекшим, такоже и пренепорочней богородице от среды сердца стонанием и рыданием по вся дни моляхуся. Цесарь же объеждаше вокруг града почасту, укрепляя стратиг и воин, такоже и всех людей, да не отпадут надежею, ни ослабляют сопротивлением на врагы, но да уповают на господа вседержителя, той бо наш помощник и защититель есть, и паки обращаешь на молитву. Турки же по вся места бяхуся без опочивания день и ночь премеяющиеся, не дающе нимала опочити градским, но да ся утрудят, понеже уготовляхуся к приступу, и тако творяху отбой до 13 дне.

В 14-й же день * турки, откликнувшю свою безбожную молитву, начаша сурны играти и в варганы и накры бити * и, прикативши пушки и пищали многие, начаша бити град, такоже стреляти и из ручных и из луков тьмочисленных; граждане же от безчисленного стреляния не можаху стояти на стенах, но, западше, ждаху приступу, а инии стреляху из пушек и из пищалей, елико можаху, и многы туркы убиша. Патриарх же и святители и весь священнический чин бяху непрестанно молящиеся о милости божии и о избавлении града. Егда же турки начяху — уже всех людий с стен збиша, абие вскрывавши все воинство и нападоша на град вкупе со всех стран, кличуще и вопиюще, овыи со огни различными, овыи с лестницами, овыи со стенобитными хитростями и иными многы козни на взятие града. Градские же люди такоже вопияху и кричаху на них, бьющиеся с ними крепко. Цесарь же объежаше по всему граду, понужая люди свои, дающе им надежу божью, и повеле звонити по всему граду на созвание людем. Турки ж паки, услышавше звон велий, пустиша сурныя и трубныя гласы и тумбан * тьмочисленных, и бысть сеча велия и преужасна:

от пушечнаго бо и пищальнаго стуку и от зуку звоннаго и от гласа вопли и кричания от обоих людей и от трескоты оружия: яко молния бо блистаху от обоих оружия, также и от плача и рыдания градских людей и жен и детей, мняшесь небу и земли совокупитись и обоим колебаться, и не бе слышати друг друга что глаголет: совокупиша бо ся вопли и крычания и плач и рыдания людей и стук дельный и звон клакольный в един звук, и бысть яко гром велий. И паки от множества огней и стрелания пушек и пищалей обоих стран дымное курение згустився, покрыло бяше град и войско все, яко не видети друг друга, с кем ся бьет, и от зелейнаго * духу многим умрети. И тако сечахуся и маяся на всех стенах, дондеже ношная тьма их раздели: турки убо отыдоша в свои станы и мертвыя позабывше, а градские людие падоша от труда яко мертвы, токмо страж единых оставиша по стенам.

На утрия же повеле цесарь собрати трупия, и не обретоша людей: вси бо бяху спяща утрудився, и посла цесарь к патриарху, да повелит священником и дяконом собрати мертвыя и погresti я, и абие собрашася множество священник и дяконов и взяша мертвыя и погребоша их: бяху же число греков 1740, а фряг и армен 700.

Цесарь же, возьмь боляр, поиде по стенам града, хотяще видети ратных, понеже не бе от них ни гласа, ни послушания, вси бо бяху опочивающе, и видеше полны рвы трупия, а ины в потоцех и на брезех, и пометиша всех убьенных до 18 тысяч и стенобитныя сосуды мнози, их же повеле цесарь пожещи. И тако поиде с патриархом и со святители и со всеми соборы во святую великую церковь * мольбы и благодарение воздаяти всесильному богу и пречистые богоматере, чаяху бо уже отступити безбожному, толико падение видево своим.

Он же, безверный, не тако помышляше. Но во второй день посла видети мертвыя своя, и яко сказаху ему много мертвых, вскоре посла мнози полки взяти трупия своя. Цесарь же заповеда, да не деют их ни которою бранью, яко да очистят рвы и потоци. И тако взяша своя трупы безбранно и пожгоша и.

Видев же безбожный турок, яко не успе ничтоже, но паче своих погуби, и повеле магистром вскоре прибавити пушки и пищали мнози на биение града и ины стенобитныя козни готовить, и в седьмый день * паки безверный повеле ити войску и тако ся бити якоже и первые, без опочивания.

Цесарь же Константин посылаше по морю и по суку, в Аморею к братии своей, и в Венецию и в Зиновию * о помощи, и братия его не успеха, понеже распря велия бе между ими и с арбанаши * ратовахуся, и фрягови не восхотеша помощи, но глаголаху в себе: «не дейте, но да возьмут и турки, а у них мы возьмем Царьград». И тако не бысть ни откуда помощи: един

токмо Зиновьянин князь именем Зустуня * прииде цесарю на помощь на дву кораблях и на дву катаргах * вооруженных, имея с собою 600 храбрых, и проиде сквозе все рати морския турского * и доиде до стены Царяграда; его же видев, цесарь обрадовася зело, дающе ему честь велию, понеже ведом быше цесарю. И тако испроси у цесаря худшее место града, идеже больши приступают туркове. И придаде ему цесарь людей своих на исполнение двою тысяч. И бьяшася с туркы тольма храбро и мужественне, яко отступить от того места всем турком и к тому не приходити на то место. Зустуня же не токмо свое место снабдеше, но и по стенам града обхожаше и укрепляше и наставляя люди, да не отпадут надежда, и на бога упование неподвижно держати, и не ослаблятися в делах, от всея душа и от всего сердца братися с неверными, и господь бог поможет ны. Таковыми убо словесы многими уча люди и наставляя их, яко изнаказан бе до зела ратному делу, и возлюбилша его вси людие и послушаху его во всем, [иже сказываше им]. Туркы же бьяшеся по всем местом, якоже преди рекохом, без опочивания прменяющеся, занеже множество тем бяху их.

В 30-й же день по первом приступе * паки прикатиша пушкы и пищали и ины стенобитныя сосуды, и им же не бе числа всеми силами, в них же пушкы бяху 2 велице, иж ту сольяны: единой ядро в колено, а другой в пояс, * и начаша бити град непрестанно со все страны польные, а противу Зустуня навадиша пушку большую, зане на том месте бе стена градская и ниже и хуже, и яко удариша по тому месту, начат стена колебаться, а в другие удариша, и сбиша стены сверху яко саженой пять; в третий же не успеха, зане ночь успе. Зустуня же то место ночью задела и другою стеною древяною с землею снутри подкрепи; но что мочно бе учинити против такие силы? На утрия же паки начаша бити то же место из многих пушек и пищалей, и яко утрудилша стену, навадив стрелиша из большие пушкы, уже чаяху разорити стену, и божиим велением поиде ядро выше стены, токмо семь зубов захвати, и ударися ядро по церковной стене и распался яко прах. И видевше ту сущие людие благодарилша бога, и яко уже о полудне навадилша в другие. Зустуня же, навадив пушку свою, ударил в тое пушку, и разседеся у ней зелейник; * се же видев, безверный Магмет възярился до зела и возопи великим гласом: «ягма, ягма!» * сиречь — на разграбление града. Абие вскрича воинство все, приступилша к граду всеми силами, по земле же и по морю всякими делы и хитростями на взятие града; градские же люди вшед на стенах от мала и до велика, но и жены мнози противляхуся им и бяхуся крепче, яко патриарху и святителем и всему священническому чину токмо остаться по церквам божьим и молиться с рыданием и стонанием. Цесарь

же паки объежаше по всему граду, плачуще и рыдающе, моля стратиг и всех людей, глаголюще: «господа и братия, малы и велици, днесь прииде час прославити бога и пречистую его мать и нашу веру христьянскую: мужайтесь и крепитесь и не ослабляйте в трудах, ни отпадайте надежею, кладяюще главы своя за православную веру и за церкви божия, яко да и нас прославит всещедрый бог». Сия и иная многа вопиюще цесарю к людем; и повеле звонити по всему граду; такоже и Зустуней, рыщуще по стенам, укрепляше и понужаше люди. И яко слышаша люди звон церквей божьих, абие укрепишася и охрабришася вси и бяхуся с туркы крепчае перваго, глаголюще друг другу: «днесь да умрем за веру христьянскую». И якоже предписаном: кый язык может исповедати или изрещи тоя беды и страсти: падаху бо трупия обоих стран, яко снопы с забрал, и кровь их течаше, яко реки по стенам; от вопля же и крычания людскаго обоих, и от плача и рыдания градскаго, и от звуку клакольнаго, и от стуку оружия и блистания мняшеся всему граду от основания превратитися; ти наполнишася рвы трупия человека до верху, яко чрез них ходити турком, акы по степенем, и битись: мертвыя бо им бяху мост и лестница к граду. Тако и потоци вси наполнишася и брегы вкруг града трупия, и крови их акы потоком сильным теши, и пажушине галатской, сиречь Иальмену всему, * — кроваву быти, и воблизу ровов по долям наполнитись крови: тако сильне и нещадне сечахуся, и аще не бы господь прекратил день той * — конечная бо уже бе погибель граду, понеже граждане вси уже бяху изнемогше.

Нощи же наставши, туркы отступиша к станом своим, акы уставше, а градские люди падоша кои же и где успе от труда. И не бе тоя нощи слышати ничто же, разве стонание и вопль сеченых людей, но и еще живи бяху.

Наутрия же цесарь повеле священником и дьяконом також собрати трупия и погresti я, а иже еще бяху живы раздати врачем. И собраща мертвых греков и фряг и армен и иных пришлых людей 5700; Зустуня же и вси вельможи поидоша по стенам града, смотряюще стен и трупия неверных, и тако сказаше цесарю и патриарху до 35 000 убыеных.

Цесарь же бе плача и рыдая не престаше, видяще падение своих людей, а помощи ниоткуда чающе, и неотступное дело неверных. Патриарх же и весь клирик, тако и весь синклит цесарский, взяша цесаря и поидоша, утешающе его, к великой церкви на молитву и благодарение всемилостивному богу, такоже и множество благородных жен и детей с царицею, понеже вси людие бяху еще опочивающе от безмерных и неприемных истомы. И повеле патриарх позвонити по всему граду, заповеда всем людем, иже не бяхуть на брани, и женам и детям коиждо их, да пойдут к своему приходу, молящеся и бла-

годаряще бога и всенепорочную его мать, владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию. И бяше видети по всем граде всем людем и женам притичющим к Божиим церквам, со слезами хваляще и благодаряще бога и пречистую богоматерь, и тако проводиша день той и всенощное пение.

Безверный же трупия своих людей не восхоте взяти, помышляше метати их пороки* в град, да согниют и усмердят град; неции же в них, знающе град, сказоваху им величество града и пространства и яко не коснется им смрад. И абие пришед со многою силою, взяша их и пожгоша; крови же оставшей в рвех и в потоцех сгнившися — смрад приношаше велий, но обаче граду не повреди, ветру относящу.

И сим тако бывающим, никакo не ужасеся безбожный, но в 9-й день* потом паки повеле всему воинству приступити к граду и брань створити по вся дни, а пушку ону велию паки позеле переделати того крепчае.

Сия же уедав, вельможи и Зустуня, собрався вкупе с патриархом, начаша увещавати цесаря, глаголюще: «Видим, цесарю, яко сей безверный не ослабеет делом, но паче готовится на большее дело, и что сотворим, помощи ни откуду чающе? Но подобает тебе, цесарю, изыти из града на подобное место, и услышавше людие твои и братия твоя к тебе придут на помочь, но и арбанаша, убоявся, придут к сим же, еда како и он безбожный, устранився, отступит от града». Сия и ина многая изрекше цесарю и корабли и катаргы даяхуть ему Зустуневы. Цесарь же на долг час умолча, испущая слезы, и тако рече им: «Хвалю и благодарю совет ваш и вем, яко на пользу ми есть сия вся, понеже могут сия тако быти; но како аз се сотворю и оставлю священство, церкви божия и цесарство и всих людей? и что ми сорчет вселенная, молю вы, рцете ми? Ни, господии мои, ни, но да умру zde с вами». И, пад, поклонися им, плачуще горько. Патриарх же и вси ту сущие людие восплакаша и прекратиша речи, да не паче молва будет в людех. И послаша паки в Амморею и во все острови и в фрязах о помощи. Граждане же в день бяхуса с туркы, а ночи влязаху в рвы и пробиваху стены ровныя от поля и изныряху землю по застенью в многие места, заделающе многы сосуды с зелием с пушечным; такоже на стенах уготавлиаху многие сосуды, наполняяще смолья и серы горячее со смолоу и с посканию и с зелием с пушечным.

Днем же минувшим 25,* тако быющися по вся дни, паки безбожный повеле прикатити ону пушку велию, бе бо увязана обручи железными, чаяху укрепити ю; и яко пустиша ю впервые, абие разсядися на многыя части. Он же, безверный, мняшися поруган быти, и вскоре заповеда туры* прикатити к граду всеми силами, иже бяху велици и покровены; и егда уставиша

туры по всему берегу рва, хотяху, наполнивше рвы деревья и хвостом и землею, придвинуты и приклонити туры к граду и тако подкопавати стену в многие места и извернути на землю. И яко приступиша множество людей рвы засыпати, абие граждане зажгоша сосуды зеленныя, иже бяху заделаны вне рва, и внезапно возгреме земля, акы гром велий, и подъяся с турами и с людьми, яко буря сильная до облакы, и бе слышати трескот и сотрение тур и вопль и стонание людских страшно, яко обоем бежати: граждане убо с стен в град, а турки от града далеча; и падаху с высоты людие и деревья: ины в град, а ины в враги, и наполнишася рвы турки; и яко въздыша паки граждане на стену и видеша во рве множество турок, абие зажигаху бочки с смолою и пуцаху на них, и погореша вси. И тако божием промыслом в той день избавися град от безбожных турок.

Злонравный же Магумет со множеством воин своих издаля бже смотря бывшее и помышляюще что сотворити, такоже и ратные вси убоявшеся — отступиша от града. Греки же, вышед из града, побиваху во рвах турки, кои еще живи бяху, и, собравше их в многие кучи, сожигашут их вкупе со оставшими турами. Цесарь же с патриархом и весь священный клирик бяху по всем церквам молящася и благодаряше бога, чающе уже конец бранем. Такоже и той зловерный Магумет много дний советовавше, предложиша отступить в свояси, зане уже морской путь приспе, и чаяху отвсюду помочь граду; но убо понеже беззакония наша превзыдоша главы, и грехи наша отяготеша сердца наша, в еже заповедей божиих не послушати [и в путех его не ходити], гнева его камо убежим? Цесарю убо во граде с патриархом, тако и вси людие совет совещаща не благ, глаголюще: «понеже он, зловерный, тако многа дни стоит безбранно, паки готовится, но да пошлём к нему о миру, еже и сотвориша». Он же, лукавый, се слышав, порадовася в сердце своем, чающе, нужна некая прииде граду, и отложше свое отступление, нача совещевати о миру. * И тако отвеща посланником: «Понеже цесарь так благо совеща и просит мир, и аз се сотворю; но да изыдет цесарь из града в Амморею, такоже и патриарх и вси людие, иже восхотят, без вреда, оставивше мне град пуст, и аз мир вечный сотворю, да не вступлюся в Амморею, ниже в островех его, некоторою хитростию в веки. А иже не всхотят изыти из града, да будут во имени моем без вреда и без печали». Сия вся слышавше, цесарь и патриарх и вси людие абие встенавше от среды сердца и рече на небо воздвигше, глаголаху: «Заступниче наш господи, призри от высоты славы твоя, низложи гордыню сквернаго сего и избави град достояния твоего, ибо людие есмь владычества твоего и овча пожити твоя, живущей в дворе твоем в единое

стадо, и камо изыдем, оставивше пастыря и наставника своего? Ни, господи цесарю, ни, но да умрем вси zde в святем дворе твоём и в славу величества твоего». Сия вся изрекшим, паки уготовляхуся на брань, кающейся о послании к Моаметю, зане тем удержажу его.

Днем же трием минувшим * сказаща окаянному турку, яко пушка она велия сляся добре, * и тако совещаще безбожный еще поискусити ю и повеле паки воинству всему пойти к граду и брань творити по вся дни. Се же бысть за наши грехи божие попущение, яко да сбудутся вся прежереченная о граде сем при Костянтине велицем цесаре и Льве премудрем и Мефодием Паторомским. *

Убо в 6-й день маия месяца паки безверному повелевшу бити града в то ж место, идеже и первее, бьхут и изю многих пушек по три дни и, яко утрудивша стену, и удариша из большыя пушкы, и спаде камене много. В другыя удариша, и распадеша стены великое место, но уже вечеру наставшу, туркы начаша стреляти из многых пушек в то же место, тако и чрез всю ночь, не дающе гражданом заделывати того места. Грекы же тоя ночи уготовивша башту велию против того всего места. На утрия же паки туркы удариша из большыя пушкы пониже того места и вывалиша стены много; и тако в другое и в третее. И яко уже учинивша место велико, абие вскричав множество людий, вскочивше на то место, друг друга топчюще; такоже и грекы из града: и сечахуся лицом к лицу, рыкающе, акы дивныя звери. И бе страшно видети обоих дерзости и крепости. Зустуня же паки собра многыя люди, воскричав нападе на туркы тако мужествене, яко в мгновении ока сби их [с] стены и наполни ров мертвых. Амурат же, некий янычанин, * крепок сый телом, смешався с грекы, доиде Зустуня и начат сещи его люте. Гречин же некий, скочив [с] стены, отсече ему ногу секирою и тако избави Зустуня от смерти. Флабуар * же паки западный, Амарбей, с своими полкы нападе на грекы, и бысть сеча велия. Такоже из града Рахкавею стратигу со многими людьми преспевшу на помочь греком, бьяшесь крепко с туркы и прогна их даже до самаго Амарбея. Он же, видев Рахкавею люте секуща турок, обнажив меч, нападе на нь, и сечахуся обое люте. Рахкавей же, наступив на камень, удари его мечем по плечю оберучь и разсече его на двое: силу бо имяше велию в руках. Туркы же, вскричавше злостию, окружиша его тьмочисленне и сечаху его; греки же нужахуться крепко отъяти его, и не возмогаша, но и падоша мнози, и разсекоша турци Рахкавею на части, и тако прогнаша греков в град, и бысть греком плач и ужась велия о Рахкавее, понеже ратник бе велий и мужествен и цесарю любим.

И уже ночи наставши, преста сеча, и разъидошася обои, и туркы убо начаша пакы стреляти из пушек на разрушенное место, а гражане начаша битву ширити и делати крепко о всей прогалине и навадиша в ню пушкы многие тайне, зане башта бе изнутри града.

На утрия же, яко видеша туркы стену незаделану, вскоре наскочиша и бяхуса с греки: грекы же бьющеся с ними, побегаху от них, а турки вскричаху на них, и вскоре нападоше множество их, чающе уже одолевше; сгустившим же ся многим турком, греки же разбегоша и пустиша на них пушкы и побиша много турок. И яко испустиша пушкы, внезапно нападе на них из града Палеолог стратиг Сингурла* со многими людьми и бьяше их крепко; восточный же флабурар Мустафа* вскоре найде на грекы со многою силою, и сечаше их сурово, и прогна их в град, и уже хотяху стену отъяти; Феодор же тысячник* совокупився с Зустунеем, поскориша на помощь, и бысть сеча велия, но убо туркы осиловахуть их. Цесарь же, бьяше в притворе великия церкви со всеми боляры и стратиги, советую о устремлении безбожнаго, глаголюще: «Се уже по вся дни непременно секущеся с туркы, колико тысяч погибне нашего люду, и аще вперед також будет, — всех нас погубят и град воспримут. Но, собравшеся с избранными и назнаменовшеся, изыдем из града ночью в подобное время и, богу помогающе, нападём на них, якоже иногда Геден на мадиямлян,* или да померем за божия церкви, или да избавление получим». Тако убо советующе, мнози на то укланяхуса, надеяхубося на цесаря, зане ведяху храбрости и силу его, велик бо бе зело и исполин силою. Кир Лука же и архидукс* и Николай епарх* умолчаша на долг час и тако рекоша: «Се уже пять месяц прошли, отвели же начахом братися с туркы, просяще милость божию, и аще будет воля его, еще можем и ины пять месяц братися с ними. Аще ли же не будет божией помощи, и тако сотворим — единым часом вси погибнем и град погубим». Великий же domestik и с ним логофет* и ини мнози вельможи совещаху, да изыдет цесарь из града, взем с собою избранных колико мочно, на отсеку града, не дающе турком толико дерзостне приступати к граду, и издалече потребная провадити; и пакы, да услышав христьяне, зберутся к нему многие люди. И так умышляющим им сказаша цесарю, яко уже туркы выйдоша на стену и одолевают гражан; цесарю же погнавшу напрасно и всем вельможам и стратигом, и минувше цесаря и вельмож, стратиги поскориша на помощь, и стретоша народ много бегающе и бья, возвращаху их; Зустуня же с инемы стратиги бяхуса с турки уже в граде, овогда побегающе пред туркы, овогда окреплшеся, возвращахуса и боряхуса с ними, а ини турки мнози мосты сотворше, на конях въезжаху. Стратигом же

всем снемшимся с Зустунеем, нападаху на турки сурово и возра-
тиша их до стены, но убо турком многим вшедшим в град,
конным и пешцем, возвратиша паки стратиг и бяху их нещадне,
соваху бо ся на них, аки дивии звери. И аще не бы ускорил
цесарь к ним, конечная уже бе погыбель граду; достигшу же
цесарю вопияше на своих, укрепляя их, и, возрыкав яко лев,
нападе на турки со избранными своими песца (sic) и конники и
сечаше их крепко: их же бо достигаше, разсекаше их надвое
и иных пресекая на-полы, не удержаваше бо ся меч его ни о чем.
Турки же скликахуся против крепости его и друг друга поню-
каше на нь и всяким оружием суляху его, и стрелы безчислены
пущаху на нь, но убо якоже речеса, бранныя победы и цесарское
падение божиим промыслом бывает: оружия бо вся и стрелы
суетно падаху и мимо его летающе, не улучахут его. Он же един,
имея меч в руце, сечаше их и на них возвращашеся, бежаху от
него и путь ему даяху, и погна их к разрушенному месту и ту
затеснившимся побиша их много, а иных збиша из града и за
рвы. И тако божиею помощию в той день цесарь избави град,
и уже вечеру бывшу турки отступиша.

На утрия же епарх Николай повеле гражаном избьенных
турок выметати из града и за рвы, на показание безбожному:
и бысть их числом, якоже рекоша, до 16 000, и по совещанию
взяша их турки и пожгоша. Епарх же паки повеле разрушенное
место все заставити дровом и башту делати, чающе има уже
отступить, окаянным. Безбожный же Магумет не тако совеща,
но по три дни собра башни свои и санчак-биев, тако рече им:
«Видим убо, яко гаурове охрабришася * на нас, и тако браняще
с ними не одолеем их, понеже о едином месте токмо братися, о
разрушимем — многими людьми невместно, а малыми людьми
премогают нас, и так одолеют нас, но да сотворим паки ягму,
якоже и первие, придвинувше туры и лестница к стенам града
на многие места и разделившимся гражаном по всем местом
на сопротивление, абие приступим крепко к разрушиму месту». И
еже совеща окаянный, божиим поущением тако и со-
твори: туры убо и лесницы и ины козни многы приступные
повеле уготовляти, а воином паки повеле братися с гражаны;
и тако бяхуся по вся дни, не дающе гражаном опочивания.

В 20 же первый день мая, грех ради наших, бысть знаме-
ние страшно в граде: нощи убо против пятка * освятися град
весь, и видевши стражи, течаху видети бывшее, чаяху, бо
турки зажгоша град, и вскрикаше велиим гласом; собравшим-
же ся людем мнозем видеша у великия церкви Премудрости
божия у верха из вокон пламену огненну велию изшедшу, ок-
ружившу всю шею церковную на долг час, и собрався пла-
мень в едино пременися пламень, и бысть яко свет неизрече-
ный, и абие взятыся на небо; онем же зрящим начаша плакати,

горько вопиюще: «Господи помилуй!» Свету же оному, достигшу до небес, отверзошася двери небесныя и, приявше свет, паки затворишася. На утрие же шедше сказаша патриарху. Патриарх не собрав боляр и советников всех, поиде к цесарю и начаше увещавати его, да изыдет из града и с царицею, и яко не послуша их цесарь, рече ему патриарх: «Вести, о царю, вся прежереченная о граде сем, и се ныне паки ино знамение страшно бысть: свет убо он неизреченный, иже бе содействуя в велицей церкви божия Премудрости с прежними светильники и архиереи вселенскими, такоже и ангел божий, его же укрепил бог при Устиниане цесари на сохранение святыя великия церкви и граду сему, в сию бо ночь отъидоша на небо: и се знаменует, яко милость божия и щедроты его отъидоша от нас и хочет бог предати град наш врагом нашим». И тако представи ему оных мужей, иже видеша чудо, и яко услыша цесарь глаголы их, паде на землю, яко мертв, и бысть безгласен на мног час, едва отольяше его араматыными водами. Воставшу же ему рече патриарху и всем боляром, да запретят с клятвою онем людем, да не возгласят сия народом, яко да не отпадут в отчаяние и ослабеют делам. Патриарх же паки начат крепко увещевати цесаря, да изыдет из града, такоже и боляре все глаголюще ему: «Тебе, цесарю, изшедшу из града с елицыми восхощеши, паки, богу помогающе, мочно есть и граду помощи и ины грады и вся земля надежу имеюще, тако вскоре не предадутся безверным». Он же не уклонися на то, отвещаваши им: «Аще господь бог наш изволи тако, камо избегнем гнева его», и паки: «Колико цесарей прежде мене бывшеи, велицы и славны, тако пострадаша и за свое отечество помроша; аз ли паки последней сего не сотворю. Ни, господии мои, ни, но да умру zde с вами», и отступи от них. Зустунея же паки, пришедше со иными боляры, много увещаваху цесаря со слезами и рыданием, да изыдет из града, и не послуша их.

Во второй же день, егда услышаше людие отшествие святого духа, абие растаяшася вси, и нападе на них страх и трепет. Патриарх же бяше укрепляя их и учаще не отпасти надежию, но: «Держайте убо, чада, держайте, — глаголаше, — и на господа бога спасения нашего возложим и к нему руце и очи от всея душа возведем, и той нас избавит от врагов наших и вся сущая на нас вражия совещания ражденет». Сицевыми и ины многими бяше укрепляя народа. И тако с святители и всеми соборы, взявше священные иконы, обхожаху по стенам града по вся дни, просяще милость Божию, со слезами глаголюще: «Господи боже наш, безсмертный и безначальный, содетель всея твари, видимыя и невидимыя, иже нас ради, неблагодарных и злонравных, сшед с небесе, воплотился и кровь свою за ны пролия: призри убо и ныне, владыко и царю, от святого жилища тво-

его на смиренныя рабы твоя, и приими грешное наше моление, и приклони ухо твое и услыши глаголы наша, конечно погыбающих. Согрешихом бо, господи, согрешихом на небо пред тобою, и мерскими делы и студными всячески себе непотребны сотворше небу и земли, и тоя самая временныя жизни, и несмя достойны возрети на высоту славы твоея, озлобихом бо твою благодать и разгневахом твое божество, престапующе и попирающе твоих заповедей и не послушающе твоих повелений. Но убо сам, царю и владыко, человеколюбец и незлобив сый, долготерпелив же и многомилостив, пророком своим рек: „яко хотением не хочу смерти грешнику, но яко еже обратитися и живу быти“; и паки: „не приидох праведных призвати, но грешных на покаяние“; не хочещи бо, владыко, создание твоих рук погубити, ниже благоволиши о погибели человечестей, но хочещи всем спастися и в разум истинный приити. Тем же и мы, недостойнии, создание и творение твоего божества быв, не отчаваемся своего спасения, на твое же безчисленное благоутробие надеяся, припадем и воследуем всем сердцем и ищем милость твою. Пощади, господи, пощади, их же искупил еси животворною кровию своею, и не предай же нас врагом и суперником владычества твоего, и избави нас от обстоения днешняго и обышедших ны зол и напастей; свободи по множеству милости твоея, и изми нас по чудесем твоим, и даждь славу имени твоему, да посрамятся врази твои и да постыдятся от всякия силы, и крепость их да сокрушится, да разумеют, яко ты еси бог наш, господь Иисус Христос, в славу богу отцу». Таковыми убо и иными многими молебными глаголы по вся дни молящися, чаяху спасения своего, тако и вси людие бяху притычюще к святым божиим церквам, плачуще и рыдающе и руце на небо воздеюще, просяще у бога милость. Но убо елико прежде благодатей и даров божиих и пречистыя богоматери благодеении сподоблени быхом, толико ныне, грех ради наших, помилования и щедрот божиих лишены быхом. «Егда бо, рече, прострете руки ваша ко мне — отовращу очи мои от вас и аще придете явитимися — отовращу лице свое от вас»; и паки: «елико сотвориши, елико делаеши — ненавидит сия душа моя»; таковым убо ответом и мы ныне грех ради наших уподобихомся, и мольбы и моления наша неприятна суть богови. Турки же, якоже пред рекохом, по вся дни брань творяще гражданом, не почиваху. А окайнный Магумет собрав воин своих, раздели им места к приступу: убо Карач-бею противу цесарских палат и деревяных врат и Калисария, * а Бегиляр-беем: восточному — противу Пигии и Златаго места, а западному — против Хорсуни вся; * сам же безверный нарек себя посреди их, противу врат святого Романа и разрушенного места; столу же морскому Балтауглию и Загану — обе стене

от моря, * яко да окружают весь град в едино время и в един час ударити бранию на град по земли и по морю.

И тако урядив скверныи в 26 день маия, проповедником их откликавше скверную свою молитву, абие, взкрячавше, все воинство скакаху к граду и прикативше пушкы и пищади и туры и лесница и грады деревянные и ины козни стенобитныя, им же не бе числа, такоже и по морю придвинувше корабли и катаргы многыя и начаху бити град отвсюду и мосты на рвех наряжати, и яко уже забиша со стен граждан, вскоре придвинувше грады деревянные и туры высокия и лесница тьмочисленныя, нуждахуся силою взойти на стену, и не даша им грекы, но сечахуся с ними крепко. Баши же и воины и нарядчики их понужающе турок и бьюще их, восклицаху и вопяху на них. Магумет же окаянный со всеми чины врат своих заиграв во все игры и в тумбаны, и вопли великими возшумеша, аки буря сильная, и прииде на полое место, и таким суровством мняше бо внезапно похитити град; стратигом же многим, приспевшим з Зустунею на помощь, бяхуся с турки крепко, и бысть пагуба велия гражданом. Но убо еще часу суда не приспевшу, премогахуся с ними; цесарь же и вельможи с ними скакаху по всему граду, плачуще и рыдающе молящеся боляром и стратигом и воином всим, тако и всему народу, да не отпадут надежею, ни да ослабеют делом, но дерзностию и верою несумненно братися с врагы, и господь бог поможет ны; и повеле звонити по всему граду на собрание людем, и собравшеся всем людем по стенам бяхуся с туркы, и бысть сеча велия, яко страшно и жестоко видети обоих дерзость и мужества. Патриарх же со всеми соборы баше во святей велицей церкви и неотступне моля бога и пречистую его богоматерь о поможении и укреплении на врагы. Егда же услыша звону, взявше божественныя иконы, изыде пред церквою и ста на молитву, осеняюще крестом весь град, и рыдающе и глаголюще: «Воскресни, господи боже, и помози нам конечно погибающим, и не отрыни людей своих до конца, и не дай же достояния твоего в поношение сыроядцем сим, да не рекут: „где есть бог их“, но да познают, яко ты еси бог наш, господь Иисус Христос, в славу богу отцу. Сиде и к святей богоматере возглашающе: „О всевятая владычице, стани, руце воздев к сыну своему, богу нашему, и утиши, владычице, иже на нас гнев божий и пагубу, уже бо, пресвятая госпоже, при устех адовех есмя: поскори, о всемилостивая и человеколюбивая мати, и изми нас, объемше десною ти рукою, прежде даже не пожрет ны ад, яко да и всем прославиться и возблагодарить всесвятое и великолепное имя твое“». Сидево вопиюще и моляся непрестаху, царю же приспевшу к полому месту и видеб брань тяжчайшу, ста и сам ту и вси вельможи, и яко сказаша ему безбожнаго устремленье, абие возопи воином, плачуще: «О бра-

тия и друзи, ныне время обрести славу вечную за церкви божия, за православную веру, и сотворити что мужественное на память последним». И, ударив фарис,* хотяще бо проскочити разрушенное место, достигити Магумета, на отмщение крови христьянские; и яша его вельможи и оружники песца нужею, зане невместно бо дело, Могумету безбожному в силе тяжсче сущу, цесарь же, обнажив меч, обратися на турки и якоже кого достигаше мечем по раму или по ребром — пресекаше их; Турки же, ужасшися крепости царевы, бежаху и разлучахуся, стратиги же и воины и вси людие очютивше своего цесаря, охрабришася вси и скакаху на турки акы дивии звери. И тако пробиша и за рва; Магумет же ста крепко и повеле турок быше возвращати на грекы, и бысть сеча премрачна, зане стрелы их помрачи свет. Греки же паки с обеих стран стены метаху на турки смолы горячие и смолья пучмы великыи зажигающе,* и уже солнцу зашедшу и ночи наставши, сеча же не преста, но огни безчисленные безбожный сотворше, сам скакаше по всем местом, крыча и вопия понужающе своих, чаяше иже пожрети град, но убо греки и прочие люди сущи на стенах, огражьшеся дерзостию, вопияху друг другу: «поскорим, братие, на осуженное место и помрем за святыя церкви». И тако сечахуся крепко с турки до полунощи и согнаша их с забрал* и с градов их на землю, и преста сеча, но не отступиша от града окаянный, брегуще своих градов и иных козней.

На утрия же греки восхотеша зажещи в многих местах козни их и грады деревянные, и не даша им турки стрелянием многим из луков и из пищалей. Падение же обеих стран, а наипаче ранних — кто может исчести.

От девятое же години того дни паки безверный повеле бити град возле разрушенного места изо многих пушек и пищалей, и, навадивше пушку большую, удариша в башту, тако в другие и в третьи, и разбиша башту, и тако пройде той день; ночи же наставши, Зустуней паки с всею дружиною и фряги все начаша башту созидати. Христьянское же согрешение не возхотесе, но прилетев ис пушки ядро каменное на излете, и ударив Зустуней по персем,* и разрази ему перси, и паде на землю: едва его отольяша и отнесоша и в дом его. Боляре же и вси людие и фрягове, иже беша с ним, растаяху и не ведаху, что сотворити. Се же бысть изволением Божиим на конешную погибель граду, понеже полое оно место он храняше великою силою и мужеством, храбр бо бе и мудр и ратному делу преискусен. Егда же сказаше цесарю, абие распадесе крепостию и истаяше мыслию и скоро поиде к нему, такоже патриарх и вси вельможи и врачеве утешающе его, хотяху бо аще бы мощно было душа своя вдунути в него, объяше бо их скорбь и печаль велия о нем, занеже братом его имейше цесарь, многия ради

веры его и бодрости. Врачеве же чрес всю оную ночь тружались о поможении его и едва исправиша ему грудь, вшибленное место от удара. И абие отдохнул от болезни. И даша ему мало брашна и питие, и тако почи [той нощи] мало; оставшей же дружине его у башты созидаху башту, но не успеха ничтоже. Зустуня же паки повеле себя нести тамо и начат делати башту с усердием великим, но дню еже преспеvшу, егда видеша туркы башту делающих, вскоре пустиша на них из многих пушек и не даша им делати; онем же постранившимся от пушек, вскоре наскочиша множество турок на полое место, також и греки против, и бысть брань велия. Флабурар же некий со многими срачины* яростне нападе на греки, в них же бяху пять страшных возрастом и взором, и бяху граждан нещадно, такоже из града протостратор* и сын его Андрей со многими людьми поскориша на туркы, и бысть сеча ужасна. Видевша же со стены три братеники пять мужей оних срачин бьюще тако сильне граждан, скачиша со стены, нападоша на них и сечяхуся с ними люте, яко удивитися турком, и не деяти их, чающе убиеным быти от срачин. И убиша граждане дву срачин; тако воскричав, нападоша на них множество турок, онем же обранающеся от них, уйдоша в град, бяху же трие ты инафты: * один гречин, другой угрин, а третий арбонаш. О полом же месте сеча не преста, но паче растяше, турком бо велицей силе приступльшие сечяхуся и погоняху граждан сурово; стратиги же и вельможи вкупе с Зустунеем мужествоваху крепко, и падоша множество людей от обеих стран. Но еже бог изволи, тому не прейти: прилетевшу убо склопу и удари Зустуня* и срази емо десное плечо, и паде на землю аки мертв, и падоша над ним боляре и людие, крыча и рыдая, и поношаше его прочь, тако и фрягове вси пойдоша за ним. Туркы же, слышав рыдание и смятение людцкаго, абие, возкличав, напустиша всеми полкы и потопташа граждан и возгнаша их в град, бя и сеча их. Видев же стратигы и вси граждане больма прибывающих турок, начаша бежати, и егда постигахуть их нужею — возвращахуся и боряхуся с ними, и погыбель конечная уже бе постигла град, аще бы не поскорил цесарь с избранными своими. Царю же приспевшу, срете Зустуня еще жива суща,* восплакася о нем горько, и начаша возвращати фряг с молением и рыданием, и не послушаше его, и, пришед, поношаше своих о слабости их и немужество, и абие возвращаше бегающих, а сам нападе на туркы и, понюкнув своим, вниде вратных, быаше их мечем по плещу и по ребром, аще и по коню ударить — падаху под ним, и не удержеваше бо меч его ни збруи, ни конская сила. Туркы же искликахуся и друг друга понюкаша на нь, сам же не смеяше, оружия же, иже метаху на нь, якоже преди рекохом, вся суетно нападаху, мимо его ле-

тающе, не улучахут его, еще убо часу не приспевшу. Он же на них возвращашеся, бежаху от него и разлучахуся и даяхут ему путь, и тако прогнаша турков к полому месту, и спустившимся ту множеству народу, побиша их граждане безчислено, закалаху бо их аки свиней, дондеже пройдоша полое место, а иже бежаша на сторону по улицам — тамо побьени быша. И тако божиим промыслом в той день избавися град: турки бо отьидоша от града, а граждане же падаху опочивати, и не бе тоя нощи ничесоже.

Цесарь же с патриархом и вси воины поидоша в великую церковь и возблагодариша бога и пречистую его мать. И похваляху цесаря и тако неции сказаша, яко и сам цесарь в сердци своем вознесся, но и отшествие поган чаяху, не ведаху бо божие изволение.

Магумет же, видев толикое падение своих и слышав цесареву храбрость, тоя ночи не спа, но совет велий сотвори: хотяше бо тоя ночи отступить, зане уже и морской путь преспе и корабли многие придут на помощь граду, но да сбудется божие изволение, совет той не свершися, и яко уже о семой године тоя ночи начат наступати над градом тьма велия: воздуху убо на аере огустившуся, нависеся над градом плачевным образом, ниспущаше, аки слезы, капли велицы, подобные величеством и взором буйвальному оку, черлены, и терпяху на земли на долг час, яко удивитися всем людем и в тузе велицей и во ужасе быти. Патриарх же Анастасие вскоре собрав весь клирик и синклит, поиде к цесарю и рече му: «Светлейший цесарю, вся прежереченная о граде сем добре веси, тако и отшествие святого духа виде и се пакы ныне тварь проповедует погибели града сего; молим тя: изыди из града, да не вси вместе погибнем, бога ради изыди», и поведаша ему много деяний прежних цесарей сим подобна, такоже и клирик весь и сунклит много глаголаше ему, да изыдет из града, и не послушаше их, но отвещаваше им: «Воля господня да будет!» Магумет же окаянный, яко виде тьму велию над градом, созва книжники и молн и вопросы их: «Что есть сия тьма над градом?» и рече му: «Знамение велико есть и граду пагуба».

Он же, безбожный, повеле вскоре уготовити вся воя, и пусти напред тьмочисленнии оружники песца, и пушки и пищали, и за ними все войско, и прикатив против полаго места, начаша бити о всем том месте, и яко отступиша далече граждане, поскориша песца очистити путь ратным и рвы изровняти, и тако напустиша турки всеми полкы и потопташа граждан конником мало сущим; стратигом же и мегистаном и всим конником приспевшим, укрепилша народ и боряхуся с турки. Цесарю же пригнавшу со всеми вельможи и со избранными своими конники и песца оружники и нападе на турки, уже многу сущу

войску внутри града, и смешався с ними, сечахуся тяжким и зверообразным рвением и прогнаша их к полому месту. Бегилар-бей же восточный, велику сущу и мощну, воскричав со всею силою восточною и нападе на греки, и размеси полки их, и прогна их, и, взяв копие, напусти на цесаря. Цесарь же, подав ему щит, отведе ему копие, и ударив его мечем в главу, и разсече его до седла, и абие возопиша турки многими гласы и падши отъяша его и отнесоша. Цесарь же, пригласив своих со восклицанием многым, внидоша во все полки их и, бя их, прогнаша из града. Но Карач-бею баше, собравшу множество войска, приде гуфою и гордостию великою* на полое место, и вниде в град, и прогна цесаря и всих граждан. Цесарь же паки помолився стратигом и всим мегистаном и вельможам, тако и народу, укрепи их и возвратився нападоша на турки, уже отложше живота, и паки прогнаша их из града. Но аще бы горами подвизали, божие изволение не премочи: аще бо, рече, не господь созиждет храм, всеу тружаемося жиждущей. Турком убо множеством много суще пременяхуся на брань, гражаном же всегда единым — от многого труда изнемогаху и падаху, аки пияни, такоже и цесарю и всим воином, ни откуду ж помочь чающе, распадоша крепостию и истаяша мыслию, обьяша бо их скорбь и печаль велия. Магмет же окаянный, слышав восточного бегилар-бея убийство, плакаше много: любяше бо его, мужества ради его и разума, и възъярився поиде сам своими враты и со всеми силами, а на цесаря повеле навадити пушки и пищали, бояше бо ся его, да не изыдет из града со всеми людьми и нападет напрасно на нь. И пришед, безбожный ста против полаго места и повеле первое бити из пушек и [из] пищалей, да отступят граждане, таче напусти Балтавулия башу со многими полки и три тысяща избранных и заповеда им, да улучат цесаря, аще и до смерти постражут или да из пищали убьют его. Стратиги же и мегистаны и вси вельможи, видев устремление безверного, пришедша в силе тяжше, и стреляния зельного, отведоша цесаря, да не всеу умрет; он же, плача горько, рече им: «Помните слово, еже рех вам и обет положих: не дейте мене, да умру zde с вами». Они же отвечаваху: «Мы вси умрем за церкви божия и за тебя». И взял отведоша его от народа и много увещаху его, да изыдет из града, и дав ему конечное целование, стоя и рыдая возвратившася вси на уреченное место. Балтауглию же приспевшу со многою силою, стретоша его стратиги на полом месте, но не возмогоша удержати его, и вниде в град всеми полки и нападе на граждан, и бысть сеча крепчайшая всех прежних, и падоша стратиги и мегистаны и вси вельможи, яко ото многих мало отъядоша на извещение цесарю, тако и граждан и турков, им же не бе числа, тритысячники же рыстаху и совахуся на все страны, аки дивии

звери, ища себе лову цесаря. Магмет же окаянный паки вскоре урядив, разсылаше всю свою рать по всем улицам и по вратам цесаря бречи, а сам ся оста токмо с яничаны, обрывся в обозе и пушки и пищали уготовив, бояшебоя цесаря. Цесарь же, яко слыша божие изволение, поиде в великую церковь и паде на землю, прося милость Божию и прощение согрешением, и простився с патриархом и со всеми клирики и с цесарицею и поклонився на все стороны, поиде из церкви, и абие возопиша весь клирик и весь народ сущий ту, и жены и дети, им же не бе числа, рыданием и стонанием, яко мнетися церкви оной великой колебаться и гласи их, мню, до небес достигаху. Идушу же цесарю из церкви сей едино прирек: «Иже хочет пострадати за божия церкви и за православную веру, да поидет со мною», и всед на фарис, пойде к Златым вратам, чаяше бо стретити безбожнаго. Всех же воин собрашеся с ним до треу тысящ, и обрете во вратах множество турок стрегущи его, и побиваше их всех, поиде во врата, но не можаше пройти от многоаго трупия, и паки сretoша их множество турок и сечахуся с ними и до нощи. И тако пострада благоверный царь Костянтин* за церкви божия и за православную веру, месяца мая в 29 день, убив своею рукою, яксеже оставшей сказаща, больма 600 турков, и збытсся реченное: «Костянтином создася и паки Костянтином и скончася».

Зане согрешением осуждение судом Божиим временем бывают, злодеяние бо, рече, и безаконие превратит престолы сильных. О, велика сила греховнаго жала, о, колико зла творит преступление! О, горе тебе, седмохолми, яко погании тобою обладают, ибо колико благодатей Божиих на тебе возсияша, овогда прославляя и величая паче иных градов, овогда многообразне и многократне наказая и наставляя благими делы и чудесы преславными, овогда же на врагы победами прославляя, не престаше бо поучая и к спасению призывая и житейским изобилием утешая, но украшая всячески; такоже и препорочная мати Христа бога нашего неизреченными благодеянии и неизчетными дарованьми помиловаше и храняше во вся времена. Ты же, яко неистовен, еже на тебе милость Божию и щедрот отвращашесь и на злодеяние и безаконие обращашесь, и се ныне открыся гнев Божий на тебе и предаст тебе в руце врагов твоих, и кто о сем не восплачется или не возрыдает?

Но убо паки да придем к прележащему. Царица же в онь же час прият прощение от цесаря и иночество прия.* Оставшии же стратиги и бояре взем царицю и благородных девиц и младых жен многих, отпустиша в Зустуневы карабли и катарги во острова и в Амарию к племянам. Народи ж по улицам и по двором не покаряхуся турком, но бяхуся с ними, и падоша того дни от них много людий и жен и детей, а иных

полоняху; такоже и в окнах сущи воины, не предаше окны, но бяхуся с двоими туркы, вне града сущими и внутри града, и в день одолеваемы бежаху и скрывахуся в пропастьх, а ночи вылазяху и побиваху турков, а инии людии и жены и дети метаху на них сверху полат керамиды и плиты* и паки зажигаху кровли палатные деревянные и метаху на них со огни, и пакость им деяху велию, и ужасахуся баши и сензяк-беи и не ведяху, что сотворити, но послаша к салтану: аще не сам внидеши в град, не одолен будет град.

Он же взыскание сотвори велие о цари и о царици, и не смеяше в град ити, и бысть в размышлении в великом, и позва боляр и стратиг, их же поимаше на боех и их же баши взяша на свои руки, и вда им слово свое крепкое и дары, посла их с баши и санчак-беи рещи гражаном по всем улицам и сущим в окнах слово салтаново с клятвою: «да престанет брань без всякого страху и убийства и пленения; аще ли же ни — всих вас и жены и дети ваши меч пояст». И сему бывшу, преста брань, и вдашася вси боляром и стратигом и башам на руки, и, се слышав, салтан возрадовася и посла град чистити, улицы и поля, в 11 же день посла санчак-беев по всем улицам с многими людьми бречи израды.* А сам поиде со всеми чины врат своих в врата святого Романа к великой церкви, в ню же бяху собраны патриарх и весь клирик и народу безчислено, и жен и детей, и, пришед на поле у великия церкви, слезе с коня и пад на землю лицом — взят персть и посыпа главу, благодаряще бога, и почюдився оному великому зданию, тако рече: «воистину людие сии быша и прендоша, а ини по ним сим подобни не будут», и поиде в церковь, и вниде мерзость запустения в святилище божие и ста на месте святем его. Патриарх же и весь клирик и народ возопиша слезы и рыданьми и падоша пред ним; он же помавав рукою, да престанут, и рече им: «Тобе глаголю, Анастасие, и всей дружине твоей и всему народу: з днешняго дне да не убоятся гнева моего, ни убийства, ни пленения». И, обратився, рече башам и санчак-беем, да запретят всему войску и всякому чину моих врат, да не деют весь народ градский и жен и детей ни убийством, ни пленением, ни иною враждою никоторою, аще ли же кто преступит нашего повеления — смертию да умрет. И повеле выслати вон, да пойдут койждо в свой дом, хотяше бо видети уряд и сокровища церковная, да сбудется реченное: «и вложит руже своя в святая жертвенная, и святая потребит, и даст сыновом погибели». Народу же идущу до девятих годовины и еще многым сущем в церкви не дожда — изшед из церкви. Видев исшедших полно поле и во все улицы идущих много, и удивися толику народу от однаго храмини исшедчим, и поиде к царскому двору, и ту срете его некий сербин, принесе ему цесареву главу. Он же возрадовася зело и вскоре

позва бояр и стратиг и спроси их, да рекут ему истину, аще то есть глава цесарева. Они же, страхом одержими, рекоша ему: «То есть сущая глава цесарева». Он же облобыза ю и рече: «Явна тя бог миру уроди, паче же и цесаря, почто тако всеу погиге». И посла ем к патриарху, да обложит ю златом и серебром и сохранит ю, якоже сам вестъ. Патриарх же, взем, положи ю в ковчезец сребран и позлащен и скры ю в великой церкви под престолом. От иных же паки слышахом, яко оставшей от сущих с цесарем у Златых врат украдоша его тоя нощи и отнесоша его в Галату иохраниша его. О цесарице же бывшу велику испытанию, сказаша султану, яко великий дукас и великий domestik и анактос * и протостраторов сын Андрей и братанич его Асан Фома Палеолог * и епарх грацкий Николай отпустиша цесарю в карабли, и абие повеле их, истязав, посещи.

И сим сие бываемым и тако совершаемым, грех ради наших, беззаконный Магумет седе на престоле царствия благороднейша суща всех иже под солнцем и изобладаше владеющих двема части вселенныя и одоле одолевших гордаго Артаксерксия, * невместима пучинами морскими и вояводя ширя земля и потреби потребивших Трою предивну и семьюдесятью и четырьма крали обороняему. Но убо да разумеши, окаяние, аще вся пржезреченная Мефодием Патаромским и Львом Премудрым и знамения о граде сем совершишася, то и последняя не прейдут, но такоже совершится имут. Пишет бо: «Русии же род с пржеде создательными всего измаильта победят * и Седмохолмаго примут с пржеде законными его и в нем воцарятся и судержат Седмохолмаго русы, язык шестый и пятый, и насадит в нем зелие, и снedyт от него мнози в отмщение святым». И паки в последнем видении Данилове: * «И встанет великий Филипп с языки осмьнадесят, и соберутся в Седмохолмом, и сразится бой, иже не бысть николи же, и потекут по удолием и по улицам Седмохолмаго яко реки крови человеческыя, и возмутится море от крови до Теснаго устья. * Тогда Вовус возопиет и Скеролаф восплачет и Стафорин речет: «Станите, станите, мир вам, и отмщение на непослушных. Изыдите на десные страны Седмохолмаго и обрящете человека у двою столпов стояща, седиными праведными и милосгива, носяща нишяя, взором остра, разумом же и кротка, средняго верстою, имеюща на десней нозе посреди голение белег: возьмите его и венчайте цесарем». И взявше чetyре ангела живоносны и введут его в святую София и венчают и цесаря и дадут в десную руку его оружие, глаголюще ему: «мужайся и побей враги своя». И восприем оружие от тоя ангела и поразит измаильты и ефиопы, фругы и татары, и всяк род. И убо измаильты разделит на трое: первую часть победит оружием, вторую крестит,

третью же отженет с великою яростию до Единодубнаго, * и в возвращение его откроются сокровища земная, и все обогатят и никто же нищ будет, и земля даст плод свой седмерицею, оружия ратная сотворят серпове, и царствует лет 32, и по сем встанет ин от него. И тако, поувидев смерть свою, идет во Иерусалим, да предаст цесарство свое богу, и оттоле воцарятся четыре сынове его: первый в Риме, а второй в Александрию, третий в Седмохолмом, четвертый в Селуни. * Сия убо вся и ина многая проорицания и знамения писания содержит о тебе, граде божий, их же всещедрый и всеблагий бог да совершит на пременение и на поправление скверныя и безбожныя сея веры атаманскыя и на обновление и укрепление всея православныя и непорочныя веры христианстей, ныне и присно и в веки веком аминь.

Списатель же сим аз многогрешный и безаконный Нестор Искандер, * из млада взят быв и обрезан. Много время пострадал в ратных хождениях, укрываясь семо и овамо, да не умру в окаяной сей вере. Тако и ныне в сем великом и страшном деле ухитряясь овогда болезнию, овогда скрыванием, овогда же совещанием приятелей своих. Уловляя время дозрением и испытанием великим, писах в каждый день творимая деяния вне града от турков. И паки, егда попушением Божиим внидохом в град, временем испытах и собрах от достоверных и великих мужей вся творимая деяния во граде противу безверных. И вкратце изложих и христианом предах на воспоминание преужасному сему и предивному изволению Божию.

Всемогушая же и животворящая Троица да мя приобщи́т паки стаду своему и овцам пажити своея, яко да и аз препрослаблю и возблагодарю великолепное и превысокое имя твое. Аминь.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ ДМИТРИИ БАСАРГЕ И СЫНЕ ЕГО БОРЗОСМЫСЛЕ *

Повесть о Дмитрии купце и о премудром слове сына его

Бысть неки купец богат зело в Русской земли во граде Киеве, именем Дмитрей. И некогда прилучися ему отплыти от славного Царяграда. И взя с собою рабов много и единого сына своего, возрастом семи лет. Плывшим же им по морю, и внезапно воста ветер велик и носяще корабль по волнам тридцать дней. И узрев Дмитрей издаля град велик, и возрадовася, и обрати корабль ко граду тому, и присташа ко берегу, и видеша триста тридцать кораблей стоящих тут. Купец же рече: «Что сии корабли стоят? Мняся же, яко земля богатая, торгуют в ней купцы».

И сниде с корабля купец, иде во град. И сretoша его граждане и рекоша ему: «Откуда еси, купче, и коея веры?» Он же рече: «Аз есть руския страны, верую во святую троицу, отца и сына и святого духа». И рекоша ему граждане: «Брате купче, единыя веры с нами! Но токмо за наше согрешение послал нам бог царя законопреступника еллинския веры, хощет нас привести к своей вере. Видиши ли, купче, приходят купцы со всех стран и хотяще торговать в сем царстве, и царь им загадал: три загатки велел отгадать. А все приводит к своей вере! Сих ради загадок триста тридцать кораблей стоят, а купцы сидят в темнице; а царь не велит на торгу хлебов печь, дабы голодом измерли». Сие же Дмитрей услыша от граждан, возвратися на корабль свой, хотя отплыти от града того.

И прииде на корабль свой, ажно на корабле стоят царевы стражи. Таков закон от царя: каков приидет корабль, а царь поведит стражам своим стрещи, дабы прочь не отошел.

Купец же Дмитрей взяв дары и поиде ко царю и ста пред царем и рече: «Государь Несмеян Гордой, пришел купец из руския страны, чтоб ты, государь, дары принял, а торговать велел

во своем царстве всяким товаром». И рече царь купцу: «Буди, купче, ко мне обедать, а дары у тебя по времени прииму».

И приде купец обедать и обеда у царя. Царь же рече: «Купче, коея веры?» Купец же рече царю: «Аз есть земли руския, верую во святую троицу, отца и сына и святаго духа». Царь же рече ему: «Аз чаях, купче, единыя веры со мною. Аз хотел тебе власть дати, торговать велел в своем царстве всяким товаром, з дары бы ты и с проводники отпустил. А ныне сказываешь про себе, что не моя веры, но руския. Ведомо тебе буди, купче, отгадай мне три загатки, что я тебе загадаю. Аще ли отгадаешь, и аз тебе велю торговать в своем царстве безданно и безпошлинно, з дары и с проводники отпущу ты. Аще ли не отгадаешь единыя загатки, и ты пребывай в моей вере, и аз тебе воздам велию честь. Аще ли загадок моих не отгадаешь и в вере моей не пребудешь, ведомо ти буди, купче, яко главу твою отсеку мечем!» Купец же, слыша, пониже главу свою и, не смея что отвещати царю, тако рек: «Царю, державе твоей тако буди! Только дай мне сроку на три дни, в четверты день отгадаю твои загатки». Царь же даде ему сроку.

И приде купец на корабль свой, плача, смертного часа чая. А сын его играет на корабле на деревце, рукою держит, а другою погоняет, творяще на консе. И, виде отца своего печальна, остави игру свою, притек ко отцу своему и рече: «Что ты вижу, отче, печальна, и кое зло прилучися тебе от царя?» И рече отец сыну своему: «Чадо мое милое! Играешь ты по децки, а отцовы кручины не ведаешь: и что отвещать царю, того ты не знаешь. Ты еще млад и несмыслен; аз есть и смыслен, а не умею, что отвещать царю!» Отрок же рече отцу своему: «Отче, скажи мне, что тебе царь рек: яз помогу ти!» Он же воздохнув из глубины сердца своего и рече: «Немочно тебе помочи, младому отрочяти!» Рече сын отцу своему: «Отче, поведай ми, аз помогу ти! Ведомо ти буди, отче: доброй конь на езде познаваеца, а милый друк по любви! Скажи ми, отче, что тебе царь рек и какую речь. Аще ли не скажешь, то от царя смерть примешь и меня погубишь!» Отец же слыша мудрыя глаголы сына своего и рече: «То мне царь рек: велел у себя отгадать три загатки. И тех ради загадок триста тридцать кораблей стоят, а купцы сидят в темнице, терпят нагату и скорбь и жажду имени ради Христова. А царь не велит на торгу хлебов печь, дабы голодом померли. Аз же, страха ради царева, взял сроку на три дни, а в четверты день хочет царь главу мою отсеци, а товар мой на себя хочет взять!» Отрок же рече отцу своему: «Повели ми, отче, глаголати пред собою. Безумных мужей рыдание твое; хочет един печаль свою утаить, а мне, возлюбленному сыну своему, не поведаешь. Аз, отче, помогу ти! Возверзи на господи печаль твою, и той ты препитает; молися богу, а царевы загатки отгадаю». И, взял игру, начя играти. Отец же прием от сына своего малу утеху, но мня во уме своем: «Он меня

тешит, а то ему пред царем глаголати невозможно!» И плакася всю три дни.

Уже свитающу четвертому дни, и призва купец сына своего и рекл: «Сыне мой, той день пришел, которого есть прошал! Что мне велишь глаголати пред царем?» Отрок же рече: «Отче, поидем мы с тобою пред царя, и возьмем мы с собою единого раба. Воля господня да будет, буди имя господне благословенно от ныне и до века!» Отец же дивися разуму ево и поиде ко царю с сыном и с рабом.

И прииде и поклонилася вси равно до земли. Царь же рече купцу: «Купче! Сей день пришел, его же ты у меня просил: отгадай загадки?» Отрок же рече: «Дай ми пить меду, я твои загадки отгадаю». Царь же рече детищу: «Где тебе мои загадки отгадать, а я загадываю сему купцу, а не тебе!» Отрок же рече: «Аз есть сего купца сын, отгадаю загадки за отца своего». И царь налив чашу златую меду. Он же даде отцу своему. И рече: «Отче, скрый чашу в недра своя: цареву даяние не отходит вспять!» Отец послушал сына своего, скры чашу в недра своя. Царь же налив чашу другую и подаде отроку. Отрок же испив и скры, тако же и рабу повеле скрыти и рече: «Цареву даяние не отходит вспять!» Царь же рече отроку: «Скажи ми, детище, первую мою загадку: много ли тово или мало от востока и до запада?» Отрок же рече: «Ни мало, ни много: день с нощию, царю! Солнце преидет весь круг небесной и от востоку и до западу единым днем, а нощию придет от севера и до юга. То тебе, царю, отгатка!» И дивися царь разумному ответу: детищ, что разумно отвечает. Царь же налив чашу и даде отроку, тако же отцу и рабу. Отрок же рече: «Отче, скрый чашу в недра своя!» Тако же и рабу повеле скрыти. И рече: «Цареву даяние не отходит вспять!» Царь же рече отроку: «Отгадай мне другую загадку во утри день, а ныне повеселимся!» Царь почти их и отпусти. Они же поидоша на корабль свой.

На утрии же повеле царь собрати попы и дьяконы, князи и бояра и всех граждан на предивное чюдо, что седми лет отрок царевы загадки отгадывает. Царь же сидя на престоле своем. Купец же приде с сыном и с рабом, а царь сидит на престоле среди двора своего. И рече царь: «Младый отрок и разумный, отгадай мне сего дня другую загадку: что днем десятая часть в миру убывает?» И рече детище царю: «Сих ради загадок триста купцов сидят в темнице, царю! Десятая часть днем воды усыхает от солнца из моря, из рек, из озер, а пощию десятая часть в миру прибывает, на тот час воды исполняютца, зане солнцу зашедшу и несияющу. То тебе, царю, отгатка!» Царь же дивися разумному ответу детища, что разумно ему отвечает. И рече царь: «Отгадай мне, детище, третью загадку, чтоб я поганой вам христианом не смеялся». Отрок же рече: «Теперво, царю, не отгадаю, потому что

не перет кем мне сказать. Дай мне сроку на седьмь дней, а в седьмый день повели, царь, кликати, дабы шли на царев двор попы и дияконы, князи и бояря, мужи и жены и вдовицы».

Царь же держа в руках своих меч и жезл, хотя главу отсець купцу, сыну и рабу. И прииде же купец с сыном и с рабом, сташа у престола царева и поклонишася вси равно до земли. Царь же рече: «Отгадай мне сего дни третью загатку, чтоб я поганой вам христианом не смеялся». Отрок же рече: «Ты, царю, велик, сидишь на престоле высоце; аз есть отрок млад, стою у престола твоего. И ты пусти мя на престол свой и дай мне с себя одеяние свое и жезл и меч своими руками, и я тебе отгадаю загатку». Царь же, слыша глаголы, ста во отступлении ума своего и, встав, сниде с престола своего и пусти детища и даде ему свое одеяние, меч и жезл. В себе же мысля: «Что ему, младому отрочати, зделать?» Бысть же молва велика в людех. Отрок же рече царю: «Повели молчать!» И бысть вельми тихо. И возопи детище и рече: «Попы и дияконы, князи и бояра! В котораго бога хотите веровать?» Возопиша вси людие: «Хотим веровать во святую троицу, отца и сына и святаго духа, — помози нам!» Детище же извлекши меч и отсече главу царю: «То тебе моя третья отгатка, не смеялся б поганой нам христианом!» И бысть молва велика в народе том. И рече детище: «Повелите молчати народом!» И бысть тишина велика в народе том. И рече детище: «Попы и дияконы, князи и бояре и вси людие! Кого себе царем поставите?» И возопиша вси людие: «Ты нас избавил от гордого сего мучителя, ты у нас и царь буди!» Он же рече: «А коли есть меня произволили над собою царем быти, не вашим то изволением. Аще бы не господь предал мне, младому отрочати, кому б мочно зрети на таковое величество и гордость? Царь бо именуется, и все царство покороено суть ему, а ныне предал бог в руки мои! Возвеличим господа и прославим милосердие его, давшего нам победу на врага наша, и избавил есть господь отца моего и меня, возлюбленного раба сьего, от лютаго сего мучителя и горькия смерти. Подобаеет славити святую троицу, отца и сына и святаго духа!» И вси людие возопиша с великою радостью: «Много лет государю нашему, царю новому, Борзосмыслу Дмитриевичю!» И дивишася вси людие мудрости ево и младости. И рече царь Борзосмысл Дмитриевич: «Взыщите мне патриярха!» Они ж ему рекоша: «Государь царь, патриярх, наш учитель, изгнан бысть злым сим отступником царем в заточении». И повеле царь вскоре выпустить, да благословит ево на царство и примет свой престол, яко же исперва, и нача учить людей закону божию и заповедем Божиим. И бысть радость велия в царстве том.

Они же с радостью — князе и бояре — послаша много посланников взыскати патриярха в заточении. Сказаша все по ряду патриярху, что содеяша в царстве том и како по нево послал новы

царь, Борзосмысл Дмитриевич. Патриарх же, слыша, прослезися и руце воздев на небо: «Владыко, что воздамы милосердию твоему, иже нам даровал еси в последняя времена и лета наша, не предал еси в руце беззаконному царю и избавил еси царство и люди от горькаго сего мучителя!» И поиде патриарх с радостию великою и с посланники к царству и возвестиша царю приход патриаршеский. Царь же повеле всему царству встретить патриарха с великою честью, со кресты и со иконы и со священники и с клиросы. Стары и велики, мужи и жены и вси людие встретоша патриарха, и не обрести такова человека, еже не плачуща, но вси плачут от великия радости. Патриарх же поклонися новому царю, Борзосмыслу Дмитриевичю, и весь град слезами исполнися. И кликнуша вси людие от великия радости: «Много лет государю нашему царю! Тебе много лет царствовать, тебе господь послал избавить нас и град наш от горькаго сего мучителя!» И подивися патриарх возрасту и смыслу его, и вниде в церковь, и сотвори молитву; яко же и первее подобает патриархом, постави на нем рог и масло древяное. И воскипе на нем рог, и благослови ево патриарх на царство. И вси людие кликнуша от мала и до велика: «Много лет государю нашему, царю новому, Борзосмыслу Дмитриевичю!»

Царь сотвори пир велик в то время и созва патриарха и всех людей, попов и дьяконов и всех князей и бояр. И повеле царь привести прежняго царя царицу, и рече царь: «Есть ли у тебя сын или дочь?» И рече царица: «Нет у меня сына; есть у меня дочь осьми лет, лепа и мудра вельми». И рече царь: «В котораго бога хочете веровать?» И рече царица: «Дай ми сроку, царю, на семь дней, в осьмый день прииду к тебе и скажу». Царь же даде ей сроку на семь дней.

В осьмый же день прииде царица со дощерию своею и рече: «Хощу веровать богу твоему!» Царь же повеле патриарху крестити царицу со дщерию ея вскоре, и венчася царь на той девице. Бысть паче радость велия в царстве том.

И повеле царь [привести] купцов ис темницы. И приведени быша пред царя. И царь, зря на них, прослезися. Лица их быша яко земля, а тела их прилепоша х костям, а власы их и брады отрастоша до раму, от глада и от наготы ризи их распадошася. Восплакася царь, на них смотрячи, и учреди их у себя три дни и роздав им имения их на кораблях. Они же поидоша каждо во свою землю, славяще и молящеся богу за новаго царя, Борзосмысла Дмитриевича.

И рече царь отцу своему: «Поди ты, господине отче, на свой корабль и привези мать мою и родителей моих!» Послушав отец сына своего и поиде на корабль свой, поплы во свою землю, иде же живяше. И прииде во свою землю с радостию великою и приде к жене своей и ко племени своему и поведа им вся, елика случися

ему злая и благая на пути, и како избави их бог от смерти, и како их сын царствует. Мати же ево, слыша сие чюдо, что сын ее царствует, исполнися великия радости, и весь дом ево возрадовася зело. И собращася вси сродницы его и весь дом ево на корабль и поидоша с радостию великою ко царству, где же сын ево царствует. И прииде к сыну своему отец ево со всем родом своим. Царь же встрети их с великою честию. И нача царь царствовать со отцем своим добре. Отец же ево под ним бысть вторым царем. И тако скончася добре отец ево, и погребе ево сын своими руками. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНЕ ГРАДЕ

Слово о Вавилоне о трех отрок. Послание от Леукія царя, а во крещеньи нареченато Василея, еже посла в Вавилон испытати знаменія у святых трех отрок — Онаньи, Озарьи, Мисаила **

А первое посла 3 человеки крестьянского роду и сурского.* Они же рекоша: «Неподобно нам тамо ити, но пошли из грек гречина, из обез обяжанина, из Руси русина». И посла, яко хотяхут.

Бяше близ Вавилона за 15 дний, рече им царь Василей: «Аще будет знамение святых zde, да не отлучюся от Ерусалима, но буду подобник вере хрестьянстей и поборник на врагы иноверныя за род хрестьянский».

И поидоша три мужи, Гугрий грецин, Яков обезжанин, Лавер русин, и ехали три недеде до Вавилона. И приидоша тамо и не видиша града: обросл бо бяше былием, яко не видити полаты. Они же пустиша кони и нашли бо бяху путец, малаго звери хождение. Бяше бо в былии том елико трава, а две части гада. Но не бысть им страха, и поидоша путем тем и приидоша ко змию.

Бяшет ту лествица от древа купариса прилождена чрес змея, а написано бо бяше на ней три слова: греческы, обезскы, рускы. Первое слово греческы: «котораго человека бог принесет к лествице сей...» Второе слово обезскы: «да лезет чрес змея без боязни...» Третье слово рускыи: «да идет с лествице чрес полаты до часовнице». Бяшет бо лествица та 18 степеней, така бяшет толстога змея того. Взидоша горе, аже тамо другая лествица внутрь, написано тако же. И преидоша чрес полаты, бяху бо полаты полны гада, но не створиша им ничто же.

Они же пришедше и влезоша в церковь, и наполнишася благоухания уста их. Бяху бо много деяний в церкви написана. И поклонишася гробом святых трех отрок — Онаньи, Озарьи и Мисаила, и ркоша: «Приидохом к вам по божию изволенію и вели-

каго царя Василя богохранимаго просить от вас знаменія». И стояше кубок на гробе Онаньины злат с каменіем драгым с жемцѹгом украшеным, полн мурѹ и ливан, и стеклянницю того не видихом. Мы же, вземшѹ ис кубка того, быхом веселе. И, воставше от сна, мыслихом взяти кубок с вином и нести ко царю. И бысть нам глас от гроба в девятый час дни: «Не возьмете знаменія зде, но идите в царев дом, возьмите знаменіе». Они же ужасны быша вельми. И бысть им глас второе: «Не ужасайте, идите».

Они же, вставше, идоша. Бяше бо царева полата от часовниці и внидоша в цареву полату, и видиша ту одр стоящ и ту лежаше два венця — царя Навходоносора * и царице его. Они же вземше, видиша грамоту, написано греческимъ языкомъ: си венци створене бысть, егда Навходоносор царь створи тело златое и постави на поле Дирелмсте. И бяху бо венци те от камени самфира, измарагды и жемчюга великаго и злата аравита. Си венци створены бысть доселе, а ныни положена бысть и на царе богохранимомъ Василен и царици блажений Александре молитвами святыхъ трехъ отрокъ.

И вшед в вторую полату и видеша запоны и памфиры царскыя, идеже прияша руками, и бысть все акы прах. И бяхут ту ларци со златомъ и серебромъ, и отвергше, видиша злато и серебро и каменіе многоценное и драгое. И взяша камень великихъ числомъ 20 донести цареви, а собе, яко могутъ отнести, и взяше кубокъ таковъ же, яко же у трехъ отроковъ.

И приидоша къ цѣркви и, вшедше, поклонишася тремъ отрокомъ, и не бысть имъ глас. И начаша тужити, и вземше отъ кубка того испивше и быхомъ весели. И бысть имъ гласъ заутра свитающа дни недельному и ркошач[и] имъ: умыемъ лице свое. И узревше кубокъ цѣрковный съ водою и умывше лица своя и воздаша хвалу богу и тремъ отрокомъ. Отпевше и заутреннюю и часы, и бысть имъ гласъ, яко: взясте знаменіе, поидите путемъ своимъ, богомъ водими, къ царю Василю. Они же, поклонишася, испивше по три стекляннице и поидоша къ змии и, прислонивше лѣствицю, полезоша чресъ змея и принесоша все, еже имѣяху. Сынъ жъ обежанинъ, именемъ Яковъ, запенся съ 15 степеніи и полете долу и убуди змея. И восташа на змеи чешуя, акы волны морскыя. Они же, вземше друга своего, поидоша сквозе быліе съ полу дни и видеша коня и другы своя. Егда начаша вскладывати бремя на своя коня, и свистну змей. Они же отъ страха быша акы мертвыи.

А гдѣ стояще царь Василей, ожидая детей своихъ, — бѣшетъ, я нарекъ собе, акы детей, — бѣше бо змея того свистъ и тамо. И падше отъ свиста того, ослѣпли бяхутъ, и мнози отъ стадъ ихъ изомроша яко до 3000, подошелъ бо бѣше за 15 дний. И отступиша отъ того мѣста за 16 дний и рече: «Уже мои дети мертвы». И паку рече: «Еще пожду мало».

Сии же воставше, яко от сна, и поидоша, и постигоша царя за 16 дний, и, пришедше, поклонишася цареви. И рад бысть царь и вси вои его. И сказавше ему по единому. Патриарх же взем два венца и, прочет грамоту, возложи на царя Василея и на царицю на Александрию, родом арменина наречеся. Царь же, взем кубок, повеле наполнити сухим золотом. А камней пять драгих посла в Ерусалим к патриарху. А что собе принесоша, поведавше цареви золото и серебро и камение драгое и жемчюг великий, царь же не взяше ничего же, но еще даст им по три верапра злата. И отпусти я и рече им: «Пойдета с миром, где суть отци ваши и матери, и прославите бога и 3 отроки и царя Улевуя, а во крещеньи нареченнаго Василея».

Царь же оттоле восхоте ити во Индию. Давид же царь критский рече: «Поиди на страны полунощныя, на врагы иноверныя, за род крестьянск».

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ ДИНАРЕ

*Слово и дивная повесть зело полезно о девице, Иверскаго царя дщери,
Динари царици **

У мершу Иверскому властодержцу Александру Мелеку и неимеющую детища мужеска полу, но едина дщерь остася 15 лет, зело разумна и мужествена, и непосягну присовокупитися мужеви. И предаде ей отец ея властодержество свое.

Она же бе мудра. И нача владети по преданию отца своего. В дни перскаго царя первые показа любовь к властодержцем своим и милость к народом и праведный суд. И паче всего прилежание имейше к божественному писанию. И о предних царех и властодержцех, какова пребывания в них и времен прехождения: и от того навиче воинской храбрости. Яко же пчела собирая от цветов мед, тако и сия Динара царица от памятных книг. И с многою кротостию правяше державу свою и попечение велие имейше о своем властодержестве. Яко бы добрый кормчий преплавати корабль через морскую пучину, и госпожа же сия печашеся, како бы ей быти в тихости.

И доиде слух перскому царю, яко умре Александр и прия власть иверскую дщи его царица Динара. И умысли персин прияти Иверию и попати веру их и посла к ней: «Аще хощеша от меня милости и державствовати, да сугубыя дары подаси нашему величеству. Аще ли не тако, не повелеваю ти власти держати, но отъиди. А еже нескоро послушаеши и величество мое на ся возъяриши, и милости не имам дати ти!»

Динара же царица виде посланники перския, с таковыми глаголы пришедшая, и посла к персину своя послы и дары, свыше отца своего, и глаголя: «Еже ми повелеваеши не держати власти, но не от тебе бо приях, но от бога ми дано свыше. И ты како имаши часть в жеребии богоматери? Но не того ради послах дары сия к тебе. Вы убо бесерменский закон, мы же истиннаго бога за-

кон имамы. И како глаголеши и величаешься, яко плениши мя, не дано ти будет свыше!»

И видев персин посланники ея, с таковыми глаголы пришедша, и не восприят даров, но с зверозлобством своим отпусти посланники ея бездельны, глаголя им: «Милость даю вам: аще хотите царствовать, но во единых срачицах повелеваю вам остатися; аще же не тако, иду на вас с величеством воинства моего и восприиму тя и вся вельможа твоя с тобою!»

Динара же царица слышав таковыя глаголы от перскаго царя и отосла посланники его и рече: «С таковым ополчением вооружаешься на мя, против немошной чади, девици! Аще и победиши мя, но без чести будеши, яко немошную чадь победил еси. Аще ли восприиму от бога моего победу и от богоматери его помощь и женскою вступлю ногою на царское тело и отъиму главу твою, и каковой чти сподоблюся, яко царя перскаго побежду женскою храбростию: иверским женам нанесу похвалу, а перским царем наведу срам!»

И слышав персин, възъярися люте. И поиде с многим ополчением на страну ея.

И нача Динара царица посылати вельможа своя против перскаго воинства. Они же рекоша к ней: «И како можем стати против многого воинства и такового перскаго ополчения!» Динара же царица отвеща к ним: «Вспомяните Девору и Гедсона * со многими вои мадеямяны победы. Не бог ли дарова им победу? И ныне той же бог и наша заступница пречистая богородица! Но не отягчаете! Аще ныне не вооружимся против иноверных и за свою веру не умрем, умрем же всякои, предамы себя в работство! И кою славу воздадим своему благочестию? Но посрамлени и безпамятни погибнем! И восприимете мужество и отверзете от себе женочрество! Егда убо наполнившимися долинам от дождевныя туча воды и преизлишнюю имуще мокроту и помалу от великого жжения солнечнаго изсушит мокроту, и много время пребудет земля суха, но и бесплодна, — и нужно собрание плодов ея; тако же и в нашей земли державе умножившимся народом и распространившимися; егда же ли возьмут ны персы и разпленают, како можем собрани быти и коей чти достойни будем, аще не восприимем храбрости и дадим себе в страхование и поверзем свое благочестие. И отженем от себе женство и восприимем попечение о своих сокровищех! Егда убо жена зачав в чреве и нача готова ей быти, тако же и вам, богатство и честь восприимшим и гордости наполнившимися: поверзаете народ, единовѣрных своих, и оставляете любовь к едиnorodным своим! Последи же и сами возрыдаете и повержени будете, яко худъй раб, на землю и потоптаем ногами и никим же небрегом. Отложите гордость и отверзете от себя страхование, и облецетеся во храбрство! Ежели пленят вы персы, и расточат вы и расхитят богатство ваше! Но что

ради тако закосняем? Но ускорим против варвар! Яко же и аз иду, девица! И восприиму мужскую храбрость, и отложу женскую немощь, и облекуся в мужскую крепость, и препояшу чресла своя оружием, и возложу броня и шлем на женскую главу, и восприиму копие в девичи длани, и возступлю во стремя воинскаго ополчения. Но не хочу слышати врагов своих, пленущих жребий богоматери и данные нам от нея державы! Та бо царица подаст нам храбрость и помощь о своем достоянии. Онем же убо персом борзящим и без сна пребывающим и конем их томящеся день и ночь и в великом труде пребывающим. Яко же жене, приближающихся к часу рождения чада своего, в великом растаянии тела своего пребывает, тако же и перси во многом истомлении. Но ускорим противо им и не дадим внити им во страну свою, идем на них богоматерью помощью! Аще возхощет владычице подати нам победу над враги своими, вся убо ей возможна. Но не отягчается своего ради благочестия, идем и начнем, богомати свершит. Аз же вопред вас начну с враги братися!»

Вельможи же слышащи таковая от уст ея, и охрабрившася, и собрашася вси и рекоша: «Дерзай, госпоже, дерзай!»

И повеле Динара царица собрати и вся воя своя. И поиде самодержательница к Тевризу в Шарбенский монастырь * пречистой богоматери помолитися о даровании помощи, пеши, необуvenными ногами по острому каменю и жестокому пути. И пришед в пречистый храм и паде пред образом ея и рече: «Владычице, госпоже, дево богородице! В твоём жребии державствую по твоему преданию, еже ми еси предала своим милосердием. Отца моего восприяла еси, мне же, властонеомощной чади, вручила еси над своим достоянием державствовати. Но виждь, госпоже, гордаго сего персина, надеющихся на ся и уповающего на множество воинства своего. Аз же, царица, надеюся на тя и уповаю на милосердие твое и помощи от тебя прошу. Не дай, госпоже, своего достояния в поппание врагом своим, но стани в помощь нашу, и не возвыси надеющихся на ся, и не уничижи уповающих на тя! Но, о владычице, поддися на враги, и ускори на помощь нашу, и даруй храбрство неомощной чади, и сокруши враги своя и покори под ноги верующим в тя. Аще, госпоже, твоим посещением и непобедимым воеводством богоматери побужду враги твоя, и вся нам преданая тобою от перских сокровищ да не восприиму на расхищение, но дам, госпоже, в дома твоя на украшение церквам твоим и на воспоминание твоея помощи и заступления, еже показала еси милость во своем жребии!»

И изыде из церкви и сяде на конь свой и рече к всем воеводам своим: «Друзи и братия! Аз главу свою положити напред вас хочу за достояние богоматери и за свое благочестие и за все православие нашея державы. Аще ли и вы тако же сотворите, бог да поспешит нам и пречистая мати его да подаст нам помощь.

Аще ли же того не сотворите, бог сокрушит вас и пречистая мати его да предаст вас в работу и в расхищение, яко же израильских иереов!»

И поиде из своея державы в стретение персина, и приближися к полком к перским, и взял копие и удари скоро на перские полки, и возопи гласом великим в ослушание обоим полком: «Господа нашего Иисуса Христа силою и пречистыя матери его помощию бежат перси!» И удари персина копием и пронзе.

И от гласа такового побегоша персы. Она же и вся воя ея с нею погнаша их и сечаху без милости, и ят царя перскаго. И отъят главу его Динара царица и вонзе на копие свое и несе ю во град Тевриз перский. И прият град и плени. * И взяв вся сокровище предних царей: камень многоценное и блюдо лальное, на нем же Навходонасор царь ядяше, и бисеру драгаго, злата же многое множество. И возложи дань на Тевриз на свою потребу, на масти драгия; а Шамахи повеле * на свои конские подковы имати. А прочии грады раздаде вельможем своим.

И возвратися во свою страну, показавый славную победу богоматерию, непобедимую победительницу, враги гордые победи. Такову бо пречистая дарова помощь немощной чади, и таково храбрство показа женским ополчением, и от такового гласу девицы толикое множество перских вои устрашишася, и таковым девицы пронзением копия смути, и таковою скоростию девицыяго гласа от страха персы омертвеша, и таковое дерзновение девице дарова в чужую страну [итти], и такову державу немощной чади вручи, и таков разум дарова богомати.

И пришед Динара царица во свою страну и преданное ей богоматерию сокровища царская обещание свое исполни: блюдо лальное, и камень драгое, и бисер, и золото, и вся царския потребы, еже взят от персов, раздаде в дома божия во своей области и не прикоснуса ни ко единому от царских сокровищ на воспоминание богоматере, еже дарова ей такову помощь.

И нача держати властодержество свое тихо и немятежно и с перс имаше дань и до преставления своего. И никто же смеяше от того времени дерзнути на ню от окрестных ея стран; и всегда под пречистыя заступлением пребывают, никим же обладаеми.

И правяще власть тридесат и осмь лет и шесть месяац. И предаст власть сродником своим по преставлении своем. И погребена бысть в Шарбенском монастыре. * Даже и до днесь нераздельно державство Иверское пребывает, а нарицается от рода Давида царя еврейскаго от царскаго колена. Богу нашему слава и пречистой богоматере. Аминь.

ПОВЕСТЬ О МУНТЯНСКОМ ВОЕВОДЕ ДРАКУЛЕ

Бысть в Мунтянской земли * греческия веры христианин воевода, именовем Дракула * влашеским языком, а нашим диавол. Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его. Придоша к нему некогда от турскаго поклисарие, и егда внидоша к нему и поклонишася по своему обычаю, а кап своих з глав не сняша. Он же вопроси их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику приидосте и такову срамоту ми учинисте?» Они же отвещаха: «Таков обычай наш, государь, и земля наша имеет». Он же глагола им: «И аз хощу вашего закона подтвердити, да крепко стоите», и повеле им гвоздем малым железным ко главам прибити капы и отпусти их, рек им: «Шедше скажите государю вашему, он навик от вас ту срамоту терпети, мы же не навыхом, да не посылает своего обычая ко иным государем, кои не хотят его имети, но у себе его да держит».

Царь же вельми разсердити себе о том и поиде воинством на него * и прииде на него со многими силами. Он же собрав елико имеше у себе войска и удари на турков нощию, и множество изби их, и не возможе противу великого войска малыми людьми, и возвратися. И кои с ним з бою того придоша, и начат их сам смотрити: кои ранен спереди, тому честь велию подаваше и витьязем его учиняше, кои же сзади, того на кол повеле всажати проходом, глаголя: «Ты еси не муж, но жена». А тогда, коли поиде на турки, тако глаголя всему войску своему: «Кто хошет смерть помышляти, той не ходи со мною, остани zde». Царь же, слышав то, поиде прочь с великою срамотою, безчислено изгуби войска, не сме на него пойти.

Царь же поклисаря посла к нему, да ему даст дань. Дракула же вельми почести поклисаря оного и показа ему все свое имение и рече ему: «Аз не токмо хощу дань давати царю, но со всем своим воинством и со всею казною хощу к нему ити на службу, да како ми повелит, тако ему служу. И ты возвести

царю, как поиду к нему, да не велит царь по своей земли никого зла учинити мне и моим людям, а яз скоро хошу по тебе ко царю ити, и дань принесу, и сам к нему прииду». Царь же услышав то от посла своего, что Дракула хочет прийти к нему на службу, и посла его почести и одари много. И вельми рад бысть, бе бо тогда ратуясь со восточными. И посла скоро по всем градом и по земли, да когда Дракула поидет, никого же зла никто дабы Дракуле не учинил, но еще и честь ему воздавали. Дракула же поиде, собрався с всем воинством, и приставове царстии с ним, и велию честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни и внезапно вернуса и начат пленити градове и села * и множество много поплени и изсече, овых на колие сажаху турков, а иных на полы пресекая и жжигая и до ссуших младенец. Ничто же остави, всю землю ту пусту учини, прочих же, иже суть христиане, на свою землю прегна и насели. И, множество много користи взем, возвратися; приставов тех, почтив, отпусти, рек: «Шедше повесте царю вашему, яко же видесте: сколько могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и аз еще хошу ему тако служити, какова ми есть сила». Царь же ничто же ему не може учинити, но срамом побежен бысть.

И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татьбу или разбой или кую лжу или неправду, той никак не будет жив. Аще ли велики болярин, или священник, или инок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупитися от смерти, и толико грозен бысть. Источник его и кладязь на едином месте. И к тому кладязу и источнику пришли путие мнози от многих стран, и приходяду людие мнози и пияху от кладязя и источника воду, студена бо бе и сладка. Он же у того кладязя на пустом месте постави чару велию и дивну злату; и хто хотяще воду пити, да тою чарою пьет, на том месте да поставит, и, елико оно время пребысть, никто же смеяше ту чару взяти.

Единою же пусти по всей земли своей веление, да кто стар и немощен или чим вреден или нищ, вси да придут к нему. И собращася бесчисленное множество нищих и странных к нему, чающе от него великия милости. Он же повеле собрати всех во едину храмину велику, на то устроену, и повеле дати им ясти и пити довольно; они же ядше и возвеселишася. Он же сам приде к ним и глагола им: «Что еще требуете?» Они же вси отвещаша: «Ведает, государю, бог и твое величество, как ты бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хотите ли, да сотворю вас беспечальны на сем свете, и ничим же нужни будете?» Они же, чающе от него велико нечто, и глаголаша вси: «Хощем, государю». Он же повеле заперети храм и зажещи огнем, и вси ту изгореша. И глаголаше к боляром своим: «Да весте, что учиних тако: первое, да не стужают людям, и никто же да не будет нищ в моей земли,

но вси богатии; второе, свободих их, да не стражут никто же от них на сем свете от нищеты или от недуга».

Единою же приидоша к нему от Угорския земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повеле их развести разнo, и призва к себе единого от них, и показа ему округ двора множество бесчисленное людей на колех и на колесах, и вопросы его, добро ли тако сотворих, и како ти суть, иже на колии. Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши, подобает государю милостиву быти, а ти же на колыи мученици суть». Призвав же и другаго и вопросы его тако же. Он же отвеща: «Ты, государь, от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своим делом восприяи». Он же, призвав перваго, и глагола к нему: «Да по что ты из монастыря и ис келии своя ходиши по великим государем, не зная ничто же, а ныне сам еси глагола, яко ти мученици суть. Аз и тебе хошу мученика учинити, да и ты с ними будеши мученик». И повеле его на кол посадити проходом, а другому повеле дати 50 дукат злата, глагола: «Ты еси разумен муж». И повеле его на возе с почестием отвести и до Угорския земли.

Некогда же прииде купец гость некий от Угорския земли в его град. И по его заповеди остави воз свой на улице града пред полотою и товар свой на возе, а сам спаше в полоте. И пришел некто, украде с воза 160 дукат злата. Купец же иде к Дракуле, поведа ему изгубление злата. Дракула же глагола ему: «Поиди, в сию ночь обрящеши злато». И повеле по всему граду искати татя, глаголя: «Аще не обрящется тать, то весь град погублю». И повеле свое злато нести и положить на возе в нощи и приложи един златой. Купец же востав, и обрете злато, и прочет единою и дващи, обреташеся един лишний златой, и шед к Дракуле, глагола: «Государю, обретох злато. И се есть един златой не мой, лишний». Тогда же привелоша и татя оного и с златом, и глагола купцю: «Иди с миром, аще бы ми еси не поведал злато, готов бых и тебе с сим татем на кол посадити».

Аще жена кая от мужа прелюбы сотворит, он же веляше срам ей вырезати и кожу содрати, и привязати ея нагу, и кожу ту на столпе среди града и торго повесити, и девицам, кои девства не сохранят, и вдовам також, а иным сосца отрезаху; овым же кожу содравше со срама ея, и, рожен железен разжегши, вонзаху в срам ей, и усты исхожаше, и тако привязана стояше у столпа нага, доньдеже плоть и кости еи распадутся или птицам в снедь будет.

Единою же яздящу ему путем, и узре на некоем сиромаше срачицю издрана худу, и вопросы его: «Имаши ли жену?» Он же отвеща: «Имам, государю». Он же глагола: «Веди мя в дом твой, да вижу». И узре жену его младу сушу и здраву и глагола мужу ея: «Неси ли лен сеял?» Он же отвеща: «Господи, много имам льну». И показа ему много льну. И глагола жене его: «Да почто

ты леньность имеши к мужу своему? Он должен есть сеяти и орати и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежду светлу и лепу чинити, а ты и срачици не хочещи ему учинити, а здраву сущу телом; ты еси повинна, а не муж твой: аще ли бы муж не сеял льну, то бы муж твой повинен был». И повеле ей руже отсеши и труп ея на кол всадити.

Некогда же обедаваше под трупием мертвых человек, иже на колие сажених, множество бо округ стола его; он же среди их ядяше и тем услаждашеся. Слуга же его, иже пред ним ясти ставляше, смраду оного не моги терпети и заткну нос и на страну главу свою склони. Он же вопроси его: «Что ради тако чинишь?» Он же отвеща: «Государю, не могу смрада сего терпети». Дракула же ту и повеле его на кол всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад не может тебе доити».

Иногда же прииде от угорского короля Маттеаша * апоклисарь до него, человек не мал болярин, в лясех родом; и повеле ему сести с собою на обеде среди трупия того. И пред ним лежаше един кол вельми дебел и высок, весь позлащен, и вопроси апоклисаря Дракула: «Что ради учиних сей кол? Тако повеж ми». Посол же той вельми убояся и глагола: «Государю, мнит ми ся тако: некий великий человек пред тобою согрешити, и хочещи ему почтену смерть учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право рекл еси; ты еси велика государя посол королевский, тебе учиних сей кол». Он же отвеща: «Государю, аще достойное смерти соделал буду, твори еже хочещи, праведный бо еси судия, не ты повинен моей смерти, но аз сам». Дракула же расмися и рече: «Аще бы ми еси не тако отвещал, воистину бы был еси на сем коле». И почти его вельми и, одарив, отпусти, глаголя: «Ты в правду ходи на поклизарство от великих государей к великим государем, научен бо еси с государьми великими говорити, прочии же да не дерзнут, но первое учими будут, как им с государьми великими беседовати». Таков обычей имел Дракула. Отколе к нему приходяше посол: от царя или от короля, неизящен и не умеше против кознем кто отвещати, то на кол его всажаше, глаголя: «не аз повинен твоей смерти, или государь твой или ты сам, на мене ничто же рци зла: аще государь твой, ведая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мне, к великоумну государю, то государь твой убил тя есть; аще ли сам дерзнул еси, не научився, то сам убил еси себя». Тако поклизарю учиняше кол высок и позлащен весь и на него всаждаше и государю его те речи отписоваше с прочими, да не шлет к великоумну государю малоумна и ненаучена мужа в посольство.

Учиниша же ему мастери бочки железны; он же, насыпав их злата, в реку положи, а мастеров тех посети повеле, да никто же увести соделанного им окаянства, токмо тезоименный ему диавол.

Некогда же поиде на него воинством король угорскы Маттеаш, он же поиде против ему, и сретеса с ним, и ударишася обои, и ухватиша Дракулу жива от своих издан по крамоле.* И приведен бысть Дракула ко кралю, и повеле его метнути в темницю. И седе в Вышеграде на Дунаи выше Будина * 12 лет, а на Мунтянской земли посади иного воеводу.* Умершу же тому воеводе, и краль пусти к нему в темницю, да аще восхошет быти воевода на Мунтианской земли, яко же и первие, то да латинскую веру примет,* аще ли же ни, то умрети в темници хошет. Дракула же возлюби паче временнаго света сладость, нежели вечнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свет, и прия тьму, увы не возможе темничныя временныя тяготы понести, и уготовася на бесконечное мучение, и остави православную нашу веру, и прият латыньскую прелесть. Краль же не токмо даст ему воеводство на Мунтянской земли,* но и сестру свою родную даст ему в жену. От нея же роди два сына, пожив же мало яко 10 лет и тако скончася в той прелести.

Глаголют же о нем, яко и в темници седя, не остася своего злаго обычая, но мыши ловя и птици на торгу покупая и тако казняше их, ову на кол посажаше, а иной главу отсекаше, а со иныя перие ощилав пускаше. И научися шити и тем в темници кормляшеся. Егда же краль изведе его ис темници и приведе его на Будин, и даст ему дом в Пещи противу Будина, и еще у краля не был, случися некоему злодею уйти на его двор и сохранися. Гонящий же приидоша и начаша искати и наидоша его. Дракула же, встав, взем меч свой и скочи с полаты и отсече главу приставу оному, держащему злодея, а злодея отпусти, прочии же бежаша и приидоша к биреву* и поведаша ему бывшее; бирев же с всеми посадники иде ко кралю, жалуюся на Дракулу. Король же посла к нему, вопрошая: «Что ради таково зло учини?» Он же тако отвеща: «Зло никое же учиних, но он сам себе убил. Находя разбойническы на великого государя дом, всяк так погибнет. Аще ли то ко мне явил бы, и аз во своем дому нашел бы того злодея, или бы выдал, или простил его от смерти». Кралю же поведаша. Король же нача смеяться и дивитися его сердцю.

Конец же его сие: живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци,* начаша пленити; он же удари на них, и побегоша турци. Дракулино же войско без милости начаша их сецти и гнаша их. Дракула же от радости взгнав на гору, да видить, како секут турков. И отторгся от войска. Ближнии его мнящися, яко турчин, и удари его един копием. Он же, видев, яко от своих убиваем, и ту уби своих убийц мечем своим. Его же многими копии сбодоша, и тако убиен был.

Король же сестру свою взят, и со двема сынми, в Угорскую землю на Будин. Един при краве сыне живет, а другой был у варданского бископа* и при нас умре, а третьего сына старей-

шаго Михаила * тут же на Будину видехом, от царя турскаго прибеж ко кралю, еще не женився, прижил его Дракула с единою девкою. Стефан же молдовскый * з кралевы воли посади на Мунтянской земли некоего воеводского сына, Влада именем. * Бысть бо той Влад от младенства инок, по том и священник и игумен в монастыри, по том ростригся и сел на воеводство и женился, понял воеводскую жену, иже после Дракулы мало побыл, и убил его Стефан волосскый, того жену понял, и ныне воевода на Мунтянской земли Влад, иже бывы чернец и игумен. В лето 6994 февраля 13 прежде писал, та же в лето 6998 генваря 28 в другое преписах аз грешный Ефросин. *

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ

Житие блаженного Петра, братанича царя Берки, како прииде в страх божий и умилися душою, и пришед из Орды в Ростов* в лето 6761, и крестися, и како видение виде святых апостол Петра и Павла на поли, иде же ныне церковь стоит святых апостол Петра и Павла и монастырь сотворен. Благослови, отче.*

Святому епископу ростовскому Кирилу* ходящу в татары с честию к царю Берке за дом святяга богородица. Царь же слышав от него о святем Леонтии,* еже от греческия земля родом, како крести град Ростов, како увери люди, како благословением патриарха прииде, и како честь прия от русских князей и от греческаго царя и патриарха и от всего вселенскаго собора, и како по преставлении его содеваются чудеса от раки мощий его и до сего дни; и ина многа поучения от евангельских святых указаний.

И слышав царь Берка от епископа, возрадовася и почти и вдаст ему, его же требует, и отпусти его; да смею рещи, царь Берка повеле по его бо животе князи ярославстии* годовнии оброки носят над гроб его. В то же лето разболеся сын его, един бо бе у него. Царь же от врачей не обрете никоея пользы, но умысли сице: послав в Ростов по святяга владыку и обеща ему дары многы, да исцелит сына его. Владыка же повелев пети молебны в Ростове по всему граду, освятив воду и, пришед в татары, исцели сына царева. Царь же вродовася с всем домом и со всею ордою своею и повеле давати владыце оброки годовнии в дом святяга богородица.* Некто же отрок, брата царева сын, юн сый, предстоя пред царем всегда, слыша поучения святяга владыки, умилися душою и прослезися, выходя на поле уединяся и размышляя: «Како си веруют цари наши солнцу сему и месяцу, и звездам и огневи. И кто сей есть истенный бог». Размышляя, акы древний Аврам; от благаго корене леторасль блага, а сей отрок

от злаго корене леторасль блага. И умысли сице: ити с святым владыкою и видети божницу русския земля и чюдеса, бываема от святых. И глаголаше: «В наших странах от солнца сего и от месяца и от звезд и от огня чюдеса не бывают». Бе то тогда отцю его, брату цареву, умершу, а матери его держащи многа имения ему. Он же вся та ни во что же мняше душею своею, разве единой веры. Мати же вся слезящи о размысле отрока и показа ему имения многа отца его. Он же вся та разда нищим татарским требующим и многа имения владыце вдав.

И утаився всех. Аки древний Мельхиседек, * сын царев, избежа, велию себе благодать прежде крещения приобрете, иерей саном почтеса, тако и сей отрок прежде крещения сице в разум. О таковых бог в евангелии рече: «Мнози будут первии последнии, а последнии первии». И прииде с владыкою в Ростов, виде церковь, украшену златом и жемчугом и драгим камением, аки невесту украшену. В ней пения доброгласная, яко же ангельска: бе бо тогда в церкви святыя богородица левый клирос греческы пояху, а правый русскы.

Слышав же сия отрок, сый в неверии, и огонь возгореса в сердци его, взыде луна в уме его, возсия солнце в души его, припаде к ногама святого владыки и рече: «Господи, святче божий, аз размышлях о бозех царевых и о родительских, и о солнци и о луне, и о огни, яко тварь суть, а ваша вера права и добра, ваш бог истинный. Молю тя, да бых и аз приял святое крещение». Владыка же почти его и повеле ждати, бе бо размышляя о искании отрока.

И по мале времени царю Берке умершу, Орде мятущесе и искания отроку не бе, крести сего отрока святой владыка * и нарече имя ему Петр. И бе Петр в учении господни по вся дни в святилище у владыки. И преставися святой владыка Кирил, и погребоша его честно с песньми, вечная ему память. И прия престол святой владыка Игнатий * и нача крыти оловом и дно мостити мрамором храм святыя богородица ростовския; в Орду ходя, емля оброky царския. Петр же яко навывче у владыки молитвы плачевныя, дневныя и ношныя приносить к богу и непрестаннаго поста не оставаяся.

И царския своя не преставаая утехы: бе выездя при езере ростовстем * птицами ловя. И единою же ему при езере ловящу, по обычной молитве усну. И вечеру глубоку сущу, и приидоста к нему два мужа светла сущу, аки солнце, и возбудиста и глаголюще: «Друже Петре, услышана бысть молитва твоя, и милостыня твоя възыдоша пред богом». Оле чюдо, брате, како не удивимся милостивней силе, в неверии раздаянне, а в вере услышанной быти. Аки древний Евстафий Плакыда * в неверии милостыня дая бе, а в вере, како и сий, сугубы изде прия мзды многи и по труде царствие небесное. О сей бо милостыни господь рече

своими усты: «Не пять ли птиц на единой цениста цате, ни едина их не забвена есть пред богом». Тако ти и сего блаженнаго Петра милостыни в неверии раздаянна, а в вере и молитве услышана бысть. Петр же, возбнув, виде два сия мужа, паче возраста человека, мнети ему от ужаста аки до облак, а светлостию акы весь мир осияющи. В ужаста востав и падеся дващи, воста и падеся и в третий такожде. Сия же светлая мужа яста и за руку и глаголаста ему: «Друже Петре, не бойся, ве есве послани к тебе богом, во нь же верова, крестися, укрепит род твой и племя и внуци твои до скончания мира и воздати тебе мзду милостыня твоя, а противу трудом твоим вечная благая примеша». И вдаста ему два мешца и глаголаста: «Возьми сия мешца, в едином ти злато, а в другом сребро. Утро да идеши в град, вымени три иконы — икону святых богородица с младенцем, икону святого Дмитрия и святого Николы — и вдали на них, еже просят менящи». Петр же возрев на ня и видя акы человека, и взя мешца и мнев, акы в татарех племя его укрепляета, не разуме глаголемаго им. И, собра ума, рече има: «Господия моя, аще воспросят менящи из мешец от икон, что сотворю. А вы кто есте». И реста ему два светлая мужа: «Мешца сия да держиши у собе в запазусе, инеми и неведоми, а воспросят менящи девять серебряных, а десятый злат, и ты даждь по единому, и взем иконы да иди ко владыце и рци ему: „Петр и Павел, Христова апостола, посласта мя к тебе, да устроиши церковь, иде же аз спаш при езере“. А се знамение ею иконы сия вымених, а мешца сия вдаста ми, да что ми велиши сотворити. И елико ти речеть сотворити, сотвори. А ве есве Христова апостола Петр и Павел». И невидима быста. Смотрите, братие, не ложь есть рекый; прославляюща мя, рече, прославлю; како ти сего Петра бог прослави милостыня его ради.

Той же ноши и владыце явистася страшна святая апостола и реста ему: «Да устроиши церковь из епископия слуге нашему Петру, много бо владыце злата в епископию вдаль, и освятиши ю в наше имя. Аще ли сего не сотвориши, то смертию умориве тя». И, се рекша, невидима быста. И святой Игнатий востав от сна и размышляя о видении, злата и сребра многа в епископии бе.

Призва князя * и рече ему: «Что сотворю, не веде. Явиста ми ся Петр и Павел, акы на иконе зрак ею, устраши мя, а глаголы ею: устроить церковь свою. Не вем: где, камо». Князь же рече ему: «Вижду тя, господине, ужасна суща».

Сия же им беседующим в епископии, и узре князь Петра идуща от церкви святых богородица в епископию, и свет сияюще от икон его выше церкви, паче огня, и ужасеся и рече: «О владыко, что есть сий огонь». Сии мнети им человека горяща, ин же никто же не видяще огня. Петр же утро иде в град, взем иконы

пред князем и пред владыкою и поклонися до земли и рече: «Владыко, Петр и Павел, Христова апостола, посласта мя к тебе, да устроиши церковь, иде же аз спях при езере, а се ти есть знамение их, а мешца сия вдаста ми, и да что ми велиши сотворити».

Бе же в то время пред службою. Князь же и владыка всташа и поклонистася святым иконам и не ведяху, откуда суть, писца в граде не бысть их, Петра знаяху уна суща и от татар. И вопрошахут его: «Кто суть менящий иконы сия». Петр же рече: «На торгу вымених аз, господии». И размышляху о видении, аще сему быти. Свет же в храмине от икон иде же беяху, акы солнце, и вси предстоящи ужасошася. И по службе пев молебны владыка Игнатей святей госпожи богородици и святому Димитрию и святому Николе, и почти святей Игнатей Петра и повеле взыти на колесницу с иконами и повеле ити до места, иде же спа Петр. Владыка же и князь и весь град проводиста с песньми иконы до места Петрова, и на месте спания его пояста молебны святым апостолом. Князь же и владыка на молебне с слезами и радостию призываху имя святых апостол Петра и Павла и обречоста им дома и села. Сий молебен пояху, и людие соградиша повелением князя, привезши из града и оплотом оградивше, и возвратишася, и ту Петр иконы постави.

Князь же всед на конь и, глумясь, рече Петру: «Владыка тебе церковь устроит, а аз места не дам. Что сотвориши». Петр же рече: «Повелением, княже, святых апостол аз куплю у тебя, елико отлучит благодать твоя от земли сия». Князь же, яко виде мешца Петровы в епископии, помолча, помысли: «У тебе колико отлучить от ужаста владыкы, от святых апостол». И рече к себе: «Аще мощно сему быти, яко при Илии бысть: горсть муки не оскудеет, водонос воды не погибнет, чванец масла не умалится». И рече, играя, Петру: «Петре, вопрошу тя: яко же вдал еси на иконах, тако же по моей земли кладеши ли девять литр сребра, а десятую злата. Сотвориши тако?» Петр же рече: «Святии апостоли рекоша ми, яко же владыка ми повелит сотворити, сотворю. Да вопрошаю, господин». И вопроси владыкы. Владыка же взял крест, благослови Петра и рече: «Чадю Петре, господь рече своими усты: „Всякому просящему у тебе дай“, и ты убо, чадю, не пощади имения родитель, пишет бо ся: „Чванец масла не умалится, горсть муки не оскудеет“. Молитвою, чадю, святых апостол род твой благословен будет, дай же князю волю, яко же хоцет». Петр же поклонися владыце до земли и, верова глаголом его, пришед к князю и рече ему: «Да будет, княже, воля святых апостол и твоя».

И повеле князь изврещи вервь от воды до ворот и от ворот до угла, от угла возле езеро — се место великое. Петр же рече: «Да повелиши, князь, ров копати, яко же в Орде бывает, да не

будет погибения месту тому». И бысть тако. И гражане, иже про-
возмоху иконы, в той час ископаша ров, иже есть доныне. Петр
же нача от воды класти, емля из мешец по единому, девять литр
сребра, а десятую злата, и наполниша возила Петровых кун, и ти
колесници, на них же клеть возими, едва можаху како двизатися
им. Видев же князь и владыка множество злата и сребра, еже бы
десять выход дати, а мешца целы, и реша к себе: «Что се есть,
господи, не по нашим грехом сея сотвори; велию бо благодать
человек сий обрете пред богом, дивимся милости твоей и силе
святых апостол». И поставиша стражи у двора Петрова обещан-
ныя люди, иже на молебене, и повелеша Петру ити на конь.
И бысть радость велика в граде, почтиша Петра великою честью
и многими дары и на многи дни поюще молебены, прославляху
бога и святых апостол о чудеси, бывшим в наша дни, и многу дая-
нию бывшу милостыня и кормление нищим.

Не ведяше же Петр, что се сотворися о чудеси сем и бе
молча, уединяся. И видев же владыка и князь Петра умол-
кающе и реша к себе: «Аще сей муж, царево племя, идет в Орду,
и будет спона граду нашему. Бе бо Петр возрастом велик, а ли-
цем красен». И реша ему: «Петре, хощещи ли, поимем за тя не-
весту». Петр же, прослезися, отвеща князю и владыце: «Аз, гос-
подин, возлюбих вашу веру и оставих родительскую веру, при-
идох к вам. Воля господня да ваша буди». Князь же поя ему от
великих вельмож невесту, беша бо тогда в Ростове ординстий
вельможа. Владыка же венча Петра и устрои церковь ему и сяти
ю по заповеди святых апостол.

Князь же поимаше Петра на царскую утеху, около озера
с ястребы тешаше его, дабы ся в нашей вере удержал. И рече ему
князь: «Велию бо ты благодать обрете пред богом и граду нашему.
Писано бо есть, что „воздам господеву от всех, яже воздаст нам“.
Прими, Петре, малое се земли наша вотчины противу дома
святых апостол от озера сего. Аз тебе грамоты испишу». Отвеща
же Петр: «Аз, княже, от отца и от матери не знаю землею вла-
дети и грамоты сия чему суть». Князь же рече: «Аз тебе все
уряжу, Петре. А грамоты суть на се: да не отымают тех земель
мои дети и внуци у твоих детей и внуков по нас». Петр же рече:
«Да буди, княже, воля господня». И повеле князь пред влады-
кою писати грамоты множество земель от озера, воды и лесы,
яже суть и доныне. И урядиша Петру дома по его землям. Орда
же тогда тиха бе на многа лета.

Бяху бо Петрови сладци ответы и добрыя обычая во всем.
И тольми любляше князь Петра, яко и хлеба без него не яст, яко
владыце братати их в церкви с князем. И прозвался Петр бра-
том князю. И родишася Петру сынове в него место.

И по малых летех святой епископ Игнатей преставися и
прият царство небесное, и вечная ему память. Старый же князь

по владыце не по мнозех днех преставися. И сего князя дети зваху Петра дядею и до старости. И мирна лета много живша, преставися Петр же в глубоце старости, в мнишеском чину к госпуду отъиде, его же возлюбил; и положиша у святого Петра и Павла у его спалища. И от того дне уставися монастырь сей. *

Внуци же старого князя * забыша Петра и добродетель его и начаша отымати лузи и украины земли у Петровых детей. Сын же Петров шед в Орду, сказася брата царева внук. Возрадовашася дяди и почтиша его и многы дары даша ему и посол у царя исправиша ему. Пришед же посол царев в Ростов и возрев грамоты Петровы и старого князя и суди их. И положи рубежы землям по грамотам старого князя и оправи Петрова сына и дав ему грамоту с златою печатю, еже у младых князей и внук старого князя по цареву слову. И оттоиде. И младыи же князи к собе и к своим бояром начаша глаголати: «Слышахом, еже родители наши зваху дядею сего отца Петра, дед бо наш много у него сребра взя и братася с ним в церкви, а род татарский, кость не наша. Что се есть нам за племя. Сребра нам не остави ни сей, ни родители наши». И такими беседами беседующим им и не искаху чюдотворения святых апостол, а прародитель забыша любовь. И тако пожиша лета многа, зазирающим Петровым детям, еже в Орде выше их честь принимаху. Сыну же Петрову родишася сынове и дщери, и в глубоце старости к госпуду отъиде.

Внук же Петров, именем Юрие, яко же навиче у родитель своих честь творити святей госпже богородице в Ростове и гривны на ню возлагати и пирования владыкам и клиросу и собору церковному и праздником святых апостол Петра и Павлова их памяти ради, и творити родитель и прародитель вечная их память по вся лета. Ловцем же их задевахутся рыбы паче градских ловцев. Аще бы играя, петровстии ловци ввергли сеть, то множество рыб извлекаху, а градстии ловци, труждающиеся много, оскудеваху. И реша же ловци князем: «Господие князи, аще петровстии ловци не престанут ловити, то озеро наше будет пусто. Они бо вся рыбы поймаху». Правнуци же старого князя глаголаша Юрию: «Слышахом исперва, еже дед ваш грамоты взя у прародитель наших на место монастыря вашего и рубежи землям его, а озеро есть наше, грамоты нань не взясте, да уже не ловят ловци ваши». И сбьстся пророчество старого князя, брата Петрова, иже рече о обиде внук пред грамотою.

Слышавше сия Юрие, внук Петров, и поиде в Орду, сказася правнук брата царева. Дяди же его чествыми многими почтиша и дары многы даша ему и посол у царя исправиша ему. Прииде же посол в Ростов и седе при езере у святого Петра

и Павла, и бысть боязнь князем царева посла, и суди их со внуку Петровыми. Юрий же пред послом положи вся грамоты, и посол возрев на грамоты и рече князем: «Не ложь ли суть грамоты сия купля, ваша ли есть вода, есть ли под нею земля, можете ли воду сняти с земли тоя». И отвечааша князи: «Ей, господине, не ложь грамоты сия; а земля под нею есть; вода наша есть отчина, господине; а сняти ея не можем, господине». И рече посол царев, судия: «Аще не можете сняти воду с земля, то почто своею именуете. А се творение есть вышняго бога на службу всем человеком». И присуди по земле и воду внуку Петрову Юрию посол царев: «Како есть купля землям, тако и водам». И вдаст Юрию грамоту с златою печатию по цареву слову и отъиде. Князи же ростовстии не можаху зла сотворити ничто же Юрию. И утишися житие их на многа лета и славяху бога, яко же навывоша у родитель и творити память святым апостолом с слезами и радостию, поминающе с воздыханием чюдеса их, и памяти поминати годовнии родитель с великими милостынями.

И вырасте же правнук Петров — у Юрия сын Игнат. И при его животе содеяся се. Прииде Ахмыл на русскую землю* и пожже град Ярославль и поиде к Ростову с всею силою своею, и устрасися его вся земля, и бежаша князи ростовстии, и владыка побеже Прохор. Игнат же извлек меч и угна владыку и рече ему: «Аще не идеши со мною противу Ахмыла, то сам посеку тя. Наше есть племя и сродичи». И послуша его владыка и с всем клиросом, в ризах, взял крест и хоругвь, поиде противу Ахмыла. А Игнат пред кресты с гражаны и, взял тещь царскую, кречеты, шубы и питье, край поля и озера, ста на колену пред Ахмылом и сказася ему древняго брата царева племя. «А се есть село царево и твое, господине. Купля прадеда нашего, идеже чюдеса сотворяхуся, господине». Страшно же видети рать его вооружену. И рече Ахмыл: «Ты тещь подаеши, а сии кто суть в белах ризах и хоругвь сия, еда сеиши с нами хотят». Игнат же отвеча: «То богомольци цареви и твои суть, да благословят тя, а се ношаху божницу по закону нашему».

В то же время у Ярославля в тяжце недузе бысть сын Ахмылов, вожахут его на возилех. И повеле привести сына, да благословит и. Владыка же Прохор* святив воду и вда ему пити и благослови его крестом. И бысть здрав. Ахмыл же видев сына здрава и сниде с коня противу крестов и воздев руце на небо и рече: «Благословен бог вышний, иже вложи им в сердца ити дозде. Праведен еси, господине епископ Прохор, яко молитва твоя воскреси сына моего. Благословен же и ты, Игнате, иже упасе люди своя и соблюде град сей. Царева кость, наше племя, еже ти zde будет обида, да не ленися ити до нас». Ахмыл же, взял 40 литр сребра, вдаст владыце, а 30 литр вда клиросу его,

и взя тешь у Игната, целова Игната, и поклонися владыце, и възыде на конь и отъиде восвояси. Игнат же проводи Ахмыла и возвратися с владыкою и с гражаны, возрадовася и, пев молебены, прославиша бога.

Дай же, господи, утеху почитающим и пишушим древних сих прародитель деяния и zde и в будущем веце покой. А Петрову всему роду соблюдение и умножение животу. И не оскудеет радость бес печали, вечная их памяти до скончания мира. И о Христе Иисусе господе нашем, ему же слава и держава, честь и поклонение и ныне и присно и в веки веком. Аминь.

ПОВЕСТЬ О МЕРКУРИИ СМОЛЕНСКОМ

Бе убо некто человек млад верстою именем Меркурий во граде Смоленске. Благодетив сый. В заповедех господних поучаяся день и ночь, цветый преподобным житием. Постом и молитвою сияя бо, яко звезда богоявленна посреде всего мира. Бяше бо умилен душею и слезен. Часто приходдаше ко кресту господню молиться за мир. Зовомый Петровскаго ста.*

Бе бо тогда злочестивый царь Батый пленил Рускую землю,* безвинную кровь пролия, аки воду сильну, и христиан умучи. И пришед той царь с великою ратию на богоспасаемый град Смоленск, и ста от града за 30 поприщ, и многи святыя церкви пожже и христиан поби и твердо вооружашеся на град той.

Людие же бяху в велицей скорбе, неисходно пребывающе в соборной церкви пречистыя богородицы;* умильно вопиюще с плачем великим и со многими слезами ко всемогущему богу и пречистой его богоматере и ко всем святым, еже сохранитися граду тому от всякого зла.

Се же бысть некое смотрение божие ко гражданам. Вне града бысть близ за Непр рекою в Печерстем монастыри* преславно явися пречистая богородица понамарю тоя церкви и рече: «О человеце божий, скоро изыди ко оному кресту, идеже молится угодник мой Меркурий, и рцы ему: „Зовет тя божия мати“». Он же шед тамо и обрете его у креста молящася богови и возва его именем: «Меркурие!» Он же рече: «Что ти есть, господине мой!» И глагола ему: «Иди скоро, брате, зовет тя божия мати в печерскую церковь».

Паки же вшед богомудрый во святую церковь и виде пречистую богородицу на злате престоле седяща, Христа в недрах имуща, обстоима ангельскими вои. Он же, паде пред ногама ея, поклонися с великим умилением, ужасен бысть. Востави его от земля пречистая мати божия и рече ему: «Чадо Меркурие, избранниче мой, посылаю тя, иди скоро сотвори отмщение крови христианская. Шед победи злочестиваго царя Батыя все войско его. Потом приидет ти человек, красен лицом, вдай же ему в руце

все оружие свое, и усечет ти главу. Ты же ю возьми в руку свою и прииди во свой град, и тамо примешь кончину, и положено будет твое тело в моей церкви». Он же зело о том востужи и восплака и глагола: «О пресвятая госпоже владычице, мати Христа бога нашего, како аз окаянный и худый, непотребный раб твой, на толикое дело твое силен быти? И не достало ли ти небесныя силы, владычице, победити злочестиваго царя!» И возьм благословение от нея, и весь вооружен бысть, и отъиде, поклонився до земля, и изыде из церкви. И обрете ту прехрабра коня стояща, и воссед нань, и исшед из града. И, дошед полки злочестиваго царя, божиею помощию и пречистыя богородицы побивая враги, собирая христиан пленных и отпущая во град свой, прехрабро скакаше по полком, яко орел по воздуху летая.

Злочестивый царь, ведев таково побеждение людей своих, велиим страхом и ужасом одержим бысть и скоро отбежа града того без успеха в мале дружине. И пришед во Угры, и тамо злочестивый Стефаном царем убиен бысть.*

Таже предста Меркурию прекрасен воин. Он же поклонися ему и вда все оружие свое и преклонь главу свою, и усечен бысть. И тако блаженный взял главу свою в руку свою, а в другую руку коня своего, и пришед во град свой безглавен. Люди же, видевше тако, удивляющеся божию строению. И дошед врат Мологинских,* ту же вышла по воду некая девица и зря святаго без главы идуща и начат святаго нелепо бранити. Он же в тех вратех возлеже и предаст честне душу свою господеву. Конь же той не видим бысть от него.

Того же града архиепископ пришед со кресты со множеством народа, хотя взяти честное тело святаго. И не вдая им святой. Тогда бысть велий плач в людях и рыдание, что не восхоте поднятися святой. Таже бысть архиепископ в велице недоумении, моляся богу о том. И се глас бысть к нему, глаголя: «О слуга господень, о сем не скорби: кто посла на победу, той и погребет его». Святому же ту лежащу 3 дни непогребенну. Архиепископ же той всю ночь без сна пребываше, моляся богу, да явит ему бог тайну сию. И зря во оконце свое опасно прямо соборная церковь. Се же видит ясно в велицей светлости, аки в солнечной зари, исшедши ис церкви пречистая богородица со архистратиги господни Михаилом и Гавриилом. И дошедше места того, идеже лежаше тело святаго, взял же пречистая богородица в полу свою честное тело святаго и принесше во свою соборную церковь и положи на месте своем во гробе, идеже есть и до ныне всем видим бысть, содевая чудеса в славу Христу богу нашему, благоухая яко кипарис.

Архиепископ же ко утренней вшед в церковь, виде чудо преславно — святаго лежаща на своем месте почивающа. Таже стекшися люди и видивше чудо то и прославиша бога.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

С ей убо русийстей земли град, нарицаемый Муром. * В нем же бе самодержествуяй благоверный князь, яко же поведашу, именем Павел. * Искони же ненавидяй добра роду человеку диавол всели неприязненного летящаго змия к жене князя того на блуд. И являшеся ей своими мечты яко же бяше и естеством, приходящим же людям являшеся, яко же князь сам седяше з женою своею. Теми же мечты многа времена преидоша. Жена же сего не таяше, но поведаше князю, мужеву своему, вся ключшаяся ей. Змий же неприязнивый осиле над нею.

Князь же мысляше, что змиеви сотворити, но недоумеяшеся. И рече к жене си: «Мыслю, жено, но недоумеюся, что сотворити неприязни тому. Смерти убо не вем, каку нанесу нань. Аще убо глаголет к тебе какова словеса, да воспросиши и с лестию о сем: весть ли сей неприязнивый духом своим, от чего ему смерть хочет быти. Аще ли увеси и нам поведаети, свободишися не токмо в нынешнем веце злаго его дыхания и сипения и всего скарядия, еже смрадно есть глаголати, но и в будущий век нелицемернаго судию Христа милостива себе сотвориши». Жена же мужа своего глагол в сердца си твердо принимши, умысли во уме своем: «Добро тако быти».

Во един же от дний неприязнивому тому змию пришедшу к ней. Она же, добру память при сердца имея, глагол с лестию предлагает к неприязни той, глаголя многи иныя речи, и по сих с почтением воспросив его, хваля, рече бо, яко «много веси, и веси ли кончину си, какова будет и от чего?» Он же, неприязнивый прелестник, прельщен добрым прельщением от верных жены, яко непщева тайну к ней изрещи, глаголя: «Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова меча». *

Жена же, слышав такову речь, в сердца си твердо сохрани и по отшествии неприязниваго того поведи князю, мужеву своему, яко же рекл есть змий. Князь же, то слышав, недо-

умеяшися, что есть смерть от Петрова плеча и от Агрикова меча. Имеяше же у себе приснаго брата, князя именем Петра; * во един же от дний призва его к себе и нача ему поведати змиевы речи, яко же рекл есть к жене его.

Князь же Петр, слышав от брата своего, яко змий нарече тезоименита ему исходатая смерти своей, нача мыслити, не сумняся мужествене, како бы убити змия. Но и еще бяше в нем мысль, яко не ведый Агрикова меча.

Имеяше же обычай ходити по церквам уединяся. Бе же вне града церковь в женстем монастыри воздвижения честнаго креста. И прииде ту един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хощеши ли, да покажу ти Агриков меч?» Он же, хотя желание свое исполнити, рече: «Да вижу, где есть!» Рече же отроча: «Иди во след мене». И показа ему во олтарной стене между керемидами скважню, в ней же лежаше меч. Благоверный же князь Петр взял меч той, прииде и поведати брату своему. И от того дни искаше подобна времени, да убьет змия.

По вся же дни ходя к брату своему и к сносе своей на поклонение. Ключи же ся ему прийти во храмину ко брату своему. И в том же часе шед к сносе своей во храмину и виде у нея сидяща брата своего. И, паки пошед от нея, вострете некоего от предстоящих брату его и рече ему: «Изыдох убо от брата моего к сносе моей, брат же мой оста в своем храму. Мне же, не косневшу ни камо же, пришедшу ко сносе моей и не свем и чуюся, како брат мой напреди мене обретется у снохи моей». Той же человек рече ему: «Никако же, господи, по твоём отшествии не изыде брат твой из своя храмины». Он же разумев быти пронырство лукаваго змия. И прииде к брату, рече ему: «Когда убо семо прииде? Аз бо от тебе из сея храмины изыдох, и нигде же ничесо же помедлив, приидох к жене твоей в храмину и видех тя с нею сидяща и чюдився, како напреди мене обретется тамо. Приидох же паки скоро семо, ты же не вею како мя предтече и напред мене zde обретется». Он же рече: «Никако же, брате, ис храма сего по твоём отшествии не изыдох и у жены своя никакo же бех!» Князь же Петр рече: «Се есть, брате, пронырство лукаваго змия, да тобою ми ся кажется, аще не бых хотел убить его, яко нещуща тебе своего брата. Ныне убо, брате, отсюду никакo же иди. Аз же тамо иду братися с змием, да некли божиею помощию убиен да будет лукавый сей змий».

И взял меч, нарицаемый Агриков, и прииде в храмину к сносе своей и виде змия зраком аки брата си и твердо уверися, яко несть брат его, но прелестный змий, и ударил его мечем. Змий же явился, яко же бяше и естеством, и нача трепетатися и бысть мертв и окропи блаженнаго князя Петра кровию своею.

Он же от неприязнивыя тоя крови острупе, и язвы быша, и прииде нань болезнь тяжка зело. И искаше в своем одержании ото мног врачей исцеления и ни от единого получи.

Слыша же, яко мнози суть врачеве в пределех Рязанския земли, и повеле себе тамо повести, не бе бо сам мощен на кони сидети от великия болезни. Привезен же бысть в пределы Рязанския земли и посла синклит свой весь искати врачей.

Един же от предстоящих ему юноша уклонися в весь, нарицающу[ю]ся Ласково. И прииде к некоего дому вратом и не виде никого же. И вниде в дом и не бе, кто бы его чюл. И вниде в храмину и зря видение чюдно: сидяще бо едина девица, ткаше красна, пред нею же скача заец.

И глаголя девица: «Нелепо есть быти дому безо ушию и храму безо очию!» Юноше же той не внят в ум глагол тех, рече к девице: «Где есть человек мужеска полу, иже zde живёт?» Она же рече: «Отец и мати моя поидоша в заем плакати. Брат же мой иде чрез ноги в нави зрети».

Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чюдеси, и глаголя к девицы: «Внидох к тебе, зря тя делающу и видех заец пред тобою скача и слышу ото устну твоею глаголы странны некаки и сего не вем, что глаголеши. Первые бо рече: „нелепо есть быти дому безо ушию и храму безо очию“. Про отца же своего и мать рече, яко „идоша в заим плакати“, брата же своего глаголя „чрез ноги в нави зрети“, и ни единого слова от тебе разумех!» Она же глагола ему: «Сего ли не разумеши, прииде в дом сий и в храмину мою вниде и виде мя сидящу в простоте? Аще бы был в дому наю пес и, чюв тя к дому приходяща, лаял бы на тя: се бо есть дому уши. И аще бы было в храмине моей отроча и, видеv тя к храмине приходяща, сказало бы ми: се бо есть храму очи. А еже сказах ти про отца и мать и про брата, что „отец мой и мати моя идоша в заем плакати“ — шли бо суть на погребение мертвого и тамо плачют. Егда же по них смерть приидет, инии по них учнут плакати: се есть заимованный плач. Про брата же ти глаголах, яко отец мой и брат древолазцы суть, в лесе бо мед от древия вземлют. Брат же мой ныне на таково дело иде и яко же лести на древо в высоту, чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гонзнет: сего ради рех, яко чрез ноги в нави зрети».

Глагола ей юноша: «Вижу тя, девице, мудру сушу. Повежь ми имя свое». Она же рече: «Имя ми есть Феврония». Той же юноша рече к ней: «Аз есмь муромскаго князя Петра, служай ему. Князь же мой имея болезнь тяжку и язвы. Острупленну бо бывшу ему от крови неприязниваго летящаго змия, его же есть убил своею рукою. И в своем одержании искаше исцеле-

ния ото мног врачей и ни от единого получи. Сего ради семо повеле себе привести, яко слыша zde мнози врачава. Но мы не вемы, како именуются, ни жилищ их вемы, да того ради вопрошаем о нею». Она же рече: «Аще бы кто требовал князя твоего себе, мог бы уврачевати и». Юноша же рече: «Что убо глаголеши, еже кому требовати князя моего себе. Аще кто уврачует и, князь мой даст ему имение много. Но скажи ми имя врача того, кто есть и камо есть жилище его». Она же рече: «Да приведеш князя твоего семо. Аще будет мяхкосерд и смирен в ответах, да будет здрав!» Юноша же скоро возвратися к князю своему и поведа ему все подробну, еже виде и еже слыша.

Благодарный же князь Петр рече: «Да везете мя, где есть девица». И привезоша и в дом той, в нем же бе девица. И посла к ней ото отрок своих, глаголя: «Повежь ми, девице, кто есть, хотя мя уврачевати? Да уврачует мя и возьмет имение много». Она же, не обинуясь, рече: «Аз есмь хотяй врачевати, но имения не требую от него прияти. Имам же к нему слово таково: аще бо не имам быти супруга ему, не тебе ми есть врачевати его». И пришед человек той поведа князю своему, яко же рече девица.

Князь же Петр, яко не брегий словеси ея, и помысли: «Како, князю сушу, древолазца дщи пояти себе жену!» И, послав к ней, рече: «Рцыте ей, что есть врачевство ея, да врачует. Аще ли уврачует, имам пояти ю себе жене». Пришедше же, реша ей слово то. Она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди своея и дуну и рек: «Да учредят князю вашему баню и да помазуют сим по телу своему, иде же суть струпы и язвы. И един струп да оставит не помазан. И будет здрав». И принесоша к нему таково помазание. И повеле учредить баню.

Девицу же хотя в ответах искусити, аще мудра есть, яко же слыша о глаголах ея от юноши своего. Посла к ней с единым от слуг своих едино повесмо льну, рек, яко: «Си девица хочет ми супруга быти мудрости ради. Аще мудра есть, да в сем льну учинит мне срачицу и порты и убрусец в ту годину, в ню же аз в бани пребуду». Слуга же принесе к ней повесмо льну и даст ей и княже слово сказа. Она же рече слуге: «Взыди на пещь нашу и, снем з гряд поленце, снеси семо». Он же, послушав ея, снесе поленце. Она же, отмерив пядию, рече: «Отсеки сие от поленца сего». Он же отсече. Она же глагола: «Возьми сий утинок поленца сего и шед даждь князю своему от мене и рцы ему: «В кии час се повесмо аз очешу, а князь твой да приготовит ми в сем утинце стан и все строение, киим сочтется полотно его». Слуга же принесе ко князю своему утинок поленца и речь девичю сказа. Князь же рече: «Шед рцы девицы, яко невозможно есть в такове мале древе и в таку малу

годину сицева строения сотворити». Слуга же, пришед, сказа ей княжу речь. Девица же отрече: «А се ли возможно есть человеку мужеска возрасту в едином повесме лъну в малу годину, в ню же пребудет в бани, сотворити срачицу и порты и убрусец?» Слуга же отоиде и сказа князю. Князь же дивляся ответу ея.

И по времени князь Петр иде в баню мытися и повелением девицы помазанием помазая язвы и струпы своя и един струп остави непомазан по повелению девицы. Изыде же из бани, ничто же болезни чюяше. На утрии же узрев си все тело здраво и гладко, развие единого струпа, еже бе непомазан по повелению девицы. И дивляшеся скорому исцелению. Но не восхоте пояти ю жену себе отечества ея ради и послав к ней дары. Она же не прїят.

Князь же Петр поехав во отчину свою, град Муром, здравствуяй. На нем же бе непомазан един струп повелением девицы. И от того струпа начаша мнози струпы расходитися на теле его от перваго дни, в онъ же поехав во отчину свою. И бысть паки весь оструplen многими струпы и язвами, яко же и первые.

И паки возвратися на готовое исцеление к девицы. И яко же приспе в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания. Она же, нимало гневу подержав, рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван». Он же с твердостию слово даст ей, яко имать пояти ю жену себе. Сия же паки, яко и прежде то же врачевание даст ему, еже предписах. Он же вскоре исцеление получив, поят ю жену себе. Такою же виною бысть Феврония княгини.

Приидоста же во отчину свою, град Муром, и живяста в всяком благочестии, ничто же от божиих заповедей оставляюще.

По мале же дний предреченный князь Павел отходит жития сего. Благоверный же князь Петр по брате своем един самодержец * бывает граду своему.

Княгини же его Февронии бояре его не любяху жен ради своих, яко бысть княгини не отечества ради ея. Богу же прославляюще ю добраго ради жития ея.

Некогда бо некто от предстоящих ей прииде ко благоверному князю Петру навадити на ню, яко «от коегождо, — рече, — стола своего без чину исходит: внегда бо встати ей, взимает в руку свою крохи, яко гладна!» Благоверный же князь Петр, хотя ю искусити, повеле, да обедует с ним за единым столом. И яко убо скончавшуся обеду, она же, яко же обычай имейше, взем от стола крохи в руку свою. Князь же Петр прим ю за руку и, развед, виде ливан добровонный и фимиан. И от того дни остави ю к тому не искушати.

И по мнозе же времени приидоша к нему с яростию бояре его, ркуще: «Хощем вси, княже, праведно служити тебе и самодержцем имети тя. Но княгини Февронии не хощем, да господствует женами нашими. Аще хощеши самодержцем быти, да будет ти ина княгини. Феврония же, взем богатство довольно себе, отоидет, амо же хощет!» Блаженный же князь Петр, яко же бе ему обычай, ни о чесом же ярости имея, со смирением отвеща: «Да глаголита к Февронии, и яко же речет, тогда слышим».

Они же, неистовии, наполнившеся безстудия, умыслиша, да учредят пир. И сотвориша. И, егда же быша весели, начаша простирати безстудныя свои гласы, аки пси лающе, отнемлюще у святых божий дар, его же ей бог и по смерти неразлучна обещал есть. И глаголаху: «Госпоже княгини Феврония! Весь град и бояре глаголют тебе: „дай же нам, его же мы у тебе просим!“» Она же рече: «Да возьмета, его же просита». Они же, яко единими усты, ркоша: «Мы убо, госпоже, вси князя Петра хощем, да самодержествует над нами. Тебе же жены наши не хотят, яко господствуеши над ними. Взем богатство довольно себе, отоидеши, амо же хощеши». Она же рече: «Обещахся вам, яко, елика аще просите, примете. Аз же вам глаголю: „дадите мне, его же аще аз вопрошу у ваю“». Они же зли ради быша, не ведуще будущаго, и глаголаша с клятвою, яко «аще речеши, единою без прекословия возьмеши». Она же рече: «Ничто же ино прошу, токмо супруга моего князя Петра». Реша же они: «Аще сам восхощет, ни о том тебе глаголем». Враг бо наполни их мыслей, яко, аще не будет князь Петр, да поставят себе инаго самодержцем: кийждо бо от бояр в уме своем держаше, яко сам хощет самодержец быти.

Блаженный же князь Петр, не възлюбил временнаго самодержавства, кроме божиих заповедей, но по заповедем его шествуя, держашеся сих, яко же богогласный Матфей в своем благовестии вещает. Рече бо, яко «иже аще пустит жену свою, развие словеси прелюбодейнаго, и оженится иною, прелюбы творит». Сей же блаженный князь по евангелию сотвори: одержание свое, яко уметы вмени, да заповеди божия не раздрущита.

Они же злочестивии бояре даша им суды на реце, — бяше бо под градом тем река, глаголемая Ока. Они же плывуще по реце в судах. Некто же бе человек у блаженных княгини Февронии в судне, его же и жена в том же судне бысть. Той же человек, приим помысл от лукаваго беса, возрев на святую с помыслом. Она же, разумеv злый помысл его, вскоре обличи и. Рече ему: «Почерпи убо воды из реки сия с сю страну судна сего». Он же почерпе. И повеле ему испити. Он же пит. Рече же паки она: «Почерпи убо воды з другую страну

судна сего». Он же почерпе. И повеле ему паки испити. Он же лит. Она же рече: «Равна ли убо си вода есть, или едина слажши?» Он же рече: «Единая есть, госпоже, вода». Паки же она рече сице: «И едино естество женское есть. Почто убо, свою жену оставя, чюжия мыслиши!» Той же человек, уведев, яко в ней есть прозрения дар, бояся к кому таковая помышляти.

Вечеру же приспевшу, начаша ставитися на брезу. Блаженный же князь Петр яко помышляти начат: «Како будет, понеже волею самодержавства гонезнущ?» Предивная же Феврония глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый бог, творец и промысленник всему, не оставит нас в нищете быти!»

На брезу же том блаженному князю Петру на вечерю его ядь готовляху. И потче повар его древца малы, на них же котлы висяху. По вечерах же святая княгини Феврония ходящи по брегу и, видевши древца тыя, благослови, рекши: «Да будут сия на утрии древие велико, имущи ветви и листвие». Еже и бысть. Вставши бо утре, обретоша тыя древца велико древие, имуще ветви и листвие. И яко уже хотяху людие их рухло вметати в суды с берега, приидоша же вельможа от града Мурома, ркуще: «Господи княже, от всех вельмож и ото всего града приидохом к тебе, да не оставиши нас сирых, но возвратиши на свое отечество. Мнози бо вельможа во граде погибоша от меча. Киждо их хотя державствовати, сами ся изгубиша. А оставшии вси с всем народом молят тя, глаголюще: „Господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Феврония господствует женами нашими, ныне же с всеми дома своими раби ваю есмы, и хотим, и любим, и молим, да не оставита нас, раб своих“».

Блаженный же князь Петр и блаженная княгини Феврония возвратишася в град свой.

И беху державствующе в граде том, ходяще в всех заповедех и оправданиях господних бес порока, в мольбах непрестанных и милостынях и ко всем людем, под их властью сущим, аки чадолюбивии отец и мати. Беста бо ко всем любовь равну имуще, не любяще гордости, ни грабления, ни богатства тленного щадяще, но в бога богатеюще. Беста бо своему граду истинна пастыря, а не яко наемника. Град бо свой истинною и кротостию, а не яростию, правяще. Странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одевающе, бедныя от напасти избавляюще.

Егда же приспе благочестное преставление ею, умолиша бога, да в един час будет преставление ею. И совет сотворше, да будут положена оба в едином гробе, и повелеша учредить себе в едином камени два гроба, едину токмо преграду имущи межу собою. Сами же в едино время облекошася во мнишеския

ризы. И наречен бысть блаженный князь Петр во иноческом чину Давыд, преподобная же Феврония наречена бысть во иноческом чину Еуфросиния.

В то же время преподобная и блаженная Феврония, нареченная Еуфросиния, во храм пречистыя соборныя церкви своими руками шиаше воздух, на нем же бе лики святых. Преподобный же и блаженный князь Петр, нареченный Давид, прислав к ней, глаголя: «О сестро Еуфросиния! Хочу уже отоити от тела, но жду тебе, яко да купно отоидем». Она же отрече: «Пожди, господине, яко дошю воздух в святую церковь». Он же вторицею послав к ней, глаголя: «Уже бо мало пожду тебе». И яко же третицею присла, глаголя: «Уже хочу преставитися и не жду тебе!» Она же остаточное дело воздуха того святого шиаше, уже бо единого святого риз еще не шив, лице же нашив, и преста и вотче иглу свою в воздух и преверте нитью, ею же шиаше. И послав ко блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставлении купнем. И, помолився, предаста святая своя душа в руце божии месяца июня в 20 пятый день.

По преставлении же ею хотеста людие, яко да положен будет блаженный князь Петр внутрь града у соборныя церкви пречистыя богородицы, Феврония же вне града в женстем монастыри у церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста, ркуще, яко «во мнишестем образе неугодно есть положить святых в едином гробе». И учредиша им гроби особны и вложиша тела их в ня: святого Петра, нареченнаго Давида, тело вложиша в особый гроб и поставиша внутрь града в церкви святыя богородицы до утрия, святыя же Февронии, нареченныя Еуфросинии, тело вложиша в особый гроб и поставиша вне града в церкви Воздвижения честнаго и животворящаго креста. Общии же гроб, его же сами повелеша истесати себе в едином камени, оста тощ в том же храме пречистыя соборныя церкви, иже внутрь града. На утрии же вставше, людие обретоша гроби их особныя тщи, в ня же их вложиста. Святая же тела их обретоста внутрь града в соборней церкви пречистыя богородицы в едином гробе, его же сами себе повелеша сотворити. Людие же неразумнии, яко же в животе о них мятущеся, тако и по честнем ею преставлении: паки преложиша я в особныя гробы и паки разнесоша. И паки же на утрии обретошася святии в едином гробе. И к тому не смеяху прикоснутися святем их телесем и положиша я в едином гробе, в нем же сами повелеста, у соборныя церкви Рождества пресвятыя богородица внутрь града, еже есть дал бог на просвещение и на спасение граду тому: иже бо с верою приришуще к раце мощей их, неоскудно исцеление приемлют.

ПОВЕСТЬ О ЛУКЕ КОЛОЧСКОМ

В лета 6921 правящу тогда скипетры всероссийскаго державствія христілюбивому великому князю Василию Дмитриевичу. * Бысть во области брата его, князя Андрея Дмитриевича, в пределах града Можайска, * яко пятнадесять поприщ, на месте, зовомо Колочка, идеже жилище имый некий человек, земледелец прост, поселянин и убог сый, именем Лука. И ходящу ему в лесе близ жилища своего и обрете на некоем древе стоящу икону со двема затворцы. На ней же написан образ пресвятыя богородицы, на руку держащу предвечнаго младенца господа нашего Иисуса Христа. На затворцех же на едином бяхе образ божия ревнителя и великаго пророка Илии, а на другом затворце — святителя и чудотворца Николая.

Земледелец же той, поклонение пред нею сотворя, снят ю со древа и, верою многою любезно облобызав, изнесе ю из леса и поставив у своей нивы на древе на месте просте. Посем прииде ин некий человек, такожде убог, и взял ю оттуду к себе. Лука же умолив его, и дав ему хлеб овсяный, и паки взял у него тое икону к себе и принес ю в дом свой.

В дому же его бяхе человек разслаблен, лежаще много лет. Ему же той поселянин Лука сказа вся подробну, како обрете святую ту икону. Разслабленный же почюдився таковому дивному изобретению и моляше его, да принесет близу его тое святую икону. И егда донесе ю к нему, разслабленный же, верою утвердився и знаменався иконою божии матери по челу, и по очима, и по устама, и в той час здрав бысть, яко николи же болев. Слышано же бысть сие от всех, иже тамо живущих людей, и вскоре снидошася людие мнози и принесоша болящих различными недуги, и вси здрави быша. И тако начаша отвсюду приносить множество недужных и исцелевахуся. И оттоле многая и безчисленная чудеса бываху от образа пресвятыя богоматери в дому того поселянина Луки, и того ради

начаша вси людие того поселянина Луку вельми чтити, яко пророка или яко апостола божия.

Поселянин же той Лука взем чудотворную икону богоматери и понесе ю прежде ко граду Можайску. Ей же во сретение изиде сам благоверный князь Андрей Дмитриевич со кресты со всем освященным собором и с своими бояры и со всем народом града того от мала и до велика. И быша чудеса многа от иконы богоматери. Таже оттуду понесе ю Лука к Москве, и сretoша ю сам преосвященный Фотий, * митрополит всея России с епископы и со всем освященным собором со кресты. Такожде и бояре и жены и чада их и все воинство и народное множество безчисленно з женами и з детьми, и страждущии различными недуги исцеление от иконы богоматери приимаху: слепии прозираху, хромии хождаху, расслабленнии востаяху, немии глаголаху, глушии слышаху и всякими недуги одержими здрави бываху. Толико безчисленное и неизреченное тьмами тем безпрестани тогда чудеса быша, яко ум человеческий не может изрещи. Поселянин же Лука с иконою божия матере хождаше от града во град, от нея же везде неизреченныя чудеса содевахуся, и вси даяху многую милостыню в руце тому Луке.

Он же аще и прост человек и последний поселянин, но обаче добродетелен бяше, возвратився паки в Можайский предел, во свое пребывание, имея с собою чудотворный образ богоматери, ея же милосердием много и безчисленно богатство собора и церковь поставив во имя пресвятыя богородицы честнаго и славнаго ея успения, в ней же чудесную ту икону богородицыну поставив, идеже есть ныне монастырь Колоческий. *

Себе же дом созда велий. В нем же учинив храмины светлы и велицы. И многие рабы и рабыни притяжа и отроки предстоящия ему и предтекущия и светлыми одеждами оболченныя. И трапеза его бяше драгаго брашна и много пития благовоннаго исполнена, и всегда ему в пищи и питии веселящуся со служащими своими. И ловы деюще со птицы и со псы, ухвациши суетную себе утеху полковыми ловитвами содевая. И тако Лука от препростия в суровство пременися, и не токмо вельможам и влаstem и сановником супротивен являшеся, но и самому князю Андрею Дмитриевичу жесток и непокорен бываше. Еще же, егда ему ловы деюще, самого князя соколы и ястребы грабляше и к себе взимая. Князь же вся сия терпяше образа ради пречистыя богородицы.

Человеколюбивый же бог судьбами своими всем хотяй спастися и в разум истинный прийти, тако и сего Луку не презрев в нечестии пребывающа, но прежде конца на покаяние обратив его сицевым образом. Некогда ловцы благочестиваго князя Андрея Дмитриевича уловили медведя люта и везяху его

в ларе мимо дом Лукин. Его же узре Лука и повеле медведя того выпустить из ларя на своем дворе. Медведь же выпущен со многими людьми и, мимо всех самого Луку достигши, смяте, и еле жива отняша его.

Князь же увидев сия и в тот час потщався скоро прииде от града и посети его. И виде его едва дышуща и глагола ему: «О, како неразумен еси, человече. Видя, како ты бог прослави чюдотворением от святых иконы пречистых его матери, и почто о суетных потщался еси и вдался еси мирским позором и глумлением и пьянством, к бесполезному житию сшел еси. Того ради сице тебе и случишася таковая искушения, да не уповаеши на множество богатства своего, но бога себе помощника (и не хотя пути спасенаго) взыщеша». Лука же, яко от сна возбнув и в чюство и в покаяние пришед, раскаявся о непотребном житии своем, поминая пресвятых богородиц чюдотворнаго образа великих и неизреченных чюдеса, также и свое первое добродетельное житие. И плакався со слезами, горче рыдая и моляше князя Андрея Дмитриевича, да сотворит с ним милость, богатством его промыслит, яко богу угодно и пречистой его матери богородице. Еже на пользу души его, тако да устроит.

Князь же Андрей Дмитриевич, боголюбив сый, нимало закоснев, но вскоре таковым его безчисленным богатством монастырь создав пресвятых богородиц, глаголемый Колоческий, идеже церковь Лукою прежде поставлена бысть, в ней же баше чюдотворная икона божия матери, от нея же многая чюдеса содевахуся и до сего дни. Боголюбивый же князь Андрей Дмитриевич моляся чюдотворному образу пречистых богородиц и глаголя: «Посетил мя господь бог своею неизреченною милостею таковым чюдотворным образом и град сей и окрестные веси и пределы града моего — благословение прадед моих». И глаголя, моляся: «Державная моя помощница и великая воеводо и надеждо всем христианом, не остави нас, всегда надеющиеся на тя». И, совершив молебная пения, даде в дом чюдотворнаго образа пречистых богородиц на пропитание братии села и имения множество и глаголя: «Бог с нами, никто же на ны». Тогда в том монастыре и Лука пострижеса в монашеский образ и поживе в нем неколико лет во умилении и в слезах и в покаянии дондеже и преставися о господе. Честнаго же чюдотворнаго явления образа богоматере торжественное празднество совершается месяца июля в девятый день.

ПОВЕСТЬ О ТИМОФЕЕ ВЛАДИМИРСКОМ

О некоем презвитере, содеявшем грех з девицею в церкви. И отъехав в Казань, порудив христианскую веру. И гонитель христианом. И тако, покаявшеся, умре

Бысть в державе Российского государства в княжение царя и великого князя Ивана Васильевича Московского и всея России* и при митрополите Филиппе.*

Бе во граде Владимире презвитер некий живяше, именем Тимофей. Случися ему, быть по божью попущению, искус сиец на пагубу души его.

В первую убо неделю святого и великого поста обычай имеют православнии христиане, боголюбивии людие, мужие и жены и младые дети, поститися всю неделю. И постившися в пяток вечер ко отцем духовным на покаяние приходити и от гресех своих очищатися, и в субботу на литургии приимати пресвятое тело и кровь Христа бога нашего. Тако ж и к сему попу Тимофею прииде на исповедание грехов девица некая, красна зело, дщи от славных града того. И бывшим им на едине в церкви двема, и начат священника диявол на девицу неуголимою похотию разжигать. Священник же, немогши терпети разгорения плоти своея, и падеся над девицею в церкви, не убояся божия суда и вечного мучения лютого.

И сотворив грех со девицею, и убоявся изымания, и бежа из церкви вон в дом свой, утаяся всех людей, да неявлен будет властем града того, и про то б ему злою смертию не умереть. И оседла конь свой, и премени свой образ поповский, и облокася в воинскую одежду, и неявився ни сказався жене своей, ни детям своим, и всед на конь свой и скоро погна из дому своего. И из града своего бежаше на чужую страну, в поганскую землю Татарскую, в Казань.*

И тамо в орду прибежав и вдастся царю казанскому служить и отвержся веры христианския и священнический чин попра, и босурманскую злую срачинскую веру прият, и поят себе две жены.

Ох, увы ему! первые бе чиститель и говеин священник и предстатель престолу божию и споручник грешных душ, и потом зол гонитель бысть и лют кровопийца христианск и воивода в Казани храбр. И часто его посылаше царь с татары своими воевати страну отчества его, Русския земли христиан. И живяше он 30 лет в Казани и царю служа и разбоготел вельми.

Бог же, нехотя грешнику смерти, но хотя обратится ему и живу быти, восхоте же и сего преступника в первое благочестие ввести.

По времени ж посла его царь на то ж обычное злое и беззаконное дело, яко ж и прежде, пролияти неповинныя крови русских людей. Он же иде по словеси царя и повоева некую часть Русския земли, и возвратися в Казань с руским полоном. Едушу ж ему чистым великим полем х Казани, и пусти полк свой впреде себе, сам же един остася назаде, ездяше некоего ради орудия. Едушу ж ему на коне своем в полудни после полка своего далече, и воспомянув согрешения своя, и пояше умильно красный стих любимый пресвятей богородице: «О тебе радуется обрадованная всякая тварь».

Тогда ж по случаю бежа ис Казани пленник некий, отрок руской, и западше лежаше утаяся в дуброве три дни в траве по страну путя того, ждущий докуды минет весь полк татарский, чтоб, встав от места того, и паки побежати путем татарским, не блудяся, к Руси.

И егда отрок слыша поюща стих и, встав от лежания своего и мнев поющего стих быти русского человека, и нестрашася, радостен изыде отуду и потече от дубравы на путь и явися тому окоянному варвару, прежде бывшему попу. Он же виде отрока ярима своима очима звериными и похватив меч свой наг и хоте отроку главу отсеци. Пленник же паде на землю з горькими слезами, милости прося у него, чтобы не убиен был от него. И сказа ему о себе, яко «пленник есть, русин, бежа ис Казани на Русь, и слышах тебе по руски поюща великий стих богоматере, еже есть богородичен, любезнейший есть той стих всех стихов богородичных, и у нас его на Руси поют честно, славящи пресвятую богородицу нашу молитвенницу и заступницу. И чаях тебе русина быти и явися, господине, лицу твоему, не бояся». Преступник же то слышав, и жестокое и каменное свое сердце во умилении положи, и начаша великим гласом жалостно плакати и рыдати, и сшед с коня о землю убиватися, яко утрашиться отроку тому, и в мале не

побежа от него, дигая в себе, что се таково есть сотворися, бе бо и отрок той грамотен же бе. И плакася от полудне того до вечера, доколе же премолче гортань его и слезы исчезосте от очию его. И обозревся со отроком ту и спа до утра на траве, дав отроку нечто мало снести, сам же ничего не вкуси.

Пленник же нача прилежно спрашивати его, глаголя: «Что се, господине, есть, и что печаль твоя, и про что столь горько плачеша, повеждь ми рабу своему». Он же утишився от плача и мало пришед в себе, и вся отроку вышереченная поведа, яко поп на Руси быв. Пленник же увещеваше его на покойание обратитися, яко бог наш милостив есть и кающихся от грехов очищает. Он же рече отроку: «Молю же тя, отроче, и заклинаю тя великим богом нашим Иисус Христом, пришедшим в мир грешники спасти, да сотвориши ми любовь духовную; иди отселе ныне от мене без боязни на Русь к Москве, и пришед возвести о мне вся митрополиту вашему, еже сказах тебе. Аще есть такому грешнику покойание, и он бы мя восприял и запретил и простил, како подобает по заповеди господа бога и спаса нашего Иисуса Христа; дабы и печаловался о мне великому князю Московскому, дабы мя и он простил во всем моем зле, еже много лет воевах землю его и христианство губя. Да рукописание бы прощение мне во всем написал, и двема печатями запечатав, великого князя печатию да своею печатию другою, да тогда веры иму. Да по двоя месяцу писание прислал бы ми с тобою на се ж место, и аз бы с радостию и без сумнения к Москве ис Казани приехал, и вдаль бы ся в монастырь плакаться грехов своих. Ты ж, брате, потрудися бога ради о мне всем сердцем своим без лености, да воздаст тебе господь труда твоего ради многу мзду во царствии своем». И одари отрока серебром немало. И обещася ему отрок истинно и неленостно повеленная им сотворити.

И вставше заутра и тако ж много плакався босурманин, и целовавшеся оба разъехавшеся. Отрока отпусти к Руси, а сам х Казани за полком своим скоро погна.

Отрок же к Москве пришед, и скоро сказа вещь сию митрополиту Филиппу. Истинны ж пастырь церкви Христове в той ж час скоро шед в полату и возвести сыну своему духовному, великому князю, все подробну, еже ему отрок что сказал. Князь же великий и митрополит умилишася зело, и в размышлении оба надолзе быша, и призваше отрока паки пред себя, вопрошающе его паки о вещи сей, аще истинна ли тако есть. Отрок же и паки тож сказа им истинну подробну. И помянуша они евангельское слово реченное: «Аще изведеша достойного от недостойнства, яко уста моя будеша». И советовавше между себе князь и митрополит, и написавше грамоту и запечатавше

своими печатями, и послаша со отроком к босурману тому, и прощение ему, покаявшемуся от тьмы в свет, сказаше, и во всем его простиша и наказавше звати его, чтоб ехал к Москве безо всякия боязни, и да будет честен службе великому князю.

Наставшу ж третьему месяцу пленник же, отрок той, тщася безо лжи любовь божью сотворити и тамо итти; то бо есть истинная любовь, кто положит душу свою за брата своего. И доиде отрок полем многия дни до уреченного места того. И поспе на срок свой, и ту пришед, ждаше бесермана два дни и мнев, яко уже не быти ему.

В третий ж день зряше отрок прилежно х Казани, прямо на горе висоце на древе возлежши, и узрел: се гнаше полем един человек от Казани путем на двух скорых драгих конех своих к месту тому, вельми спеша. Отрок же позна, яко той есть друг его босурман, и в мале скрыся от него, искушая его. Он же прискочи на место то и невиде отрока, чаях, солгаше ему и непришедша во уреченный день и час. И свержеся с коней долу на землю и вопияше со слезами и плакашеся вельми, яко могуща той и самое каменение с собою на плач подвигнути, и неможаше от плача утешитися, верстою бо он в пятьдесят лет быв. Тако ж скоро отрок явися ему, борзо к нему з горы идя. Он же видев его издалуча грядуща к себе и тако ж позна его, и потече скоро против его, и обьем паде на выно отроку, целуя его и плачущи з горькими слезами и глаголя ему: «Что ти воздам, любимый брате и нельстивый друже и верный посланниче и великотрудниче, еже мне поганому сотворил еси». Отрок же взял влагалище из-за пазухи своя и разверз и выняв из него грамоту, за двема печатями запечатану, и вдаст ему. Босурман же прием ю и прочет со многими слезами и вопияше непрестанным гласом мытаревым: «Боже, милостивый буди мне грешному, беззаконному преступнику. Боже, очисти грехи моя. Боже, прости беззакония моя и помилуй мя». И простер руце свои на небо и рече: «Боже щедрый, благодарю тя, человеколюбче, грешным милостив, яко сподобил мя еси, окоянного, от начального пастыря моего беззаконию моему прощение прияти». И абие внезапно паде на землю тихо. И нозе свои, яко жив, простре и обретеса мертв.

Отрок же во ужасе надолзе быв. И разуме истинно, яко умер есть. Отрок же взя с него драгия ризы и всю воинскую збрую, и облече его в смиренныя своя одежды, и ископа землю, и погребе его ту со слезами, и ночь ту преспа у гроба его. Тимофей же явися во сне у гроба своего отроку тому: «Благодарю тя, яко тебе ради приях от бога прощение грехов своих. Да возьм коня мой со всем, еже на них за труды своя,

иди отсюду на Русь и поминай мя до живота своего молением и милостынею и прощением».

Отрок же на утрие простився у гроба его, и взят коня оба драгия Тимофеевы со всею драгою збруею, и обрете на них басмаги великия, полны злата и сребра и драгова каменья. И всед на них и поеде, радуясь и веселяся, на Русь.

И приехав к Москве и подробну поведа о Тимофее случившееся великому князю московскому и митрополиту яко: «Умре и погребен бысть от мене», и како видеса во сне. И оставшая Тимофеева вся показа им. Князь же и митрополит удивишася о сем и прославиша бога и разсудиша, яко прият его бог на покойние, и слезами очистися, и простишася греси его, и душа его спасеса. Отроку ж тому князь и митрополит все имение Тимофеево отда, великое богатество. Е[ще] ж к тому князь великий и земли удел даде ему.

Сия ж повесть много лет ненаписана бысть, но так в людех в повестех ношашеся. Аз же слышах от многих сие и написах пользы ради прочитающим, да не отчаются грешнии спасения своего, но притекут ко всемилостивому господу истинным покаянием, и отпущение грехов получат, и жизни вечней сподобятца, и в бесконечныя веки на небеси с праведными имут царствовати.

ПОВЕСТЬ ОБ ОСАДЕ ПСКОВА СТЕФАНОМ БАТОРИЕМ

*Повесть о прихождении литовского короля [Стефана] великим и гордым воинством на великий и славный богоспасаемый град Псков, * откуда и како и коим образом попусти его бог на Рускую землю, грех ради наших, и како великою милостию пребезначальныя Троицы к нам грешным христианом ото града Пскова со студом многим и великим [срамом] отъиде*

Б е же сие в лето 7085-го, во царство благовернаго и христолюбиваго государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца, * и при благоверных его царевичех, царевиче князе Иване Ивановиче и царевиче князе Федоре Ивановиче. * Правящим и[м], государем нашим, добре православныя христианство Росийское царство, от окольных же неверных царей и королей и всяких начальник, воюющих и насилующих его, государя, Росийское царство, православных, и яже под его царскою десницею всех живущих обороняше и защищааша. Наипаче за святыя церкви и честныя монастыри и за святую православную христианскую веру изрядно на враги стояще и поборуху.

Бе бо от бога первопрестольный христианский царь во вся четыре конца вселенныя [именовашеся], совершенные его ради святыя христианския веры хранящего и тверде сию держати и хранили непорочней повелевающего.

В та же времена на его государство прииде к нему, государю, весть от полунощныя страны Росийского его царства о насилии и о нахождении вой худейших, паче иных земли, от Вифлянския земли немец: * не токмо же многим государевым страны тоя градом и всем многа зла сотворяют и насилуют, но и чудотворное и святое место Успение пречистыя богородицы Печерского монастыря * около все обвоеваша и запустошиша и многозельная злая монастырю творяху. Слышав же сие, христолюбивый царь и государь, князь великий Иван Васильевич всея Руси, яко не токмо его государевым градом и всем

тамо приближным насилуют, но и [на] чудотворное Печерское место крепче вооружаютца, утесняют. Сего ради не токмо во отмищение вое посылает на вифлянския немцы, но и сам царь государь за богородицын дом на враги воополчаецца и со благоверным своим царевичем со князем Иваном Ивановичем. Приемши же царь государь благословение от отца своего Антония митрополита, пути ся касает.*

Достигшу же государю нашему своя вотчины, славнаго града Пскова, в том же граде Пскове благоверный царь государь по чину устрояет своих бояр и воивод, коегождо над повеленным его полком воиводствовать и по чину правити: бе бо той град на рубеже от неверных градов насилующих враг.

Пути же шественну на враги начинающуся из славнаго града Пскова.

Приходит же благоверный царь государь в соборную церковь Живоначальныя Троица* и припадает со слезами пред святым образом живоначальней троицы и молит в троицы славимаго бога, дабы ему, государю, бог подал милость свою свыше и победу на неверные враги и насилующих во Христа верующему народу.

Такоже приходит пред чудотворную икону пречистыя богородицы, слезы же многи проливает пред святым ея образом. «Вем бо, — рече, — госпоже богородице, яко елика просиши у сына своего и бога, и не презрит моления твоего. Молися, госпоже богородице, о рабе своем, и да исполнит бог желание сердца моего, яко да возвысит десницу мою грешнаго раба твоего на враги насилующих на христианы, наипаче на святое место, в нем же изволитися тебе и славится имени твоему святому и за живущее в нем рабы сына твоего и бога, и словославящих и возвеличающих е».

Такоже приходит к сроднику своему, к благоверному великому князю Гаврилу Всеволоду,* псковскому великому чудотворцу, к чесныя его раки. Сего же на мнозе со слезами на молитву [и на помощь] призывает.

Знаменовав же ся силою воображения креста Христова от печерского игумена Селивестра.* Такоже по чудотворным иконам знаменовавшия и многия обеты святым местом и чудотворным и святым иконам воздати обещавшеся, наипаче Печерскому монастырю, в дом пресвятыя богородицы.

Такоже благоверный царь государь настоящему своему пути касаетца.*

Достигшу же ему, государю, Вифлянские земли.* Слышав же сие, жители Вифлянския земли, немцы царское на них нашествие и разумеюще его в воинстве крепко сильна, немощь же свою знаяще, възмятошася и восколебашася, яко пьянии. Овии же от них во ины страны бегаяше;* инии же во градах своих

затворишася, на твердости же града надеюшеся; овии же смущаюшеся: во градах ли седети крепко, или покоритися и з дарми руского царя, великого князя, государя сresti, ведуще, яко твердая их укрепленные каменные стены против русских стенобитных сосуд отстояти не могут.

Божиею же милостию и пречистыя богородицы молением и святых великих чудотворцов, царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси не токмо отмстителем врагом божии явися, но и государь всей земли той Вифлянской по достоянию прославися.

Овии же их грады за щитом восприимаша, сии же никоея милости ни живота не получиша.* Инии же немцы из своих градов за многия поприще схожаша и со многими дарми, и з женами своими, и з детьми царю государю поклонишася. Милосердие же своего государь над таковыми показоваша. Елицы же их на многолюдие или на твердости града надеюшеся, крепцы вооружишася, сидети, у них же стены даже и до основания разрушити повеле, самих же розными горькими розличными смертями их и жены их и дети умрети повеле, да и прочие страх примут.

Слышав же сие от [о]крестных суседах, суседи, курланския немцы,* яко от росийского царя государя никоя же твердость отстоятися не может, а приходящи к нему, ко государю, з дары и с честию великую ослабу приемлют, собравши же ся начальницы страны тоя курланских немец совет сотворше. Да пошлют к нашему государю со многими дарми послы своя, и да и милость русский государь да покажет над ними и над их землею милость и наложит по своему государеву хотению на них повселетную дань. Совету же их тако сотворившу. Умилостиве же ся государь до них, дары у них восприя, и им же повеле на старых своих местех жити, дани же на них повселетныя уложи и паки во свою землю отпусти их.

Вифлянскую же землю до конца повоива,* многия грады восприя, живущее в них в плен отведе, богатество же их и безчисленное злато и серебро и узорочья всякия в царствующей град Москву прикати. Сам же царь государь, добр, здоров, славен победитель, во свою отчину на Рускую землю возвратися.

Приходит же государь первые в дом пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Успения Печерского монастыря и припадает к пречистой богородицы чудотворныя иконы в подножие на мрамор помоста церковнаго, слезы же яко струя от очию испускающе, от уст же своих благодарныя песни богородицы возсылающе, обеты же своя вся богородицы устраяюще, отдающе безчисленное множество злато и серебро пре-

чистой в дом отдав. Многия села и узорочья но[во]пленные к монастырю присовокупляет.

И тако паки Пскова достизает, в соборную же церковь Живоначальная Троицы паки приходит и пред святыми иконами благодарныя слезы проливает, богу же и пречистой богородицы и всем святым и благоверному князю Гаврилу Всеволоду многорадостно сплетенныя хвалы возсылающе, обеты же своя вся исправляюще.

Паки же славнаго своего града Москвы достизает и тамо велехвален победитель ото всех показася: не токмо в Русийском его царстве, но и по всем окрестным царством и королевством произнесся высокое [его] над вифляны победительство.

Паки же, по возвращении его государеве, во свою ему, государеву, вотчину, в славный царствующий град Москву, слышавше же сия курланския немцы царево от них отшествие и воя своя по домом своим упокоиватися распустившу, разстояние же многое от их земли знающе, в сопротивен же совет первому сотворяют со избегшимися к ним достальными вифлянскими немцы. К себе же присовокупают и Литовския земли люди и вместо дани воинством на новоприемные государем грады воополчаютца: многим же градом пакости сотворше, онии же от них паки восприемше. *

Паки же сие слышав руский государь, яко не токмо обетов своих и по своим законом забыша, но и на брань воополчишася и грады паки восприемлют, розгневавшеся на них царь государь, паки в третее лето первого своего походу во отмщение на них пути ся приемлет. *

Слышавше же [сие] враги и лестицы немцы царское на них свирепое ополчение и кийждо во своем помысле помощи искаша, страхом же и трепетом многим восколебашася, безсильнии же себе, яко мравье знающе. Приходят же в Литовскую землю, к литовскому королю Степану, от сего же помощи своей погибели увидети молят, вкупе же и совоспринимают его на воспротивление брани с российским царем. Молебники же от себя к нему предпосылают богомерские христоненавидцы и поругателие Христовы вере и силы креста Христова, вере не сохранителие, но преступницы целования на вере креста Христова, российский государя нашего изменников, князя Ондreja Курбского с товарищи. *

Сии же христиан [н]енавистьцы, моления их слышав, яко желательни елени по писанию, на христианского государя помыслы воополчаютца, иудейским советом на владыку своего воздвигнути ково обещеваютца; тщательне же и изрядно к литовскому королю приходят, на российского государя воинством подъявляют.

Сей же всегорделивый совет их радостно приемлет: бе бо и сам той литовский король, неистовый зверь и неутолимый аспид, люторския своя веры воин, и рад бе всегда кровопролитию и начинания бранем. Лютый свирепый змеинный яд от своей насытия утробы отрыгнув, войску же своему вооружатися повеле и готовится, и с ними на Рускую землю устремися, * к старому Литовския земли их граду к Полоцку * в седьмое на десять лето, отнележе взял его от Литвы государь наш.

Рускому же государю нашему шествие пути на немцы творяще, достигшу же ему, государю, славного града Пскова, вестницы же прибежах ис Полоцка, яко литовский король Степан со многим воинством идет на Полоцкий град. * Слышавше же сия царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси напрасное его и татебное звериное устремление, воиводы же своя и многи воя во окрестныя грады Полотцку граду посла, воинские люди и стрельцы в Полотцко на осаду в прибавку посла: * бе бо ис тое украины людие с государем в воинском великом его собрании.

Богу же попустившу крепкого сего врага на християны грех ради наших, весть же к государю нашему во Псков прииде, яко литовский король Полотцко взял и со окрестными его грады. * Многие же и бесчисленныя государевы воиводы и вои в Полотцки и во окрестных градах храбро мужествовавшие, и крови своя за Христову веру излиывше, наипаче во граде Соколе изряднее паче ниже в иных градах. Слышавша же сие, царь государь кручиною объят быв, но токмо глаголаше: «Воля господня да будет, якоже господу годе, такоже и бысть». Сам же царь государь возвратися к царствующему граду Москве.

По сем 87-го году под седьмою тысящею, во второе лето по Полотцком взятии, разсвирепися и розгордися лютый той варвар, литовский король Степан, паки устремление пути показывает на Рускую землю, * попущением же божиим, грех ради наших. И начало болезнем Руские земли, тамошныя украины приемлет, яко забывше бога и возвратившися на грехи,¹ яко же рече писания. Под Великия же Луки паки помышляет прийти. *

Слышав же сие царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси свирепое его нашествие, великою же кручиною объят быв. В Великия же Луки воевод своих посылает и во окрестные его грады многое войско во осаду приготовляет, к нему же послы своя посылает, * дабы з государем нашим мирен был.

Он же, всегорделивый, ни ко ушесам² своим слышати о миру хотяще, государевых же послов безчестными и бездель-

¹ В рукописи — враги. Исправлено по списку В.

² В рукописи ошибочно — никому же сам. Исправлено по списку В.

ными словесы своими отказав. К сему же и всезакрытый и зло-ядовитый, яко от адовы утробы, яд отрыгнув, яко не токмо на Луки Великие свирепство свое и на окрестныя ему грады показаваше, но сотонинским своим превозношением превознесся на Великии же Луки и на славный град Псков. Яко «не токмо, — рече, — Луки Великие восприиму со окрестными его грады, но и славный ваш великий Псков, яко же камнем жерновым обратити сего имам и государь сему именоватися». Также и о Великом Новеграде многогорделивая изрече. Яко «не может, — рече, — ни един град укрепится или отсидетися от великого польскаго краля и от множества храбрых литовских вои. О миру же никако ни в помысле, — рече, — прииму». Послы же государевы с собою и под Луки повеле взяли. «Да смотрите, — рече, — како грады государя вашего восприиму и поплению».

Прииде же та вестъ к государю нашему, яко не токмо о миру от него прияти, но и послы его государевы бездельно с собою под Луки повезли, но и велехвальный свой помысл не токмо на Луки изрыгну, но вельми превознесся гордостью на Великий Новград, паче же и преболее же на славный и богоспасаемый Псков град: «Той бо, — рече, — слышах, Псков град его превелик в земли вашей, каменооградными крепостьми преболе и паче иных утвержен. Сего ми, — рече, — прежде подобает взяти: Великий Новград ни единого дни противу меня постояти не может».

Государь же, се слышав, вельми воздохнув из глубины сердца. «Воля, — рече, — господня да будет». В Великий же Новград воиводы посла. Во славный же и великий богоспасаемый град Псков посылает благоверный царь, государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси боярина своего и воиводу, князя Василья Федоровича Шуйского-Скопина,* да боярина своего и воеводу, князя Ивана Петровича Шуйского, да воеводу Никиту [Ивановича] Очина-Плещеива, князя Ондreja Ивановича Хворостинина, князя Володимера Ивановича Бохтеярова-Ростовского, князя Василья Михайловича Ростовского-Лобанова и с ними воя многи.

Сих же предпомянутых бояр своих и воивод государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси отпускаючи во Псков, наказует их своими царскими наказаньи, како им за православную веру христианскую, и за святыя церкви, за его, государя, и за его государевы дети, и за все православное христианство на враги стояти и битися с ними от всея душа и сердца и от всея крепости и с подручными вои, даже до смерти, и како всякими крепостьми утвердити града Пскова стены и бой учинити по чину, яко же подобает осаде крепче быти. Сими же многими наказаньи царскими наказав их

царь государь и обеты царскими обещаеся им: аще господь бог избавит нас и вашим боярским и воиводским домыслом господь бог град Псков утвердит пожаловати обещеваетца их государь, яко ни на сердце у них кому чаянием таковыя от него милости.

Бояре же и воиводы, яко истиннии раби, обещеваетца своему владыце творити по его наказанью, на том же и христианскою верою веровашася ему. И тако отпусти их в богоспасаемый град Псков: «Бог, — рече, — и богородица и вси святии с вами да будут».

Бояре же и воиводы, приехав в богоспасаемый град Псков, по государеву приказу вся начаша творити: градовныя стены утверждати каменными же и деревяным [и земляным] и всяким утверждением, елико им бог в сердце влагаше, и осаду крепче утверждалше. Головы же и дети боярские, и головы стрелецкие и стрельцы, и псковичи от мала и до велика, и всех избегшихся людей, иже во осаде быти, приводяще их к вере, рекше к крестному целованью.

Королю же литовскому Степану под Луки Великия пришедшу, послы же государевы с собою приведшу. Многозельнаго нашего греха и многонеправдиваго ради ума беззаконнаго нашего, и за вся неправды наша пред богом и человеки, и всех злых грех ради наших предаде бог сему агарянину Луки Великие и со окрестными грады, лета 7088-го. * И паки возвратися в Литовскую землю, по Великих Луках взятыя, со многим разгордением и возвышением, воя же своя упокоиваша, распустившу.

На весну же паки готовитися повелевает: «Славнее же и похвальнее, — рече, — прежних к нынешнему моему устремлению на Рускую землю быти подобает, занеже на славный град Псков итти. Вы же, любимая моя и храбрыя воя и всего высокоаго моего польского королевства и великого княжества литовского, со всеми моими подручными землями преудобрена и храбре утверженная, рыцарския отроки и непобедимыя витези, кийждо по своим отчинам и панствам розъезжается, телеса своя и крепкия мышца утверждаете, великия же своя кони упокоивайте, ратныя же своя броня отделявайте и укрепляйте, на славный град Псков ратью всячески со мною уготовляйтесь! Имущеи жены и хотяще с ними во Пскове панствовать, сии же со своими панъями и з детьми во Псков да приуготовляютца».

Сими же словесы лукавыми наказав и вышних своих гетманов и рохмистов и всего войска своего, и тако распустив их, коегождо на свое панство. Сие же прирече им: яко «по времени шествие пути листы возвещательныя¹ к вам имаю при-

¹ В рукописи — развращательная. Исправлено по списку В.

слати». Сии же начальныя волки ко кровопролитию, извычнии его гетманы с подручными им мертвотрупаядательными псы, немилостивыя их [вой] обещаваютца к своему королю, яко к неутолимому аспиду, по его повелению совершити, и розъехашася кождо во свояси.

Государю же нашему, царю и великому князю Ивану Васильвичю всея Руси, сие слышавши совершенное ему устремление на его государеву отчину, на славный град Псков уготовляющуюся: времени же сего свирепству приспевающу, нашим христианским законом святому великому посту приходящу. Благоверный царь государь в преславный град Псков посылает по боярина своего и воюводу, по князя Ивана Петровича Шуйского. Сему же к нему, ко государю, к Москве приехавшу, спрашивает же сего царь государь о градоукреплении¹ великого града Пскова, како от них укрепишася великия крепости граду, и колицему наряду и в коих местех угодно стояти, и для которыя обороны коему от которого места быти, и всяческими людцкими укрепленными колицем осаде крепче быти.

Боярин же и воювода князь Иван Петрович Шуйский вся о том царю государю, порознь и по чину, и богонадежныя сотворенныя от них всякия крепости розказав, к сему же и присовокупляет богонадежныя слова, рече: «Надеемся, государь, свершенно надежею крепче на бога и на необоримую крепкую стену и покров, христианскую нашу заступницу, истинную богородицу, и на вся святые и на твое государево царское высокое имя, яко Псков град от литовского короля всякими укрепленными может отстоятися». Еже и бысть Христовою благодатию.

Слышав же сия благоверный царь государь от боярина своего и воюводы, от князя Ивана Петровича Шуйского, многоукрепленныя от них во граде Пскове всякие крепости, боярское же и воюводское и всех подручных им вой, и крепкое и неослабное во осаде сидения, и всех жителей богохранимаго града Пскова непреклонную их веру, и всяким строением тшашеся за бога, и за своего государя, и за его государевы дети, и за православную Христову веру, и за своя дома и жены и дети умрети всем произволяющим за град Псков от литовского короля, нежели литовским королем при их животе взяту быти граду Пскову.

По сему же разсмотрительне боярина своего богонадежное о отстоянии от литовского короля града Пскова царь государь слово слышит. Слезами же свое лице царское омакаше:

¹ В рукописи — о граде укреплении.

«Богу, — рече, — богородицы и святым великим чудотворцем град сей Псков в руце предаю, наипаче сроднику своему, благоверному князю Гаврилу Всеволоду, еже сам изволи в том богоспасаемом граде Пскове, в соборной церкви Живоначальныя Троица, честным его мощем положеным быти. Своею же милостию избавити имат сего от находящих враг на нь и сего ему в руце предаю. Потом же и вам, бояром своим и воиводам, всем воем и псковичем, аще по своему обещанию сотворите, еже к богу и ко мне обещаестеся, яко истинным рабом на руки того града Пскова предаю, яко да господь бог наставляя всякими домысли, елико коего бог вразумит, да утверждаютца во граде Пскове».

Благоверный царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси боярина своего и воеводу князя Ивана Петровича Шуйского паки отпускает в богоспасаемый град Псков. Сего же паки наказует всякими царскими наказаньи и ученьми, сему же едино вручает от своих царских уст и письменный наказ, высокою его царскою десницею утвержден. К сему же и приглашает царь государь, яко «ѣа тебе ми, [рече], на едином подобает всее тоя службы пытати, неже на иных товарищех твоих и воиводах».

Он же сия внят, яко «на тебе ми, — рече, — и мимо всех искати, еже во Пскове всего осады и службы», внятне же сия слова в сердцы восприят. Рабски же противу своего государя никоже вещати смеяше, ниже за многое наложение от него государя толико бремя ни единого слова отрицатися нача, но токмо царю государю отвеща: «Еже бог благоволи и тебе, государю, изволися, всячески по повелению твоему тебе, государю, раб есмь яз. И елико господь и богородица наставит, вседушевне сию врученную службу всесердечне истинно рад служить за град Псков».

Наипаче сих, премногими словесы и великими обеты в царствующем граде Москве, в соборной церкви Пречистыя богородицы,* пред чудотворным святым образом [пречистыя богородица], государю обещеваецца на том же вся творити по государеву наказу, и еже держати и сидети во осаде крепко со всеми пребывающими во граде Пскове христианскими народы и битися во Пскове за град Псков безо всякого порока с литвою, даже до смерти. Еже и бысть благодатью Христовою. И паки отпускает его во Псков.

Государев же боярин и воевода, князь Иван Петрович Шуйской, приехав во Псков паки з боярином и с воеводами, со князем Васильем Федоровичем Шуйским-Скопиным с товарищи о укреплении града Пскова всякое тщание показоваше и непрестанно около града Пскова объезжая и веляше утвержати всякими крепостьми стены града.

И паки, второе, приводят всех голов боярских и детей боярских, и голов стрелецких и сотников и стрельцов, и всех пскович к вере, рекше, к крестному целованию, яко же прежде, абы за бога и за своего государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за его государевы дети, и за святые церкви, и за православную христианскую веру, и за град Псков битися с литвою до смерти безо всякия хитрости. Во окольние же псковския пригороды тако же непрестанно з гонцы з грамоты розсылаше о укреплении градов, всякому утверждению веляше. По окольным же селам и волостем тако же посылаше, дабы кождо во свои приближные городы ехали з женами и з детьми и со всеми животы во осаду. И сицевым образом в богоспасаемом граде Пскове и по окольным пригородом всякое утверждение по бозе творяшеся.

Искушению же божию, грех ради наших, на христианский род всячески попушающуся, высокогорделивому литовскому королю Степану всячески сердцем на богоспасаемый град Псков надымашеся. Распалением же сердца и розгордения ради своя неутолимая утробы вред своя лютости горлом и языком наружу изрыгаяся; время же своего походу на Рускую землю, на богоспасаемый град Псков все[м] объяви, листы воззательныя во всю Литовскую землю посылает.

Во инья же страны и во многие языки молебносочувствительными грамоты, начальником коеяждо земля и их воином посылает, образом имущее писание сицево: «Король польской, князь великий литовский, русский, пруский, жемодцкий, мозовецкий, князь семиградский и иных Степан.* Ближним моим другом и суседом, по имени начальному коегождо, на своем державстве радоватися! Да весте и еже извесно слышасте, елико мимошедшея два лета рускому царю пакости сотворих и колицы его грады приближныя к моей земли от власти отнях и своему высокому присовокупих державству; и елико во сражении бою над его войском одоления покозовах; и елицем руским богатством обогатихся и воины своя обогатих, в землю мою накати всяким приизобилованием Руския земли [сокровищ; и колико уничижение и страх Руския земли] нанесох и колику славу высокому своему королевству польскому и великому княжеству литовскому и всем моим подручным великим паном и гетманом и всем безчисленным воином приобретох. Сим же мимоходящих на прежняя простиратися начинаю. На высоком же степени стою, на высочайшая же и преввысокая простираюся, яко же хитрословцы науча[ю]т и пишут: „На высоком ли холму стоиши, высочайше же того и приизобильнейшу гору ишу и среде ю владети начинай. Яко же и лев аще держит зайца [и видит верблюда, оставляет зайца] и гонит верблюда“.

Сицевым образом, всемудре и разсудительные усмотрех в нынешнее третье лето, паче прежних, многосильным подъемом подымаюся на Рускую землю. Сам же, своим другом и соседом ближним, мудродруголюбныя советы совещаю, да аще хотите вкупе совещавшися, да подыметесь со мною кождо со всесильным своим войском, и вкупе устремимся на Рускую землю, наипаче на славные Руския земля великий град, именуемый Псков.

О сем же граде Пскове именно с[о]вещаваю вам и поведаю вам, яко же о нем слышахом. Первые зело превеликого сказываху, паче же четвероограден всекаменными стенами,* многославен же в земли той и многолюден. Чрез сего великого града Пскова, поведаху, реце текущей, скрозе каменные стены,* по реце же той во граде многопотребныя вещи стояху. Богатством же паче меры сего сияти, сказываше.

Сего же ради великаго и славнаго града Пскова всех вас, друзей своих, созываю и сего же града великаго восприиму и со окрестными его грады, превеликою же и многославною славою облекуся и вас с собою возвеличу, яко советников моих и друзей. Богатством же многим во граде Пскове безчислено обогащуся, и вы, мои друзи, и вся наша великая и храбрая безчисленное войско обогатятца. Многолюдный же и благородный в великом том граде Пскове плен всякия по чину беззавистно розделим; непокоривый же во граде и многолюдныя народы мечю предадим; великия же своя гетманы во граде Пскове устроив, и здравы и высокия победителя в Литовскую землю возвратимся, и кийждо [с] великим богатством и пленом на свои панства розведемся. Рускому же великому князю конечное безчестие и срам нанесем и великую кручину и вред в сердце о таковом великом граде жалостно ему принесем. Мы же во всю вселенную прославимся, яко русского великого князя и славный его град Псков восприяли есмя».

И тако написав и розослав многогорделивое и безбожное свое послания во многия страны и языки.

Сие же послание прииде от литовского короля Степана во многия земли и начала. О нем же сия прочетшу, и паки кождо от себя отписывают, образом имуще писания сицево: «Чеснейшему высокостольнийшему королю польскому и великому князю литовскому радоватися. Мудросложныя и друголюбныя и советовальная твоя к нам послания любезно прием и прочтох и разумех писания, к тебе же совета своего не отрицаемся, но и паче любезно предпосылаем. Сами же и со своими войсками с тобою итти на Псков град готови есмя и идеве. А яже писал еси о граде том Пскове, яве толико же и во всех наших странах и о богатестве его слава ношашеся. А яже о четверокаменных

оградных стенах града того крепости писаше, и мы то ведаиве. Аще и десять или дважды толико каменных стен во граде Пскове будет, но и толицими крепостьми противу твоего великого и высокого имени никакая же твердость отстоятися не может и всякими хитростьми и мудрыми умышленьем сего может взяти».

И тако все совершают и посылают х королю своя хвалебная послания. Вкупе же и сами многочисленныя земли в Литву х королю Степану собираютца, на славный Псков град безчисленую ратью вооружаютца. Многия же орды и многия земли с литовским королем Степаном подымаютца на славный град Псков. Славы ради града собираютца языцы мнози, им же имена суть сия: литовские люди, польския люди, угорския люди, мозовшаня, немцы цысарския, датцкия, свитцкия, шлоцкия, бруцвицкия, любския.* И всяких наемных людей шестьдесят тысяч, а своих у него людей собрано сорок тысяч, и всего у него войска сто тысяч, опричь торговых людей.

Собравшим же ся сима многима земляма в Литву х королю Степану. Тогда видев всегорделивый той король много собравшуюся у себя великую силу, тогда больма разгордесе во своем высоком безбожном помысле, глаголя, яко «не токмо Псков град толикою силою возьму, и с его пригороды, но и Великий Новгород и со всеми приделы ноугородцкими».

Тако же и приближныя его изналепшии гетманы сицевоя же глаголаху: «Милостивый государь, королю Степане, толико видев твое безчисленное войско вся пребывающа люди во граде Пскове, государь, вси убоятца и устрашатца и не имут против толикия силы и сами стояти. Кая ли гора от таковы¹ воды многи отстоятися может, или, государю, кая градостеновная крепость против твоих великих стенобитных сосудов укрепитца?²

Или, государю, еще к тому тебе воспоменем наизрядние сию речь: „Милостивый государю король Степане, кий домысл таков будет в руских во Пскове воивод или всяких хитрецов, иже домыслитца против твоего великого разума и твоих великих гетманов мудроумышленного ума? Или, государь, кий град или коя осада, преже и ныне, от наших крепких, храбрых и непобедимых витез и мудрых градоємцов отстоятца? Ныне же, государь, изрядне поспешествуй на путь на град Псков, и здрав буди, в славном граде Пскове владычествуй. Тако же и до нас буди милостив, яко сердечне с тобою бежом ко взятю толика града трудивесе“».

¹ В рукописи ошибочно: каковы.

² В рукописи ошибочно: крепятца.

Сия же многопохвальныя речи слышав король от своих первосоветников, тольми же паче гордынею и превознесся на град Псков, яко же древний горделивый Сенахирим, * царь асир[ий]ский. Егда многия грады окрестныя ерусалимский за себя взя, тогда выотою помысли и на Ерусалим устремися, тако же на свою силу многую надеяся, яко же рече: «Не токмо града Иерусалима от меня царю Езекею с народы отстояти, но и богу невозможно пособити против моего безчисленныя силы!» Сего же горделивое превозношения и многобогухульныя глаголы услыша бог сицевым образом. Егда прийти ему под Ерусалим град и град осадившу, на утро же воставшу Сенахириму¹ царю асирийску и обрете убитых своих вой сто восемьдесят пять тысяч, и се увидев, в мале дружине в Ниневгию убежа и тамо от своих детей убиен бысть. Тако же и сему горделивому королю Степану случися подо Псковом неизреченным промыслом божим, яко и Сенахириму² царю. О нем же пространно впереди скажем, ныне настоящее да глаголетца.

Король же литовской Степан [сед] на прегорделивом своем месте, рядные же своя паны с собою посади и начаша полки розряжати, коим его великим паном и гетманом, в коем полку воиводами быти.

Первое же поставляет передовой полк. В передовом полку поставляет пана Миколоя Родивила, * виленсково воиводу, гетмана великого литовского, да пана Остафья Воловича, * пана виленского, да пана Яна Дорогостайскаго, * воеводу полотцкого.

Правая рука. В правой руки поставляет пана Яна Тишку Жемоцкого, * да пана Мерихоря Шеметя, кухвиста литовского.

Левая рука. В левой же руке поставляет пана Яна Глебова, * пан менской, подскарбей земской и литовской, да пана Миколоя Сапегу, * воеводу менского, да пана Хриштофа, воеводу ноугородцкого. *

Сторожевой полк. В сторожевом полку поставляет пана Троцкого, Миколоя Радивила, * да пана Филона Хмиту, * старосту оршинского.

Большой полк. В большом полку поставляет пана канцлера, гетмана великого польского, * а с ним многия рохмисты: и то слово большой полк польской.

А сам король пошел за канцлеровым полком. А у короля приближныя люди с ним пошли: пан Тишка, воивода польской, пан Бекеш, гетман угорский, * пан Миколой Хриштопов, * моршалоко великий литовский, пан Онбрихт Радив, * староста ко-

¹ В рукописи ошибочно — Асихириму.

² В рукописи ошибочно — Насихириму.

венский. А у наряду велел быти воиводе угровецкому, пану Юрью Зиновьеву, старосте чечерскому.

Сих же своих великих панов [и гетманов] розрядив и наказав, литовский король Степан горделивому своему настоящему пути ся касает, на славный великий град Псков.

В преименитом же и богоспасаемом граде Пскове государевы бояре и воеводы слышав, яко уже литовский король идет на Псков град, всячески неослабно по прежнему богومудрене во граде Пскове осаду укрепляя. В волости же и в села и в засады непрестанно посылая, всякия запасы веляше в город возити; дворы же и достальные кормовыя запасы жеши повелевая, да не како врагом дома будут: в живущих же в селех, тех всех во Псков в осаду со многим запрещением бежати веляше.

Также и православный царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, то слышав, яко совершенное,¹ литовский безбожный король на его государеву отчину на Псков град со многогорделивою и великою силою устремися. Сие же слышав, государь паки во Псков к боярам своим и воиводам и всем воинским людем и псковичем умильне и богумудрене свои царские грамоты пишет: неослабно и мужествене во осаде быти и до послѣдняя смерти невозвратно с литвою за Псков град битися веляше.

Также и преосвященный архиепископ Александр Великого Новаграда и Пскова, во свое святительство, в преименитый град Псков, ко государевым бояром и воиводам и всем воям и псковичем благославения предпосылает. Вкупе же и той всячески благоумильне, яко богумудрый врач и чадолюбивый отец, мужествовати на подвиг велит и благословляет и укрепляет и святительскую свою молитву и честным своим прозвितерством и еже о Христе дьяконством, яко победительную руку помощи предъявляет. Также же и ко освещенному всему священноиноческому и священническому и дьяконскому чину и всему причету церковному пишет.

Тогда баше в преименитом и богоспасаемом граде Пскове от священных начальник Успения пречистыя богородицы Печерского монастыря игумен Тихон; в соборной церкви богохранимаго града Пскова пребожественей и неразделимой Троицы настоятель протопоп Лука; протодиякон Алексей.

Сим же предпомянутым начальником священнического чину, и всему священническому и дьяконскому чину, и всему причету церковному преосвященный архиепископ пишет, дабы беспрестанно в соборе неослабно молебны пели, тако же и по домам день и ночь бога молили за православнаго царя госу-

¹ В рукописи ошибочно — сверженное.

даря и великого князя Ивана Васильевича всяя Руси, и за его государевы дети, и за все православное христианство, дабы господь бог отвратил праведный свой надлежащий гнев грех ради наших на все православное христианство, и призрел бы господь бог неизреченным своим милосердием на честное то место, на град Псков, и не предал бы господь бог его в руце враг, насилующих во Христа верующему народу. Тако же и на пост, и на коленное поклонения, и безпрестанное к богу моление, и чистоту, и целомудрия, и братолюбие, и на вся благия детели научает, и детей своих духовных научати повелевает, и так мир и благословение дает. Настоящее да глаголетца.

Времени же того свирепству приспевающу, литовскому королю Степану со многою своею силою на рубежи Руския земля пришедшу, слухи же всячески во Псков про то приходящи, яко уже литовский король на Псковскую землю, на Вороноч город пришел,* за сто поприщ ото Пскова града.

Приближение же свое до Пскова увидевши, яко несытый ад пропастьная своя челюсти роскидаше и оттоле града Пскова поглатити хотяше. Спешне же и радостнее ко Пскову, яко из великих пещер лютому и великому змию летяще, страшилищами же своими, яко искры огненными [и] дым темен на Псков летяще; не долетев, во утробе у себя того града Пскова слышати сказываше. Аспиды же свои и приближныя змии и скорпеи великий той литовский король блеваньем насытити хваляшеся. И тако все, яко змий, на крылех на Псков град леташе и сего горделивством своим, яко крылами, [повалити хотяше, змеинными] языки своими вся живущая во граде Пскове, яко жалами, уморити мняшеся. Вся же в нем благая во своих адовых утробах во свою Литовскую землю отнести хваляшеся, достальныя же живыя люди, яко сокровище, на хоботех по себе в дома своя принести глаголаху. И тако победитель змий мняшеся над Псковом быти.

В богоспасаемом же граде Пскове государевы бояре и воиводы, и все вои, и псковичи, и весь яже о Христе освященный собор, церковного кормила правителе, сие слышавше: первые, яко уже приближаютца ко граду Пскову, второе, яко лев ревый, живии поглотити хотят. Богомудрене же совещавшеся, государевы бояре и воиводы с печерским игуменом Тихоном и с протопопом Лукою и со всем освященным собором, обходя около всего града Пскова с честными кресты и с святыми чудотворными иконами и святыми чудотворными мощьми благоверного великого князя Гаврила Всеволода псковскаго чудотворца и со иными многими святыми, молебная же к богу умильне и чиновне совершающе.

По них же шествующе псковстии народи, мужы и жены и с малыми младенцы, с плачем и рыданием о избавлении града Пскова молящеся, и вкупе вси братолюбне, священнический чин и воинские и весь мужеский пол и женский, от мала и до велика, смиренномудрием и братолюбием непрестанно в сердцх своих богу моляше и смиренномудростию умудряшеся.

Не высока мысляше, ниже горделиве в сердцх своих вознашашеся, ниже на что надеяться хваляшеся, но токмо всем вкупе и сердце и уста глаголаху: «Надежа наша и упование, живоначная и нерозделимая троица, и стена наша и заступления и покров пренепорочная богородица. Способники нам и молитвенники о нас к богу вси избранныи божии святии; первейшего у себе имеем воиводу, великого чиноначальника, архангела Михаила и со всеми святыми безплотными силами».

Сими же словесы и благоумными советы в богоспасаемом граде Пскове осада составляшася. Благодать же божия и упования на всесильную помощь, всем сердца на подвиг подвизашеся: ле[д] таяния отчаянием надежи ни единому во Пскове коснуться, огонь же благодати Христовы всем сердца на подвиг возвари, вера на честное то дело еже за Христову веру умерети, все телеса адаманта утвержая умерети. И тако благодатью Христовою коемуждо во своем чину всячески на подвиг неослабно и безо всякого розмышления готовяшуся.

Паки же слышав во Пскове, яко же литовский король Степан под Остров, пригород [псковской], пришол, * за пятьдесят поприщ от Пскова, и по Острову по городу из норяду уже бьет. Сис же слышав, государевы бояре и воиводы ничто же усумнешася или коему страху коснуться сердец их, но токмо на бога надеюшеся. Государевы же бояре и воеводы своя дела безпрестанно творяше, наряду места творяше и наряд розставляше, где в коем месте угодно стояти. Тако же государевы бояре и воиводы промеж себя всю Окольную стену во Пскове на места розделиша, в коем месте коему воиводе быти; тако же кождо у себя детей боярских и голов стрелецких и стрельцов, потому же и всех посадцких псковских, наровцких стрельцов и всех пскович, по чину розчитав, поставиша. Всю же стену вооружиша людьми и наряды — пушки и пищали и ручницы, и всякими укрепленьми, против государева недруга уготовившеся. Сим же всем, по писаным [сим] речем, тако бывающим.

От полуденныя страны богохранимаго града Пскова дым темен: литовская сила на черноту псковския белыя каменные стены предпослася, ея же ни вся Литовская земля очернити неможет, сему же дыму, литовскому воинству пришедшу, за пять поприщ до Пскова града. Государевы же дети боярския на том месте, на Черехи реки, на заставе бяше, для тое вести приходу литовских людей, увидевше же приход их на Череху

реку и во Псков прибежавше,¹ возвестиша государевым бояром и воиводам, что уже литовския люди первыя на Череху пришли.* Государевы бояре же и воиводы повелеша во осадной колокол звонити, за Великою же рекою повелеша досталь посадку зажещи, да некогда врагом жилище будет. И тако в богоспасаемом граде Пскове первое начало осаде явися.

Начало: лета 7089-го, августа 18 день, на память святых мученик Фрола и Лавра.

Потом же начаша литовские люди и реку перевозитися Череху, тако же и под город являтися полками начаша.

Государевы же бояре и воеводы противу выласку сотворяют. Сии же начало своим болезнем предпоказоваше, беготворным образом всячески начинаше, к городу же ни приступити смеяше.

И сий, яко дивий вепрь ис пустыни, прииде сам литовский король со всеми своими многими силами, того же месяца августа 26 день, на память святых мученик Ондreja и Натальи. Сий же неутолимый лютый зверь, несyt своею гладною утробою, пришед, яко видеv великого града Пскова, яко великую гору неудобь восходимую, ниже величеством круглости скоро обходну, всячески умом роспалашеся, войску же своему около всего града Пскова объехати и осадити велаше. Им же, сие повеления, начинающим подалее града объезжати.

Государевы же бояре и воиводы из наряду по них стреляти велаше, пушкарем же по них стрелявшим, многия полки возмути и многих людей у них нарядом прибив. Они же королю, приехав, известиша, яко не мошно около града Пскова объехати досегновения ради и великаго многоаго бою из града от наряда. Король же повеле подалей града лесами объезжати. Они же, егда поехала, з города же токмо черности [в лесе] идушу видеv. Государевы же бояре и воиводы из большово наряда и тамо по них стреляти велаше, и тако же от псковского наряда лесы преклони и многие полки прислонив. Королю же и сие сказав. Он же глагола: «Кто ли водители мои, иже на Псков ведеху мя, иже глаголаху, яко во Пскове большова наряда нет, яко князь великий весь наряд изо Пскова вывести повеле вон? Что же се вижу и слышу? Яко ни у меня с собою нет, ни в Литве не остается, такова хоти едина пищаль, еже столь далече шествия пути кажет».

Единому же полку станом начаша ставитися и многия шатры розставившим. Про се же глаголаху, яко королевскому [стану] быти у Николы чудотворца на Любятове,* на Московской дороге. Государевы же бояре и воиводы не повелеша по них днем стреляти, но весь наряд днем по них приготовить. Егда же многии шатры изстави, ноши же приспевши, часу

¹ В рукописи ошибочно: прибежавшу.

яко на третьем, повелеша по них ударити из большого наряду; на утрии же ни единого шатра увидевши и многих, сказывали языки, ту панов добрых побили.

Сие же виде, король паки побеже к Черехе реке и тамо став своими станами за великими и высокими горы, на Промежицы. * Несытости же своея алчбу всяческии начала накормити искаше, ко граду градоемого умышления места искаше, и со всеми своими приближными первосоветники усуетовав и [у]смотрев место Угол града, от Великия реки, от Покровских [водяных ворот да до польских Свиных ворот], * и сие место из наряду розбив и тако взяти град Псков. Сему же его совету твердо уложившуся.

И тако повеле лукавый литовский король Степан градоемое дело начинати. Сверепии же его и лютии градоемцы радостно сие повеление восприемше о градовзятии и всяко тшания показоваше. Первые дело начинают в начале индикта, сентября в первый день начальный девятого лета, под седьмою тысецею, * начаша ко граду копати великие борозды от своих станов по большой по Смоленской дороге к Великим воротам, к человеку божью Олексею, * таже от Лексея к городу, к Великим и к Свиным и к Покровским воротам. И выкопаша в три дни пять борозд великих, больших, да поперечных семь борозд. А в тех бороздах, яко же после ходивше и счет обретоша, дворов больших в земли выкопано, сиречь, яко избушек и с печками сто тридцать две избы, да девять сот четыре меньших: в больших же те дворы рохмисты и с сотники сходилися, в меньшие же гойдуки жыти себе устроиша.

И тако, землею окопая, лукавым своим умышлением вельми блиско города прикопашася, яко единому городовому рву токмо меж ими и градныя стены быти. Злоумышлено же и люте лукаво ко граду приближася, коплюще и рьюще землю, яко кроты; от града же и[з] ровов тех выкопая, великия горы в земли соградиша, дабы не видети ходу их со градныя стены. Высыпаная же тыя земли многия и безчисленные окна провертеша, из них же стреляти уготовившися для градоинства и для вылазок на них из града.

Потом же, того месеца, сентября в четвертый день, в ночи, прикатив, поставиша туры. * Первые у Олексея человека божия, от града Пскова яко полпоприща, — туто повеле съезжемуся двору быти; таже другой двор поставили в турах против того же, к Великой реке, да двой туры бойчие: одни против Свиных ворот, втория туры против Покровской наугольной башни: третьи туры, бойчие, — против того же Угла, за Великою рекою. Все те туры, пятеры, тое же ночи и землею насыпали. В пятый день сентября в бойчие те трои туры и наряд приволокли и поставили. И так всякими градоемыми образы лютии

литовские градоємцы утвердишася, на богоспосаемый град Псков вооружишася.

Государевы же бояре и воиводы сия вся литовское умышление над градом Псковом увидевше, тако же бога на помощь призвавше и богородицу и заступницу имуще и вся святыя ко богу молебники, тако же против их в том же месте, по бозе, утвержение творяще. Первые, печерский игумен Тихон, со всем освященным собором, с честными кресты и с чюдотворными образы и со святыми мощьми благоверного великого князя Гаврила Всеволода, на то место приходят в Угол, во храм Пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Покрова, против того места, идеже те лютии литовские градоємцы многое градоємное умышление творяще. Молебное же к богу и к богородицы туто пеша, и тако [та] место крестом оградиша и святою водою окропиша. Тако же государевы бояре и воиводы крестом благовлавиша и святою водою окропиша и на подвиг вооружиша; тако же и всех вои и пскович вооружиша силою воображенья креста Христова и все на подвиг готовившеся.

Государевы же бояре и воиводы повелеша противу того места всякими укрепленьми стены града утвержати. Против каменные стены, подалея, деревяную [стену] делати начаша и всякия крепости уготворяя для пробития от норяду каменные стены от литовских людей. И наряд уставиша и дети боярския и стрельцы, с их головами, против того места уготовавшеся и псковския посадкия стрельцы писаныя на том же месте поставиша, идеже начаяшеся от литовских людей, в Покровских ворот, приступу быти. И тако всякими образы в том месте приготавлишеся. Тако же и около всего Пскова града, на Большой окольной стены и в Середнем городе, который же воивода в своем прясле по стене утвержая и назирая и людьми и сторожами, неослабно день и ночь укрепляя.

В том же Покровском Угле и Свиных ворот. у того прясла, бяше государев воивода, князь Ондрей Иванович Хворостинин, изряднее же прилежа к тому месту государев боярин и воивода, князь Иван Петрович Шуйской. Тако же и все государевы бояре и воиводы на то место на совет съезжаяся. Советоваху с ними же государевы дьяки богохранимаго того града Пскова: Сульмен [Тимофиевич] Булгаков да Офонасей [Викулин], сын Малыгин, с ними же и Пушечнаго приказу [государев] дьяк Терентей Лихачев на совет к воиводам съезжаяся. И богомудрене о градоукреплении смышляху, коего коим образом в совете бог вразумит, понеже не множеством владелец исправляютца начинании, но добрым советом, паче же богу помогающе и благому их совету крепче на добрыя подвиги утвержающеся, градному укреплению всяческии богом креплящеся.

Литовского же короля гетман, которой же приставлен у наряду, пан Юрьи Зиновьев угровецкий и староста чечерский, приехав к королю, возвести ему, яко «уже, государю кралю Степане, вся градоёмныя вещи готовы суть, и наряд изготовлен и по надобным местам бити по граду уставлен». Король же, сие слышав, радостен бысть и повеле пану Юрию угровецкому по городу из норяду бити и великие проломы не в одном месте сотворити, для взятъя Пскова града. Он же повеление от короля прием.

Того же месяца сентября в 7 день, в четверг, на первом часу дни, начаша бити из норяду по городу ис троих туров, из двадцати пищалей, и биша по граду безпрестанно весь день до ночи. Тако же и наутрие пять часов безпрестани по граду из норяду биша и выбиша у града городовыя стены, двадцать четыре сажени до земли, да Покровскую башню всю до земли, да [Свиной] наугольной башни охаб * весь до земли, да Свиной башни половину до земли же збиша, [да местами стены городовые збиша], шестьдесят девять сажень с нею же сбиша. [Сие же избиша], и городовую стену во многих местех испроломаша. И сие же королю своему известиша. Он же вельми о сем радостен бысть, и повеле своим гетманом и рохмистом и з своими гайдуки и всем воинским людем у себя на раде¹ быти.

Сим же всем к королю шедшимся. Тако же литовской король Степан сед на своем горделивом королевском месте, гетманы же своя и великия паны и вся своя первыя советники, и все рохмисты и все воинския люди, и градоёмцы и гайдуки — на обед к себе паки всех созва. По обеде же город Псков взяти уготовитися повеле. Они же радостно и похвально шедшеся к королю, совершенно и похвально сказывашеся, яко «тепере, государю кралю, милостивою ласкою обедаиве и пируиве в обозе у тебя, сего же дни, государю, в замце во Пскове вечеровати у тебя требуиве и здравуем тебя с великим и прекрасным градом Псковом».

Король же сие слышав, всех гетманов и рохмистов и всех воинских людей на обеде у себя велием учреждением учреди, и друголюбне и молебне о градоёмстве конечно и безотступно сладко словесаваше и великими обеты всем воинским людем милость свою и ласку показати обещавшеся, и все богатство псковское и весь плен и корысть беззавистно по чину с ними розделить сказываше. Они же противу его отвечаваше, яко: «государю, совершенно сего дни замок Псков за щитом возьмеве, или, государю, они сами имени твоему покорятца: не возмогут против твоея безчисленные силы и мудрых градоёмцев отстоятися». Тако же и своим паньям из замка Пскова радостно

¹ В рукописи ошибочно — в наряде. Исправлено по списку В.

и с корыстью себя стретати повеляше. И тако литовский король Степан гетманов своих и рохмистов и всех градоемцев отпускает Псков взяти.

Того же месеца, сентября в 8 день, в праздник Рождества пречистыя богородицы, в пятом часу дни, — тогда той седмичный день пяток баше, — литовския же воиводы и рохмисты и все градоемцы и гайдуки спешне и радостне и надежне взяти град Псков идяше.

Государевы же бояре и воиводы и все воинские люди и псковичи увидевше ис королевских станов великия многия полки и з знаменами к городу идяше и все в борозды утеснене наполняшеся литовских гайдуков, уразумевше же, яко градоемством на проломныя места идяше, в осадный же колокол зазвонити велаше в Среднем городе, на стене градовней, у Великого Василья на Горке, * весть дающе литовского к городу приступу всему псковскому множеству народному.

Сами же государевы бояре и воиводы со всеми воинскими людьми и с стрельцами, коим приказана в том месте быти, все наготове стояху, из норяду же изо многого по полком стреляти велаше. Из норяду же по полком безпрестанно стреляюще, многие же полки побивающе, безчисленныя же многия литовские люди из норяду побивающе и сими поля пристилающе. Они же напорне и дерзостне и надежне к городу идяше [яко многая вода к городу льяшеся], страшилищами же своими, яко волнами морскими, устрашающе; [саблями же своими, яко молниями бесчисленными, на город свекнующе].

[У] Живоначальной же Троицы, в соборней церкви, освященный собор с плачем и со слезами и с воплем многим молебная совершающим, о избавлении града Пскова бога моляще. Псковстии же народи, з женами и з детьми простившеся, на проломное место все сбжавшеся и крепко на враги на бой уготовившеся и всем сердцем богу обещавшеся за Христову веру и безвыдачно друг з другом умерети за Псков град, и за своя дома, и за жены и дети. Сим же тако бывающим.

Того же дни, в 6-й час, яко многая вода возшуме и многий гром возгреме и все безчисленное войско возвижавше, на проломныя места на градовную стену скоро и спешне устремившеся, щитами же и оружием своим и ручницами и безчисленно копьеми, яко кровлю, закрывающеся.

Государевы же бояре и воеводы и со всем многим воинством тако же бога на помощь призывающе, крикнувше христианским языком, русский яsak воззавше, тако же на стены града с ними крепко сразишеся.

Литовская же безчисленная сила на градовую стену яко вода многа льюшеся: христианское же множество вои яко звезды небесныя противу крепящеся, возхода на стену не

дающе. И бе яко гром велик и шум мног и крик несказанен от множества обоиво войска, и от пушечнаго звуку, и от ручн[ич]-ного обоих войск стреляния, и от воинского крика.

Псковскому же воинству восходу на градовную стену литовскому воинству не дающе. Онем же, беззаконному литовскому войску, крепко и дерзостно на стену лезущим. Пролому же и восходу во град от литовского наряду велику пробиту и удоб-восходну, яко и на конех на градовную стену возможно ездити; защищения же и затулы никоея же в тех проломных местех от литовского наряду у Покровских и у Свиных ворот, за чем стояти, ни что же не оставлено бяше. Против же проломных [тех] мест, защищения ради с литовскими о градомстве бою, во граде стена деревяная со многочисленными бои в то время вся несогражена бяше, безчисленого ради и безпрестанного бою ис норяду литовских людей, но токмо основанию основающюся.

Того ради литовские люди многие на стены воскочиша града Пскова и многие рохмистры и з гайдуки и з своими знамены в Покровскую и в Свиную башню влезше, из-за щитов же своих, из [за] [о]кон в город по крестьянскому войску стреляюще беспрестанно. Все же надежныя, первовоскочившие первово на стену, лютии литовские градомцы, железы и бронями крепче окованы и вооружени бяше. Государевы же бояре и воиводы со всем христьянским воинством противу их непрестанно и безотступно крепко стояще, изрядне же и мужественне бьющися, входу врагом во град не ослабными образы не дающе.

Литовский же всехвальный король Степан, видев своих рохмистов и надежных градомцов и гайдуков, яко влезше на стены града и в башнях и з знаменами уже стоящих и во град по народу безчисленно стреляюще, ко взятю града путь очищающе, несказанныя радости исполнися и надежею ко взятю града збыття смотряюще. Сам же король ко граду приближися, во храм великого мученика Христова Никиты,* от града яко поприще едино. Тако же и приближние его первосоветники и его любимыя избранныя дворяне, радостне приступльше х королю, надежно и похвально глаголаху: «Свершен еси, государь наш, милостивый король Степане, владелец и победительный восприимник славному граду Пскову, прославися! Молим же твою преумноженную ласку, да отпустиши и послеши нас напред в замок Псков и да не похвалятца пред тобою рохмисты, яко мы едины з гайдуки Псков град восприяли есмя».

Король же, сие слышав от своих дворян и первосоветник, яко и те радостно и своим промыслы сами его желание исполнити хотят, тогда король больми¹ радости наполнися. Веселым

¹ В рукописи ошибочно — вельми. Исправлено по списку В.

же лицом и радостным сердцем к ним, яко к своим братом, отвечае: «[Аще] вы, мои друзи, сицевая друголюбная советы возвещаете, то и яз с вами иду и другов своих вас не остану».

Они же ему отвечае: «Ты, государь, король Степане, своим великим и славным королевским входом в таковой великий град Псков да не внидеши, яко же великий царь Александр Макидонский и всее вселенные владелец в Рим великий и славное свое вшествие показа. Мы же, государю, твоя рабы, яко же Александра царя из Рима, из твоего великого града Пскова славна же стретем и победныя, многохвальныя песни принесем и преумноженное псковское богатство твоему приходу все уготоваем. Тако же и государевы бояре и воиводы, еже во граде Пскове великого князя рускаго пленника[ми] приведем. Наипаче, государю, яко многочисленное сокровище и рускаго царя вещь, два его боярина и воиводы; ового, яко первоначального во граде Пскове великого гетмана, князя Василья Федоровича, ового же, яко славнаго и крепкого и непоколебимаго, великаго и храбраго гетмана, князя Ивана Петровича; обоих же в Руси и у нас славных Шуйских связанных пред тобою поставим. Ты же, государю, за их непокорство к тебе, еже хощеша над ними, тако же и надо всеми начальники да твоиши».

Король же, сие слышав, с радостию отпускает их на стены града Пскова. Сие же им прирек: «Яко вемы, друзе, по вашему доброму вещанию доселе збывашесе и ныне збудетца, еже хоцете сотворити да сотворите, ничтоже бо никогда противу вас и разумнаго умышления вашего укрепитца».

Тако же отобравшесе их, избранных градоумец и приближных королевых дворян, две тысячи; в розбитую от них сторону во Свиную башню надкашесе и начаша стреляти из окон по крестьянскому народу, противу их ополчения, яко от велика дождевна облака ручничными пулками, яко бесчисленными каплями народ поливающи и яко зминными жалами крестьян уморяюще. Тако же и в Покровскую башню и по всему проломному месту крепко литовские люди насиляюще, отбивают от того места руское христьянское воинство, ко взятю града путь [со стены] очищают.

Государевы же бояре и воиводы, и все воинские люди и псковичи тако же противу их крепко и мужественно стояху: овии под стеною с копы стояху, стрельцы же ис пищалей по ним стреляху, дети же боярские из луков стреляху; овии на них камением метяху; овии же всяческии о избавлении града Пскова образы показующе. Тако же из норяду по них непрестанно стреляюще и никоими образы снити во град не дающе.

Литовскому воинству крепче и напорне з стены, из башен и из окон по рускому воинству стреляюще безпрестанно и переменяся литва бьющися всячески и град Псков возьмем, глаголаху. Король же литовский к ним тако же часто о взятии града посылая, тако же и гетманы и рохмисты литовские и все многое собранное воинство литовское запрещением понужающе.

В богоспасаемом же граде Пскове тако же государевы бояре и воиводы своему воинству с любовию и со слезами на бой понужающе, хрестыянскому [воинству] сердечне и безотступне с ними бьющися. И бе видети хрестыянские главы, яко пшеничныя класы от земля востерзающеся и тако за Христову веру скончавшися. Овем же, многочисленным раненым от литовского оружия, изнемогшим и от многого труда истаевшим, — дню же тогда зело от солнечных луч жаростну бяше, — но токмо божиим покровом и на него вооруженьем надежным креплящися.

По граду же богоспасаемому Пскову и в соборной церкви Живоначальныя Троицы безпрестанно к богу со слезами и со въздыханьем многим о спасении бога молящии. И яко же прииде вестъ во храм Живоначальныя Троицы всему освященному собору, яко уже литовская сила на стенах и в башнях, и со знаменами ходят, и во граде стреляют, входу своего пути очищают, тогда же печерский игумен Тихон и протопоп Лука и весь, яже о Христе, всего того богоспасаемаго града Пскова священнический и еже о Христе дьяконстий освященный собор, яко же сие слышав, вси же и воскличавше гласы немолчными и руце простирающе к пречистому образу; на колену припадающе, слезами же мрамор помоста церковнаго яко струями многими реки возмочиша, к богородицы о спасении града Пскова и живущих в нем умильне молящися.

Тако же и жены благородныя и к молебному стоянию в соборную церковь сошедшися, кричаще и гласы ревуще, и в перси своя бьюще, богу и пречистой богородицы молящюся, о забрала же и о помост убивающеся, молебне вопиюще. Тако же и во всем великом богоспасаемом граде Пскове по домом оставившися жены, со всеми своими чады и малыми младенцы, пред святыми образы умильне плачуще и гласы вопиюще, в перси своя бьюще, богородицу со всеми святыми на помощь и на молитву призывающе, о своих гресех и о избавленьи града Пскова бога моляще. По улицам же всем богоспасаемого того града Пскова бе крик велик, и стенание много, и вопль несказанен.

Литовскому же воинству крепко и надежно насилующу: «Приидете, — рече, — друзи, и потребим всех во Пскове живуща за непокорение их, и не помянетца имя крестьянское во Пскове

к тому, яко прикры их¹ сень смертная и [несть] иже измет их из руку нашу».

Кто возглаголет силы господня, или кто слышаны сотворит хвалы его? Блажени бо, рече, вси боящися бога, ходяще в путех его труды плод своих снедят. Услышите сия вси языцы, внушите все живущии по вселенней, земнии же сынове человечести, вкупе богат и убог. Приидете же вся святыя Руские земли христианство во прославия, яже и вы с нами споболезновасте і молитвами своими к богу нам помогосте и богом прославленный той град Псков, воистинну же реку, яко в богоспасаемый град Псков.

Вкупе прославим и возвеличим троицу святую, торжествене речем: «Бог нам прибежище и сила, помощник в скорбех, обретших ны зело. Сего ради не убоимся, воистинну бо реку, яко не убоимся, по пророческому гласу: яко велий господь и хвален зело во граде бога нашего, в горе святей его, бог в тяжестех, его знаем есть, егда заступает и».

И во смирении нашем помяну ны господь, яко царие земстии собращеся вкупе на богоспасаемый град Псков, вкупе глаголюще: «Бог оставил есть его, поженете, и возьмем его, яко несть избавляя и».

От окаяннаго твоего и всегорделиваго языка литовский начальник, Оботуре Степане,* и со всем твоим безумным воинством. Как речете окаянии, яко несть избавляя и? Господь сил с нами, заступник наш бог Ияковль, бог в троицы славимый, един бог в три имени розделяем, во едином свойстве познаваем, отец и сын и святой дух, на него же надеемся и уповаем, а не яко же ты, Оботура, в незаконной своей ереси не знаеши его, но превознесе на град Псков до небеси, надеяся по своему безумию, множеством силы своя хвалящися.

Пожди, окаянне, что узриши над своею силою и уразумееши, яко несть избавляя нас, яко же написях многая твоя гордае хваление на град Псков. Противу же сего и уничтожение приимеши, от высокого своего возношения до ада снидеши и со всем своим воинством, яко во смирении нашем помяну ны господь и избавил ны есть от враг наших».

И услыша господь моление раб своих, манием неизреченнаго своего милосердия начало збытья владычня, егда призре на свое достояние и яви над своими рабы великую свою милость.

С Похвальского роскату,* из великия пищали, из Барса, удариша по Свиноской башни и не погресиша: тогда множество воинских людей литовских в башне прибиша. Еще же к тому государевы бояре и воиводы повелеша под Свиную ту

¹ В рукописи ошибочно — прикрых.

башню поднести много зелья и зажещи е. Тогда все те высокогорделивыи королевские приближныя дворяне, яко же у короля выпрашались напред во Псков град внити и короля стрести и государевых бояр и воивод связанных перед короля привести, про них речем, о первой похвале, от связанных русских бояр и воивод божним промыслом первыя литовские люди со псковскою каменною стеною Свиные башни вкупе смесившеся и своими телесы яко другую башню подо Псковом соградиша. И первые королевские дворяня от русских государевых бояр и воивод, про них же глаголаху, яко связанных х королю привести, и под Свиною башнею до последнего востания связашася и телесами своими псковский великий ров наполниша.

Они же и первые извещение королю сказаша, яко воспросити ему: «Ужели мои дворяне в замце?» Ему же сказавше, яко «под замком». Королю же воспросившу, яко «ужели мои дворяне за стеною в городе ходят и рускую силу прибывают?» Ему же отвечавшу, яко, «государю, все те твои дворяне в Свиныя башни убиты и сожжены в рову лежат». Тогда королю в мале ему на свой меч не напасти, яко мнети ми, мало сердцу его не треснути, таков бо бывает обычай усердым, паче же неверным. Тако же король паки усердися, присылает к Покровской башни и по всему пролому рохмистом и всем градоємцем крепко и безотступно град Псков взяти веляше.

Государевы же бояре и воиводы видевше напорное и безотступное стреляние, крепкое градоємство, многия же своя вои прибито и ранены изнемогша, но токмо надежа в божие неослабно, посылают в соборную церковь Живоначальныя Троицы по большое и надежное избавление, по святыя и чудотворныя иконы и чудотворныя мощи благовернаго великого князя Гаврила Всеволода чудотворца и избавителя псковскаго от враг и повелевают принести близ проломного места от литвы. Яко же чудотворную святую икону пречистую богородицу из Володимера в царствующей град Москву, нахождения ради Темира-Аксака царя.* Зде же в богоспасаемом граде Пскове нахождения ради польского короля. Тамо, яко именитого Колтыри,* зде же проименитаго Оботуры: тамо же по владимерскую икону, [зде же по печерскую икону]; тамо, яко понесена пречистая икона из Володимера на Москву в самый богородицын праздник Успение, того дни и Темир-Аксак усрамися, от пречистаго образа невидимо убояся и со всем воинством от Москвы и со всея Руси побежа: зде же в преименитом и славном граде Пскове в самый ея же богородицын праздник, честнаго и славнаго ея рождества.

Егда понесена бысть святая чудотворная икона успение пречистые богородицы Печерского монастыря* от соборныя

церкви Живоначальныя Троицы, и с прочими чудотворными иконами, и с мощьми благовернаго князя Гаврила Всеволода, и с прочими святынями к проломному месту, того же часу и ограда¹ граду Пскову невидимо явися на проломе.

Крепко бо литва, со стены града, с Покровские башни и со всего пролома литовское воинство с руским воинством бьющесе. Государевы же бояре и воиводы и со всем еже о Христе воинством во Пскове тако же противу их стояху и не дающе схода литвы во град во Псков.

Егда же, [яко] рекох, идоша к проломному месту [с] святыя иконы, того же часу, яко от лица милости святых икон, весницы на конех прибежавше, не воинские люди, но воины Христовы на невидимых враг, черны образом и делом. Первый тоя же чудотворныя иконы пречистыя богородицы Печерского монастыря келарь Арсеней, именуемый Хвостов; с ним же второй, Рождества пречистыя богородицы Снеготорского монастыря* казначей, Иона Наумов: третий же с ними Мантирей игумен, — знаем же бе он во Пскове всеми. Сим же предпомянутым черноризцы, плотцким рождением дети боярские, и егда беху они в мире, тако же искуснии воины. Сего ради богомудрено и веры ради честных своих молитв, егда прибежавше к проломному месту, идеже кровопролитное торжество свершися обеих стран, великими гласы государевым бояром и воиводам и всему христианскому воинству, яко же прежде рекохом, яко от лица святых икон милости рекоша: «Не убойтесе, станем крепко, устремимся вкупе на литовскую силу, богородица бо к нам идет с милостию и заступлением и со всеми святыми на помощь вкупе же».

Тако же сия гласы слышав, государевы бояре и воиводы и все христианское воинство, яко богородица идет со всеми святыми на помощь, вкупе же с сими слухи богородицы милостью осенение и помощь на все православное христианство приде, и немощных сердца адаманта креплее утвердишася, и все вкупе [на подвиг] вооружившася. Тако же во едино сердце вси богородицы милость приемше, и с ее помощию вооруживше, яко едиными усты богородицу на помощь призывающе и во един глас крикнувше, государевы бояре и воиводы, с ними же и предпомянутыя чернецы и все христианское воинство, рекуще: «Днесь, о друзи, умрем вкупе за Христову веру и за православнаго государя нашего и царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси от литовских рук, а не предадим государя нашего града, Пскова, польскому королю Степану!» Тако же великого заступника псковскаго князя Гаврила Всеволода, с

¹ В рукописи: отграда. Исправлено по списку В.

ним же князя Доманта и Микулу иже Христа ради уродивого, * в сердцах своих на помощь приемших и все воинство христианское вкупе снемшися, устремившися на литовскую силу на стены града, на проломное место.

И тако, божиею милостию и пречистей богородицы молением и заступлением и великих святых чудотворцов, с проломного места литовскую силу збиша, и благодать Христова, иде же литовские ноги на псковской стене стояху, паки на тех местах христианская сила утвердишася и за градом с литвою со стены быющеся и з достальными еще в Покровской башни оставшимися.

Того же часу, егда христианское одоление над литвою показа бог и с проломного места литовских людей и рохмистов и гайдуки збиша, тогда и та благодать Христова не утаися по всему тому граду Пскову оставшимся женам. И промчеша слово то во весь град Псков, яко всех литовских людей бог пособил з города збити и прибити, а вам, оставшимся женам, велено по литовской наряд итти и останок литвы побивати, от пролома скопся. Тогда же и все, еже во Пскове жены, по домом оставшимся от печали, мало некако радости благовестия приемши и оставивши немощи женские и в мужскую крепость оболкшися и все вскоре, кождо из своих дворов и кияждо противу своя силы оружие носяще. Младыя же и сверстныя, крепкия телесы, досталь с приступа литву прибивати оружие ношаше, старыя же жены и немощныя плотию те в своих руках малыя и краткие верви ношаше и теми литовский наряд по сказанью в город ввести помышляюще. И вси к пролomu бежаху и всякия жена паче другие тщание скоростию показующе.

Збежавшежеся много множество жен к проломному месту и ту великое пособие и угодие воинским, крестьянским людям показаша. Овии же от них, яко же рекох, крепкия жены, в мужескую храбрость оболкшися, с литвою быющеся и над литвою одоление показаша; овии же камением воином приношаху и теми литву з города и за городом побиваху; овии же тружающимся воином и от жажи изнемогшим воду приношаху и ретивыя их сердца водою утолеваху.

Пятку же тому дню, в праздник Рожества пречистыя богородицы, и вечерю приспевающю, литовским же людям еще в Покровской башни сидящим и по христианех во град стреляюще.

Государевы же бояре и воиводы паки бога на помощь призвавши и христианскими гласы крикнувше и вкупе снемшися. Мужи и с ними же и жены и на достальную литву в Покровскую башню устремившися, коегождо с чим и как бог вразумит: овии же из ручниц стреляюще, инии же камением литву побивающе, овии же их горящею водою поливающе, инии же огни

зажигающе и на них мечюще и всяческий промышляюще. Тако же и под тое башню зелья поднесоша и зажгоша и божем пособием тако и достальную литву с Покровские башни всех збиша, и Христовою благодатию паки очистися каменная псковская стена от скверных литовских ног. Нощи же приспевшу, нам божним милосердием свет благодати возсия, и от стены за градом отбиша.

И тако литва от града в станы побежа. З города же [вы]скочивше христиане далече за ними, секуще их и гнашеся; которых же во псковском рву заставающе, и тех прибывающе. Многие живыя похватавше, в город к государевым бояром и воиводам приведоша, нарочитых языков и с набаты и с трубы и з знамены и с ратными оружии, и паки все здоровы во Псков со одолением многим и з безчисленным богатством возвратишася, оружия литовския, изрядных нарочитых самопалов и ручниц разных всяких безчисленно много внесоша.

И тако божео благодатию, неизреченным милосердием пребожественныя троица и молитвами и молением пречистыя богородица, честнаго и славнаго ея рождества и всех святых великих чудотворцов, того же дни спасен бысть великий град Псков, и великое одоление показа бог христианскому воинству над горделивою и незаконною литвою в третий час ноши.

Сие же видев, государевы бояре и воиводы и весь яже [о Христе] освященный собор и все православные христьяне, мужие же и жены и со всеми чады неизреченное и несказанное божие милосердие пресвятыя и пребожественныя и живоначальные и неразделимыя троица и молитвами и молением надежныя наша христианския заступницы, возбранной воиводе, истинныя богородицы и приснодевы Мария и всех святых великих чудотворец, всяя святыя Руския земли заступников, наипаче великого светильника настоящее славному именитому граду Пскову истиннаго заступника, благовернаго, великого князя Гаврила Всеволода, с ним же и князя Доманта и Микулу, иже Христа ради уродивого и всех святых, неизреченныя радости исполнися и великое благодарение все богу воздаша. И от великого своего труда мало некак отдохнув и храбро победнаго своего поту отерша государевы же бояре и воиводы и все православное христианское воинство.

Тако же государевы бояре и воиводы глаголют и мудроучительные наказуют ко всему христианскому воинству и псковичем: «Сий же, братица, первый ныне наста нам день плача и веселия, и храбрости и мужество. Плача, яко за грехи попусти на нас бог таковому искушению; веселия же, яко за христьянскую веру и за отеческия законы сподобляемся умирати. Храбрости же и мужеству ныне настает время; яко же начахом, тако же молим бога и [тщимся и совершити, видя же таковое к себе

великое милосердие божие. Яко сильнии враги наши падоша, а мы немощнии препоясашася силою и исполин хлеба лишишася, а мы алчущии милосердия божия исполнены благ».

Или еще: «Не помянет господь бог грех наших и отвратит праведный свой належащий гнев». Яко виде милосердие его многое, начало благо чаем же и конца потребна: яко же глаголют нещии о обычаях горделивых литовских людей, яко аще погрешит в начале, впреди же торопливейши могут быти.

Мы же благодатию Христовою и званием его христиане именуемся. Изволим же за святую ту Христову веру и умерети и за православнаго государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, и за его государевы дети, наши государи. А не помыслим в сердцых наших коею мыслию или боязньством в размышления[ся] дати или отчаяти, яко же ему, государю, непобедимое оружие и животворящий крест целоваше. Яко же глаголет неизреченная Христова уста, святое Евангелие: «аще весь мир приобретает, а душе же свою отщтит.» Или что даст человек измену на души своей».

Сими же премногими доброуветными словесы государевы бояре и войводы, яко истинии христианстии поборницы, подначальному их войску сказаша.

Христолюбивое же воинство сие слышав, с плачем же и со слезами противу боголепно и раболепно отвещают сице: «Яко же от прародителей своих христиане есмы, и во Христове вере родивеся, и ныни готови есмя за Христову веру и умерети, яко же начахом, по бозе, и совершити безо всякия хитрости». Яко же и бысть благодатию Христовою.

Потом же повелеша сохраня[ти] добропобедных храборников, иже за Христову веру пострадавших, яко же древних мучеников, скончавшихся от мучительских литовских рук. Сих же обретоша в первой в большой приступ, всяких людей побитых восемьсот шестьдесят три человеки. А раненых же повелеша из государевы казны лечити. И сих всяких же людей в большой в первой приступ ранено тысяща шестьсот двадцать шесть человек.

Литовский же многогорделивый король Степан, тако видев, яко желания своего не улуща, со студом многим и со срамом литовское свое воинство от града бежавших, сам же король велика срама исполнен бысть, гетманов же своих и рохмистов не можаше видети. Тако же и гетманы не могоша своему королю явитися, за настоящую к ним срамоту и за многое их х королю похваление. К сему же услыша король, яко великого его гетмана угорского и любимаго им Бекеша Кабура подо Псковом убита, с ним же и иных великих Литовския земли славных побитых: * пана Степана, пана Мартына, великаго угорскаго пана Пятра, [пана] Яна Сиоса, пана Дерта Томаса,

пана Генеса Павлова, пана Береденика и иных многих великих и славных литовских. Тако же и всяких градоємцов у Пскова побитых, яко же и оне саме сказываху, боле пяти тысяч, раненых же яко сугубо толика.

Сие же слышав, король в великую кручину и во отчаяния впад и многие укоризны [на ся] и на свою силу нанося. К сему же король слышит у себя в станех плач велик и крик и рыдание и вопль мног, яко всему стану их возмутитися и восколебаться: паньи панов плачют мужей своих, матери же чад своих лишаютца, брат з братом разлучишася. И зле животов своих подо Псковом гонзнуша, яко и паньям своим повелеваху из Пскова стретати, за сию же похвалу и сами из псковского поля и из рву не изшедше, но телеса их псом на снадение вдашеся.

Паки же король сед на своем высокогордом месте, ему же предстояху великия его гетманы и рядныя его паны и первосоветники, всяческии розмышляюще, коими образы можем взяти град Псков [глаголаху], и коею хитростию и мудростию уловим яко же во Пскове свирепыя воиводы и непокоривыя народы. И тако паки на богоспасаемый град Псков совет составляют. Ово же паки приступами взяти, [сказаху], инни же первосоветники ласкою и грозою повелеваху у государевых бояр и у воивод и у народа града Пскова прошати о сицевых написав листы, в город на стрелах стреляти. Аще ли и сим не одолеем, и ласкою и грозою не увещаем, на великия своя гетманы и паны первосоветники, каждо свой подкоп замыслив, за градовную стену подведем и зелья подкатив и зажег его, крови не проливав литовскаго своего войска, скоро и спешне можем взяти град Псков.

Сий же безбожный совет их и безбогонадежное умышление их, сию дщею и гордую славу ума их король слышав, благохвальне разум их похвали и совету их тако уложившуся.

Паки же литовские рохмисты з гайдуки по совету своему повседневно татебна устремления приступы на проломныя места начинают.

Государевы же бояре и воиводы со христолюбивым воинством никоими образы всхода на градовную стену не дающе. К сему же государевы бояре и воиводы повелеша противу проломного того места стену деревяную сотворити, со многочисленными бои, и многия башни поставиша и во многих местех, и наряд изготowiша противу приступу литовские силы. Промеж обеих стен, каменные и деревянные стены, во граде и повелеша ров выкопати и поставиша в нем дубовый острый чеснок, тако же и по всему пролomu в башнях многочисленный острый чеснок исставив и укрепиша, яко никоими образы человеку возможно промеж его пройти. И всякими образы противу приступов их

готовящуюся: ово же смолье зажигая, на них метати готовляхуся, ово же вряток с калом в котлах возгреваху, иные же зелье в кувшинах на них метати приготавлиаху, ово же сухую сеяную извездь приготавлиаху, литовскому воинству безстудныя очи их засыпати. И тако благодатию Христовою противу приступов их крепко и благонадежно изготовившеся.

Литовскому же воинству по вся дни, ово же и дважды и трижды на день и в ночи приступаху и Христовым пособием всегда християне литву от стены отбиваху и на всяких приступах многих людей побиваху литовских, християнское же воинство всегда богом соблюдаемо бысть.

Сие же видев гордонапорная литва, яко никоими образы [невозможно] на стены приступом быти и сие королю своему и нехотя сказаху. Король же повеле во Псков к бояром и к воиводам грамоты писати о здании града Пскова.

«Да весте, — рече, — бояре и воиводы, яко не на то есмь приидох под град ваш Псков, абы не взял мне его оттити. Наипаче сами весте колицы грады государя вашего в мимошедший два лета взял и ни от единого града отъидох, еже не взял, не токмо же сам яз, но и от посланных мною гетманов никийждо град отстоял. Ныне же пишу к вам, жалуя вас и снабдя благородие ваше, помилуйте себя сами и покоритесь моему великому имени, отворите ми град безо всякия крови. Да, аще так учините, ведомо да будет вам, яко ни един великих вас у вашего государя пожалован есть, яко же мне изволися милость свою и ласку показати вам.

Аще за сею ласкою увидети лице мое имаете, королевским своим словом и со своими избранными паны заистинствую вам, яко не токмо во граде Пскове наместники от меня будете, но и многия грады в отчину дам вам, аще с миром отдадите ми град. Всего же народа во граде помилую и паки на своих законах жити имате, и каждо свой чин исправляете, и торги своя в старину да торгуете. Аще ли сему не покоритесь, во всем великом вашем граде Пскове ни один от мене милости узрит, но горькими различными смертями [все] да умрут».

И тако написав грамоты, стреляют во град. Сие же ни единова, ни дважды, но многожды стреляют стрелы с таковыми грамотами во Псков.

Государевы же бояре и воиводы противу к ним отписывают сиевым образом: «Да, весть твое державство, гордый литовский начальник, король Степане, яко и пяти лет во Пскове християнское отроча посмеетца твоему безумю и твоим глупым первосоветником, о них же есте к нам писасте. Кая польза человеку возлюбити тьма паче света, или паче чести беззачестие, или паче свободы горькую работу? Кольми паче нам оставити святую свою християнскую веру и покоритися нам вашей

прозябли. Или, кое приобретение и почести, яже оставити нам своего государя православнаго великого христианского царя и покоритися иноверну чюжеземцу и быти яко жидом. Наипаче, оне бо не зная или по завести господа славы распяша, нам же зная своего православнаго государя царя под их же царскою властию и прародители наши родишася, яко оставити. Или ложною ласкою и дщею лестию, или суетным богатством прельстити нас хощеши? Яко ни всего мира хощем богатство против своего крестного целования, яже государю своему веришася. Или, что, королю, тыми поносными и горькими смертями претиши нам? Аще бог по нас, ин никто же на нас, — все готовы есме умерети за свою веру и за своего государя, а не предадем града Пскова ни покоримся прелесным твоим глаголом, и ни един от младоумных во граде Пскове такового совета возьмет. А от чиновных же мужественных во Пскове мужей ни в слух о том твоём безумнем умышлении вместити примут, но готов буди с нами на брань, елико коему над кем бог одоление покажет».

И тако отпускают по стреле в рать свое отписыванье.

Также государевы бояре и воиводы частыя и повсядневныя выласки сотворяют за град. Божию милостию и царским счастьем и своим боярским и воиводцким домыслом многие языки литовские во град хваташа и королевские его первосоветников умышление надо Псковом великим истезанием и пытками доведывашеся и тако противу умышленной их готовящеся.

Паки же во един день бяше выласка за Ворламские ворота и тако ухватиша литовские языки, от них же весть накрепко переняша, что литовские гетманы королю своему именита похвалишася подкопами взяти град Псков и книждо начальников розных земель свой подкоп поведоша. Подкоп королевской, польской, подкоп литовский, скорой похвальный, подкоп угорский, подкоп немецкой: и всех подкопов, в розных местех, девять подкопов. Сие же литовские языки государевым бояром и воиводам сказаша, что уже те подкопы все повели сентября в 17 день, а напередей всех угорской подкоп поспеет. А ни один от тех, литовских язык, не уведают, х коему месту те подкопы повели, и у нашей-де у литовской силы добре ведома подкопом тем блюдут.

Слышав сие государевы бояре и воиводы, яко уже литовской король подо Псков многие подкопы повели, о сем же благодариша бога, яко и тот их совет уведаша, а о том же многою кручиною объяти быша, что не уведаша, под которыя места подкопы ведяше. О сем же много бога на помощь призываше и повелеша против подкопов из города многие слухи повести, не токмо противу пролома от которых мест их надеяхуся, но и по всему Пскову накрепко в слухах подкопов блюдуще.

Тако же и освященный собор о сицевых настоящих бедах безпрестанно бога моляще день и ночь о избавлении града Пскова; тако же по трижды на недели на пролом со кресты и со святыми чудотворными иконами и с чудотворными мощьми благоверного князя Гаврила Всеволода и с прочими святыньми прихожаху и многомолебное совершающе. Литовские же гайдуки, егда услыша по пролому от христианских священников молебная певаема, наипаче на Покровской наугольной башни, и уразумеваяще туто многу народу быти и каменiem многим на то место метаху и сими христиан уражаху.

Единою же, по обычею, священником со кресты пришедшу к Покровской наугольной башни и молебное совершающе, сентября в 20 день, литовские же гайдуки паки по возбешенному своему обычью каменiem во град шибажу. И удариша же великим каменем о чудотворный образ, принесенный от Живоначальныя Троицы, великого страстотерпца Христова и победоносца, великого мученика Дмитрия Селунскаго, корсунскаго греческого письма,* во оболченный на нем злаченый доспех и выразиша у доспеха великое место во чрево, повыше пояса, против правого рама, и левкас до доски.

Священницы же, сие видев, тако же государевы бояре и воиводы и все православные христиане, над страстотерпцевым образом тако збывшеся, глаголаху ко святому великомученику Христову Дмитрию: «О великомучениче и победоносче, виждь врагов наших дерзость, не токмо над нами, но и над святым твоим чудотворным образом поругающеся. Но молися, святые Дмитрие, ко господу и избави нас своею милостию и помощию от враг наших, яко же за свой град Селунь милостиваго владыку умоли и яко же пособивый иногда великому князю Александру Невскому на великом Чюдском озери,* над погаными немцы, того же великого града Пскова обороняющему. Яко милостивное свое пособие увилив от того же твоего чудотворнаго образа, из деснаго уха серьгу изобрести на великом гсбоищи великого князя Александра Невского с немцы. Тако ныне, святей Дмитрий, яви милость свою и избави нас и град наш Псков от враг наших, злогордых литвы». Что же сие чудо, како молчанию предадим, но и сие милосердие божие тебе объявити.

Того же дни, егда беззаконных дерзость и до святого образа страстотерпца доиде, того дни и совершения литовского короля умышление и всех его первосоветников поведеный под город подкопы все именно открывшася, под которые места градовныя стены ведяху, сицевым образом. От литовского войска выходец некто в город Псков утече, преже бывший русский и полоцкий стрелец именем Игнаш. Той же Игнаш государевым

бояром и воиводам всеименно против коего места подкопы ведут и со стены на места указуя.

Государевы же бояре и воиводы сие яко слышаша, радости исполнишася, богу же о сем и пречистой богородицы и святым великим чудотворцом и святому великому мученику Дмитрию, яже его ради святого образа и сие невидение бог открыл, благодарение воздаяху. Противу же тех подкопов скоро и спешне слухи копати устремилешся, и сентября в 23 день божиею милостию наши русские слухи с литовскими подкопы сошлись и злозамышленное их умышления Христовым пособием разрушися промеж Покровских и Свиных ворот. Тако же и иной подкоп под Покровскую башнею переняше, тако же и иныя литовския подкопы за градом и сами обрушилешся. И тако милостию божиею и сие их умышление всячески разрушилешся.

Сие же видев литовский король безбожное свое умышление, и своих первосоветников в совершение не пришедши помысл, и паки приступами повседневыми на градовную стену покушаютьца восходити и окрадообразным образом мною силою во град воскочити. Русские же, христианское воинство, ни к починанию их восхода на стены не попушаючи.

Тако же литва на старыя свои градоемныя обычеи искушением своих несовершенно помысл сами в себе истязуютца, да поне, како во граде смятение учинив, можем на проломные места во град внити. Из за Великие реки розжигая ядра по хоромом стреляти начаше, октября в 24 день, и той день мало не чрез весь стреляше. И милостию божиею и от того литовского замышления бог соблюде великий град Псков ни чим же невредим.

Видив же гордонапорная литва, яко и тем ничего же, поне мало от хотения своего не улучиша, н[а] и[н] же и зело напорен совет совещаютьца. От тое же Покровския башни наугольной и до Водяных Покровских ворот, от Великия реки, октября в 28 день, прискоча, литовские гайдуки и градоемцы и каменосечцы под градовную стену и необычне сотвореными от них щиты закрывся, почели каменную стену подсекати кирками и всякими каменодельными запасы, абы вся стена от тое стороны подсечения их ради на Великую реку повалилася. Подле тоя же стены деревяная стена, укрепления ради, у каменные стены подделана, — сию огнем зажещи хотя. В те поры из за Великия реки, из наряду, по всему народу во граде у того места стоящих стреляти умыслиша и сим град свершенне взяти чаяху.

Государевы же бояре и воиводы сие их умышление над градом видевше, тако же и к сему их умышлению крепко градовное и воспротивное им сотворяют: повелевают смолье зажигати и на них и на щиты их метати, абы воспаленными огня щиты их загорелешся и горькотою ради дыма и самом им из под стены

выбегати или тамо сгорети. Литва же вся сия от понужающих их и неволею терпяху и воспротивне стояху и крепко и напорне стену подсекающе.

Государевы же бояре и воиводы повелеша противу их подсекания зело частыя окна провертети сквозе деревянную и каменную стену и ис тех окон умыслиша из ручниц по ним стреляти и копьи колоти. Тако же и смолу горячую и деготь и вряток на них льюще, тако же и лен осмолив зажигая на них меташе, тако же кувшины з зельем на них метая.

Литовския же гайдуки, елицы их утвержашеся, сии же стену подсекаху, и елицы же огонь и дым занимаше, претерпевати же не возможно, скорозельным бегством ис под стену бежаху. На тех же скорых литовских гайдуков скорогораздые псковские стрельцы з долгими самопалы изготовлены, яко ни единому утещи даяху.

Елицы же их литовские градоемцы глубоко под стену подсекошася, яко и без щитов возможно подсекаати, и водолитьем же и огнем запалением выжигати не вмещашеся и на таковых, безстужих, благомудрыя государевы бояре и воиводы и с мудрыми христианскими первосоветники о градоукреплении умыслиша, великия кнуты повелеша на шести навязати, по концам же привязывати железныя пуги с вострыми крюки. И сими кнуты, егда из града за стену противу литовских подсекателей ударяху, пугами же теми и острыми крюками, яко ястребиными носы ис под кустов и на заводях утята извлекаху; кнутяными же теми железными крюками егда литовских хвастливых градоемцев за ризы их и с телом захваташе и теми их из под стены выторгаше, стрельцы же, яко белыя кречаты сладкий лов, из ручниц телеса их клеваше и никоими образы литвы утекати не даяху.

Сие же видев, бедные литовские градоемцы и гайдуки и каменщики, яко и сие их гордых воивод невольнаго понужения никоими образы претерпевати в станы х королю своему прибежавшу, от нужи сердца с плачем глаголаху: «Да повелит твое величество, государю, крало Степане, яко бы нам всем в станех от меча твоего умрети, а не вели и до единого под замком Псковом побиваемым быти. Зело бо и до горла крепче горазди из замка Пскова битися руские люди и изрядне горазда мудры начальныя их гетманы противу всяких наших замыслений, и никоими образы воспротивитися им можем».

Король же сия слышав от своих надежных градоемцов и гайдуков, внятне же сие слова в сердцы своем зазря, но толико им отвеща: «Пане гайдуцы, два или три приступа к городу сотворите ми, але яко не возможем, на вашей воле сотворю вам и из шанцов от замка отведу».

Тако же повеле из за Великия реки безпрестанно по вся дни по стене из норяду бити, тако же повеле и повседневым приступом быти. Сие же из норяду по граду биша сряду пять дней, во всю же ту пять день крепкими приступами к городу приступаше. Стену же ту городовую [егда] и от тое стороны, от Великия реки, збиша, тогда последи, ноября в 2 день, великим приступом от Великие реки по леду [уже] приступаху; яко гетманом их и рохмистом на конех заезжая, саблями — гайдуков секуще, к городу приступати понужая. Они же егда к городу зыкнулца, из города же их, понужаемых гайдуков и с понужающими их рохмисты, яко мост по леду положиша. И тако божиею милостию и того дни спасен бысть великий град Псков.

По отписыванью же к государю от его государевых бояр и воивод из осаду, из его государевы вотчины, имянитого града Пскова, [у]битых и раненых в первой в большой приступ людей, в прибавку прошения осадных людей на отстояние по бозе граду Пскову от множества литовскаго краля замышления, благоверный царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, сие слышав во своем царском величестве, во своих стрелецких приказах повелевает на осаду, в прибавку, скрозе литовскую силу пройти во Псков град голове стрелецкому Федору Мясоедову со своим приказом, с стрельцы.

Стрелецкий же голова Федор Мясоедов, царское ему повеление совершенно исправити хотя, мужеством же своим и дерзостию весь страх литовския силы отложиша, и божиею милостию вооружившися, и царским нароком укрепившися, животом же своим на смерть пременив, Христовы ради веры и царского жалательнее милости и боязньства ради царские грозы, скрозе литовские силы добр здоров [во Псков] прииде и со всем своим прибором.

И егда же во Псков приход его слышав, государевы бояре и воиводы и весь яже о Христе руская воинства, яже во Пскове собор, веле благодарение о сем богу и государю воздаша; литовския же силе веле уничтожение и страх от сего бысть за неведение проходу руския силы во град Псков.

Видевше же сие гордый король, яко никоими образы, ни злыми своими замышлении не возмогаша града Пскова взяти, и повеле рохмистом з гайдуки от града в станы отойти и наряд отволочи. И тако, ноября в 6 день, на память преподобного отца нашего Варлаама Хутынского, * в четвертый час нощи, все литовские гайдуки и рохмисты из ям вышли и наряд из за всех туров отволокли.

Государевы же бояре и воиводы, тако же и христолюбивое воинство и со всеми пребывающими во Пскове народы о сем слышавше, благодарно и радостно хвалу богу воздаша, надея-
жеся, яко вскоре и королю со всем своим воинством отоити.

Но еще королю под градом [Псковом] стоящую и всячески о своем бездельном приходе размышляюще, како и коими образы покрыти студи и срамоту лица своего и како дщюю свою и гордую похвалу мало некако исправить. Занеже бо за высоту гордыни зело низпаде, многая своя имения истощая, [а] жалаемого не получи; бесчисленное свое войско помори, а хотемого себе взяти град Псков не одоле, но и зело несказанна сраму исполнен сый.

Егда бо литовскому королю Степану подо Псковом стоящу, в та времена благоверный царь государь [и великий князь Иван Васильевич всея Руси] посылает войском на Литовскую землю воивод своих, и тамо, в Литовской земли, государевы воиводы многие литовские грады обвоиваша и поплениша и здравы на Рускую землю возвратишася, с великим богатством и пленом. Сего ради, король [подо Псковом] всяко размышляюще.

В та же времена к нему приехавше лютерския [же его] веры римского латынского папы протопоп Антоней. * Король же сего видев, вельми о сем радостен бысть. Перваго же сего себе в совет приемлет и неисправление своего желания протопопу Антонию открывает и покрова своему сраму помощи от сего просит; вкупе же советуют, яко бы хоти с государем нашим мир восприяти.

Оле премудрости и милости божия, яко гордые господь смиряет, а смиренныя возносит. Иногда литовский король глаголаше, яко «с руским царем о мире никако ни в помысле, — рече, — прииму», ныне же сам советует, абы з государем нашим мир восприяти. О сем же совет корель с радостию составляют, тако же к государю царю и великому князю гонцов своих посылают, абы послом у них съезд учинити.

Протопоп же Антоней Ихнилатово¹ лукавства * и. вся яко збойливия лисицы леть в себе восприемлет, и наперед съезду послов государю собя являет, и по обеих стран хотению помирити учиняетца, и послана собя от римского папы для помирения государю и королю сказуетца.

Король же сего совету начало составляет: сам же король ото Пскова во свою Литовскую землю отходит, того же девятыдесятого лета, под семою тысящею, декабря в 1 день, на память святаго пророка Наума. Подо Псковом же оставляет пана канцлера, польского гетмана и с ним многие люди еще на осаду великому граду Пскову, [мня же, яко] страха [и] претя яко стоянием выстояти или голодом выморити или всякою нужею объемся во граде, здания граду Пскову чаяху. Таков же совет свой король поляку канцлеру оставляет, сам же король в Литву

¹ В рукописи — Игнилатого. Исправлено по списку В.

отъезжает. Поляк же, канцлер, тоже Псков град выстояти и взяти похваляетца.

Что же твоего ума, польский кралю, что же твоего еще безбожного совету, князь великий литовский, что же твоего домыслу, Степане, яко ветра гониши, или в морстей пучине путь нахождение видети хочещи, или высокопарна орла стези считаеши? Жестоко ти есть противу рожна стояти! Аще бог по нас, ты ли на нас? От сего же и яве твоего безумия обличения, яко при себе и при своем животе всякими своими разными размышлении великого града Пскова не взял еси, ныне же по своем уничиженном и срамном отшествии ото Пскова града холопу своему велиши взяти великий град Псков.

Оле глупости, оле [не]разум[ия], глава ногам беседует, государь рабу своему честь воздаст! Аще бы прежде твой которой воевода послан тобою под которой град и по повелению государя своего исправление не учинит, ничто же дивно; аще ли сам господин несправя холопу исправить велит, — безчестно есть се и от простых, не токмо от начальных, аще бы и сам исправил еси. Но что же се хвалиши во злобе сильне и беззаконья: не своею бо силою одолеваеши нас, но за свои грехи смиряемся. Глаголет бо писания о пленении Иерусалима Титом, * царем римским: Не Тита дей, — рече, — бог любя, но Иерусалим казня. Ты же похвалился еси до конца разорити царство христианское.

Како смел еси своим дер[зост]ным языком такое похваление изрещи, христианское царство разорити, или предoteca еси оного предъявляемаго отступника? Глаголет бо писания: «Нестъ языка под небесем, иже возможе одолети царство христианское», яже посреди водружена крестная крепость, им же вселенстии концы зело премудри написуютца по широте и долготе и высоте и глубине. Кая бо крепость или сила возможет когда крестную силу отписати, его же чтуще христианское царство недвижимо пригвождьшимся на нем владыкою Исус Христом соблюдаетца? Егда же приидет отступления и открытца человек беззакония, сын погибельный, егда бо, — рече апостол, — упразнитца всяко начало и власть, тогда бо, — рече, — и сам сын предаст царство богу и отцу.

Кое убо царство явя, яко христианское? Аще ли же видим крестьянское царство смиряемо от бога всякими казнми, но за грехи смиряемо, его же бо, [рече,] любит бог, того и наказует, бьет же сына, его же приемлет. Приразят бо ся, рече, вся царства ко христианскому царству со всех четырех стран, но не одолеют свершение. Яко же искушеное злато, христианский искуситца род¹ всякими искушеньми, но претерпевый, рече, до

¹ В рукописи — всего. Исправлено по списку В.

конца и спасетца. Яко же и сам Спас наш рече во святом Евангелии: «И убо пришед сын человеческий обрящет веру во время умаления веры». Занеже Христову веру совершенне изволяем помирати, на него же, и надеемся, яко избавит нас от находящихся бед. Писано бо есть: «Многи скорби праведным, и от всех их избавит я господь. Потерпи господа, и вознесет тя, еже наследити землю». Настоящее же да глаголетца.

Королю же литовскому во свою Литовскую землю отшедшу, польскому же гетману, пану канцлеру со многою силою под градом Псковом оставившися, Пскову же граду еще в осаде пребывающу.

Государевы же бояре и воиводы из Пскова града на литовское воинство в разные ворота частые выласки сотворяют и божиею милостию литовское воинство побивают и языки во град хватают. Ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всея Руси государевы бояре и воеводы из Пскова много з грамотами гонцов посылаша, о всех настоящих, яже во Пскове, и надежею на бога неослабно государю пишуше. Сие королевское стояние и королевской от города отход и воивод его, пана канцлера с товарищи, подо Псковом стояние государю извещающа. С сими же грамоты из Пскова многие гонцы ко государю скрозе литовское воинство проходяще.

Государь же о своей вотчине, о граде Пскове, благоздравное и християнское над литвою победительное, тако же и короля литовскаго от града Пскова с срамом бежательное слышав, велие благодарение о сем богу и пречистой богородицы и всем святым воздаша и со благоверными царевичи и з своими царицами. Преосвященному же митрополиту в царствующем граде Москве повеле повседневныя молебны пети, тако же и во всех архиепискупьях и епискупьях сицевое молебное совершающе.

Канцлеру же, пану польскому, гетману с литовскою силою подо Псковом стоящу, граду же Пскову всячески войском обдержаше в осаде, градомным же делом никоим ко граду не смеюще приблизитися, но токмо стоянием своего войска град Псков обдержаше.

Государевы же бояре и воиводы над их стоянием тако же промышляют: великую выласку, конными и пешими, из Великих ворот генваря в 4 день выступиша. И в той же выласки многих добрых и славных, именитых, яко бо[лее] восемьдесят панов убиша, тако же и языков нарочитых в город ухватиша. Сия же конечная вылазка бяше. Всех же тех вылазок из града сорок шесть, а приступов бяше литовских [крепких] ко граду Пскову тридцать один.

Злосердый же той великий гордый поляк канцлер, сие видев, внезапно кончину своим великим, именитым и храбрым паном, в великую кручину впад. На государевых же бояр и воивод

великое умышление умышляют, наипаче на государева боярина и воиводу, на князя Ивана Петровича Шуйского, сицевым образом.

Того же месяца, генваря в 9 день, пришел из литовского воинства русской полоненик во Псков, а принес с собою велик ларец. * Сего же полоненика в город приемшу и ко государевым бояром и воеводам приведшу, он же той ларец [отда] и грамоту у себя сказал: «прислано от королевского дворянина, от Гансумелера». В грамоте же подписано: «Единому государеву боярину и воиводе, князю Ивану Петровичу [Шуйскому] Гансумелер челом бьет. Бывал есми у вашего государя с немчином, с Юрьем Фрянбеником. * И ныне воспамятовал есми вашего государя хлеб и соль и не хочю яз на него стояти, а хочю яз на его государево имя выехать. А наперед себя послал с вашим полонеником свою казну в том ларцы, которой он тебе ларец принесет. И ты бы, князь Иван Петрович, тот мой ларец с того полоненика взял и казны моей в том ларце един досмотрелся, а иным бы есми не давал смотреть. А яз буду во Пскове тотчас по времени».

Государев же боярин и воивода, князь Иван Петрович [Шуйской], грамоту прочет и з своими товарищи посветовав, ларец же тот почаяв яко с оманом ему быти, и повелеша добыти таковых мастеров, которые ларцы отпирают, и далече из воиводцкия избы своя, съезжая избы, вынести и отомкнути, всячески бережася.

Сему же мастеру тот ларец отпершу, в нем же видят полна [я]да исполнена, двадцать четыре самопалы занаряжены на все четыре стороны, на верх же их всыпано с пуд зелья, заводным же замком ремнем приведенным к личинки ларца, за него же токмо принятыя, заведенным же самопальным замком огненным всем отпав, огнем запалитися.

Таково бяше канцлерово умышление сицево и с подручных ему лукавый совет над государевым боярином и воеводою, над князем Иваном Петровичем Шуйским, за его правую государеву службу, и за его непобедимое воиводство, и за его благо-разумный разум в государевых делах против государевых недругов и всех королевских умышлений, и канцлеровы похвалы и всего литовского воинства гордости. Сицевым образом хотяше уморити.

Но что, — реку, — твоя безумная гордости, глупый воивода, канцлере и з подручными твоими с товарищи? Затеял еси выше думы дело, выше же бога совет, но аз тебе реку вскоре: его же бог хранит, того не может ни вся вселенная убить, а его же бог предаст, ни вся вселенная не може укрыти. Праведный бо, — рече, — жив будет, в него же места предаетца нечестивый. Рече бо господь во святом Евангелии своим учеником, не токмо сим

единым, но и верующим всем истинною верою во имя его: «Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражию, [и] ничто же вас не вредит». Мы же Христоваго благодатию царскую Христову печать на лицах своих крест воображающе, вся ваша бесовская умышления Христовым по собием можем низложити.

И от сего¹ смертоноснаго лукаваго умышления в троицы славимый бог и богородица соблюде и государева боярина и воиводу князя Ивана Петровича Шуйского с товарищи не вреди, но и того ничим не вреди, яже ларец той отпиравый.

По сем же днем малом минувшим, того же месяца, генваря в 17 день, от полуденныя страны богохранимаго града Пскова, от Нерукотвореннаго образа ис поля, идеже литовский воивода, польский гетман, [пан] канцлер с литовским войском в станех стояху, от тех панов литовских станов многия люди конныя и пешия показашася, к городу идуще. Государевы бояре и воиводы сие видев, от литовского войска приступу к городу чаяху и со всем христианским войском с ними на бой уготовившеся; по мале же видяху, яко литовскому воинству оставляющеся, от них же един конный к городу устремися; егда же видев, яко русский, великого князя сын боярской Александра, именуемый Хрушов, сему же в город въехавшу, государевым бояром и воиводам грамоты отда от государевых послов. И того дни первые извещения во Псков прииде государевым бояром и воиводам, что государевы послы по государеву приказу с королевскими послы мир учинили.*

И тако великим и неизреченным божием милосердием пребезначальныя троица и помощницы наша и молебницы о всем роде христианском истинныя богородица и приснодевы Мария; и заступлением пребожественных [небесных сил]; и представтельством и молением великих святых чудотворцов и великого, преименитаго в чудесех, чудотворца Николы, и пребожественныя троица, три солнечныя зари боговидением зрети сподобившася, и начальницы основания [и повелителя к совершению] богохранимаго того града Пскова, и начальницы во Христа истинныя веры всея Руския земли, благоверным царем и великим князем благому корени, благоверныя и христолюбивыя великия княгини Ольги,* нареченныя во святом крещении Елены; и святаго правнука ея, благовернаго князя Гаврила Всеволода, и преподобнаго отца нашего Ефросина,* псковских чудотворцов и всех святых молитвами, благоверный и христолюбивый царь государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси свою государеву вотчину град Псков и вся

¹ В рукописи — всего. Исправлено по списку В.

пребывающая в нем от литовского короля и ото всего его войска, ими же бог весть судьбами, избави.

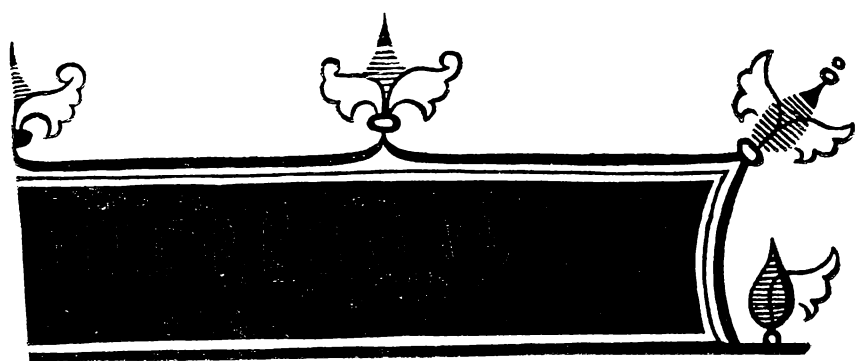
Потом же, месяца февраля в 4 день, польский гетман, [пан] канцлер ото Пскова града со всею силою литовскою отоиде в Литовскую землю. Тогда же во граде Пскове яже заключенная врата отверзошася, и сицевым образом совершительство повести сия конецъ прият.

Списана же бысть повесть сия в том же богохранимом граде Пскове, от жителя того богоспасаемого града Пскова, художеством зграфа, * имя же ему есть сие: единица дважды, со едином, пятьдесятница же усугубити дважды, и четверица сугуба [десятирица же трижды и четверица сугубо], совершает же ся десятирицею, и всех обрящеши письмен семь. *

И меня же, грешнаго и всеми недостатки исполненаго, да [не] зазрит вашеголюбомудрия исправления и своим совершением и наши¹ недостатки исполните по писанию: «Друг другу тяготы носите и тако исполните закон Христов».

Слава исконному и вышеименному и вся сотворшему вседержителю, в троицы поклоняемому, со сыном славимому, со святым духом воспеваемому, в вышних ото ангел славимому, в ниж[них] же от человек воспеваемому и от всея твари поклоняемому, безначальному отцу со едиnorodным сыном и со святым благом и животворящим его духом и ныне и присно и во веки веком. Аминь.

¹ В рукописи — нашими. Исправлено по списку В.

ЗАДОНЩИНА

Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его Владимире Андреевиче**
Написано Софонием, рязанским старцем*

Великий князь Дмитрий Иванович с братом Владимиром Андреевичем и со своими воеводами на пиру сидели у Миккулы Васильевича* (у коломенского воеводы). А сказал он им:

— Братья милые, к нам весть пришла, что идет на Русь хан Мамай, что дошел он до быстрого Дона, что идет к нам в Залесские княжества!* Вспомним, братья, как зародилась Русь православная в северных странах от рода Яфетова, от сына Ноева.* С высоких гор Киевских, что над славным Днепром, оглянем все земли Русские, а потом посмотрим в дальние края Востока, удел потомков Сима, Ноева сына, от которых произошли безбожные татары, хиновá поганая! Одолели они на Каялереке наш Яфетов род!* С тех пор Русская земля живет нерадостна. От битвы на Калке и до Мамаева побоища тужит и плачет она, в горькой печали павших сынов своих поминаючи. Так пойдем же на них, князья, бояре, удалые витязи, расстанемся с милыми женами и детьми, с богатствами своими и стадами, а если доведется нам сложить головы за землю Русскую, за веру христианскую, так добудем славу мира и честь для чад наших!

Раньше я написал плач земли Русской и прочее по старым книгам, а теперь сочинил горестное слово и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу.

Друзья и братья, сыновья Русской земли! Соберемся вместе и сложим радостную повесть, возвеселим Русскую землю, изгоним печаль в Симов удел, в восточные страны, куда бежал

Мамай после победы нашей. Прославим Дмитрия Ивановича, великого князя, и брата его, князя Владимира Андреевича.

Лучше будет рассказать о славном походе великого князя Дмитрия Ивановича и брата его, князя Владимира Андреевича, правнуков великого князя Владимира Киевского, — не привычными словами, а поведать об их деяниях слогом былин. Унесемса мыслью в древний Киев и вспомним прославленного певца давних времен — мудрого Бояна. Он касался быстрыми перстами живых струн и складывал свои былины о русских князьях, о первом великом князе Киевском — Игоре Рюриковиче, о великом Владимире Святославиче и о князе Ярославе Владимировиче.

Прославим былиной под звонкий наигрыш гуслей нашего великого князя Дмитрия Ивановича и его брата, князя Владимира Андреевича — правнуков Владимира Киевского, кого славил Боян, — за то, что и теперь жалели и отстояли с великим мужеством Русскую землю и христианскую веру!

Наш великий князь Дмитрий Иванович и брат его, князь Владимир Андреевич, напрягли свою мысль полководцев, бесстрашием сковали сердца и с верой в победу развернули и двинули свои полки, гордые воспоминанием о воинской славе своего прадеда — Владимира Киевского. *

О жаворонок, радость летних дней! Поднимись к синим небесам, взгляни на могучий город Москву и прославь князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича.

Грозная буря занесла наших соколов из Залесских земель в степи половецкие! * Слышите ржанье коней в Москве, пение труб в Коломне, * бой бубнов в Серпухове, * — звенит слава великому походу по всей Русской земле. Стали знамена русские на берегу великого Дона. Звонит вечевой колокол в Новгороде, * собрались именитые люди новгородские у собора святой Софии и говорят:

— Неужто нам не поспеть уже на подмогу великому князю Дмитрию Ивановичу?

Со всех сторон северных, как орлы, слетелись к нему воители! То не орлы слетелись в половецкие степи, то съехались все князья русские к великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу, говорят им такие слова:

— Господин великий князь! Безбожные татары уже походом пошли на наши земли, вотчины наши отнимают, между Доном и Днепром на Красивой Мечи * станом стали. Пойдем, господин наш, за быстрый Дон, подвигом весь мир удивим, чтоб старикам о нем рассказать, чтоб молодые о нем помнили! Испытаем храбрость своих удалых бойцов за землю Русскую, за веру христианскую!

Ответил им князь великий Дмитрий Иванович:

— Братья мои, князья русские, мы ведь птенцы гнезда князя

Владимира Киевского! Не обидеть нас ни соколу, ни кречету, ни черному ворону, ни злочестивому Мамаю!

О соловей, птица летняя! В переливах пенья своего прославь и двух витязей из земли Литовской, двух братьев Ольгердовичей, Андрея и Дмитрия, * а еще и Дмитрия Волинского! * Все они храбрые сыны Литвы, кречеты войны, славные полководцы, под трубные звуки их пеленали, под шлемами их пестовали, с конца копья выкармливали в Литовской земле.

Говорит брату своему Дмитрию Андрей Ольгердович:

— Одни мы тут — два Ольгердовича — из рода Гедиминова, а правнуки Скольдимеровы. Наберем себе храбрые дружины, удалых панов литовских, сядем на боевых коней, поскачем к быстрому Дону, зачерпнем шлемами своими воды донской, испробуем крепость мечей наших литовских о шлемы татарские. испытаем пики немецкие на панцирях басурманских!

В ответ говорил ему Дмитрий Ольгердович:

— Не будем жизни щадить, брат Андрей, за землю Русскую, за веру христианскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича! Слышишь, брат, стук и гром в белокаменной Москве? То не стук стучит и не гром гремит, то гул и шум великого войска князя Дмитрия Ивановича. Идут, позванивая золочеными доспехами с красными щитами, русские удалцы. Седлай, брат, своих боевых коней, а мои уж давно готовы, раньше твоих оседланы. Выедем, Андрей, в широкую степь, развернем на смотр полки свои!

Подули сильные ветры с моря, с устья Дона и Днепра несут-колышут они великие тучи на Русскую землю, а в тучах поблескивают синие молнии, а за тучами просвечивают кровавые зори. Будет гром, будет треск на речке Непрядве * между Доном и Днепром, покроется трупами ратных людей поле Куликово, * потечет кровавым потоком Непрядва-река.

Заскрипели телеги меж Доном и Днепром, идут азиатские полчища на Русскую землю. Понабежало волков с устья Дона и Днепра, завывают волчьи стаи на Красивой Мечи — хотят кинуться на Русскую землю. То не серые волки сбежались, то походом идут нечестивые татары, хотят войной пройти всю землю Русскую.

Дикие гуси раскричались-загоготали на Красивой Мечи, белые лебеди бьют крылами. Нет, то не гуси загоготали, то не лебеди бьют крылами, то нечестивый Мамай на Русскую землю пришел, свои полки привел.

А легкокрылые стаи уже носятся под облаками, ожидая гибели татарской, черные вороны грают, серые галки по-своему галдят, орлы клекочут, волки страшно воют, лисицы брешут — трупы чуют. О русская земля, ты за рубежными холмами осталась!

Рванулись со своих золотых колодок в белокаменной столице соколы и кречеты московские, ястребы белозерские — взлетели высоко в синем поднебесье, зазвенели над Доном своими золотыми колокольчиками, хотят кинуться на стада гусиные, на стаи лебединые, а русские удалые богатыри хотят ударить на великие силы зловерного хана Мамаю.

Тогда вступил великий князь в золотое стремя, обнажил свой меч правой рукой. Солнце пред ним ясно на востоке сияет, путь ему добрый предвещает.

Что же там шумит и гремит так рано перед рассветом? То князь Владимир Андреевич полки свои с ночи подымает, к бою их готовит и [в лес] к Дону великому уводит. Говорит, расставаясь, брату своему:

— Не поддавайся, князь Дмитрий, татарам! Теснят они нас, земли захватывают, отчину нашу отнимают!

Отвечает великий князь Дмитрий Иванович:

— Устоим, князь Владимир Андреевич! Мы ведь с тобой братья родные, воеводы у нас надежные, дружина в боях испытанная, кони под нами боевые, доспехи на нас золоченые, шлемы кавказские, щиты московские, пики немецкие, копья фряжские, мечи булатные, дороги и броды разведаны. Не устрашимся сложить свои головы за веру православную.

Весело выются под ветром знамена, удалцы наши ищут чести и славного имени.

Вот уж соколы и кречеты московские с ястребами белозерскими за Дон перелетели, ринулись на несметные стада гусиные и лебединые. То налетели русские бойцы на необозримые полчища татарские, ударили копьями калеными о доспехи татарские, загремели мечами булатными по шлемам половецким на Куликовом поле, у речки Непрядвы.

Черна земля под копытами татарскими, белыми костями усеяна, горячей кровью полита. Сошлись тут могучие полки, вытоптали ковыль степной и травушку на взгорьях, замутили реки и озера...

Диво* встало и голос подало Русской земле! Слух пронесся по дальним краям. Славят русских и в Дербенте — Железных Воротах, и в Риме, и в Кафе,* и за морем — в Тырнове,* и в Царьграде.* Великая Русь победила Мамаю на Куликовом поле!

Сошлись две огромные темные тучи, засверкали в них синие молнии, загрохотал гром. То сошлись на смертный бой русского народа сыны с нечестивыми татарами — отомстить за свои обиды. Сверкают их доспехи золоченые, гулко бьют булатные мечи князей русских по шлемам азиатским.

Не туры ревут побитые на поле Куликовом, у Дона великого воскричали яростно князья русские и бояре, и воеводы великого

князя, и князья белозерские, сраженные саблями татарскими. Полегли там Федор Семенов, Тимофей Волуев, Семен Михайлов, Микула Васильев, Андрей Саркизов, Михайло да Иван Акинфовы и иные многие из славной дружины, бездыханные полегли на берегу Дона.

Позвали на поле битвы и монаха Пересвета, * из брянских бояр. Говорит монах Пересвет великому князю Дмитрию Ивановичу:

— Лучше пусть нас в бою порубят, чем в плен захватят безбожные татары!

Скачет Пересвет на ретивом коне, поблескивает золочеными доспехами, свистом-кличем боевым все поле рассек. Кричит дружине:

— Хорошо, братья! В бою старики молодеют, молодые — честь добывают, удальцы — силу свою пробуют!

А другой монах, Ослябя, предсказал ему:

— Вижу, брат Пересвет, тяжкие раны на теле твоём, вижу, как покатилась голова твоя в зелёный ковыль. Вижу, в ковыле том зелёном и детище мое, Яков, * лежит, душу отдал за веру христианскую, за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.

В те поры не слышно уж было в Рязанской земле ни голосов пахарей, ни пастушьих волюнок — страшно граяли вороны, куковали кукушки над трупами человеческими. Ужас и жалость — глядеть на залитую кровью землю, на поникшие к земле деревья.

И птицы пели жалобно, и горько плакали княгини, боярыни и жены воевод побитых. Микулина жена Васильевича Марья Дмитриевна ранним утром причитала на берегу Москвы-реки на стенах московских:

«О Дон, Дон, быстрая река! Ты пробил каменные горы, течешь в землю Половецкую, принеси на волнах ко мне господина моего, Микулу Васильевича!»

Боярыня Федосья, жена Тимофея Волуева, так плакала и причитала:

«Пришел конец радостям моим в славном городе Москве, уже не видать мне здесь господина моего Тимофея Волуевича живым!»

И Андреева жена Марья, и Михайлова жена Аксинья с раннего утра кричали-причитали: «Померкло нам обоим ясное солнышко в родной и славной Москве! Как огненный вихрь, донеслась до нас с быстрого Дона страшная весть о великой беде. Божий суд на поле Куликовом поверг с боевых коней на степной ковыль русских удальцов!»

Диво стонет под саблями татарскими, вопит от ран русских богатырей.

На рассвете запели щуры жалобные песни у Коломны в городских стенах. То не щуры ранним утром запели, а горько плачут-заливаются жены коломенские:

«Москва, Москва, быстрая река, зачем унесла ты на своих волнах мужей наших в землю Половецкую?»

Можешь ли ты, господин великий князь, веслами судов твоих Днепр загородить, шлемами войска своего Дон вычерпать, * трупами татарскими Красивую Мечь запрудить? Затвори, великий князь, ворота Оки-реки, чтобы безбожные татары к нам не ездили, — сколько походов, грозных сражений наши мужья с ними выдержали!»

Но вот кликнул клич князь Владимир Андреевич и кинулся [из лесу] со своим воеводой, князем Волинским, и со своими семьюдесятью тысячами на правое крыло Мамаевой рати, вихрем понесся он сквозь дрогнувшие полки татарские, сверкая золотым шлемом. Пробился и молвит брату князь Владимир верные слова:

— Брат мой, Дмитрий князь! Ты — неодолимая стена в это злое и горькое время! Не уступай, князь, со своими могучими полками, как хотят лихие крамольники; нечестивые татары на землю нашу наступают, храбрую нашу дружину порасстреляли! Горестно видеть столько крови христианской!

И сказал тогда князь Дмитрий своим боярам: «Братья бояре и воеводы, и дети боярские! Тут вам не московские сладкие меды и высокие места! В этой битве добывайте места и себе и роду своему! Тут старикам помолодеть надо, а молодым — чести воинской искать!»

Полетели соколы за быстрый Дон. То не соколы ринулись за Дон, то князь Дмитрий Иванович поскакал со своим полком, а за ним и все русское воинство.

Скачет рядом с ним князь Владимир Андреевич:

— Тут пришло нам, брат Владимир, испить до дна медвяную чашу из рук самой невесты! Будем гнать-теснить своими полками войско татарское!

Грохоча, разбивают стальными мечами колпаки железные половецкие, и уж руками закрывают татары свои головы. Тут дрогнула перед князем нечестивая рать. Только ветер взревел, забился в полотнищах стягов, а татары несутся прочь во весь опор. По всему полю русские витязи преследуют их, окружают с победными кликами, всюду сверкают их золоченые доспехи.

Ярый зубр встал на защиту своего стада.

Когда повернули назад татарские полки перед князем, стали сечь и рубить их беспощадно и вселили в сердца их тоску гибели. Выбиты из седла все князья их, поле Куликово трупами татарскими усеяно, кровь течет реками. Скоро рассеялись пога-

ные полчища, кто куда без дорог уносили свои головы. Бежали они к далекому лукоморью азовскому, скрежетали зубами и до крови лица себе раздирали, сами над собой причитали:

Не дойти, не бывать нам в своей земле!
Не видать нам больше родных детей!
Не ласкать нам желанных женушек!
Целовать будет нам зелену траву!
Не ходить нам теперь набегом на Русь!
Дани русской с князей уж не спрашивать!

Тогда застонала земля Татарская, пала беда и тоска на нее. Нет уж охоты у ханов на Русскую землю походом ходить, нету веселья в Орде. Русские теперь расхватили драгоценности Мамаева табора, коней и доспехи татарские, волов и верблюдов, вино и сахар, золотые украшения и самоцветы, шелка и восточные лакомства, везут дорогие подарки женам своим. Звенит татарское золото на русских красавицах. По всей Русской земле пошло буйное веселье, и возвеличилась русская слава от позора татарского. Низвергли на землю степного Дива. Страшнее его теперь русский великий князь, всем странам он грозен стал.

Громи Мамаеву орду, великий князь, отомсти им со своей храброй дружиной за обиду Русской земле и вере христианской! Сложили оружие зловерные ордынцы, склонили головы под русские мечи. Замолкли трубы у них, не слышно говора и песен татарских.

Сбежал Мамай от своей дружины, серым волком помчался в Кафу. Тут говорят ему итальянцы:

— Зачем посягаешь, безбожный Мамай, на Русскую землю? Ходила Орда на Залесское княжество в давние времена. Но далеко тебе до хана Батия — у хана Батия было четыреста тысяч бойцов, завоевал он всю Русскую землю от востока до запада. Наказал тогда бог Русскую землю за согрешения. А ты пришел, хан Мамай, на Русскую землю с девятью ордами и семьюдесятью князьями, да бежал теперь к своему азовскому лукоморью сам-девят, и не с кем тебе теперь в степи зиму перезимовать. Видно, хорошо тебя потчевали русские князья, что с тобой ни князьков татарских, ни воевод теперь нет! Видно, крепко перепились они на Куликовом поле, что полегли на ковыль-траве! Беги-ка ты от нас, Мамай, за темные леса!

Как родное дитя любим мы свою Русскую землю. Мать то балует его, то за драку розгой высечет, но похвалит за хорошее. Так помиловал бог и русских князей — Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича — на поле боя между Доном и Днепром.

Вышли наши князья с оставшимися воеводами на поле Куликово, стали в печали у речки Непрядвы над полем побоища. Страшно и больно было, братья, видеть, как лежат по ковылю

тела христианские, а где жаркая сеча была — там словно стога трупов наметаны, и Дон-река три дня кровью текла.

Сказал в те поры великий князь:

— Сосчитайте теперь, кого у нас из воевод нет, сколько полегло младшей братии — воинов!

Отвечал ему Михайло Александров, московский боярин:

— Государь и великий князь Дмитрий Иванович, нет у нас сорока больших бояр московских, двенадцати князей белозерских, тридцати посадников новгородских, двадцати бояр коломенских, сорока бояр серпуховских, тридцати панов литовских, двадцати бояр переяславских, двадцати пяти бояр костромских, тридцати пяти бояр владимирских, восьми бояр суздальских, сорока бояр муромских, семидесяти бояр рязанских, тридцати четырех бояр ростовских, двадцати трех бояр дмитровских, шестидесяти бояр Можайских, тридцати бояр звенигородских, пятнадцати бояр уglichских. А воинов наших погибло от зловерного Мамаю двести пятьдесят и три тысячи. А татар пало бесчисленное множество, знать помиловал бог Русскую землю!

Стал прощаться великий князь Дмитрий Иванович с погибшими:

— Братья бояре, князья и дети боярские! Судил вам бог между Доном и Днепром, на поле Куликовом у речки Непрядвы, головы сложить. Полегли вы за церкви православные, за землю Русскую, за веру свою христианскую. Прощайте, братья мои милые! Отпустите, коли есть вина моя перед вами, благословите меня свой век здесь дожить и на том свете свидеться!

Теперь пойдем, брат Владимир Андреевич, в свою землю Залесскую к славному городу Москве, сядем на свое княжение, добыли чести и славы своему имени!

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОЙЦЕ

Похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его, князю Владимиру Андреевичу* (в 1380 году)*

Хочу я, братья, поведать вам о новой ратной победе, как удалось православным христианам разбить на Дону безбожных татар, как уничтожены были и посрамлены свирепые язычники, подобно тому как Гедеон победил мадиамлян,* а Моисей — фараона. Прославлю величие божие, расскажу, как помог он великому князю Дмитрию Ивановичу против безбожных татар.

По божью попущению и дьявольскому наваждению поднялся против нас с Восточной стороны хан Мамай, идолопоклонник и иконоборец, злой враг христиан. Вселился в сердце его дьявол и подстрекал и научал его уничтожить веру христианскую, осквернить православные церкви, истребить всех христиан, чтобы не славилось имя господне на земле. Но чего бог захочет, то и будет.

Овладела Мамаем дьявольская гордыня. Он захотел сравняться с неистовым Батыем и вероотступником Юлианом.* Собрал старых книжников своих и стал их расспрашивать, как завоевал окаянный Батый Русскую землю, чем кончился его поход. Обо всем ему рассказали книжники: как Батый взял Киев и Владимир, как завладел всей Русской землей, как убил князя Юрия Всеволодовича* и Василия Козельского,* как изгубил еще многих православных князей и златоверхую церковь разграбил.

Ослеп разумом Мамай и не мог понять, что сбывается лишь то, что богу угодно: когда-то и Иерусалим захвачен был Навуходоносором,* царем Вавилонским, за ослабление веры; но не до конца гневается господь и не вечно враждует с нами.

Выслушав рассказ своих книжников, безбожный Мамай потерял душевный покой, а дьявол постоянно подстрекал его на христиан: то мерещились ему битвы с русскими, то снова приходил в себя. Собрал он воевод и рассказал свой замысел похода. Мамай думал так: «Я пойду на Русь, как Батый. Убью князя ихнего и выберу самый красивый город, какой мне приглянется, сяду в нем и буду владеть русским народом, тихо и безмятежно проживу там свой век». А не знает Мамай, что высока рука господня.

И вскоре после этого приказал он своим войскам переправляться через великую Волгу-реку, * а в союзниках с собою повел и другие орды, обещая им много русского золота в награду.

Шли Мамаевы полчища на Русь, как разъяренный лев на добычу, оглашая поля своим рыком.

Дойдя до реки Воронежи, Мамай разбил здесь свои становища, но строго запретил пахать пашни: «Ждут вас русские хлеба!»

Узнал рязанский князь Олег, * что хан Мамай вышел из Золотой Орды в поле с воинством своим и стоит у пограничной переправы, готовясь к походу на великого князя Московского, Дмитрия Ивановича. Тогда отправил Олег Рязанский посольство к хану Мамаю с большими дарами и с такою грамотой: «Восточному царю, вольному Мамаю, от Олега Рязанского, верного твоего слуги, тобою на престол посаженного. Слышали мы, господин, что ты хочешь идти на Русь, на слугу твоего князя Дмитрия Ивановича Московского, — видно, разгневался ты на него. Хорошо выбрал ты время, светлейший царь, сейчас в Москве много золота и всякого богатства. А князь Дмитрий — не воитель, как услышит имя твое, грозного и немилостивого завоевателя, убежит он в Новгород Великий или на Северную Двину, и все богатства московские попадут в твои руки и в добычу твоему войску. А меня, раба твоего Олега Рязанского, пощади, всесильный царь, ибо я твоим именем устрашаю Русь и московского князя Дмитрия. Да ведь он каков: когда я угрожал твоею карой за его обиды моему княжеству, он меня не послушал, еще и город Коломну * к своему княжеству прибрал. Заступись же ты за меня, молю тебя!»

А второго гонца отправил князь Олег Рязанский со своим посланием к великому князю Ольгерду Литовскому: *

«С радостью пишу тебе! Давно уж слышали мы, что хочешь ты московского князя Дмитрия изгнать и Москвою завладеть. Пришло теперь наше время: великий хан Мамай двинул рать свою в поход на Москву. Надо и нам в союзе с ним воевать. Уж тогда наверно даст тебе хан Москву и других городов твоих у тебя не отнимет, а мне даст он Коломну, признает мою вотчину во Владимире и в Муроме. Я отправил к Мамаю почетное

посольство со многими дарами. Пошли и ты своего посла, дары твои тебе с лихвой вернутся; да напиши ему грамоту многовещательную, это ты умеешь лучше меня!»

Прочитав послание князя Олега, услышав посольские речи, порадовался Ольгерд и поверил тем надеждам на хана, какие внушал ему Олег Рязанский. Тотчас же направил он к хану Мамаю свое посольство.

И Олег Рязанский и Ольгерд Литовский были уверены, что князь московский Дмитрий Иванович, чуть только узнает об их союзе с ханом Мамаем, немедля бежит из Москвы. Тогда им достанется — одному Москва, другому Коломна; а когда подойдут полчища Мамаю, они встретят его с великими дарами и умолят вернуться назад, а княжество Московское разделят между собою и будут править под рукою Мамаю. Так радовались они, будто дети, забыв о силе божьей.

А Дмитрий Иванович, великий князь Московский, о царствии небесном радея, в смирении мудрость свою таил и ничего еще не знал о заговоре ближних против него.

Вот пришли к безбожному хану Мамаю послы литовского князя Ольгерда и Олега Рязанского, принесли ему великие дары и княжьи грамоты. Хан Мамай принял дары милостиво, выслушал оба послания, почтил послов своими подарками и велел написать ответные грамоты Ольгерду Литовскому и Олегу Рязанскому:

«Хвала вам на подарках ваших! Просите вы у меня русских вотчин — и получите их от меня, если присягнете мне на верность и присоединитесь ко мне с войсками своими, как только успеете скоро, чтобы одолеть нашего неприятеля. Но не думайте, что я нуждаюсь в вашей помощи. Если бы я захотел, я мог бы завладеть Иерусалимом, как когда-то Навуходоносор. Никто не укроется от руки моей и от величия силы моей. И не думайте, что дороги мне почести ваши. Имя мое и силы мои приводят в трепет Москву и князя Дмитрия Ивановича, вся страна ваша — в страхе предо мною. Достойной своего величия я почел бы лишь победу над таким же могущественным царем, как и сам». Такой ответ велел хан передать им.

Послы вернулись к своим князьям и не смели передать гордых речей хана, сказали только: «Хан Мамай приветствует вас и хвалит великими хвалами». А князья, простодушно поверив, обрадовались дружбе и хвалам безбожного хана. Не разумели они, что только бог дает власть и с каждым случится то, что богу угодно. Чего же ждать, если единоверные нам христиане вступили в союз против нас с безбожным притеснителем и гонителем веры христианской!

Тогда Олег Рязанский стал торопить Мамаю: «Выступай, великий хан, поскорее на Русь!»

Дошли вести до великого князя Дмитрия Ивановича, что двинул на него походом все свои орды безбожный хан Мамай, ненавистник Христовой веры, задумавший так же истребить христиан, как раньше неистовый Батый. Опечален был великий князь этими тревожными вестями.

Самых скорых и надежных гонцов послал князь Дмитрий Иванович в Боровск * за братом, князем Владимиром Андреевичем, и по другим городам за всеми воеводами, а за всеми своими боярами — в их поместья и вотчины; приказал всем спешить в Москву на княжой сбор.

Быстро прискакал великий князь Владимир Андреевич, съехались в Москву и все другие князья, воеводы и бояре.

Великий князь Дмитрий Иванович вместе с братом Владимиром Андреевичем пошел на совет к митрополиту Киприану. *

— Знаешь ли, отец наш, — сказал ему князь, — о близкой и большой беде: безбожный хан Мамай с огромными полчищами идет на нас, рыкая как лев, хочет громить наши земли, разорить православный народ!

Спросил тогда митрополит Киприан:

— Скажи мне, князь, в чем же ты перед ним неисправен был?

— Нет, отец, не знаю вины за собою. Каждый год посылал ему дары, и вдвое больше посылал, чем покойный отец!

— Раз так, князь, — сказал митрополит, — значит, за грехи наши допускает его господь воевать Русскую землю. Надо еще попытаться утолить ярость нечестивого хана щедрыми дарами: пошли ему вчетверо против прежнего. А если и это не поможет, тогда бог усмирит его. Ведь сказано: «гордым — бог противится, а смиренным — дарует свою милость». Так было с гордым императором Юлианом и отцом нашим Василием Великим. * Когда Юлиан хотел взять Кесарию во время похода на персов, отец наш Василий Великий, помолившись, собрал множество золота и послал Юлиану, чтобы великими дарами умиливать его. Но алчность Юлиана еще более разгорелась. Тогда господь послал воина Меркурия, * и, став во главе войска, Меркурий разбил Юлиана Отступника. Так вот ты теперь пошли золота Мамаю.

Великий князь Дмитрий Иванович выбрал послом верного слугу своего, разумного и бывалого Захария Тютчева, отправил его вместе с двумя толмачами, знавшими половецкий язык, к безбожному хану Мамаю с богатыми дарами.

Посол Захарий, дойдя до Рязанского княжества, узнал, что Олег Рязанский и Ольгерд Литовский заключили союз против Москвы с ханом Мамаем. Тотчас же послал он тайного вестника к великому князю Дмитрию Ивановичу.

Узнав об этом, встревожился князь Дмитрий Иванович. Со слезами, в горести стал он молиться: «Господи, боже мой! На тебя моя надежда, ибо ты всегда за правду. Когда иноверный враг великие пакости творит нам, мы терпим, зная, что от века дьявол враждует с нами. Но тут друзья мои, близкие мои поднялись против меня. Будь нам судьей, господи! Я им никакого зла не причинил, но любовью и дарами им угождал. Ты видишь правду, господи, и осудишь их, ты покараешь грешную их злобу!»

И снова пошел вместе с братом, Владимиром Андреевичем, к митрополиту Киприану, рассказать ему о недобрых вестях. И снова спросил его митрополит:

— Какие обиды сам-то ты нанес этим князьям?

До слез задел был этими словами митрополита князь Дмитрий Иванович:

— Перед богом я грешен, отец мой, но мира и дружбы с этими князьями, по заветам родителей своих, ни на волос не нарушил. Ты ведь знаешь, отец, что я доволен вотчинами моими. Какие же мне чинить им обиды? Не знаю, за что они озлобились на меня.

— Пусть будет сердце твое чисто, князь, и взор ясен, чти божий закон, не отступай от правды, ибо праведен бог и правду любит. Обступили тебя враги со всех сторон, как стоя псов, но во имя господне смело иди против них. От всевидящего ока господня и мощной руки его никто никогда не убежит!

Великий князь Дмитрий Иванович с братом Владимиром Андреевичем собрали воевод своих на совет и решили выставить против Мамая сильный заградительный отряд. Послали полк отборных удалцов во главе с Родионом Ржевским, Яковом Волосатым, Василием Тупиком и других славных витязей. Им дан был приказ закрепиться на берегу Тихой Сосны * и выслать разведчиков к лагерю ордынских татар, чтоб языков добыть и доподлинно узнать о планах Мамая.

А по всей Русской земле разослал великий князь гонцов собирать войска: «Всем изготовиться и выступить на войну с безбожными татарами, а сбор всему русскому войску — в Коломне ко дню Успения пресвятой богородицы».

Долго не было вестей из передового отряда. Тогда великий князь отправил второй отряд под командой Климентия Полянина, Григория Судока и других, приказав быстро вернуться с вестями. Недалеко отъехали они от Москвы, как встретили Василия Тупика, скакавшего к великому князю с языком. Пленник был из приближенных самого хана Мамая. Он рассказал великому князю, что хан, действительно, пошел в поход на Русскую землю, что заключили с ним союз князь Олег Рязанский

и Ольгерд Литовский. Но не спешит хан Мамай, он разбил свой стан в удобном месте и ждет осени.

Получив такие верные вести, великий князь быстро принялся готовить отпор врагу, всех увлекал за собою, бодрость внушал и брату Владимиру Андреевичу и другим князьям. На военном совете он так говорил:

— Братья мои, князья, гнездо великого Владимира Киевского! Он вывел нас из тьмы язычества и заповедал нам крепко беречь веру свою православную. Кто пострадает за веру — в будущей жизни со святыми возрадуется. И я вместе с вами хочу за православную веру голову сложить!

Князь Владимир Андреевич и все князья и воеводы ответили:

— Мы готовы, князь, умереть вместе с тобою, жизнь отдать за тебя и за твою великую обиду!

Радовался великий князь, видя, что и брат его, Владимир Андреевич, и другие князья полны мужества и смелости перед решительной битвой. И указал всем быть в Коломне, где со всей Руси собиралось великое ополчение, чтобы свести отряды в полки и назначить в каждом полку воеводу.

Пришли на оборону Москвы белозерские князья Федор Семенович и князь Семен, да князь Андрей Иванович Кемский, да князь Глеб Карголомский * со своими людьми. Хорошо они были снаряжены. Доспехи и шлемы блистали, переливаясь как волны морские. И привели белозерские князья тридцать тысяч своих воинов.

Пришли ярославские князья с войском своим — князь Андрей да князь Роман Прозоровские, да князь Лев Курбский, * да князь Дмитрий Ростовский, и еще многие другие князья.

По всей Москве, по всем улицам идут войска, стучат подковы, позвякивают доспехи, звенят конские сбруи. Несметная сила войска собралась к великому князю Дмитрию Ивановичу, познали все дворы, не уместились в Москве, стали станами вокруг Москвы.

Тогда пошел великий князь вместе с братом своим Владимиром Андреевичем и другими князьями в монастырь святой Троицы к праведному игумену Сергию Радонежскому * просить у него благословения. Игумен Сергей позвал его отслушать святую литургию; в тот день был праздник святых мучеников Флора и Лавра. После церковной службы игумен повел князей к монастырской трапезе. И во время этого угощения прискакал к великому князю вестник из сторожевого отряда, что татары снялись со становища и двинулись к Москве. Заторопился князь, стал прощаться с игуменом и просить его благословения. Игумен Сергей Радонежский еще раньше велел освятить воду у мощей Флора и Лавра; этой водой он окропил князя и всех

его воинов и дал великому князю крест Христов как свое знамение: «Иди на бой с именем божьим, господь будет тебе помощником и заступником. Знай: ты победишь врагов своих!»

Тогда попросил князь Андрей Иванович:

— Дстойный и праведный отец наш Сергей, дай нам из обители своей двух воинов — иноков Пересвета и брата его Ослябя, * тогда и ты сам будешь с нами в бою!

Игумен Сергей приказал Пересвету и Ослябе изготавиться к походу, — они были прославленные воины. И быстро снарядились иноки, вместо схимы надели на себя ратные доспехи, но поверх доспехов игумен Сергей надел на них кресты — оружие Христово — и передал их великому князю, сказав: «Вот и мои воители! Мужайтесь, братья, не щадите жизни за веру православную!» Потом благословил на битву всех воинов крестным знамением.

Никому не рассказывал князь Дмитрий Иванович, какую радость и веру в победу внушил ему праведный старец. Поскакали в Москву. Здесь вместе с братом Владимиром Андреевичем пошел он к митрополиту Киприану и наедине открыл ему предсказание Сергия Радонежского. Митрополит велел хранить в тайне слова праведного старца.

В четверг, в день святого Пимена, решил великий князь выступить в поход на татар. Перед выступлением он вместе с братом молился в Успенском соборе у иконы Иисуса Христа: «Страшный и могучий владыка, царь славы, помилуй нас! Когда приходит горе и уныние, нет у нас другого помощника, кроме тебя! Осуди тех, кто нам чинит обиды, оборони нас от нападающих! Со щитом и оружием приди на помощь мне, предай в руки мои противника, и узнают неверные славу твою!»

Потом пошел он к образу богородицы, написанному евангелистом Лукою, * и молился так: «Владычица мира, наша заступница, не дай язычникам на разорение города нашего, чтобы не осквернили твою святую церковь! Моли сына своего, господа нашего, смирить врагов, чтоб не взяла верх их сила! Одеждами своими покрой нас, чтобы не страшились мы ран и увечий. Иду в поход на окаянных печенегов, моли о нас сына своего, бога нашего!»

И у гроба Петра, митрополита московского и всей Руси, * помолился князь: «О чудотворец Петр, молись за нас! Ты последним ушел от нас к господа, моли его, чтобы не постигла нас рука смертная! Ты ведь охраняешь нас от противников!»

После молитвы поклонился великий князь митрополиту Киприану, принял от него благословение и крест Христов и вышел из храма. Митрополит послал всех священников к кремлевским воротам: Никольским, Фроловским и Константиновским, *

чтобы дать благословение всем воинам, выступающим в поход с великим князем.

И в Архангельский собор, * поклониться гробницам русских князей, зашел перед походом Дмитрий Иванович вместе с братом Владимиром Андреевичем. Он молился над гробами прародителей своих: «Вы были поборниками православной веры! Если послушает вас владыка наш, господь, молитесь его за нас. Видите, какая великая беда надвигается на наследие ваше; поднимитесь же на защиту его!»

Проститься с мужьями перед походом пришли великая княгиня Евдокия, и сноха ее, жена Владимира Андреевича, * и все другие княгини и боярыни. Горькие слезы проливали они, рыдания и вопли перед страшной разлукой вырывались при прощальном целовании, пока не ушли они вслед за великой княгиней в хоромы.

Только из-за народа, собравшегося на проводы, сдерживал князь Дмитрий Иванович свое горе, а сердце исходило слезами. Утешая любимую свою княгиню, говорил он ей:

— Если бог за нас, кто же устоит против нас!

Сел великий князь Дмитрий Иванович на боевого коня, вскочили все другие князья и воеводы, и пошло войско в поход. Солнце сияло на востоке — добрый путь предвещало. Через трое ворот Кремля выходили войска великого князя: через Фроловские, Никольские и Константиновские. А в воротах каждого воина окропили священники святой водою и осенили крестом. Выступили вслед за ними и князья белозерские со своими полками. Любо было смотреть, как они шли, блистая доспехами, красуясь воинской выучкой.

Владимира Андреевича с его дружиной великий князь отправил по Брашевской дороге, * белозерских князей — по Коломенской, мимо Симонова монастыря, * а сам Дмитрий Иванович со всеми силами своими пошел на Котел — по Серпуховской дороге; * впереди солнце сияет, а сзади легкий ветерок подувает. Разлучился тут Дмитрий Иванович с любимым братом — нельзя было одной дорогой идти такому множеству войска.

А княгиня Евдокия с княгиней Владимировой и другими княгинями и боярынями вышла на высокое крыльцо своего кремлевского терема * и увидела великого князя Дмитрия Ивановича на том берегу Москвы-реки, как ехал он по лугу во главе своих дружин. Горькие слезы очи заливают, а княгиня глядит — не наглядится, в несказанной тревоге. Ударяет себя в грудь княгиня Евдокия, из глубины сердца вырывается ее молитва: «Господи, владыка наш, человеколюбец! Дай мне за смирение мое увидеть еще раз государя и мужа моего, славного в народе нашем, великого князя всей Руси! Крепкой рукой твоей помоги ему победить лютых врагов! Не дай погибнуть нашим

князьям всем до единого, как было на Калке, * в страшном побоище с татарами! На милосердие твое надеемся! Два сына малых у меня, Василий да Георгий Дмитриевичи, * — не допусти, чтобы сожгло их полуденное светило, чтобы примучили их западные вихри. Верни им отца их поздорову, чтобы род наш царствовал веками!..»

В свой поход из Москвы великий князь взял десятерых купцов-сурожан * из заморских земель, чтобы разнесли они потом по всему свету сказание о битве русских с татарами. Не мешкая двигаются русские полки по всем широким дорогам во главе с великим князем, гон за гоним за собой оставляют, будто медвяные чаши пьют.

В Коломну пришел великий князь 28 августа, в день памяти Моисея Мурина. Собрались туда в это время все воеводы и князья со своими войсками, встретили они великого князя на речке Сиверке * под самой Коломной, а епископ коломенский Герасим * встретил его с молитвою в городских воротах, вышел крестным ходом с иконами и хоругвями, осенил его святым крестом.

На другой день утром велел воеводам великий князь выводить войска из города на Девичье поле. Приказал во все трубы трубить и в литавры бить. И построились русские полки на великом поле Коломенском. Не окинуть взглядом войска московского! Объехал полки великий князь Дмитрий Иванович с братом Владимиром Андреевичем, и радости и бодрости исполнилось его сердце. Назначил он каждому полку воеводу.

В свой большой полк он принял белозерских князей, правый полк поставил под начало брата своего, Владимира Андреевича, придав ему и дружины ярославских князей; левый полк поручил князю Глебу Брянскому, * — в передовой полк поставил воеводой князя Дмитрия Владимировича Холмского, * — в сторожевом полку начальником назначил Микулу Васильевича, * да Тимофея Вогуя, * да Ивана Родионовича Квашню-Углицкого. * А у князя Владимира Андреевича в полку воеводами поставлены были Андрей Серкизович, * Данило, * да Константин Конович, * да князь Федор Елецкий, * да князь Юрий Мещерский, да князь Андрей Муромский. *

После смотра и совета был дан приказ переправляться через Оку — идти навстречу ордам Мамай. И строго-настрого каждому полку и каждому воеводе и всем воинам запретил великий князь — идучи по Рязанской земле, чинить малейшую обиду крестьянам.

Переправившись за Оку, великий князь выслал вперед третий сторожевой отряд из отборных бойцов, чтобы завязали стычки с передовыми отрядами татар. Воеводой с ними пошел Семен Мелик.

Рядом с братом Владимиром Андреевичем ехал великий князь Дмитрий Иванович и говорил: «Поспешим в бой против безбожных татар, нельзя нам прятаться от нечестивых. Если суждена нам смерть, из одной чаши с тобой выпьем ее, как когда-то князья Борис и Глеб.* Пусть же станут теперь нам в помощь родичи наши Борис и Глеб, святые мученики!»

Дошли вести до князя Олега Рязанского, что московский великий князь собрал много войска, что идет навстречу безбожному хану Мамаю, что вместе с ним идут другие князья Русской земли. Встревожился Олег Рязанский, стал отводить свои дружины подальше от сближающихся противников. И спрашивал совета у своих бояр: «А не послать ли нам к мудрому Ольгерду Литовскому, спросить его, что он теперь замышляет? Я-то думал, что великий князь Дмитрий Иванович, как прежние князья, не посмеет против восточного царя обороняться. А сейчас понять не могу, откуда ему помощь пришла, как может он идти войной против нашего союза трех государей?» Ответили бояре: «Мы уж пятнадцать дней как узнали, князь, что великий прозорливец, инок Сергей, благословил и вооружил его на битву с татарами и дал ему своих монахов на подмогу».

Разгневался Олег на своих бояр: «Что же вы раньше мне об этом не сказали? Я бы пошел к хану Мамаю просить его, нечестивого, чтобы он злой замысел свой оставил. Горе мне, окаянному, теперь и вотчину свою я потерял и душу погубил! Как проклятого Святополка, земля меня пожрет* за то, что — сам православный — на православную веру ополчился вместе с безбожными татарами! Ольгерд Литовский — иноверец, он исповедует веру гнусавого Петра-апостола, а я крещеный христианин! Я и рад бы сейчас присоединиться к великому князю Дмитрию Ивановичу, да теперь не примет он меня, ведь узнал уж об измене моей!» Горько рассказывался Олег Рязанский: «Знаю, что бог поможет великому князю по молитве старца Сергия, московского чудотворца, ибо правда на его стороне!» И приказал казнить своих бояр, которые скрывали от него, что князь Дмитрий Иванович предпринял священную войну против татар.

А Ольгерд собрал литовские полки из многих уделов и двинулся на помощь Мамаю, как обещал по сговору с Олегом Рязанским. Дошел он до Одоева* и здесь получил вести, что Дмитрий Иванович, великий князь Московский, во главе великого воинства идет навстречу хану Мамаю, что Олег Рязанский побоялся выступить против московского ополчения. Тогда стал лагерем Ольгерд Литовский, не решаясь идти дальше. Тут понял он, что напрасно надеялся на легкую поживу, напрасно двинулся в поход, понял, что их тройственный союз распался, и овладела им скорбь и досада: «Когда человеку не хватает своего

разума, напрасно полагается он на чужую мудрость. Никогда Литва не брала примера с Рязани, а на этот раз Олег и меня попутал и сам пропал! Подожду я здесь, пока не придет весть о победе московского князя!»

Не таковы были сыновья его, князь Дмитрий Ольгердович Полоцкий и князь Андрей Ольгердович Брянский. * Когда услышал князь Андрей Ольгердович Брянский о великой беде, грозящей государству Московскому, послал он гонца к брату Дмитрию Ольгердовичу в Полоцк: «Знай, брат, что восточный царь, безбожный Мамай, идет несметной ордой на Русскую землю. И отец наш, великий князь Ольгерд Литовский, в союзе с безбожными ополчился против православных. А мы с тобою, приняв святое крещение, единоверны с ними. * Отец отверг нас за отход от его веры, но господь принял нас под защиту и дал нам евангельский закон: с другом в беде все тяготы делите, — так выполните Христову заповедь. Соберем же теперь все воинские силы и пойдем на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому. Если и доведется жизнь отдать за веру православную, за обиду Русской земле, так выпьем одну чашу смертную с великим князем Дмитрием Ивановичем!»

Дмитрий Ольгердович плакал, читая послание брата, и молился: «Владыка наш, человеколюбец, дай рабам твоим исполнить волю твою. Вразумил ты брата моего на подвиг!»

Вскоре соединились войска Ольгердовичей в Брянске, и оттуда пошли они на помощь * великому князю Московскому. Пролагая путь брянскими лесами, чтобы обойти лагерь отца своего, чтобы не запретил им страшной клятвой идти дальше, узнали они от одного бортника, что князь Дмитрий Иванович разбил стан недалеко от Дона, поджидает Мамай. Хорошие проводники, с помощью божьей, скоро вывели их из Северских лесов к Дону, к станам великого князя Московского. А стоял князь Дмитрий Иванович не доезжая Дона, у города Березуй. *

Узнав о подходе новых сил с литовскими князьями Ольгердовичами, великий князь Дмитрий Иванович вместе с братом Владимиром Андреевичем поскакал встречать их и говорил в большой радости:

— Неизреченна твоя милость, Создатель! Вот дети отца своего покинули, чтобы прийти к нам на помощь!

Он обнимал и целовал Ольгердовичей, награждал их великими дарами и сказал им:

— Милые братья! Какая нужда была вам идти сюда! Я понимаю, что не ради меня вы пришли, сам господь послал вас на этот подвиг, как в древние времена Авраама, чтобы вызвать Лота из рук врагов! *

На радость задал великий князь большой пир в шатрах и отправил вестника в Москву к митрополиту Киприану и вели-

кой княгине Евдокии, что подоспели к нам на помощь литовские князья Ольгердовичи с большими силами, а за отцом не пошли!

Митрополит Киприан прослезился и встал на молитву: «Слава господу человеколюбцу! Вот уж бурные, противные нам ветры утихают, погода на ясную переменялась!» И приказал во всех соборах и монастырях день и ночь молиться, а чернецам поститься и молебны петь.

Остановился великий князь со всеми войсками своими у Березуя, за двадцать поприщ * до Дона, ожидая разведчиков из степи. В день памяти убиения князя Глеба Владимировича, 5 сентября, прискакали из степи два лазутчика, Петр Горский да Карп Алексеев, привели языка — из придворных хана. Пленный рассказал, что сейчас хан стоит лагерем у Кузьмина брода, дожидается союзников своих — Олега Рязанского и Ольгерда Литовского. А о московском ополчении хан ничего не знает и к встрече с противниками не готовится. Спросил его великий князь, сколько силы у хана. Пленный сказал:

— Никому не счесть сил ханских, пришло их многое множество. А будет хан к Дону через три дня!

Стал совет держать Дмитрий Иванович с братом Владимиром Андреевичем и литовскими князьями Ольгердовичами: «Здесь ли нам ждать Мамаю или за Дон переправляться?» Сказали Ольгердовичи: «Если хочешь, государь, чтобы войска крепко стояли, то переправляйся через Дон, там никто уж не подумает об отступлении, но общую чашу все заодно будем пить! В давние годы, государь, князь Ярослав победил Святополка, * когда переправился через разделявший два стана Днепр; великий Александр Невский разгромил шведского короля, с похвалюбою пришедшего на Русскую землю, когда переправился через Ижору. * И тебе, великий князь, надо последовать их примеру. Победим татар — великую честь добудем, а погибнем — так уж вместе, одну смертную чашу будем пить — все, от князя и до простых ратников».

Согласился Дмитрий Иванович и велел переправляться через Дон, а на переправе приказал сосчитать все свои войска. Доложил ему московский большой боярин, князь Федор Семенович Висковатый:

— У тебя, государь, в твоем большом полку войска семьдесят тысяч.

Доложил князь Владимир Андреевич:

— В правом полку твоём, под моей командой, — сорок тысяч ратных.

Воевода левого полка, князь Глеб Брянский, говорит:

— У меня, государь, в полку — тридцать тысяч.

Сторожевого полка воеводы, Микула Васильевич, да Тимофей Волуй, да Иван Родионович Квашня-Углицкий, сказали:

— У нас, государь, в полку тридцать четыре тысячи.

Передового полка воевода, князь Дмитрий Владимирович Холмский, говорит:

— У меня, государь, в полку двадцать пять тысяч, да еще в дозорах лучших дворян московских и выборных голов от посада — двадцать тысяч.

А с литовскими Ольгердовичами пришло войска тридцать тысяч. Да еще мелких людишек в обозе и в службе всему войску — двадцать тысяч. Да в тот же день еще прибыли посадники новгородские, Яков Иванович Зензин да Тимофей Константинович Микулин, на помощь великому князю Дмитрию Ивановичу, привели они новгородскую дружину, тридцать тысяч человек — и князей, и бояр, и простых людей.* Радовался великий князь, благодарил и целовал посадников:

— Достойны вы чести предков — в такой большой беде пришли к нам с подмогой!

Один за другим неслись из степи разведчики; всё ближе подходят орды Мамай! Приводят еще языков, и те говорят, что у хана восемьсот тысяч войска.

За много дней до сражения понабежали к полю Куликову стаи волков, следом за войском подвигались они и завывали ночью и днем. Слетелись станицы воронья и галочья, оглашая граем своим поля. С устья Дона налетели орлы, грозным клекотом предвещая великую битву, когда поле покроется трупами и кровь потечет как воды морские. От страха и великой беды деревья к земле приклоняются и степной ковыль по земле стелется. Приуныли и люди в полках от этих грозных предвестий, думая о смертном часе. А дозорные скачут один за другим, — татары совсем уж близко.

Путру в шестом часу 7 сентября прискакал Семен Мелик со своим сторожевым полком. За ними вслед гнались татары, и так неосторожно гнались, что ворвались в середину русских полков, сшиблись с ними и едва вырвались назад. Поскакали на ближний курган и оттуда стали смотреть на русские полки. И показалось им, что русских войск бесчисленное множество: идут в доспехах, сверкая, колышась, как волны морские. Во весь опор помчались они к хану Мамаю и рассказали, что ополчились на него русские князья, что пришли биться с ним на Дон — и нет числа их силам.

Слыша это, хан Мамай пришел в неистовую ярость, подстрекаемый дьяволом, и стал кричать: «Разве меньше силы у меня? А если войска мои их не одолеют, как же вернуться мне в Золотую Орду?..» Он приказал поскорей поднять весь

лагерь, приготовить войска к бою. «Ах, кабы мог, на этом месте перебил бы я всех христиан!»

А Семен Мелик рассказал великому князю Дмитрию Ивановичу: «Хан Мамай дошел уже до Гусиного брода, за ночь татары дойдут до Непрядвы-реки. * Надо тебе, великий князь, изготавиться к битве!»

С того же шестого часа начал князь Дмитрий Иванович с братом Владимиром Андреевичем и литовскими Ольгердовичами строить свои полки в боевой порядок. Пришел к великому князю с литовскими князьями очень искусный полководец Дмитрий Боброк-Волынец. * Он указал наилучшее размещение для нашего войска и как каждому полку вести бой.

Тогда выехали князья Дмитрий Иванович, Владимир Андреевич и Ольгердовичи на высокий курган и увидели ход своих полков: знамена полощутся на ветру, флаги то шумно треплются, словно застилая войска облаками, то тихо развеваются, опадая. Стальные доспехи колышутся, как волны в безбрежном море, а шлемы на головах сверкают, будто заря золотая над ними восходит в погожий день, красные яловцы на шлемах полыхают огнем. Грозен вид великой русской рати, на диво снаряжена она, и все друг за друга готовы умереть. Дай, боже, нашему православному князю победу над язычниками!

Дивились литовские князья: «Не видали мы еще такого несметного войска и не слыхали о подобном, да и после нас не бывать такой рати! Разве только у Александра Македонского могла быть такая сила!»

Великий князь спустился к своему полку, сошел с коня перед его черным знаменем с вышитым образом Спаса, пал перед ним наземь и стал молиться: «Обрати всевидящие очи твои, владыка, на нас, тобою созданных, твоею кровью из рабства искупленных! Видишь, какую обиду и пакость творят нам нечестивые? Призываю тебя и пречистую богородицу, Петра-митрополита, неборимого нашего заступника, и праведного старца Сергия, на их молитвы надеюсь, — с нами имя твое святое!»

Потом объехал полки и говорил боярам, воеводам и всем своим воинам: «Братья мои милые, большие и малые! Ночь наступила, и грозный день приближается. Мужайтесь, крепитесь духом, силен в битвах господь наш! Оставляйтесь все на своих местах, как расставлены были засветло, утром нам уж некогда будет строиться, гости наши совсем близко, за Непрядвой идут. Завтра доведется нам общую чашу пить — и каждому свою чару. Надейтесь на бога, забудьте обиды и простите меня в этой жизни и в будущей: никто не знает, что будет с нами!»

Со всеми воеводами и боярами, со всеми поместными князьями простился он конечным целованием и с братом простился,

с Владимиром Андреевичем, отпуская его в засаду — вверх по Дону в темную дубраву.* А в засадный полк пошло войска сорок тысяч. Приказал им неслышно идти и хорошо укрыться там. К ним же назначил и лучшего воеводу — Дмитрия Во-лынца.

Эта ночь — под праздник Рождества богородицы — была тихая и теплая. Дмитрий Волынец позвал князя: «Садись, государь, на коня!» И выехали они в степь в самую полночь, остановились между двух войск, русского и татарского. Повернулись к татарскому стану: услышали крики, шум и стук телег, будто с ярмарки народ разъезжается, — а позади стана грозно за-ывают волки; по правой руке вороний грай и орлиный клекот, — по реке Непрядве гуси и лебеди кличут и крыльями по-лощут, как перед большой грозой. Спросил Волынец:

— Что слышишь, государь?

— Слышу, идет гроза великая, а над полками своими, ви-жу, огненная заря занимается.

— Хорошее предвестье, государь! — сказал Волынец.

Тогда соскочил с коня Волынец и припал к земле правым ухом; долго слушал он, а поднявшись, поник головою.

— Что говорят твои приметы, воевода? — спросил великий князь.

Молчал Боброк-Волынец. Но заставил его говорить великий князь.

— Хорошо, расскажу, государь! Одно предвестье доброе, другое — прискорбно. Слышал я, плачет земля надвое: одна сторона плачет, как старая мать над детьми, а приговаривает басурманским языком; другая сторона — как девица плачет, тонко так выводит, как свирель жалобная. Разумею я всякие приметы. Разбиты будут татары, но многие падут христиане. Будет твоя рука высока, государь. Но никому в полках этой тайны нельзя открывать!

Горестно поник тогда великий князь: «Да будет воля божья!»

В ту же ночь видел знамение один воин, по имени Фома-разбойник. Стоял он в дозоре далеко от русского стана. И уви-дел на востоке неба — поднялись с зарею будто огненные полки, а с южной стороны из облака будто вышли два юноши светлоликие с острыми мечами. И подошли они к татарским пол-кам, спросили полковников: «Кто вам велел разорять отечество наше? Эти города поставлены еще при наших прадедах!» И на-чали рубить татар — всех посекли, ни один не спасся. Поверил этому видению разбойник. Вернувшись из дозора, пришел он к великому князю и рассказал о своем видении. И приказал князь никому об этом не рассказывать. На утренней заре вы-шел помолиться великий князь:

«Помоги мне, господи, услышь молитву святых мучеников! Дай победить, как Моисею — Аммалика, как Ярославу — Святополка, как прадеду моему Александру Невскому — шведского хвастливого короля! * Не дай нас сегодня врагам на поражение, чтобы не говорили, ликуя: „Где же бог ваш?“ Помоги нам прославить имя твое!»

На восходе солнца мгла и туман скрыли полки. Но вот показались из тумана знамена русские, заиграли всюду наши трубы. От звука боевых труб заиграла сила и в русских конях. Не спеша выступали русские полки — каждый под своим знаменем, молча, без суеты, словно идут медовые чары пить. Во втором часу с обеих сторон загревели трубы наперебой. Вот замолкли татарские трубы, а наши всё громче заливаются. Не видят еще противники друг друга, такой сильный туман стоит. Под тяжестью войска прогибается поле Куликово, * выступают из берегов степные реки, — никогда не бывало в этом поле такого множества людей.

Надел великий князь булатные доспехи, сел на боевого коня и стал объезжать полки, ободряя их к бою:

«Милые братья, бояре, воеводы, князья и все ратные люди! Идите на подвиг за веру, за церкви божьи, и не будет вам смерти, но жизнь вечная, забудьте земные заботы, крепите себя венцом победы!»

В это время принесли ему грамоту праведного старца, игумена Сергия: «Великому князю Дмитрию Ивановичу и Владимиру Андреевичу, воеводам, боярам и всему православному войску: от старца Сергия мир вам и благословение!» Обрадовался князь этой грамоте и поцеловал посланника, а тот передал ему от игумена хлебца.

— Святая богородица, помоги нам молитвами старца Сергия! — воскликнул князь, поднял копье свое, взмахнул палицей железною и поехал впереди полка, чтобы первым начать бой за свою великую обиду.

Окружили его князья и бояре, удерживая такими речами:

— Не подобает великому князю самому биться! Тебе, государь, подобает стоять на одном месте, молить бога и смотреть, как мы службу несем, чтобы знать, кому за службу какую награду дать. Мы, слуги твои, рады головы за тебя сложить. А если мы будем живы, а тебя, государя, не будет, от кого же нам честь принять? Разбежимся тогда, как овцы от волков без пастыря...

Со слезами ответил им Дмитрий Иванович:

— Братья мои, сыны русские! Я хочу раньше вас голову свою сложить от горести душевной и за свою великую обиду. Если умру — с вами умру, если жив останусь — с вами же!

Тогда вернулся великий князь к своему знамени, переменял коня и снял свое оплечье, другое надел. А коня своего и оплечье дал князю Михаилу Андреевичу Бренку и повелел хоругвь свою над ним возить; любил он Бренка больше всех. Под знаменем великого князя и был убит князь Михаил.

А сам Дмитрий Иванович стал в строй среди рядовых воинов своего полка. Коснулся он рукой нагрудного своего креста и помолился: «Надеюсь на тебя, господи, покажи на мне, рабе твоём, милость свою!»

Передовой полк князя Дмитрия Владимировича Холмского пошел на татар. Левый полк князя Глеба Брянского тоже двинулся на врага.

А безбожный хан Мамай с тремя ордынскими князьями вышел на курган и наблюдал оттуда сражение. Татарские полчища идут как темные леса, и нету им простора, где развернуться, сами от своей тесноты задыхаются.

Вышел из татарского полка печенег исполинского роста, подобный древнему Голиафу.* А из нашего передового полка вышел троицкий старец Пересвет. На голове у него схима вместо шлема, в руках — крест вместо оружия. И сказал Пересвет:

— Этот басурман ищет себе противника, я буду биться с ним! Отец Сергей, моли бога за меня! А вы, братья, простите меня! Молись за меня, Ослябя!

Поскакал он навстречу печенежскому богатырю, сшиблись в страшной схватке, едва под ними земля не провалилась, и пали с коней оба замертво.

В третьем часу дня русские полки — передовой полк, и левый полк, и сторожевой полк — сошлись с противником. «С нами бог, помоги нам на врагов наших!» — кричали они и яростно бились с татарами. Бились оружием, а ломалось оружие, — в смертельной схватке бились врукопашную.

Великий князь Дмитрий Иванович не мог видеть, как побивают татары наших, двинул свой большой полк в сражение. И уж все его полки, кроме засадного полка князя Владимира Андреевича, ввязались в бой. Сверканье мечей слепило глаза как сияние солнца, треск оружия оглушал как гром, в страшной тесноте задыхались бойцы. Поперек поле Куликово — тридцать верст, в длину поле Куликово — сорок верст, — и на том поле не вместились никак, на том поле войскам стало тесно! Могучие рати сошлись на этом поле, не видано такого побоища: в один час погибли многие тысячи! Потекли кровавые ручьи, набежали целые озера крови. Прогибалось от тяжести войск поле Куликово, и реки вышли из берегов.

В шестом часу — божим попусшением за наши грехи — начали татары одолевать нас. Сыны русские как трава под копытами поганных землю устилали. Самого великого князя тяжело

ранили, и, горько скорбя, ушел он на правый склон горы. Татарские полки всё прибывали, со всех сторон обступали русских, а наши полки таяли.

Увидел это князь Владимир Андреевич из засады и говорит Волюнцу:

— Какая же польза в нашем стоянии, Дмитрий? Скоро некому будет и ждать нашей помощи!

Ответил Волюнец:

— Еще не пришел наш час, господин мой! Подождем немного, а придет время — отомстим врагам: семью головами за одну нам заплатят!..

Слезы текли у Владимира Андреевича: «Боже, сотворивший небо и землю, не дай врагам нашим торжества. Малость покарав нас, много помилуй!»

Воины Владимировы плакали, видя, как гибли друзья их под саблями татарскими, так и рвались в бой, как на пир, чтобы сладкого вина испить. Но Волюнец запрещал им:

— Подождите еще немного, есть еще с кем биться, есть над кем потешиться!

Настал восьмой час, и — милостью божьей — подул ветер нашей засаде из-за спины. Тогда Волюнец громко вскричал:

— Государь, князь Владимир Андреевич, пришло наше время!

Князь Владимир Андреевич взглянул на образ архистратига Михаила, что вышит на его знамени, поднял копье и кликнул клич:

— Братья мои и друзья! Князья, бояре и все русские воины! За мной на врага!

И ринулись из зеленой дубравы, как соколы с золотых колодок на журавлиное стадо. Понеслись наши витязи за своим воеводой и кинулись на татар как на стадо овец, рубили и косили их, как траву косари.

А татары, увидев свежие полки, кричали:

— Горе, горе нам! Перехитрили нас русские: меньшие с нами бились, а старшие бойцы в лесу таились!

Русские гнали и рубили татар, побеждая силою своего духа и помощью мучеников Бориса и Глеба; под русскими мечами клонились татарские головы, как лес от налетевшей бури. Бежали татары, вопили:

— Горе нам! Горе тебе, Мамай! Вознесся до небес, низвергнешься на дно ада!

Увидел Мамай, что побеждают его, и стал звать на помощь Перуна и Сафата, Хорса и Раклея, и великого пособника Магомета,* но не было ему помощи от них. Сила святого духа как огнем палила татарские полки; притупились их мечи, ни один не находит спасенья.

Увидев свежие полки, понял Мамай свое поражение, вскочил на коня и с четырьмя ордынскими князьями усакал в степь. Долго гнались за ним русские, но кони были измучены в бою, и вернулись они назад.

Тогда князь Владимир Андреевич стал под большим черным знаменем и велел трубить сбор. И понемногу стали стекаться под знамена своих полков русские воины со всех концов страшного побоища. Ехали и пели стихи мученические и богородичные.

Но не видит нигде князь Владимир Андреевич великого князя всей Руси, Дмитрия Ивановича. Вот подъехали невредимыми литовские князья Ольгердовичи. А великого князя нет и нет. Подождали еще малое время, — не едет и не едет великий князь. Горькими слезами заплакал Владимир Андреевич и стал объезжать все полки, не находя его: «Где наш победитель и пастырь овец своих? Братья мои милые, кто увидит его или услышит его голос, тот первым человеком будет у меня!»

Сказали литовские князья Ольгердовичи:

— Мы уверены, что жив великий князь! Надо искать его там, где много трупов.

Сказал Борис Углицкой:

— Я видел великого князя в пятом часу: он яростно бился своей палицей.

Подъехал князь Михайло Иванович Байков:

— Я видел великого князя в шестом часу: он бился с четырьмя татарами.

Сказал князь Степан Новосильский:

— Я видел его перед самым твоим приходом, Владимир Андреевич, — он шел пеши, тяжело раненный.*

Тогда все князья, и бояре, и молодые воины, кто жив остался, разошлись во все стороны искать великого князя на страшном поле битвы. Вот подъехали к убитому Михаилу Андреевичу Бренку — в оплечье великого князя и в его шлеме. Тут же близко и павший белозерский князь, Федор Семенович. Был Бренко похож на Дмитрия Ивановича, и приняли его, видно, за великого князя.

В это время два воина, костромичи родом, Федор Сабур да Григорий Холопищев,* спускаясь с горы к речке, увидели государя своего, великого князя Дмитрия Ивановича. Лежал он под иссеченным деревом, под березою, будто отдыхая. Сошли они с коней, поклонились государю своему, а он и не чует. Вскочил тогда Сабур на коня, оставив Григория с князем, и поскакал к Владимиру Андреевичу сказать, что государь наш, великий князь Дмитрий Иванович, жив.

Князь Владимир Андреевич и все остальные князья и бояре, услышав радостную весть, поспешили туда и, подъехав, пали к ногам его, говоря:

— Радуйся, государь, ты — как древний Ярослав, ты — новый Александр, победитель врагов!

Но великий князь Дмитрий Иванович едва мог вымолвить: — О чем вы говорите?

Склонился к нему Владимир Андреевич:

— По милости божьей и пречистой богородицы, помощью сродников наших Бориса и Глеба, молитвами святителя Петра и поборника нашего, игумена Сергия, — враги побеждены, а мы спасены!

Выслушав это, поднялся великий князь:

— Сей день послал нам господь, порадуемся! Велик наш бог, и дивны дела его! Хвалю и почитаю имя твое, что не дал ты язычникам торжества, но осудил восставших на меня. Всегда надежда моя на тебя!

Подвели ему коня, посадили, и поехал он по полю битвы. Видит побитое свое войско и вчетверо больше побитых татар. Обернулся великий князь к Волинцу и молвил:

— Не ложны были твои приметы. Надо тебе всегда полководцем быть!

И чем дальше ехали они по страшному побоищу, тем горестнее слезы омывали их лица.

На поле Куликовом не было пустого места, все поле было покрыто человеческими телами, нашими христианскими, и в семь раз больше — побитыми татарами. Стекала кровь потоками, собиралась лужами. Едут князья — видят: восемь князей Белозерских лежат, а неподалеку углицкий князь Роман Давыдович и четыре его сына: Иван и Владимир, Святослав и Яков Романовичи лежат все в одном месте. Заплакал великий князь:

— Смотрите, братья, друг за друга эти князья стояли и все за веру православную головы сложили, все заодно!

Потом подъехали к убитому Михаилу Васильевичу, там пять Ярославских князей и четыре князя Дорогобужских, а вон лежит Глеб Иванович Брянский да Тимофей Волуй, а с ними дворецкий его, Иван Кожухов, весь на куски изрублен. Остановился над ними великий князь, заговорил к ним:

— Братья милые, князья, бояре и воины русские! Сегодня отдали вы жизнь за веру христианскую и за мою великую обиду. Теперь смело стойте вы пред богом, молитесь его о нас!

Едут дале, и увидел великий князь любимца своего, Михаила Андреевича Бренка, а вблизи его и надежного своего хранителя — воеводу сторожевого полка, Семена Мелика:

— А вас, побратимы мои, вместо меня убили, за то, что похожи вы были лицом на меня!

Подъехали и к месту богатырского поединка: лежит троицкий монах Пересвет, из рук не выпустил своего печенега.

— От этого исполина-печенега всем бы нам смерть при-

нять, — сказал Дмитрий Иванович, — но по милости божией против него выстоял наш богатырь!

Когда подъехали к убитым Ивану Родионовичу Квашне да Андрею Серкизовичу, горько заплакал князь Владимир Андреевич и рассказал великому князю:

— Четыре татарина налетели на меня с мечами, но божьею милостью подоспели Иван Родионович Квашня да Андрей Серкизович, переняли меня от татар, бились с ними удалым боем, тут и головы сложили, а меня спасли!

И приказал он поднять тела их, обмыть и нарядить в белые атласные одежды, положить в гробы и отвезти в их вотчины, к женам и детям.

Потом увидели павшего воеводу Данилу Белоусова и Константина Кононовича, дальше — новгородских посадников Тимофея Константиновича Микулина и Якова Зензина, а вокруг них — семьсот новгородских выборных дворян. И над ними тушил великий князь:

— Любимые мои братья! Не приказывал я вам, по доброй воле приехали вы ко мне, когда увидели меня в большой беде, и жизни своей не пощадили!

Объехав поле, поднялся князь на высокое место, стал под своим черным знаменем и велел во все трубы и во все концы победный сбор трубить. На этот трубный клич съехались, подошли и все остальные князья и бояре со своими людьми, кто уцелел в этой страшной битве: «Здравствуй, государь наш, великий князь Дмитрий Иванович!»

А когда подошли последние, сказал всем великий князь:

— Братья милые, князья и бояре русские! Вам судил бог еще мне служить, а мне велит на великом княжении быть, всех я вас по достоинству за службу пожалую, а теперь должны мы похоронить убитых своих, чтобы хищные звери их не растерзали! — И приказал разбирать на побоище трупы: своих выбирать из множества татарских.

Двенадцать дней стоял на Дону великий князь, пока не собрали все тела христиан: убитых князей, бояр и дворян велел он везти на Русь — каждого в дом свой. А остальных павших велел хоронить в больших братских могилах. Копали могилы глубокие на высоких местах, выкопали триста тридцать братских могил и сложили в них по обряду, с почестями всех погибших. А над могилами насыпали высокие бугры.

Когда похоронили всех православных, встал над могилами великий князь и так горестно прощался с ними: «Славные Русской земли сыны, милые мои братья! Между Доном и Непрядвой-рекою, на поле Куликовом судьбу свою нашли вы! За веру православную головы положили! Прощайте же и простите нас в этой жизни и в будущей!»

А с поганных татар поснимали доспехи и наряды, собрали их золото, серебро и оружие, собрали и конскую сбрую, а тела их на съедение псам и зверю пометали.

Вернувшись к своим шатрам, великий князь приказал воеводам своим и боярам сосчитать, сколько убито на поле Куликовом православных воинов, сколько князей, бояр, воевод, — и сколько осталось. Еще четыре дня считали воеводы и бояре потери своих полков и сосчитали всех, кто остался. Докладывал, стоя перед своим государем, большой московский боярин, князь Михайло Александрович Воронцов:

— Убито, государь, сорок бояр московских, да двенадцать князей московских, да два посадника новгородских. Убито поместных князей и бояр, выборных дворян и воевод твоей русской вотчины, и Великого Новгорода, и всего православного воинства, и литовских людей, что пришли с Ольгердовичами, — всего двести пятьдесят тысяч, в живых осталось после страшной битвы пятьдесят тысяч. А татар поганных побито восемьсот тысяч, только безбожный хан Мамай с четырьмя ордынскими князьями убежал в Орду, да там и убили его свои же, такой бесславный нашел конец! *

Сочли свои силы и литовские князья Ольгердовичи: из тех, кто с ними пришел, пало двадцать пять тысяч, а осталось только пять тысяч.

Великий князь Дмитрий Иванович с братом Владимиром Андреевичем дали литовским князьям множество щедрых даров и, братски их поцеловав, отпустили с честью в их вотчины.

Потом и сам великий князь с братом, со всеми князьями и боярами поехали с поля Куликова к сильному Московскому государству.

Как услышал Ольгерд Литовский, что князь Московский разгромил полчища безбожного и хвастливого Мамай, вернулся он в Литву со срамом великим. И Олег Рязанский постыдно жизнь свою кончил: * кто другому яму роет, тот сам в нее попадает.

Когда дошло русское войско до Рязанской земли и узнал великий князь о постыдной кончине Олега, о том, что бояре его разбежались по чужим землям, сказал Дмитрий Иванович: «Суди его бог по правде своей за его великую злобу! Я ему никакого зла не чинил». И не отнял земли у его княгини, не взял ни одной десятины.

С великой славой вернулся Дмитрий Иванович на великое княжение в Москву. Митрополит Киприан со всем собором большим крестным ходом встретил князя далеко за городом, у Котлов. Дал он князю крест целовать и сказал:

— Этим знамением победил ты врагов своих! Царствуй теперь, государь, великий князь Дмитрий Иванович!

Во Фроловских воротах Кремля встретила Дмитрия Ивановича великая княгиня Евдокия со снохою своею, Владимира Андреевича княгинею, и со всеми другими княгинями, боярынями и воеводскими женами. В радостных слезах сначала и слова не могла вымолвить княгиня Евдокия, потом целовала великого князя и привечала:

— Здравствуй, государь мой, победитель врагов своих!
И все княгини и боярыни целовали дорогих мужей своих.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

При переводе «Сказания о Мамаевом побоище» я сделал перестановку двух небольших разделов текста, в которых речь идет о переодевании великого князя Дмитрия Ивановича перед битвой. Оригинальный текст повести издан без всяких изменений, и потому читатель легко может сравнить логику композиции повествования в издаваемом списке и в моем переводе. Считаю необходимым упростить эту задачу несколькими своими пояснениями.

Рассказ о переодевании перед боем всегда казался мне немотивированным или ложно мотивированным. Он бросал какую-то постыдную тень на великого князя Дмитрия Ивановича: великий князь, объехав полки, произнеса ободряющую патетическую речь, сразу вслед за этим переодевается: сам скрывается под одеждой простого воина, а приметные свои доспехи и великокняжескую «приволюку» (плащ) заставляет надеть своего лучшего друга, князя Михаила Андреевича Бренка, да еще велит, чтоб над тем в бою было общевоинское, самое приметное, черное знамя. Тут же повествователь добавляет, что под этим знаменем князя Бренка и убили [приписка?]. Затем великий князь получает письмо от игумена Сергия, идет в бой, его возвращают другие князья и бояре, наставляя, и т. д.

Другой смысл приобретают смещенные и разрозненные тут детали рассказа, если сделать предлагаемую мною перестановку. Образ великого князя Дмитрия Ивановича приобретает тогда новые, живые черты.

В своих доспехах и приволоке великий князь Дмитрий Иванович объехал полки, воодушевляя их к бою. Потом вернулся в свой большой полк. Здесь получил ободряющее послание игумена Сергия и, полный веры в победу, поднял копье, — выехал вперед, начинает бой. Ближние бояре и князья окружают его, задерживают и наставляют, что великий князь не должен участвовать в бою, он должен стоять в стороне и наблюдать, верно ли и как служат ему его вассалы. Князь отвечает речью: «Я хочу голову сложить за обиду свою! Вместе умрем или вместе останемся в живых!..» И только после этого, *уступая требованию князей*, чтобы все видели над собой великого князя — вне боя, — он, возвратившись, переодевается и поручает свою роль и свое место, отдает свои доспехи и приволоку любимому другу, князю Бренку, велит держать над ним знамя, то есть усиленно охранять его. А сам *идет в бой не во главе, а в рядах пехоты, то есть в наиболее*

трудных и опасных условиях. Сразу после этого сказано, что Мамай со свитой въехал на курган на татарской стороне и оттуда до конца битвы наблюдал за ее ходом, потом бежал, покинув всех. Это подчеркивает глубокий смысл и благородство решения великого князя Дмитрия не оставаться в стороне от битвы. После боя ищут великого князя. Очевидцы рассказывают, как отважно он бился своею палицей среди пехотинцев, как, тяжело раненный, пеший выходил из боя. Его находят в полузабытьи под изрубленной березой. Потом князь объезжает поле и находит убитых князя Михаила Бренка рядом со своим самым надежным телохранителем — Семеном Меликом.

Такой ход изложения, думается, был первоначальным в этой героической повести, возвеличивающей Дмитрия Донского.

ПОВЕСТЬ О МОСКОВСКОМ ВЗЯТИИ ОТ ЦАРЯ ТОХТАМЫША

В 1382 году царь Тохтамыш послал татарское войско на Волгу, велел захватить речные караваны русских купцов, людей побивать, а суда брать для переправы его полчищ, да чтобы не дошла о том весть до Москвы. Потом двинул к Волге все свои силы, переправился на нашу сторону и пошел набегом по Русской земле.

Проведал об этом князь Дмитрий Константинович Суздальский * и поспешил послать к Тохтамышу двух своих сыновей, Василия и Семена. * Когда они прибыли в Орду, хан ушел уже на Русь, и молодые князья едва догнали его на Рязанской земле, так быстро он подвигался.

Князь Олег Рязанский * встретил хана у рубежей своего княжества, повел его окольными дорогами и броды ему показал на Оке.

Подали весть о набеге Тохтамыша и великому князю Дмитрию Ивановичу * верные ему христиане, жившие в татарских улусах, чтобы там нести разведочную службу своему князю. Объявил великий князь Дмитрий Иванович военный сбор и выступил из Москвы, чтобы встретить татар. Но начались раздоры между князьями: одни хотели идти против татар, другие отказывались; ведь много князей и бояр недавно было побито татарами на Дону, * а хан шел теперь на Русь с огромными полчищами, был уже недалеко от Москвы, некогда было собрать все силы к битве.

Не сумел князь надумать, как остановить врагов, а они уже совсем близко, и пошел он со своим войском за Волгу, в свой город Кострому.

Тогда началась в Москве великая смута, весь город надвое разделился: одни хотели покинуть город, спасаясь от татар, другие решили в осаде сидеть. Когда разгорелся мятеж, ударили в набат и собрали всенародное вече, а на всех воротах держали

заставы. М'ятежники и изменники рвались вон из города, но воротные караулы не только не выпускали их, а еще отбирали все их пожитки, что те хотели увезти с собою. Когда испуганные смутой великие бояре и митрополит* задумали выехать из Москвы, то и тех не побоялись, перед митрополитом не смутились, караулы задержали их в воротах, обнажив оружие, а с надворотных башен стали камнем метать.

Едва умолили их выпустить из Москвы митрополита, но всю его свиту ограбили и проводили их угрозами, как изменников. Тогда приехал в Москву внук литовского князя Ольгерда — князь Остей;* он укрепил город, устроил оборону и затворился в Москве со множеством народа.

Хан Тохтамыш после переправы через Оку взял Серпухов, сжег его и пошел к Москве. 23 августа подошли к Москве передовые отряды и стали выведывать, есть ли в городе великий князь. Им сказали, что нет его. Скакали они вокруг города, разведывали, разглядывали и скрылись. Наутро подошли главные силы Тохтамыша. Обложили они город со всех сторон, начали обстреливать его. Летели татарские стрелы дождем. Москвичи отстреливались и побивали их камнем, но скоро татары согнали защитников со стен, так как крепостные стены Москвы тогда были еще низкими.* Начали татары штурмовать город, подставляя лестницы к стенам. Но у защитников давно кипели котлы, и они поливали татар кипятком, били из малых и больших пушек, стреляли из самострелов. Купец московский, суконник Адам,* с Фроловских ворот* пустил меткую стрелу в одного из славных князей ордынских и убил его наповал. Великую печаль причинил он Тохтамышу и всем князьям его.

Три дня вел осаду Тохтамыш, много штурмов отбили горожане. А на четвертый день он обманул их начальника, князя Остея. Приехали к стенам Москвы в самый полдень все князья ордынские и с ними шурья великого князя, Василий да Семен Дмитриевичи, дети суздальского князя. По повелению Тохтамыша держали они такую речь:

— Хан Тохтамыш жалеет вас, людей своих. На вас никакой вины нет, и не грозит вам смерть. Пришли мы войной на великого князя, а от вас только и требует хан, чтобы вы вышли с военачальником своим встретить его с небольшими дарами. Хочет хан Москву посмотреть, а вам всем — мир и любовь! — И суздальские княжата божились и клялись, что нечего москвичам бояться.

Поверили москвичи, открыли ворота, вышли на встречу хана — впереди князь Остей с самыми знатными людьми, тут же несли подарки, потом церковный ход. Татары увели князя Остея и убили его тайно, а потом кинулись к воротам и начали рубить без пощады и священников и всех, кто вышел с ними, иконы

потоптали, народ перебили и ворвались через ворота в город, а в то же время и через стены по лестницам полезли со всех сторон. Так захватили город и перебили жителей его, ибо татар было множество и рубили они всех без разбору, так что руки и плечи у них онемели. Разграбили все церкви, а христиан, что искали в них спасенья, перебили. Казну княжескую расхитили, полон увели небывалый, так как под защиту московских стен сбежалось множество народа из разных земель. Взята была Москва в четверг 26 августа к семи часам вечера и со всех концов подожжена, а люди московские изгибли, одни от сабель татарских, другие в огне пожаров, третьи в волнах Москвы-реки, четвертые в давке среди трупов кровью захлебнулись, остальные в татарский полон угнаны. И не в одной Москве, то же было и во Владимире, и в Переяславле, и в Юрьеве, и в Звенигороде, и в Можайске, и во всех волостях этих. А переяславцы бежали из города по озеру, и хоть город сожгли татары, но так ничего и не взяли.

Великий князь Дмитрий Иванович с княгиней и детьми и с войском своим в то время в Костроме стоял, а князь Владимир Андреевич * — за Волоком. Наехали как-то татары на стан Владимира Андреевича, он кинулся на них и разбил татарский полк, многих в плен захватил, остатки их бежали к Тохтамышу. И тогда Тохтамыш дрогнул и начал отступать от Москвы. Митрополит Киприан в Твери спасался, а мать князя Владимира и княгиня его — в Торжке, а коломенский владыка Герасим — в Новгороде Великом.

Отступив от Москвы, Тохтамыш взял и сжег Коломну, там переправился через Оку и пошел войной по Рязанской земле; князь Олег бежал, а народу много перебили татары, многих в плен увели. Из Рязани пошел Тохтамыш в Орду, княжича Семена Нижегородского отпустил к отцу, а другого, Василья, повел с собою заложником.

Вернулся вскоре в Москву великий князь и князь Владимир, увидели разоренный и сожженный город, разрушенные церкви, бесчисленные трупы, — и горькие слезы полились у них. Повелел хоронить погибших. За погребение восьмидесяти мертвецов платили по рублю, — и вышло платить триста рублей.

Потом великий князь послал свое войско на изменника Олега Рязанского, тот бежал, но землю его всю опустошили, горше ему досталось, чем от татарского набега.

Осенью пришел в Москву от Тохтамыша посол Карач, привез великому князю ханское жалованье. И приказал князь из своей казны московские дворы отстроить и сожженные стены обновить.

ПОВЕСТЬ О МОСКОВСКОМ ВЗЯТИИ ОТ ЦАРЯ ТОХТАМЫША И О ПЛЕНЕНИИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В 1382 году было предвестие: долгое время по ночам на небе появлялась хвостатая звезда наподобие копья, появлялась перед утренней зарей на востоке, а иногда с вечерней зарей — на западе. И так повторялось много раз.

Такое знаменье предвещало нашествие Тохтамыша на Русскую землю, горестное для нас нападение татар на православных, потому что произошло это от гнева божьего за множество грехов наших.

В третий год своего царения в Золотой Орде и в Сарае послал Тохтамыш татарский отряд в Болгары* — город на Волге — и велел перебить там русских купцов, пограбить гостей торговых, захватить их суда с товарами и привести их к Золотоордынскому перевозу.

А сам Тохтамыш, одержимый яростью, собрал большое войско и пошел с ним по берегу Волги. Переправился через Волгу со всеми князьями татарскими, со всем своим безбожным войском, и пошел в поход на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю Русскую землю. Он вел свои полчища тайно, чтоб напасть внезапно, с большой хитростью, и никто не мог дать знать, чтоб услышали в Русской земле о его набеге.

Проведал о том князь Дмитрий Константинович Суздальский и послал к Тохтамышу двух своих сыновей: князя Василия да князя Семена. Они поехали к нему и не застали его, где думали было встретить, так быстро шел он на Русь. Несколько дней гнались за ним князья, и только в урочище, называемом Серначе,* вышли на его след и, поспешив, догнали его уже недалеко от границ Рязанской земли.

Князь рязанский Олег выехал навстречу царю Тохтамышу, пока тот не вступил еще в пределы Рязанского княжества. Объявил ему свою покорность Олег Рязанский и стал помогать Тох-

тамышу, участвуя в его злодеяниях против христиан, научал и советовал ему, как завоевать Русскую землю, как победить и захватить в плен великого князя Дмитрия Ивановича, а сам провел его в обход своей вотчины — Рязанского княжества; не о нашем благе он думал, а только бы уберечь свои владенья.

В это время наконец дошла до великого князя Дмитрия Ивановича весть о татарском нашествии. Хотя и сделал Тохтамыш все что мог, чтоб никто не подал вести на Русь о его походе (ради этого и были схвачены гости торговые в Болгарах, для того их ограбили и в плену держали, чтоб не дали знать князю), да в самой Орде были у князя нашего доброты, позаботился он завести там поборников земли Русской. Получив от них известие, что хан Тохтамыш выступил на Русь в набег со всеми своими силами, великий князь Дмитрий Иванович начал собирать русские полки. Он выехал из Москвы, чтобы потом перейти в наступление против татар. Созвал великий князь Дмитрий Иванович на совет всех князей русских. И не было в них единодушия, не захотели помочь ему: не вспомнили слов Давида пророка: «Какое добро, какая красота, когда братья живут согласно!» И другие незабвенные слова: «Были бы мы неприступной крепостью, если б друг другу помогали и брат за брата стояли!»

Когда понял великий князь Дмитрий Иванович, что нет между князьями единства и доверия, задумался он и был в смятении: нельзя ему сейчас выступить против царя татарского. Поехал в Переяславль-Залесский, оттуда через Ростов поспешил в Кострому; в Москву поехал митрополит Киприан. И начался в Москве великий мятеж. Люди шатались и метались, как овцы без пастуха, горожане восстали. Одни хотели запереться и держать оборону города, а иные задумали бежать из Москвы. И раздоры между ними разгорались всё сильней. Окрестные жители спешили укрыться в городе со своими пожитками, а некоторые (из больших людей) бежали из города ограбленные. Восставшие горожане созвали вече колокольным звоном по всей Москве и стали все заодно: тех, кто хотел уехать из города, не только не выпускали, но и грабили. Не смущались они и перед митрополитом, не побоялись и великих бояр, им тоже угрожали. Повстанцы заняли все кремлевские ворота: сверху били камнями, а внизу стояли на карауле с обнаженным оружием, никого не выпуская из города. И потом только вяли мольбам и выпустили уезжавших, но ограбили их.

Город клекотал мятежом и волнением, как море во время великой бури, люди не находили нигде утешения, а, наоборот, ожидали еще больших бедствий.

Тогда приехал в Москву литовский князь по имени Остей, внук великого князя Ольгерда. Он вернул бодрость народу, и восстание горожан улеглось. Князь Остей запер город, готовясь к осаде со всем множеством собравшегося в Москве народа: тут были и те, кто остался из москвичей, и все беженцы из ближних волостей, и многие иногородние, и те, кто оказался тогда в Москве из других земель, и бояре, и гости-сурожане, и суконники с прочими купцами, и архимандриты, игумены, протопопы, священники, дьяконы и монахи, люди всех возрастов, и мужчины, и женщины, и младенцы.

Князь Олег Рязанский провел Тохтамыша с татарскими полчищами в обход своей вотчины и показал ему все броды через Оку. Переправившись через Оку, Тохтамыш захватил прежде всего город Серпухов и сжег его. Оттуда он поспешно двинулся к Москве, захватывая поместья и села, предавая их огню, а народ — мечу и плену. Так подошел он к самой Москве. Татарское войско подступило к Москве в понедельник 23 августа, но еще не вся татарская сила осадилась тогда город. Подъезжая к стенам, татарские наездники кричали — спрашивали:

— А есть ли тут в городе великий князь Дмитрий?

И горожане, стоявшие на стенах, отвечали им:

— Нету!

Отъехав от стен, татары вскачь носились вокруг города, разглядывая и выведывая, где легче идти на приступ, осматривали рвы и ворота, башни и бойницы, а потом снова собирались там и сям и наблюдали за городом.

В Москве благочестивые люди молились богу день и ночь, готовились к смерти в посте и молитве, исповедовались и причащались со слезами.

А лихие люди шарили по дворам бежавших господ, выкатили из погребов выдержанные боярские меды, тащили серебряную и хрустальную посуду и пили допьяна, а в разгуле дерзко кричали:

— Не страшно нам нашествие диких татар, раз у нас такая неприступная крепость: стены каменные, ворога железные. У татар не хватит терпенья долго стоять под городом, когда им угрожают с двух сторон — и из города его защитники, и с поля того и гляди князья наши, соединясь, ударят.

Пьяные, взбирались они на крепостные стены, расхаживали там и глумились над татарами, выкрикивая обидные бранные слова. А татары выхватывали свои сабли и показывали, как они будут рубить их и сечь им головы.

В тот первый день к вечеру татары отошли от города, а наутро подошел к Москве сам хан Тохтамыш со своими главными силами.

Увидели москвичи несметную силу татарскую, и охватил их ужас. Татары опять поскакали к стенам, а горожане встретили их меткими стрелами. Тогда татары осыпали стоящих у бойниц таким дождем стрел, что нельзя было и выглянуть. Много горожан собралось на стенах — и там немало падало раненых. Татарские стрелы одолевали наших защитников, потому что у татар было много искуснейших стрелков: одни стреляли стоя, другие с коней на полном скаку, они так были обучены, что могли с коней, пущенных вскачь, стрелять и правой и левой рукой, вперед и назад, стрелу за стрелой — и метко попадали в цель.

Потом татары пошли на приступ. Связывали длинные лестницы, прислоняли их к стенам и лезли в город. Горожане кипятили в котлах воду и обливали их кипятком, не пуская на стены. Татары отошли, потом снова пошли на приступ. Так штурмовали они три дня, до полного изнеможения.

Когда татары подступали к стенам, горожане дружно выходили на оборону: одни поражали татар стрелами с башен, другие метали камни, третьи били из малых пушек — тюфяков, или из самострелов и катапульт, а пушкарки падали из больших пушек.

Был среди защитников горожанин по имени Адам, москвич родом, из купцов-суконников. Стоял он на башне над Фроловскими воротами и приметил знатного татарина. То был сын ордынского князя. Натянул Адам свой самострел, выпустил внезапно стрелу и попал татарину прямо в сердце его гневное, наповал убил татарина. Нанес он тяжкую рану всему войску татарскому, и сам хан тужил об убитом.

Так стоял Тохтамыш три дня под городом, а на четвертый день обманул князя Остея лживыми речами, ложным миром, — выманил его в поле из крепости и убил перед воротами, а войскам своим велел наступать в тот час на город со всех сторон.

Как же сумел он обмануть князя Остея и защитников осажденной Москвы?

После трех дней осады на четвертый день, утром, в час полдника, по повелению царя Тохтамыша приехали к городу самые наибольшие татары, князья ордынские и царские советники, а с ними два князя нижегородских, Василий да Семен, сыновья великого князя Дмитрия Суздальского. Приблизились они к самым стенам городским, как неприкосновенные послы, и начали объявлять речи Тохтамыша к народу в осажденном городе.

— Царь Тохтамыш хочет вас, своих людей, помиловать, ибо неповинны вы и не за что предавать вас смерти. Не на вас он шел войной, на великого князя Дмитрия Ивановича,

а вы достойны его милости. Немногого он от вас требует, только лишь того, чтоб вышли вы со своим князем из крепости — на встречу царя Тохтамыша — с дарами и почестями. Хочет он видеть ваш город, побывать в нем. Дарует он вам мир и любовь свою, а вы ему отворите городские ворота.

Потом говорили князья нижегородские:

— Если не верите татарам, — нам поверьте. Ведь мы князья ваши христианские! И мы вам то же говорим и клятву свою даем!

И поверил православный народ, пораздумали — и поверили; ослепила их хитрость татарская, омрачила их ложь басурманская, не разгадали ее, не вспомнили вещей слов: «не всякому духу верьте», отворили крепостные ворота, вышли с князем во главе, со многими дарами царю Тохтамышу, вышли архимандриты, и игумены, и священники с крестами, а за ними бояре и большие люди, а потом народ и черный люд. Чуть они вышли за ворота, кинулись на них татары и начали рубить всех без разбора... И прежде всех у самых ворот еще убили князя Остея, рубили и архимандритов, и священников, и игуменов, хотя шли они в ризах церковных с крестами, рубили бояр и именитых людей. И горько было видеть поверженные наземь святые иконы и кресты, затоптанные ногами, ободраные, захватанные нечестивыми руками! А татары тут же ворвались в город, рубя на скаку всех, кто попадался навстречу. Другие по лестницам поднимались в город через стены, так как в это время никто уже не защищал стен, никого не было ни у бойниц, ни на башнях, никто не руководил обороной. И началась страшная сеча внутри города. Рубились так ожесточенно, что руки и плечи онемели, сила истощилась, острые сабли притупились. Православный народ, оставшийся в городе, убежал теперь от ворвавшихся татар по улицам куда попало, метались по городу толпами с громким воплем, причитаниями, мольбами и проклятиями...

И некуда было бежать от смерти, негде искать спасенья, некуда укрыться от разящего меча. Не стало князя, ни воевод, и все войско посечено, и все оружие исчезло. Иные запирались в каменных церквях, но и там не ушли от судьбы: безбожные татары силой разбивали церковные двери и в ярости всех там рубили. Повсюду крик и страшные вопли, такое множество людей кричало, что уж не могли друг друга слышать. А враги истребляли народ, грабили, срывали одежды и рубили голых насмерть. Разграбили соборные церкви, потоптали татарскими сапогами святые алтари и честные кресты. С чудесных икон сорвали золото и серебро, драгоценные камни и жемчуг, разграбили на престольные покровы, шитые золотом, саженные жемчугом, сорвали дорогое узорочье со святых икон, а иконы

повергли и растоптали; расхитили бесценные церковные сосуды, кованные из золота и серебра, разворовали дорогие священнические ризы. Множество книг, которые сносили со всего города и свозили из поместий на сохранение, сложено было в церквях до потолка — все это погибло без остатка.

Надо ли говорить о казне великого князя? Татары проворно растащили все множество его сокровищ, все его богатство и то имущество, от которого приумножалась его казна. Расхищены были и дворы старейших бояр, опустели переполненные их сокровищницы, куда собирали несчетные свои богатства долгое, долгое время, в счастливые годы благоденствия.

Были тогда в городе богачи — гости-сурожане, и суконники, и прочие купцы, хоромы их полны были товаров и всякого богатства — всё это разграбили. Много монастырей и святых церквей разорили и разрушили, братию и священный чин перебили, в святых алтарях убивали, оскверняя святыню кровопролитием. Сбылось предсказание пророка: «Пришли варвары во владенья твои, боже, осквернили святую церковь твою, наполнили ее, как овощами погреб, трупами слуг твоих, в пищу птицам небесным тела праведников — и на съедение зверям земным; проливали кровь, как воду». Так было в Москве и вокруг Москвы: некому было хоронить погибших, некому тосковать о погубленных девушках, некому оплакивать погибших вдов — священники и монахи пали от руки врагов. Страшная это была бойня, бесчисленное множество убитых, обнаженные трупы мужчин и женщин валялись всюду. Убит был архимандрит Спасский Симеон и архимандрит Иаков, игумены, попы и дьяконы, монахи и монашки, старые и малые саблями порублены, в огне сгорели, в реке утонули. А оставшихся в живых погнали толпами в земли татарские, в тяжкий плен басурманский. Плач, вопли и рыдания, слезы и крики, стоны и скорбные восклицания, неутешное горе, несказанная печаль, нестерпимая беда, страх и ужас, трепет и бессилие, позор и глумление язычников над христианами. Все это в наказание за умножение грехов наших.

Быстро овладели враги Москвой в день мучеников Адриана и Натальи, 26 августа, в четверг, в седьмом часу по обеде; город разграбленный подожгли, людей истребили — кого мечом, кого огнем, кто от сабли убежал — в пожаре погибал. Не было никакого спасенья людям, ждали их четыре погибели: от сабли, в огне, или в воде, или в полоне татарском.

Был до того город Москва велик и красив, и строенья и люди изукрашены, а теперь, после татарского набега, словно и не было Москвы — дым и почерневшая земля, трупы

и развалины. От каменных храмов остались обгорелые стены, не звонят колокола, не слышно пения, не собирается отовсюду народ на благовест церковный: пусто всюду, ни дущи не видно и на пожарищах, так как не только Москва, а и все окрестные города и селенья разорены были дотла и весь край превращен в пустыню.

Великий князь Дмитрий Иванович с княгиней и детьми был в Костроме, а брат его, князь Владимир Андреевич, — в Вышнем-Волочке, а мать его княгиня в Торжке, а владыка Герасим Коломенский — в Новгороде.

Хан Тохтамыш распустил отряды свои по всей Русской земле, одни воевали под Владимиром и много людей побили и в плен увели, другие пошли на Звенигород, третьи — на Можайск, еще отряд к Волочку и к Переяславлю-Залесскому. Этот город тоже был взят и сожжен, а горожане ушли на озеро в ладьях и так спаслись; еще один отряд пошел к Юрьеву. Много городов захватили татары, христиан перебили, церкви сожгли, волости опустошили и великий вред и пагубу принесли Русской земле.

Князь Владимир Андреевич стоял со своими воинами у Волочка. Татарский отряд, не зная об этом, наскочил на него; он ударил на них и разгромил, взял пленных, и только несколько басурман бежали с поля битвы к хану Тохтамышу и рассказали ему о поражении. После этого Тохтамыш велел немного отступать из Московской земли, пошел на Коломну, овладел городом, переправился тут через Оку и пошел войной по Рязанской земле: выжигал города и села, побивал людей и в полон угонял. А князь Олег Рязанский скрылся. Из Рязанской земли Тохтамыш пошел в Золотую Орду, а к Дмитрию Константиновичу Суздальскому в Нижний Новгород отправил в посольство шурина своего Шихмата и сына князя Дмитрия, Семена, отпустил с ним, а другого сына, Василия, заложником в Орду с собой увел.

Когда ушли татары, вернулись вскоре в Москву великий князь Дмитрий Иванович и князь Владимир Андреевич со своими старшими боярами. Страшно было смотреть им на свою любимую отчизну: Москва сожжена и разграблена, церкви обрушены и разорены, трупами усеяны улицы, и дворы, и площади. Горькие слезы лились у видевших это. И кто мог бы не плакать горькими слезами о гибели города, множества людей и обо всех, угнанных в неволю!

Приказали князя хоронить мертвых, платили по рублю за восемьдесят погребенных и сосчитали, что заплачено было триста рублей.

Не простили князя измены Олегу Рязанскому, послал великий князь Дмитрий Иванович свое войско в землю Рязан-

скую, князь Олег опять скрылся с небольшой свитой, а земле Рязанской горше пришлось поплатиться, чем от татарского набега.

Митрополит Киприан был в Твери во время татарского нашествия и вернулся в Москву 7 октября.

В ту же осень прислал Тохтамыш к великому князю Дмитрию Ивановичу посла Карача — мир заключить. Тогда великий князь повелел отстроить города и села, какие сожгли татары.

ПОВЕСТЬ О ТЕМИР-АКСАКЕ

Н а пятнадцатом году царения Тохтамыша,* на седьмом году княжения великого князя Василия Дмитриевича,* в третьем индикте,* через тринадцать лет после татарщины, когда взята была Москва Тохтамышем,* — началась в Золотой Орде великая смута.

Из Синей Орды, из восточной земли Самаркандской,* пришел татарский царь по имени Темир-Аксак и начал большую войну. Его походы подняли мятеж в Орде и большое смятение на Руси.

Об этом Темир-Аксаке говорили, что он по рождению не царь был и даже не из царского рода, и не из княжеского, не из боярского, а из самых захудалых людей, из заяицких татар,* из Самаркандской Орды, что кочевала за Железными Воротами* (Уральскими). По ремеслу он был черным кузнецом, а по нраву и повадке — безжалостный грабитель. Когда-то работал он у своего боярина, но господин его, видя, что он злобой дышит, избил его, как пса, и прогнал от себя. Чем же ему тогда было кормиться? Пришлось жить грабежом. Еще совсем молодым украл он как-то с голоду овцу и съел ее, а люди выследили его. Крепко связали и били нещадно, били насмерть; переломили ему ногу в бедре, чтобы не встал, и кинули недвижимого, бездыханного... Подумали, что вор убит, оставили его псам на съедение и ускакали.

Но немного времени спустя он очнулся. Едва дышал от смертельных ран. Мало-помалу собрался с силами, поднялся, сам заковал свою переломленную ногу в железо и с тех пор остался хромой. Потому и прозван был Темир-Аксаком. Темир по-половецки — железо, аксак — хромой: Темир-Аксак значит — Железный Хромец. Как видим, имя он получил соответствующее правде, сам своими делами добыл себе такое прозвание.

Когда зажили раны от страшного того избиения, не изменился его злобный нрав, он не смирился; не укротили его муки, а больше прежнего ожесточили, разъярили, и стал он лютым разбойником. И пошли к нему в товарищи лихие молодцы, свирепые мужики и многие злодеи, такие же воры-разбойники. Пока было их до ста, звали его атаманом, а как собралась вся тысяча, — стали величать князем, ну а как завоевал он города и области, княжества и государства, тогда уже прославили его царем.

Железный Хромец неустанно и неодолимо воевал: всюду вторгался он со своими полчищами, громил противников, приносил несчетные беды, рассеивал войска, сокрушал до основания крепости, убивая и губя народ, опустошая и полоня области, завоеывая княжества и царства. Вот названия главных земель, городов и царств, какие разгромил и поработил царь Темир-Аксак: Самарканд, Чагатай, Хоросань, Полистан и Китай, Синюю Орду, Шираз, Испагань, Орнач, Гилян-Сиз, Шабран, Шемаху, Сивас, Арзрум, Тифлиси, Тевриз, Гурзустань, Обезы, Гурзи и Багдад, Темир-Кабы * (то есть Железные Ворота), и Ассирию, и Вавилонское царство (где был Навуходоносор-царь, * который захватил Иерусалим и трех отроков, Ананию, Азарию и Мисаила, и Даниила-пророка), и город Севастию, * где загублены были сорок мучеников, и Армению, где был святой Григорий, епископ Великой Армении, * и славный город Дамаск, * и Сарай-город, * столицу Золотой Орды, и еще многие земли завоевал. Здесь перечислены те страны, города и государства, которыми властвовал Темир-Аксак, с которых брал дани и оброки, где набирал свои полки.

И вот все это многоплеменное и несметное воинство свое повел он на хана Тохтамыша, вступил с ним в битву, победил и прогнал его. А тогда задумал поход на Русскую землю, на Москву, христиан побивать. Прошел он все земли татарские и Золотую Орду, подошел к рубежам княжества Рязанского, захватил город Елец и князя Елецкого, а людишек умучил.

Когда узнал об этом великий князь Василий Дмитриевич, собрал он множество войск и двинул их из Москвы к Коломне, решив идти навстречу врагу. Дойдя до реки Оки, князь Василий Дмитриевич стал лагерем на берегу. И Темир-Аксак тоже стал лагерем со своими полчищами и стоял на одном месте две недели, готовясь к битве.

А Москва была охвачена тревогой, отовсюду собралось туда много народу, все спешно делали приготовления к осаде. Каждый день приходили вести, передавали угрозы Темир-Аксака, лютого мучителя и ненавистника христиан. Шли слухи

о том, что хочет он завоевать все Русские земли, что похваляется с бою взять Москву, сжечь церкви святыя, людей полонить, бить и преследовать, веру христианскую искоренить, а православных огнем и мечом истребить, мукам смертным предать. Знали все, что Темир-Аксак — лютей мучитель, без жалости, без милости, без пощады, такой же злобный гонитель христиан, какими были древние языческие цари — Юлиан Отступник и Диоклетиан, Максимилиан и Декий, Ликий * и другие. Как и те цари, Темир-Аксак похвалялся своими жестокостями, предпринимая новое гонение на христиан.

Слыша обо всем этом, печальны были наши люди; грозные и страшные рассказы о Темир-Аксаке и его мучительстве вызывали слезы и тяжкие вздохи, народ молился, чтобы избавил бог от великой беды, от всенародной скорби.

Митрополит Киприан учил в проповедях постом и молитвою укреплять себя. Народ наш православный усердно каялся в грехах, постился и молился, давал обеты и заветы, показывал великую веру и усердие, каждый по своим силам — и все от мала до велика.

В то время великий князь Василий Дмитриевич совет держал с митрополитом Киприаном и думу думал с князьями, воеводами и боярскими старейшинами. Решили они призвать на помощь святую богородицу, скорую нашу заступницу и в печали утешительницу. «Никто другой, — говорили они, — не избавит нас от этой беды и печали! Она может заступиться за город наш, за Москву, и за другие города, за всякую страну, за всякое место, где с верою призывают ее на помощь. Она может избавить от голода и от огня, от землетрясения и потопа, от набега язычников и от вражеского нашествия, от междоусобной войны и от всякого кровопролития, от земной печали и от внезапной смерти, от всякого зла. Только бы с верою призывали ее на помощь, только бы усердно молились, не изменяли бы надежде, — и всякую скорбь превратит она в радость!»

Что задумали, то и сделали. Послали в славный и древний стольный город Владимир за иконой богородицы. Протопоп владимирский созвал на церковный совет всех попов, и дьяконов, и чтецов, и певцов-клирошан; тут всем собором решили они нести святую икону пречистой богородицы из города Владимира в Москву, чтоб рассеять страх перед татарами, а особенно перед Темир-Аксаком, о котором давно ходила грозная молва в народе, еще когда он на Дальнем Востоке воевал. Ведь теперь-то он вот здесь, у самых ворот Русской земли, точит оружие, копит силы, таит коварные замыслы.

Августа в 15-й день — в праздник Успения пресвятой владычицы нашей богородицы — собрался весь город Владимир на

проводы чудесной иконы. Провожали икону с плачем и слезами, молили богородицу о спасении и верили ей и любили, хотели помочь родной земле, жалость и страх не оставляли их. Далеко провожали, много слез пролили, большую веру и любовь показали.

А когда стали подходить к Москве, — вся первопрестольная вышла на встречу иконы. Митрополит Киприан, все епископы и архимандриты, игумены и попы, дьяконы и клирошане, князья и бояре, княгини и боярыни, почтенные горожане с женами, юноши и девушки, старики и подростки, дети и младенцы, сироты и вдовы, нищие и убогие, монахи и монашки — словом, люди всех возрастов и званий, все бесчисленное множество московского населения с крестами, иконами, свечами, кадилами вышли встречать икону, распевая духовные песни, с радостными слезами. Плакали большие и малые, рыдали, молитвенно поднимая руки, громко благодарили и прославляли богородицу. Ни одного человека не видно было, кто бы не плакал. Молили ее так: «О святая владычица, богородица! Избавь наш город от нашествия Темир-Аксакова, защити все города страны нашей, защити князя и народ от всякого зла! Оборони Москву от наступления иноплемennых войск, спаси от плена татарского, от огня и меча, от напрасной смерти, от скорби и печали, охватившей нас, от гнева врагов, от бед и нищеты, которая ждет нас! Ты, богородица, можешь умиловать сына своего и бога нашего, ибо он сжалился над людьми, приходил к нам — нищим, убогим, скорбным и горестным. Окажи милосердие свое людям! Надеюсь на тебя, мы не погибнем, а уберемся от врагов наших. Не отдавай нас, заступница наша и надежда, в руки татарам! Все замыслы врагов отвори от нас, дома их разори и союзы их расторгни! Дай нам теплую, материнскую руку помощи, будь нашей скорой заступницей в этой скорби и беде народной, чтобы могли мы благодарно повторять тебе: „Радуйся, заступница христиан непобедимая!“»

Не напрасна была эта молитва! По благодати и несказанной милости божией, по молитвам святой богородицы цел и невредим остался город наш Москва, а Темир-Аксак вернулся назад и ушел в свою землю. Разве не чудо! Разве не диво! Какое милосердие бога к народу христианскому! В тот самый день, как принесли из Владимира в Москву икону святой богородицы, поворотил Темир-Аксак татарские полчища в свой край.

И тогда именно, когда весь народ московский вышел за стены города, и покрыл своим множеством окрестные поля, и встретил слезами горячими, воплем и молитвенным пением икону святой богородицы, смятение охватило душу Темир-Аксака.

Страхом и трепетом поражено было сердце его, холодный ужас проник до самых костей его, — и вдруг отсекся от замысла своего, отменил повеление воевать Русскую землю. Скорее, скорее в далекий поход — в Золотую Орду! Позади, в тылу, осталась Русь, все помыслы теперь только о том, как бы добраться до своих рубежей. Отступили, без успеха возвращаются, полны смятения, расстроены, словно кто-то навел на них великий страх.

Нет, не наши полки, не мы внушили им страх, — это бог, милосердный человеколюбец, по молитве святой богородицы невидимым воинством устрасил их, привел в смятение и трепет, чтобы удержать от нападения. Не мы обратили их в бегство, а бог — так же, как это было в древности при царе Иезекии и Исаие-пророке с царем ассирийским Сенахиримом. * Пришел он войной на Иерусалим, в гордости безмерной даже на бога хулу возносил. А царь Иезекия лежал тогда в тяжелой болезни и мог только молиться вместе с пророком Исаией и со всеми своими людьми. Бог услышал их молитву и ради праведника Давида, угодного ему, послал своего ангела (я думаю, это был архангел Михаил), который в одну ночь истребил полчища Сенахирима, побил сто тысяч и еще восемьдесят и пять тысяч. И увидели иерусалимляне под утренними лучами солнца, что вся земля покрыта трупами воинов Сенахирима, а сам гордый царь бежал в ужасе от стен осажденного города с остатками войска своего в Ниневию, * где его скоро убили его же собственные дети. Как было в те поры с Сенахиримом, так случилось и с Темир-Аксаком. Один бог, одна благодать божья — тогда и теперь. Могуч и милостив бог, чего захочет, все может. Сжалившись, избавил он нас ныне от руки врага, от злой сечи, от кривой сабли татарской, от большого кровопролития. Мощной десницей рассеял и прогнал врагов наших из рода Агари, сынов Измаила. * Не наши воеводы обратили в бегство Темир-Аксака, не наши войска привели в смятение его полчища, но сила невидимая вселила в них трепет ужаса; божий гнев и страх перед гневом нашего бога погнал их прочь из Русской земли, и ушли они туда, откуда пришли, не причинив ни малого вреда, ни скорби, ни позора, ушли безвозвратно. Мы же бодро поднялись, словно сети ловца с себя сбросили и на волю вышли, избавил нас бог, творец неба и земли, от страшной напасти.

Когда донесли великому князю и узнали все остальные князья, и все русское воинство, и весь народ русский, что сгинул куда-то Темир-Аксак, как не бывало его, тогда все прославляли и благодарили бога. Великий князь и митрополит Киприан совещались и решили: хорошо бы сделать так, чтоб не

забылась эта помощь и защита пресвятой богородицы и милость божья! Велели они построить церковь на том самом месте, где народ встретил икону богородицы Владимирской, в память великого благодеяния, чтоб не забыл народ чуда божия. А место встречи было на Кучкове поле, * недалеко от Москвы, по дороге Владимирской. Освятил церковь сам митрополит во имя Сретения богородицы и установил праздник иконы 2 февраля, но встреча иконы была 26 августа, в день мучеников Адриана и Натальи. Потом здесь устроен был монастырь, игумены и чернецы жили в нем, подражая Иисусу Христу.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА

В 295 году в Риме царствовал великий император Константин Флавий, * строитель божий. Он неумоимо расселял в своих землях христиан — изгнанников из разных государств, восстанавливал и украшал старые, разрушенные храмы, строил новые, сокрушал языческих идолов, а кумирни переделявал в церкви — и всем этим укреплял и распространял христианство. Он издал такой закон, чтобы языческие игрища, конские бега, места состязаний перешли бы во владение и распоряжение священников или христианских общин. Он повелел соблюдать пост по средам и пятницам в память мучений Христа, а седьмой день недели праздновать как день его воскресения. Евреям он запретил их ветхозаветные жертвоприношения, запретил осуждать на распятие, чтобы не осквернять креста Христова, запретил евреям покупать рабов, а на золотых монетах чеканил образ Христа. И повсюду радовались христиане.

На 13-м году царствования, движимый божеским внушением, Константин Флавий захотел создать город своего имени и послал в Азию, в Ливию и в Европу сведущих людей, чтобы найти и выбрать достойное и славное место для постройки города. Когда вернулись эти послы, они рассказывали царю о различных славных местах, но больше всего расхваливали Македонию и Византию.* А цесарь больше всего хотел построить город на месте древней Трои, где греки одержали всемирно прославленную победу над фригийцами.

Цесарь размышлял об этом день и ночь, пока не услышал во сне голос: «Константинов град надо строить в Византии». Проснувшись, царь Константин тотчас же отправил мастеров и строителей готовить место для стройки. И вслед за ними выехал в Византию сам цесарь, вместе с матерью своей Еленой и женой Максиминой, дочерью цесаря Диоклетиана; он взял с собой и сына своего Константина, и зятя Ликиния, и двух своих

братьев, Далмата и Константина, и Далмата Далматовича, своего племянника, и двух племянников Константиновичей — Галу и Юлиана. А в Риме оставил двух цесарей: Конста и Константина, * Адаманта же, племянника своего, послал в Бретань.

Приехав в Византию, увидели они на месте будущего города семь холмов и много малых морских заливов. Повелел цесарь раскапывать холмы и заполнять землей низины, а над заливами возводить подвесные каменные мосты на столбах и так готовить просторную площадь для города. За всеми работами он сам наблюдал.

Когда же площадь была подготовлена, созвал царь вельмож, сановников и мастеров-строителей и стал с ними совещаться и раздумывать, как расположить укрепления, стены, башни и городские ворота.

Приказал он строить крепость треугольником — по семи верст каждая стена — между Черным морем и Белым морем.

Раз как-то строители выгнали змею из норы; она быстро поползла по площадке города, как вдруг налетел орел, ринулся на землю, схватил змею и взмыл с нею ввысь, а змея начала обвиваться вокруг орла. Цесарь и весь народ смотрели не отрываясь на поединок орла со змеей. Вот орел на время скрылся из глаз в вышине, но потом снова появился, спускаясь, и пал мертвым на то же место, — одолела его змея. Люди подбежали, убили змею, а орла выхватили...

Ужас охватил цесаря, созвал он книжников и мудрецов, рассказал им об этом и спросил, что предвещает это знамение. Подумали, посовещались мудрецы и ответили царю:

— Это место — называть его будут Городом на семи холмах * — прославится как величайший город во всем мире. Но стоит он между двух морей, и будут стены его сотрясаться от прибой двух морей. Орел — это символ христианства, а змея — это басурмане. Раз победила змея орла, это знаменует, что одолеют христиан басурмане. Но люди наши убили змею и вырвали у нее орла — это значит, что христиане потом победят все-таки басурман и освободят Город на семи холмах, вернется царство их.

Константин Великий сильно опечален был их ответом, но повелел записать эти предсказания. Потом он распорядился, чтобы мастера и строители города разделились на две партии: одна партия должна возводить стены и башни городской крепости, а другая должна распланировать и строить улицы и площади по римскому образцу. Принялись тогда строить и церкви, и царский дворец, и дома для вельмож, магнатов и сановников, от сладких источников провели в город пресную воду.

На седьмой год стал думать цесарь о заселении города: строительство разрослось, а жителей было мало. Тогда послал он в Рим и в другие города своей империи за вельможами и магнатами, переселил их к себе со множеством их челяди, подарил им великолепные усадьбы, одарил придворными чинами и так заставил забыть о прежних домах, о родных местах.

Построил Константин Флавий огромную Императорскую палату, замечательный ипподром и два больших крытых базара. Назвал он эту свою столицу — Новым Римом.* Потом воздвиг он знаменитые храмы: Софии Премудрой, и Святых апостолов, и святой Ирины, и святого Мокия, и архангела Михаила.* Из старого Рима перевез он чудесную колонну из порфира.* Три года везли ее от Рима до Царьграда, так велика была она и тяжела. Да еще год прошел, пока доставили ее от моря до базарной площади, где и была она поставлена. Царь сам наблюдал за установкой этой колонны, много золота роздал он работным людям, чтобы бережно ее подымали, а в фундамент колонны велел положить те двенадцать корзин, которые благословил Христос, и кусочек дерева от его креста, и частицу святых мощей, чтобы неизблемо стояла эта монолитная, чудесно изваянная багряная колонна. На вершине ее он установил статую с семью лучами на голове, вывезенную из солнечного фригийского града. И много чудесных изваяний и диковинок перевез он в свой город и так украсил его, такие праздники и торжества в нем завел, что слава пошла по всему миру. И повелел именовать свой город Царьградом — к великой радости всех жителей.

Прошло еще немало времени, и цесарь созвал весь духовный чин с патриархом, и всю знать с советом царским, и весь народ цареградский. Торжественно они отслужили молебен всемогущей троице, и принес цесарь свой город в дар богородице-путеводительнице, а весь народ свой вверил ее защите и покрову.

Говорил он так: «О непорочная владычица богородица! Ты человеколюбива по естеству своему, не оставляй же без помощи этот город — свое достояние! Как мать христианского люда, заступись, сохрани и помилуй нас, наставляя и научая во все времена по своей материнской милости, чтобы люди прославляли тебя и возвеличили имя твое вовеки!»

И народ, как один человек, промолвил: «Аминь!» Все благодарили цесаря, хвалили его разум и преданность вере.

Константин Флавий побуждал своих военачальников и городских властителей строить храмы и великолепные здания, а вельможам и магнатам дал такой наказ: «Кто из вас достиг высоких чинов и степеней, пусть оставит по себе достойную память:

построит странноприимный дом, или обитель инокам, или красивое здание, чтобы город наполнился творениями славных зодчих».

Следуя его завету, и после него цесари и цесарицы — каждый в свое время — не жалели сил, чтобы создать в Царьграде какой-нибудь памятник своей славы: одни разыскивали и привозили реликвии страстей Христовых, или пояс и одежды богоматери, святые мощи и чудотворные иконы, привезли в Царьград даже нерукотворный образ Спасителя из Эдеса; * другие продолжали застраивать город величественными зданиями, воздвигали храмы божии и чтимые обители. Так оставили по себе память цесарь Юстиниан, Феодосий Великий, царица Евдокия и другие. * И так украсили и наполнили они город невиданными чудесами зодчества и других искусств, что епископ Андрей Критский * в изумлении сказал: «Город этот — выше всяких слов и чудеснее всякого измышления!»

Владычица Царьграда, пренепорочная богородица, долгие времена сохраняла и обороняла его от бед и напастей. Такие дары и милости послала она своему городу, каких не мог удостоиться, думаю, ни один город, ни один народ во всем мире.

Но каменные сердца у нас и беспечные, от милостей и щедрот господних мы бездумно отворачиваемся, устремляясь к злодеяниям, творя беззакония. Преступлениями и грехами своими гневим мы бога и богоматерь, а славу добрую и честь свою теряем. Сказано в Писании: «Злодейства и беззаконие опрокинут престолы сильных»; «Рассеял их гордые замыслы, низверг властителей с престола...»

Так и Царьград отпал от пречистой богоматери, погрязая в несчетных грехах и беззакониях, навлек на себя неисчислимые беды, великие напасти. В последние века за свои грехи караем он был то набегами безбожных язычников, то голодом и чумою, то междоусобицами. Оскудели вельможи, обнищали простые люди, потеряла столица свою былую славу и гордость: стала теперь бедной, как шалаш среди виноградника, как сарай для плодов среди сада.

Разузнал об этом турецкий султан, безбожный Магомет, Амуратов сын. * Хоть и был у него договор о мире и дружбе с цесарем Константином, * собрал он быстро и тайно великое войско сухопутное и большой караван судов морских, подступил внезапно к Царьграду и обложил его. *

Цесарь Константин, советники его и община города не знали, что делать, так как ополчения в столице не было и даже братья царя были в то время далеко. Отправили к султану посольство, чтобы разведать его силу и вести переговоры о мире. Но безбожный противник был лукав, он послов

вернул в Царьград и начал обстреливать его из пушек и пищалей, велел строить стенобитные сооружения, готовясь к приступу. И фряжская гвардия и городское ополчение не раз пытались вылазками помешать туркам, разрушая их стенобитные городки, но велика и тяжка была сила врагов, не могли они учинить им большого вреда, ведь одному было биться с тысячей, а двум с десятью тысячами. И, видя это, приказал цесарь прекратить вылазки, поберечь воинов для обороны крепости. Он указал вельможам и воеводам разделить крепостные стены между воинством: каждую долю стены, и каждые ворота, и каждую стрельницу в стене доверить особому отряду и расставить по всем стенам боевые колокола, каждому повелел знать свое место на стенах и крепко стоять на нем, собирал все нужное для обороны. Биться за стенами, а в поле не выходить. Пушки и пищали он расставил у самых удобных для врага подступов к крепости, чтоб и эти участки стены сделать непреступными.

Вместе с патриархом и всем священническим чином, вместе с женщинами и детьми цесарь обходил церкви и молился, внимая плачу и рыданиям толпы: «Господи, господи! Обступили нас страшные племена в несказанной силе, те, что некогда потрясли горы, запиравшие их, и привели в трепет всю земную тварь; в ужасе от них помрачили свет свой солнце и луна, звезды с небес покатались! А мы, окаянные, не внимали зловещим знаменаниям, тысячи раз и еще тысячи раз грешили и беззаконовали, прогневили тебя, господи, забывая о твоих великих дарах, преступая твои повеления, в безумии умножали свои злодеяния, удаляясь от тебя и твоих милостей. Праведен твой суд, господи, — и нашествие на нас басурман, их нападение на город, что был под защитой богородицы, послано нам за грехи, — разве можем мы сказать что-нибудь? Но не предавай нас в руки врагов, ведь мы — дело рук твоих, не дай разорить город твой, смягчи кару свою и верни милость свою нам, — ведь мы покалялись пред тобою! Ты же сам говорил, что пришел в мир не затем, чтобы спасти праведных, а привести грешников к покаянию, вернуть их к истинной жизни. Пощади и помилуй нас, царь небесный, ради пречистой богоматери и святых патриархов, ради прежде бывших цесарей, праведно служивших тебе в этом городе!»

Так молились с воплями и рыданиями много дней, прося заступничества у богородицы — словами, идущими из глубины сердца.

Цесарь Константин неустанно объезжал весь город, ободряя воинов и полководцев, внушая уверенность всем горожанам, чтобы не ослабляли обороны, надеясь на вседержителя бога, нашего спасителя.

Турки не давали защитникам передышки: день и ночь штурмовали они городские укрепления со всех сторон, одна волна за другой завязывала бой, изматывая гарнизон перед решающим приступом. Тринадцать дней так отбивались цареградцы. На 14-й день заиграли турецкие свирели и дудки, загудели бубны и барабаны, закричали турки свои басурманские молитвы, подкатили пушки и начали бить по городу из всех своих орудий и ручных пищалей, осыпать город тьмою стрел из своих луков.

И не могли стоять на стенах защитники города, уходили от страшного обстрела в надежные укрытия, ожидая приступа, только пушкарки и пищальники до последней возможности били приблизившихся турок метким огнем. А патриарх и священники непрестанно молились об избавлении осажденного города.

Вот наконец турки решили, что сбили со стен всю оборону. Тогда по сигналу с воплями и воем кинулось турецкое воинство со всех сторон на город, подставляя лестницы, подкатывая стенобитные городки и катапульты, стараясь поджечь дома и укрепления, применяя множество военных хитростей, чтобы завладеть городом.

Цареградцы тогда вышли на стены и яростно бились с турками, отвечая воинственными кликами на их вопли. Царь объезжал крепость, призывая защитников к мужеству, внушая им надежду; он велел звонить в колокола по всему городу, созывая людей на бой.

Услышав этот великий звон, турки ответили на него неистовым грохотом бубнов и визгом своих дудок, — бой разгорелся с новой силой... От грохота пушек и пищальных выстрелов, от воплей и криков, от треска и лязга оружия, от колокольного набата и стонов, от рыданий женских и детского плача нельзя было слышать друг друга; казалось, земля заколебалась и небо рухнет на землю. Выстрелы с обеих сторон вспыхивали как молнии; все шумы и крики, рыдания людей и пальба орудий, звон колоколов и бой бубнов слились в один гул и грохот бури. От огней и выстрелов со всех сторон дым так сгустился, что город и войско утонули во тьме, и не видели уже, кто с кем бьется, а от чаду порохового многие задыхались. И так рубились и метались в ярости по всем стенам крепости, пока тьма ночи не развела противников.

Турки ушли в свои станы и даже павших забыли на поле боя, а цареградцы падали от утомления как мертвые и тут же засыпали, только стража осталась на стенах.

Утром цесарь приказал убирать трупы, но некого было послать на работу: все непробудно спали после тяжкого воинского подвига. Тогда послал цесарь к патриарху, чтобы велел

он священникам и дьяконам самим собирать и погребать мертвых. И собралось множество священников и дьяконов, и похоронили павших. Греков насчитали тысячу семьсот сорок, а из наемного войска фряжского и армянского семьсот.

С большой свитой вельмож обходил цесарь городские укрепления, чтобы проверить оборону, и везде видели они крепко спящих воинов, нельзя было разбудить их. А за стенами крепостные рвы были полны турецких трупов, и по реке плыли трупы, и берега были устланы трупами... и насчитали они около восемнадцати тысяч трупов. Оставленные турками стенобитные сооружения цесарь велел сжечь. Потом вернулся цесарь в собор и вместе с патриархом и священниками служил благодарственный молебен, так как думал, что отступят безбожные турки, увидев такой большой урон в своих войсках.

Но не так решил басурман. На другой день послал он дозоры, чтобы сосчитать павших. Когда доложили ему о большом уроне, выслал он целые полки, чтобы отбить трупы своих. А цесарь приказал не ввязываться в стычку, чтобы они очистили от трупов рвы, ручьи и потоки. Так убрали турки свои трупы без боя и сожгли их.

Понял безбожный Турок, что безуспешно потерял множество войска, и приказал своим мастерам отливать побольше пушек и пищалей, сооружать новые стенобитные орудия.

На седьмой день после этого снова приказал султан своему войску начать наступление и штурмовать крепость как и в первый раз — без передышки.

А цесарь Константин слал гонцов за помощью по суше и по морю в соседние государства — к братьям, и в Венецию, и в Геную.* Но братья не пришли на помощь, так как шли распри между ними, а кроме того они воевали с албанцами; фряги же не захотели помогать, они судили так: «не надо нам вмешиваться, пусть турки возьмут Царьград, а мы потом отобьем его». Так и не было ниоткуда помощи, — один только генуэзец, князь Джустиниан,* приплыл на помощь цесарю на двух кораблях да на двух вооруженных катаргах, имея на борту шестьсот храбрых рыцарей. Он пробился через все морские заслоны турецкого флота к самым стенам Царьграда.* Цесарь Константин и раньше знал его, — он очень обрадовался этой подмоге и принял его с великой честью. Князь Джустиниан попросил цесаря поставить его оборонять самое слабое место крепости, куда турки бросают главные силы. Цесарь согласился и дал ему еще своих воинов, чтобы усилить его полк до двух тысяч человек; и бились они так храбро и искусно, что турки отступили и оставили надежду пробиться в го д в этом месте. Джустиниан не только обеспечил безопасность той части укреплений, какая ему была доверена, он обходил все стены

крепости, поддерживая ратный дух: «На бога надейтесь, — но и в своем деле не ослабляйте усердия! Всей душой и всем сердцем отдавайтесь борьбе с врагом, и бог поможет нам!» Он был самым искусным полководцем и многому научил осажденных, много показал своим примером, и люди полюбили его, и все цареградское воинство выполняло его указания. А турки посылали на приступ полки за полками, как и раньше, ибо их было несметное множество.

На тридцатый день после первого приступа подкатили они опять пушки, и пищали, и всякие стенобитные махины, которым не было числа; подвезли они на этот раз две огромные пушки, только что здесь отлитые; у одной ядро — по колено воину, у другой — по пояс.* И начали обстрел города со степной стороны.

А против Джустиниана выкатили самую наибольшую пушку, так как на его участке стена была слабее и ниже, чем в других местах. Как ударили они раз по ней, — начала стена колебаться. Как ударили во второй раз, — сбили гребень стены — сажен пять гребня. А третьим ядром не довелось им ударить, потому что ночь доспела.

Джустиниан заделал ночью весь пролом и слабую стену изнутри города укрепил деревянным креплением и земляным валом. Но что можно было сделать против тьмочисленных сил? Утром обстреляли турки это место из множества пушек и пищалей, и когда уже заметно повредили стену, навели опять свою самую большую пушку, надеясь последним ударом обрушить стену. Но, по божьему велению, перелетело ядро выше цели, только семь зубцов у стены выбило и, ударившись о церковную стену, разлетелось вдребезги. Увидел это народ, и все благодарили бога. Около полудня зарядили турки большую пушку во второй раз, но Джустиниан навел на нее свою пушку и одним выстрелом разбил зарядную часть турецкой пушки.

Как увидел это зловерный султан Магомет, люто разъярился он и неистовым голосом стал кричать: «Ягма! Ягма!..» Это значит — отдавал он город своим полчищам на полное разграбление и звал их на последний приступ.

Воскричало тогда все турецкое воинство, кинулось на штурм со всех сторон, били по городу все их орудия с суши и с моря, подкатили городки, пустили в ход все штурмовые хитрости... А цареградцы вышли на стены от мала до велика, и вместе с ними жены многие крепко бились; один патриарх со священниками молился в храме. Цесарь, как и прежде, появлялся всюду, где надо было ободрить людей, он говорил военачальникам и горожанам: «Господа и братья! Малые и большие! Сегодня мы должны прославить нашего бога, богородицу и свою веру христианскую! Будем мужественны и крепки, не поддавайтесь

никакой слабости, не теряйте надежды! Если и доведется нам головы сложить за веру православную, за церкви божии, — прославит нас бог!»

Так говорил он и своими речами вдохновлял защитников города. Повелел опять звонить во все колокола. Джустиниан тоже носился по стенам и везде крепил оборону, поднимал в бой людей. Когда же слышали бойцы трезвон всех колоколов, еще храбрей и неотступней стали побивать турок, говоря друг другу: «Умрем сегодня за веру христианскую!..»

Каким языком поведать ужас и муки этой битвы! Падали мертвые с обеих сторон, как снопы. С башен и стен потоками текла кровь. От воплей и плача, от криков и рыданий, от звона колокольного и грому пушечного, от вспышек, подобных молниям, казалось, весь Царьград опрокинулся. Рвы наполнились трупами доверху, так что турки переходили по трупам, как по мосту, и взбирались на стены по горам трупов, как по ступенькам лестницы. Трусами полны были потоки, трупы устилали берега, а кровь текла рекой в Галатскую бухту. Весь залив стал кровавым, и долины меж холмов наполнились кровью...

Яростно и беспощадно рубились противники. Если бы господь не послал ночную тьму, конец пришел бы Царьграду, ибо горожане уже изнемогли.

Ночь заставила турок отступить в свои станы, а царьградцы пали без сил, без памяти, кто где стоял, и заснули непробудным сном. Тиха была эта ночь, только стонали и вскрикивали изрубленные воины, пока еще теплилась в них жизнь.

Утром цесарь велел священникам и дьяконам хоронить убитых, а тех, кто еще жив, относить к врачам. И собрали мертвых греков и фрягов, армян и иных наемников пять тысяч семьсот. Джустиниан с вельможами обошел все стены крепостные, осмотрел укрепления, подсчитал потери врагов и сказал царю и патриарху, что турок перебито до тридцати пяти тысяч.

Цесарь горестно оплакивал своих павших воинов; помощи больше ждать было неоткуда, а басурмане, видимо, отступить не думали.

Патриарх со всем духовенством и придворные советники утешали цесаря. Потом все они пошли молиться в собор святой Софии. И жены вельмож и сановников вместе с царицей и с детьми тоже молились в храмах, а воинство почивало от безмерной истомы. Патриарх всел созывать народ в храмы колокольным звоном, наказал всем, кто не был в бою, всем женщинам и детям идти в свои церкви — благодарить бога и непорочную богородицу. И по всему городу собирались люди в церквях, прославляя и благодаря бога и пречистую богородицу. Так молились весь день и следующую ночь.

Султан сперва не хотел убирать своих мертвецов. Он замыслил забросать ими из катапульт осажденный город, чтобы отравить их зловонием горожан. Но те, кто хорошо знал город, отговорили его, объяснив, что огромность и расположение города сделают этот замысел безуспешным. Тогда послал он множество своих людей убирать и сжигать трупы: однако болотца крови во рвах и руслах ручьев и потоков, загнивая, распространяли великий смрад; счастье, что ветер относил его в сторону и городу не было вреда.

И после всего этого не отчаялся безбожный султан, но спустя восемь дней опять приказал вести штурмовые бои неотступно, изо дня в день. А наибольшую пушку велел переделать, чтобы бой ее был еще сильнее.

Когда узнали об этом вельможи, Джустиниан и патриарх, они пришли все вместе к цесарю и начали уговаривать его:

— Мы узнали, о цесарь, что безбожные турки не ослабели и готовятся к еще более жестокому приступу. Что же нам делать теперь, если нет надежды на помощь ниоткуда? Надо тебе, цесарь, уехать из Царьграда в безопасное место. Тогда народ твой и братья твои, государи, придут на помощь. Даже албанцы придут тогда помочь нам против турок, побоявшись их победы. Вот тогда уж турецкий султан устрашится и отступит от Царьграда!

И еще многими другими доводами убеждали они цесаря; Джустиниан предлагал ему свои корабли и катарги, чтобы морем уйти из Царьграда.

Цесарь долго молчал и потом в крайнем волнении со слезами ответил:

— Хвалю ваш совет и благодарю, так как знаю, что всё это вы придумали для моей пользы, знаю, что есть возможность поступить именно так. Но как же мне покинуть храмы и духовенство, цесарское достояние и всех людей моих, цареградцев? Что обо мне скажет человечество? Подумайте и ответьте мне! Нет, друзья и господа, нет, не покину я вас, лучше умру здесь вместе с вами! — И пал ниц в горьких слезах. Патриарх и все собравшиеся вельможи тоже плакали и перестали его уговаривать, чтоб не пошла об этом молва.

Решили отправить за помощью новые посольства — в балканские государства, на острова Эгейского моря и к фрягам.

Горожане днем бились с турками, а по ночам пробирались по рвам, пробивали ходы от подножия своих крепостных стен и делали подкопы, устанавливали мины, зарывая в землю сосуды с пушечным порохом. А на стенах заготавливали котлы со смолой и наполняли бочки смесью горючей серы со смолой, с пушечным порохом и грубыми лоскутьями.

На другой день окаянный султан приказал выкатить свою наибольшую пушку. Теперь она скреплена была железными обручами, — но чуть ударили из нее, лопнула она и расселась на части. Видя позор свой и поругание, безбожный султан приказал подкатить к городу осадные туры. * Множество людей передвигали эти громадные сооружения; установили их по краю рва и стали заполнять ров перед ними деревьями, хворостом и землею, чтобы пододвинуть эти туры вплотную к стенам и чтобы потом, проломивши стену в нескольких местах с исподней части, повалить ее.

Но когда нахлынуло множество турок, чтобы засыпать ров, цареградцы подожгли фитили своих мин, и вдруг загрела земля страшным громом и поднялась вместе с турами и скопищем вражеских войск, — словно великая буря сорвала их и метнула под облака... Слышно было, как с треском и грохотом сокрушаются и разлетаются на части осадные туры, как в ужасе вопят и стонут взорванные люди. Тут кинулись в страхе турки прочь от города, а цареградцы со стен крепостных — в город. И падали с высоты деревья, бревна, люди — одни в город, другие на турецкую рать. Многие турки, спасаясь от взрывов, прятались в ров; когда цареградцы вернулись на стены и увидели турецкое воинство во рву за стенами, стали они зажигать бочки со смоляной и пороховой смесью и метать их в ров, — бочки извергали вихри огня, кипящей смолы, пылающих лоскутьев и сжигали скопившихся во рву врагов.

Так с божьей помощью в этот день отстояли город от зловерных турок.

В неистовой злобе издали смотрел Магомет-султан, окруженный своей гвардией, как отбит был приступ, и не знал, что ему еще предпринять; штурмовые его отряды в страхе отступили от города.

А греки, выходя из крепости, добивали во рву турок, которые еще были живы, собирали трупы их в кучи и сжигали вместе с оставшимися стенобитными орудиями и городками.

Цесарь, патриарх и все духовенство молились в храмах, надеясь, что настал конец войне.

Султан Магомет много дней собирал свой военный совет, и уже решили было турки отступить, так как морской путь стал теперь удобен и ждали помощи Царьграду с разных сторон.

О, если бы мы не погрязли в беззакониях и сердца наши не обременены были грехами! Если бы мы могли спастись от гнева божьего!

Цесарь с патриархом тоже созвали совет и приняли несчастливое решение. На совещании говорили так: «Много дней без боя медлит Турок; видно, опять готовится к большому приступу. Давайте пошлем к нему послов о замирении». Так и сделали.

А лукавый султан, выслушав послов, обрадовался, подумал, что цареградцев только крайняя беда заставила просить мира. И отменил отступление, стал вести переговоры об условиях мира. * Наконец, приказал послам передать цесарю такой ответ: «Раз пришла цесарю благая мысль о мире, то и я готов мириться. Но условия мои такие: пусть цесарь, и патриарх, и все, кому это угодно, уйдут из Царьграда в балканские земли, а город оставят мне открытым, и я заключу с вами вечный нелукавый мир, не буду никогда покушаться ни на балканские государства, ни на ваши острова. А кто не хочет покидать города, пусть остаются, я обещаю им своим именем, что не причинят им никакого вреда, и будут они жить без печали».

Услышав ответ султана от своих послов, цесарь, патриарх и весь народ приуныли, стонали из глубины сердца, протягивая руки к небу и молясь:

«Господь, заступник наш, с высоты своей славы взгляни на нас, низвергни гордеца — безбожного султана, спаси город твой и нас, рабов твоих, овец стада твоего! Куда нам идти, как нам покинуть пастыря и наставника своего? Нет, господи, не уйдем, лучше все умрем в твоём святом дворе, во славу величия твоего!»

И стали готовиться к новым битвам, раскаиваясь, что поспешеством своим удержали Магомета-султана под стенами города.

Через три дня доложили окаянному султану, что его треснувшая большая пушка хорошо наварена, и захотел он еще раз испробовать ее, приказал всему войску опять идти на приступ и биться так же неотступно, как раньше. Это было наказанием за наши прегрешения, во исполнение пророчеств о судьбе Царьграда, какие были при Константине Великом, и при Льве Премудром, и у Мефодия Патарского. *

Шестого мая приказал султан снова бить из пушек по самому удобному для штурма месту, через которое и раньше хотели турки ворваться в город. Три дня не прекращалась канонада. И когда часть стены была уже сильно повреждена, ударили по ней из большой пушки и выбили немалый кусок; тогда ударили из нее еще раз, и образовался пролом. Но наступил вечер. Чтобы не дать заделать пролом, турки всю ночь стреляли по этому месту из многих пушек. Греки же построили в глубине против пролома большую башню с пушками.

На следующий день турки снова подтащили туда большую пушку и ударили в нижнюю часть стены, чтобы обрушить ее, а потом вторым и третьим выстрелом расширили пролом. Тут, оглашая неистовым криком, бросились турки в город, и скопилось их в проломе такое множество, что сами своих топтали. А цареградцы тоже бросились к пролому, яростно рубясь

с нападающими. Страшно было смотреть на эту яростную схватку, как дикие звери рычали они друг на друга и бились смертным боем.

Джустиниан собрал большой отряд и кинулся на защиту пролома, его натиск был так отважен и неустойчив, что в несколько мгновений он сбил турок со стены и заполнил ров у пролома их трупами. В это время турецкий удалец из янычар, * по имени Амурат, незаметно подкрался, прячась среди греков, к Джустиниану и готов был уже зарубить его, как один из греков вовремя заметил это со стены, прыгнул вниз и секирой отрубил Амурату ногу — и так спас Джустиниана от гибели.

На помощь отступающим туркам бросился Амар-бей, начальник западного крыла турецких войск, со своими полками. И снова завязалась яростная сеча. На выручку Джустиниану вывел большой отряд греков Рангавей, славный воевода. Он бился так храбро и искусно, что разогнал турок и оказался лицом к лицу с их предводителем, Амар-беем. Видя, какое множество турок зарубил Рангавей, тот обнажил свой меч и вступил с ним в поединок. * Рангавей изловчился вспрыгнуть на камень и с высоты страшным двоеручным ударом меча разрубил его надвое, — великой был силы наш витязь!

Турки злобно взвыли, окружили Рангавея плотным кольцом и со всех сторон осыпали его ударами. Как ни пробивались к Рангавею греки, чтобы отнять его, — многих турок побили и многих своих потеряли, но не одолели турок, и те зарубили Рангавея.

Тогда отступили греки в город и горько оплакивали Рангавея, великого витязя и любимца цесарева.

Настала ночь, затихла битва, разошлись противники. Но опять всю ночь обстреливали турки из пушек пролом в стене, чтобы греки не смогли заделать его. Горожане углубили оборону и подготовили дуговую опорную линию вокруг пролома, расставив скрытно пушки, пристрелянные к месту пролома, а в центре укрепили свою боевую башню.

Утром турки обрадовались, видя, что пролом зияет незаделанный; отряд за отрядом бросились они пробиваться в город. Греки бились с ними и понемногу отступали. Скоро турок собралось тут множество, и с победными кликами устремились они в город. Тогда греки расступились, а с тайных позиций ударили по нападающим пушки. Огромные потери причинили они туркам. Когда пушки сделали свое дело, кинулся на вылазку славный воевода Палеолог * с большим отрядом и погнал турок, крепко побивая, прочь от стены. Тогда двинул султан начальника восточного крыла своего войска, Мустафу, с большими силами. Потеснил Мустафа греков, заставил их вернуться

в крепость и стал уже овладевать стеною. На помощь поспешил опять Джустиниан со своим отрядом и Федор, начальник тысячи. Храбро бились они, но турок было во много раз больше, и начали они брать верх.

В это время цесарь созвал военный совет в соборе святой Софии, он говорил: «Много дней бессменно мы бьемся с турками, сколько тысяч пало наших бойцов! Если так продолжать, перебыют они всё наше войско и захватят город. Я предлагаю собрать сильный отряд охотников, одеть всем опознавательные повязки и выйти в ночную вылазку, напасть внезапно на сонный лагерь и разгромить турок, как разгромил когда-то Геден мадиямлян.* Либо победим и спасем город, либо с честью погибнем за наши храмы!»

Многих убедил он своею речью, так как знали его доблесть, храбрость и силу исполинскую. Но главный начальник войск, Лука, и губернатор города, Николай, долго молчали, обдумывая, а потом сказали так: «Пять месяцев прошло с того дня, как начали мы биться с турками, по милости божией мы выстояли. Если будет на то воля божья, выдержим и еще пять месяцев. А без его воли в один час, в одной ночной стычке все погибнем и город погубим...»

Однако ближайшие советники цесаря и многие вельможи стояли за то, чтобы цесарь с избранным войском вышел из города и дал бой за стенами, не допуская турок так дерзко врываться в крепость, чтобы отбросить их лагерь на большое расстояние. Тогда придут под его знамена многие ратники со всех сторон.

В тот час прибежал вестник сказать, что турки уже взошли на стены и одолевают горожан. В великой тревоге кинулся на помощь цесарь и вельможи, а впереди всех устремились полководцы. Они встречали убегающих в страхе перед турками горожан, били их и возвращали в строй.

Джустиниан и другие военачальники отбивались уже в городе, то отступая перед превосходными силами турок, то закрепляясь и снова переходя в атаку. Но турки уже навели мосты через ров, и в город устремилась их конница. Когда же подошли с военного совета полководцы, собрали воинов и поддерживали Джустиниана, то туркам пришлось опять отступить к самой стене. Однако здесь сосредоточено было уже так много турецкой конницы и пехоты, что натиск греков ослабел, турки кидались на них отовсюду, как разъяренные звери. Тут бы и конец пришел городу. Вдруг появился цесарь. Ободряя своим боевым кличем, как лев рыкающий, кинулся он на турок со своей конницей и отборной пехотой и нещадно рубил их: кто бы ни попался на его пути, мощным взмахом рассекал он одного с головы до ног, другого поперек тела, — не было удержав

его мечу! Турки узнали его, стали вызывать лучших своих богатырей, подстрекая друг друга великой султанской наградой, осыпали цесаря градом стрел, наскakивали и ловчились поразить его самым верным своим оружием. Но сказано, что победа в сражении и падение цесаря только по божью промыслу бывает. Пики и копья скользили, стрелы и пули летели мимо, не попадая в него, а он с одним мечом в руках прорубал себе дорогу то вперед, то назад к своим, и привел турок в ужас, и стали они расступаться перед ним, потом не выдержали и побежали к пролому. Там набежало их многое множество: давя друг друга и падая под ударами окруживших их греков, они ринулись прочь из города, перебираясь через ров.

Так цесарь с божьей помощью спас в этот день свой город. Наступил вечер, и турки бежали к своим станам.

Утром правитель города, Николай, приказал горожанам выкидывать побитых турок вон из города, на ту сторону рва, чтобы видели безбожные свои потери: и насчитали до шестнадцати тысяч трупов. Турки попросили перемирия, собрали свои трупы и сожгли их.

Правитель города приказал заделать деревянной оградой пролом в стене и поднять башню. Он надеялся, что теперь-то уж турки отступят.

Но безбожный Магомет замышлял иное. Он собрал через три дня всех своих башей и санджак-беев и сказал им так:

— Вы видели, как храбро бьются с нами гяуры. Если так же и дальше будем воевать, не одолеем их. Нельзя биться в одном месте, у пролома, — там решающего перевеса сил не будем иметь, а то, что мы можем собрать здесь для удара, они отбивают малой силой; так мы не победим! Надо еще раз бросить все наши войска на «ягму», подкатить осадные туры и лестницы со всех сторон, а когда гарнизон разойдется для обороны по всем крепостным стенам, тотчас ударить большой силой через пролом.

Как надумал султан, так и сделал, по божьему попущению. Изготовили осадные городки, лестницы и всякие ухищрения для приступа, наступали на город со всех сторон день за днем, не давая осажденным передышки.

А двадцать первого мая — за грехи наши — было страшное знамение в Царьграде: в ночь на пятницу вдруг осветился весь город, стража кинулась с криками в ту сторону, откуда исходил свет, думая, что турки подожгли город, и увидели, что над собором святой Софии из окон вышло пламя, окружило шею купола, слилось в единый сноп огня, поднялось над храмом и взлетело к небесному своду. Люди стали плакать, восклицая: «Господи, помилуй!» Тогда открылся небесный свод, и, поглотив пламя, снова закрылись двери неба.

Утром рассказали о видении патриарху. Собрал патриарх вельмож и советников и пошел к цесарю уговаривать его, чтобы он с цесарицею выехал из Царьграда. А когда не послушался его цесарь, патриарх сказал:

— Помнишь ли ты, какие были предсказания о Царьграде? Вот сегодня ночью явилось страшное предвестье. Неизреченный свет, сиявший в соборе святой Софии от времени прежних светочей церкви, вселенских патриархов, и ангел, посланный к нам богом при цесаре Юстиниане, в эту ночь покинули нас. Нет более милости и щедрот божьих на нас, нет божественной защиты и охраны у города и храма его, предаст господь город наш в руки врагов...

И велел привести тех людей, кто видел ночью знамение, чтобы повторили свой рассказ. Цесарь, выслушав это, пал без чувств и долго лежал как мертвый, едва очнувшись, когда стали отливать его ароматными водами. И тут же приказал патриарху и вельможам никому не говорить ни слова о знамении и страшным запретом запретить ночным очевидцам рассказывать о нем, чтобы не охватило цареградцев отчаяние и не прекратили бы защиту города.

Патриарх еще пытался уговорить цесаря, вельможи говорили:

— Если ты выйдешь — с кем хочешь — на волю, оттуда легче будет собрать помощь осажденному городу, да и остальные города и государства наши, на тебя надеясь, не сдадутся тогда безбожному султану.

Но не согласился цесарь, он ответил так:

— Если на то воля божья, куда же убежим от гнева его? Сколько славных и великих цесарей до меня отдали жизнь за отечество свое, так неужели я не достоин своих предков! Нет, господа, нет, не уйду и до конца останусь с вами!

Джустиниан тоже со слезами молил цесаря выйти из города, но тот не послушал его.

А на другой же день в народе пошла молва об отшествии святого духа, и страх овладел всеми, и силы их таяли. Патриарх стал ободрять всех, поучая: «Смело ждите спасения от господя. Он избавит нас от врагов и все их умыслы рассеет, как пыль».

Подняли святые иконы, и патриарх со священниками крестным ходом обошел все стены, совершая службы: «Господи, боже наш, бессмертный и безначальный, создатель всего видимого и невидимого мира, ты ради нас, злонравных и неблагодарных, сошел с небес, воплотился и кровь свою за нас пролил, взгляни теперь на нас, смиренных рабов твоих, услышь молитву нашу, ведь приходит наша погибель! Согрешили мы, мерзкими и постыдными делами сделали себя недостойными

ни этой временной жизни на земле, ни будущей, чтобы видеть славу твою. Разгневали мы тебя, нарушая твои заповеди и не слушая твоих повелений! Но сам ты, долготерпеливый и многомилостивый, сказал пророкам своим: „Не хочу смерти грешника, но вернуть его хочу к жизни“, или: „Не затем я пришел, чтобы призвать к себе праведников, но чтобы грешников заставить покаяться“. Ты не захочешь погубить созданий своих, но спасение всем и пути к истине нам откроешь. Потому и мы не отчаиваемся в своем спасенье, на твою доброту надеемся и молим: пощади тех, кого ты искупил своею животворной кровью, не предавай нас в руки врагов и противников владычества твоего, избавь нас от осады и всех ее бедствий, выведи чудом своим, да посрамятся враги, да сокрушатся их силы, да разумеют, что ты бог наш, Иисус Христос, явившийся во славу бога отца!..» Так молился он, и народ плакал и молился в церквах, чая божьей милости.

Но прежде бог и пречистая его мать посылали нам множество даров и милостей своих, а теперь за грехи наши отвернулись они от нас. Сказано в Писании: «Вы будете простираť руки свои ко мне, — и отведу взор свой, предстанете предо мною, — и отвернусь от вас». И далее: «Что ни делаете, — ненавистны дела ваши духу моему». Так вот и теперь молитвы наши были отвергнуты.

А турки изо дня в день осаждали крепость, не давая нам отдыха.

Магомет окаянный так расставил свои полки для последнего приступа: Карач-бея поставил против цесаревых палат, Деревянных ворот и Калисарийских; беглер-бею восточному велел стать против источника Богоматери и Золотых ворот, а беглер-бею западному — против Харсийских ворот; сам султан стал между ними против ворот Святого Романа и против пролома, а командующему флотом Балта-оглу и Саган-паше велел закрыть флотом подход к обеим стенам, что с морской стороны. И приказал в один час ударить со всех сторон — с моря и с суши.

И, построив так свои войска, велел муллам творить их поганую молитву. Потом заорали турки что есть мочи и кинулись со всех сторон к городу. Подкатили свои пушки и пищали, осадные туры и лестницы, деревянные городки и всякие стенобитные махины, которым нет числа, а с моря подошли к самым стенам на кораблях и катаргах и стали обстреливать город круговым огнем. Над рвом начали перекидывать мосты, а с городков, с туров и с лестниц стали взбираться на стены. Но греки бились стойко и не пускали их на стены. Баши и военачальники лупили своих ратников, кричали, понукали их. Магомет со всеми своими придворными чинами двинулся вперед,

приказав бить в тимпаны и барабаны, играть на дудках и свирелях, подымая неистовый шум; словно буря поднялась и заходит над городом. Тогда за Магометом устремилось турецкое войско к пролomu, думая, что в панике греки легко дадут им овладеть городом.

Джустиниан оборонял пролом. На помощь к нему поспешили со всех сторон военачальники со своими отрядами. Ожесточенно дрались все с турками, и много греков полегло здесь. Еще не пробил час грозной судьбы, и грекам удалось еще продержаться.

Цесарь со свитой носился по всему городу, поддерживая ратный дух в боярах, военачальниках и простых воинах, внушая надежду всему народу: «Бейтесь с врагом смело, с верой в победу, господь поможет нам!» Он повелел звонить в колокола по всему городу. Весь город кинулся на стены, и закипел бой со страшным ожесточением и отвагой обеих сторон.

Патриарх и весь священнический собор служили у Святой Софии, неотступно моля бога и пречистую богоматерь о помощи против врагов.

Когда он услышал набатный звон по всему городу, он вышел с иконами на площадь перед храмом святой Софии и стал благословлять крестом изнемогающий город, молясь так: «Воскресни, боже, и помоги нам, стоящим на краю гибели! Не отвергай в этот последний час людей своих, не отдавай нас на поругание дикарям, пожирающим сырое мясо, не допусти, чтобы они издевались: „Где же бог ваш?“ Пусть узнают силу твою, бога нашего Иисуса Христа и славу бога-отца. О святая богородица, умолай сына своего, утиши гнев его на нас и спаси от гибели, мы уже у самых врат ада! Поспеши, человеколюбивая мать, подхвати и унеси нас своей правой рукой, раньше чем пожрет нас ад, чтобы все прославляли и благодарили тебя!»

В это время цесарь прискакал к той площади, куда через пролом ворвались турки, и увидел, как яростно бились они с греками. Угадывая расчеты султана на этот прорыв, он кинулся вперед, ободряя отряды обороны: «Пришло время, братья и друзья, добыть вечную славу, защищая веру христианскую и церкви божии! Мы оставим славный пример мужества нашим потомкам!» И ударил своего скакуна, чтоб, пробившись через самую гущу схватки, добраться до стоянки Магомет-султана и мечом цесаря отомстить ему за реки крови христианской. Но вельможи и своя пехота сомкнулись тесным кольцом и не выпустили его, ибо Магомет был окружен тяжелой силой и немыслимое было дело — пробиться до него самого. Тогда цесарь ринулся на ворвавшихся в город турок и рубил их улицами и переулками, меч его рассекал плечи и бедра,

и турки, в ужасе от силы его ударов, расступались и обращались в бегство. А воины и военачальники греческие, видя геройскую отвагу цесаря, с яростью тигров бросились на турок. Так выбили их из города на ту сторону рва. Но Магомет не отступил и приказал бить своих бегущих ратников, чтобы повернуть их на штурм. И не было сечи более мрачной и угрюмой, ибо тучи стрел помрачили свет, а со стен на турок низвергались потоки кипящей смолы и вязанки пылающей смолистой щепы, опалая и тех, кто штурмовал крепость с поля, и тех, кто прорвался в город.

Вот уже солнце зашло, ночь наступила, а битва не прекращалась; султан приказал зажечь вокруг города бесчисленные костры и сам носился из конца в конец, всюду воплем и яростью подгоняя людей в бой, надеясь упиться победой, овладеть городом.

Но греки и венецианцы оборонялись отчаянно, крича друг другу: «А ну, братья, бейтесь дружнее — до суда божьего, скорей бы за святые церкви душу спасти!»

До самой полуночи они бились так крепко, что и все стены от турок очистили и с осадных городков их сбили на землю. Тогда только прекратилась сеча. Но турки не ушли на этот раз от стен Царьграда, а стерегли свои туры и все осадные сооружения.

Когда утром греки хотели поджечь эти туры и городки, турки кинулись спасать их и стрельбой из луков и пищалей отбили от вылазки. Павших было много и в этой схватке, а раненых — не пересчитать.

С девяти часов утра в этот день султан приказал открыть бешеный огонь из пушек и пищалей по месту пролома, а из большой пушки пристрелялись к башне; ударили турки раз, и другой, и третий, и разрушили башню. Но чуть спустилась ночь, Джустиниан со своей дружиной и с помощью венецианцев стал спешно отстраивать башню для защиты пролома. Но горе нам за грехи великие! Услыша шум, турки среди ночи возобновили обстрел, и шальное каменное ядро на излете поразило Джустиниана в грудь. Пал он на землю как мертвый, едва отходили его и отнесли домой. Бояре византийские, и греки, и венецианцы растерялись, не зная, что делать без Джустиниана.

Видно, на то была воля божья, чтоб приблизилась конечная беда и гибель города, ибо только Джустиниан и мог защитить место пролома великим своим воинским умением, и мужеством, и храбростью необычайной.

Когда сказали о несчастье цесарю, он потрясен был и поражен унынием. В дом Джустиниана поспешил и цесарь и патриарх, собрались вельможи и врачи, все хотели помочь ему,

и каждый готов был душу и жизнь свою вдунуть в его разбитую грудь... Как брата любил его цесарь, все видели в нем опору своей бодрости и веры в спасенье.

Врачи оперировали его всю ночь, им удалось вправить поврежденную ядром грудь. И стало ему легче, ненадолго забылся, потом дали ему пить и есть немного.

Дружина венецианская, узнав об этом, снова принялась отстраивать башню, но не успела. Джустиниан приказал нести его туда и стал распоряжаться работами, но совсем уже рассвело, и турки, увидев стройку, повели такой обстрел из многих пушек, что пришлось отойти от башни. Заметив, что площадь опустела, турки опять кинулись в пролом, вышли и греки им навстречу, и снова начался кровавый бой.

Какой-то из больших турецких военачальников во главе отряда сарацин кинулся на греков. В его отряде было пять богатырей, громадных и страшных лицом; они наносили грекам большой урон. На помощь к пролому поспешил главный конюший и сын его Андрей с дружиной. Отчаянно бились обе стороны. Трое побратимов увидели, как рубят наших сарацинские богатыри; братья спустились со стены и бесстрашно кинулись на них. Турки не мешали им, уверенные, что сарацины сейчас прикончат их; но вот уж двоих сарацинских богатырей уложили наши храбрецы, — тогда завопили турки и со всех сторон бросились на них; трое братьев отбились и отступили в город, а были это три подростка, один грек, другой венгр, третий албанец.

Бой у пролома не утихал. Турки накапливали силу и отесняли греков. А наши военачальники вместе с Джустинианом отбивали атаки с великим мужеством и умением. Но чему быть по божьей воле, того не миновать. Ядро на излете поразило Джустиниана в правое плечо, упал он замертво, и все его люди и военачальники сбежались, припадали к нему с воплями и рыданиями. Венецианцы подняли его и вынесли из боя.

А турки услышали крики и вопли, увидели смятение угреков и бросились в атаку с новыми силами. Им удалось потеснить греков, их отряды уже вливались в улицы города; преследуя отступающих, они порубили многих; чем больше видели турок в городе, тем больше овладевала паника греками, бежали все, и военачальники; только там, где уже некуда было бежать, останавливались и давали отпор.

Конец приходил Царьграду.

На помощь к пролому помчался цесарь со своей гвардией. По пути встретил он Джустиниана, еще живого, и горько заплакал. Он уговаривал венецианцев вернуться, но его не слушали. Тогда поскакал он дальше, укоряя греков в трусости и возвращая бегущих. В самую гущу турок ворвался он, зовя

за собой дружину, разил могучим мечом кого с головы до ног, кого поперек груди, а под кем и коня рассекал. Никакая броня не спасала от его меча. Турки завопили, подбодряя друг друга против него, но никто не смел сразиться с ним, а издали сколько ни метали в него копий и стрел — все мимо, он оставался невредим: не пришел еще его час.

Цесарь гнал их дальше и дальше, рассеивал их отряды; за ним смело пошли греческие дружины и скоро выгнали турок из города к пролому, а тут взяли их в кольцо, со всех сторон яростно накинулись на них греки, кололи и рубили их как свиней, а кто успел прорваться в улицы, тех там доканчивали. Так и в этот день с божьей помощью избавился город от гибели. Ушли турки, а горожане валились с ног от истомы. Ночь прошла спокойно.

Цесарь, патриарх и воины благодарили бога и пречистую богородицу в храме святой Софии. Рассказывают, что цесарь гордился этой победой и надеялся, что теперь-то уж турки отступят.

Но бог судил иначе. Магомет, понеся такие потери и выслушав рассказы о геройской доблести цесаря, не спал эту ночь; он опять созвал военный совет и хотел уходить из-под Царьграда, — к тому же ожидали, что придет много кораблей на помощь грекам. Но и это решение не сбылось, по божьей воле.

В седьмом часу спустилась тьма над городом, из темной тучи падали огромные красные капли — как глаза буйвола, налитые кровью, — и медленно впитывались они в землю. Дивились люди, и напал на них ужас и горе. Патриарх Анастасий созвал духовенство и сановников, и опять пошли к цесарю. Патриарх сказал: «Светлейший цесарь, тебе хорошо известны все предсказания о Царьграде, ты знаешь, что дух святой покинул нас, а сегодня было новое предзнаменование о гибели нашего города; умоляю тебя, уходи из Царьграда, чтобы не погибать тут вместе!..» Рассказал ему о других цесарях, как уходили в подобных случаях и возвращались с войском. И многие еще убеждали его после патриарха. Но не послушал их: «Да будет воля господня!»

Султан Магомет, увидев великую тучу над Царьградом, тоже собрал всех книжников и мулл и спросил их: «Что означает темная туча над городом?» И ответили: «Страшное знамение это — предвестие гибели города». Тогда безбожный султан приказал скорей готовить все воинство к последнему приступу — выкатить все пушки и пищали, послать пехоту, а за ней конницу. Весь огонь сосредоточили на месте пролома, потом велели пехотинцам очистить путь коннице, заполнить рвы, навести мосты. Атака конницы смяла защитников площади у пролома, но подоспела своя конница с военачальниками и пол-

ководцами, — они задержали турок. Прискакал цесарь со своей гвардией и отважными войсками, когда турки уже скопились за проломом и стали прорываться в город. Цесарь сбил их натиск и в ожесточенной схватке оттеснил их к пролому.

Тогда ринулся в бой восточный беглер-бей, богатырь среди турок; с яростными криками вел он за собой свежие полчища; им удалось смешать ряды греческой обороны, разогнать часть наших войск. С пикой наперевес бросился беглер-бей на самого цесаря. Но цесарь ловко отбил своим щитом удар пики и, взмахнув мечом, разрубил турецкого богатыря с головы до седла. Турки с воплем и визгом кинулись отбивать беглер-бея и унесли его труп.

А за цесарем ударили на турок отряды и дружины греческие, разгромили их и прогнали из города.

Тогда собрал свои полчища Карач-бей паша и двинул их к пролому, преисполненный гордыни и веры в свою победу. Ему удалось оттеснить защитников и войти в город. Цесарь и тут сумел вдохнуть бодрость своим людям: вместе с вельможами и полководцами, с лучшими отрядами он вернулся в битву и прогнал турок из города. Но если бы мы и горы могли сдвинуть с места, воли божьей никому не превозмочь!

Турок было несметное множество, они сменяли полки, вводя в битву свежие силы, а защитники Царьграда, не сменяясь, выставляли, отбивая один приступ за другим, и, теряя последние силы, падали как пьяные. Не видя помощи ниоткуда, цесарь и полководцы тоже теряли силы и веру, поддаваясь великой скорби и печали.

Магомет окаянный горько плакал, узнав, как цесарь убил восточного беглер-бея, — он любил его за мужество и мудрость. Разъярясь, он двинулся в битву сам со всей своей гвардией и знатью, со всем резервом.

А против цесаря он направил пушки и пищали, чтоб не выпустить его из города, — султан боялся, что цесарь пробьется к нему и внезапно поразит его.

Остановился Магомет против пролома, беглым огнем из пушек и пищалей отогнал защитников и бросил в атаку три тысячи лучшего войска под командой Балта-оглу паши, за ними другие полки, и велел им захватить в бою цесаря, не щадя жизни своей, а если не удастся захватить, то чтоб из пищали убили его.

Полководцы и военачальники, видя тяжкую силу нападающих и страшную стрельбу противника, увели цесаря, чтоб не погиб безвременно. Он просил: «Оставьте, не держите меня, ведь я дал обет умереть вместе с вами!» — «Мы все умрем за церкви божии и за тебя!» — отвечали вельможи. Простившись с цесарем последним целованием, они вернулись в бой. Балта-оглу

подавил своими силами оборону, — витязи, лучшие военачальники яростно бились, но не могли сдержать натиска и стали отступать. Войска Балта-оглу ворвались в город, и началась страшная сеча. Пали в этой битве все полководцы и военачальники, множество турок и греков погибло в последнем бою, повсюду рыскали трехтысячники Балта-оглу, как голодные звери, разыскивая цесаря. Магомет окаянный отправлял отряд за отрядом ко всем воротам города, по всем улицам, чтоб захватили цесаря живым, а сам запрятался, окруженный верными янычарами, обороняясь пушками и пищальями, — так он боялся нападения цесаря.

Когда пришли немногие из оставшихся в живых к цесарю и рассказали ему, что турки прорвали оборону, он понял, что настал час божьей воли, пошел в храм святой Софии, пал ниц и простился с патриархом, с цесарицею, со всем народом, прося прощения у всех за свои прегрешения, и вышел из храма. Весь народ и духовенство, женщины и дети, собравшиеся там, провожали его таким плачем и рыданиями и криками, что стены собора заколебались и вопли народа поднялись до самого неба.

Выйдя на площадь, цесарь кликнул:

— Кто хочет пострадать за веру, за церкви божьи, — за мною в бой!..

Вскочив на своего красавца-коня, двинулся он к Золотым Воротам, надеясь встретить там безбожного Магомета. За ним пошло около трех тысяч воинов. У Золотых Ворот его ждал большой турецкий полк, он разбил его, но в ворота пробиться не мог через горы трупов, повернул назад и вскоре встретил новый полк, посланный захватить его, и бился с ними до ночи. Здесь он и погиб — благоверный царь Константин — за веру свою, за церкви божии, погиб 29 мая, перебив своей рукой более шестисот турок, как рассказывали те, кто остался в живых. И сбылось пророчество: «Константин создал Царьград, с Константином и погиб Царьград».

Суд божий постигает нас за грехи, беззаконие ниспровергает престолы! Горе тебе, Город на семи холмах! Завладела тобой язычники! Сколько столетий сиял ты, благодатью наделенный, прославленный больше всех других городов! Бывали и напасти, бедствия, наставлял тебя бог испытаниями. Бывали и победы над врагами, было изобилие житейское. Богородица хранила тебя и осыпала своими дарами и милостями. А ты неистово погряз в грехах, отвратил от себя милость и щедроты божии своими беззакониями. И настиг тебя гнев божий, предан ты в руки врагов! Кто не заплачет о судьбе твоей!

Цесарица, простившись с цесарем, приняла иноческий обет. Оставшиеся советники и вельможи отвели цесарицу, благородных девушек и многих молодых женщин на корабли Джустии-

ниана, они отплыли с ним на острова и к родным в другие страны.

А народ по улицам, по дворам бился с турками, никто не сдавался им; многих турки убили в тот день, не щадя женщин и детей, но и потери их были огромны. В стенах крепости, под амбразурами были сделаны тайники. Воины у амбразур дрались с турками на две стороны, они побивали и тех, кто лез на стены с поля, поражали и тех, кто пробился в город и приближался к стенам изнутри. Если днем их одолевали нападавшие, они спускались в тайники, а ночью выходили и побивали турок. Жители города вместе с женщинами и детьми забирались на крыши домов и кидали оттуда в турок кирпичи, изразцы или зажигали деревянные кровли и метали на них горящие балки, доски, причиняя туркам большой урон.

Тогда в ужасе от этого яростного сопротивления турецкие санджак-беи послали к султану просить его: «Пока ты сам не войдешь в город, мы не завоюем его!» Но султан все посылал на поиски цесаря и цесарицы, боясь войти в город, пока они на свободе. Потом велел привести к себе бояр и военачальников цареградских, каких захватили в боях или сами сдались пашам на поруки, и дал им свое крепкое султанское слово и дарами одарил, чтобы шли они по городу и уговаривали всех горожан и последних защитников крепости у амбразур прекратить уличные бои, оставить все укрепления и сдаваться султану без страха, — не будет ни казней, ни плена. А если не прекратятся бои, то всех предаст султан мечу, не пощадит ни жен, ни детей!

После этого перестали греки сопротивляться и сдались на поруки своих бояр, военачальников и турецких пашей. Султан обрадовался и послал людей очищать город, улицы и площади от трупов. Лишь на одиннадцатый день ввел он санджак-беес с отрядами охранять город от измены.

И тогда только через ворота святого Романа вошел он в Царьград со всей своей свитой, знатью и гвардией, пошел к Святой Софии, где собрались тогда патриарх, духовенство и бесчисленное множество цареградцев с женами и детьми. Выехав на площадь перед Святой Софией, сошел султан с коня, пал на землю и посыпал землей себе голову, благодаря бога за победу. Подивился величину храма и сказал: «Воистину были великие люди в этом городе, и подобных больше не будет!» Вошел в собор со свитою, как и было предсказано: «войдет мерзость запустения в святилище божие и станет на месте его»...

Патриарх, духовенство и весь народ пали на колени и со слезами молили о пощаде. Он помахал рукой, чтобы стихли, и сказал: «Говорю тебе, Анастасий, и всему народу твоему, — с нынешнего дня не бойтесь гнева моего, не будет ни убийств,

ни плена!» Обернувшись к пашам и санджак-бейам, велел запретить всем воинам гвардии и всем сановникам и военачальникам убивать или брать в плен кого бы то ни было, ни женщин, ни детей не трогать и никакой вражды с жителями Царьграда не иметь. А если кто нарушит этот приказ, — будет казнен смертью.

Потом велел распустить весь народ по домам, хотел осмотреть убранство и все сокровища Святой Софии, по слову пророка: «и вложит руки свои в святыни жертвенные и, захватив их, раздаст детям дьявола!»

Народ все шел да шел до девятого часа, а в соборе народу было все еще много. И не мог дожидаться султан, ушел прочь. И через площадь и по улицам шло теперь видимо-невидимо греков, и подивился султан, как могло вместиться столько народу в одном храме.

Пошел он ко дворцу цесаря; тут прибежал к нему серб какой-то, принес голову цесаря. Султан возликовал, но призвал вельмож и военачальников греческих, чтобы по правде сказали ему, действительно ли это голова цесаря. Они в страхе отвечали: «Да, это она и есть!» Тогда султан поцеловал голову и сказал: «Вот каким приметным создал тебя бог и цесарем поставил, зачем же понапрасну ты себя погубил?» И отослал голову к патриарху, чтобы обложил ее золотом и серебром и сохранил бы, как умеет. Патриарх положил голову в серебряный позолоченный сосуд и спрятал сосуд у Святой Софии под престолом. А другие рассказывали мне, что те, кто остался из дружины цесаря после кровавой схватки в темноте вечера у Золотых Ворот, ночью унесли его тело в Галату и там похоронили.

Султан учинил следствие о цесарице и дознался, что главный полководец, и первый министр, и сын главного конюшего, Андрей, и его племянник, Фома Палеолог, и градоначальник Николай проводили цесарицу со свитой на корабли; тогда он приказал пытатъ их и казнить.

Так безбожный Магомет воссел на престол благороднейшего из цесарей под солнцем, того, кто владел двумя половинами мира, того, чьи предки одолели Артаксеркса, * не вместившегося в пучине моря со своими полчищами и победившего тех, кто разрушил когда-то дивную Трою, обороняемую семьюдесятью четырьмя королями. Но знай, окаянный султан, если все, предсказанное Мефодием Патарским и Львом Премудрым, сбылось, если верными оказались и последние знамения в этом городе, то свершится и то, что по пророчеству должно быть после: «Русый народ победит измаильян, и овладеет Городом на семи холмах, и вместе с прежними законными его жителями в нем воцарится!»

Написал это я, многогрешный Нестор-Искандер. * В малых летах взят был в плен и подвергнут обрезанию по басурманскому обряду. Много лет провел 'в тяжких военных походах, думая только о том, как бы не погибнуть в окаянной этой вере.

Также и в этом страшном походе и осаде я избегал сражений, то притворяясь больным, то скрываясь, то с помощью друзей. Но зорко следил за всем и каждый день подробно расспрашивал участников дела, чтобы, улучив время, подробно записывать все, что предпринимали турки во время осады. А когда, по божью попущению, турецкие полчища вступили в Царьград, я стал расспрашивать у достоверных людей и у самых важных начальников обо всем, что творилось внутри города, как отбивались они от безбожных врагов. Потом кратко изложил все и передал свою повесть христианам — на память об этой страшной каре божией.

Да примет меня опять всемогущая троица в паству свою, чтобы мог и я теперь прославить великолепное и высокое имя ее. Аминь.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ ДМИТРИИ БАСАРГЕ И СЫНЕ ЕГО БОРЗОСМЫСЛЕ

В городе Киеве жил очень богатый купец Русской земли, по имени Дмитрий. Раз возвращался он домой из славного Царьграда. На корабле с ним было много рабов и сынок его семи лет. В открытом море налетела буря и носила их по волнам тридцать дней. Когда утих ветер, увидел Дмитрий вдали берег и на берегу большой город. Обрадовались они, повернули корабль к этому городу, пристали к берегу и увидели триста тридцать кораблей у причала.

Говорит купец:

— Что это так много кораблей тут стоит? Видно, земля богатая, большой торг ведут купцы.

Сошел он на берег, вошел в город. Встречные жители спрашивают:

— Откуда ты, купец, какой ты веры?

— Я из Русской земли, верую в святую троицу, отца, сына и святого духа.

— Так ты одной с нами веры, брат-купец! Да вот беда, за грехи наши послал нам бог царя-язычника, верует в эллинских богов, хочет и нас привести к своей вере. Приходят купеческие корабли из разных стран, хотят торговать в нашем царстве, а царь зовет каждого купца к себе и загадывает ему три загадки. Кто не угадает, — тому или в его веру переходить, или в темнице сидеть. Из-за этих загадок стоят у причала — ты видел? — триста тридцать кораблей, а купцы все в темнице. А царь не велит на базар и хлеба печь, чтобы они с голоду перемерли.

Услышав это, Дмитрий поспешил на свой корабль, чтоб отплыть поскорей из этого города. Пришел на свой корабль, а там уже стража царская стоит. Таков был закон тамошнего царя: какой бы ни пришел к его городу корабль, велит своей страже занять его, чтобы не мог отплыть.

Взял купец Дмитрий дары и пошел во дворец. Стал перед царем и говорит:

— Государь Несмеян Гордый! Пришел к тебе купец из Русской земли, чтобы ты от меня, государь, дары принял да торговать велел в своем царстве всяким товаром.

Ответил царь:

— Приходи, купец, ко мне обедать, а дары от тебя я после приму.

Пошел купец к царю обедать, и тут за обедом спрашивает у него царь:

— Какой ты веры, купец?

— Я из Русской земли, верую во святую троицу, отца, сына и святого духа!

И говорит царь:

— А я думал, купец, что ты одной веры со мною. Я хотел тебе у себя власть дать, хотел позволить тебе торговать всякими товарами, да и отпустил бы тебя с дарами и с проводниками. А ты, оказывается, не моей веры, а русской. Так вот мой указ: отгадай мне, купец, три загадки, что я тебе загадаю. Если отгадаешь, — велю тебе торговать в моем царстве безданно, беспошлинно и дары тебе пришлю, и с проводниками отпущу. А уж если не отгадаешь хоть одной загадки, то переходи в мою веру, и окажу тебе великий почет. А если ни одной загадки не отгадаешь и веры моей не примешь, — то знай, купец, велю отрубить тебе голову.

Поник купец головой, услышав эти слова; не знает, что и ответить царю. Потом говорит:

— Пусть будет твоя воля, государь, только дай ты мне сроку три дня, на четвертый день я отгадаю твои загадки.

Царь согласился дать ему срок. Вернулся купец на свой корабль и плачет, ожидая смертного часа. А сынок его бежит по палубе верхом на палочке, хлыстом погоняет. Видит, что отец пригорюнился, и, забыв игру, подбежал к отцу:

— Что это ты, батюшка мой, опечалился? Чем обидел тебя злой царь?

Отвечает сыну купец:

— Дитя ты мое милое! Играми ты тешишься, а горя отцовского не ведаешь. Что мне ответить царю, ты ведь не скажешь, ты ведь мал и неразумен, а я вот и стар и умен, а что ответить царю, не придумаю!

Мальчик и спрашивает:

— Батюшка, скажи мне, что тебе царь говорил, я помогу тебе ответить!

Глубоко вздохнул купец:

— Не можешь ты, дитя малое, помочь мне!

А мальчик свое:

— Расскажи, батюшка, помогу тебе! Ты ведь знаешь, доброго коня по езде узнаем, а милого друга — по любви. Скажи мне, что тебе царь говорил, о каком деле. А если не скажешь — и тебе от царя будет казнь, и меня погубишь.

Слыша такие мудрые речи сына, купец все ему рассказал:

— Велел мне царь отгадать три загадки. А у него уже триста тридцать кораблей стоят, а купцы в темнице сидят из-за этих самых загадок, терпят там и наготу, и болезни, и голод, и жажду — ради Христа. А царь не велит на базар хлеба печь, чтоб они с голоду померли. Я выпросил себе три дня сроку, испугавшись царского указа, а в четвертый день царь отрубил мне голову, а товар мой в свою казну заберет.

Мальчик и говорит:

— Позволь мне, батюшка, речь держать. Безумно рыдание того, кто таит печаль свою, один ее в себе копит и возлюбленному сыну не открывает. Я помогу тебе! Доверь богу горе свое, молись ему, а я царевы загадки отгадаю!

И схватил опять свою палочку и поскакал на ней.

Купец ненадолго успокоился, а потом опять стал размышлять: «Утешает он меня, но перед царем ведь не может он стать вместо меня!» И горевал он все эти три дня. На рассвете четвертого дня разбудил купец сына и говорит ему:

— Вот и пришел конец срока, который я себе выпросил. Что же мне велишь сказать царю?

Сын отвечает:

— Мы пойдем вместе, батюшка, к царю и возьмем с собой одного раба. И будет воля господня!

Отец подивился его разуму и отправился к царю с мальчиком и с одним из рабов.

Пришли. Поклонились все земным поклоном. Царь говорит:

— Пришел твой день, купец, до которого ты просил сроку, теперь отгадывай загадки!

А мальчик и говорит:

— Дай мне испить меду, и я твои загадки отгадаю!

Царь посмеялся и говорит:

— Где уж тебе мои загадки отгадать, я вот купцу их загадаю, а не тебе.

Мальчик не уступает:

— Я сын этого купца и отгадаю загадки вместо отца!

Царь налил золотую чашу меду. Мальчик передал ее отцу и, когда тот выпил, говорит ему: «Спрячь, батюшка, чашу за пазуху, царевы даяние не отдадут назад!»

Отец послушался и спрятал чашу. Тогда царь налил другую и подал мальчику. Он выпил и спрятал чашу, так же велел и рабу, все повторяя: «Царевы даяние не отдадут назад!»

Тогда заговорил царь:

— Ну, отгадывай, малец, первую мою загадку: много это или мало — от востока до запада?

Мальчик, не задумываясь, ответил:

— Ни много, ни мало, а день да ночь! Солнце проходит весь путь от востока до запада за один день, а ночью проходит с севера на юг. Вот тебе, царь, и отгадка!

И подивился царь мудрому ответу: дитя, а так разумно отвечает! В награду царь налил снова по чаше меду мальчику, и отцу его, и рабу. Мальчик выпил и велит: «Батюшка, спрячь чашу за пазуху». То же и рабу велел сделать: «Царево даяние не отдают назад!»

Царь приказал:

— Вторую загадку ты мне будешь отгадывать завтра, а сейчас будем пировать!

С почетом угощал их царь и отпустил на корабль. Назавтра царь велел собрать во дворец князей и бояр, попов и дьяконов и всех горожан — посмотреть на диво, как мальчик семи лет царевы загадки отгадывает.

Когда пришли отец с сыном и с рабом, видят — царь сидит на престоле, вокруг придворные, а народ на площади. Заговорил царь:

— Ну, дитя молодое да разумное, отгадай мне сегодня вторую загадку: чего в мире десятая часть за день убывает?

Мальчик отвечает:

— О царь, неужели из-за таких загадок триста тридцать купцов сидят у тебя в темнице? Десятая часть воды из моря, рек и озер усыхает за день от солнца, а за ночь десятая часть прибывает, так воды и восполняются, пока солнце зашло и не сияет. Вот тебе, царь, и отгадка!

Снова подивился царь мудрому ответу мальчика и сказал:

— Отгадай теперь, малыш, третью загадку, чтобы я, царь-язычник, над вами, христианами, не посмеялся!

Мальчик отвечает:

— Сейчас не отгадаю, не перед кем отгадывать. Ты мне дай сроку семь дней, а все эти семь дней вели кликать клич, чтобы на твой царев двор собрались попы и дьяконы, князья и бояре, мужья, и жены, и вдовицы.

На седьмой день собрался народ. Царь держит в руках свой скипетр и меч, чтобы отсечь головы и купцу, и его сыну, и рабу, если третьей загадки мальчик не отгадает.

Пришли купец с сыном и с рабом, стали перед царским престолом, поклонились ему все до земли.

И опять говорит царь так:

— Ну, отгадай сегодня третью загадку, чтобы я, царь-язычник, над вами, христианами, не посмеялся.

Тогда мальчик сказал:

— Ты царь — велик, сидишь на высоком престоле, а я маленький — стою у его подножия, меня тут не видно и не слышно народу. Пусты меня сесть на престол твой, дай мне свое одеяние и скипетр и меч вручи мне, и я отгадаю твою загадку.

Вслушал это царь и в каком-то затмении ума встал, сошел с престола, дал мальчику свою порфиру, и скипетр, и меч и посадил его на престол. Верно, подумал про себя: «Ну что этот мальчик может сделать?» Народ зашумел в изумлении. Мальчик попросил царя: «Вели им помолчать!» И стало тихо. Тогда мальчик громко спросил:

— Попы и дьяконы, князья и бояре! В какого бога хотите веровать?

Закричал весь народ:

— Хотим веровать во святую троицу, отца, сына и святого духа, — помоги нам!

Мальчик взмахнул мечом и отрубил царю голову:

— Вот тебе моя третья отгадка, чтоб ты, язычник, не глумился над христианами!

И снова загудел народ в смятении. Опять сказал мальчик: «Велите народу молчать!» И тогда снова настала полная тишина. Мальчик спросил:

— Попы и дьяконы, князья и бояре и все люди! Кого себе царем поставите?

Закричал народ:

— Ты нас избавил от этого гордого мучителя, ты у нас и царем будь!

Он сказал:

— Пусть будет, как вы хотите. Видно, есть на то божье изволение. Если бы бог не отдал его жизнь в мои руки, малому детищу, кто бы посягнул на такое величие и гордость? Если царем он наречен, то все царство покорно ему, а сегодня предал его бог в мои руки. Возвеличим же господа, прославим милосердие его, он дал нам победу над врагом, он избавил и отца моего, и меня, и раба нашего от лютых мучений и горькой смерти. Будемте славить святую троицу — отца, сына и святого духа!

И все люди с великой радостью закричали:

— Многие лета государю нашему, новому царю, Борзосмыслу Дмитриевичу!

И дивились в народе мудрости такого юнца.

Царь Борзосмысл Дмитриевич приказал:

— Разыщите и зовите ко мне патриарха!

Жители города рассказали ему:

— Государь! Патриарх — наш учитель — изгнан был злым царем-богоотступником в заточение.

Царь приказал освободить патриарха из заточения и вернуть в столицу, чтобы он благословил его на царство и снова занял бы свой патриарший престол, чтоб учить народ закону божиию и заповедям его. И все царство этому радовалось.

Князья и бояре отправили большое посольство — вернуть патриарха из заточения.

Когда рассказали патриарху о том, что произошло в столице и как новый царь, Борзосмысл Дмитриевич, послал за ним, патриарх прослезился и стал молиться:

— Господи, чем отблагодарю за милосердие твое, что дал ты в последние мои годы избавление мне и народу моему от безбожного царя, жестокого мучителя!

И пустился в путь патриарх со всем посольством к стольному городу.

Вестники дали знать царю о приближении патриарха. Царь повелел встретить патриарха всенародно, с великим почетом, с большим крестным ходом. Повалил народ навстречу, вышел и стар, и млад, и мужчины, и женщины, и все люди встречали его со слезами радости.

Патриарх поклонился новому царю, Борзосмыслу Дмитриевичу, и народ закричал:

— Много лет государю нашему! Много лет тебе царствовать! Бог послал тебя избавить нас и город наш от жестокого мучителя!

Побеседовал патриарх с царем и удивился разуму его в таком юном возрасте. И вошел он в храм и стал молиться. Совершая обряд поставления на царство, вознес он над его головой рог, наполненный деревянным маслом. И закипел на нем рог, и благословил его патриарх на царство. И весь народ от мала до велика кричал:

— Много лет нашему новому царю и государю, Борзосмыслу Дмитриевичу!

Потом царь устроил великий пир и позвал патриарха, попов и дьяконов, князей и бояр и весь народ. И приказал привести вдову прежнего царя и спросил ее:

— Есть у тебя сын или дочь?

Ответила царица:

— Нет у меня сына, а есть дочь восьми лет, красивая и очень мудрая.

Сказал царь:

— В какого бога хотите веровать?

Она ответила:

— Дай мне, царь, сроку семь дней, на восьмой я приду и скажу тебе.

Дал ей царь такой срок. На восьмой день пришла царица вместе с дочерью и говорит:

— Хочу веровать в твоего бога!

Царь велел патриарху крестить царицу с дочерью, а вскоре после этого повенчался с этой девушкой.

И были большие торжества в том царстве.

Потом приказал царь Борзосмысл привести купцов из темницы. Когда привели их к царю, он прослезился. Лица их почернели, как земля, тело их присохло к костям, а волосы отросли до плеч, бороды до живота, от голода и нищеты одежда изнасилась в лохмотья. Расстроился царь при виде их, три дня угощал и одаривал их в своем дворце и приказал отдать им на корабли все их товары. И поплыли все триста тридцать кораблей каждый в свою сторону, и прославляли купцы нового царя Борзосмысла Дмитриевича.

И сказал как-то Борзосмысл отцу своему:

— Садись-ка, батюшка, на свой корабль и привези сюда мать мою и родичей моих.

Послушался отец сына своего и поплыл на корабле в свою землю. И добрался он до родной стороны, с великой радостью пришел к жене своей и к своему роду-племени, рассказал им все, что приключилось с ним в пути, какая грозила им беда и как избавил их бог от смерти, как царствует теперь их сын. Мать его и весь дом возликовали, слыша об этом чуде. И собрались все родственники и весь дом его на корабль и поплыли к тому царству, где их сын царствует. Когда прибыли туда, царь встретил их с великими почестями. И начал царь царствовать вместе с отцом своим (отец был при нем — вторым царем). Когда скончался отец, сын похоронил его своими руками.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНЕ ГРАДЕ

Слово о Вавилоне и трех отроках. Как царь Левкий, во крещении названный Василием, послал в Вавилон к трем святым отрокам, Анании, Азарии и Мисаилу,* просить у них знамения*

Сначала хотел он послать трех послов из христианского рода ассирийского* (урского). А те сказали: «Не подобает нам туда идти. Ты пошли одного посла из греков, другого из кавказцев, третьего из русских».

И послал он такое посольство, как они хотели.

Остановились они, не доезжая пятнадцати дней пути до Вавилона. И сказал им царь Василий: «Если получите знамение от святых отроков, то я не покину Иерусалима, буду приверженцем веры христианской и поборником за народ христианский против врагов-иноверцев!»

И пошли три посла: грек Георгий, кавказец Яков и Лавор — русин. Ехали они три недели до Вавилона. Добрались туда — и не видят горсда: так заросло все, что не видать и палат. Пустили они коней, и те нашли тропинку, по которой малые звери ходили. И было в тех зарослях несметно гадов, вдвое больше змей, чем травы и кустов. Но не побоялись послы, пошли дальше, пока не дошли до громадного змея. К тому змею представлена была лестница из кипариса, а на ней три надписи, по-гречески, по-кавказски и по-русски.

Первая надпись — греческая: «Если бог приведет человека к этой лестнице...»

Вторая надпись — по-кавказски: «Пусть перелезет через этого змея без боязни...»

Третья надпись — по-русски: «Пусть пройдет, сойдя с лестницы, через палаты, до часозвони».

Высотой эта лестница была в восемнадцать ступеней, — такой толщины был этот змей. Взобрались они на самый верх,

а там другая лестница — вниз, и на ней такие же надписи. И пошли они через палаты, а в палатах полно змей, но те не причинили им никакого вреда. Так дошли они до церкви, и воздух здесь был напоен благоуханиями. На стенах церкви написаны были подвиги святых. Поклонились они гробам трех отроков — Анании, Азарии и Мисаила — и сказали:

— Мы пришли к вам по божьему изволению и по приказу великого и богохранимого царя Василия, просить у вас знамения!

Стояла на гробе Анании золотая чаша, украшенная драгоценными камнями и жемчугом, полная душистого масла, а за нею стоял сосудец стеклянный, которого они сперва и не заметили. Они отведали из чаши и захмелели. А когда проснулись, решили было взять эту чару с вином и нести ее к царю. Но вдруг раздался голос из гробницы, было это в девятом часу дня: «Не берите знамения отсюда, а ступайте в царский дворец, там возьмете знамение!» Послы пали на землю в ужасе. И снова послышался голос: «Не бойтесь! Идите!» Поднялись послы и пошли. Царская палата находилась за часозвоней. Вошли они туда и увидели ложе, а на ложе два царских венца: Навуходоносора и его жены — царицы. Подняли они венцы, а под ними лежит грамота на греческом языке: «Эти венцы выкованы были тогда, когда царь Навуходоносор велел извять золотого истукана и поставил его на Дирелмесском лугу». Венцы были украшены сапфирами, изумрудами и крупным жемчугом, а сделаны были из аравийского золота. Эти венцы сохранились доньше и молитвами трех отроков возложены были на царя Василия и на царицу Александру.

Перешли послы во вторую палату и увидели там пышные занавесы и царские порфиры, но чуть они прикоснутся к чему руками, все рассыпается прахом. И нашли там ларцы с золотом и серебром, и когда сдвинули их, то под ними оказалось еще множество золотых и серебряных изделий и драгоценных камней. И отобрали они двадцать самых больших самоцветов, чтоб отнести царю, а себе понабрали драгоценностей, сколько могли унести, и нашли еще такой же сосудец, как на гробницах трех отроков.

На обратном пути, войдя в церковь, они опять поклонились у гробниц трех отроков, но не слышали голоса. Охватила их туга и печаль. И снова испили они из кубка на гробнице и развеселились. Тогда слышали голос из гробницы: «Завтра на рассвете воскресного дня умойте лица свои!» И тут увидели они купель церковную с водою, умылись и восхвалили бога и трех отроков. Отпели заутреню и снова слышали голос: «Взяли вы знамение, теперь идите своею дорогою к царю Василию, бог укажет вам путь!»

Поклонились они до земли, испили стеклянным сосудцем из каждого кубка на гробницах трех отроков и пошли к большому змею. Приставили лестницу и перелезли через змея, перетаскивали и все то, что захватили в царских палатах. Но кавказец Яков запнулся на пятнадцатой ступени и скатился вниз с таким шумом, что разбудил змея. Поднялась дыбом на змее чешуя, как волны морские. Послы подхватили скорей своего друга и пустились прочь через заросли. После полдня увидели они своих коней и свиту. Но когда начали навьючивать на коней все, что принесли из Вавилона, змей издал страшный свист. И пали все от страха замертво.

И там, где стоял царь Василий, ожидая детей своих (потому что он называл послов детьми своими), тоже услышали змеиный свист. И все пали от свиста того ослепленные. А в стадах у них от этого свиста пало около трех тысяч голов, хотя находились они на расстоянии пятнадцати дней пути от Вавилона. И отступил царь на шестнадцать дней пути, сказавши: «Видно, погибли уже мои дети замертво. Но подожду еще немного!»

Встали послы, будто от сна очнулись, и пошли; через шестнадцать дней пути догнали они царя и поклонились, принесли ему знамение вавилонское. И рад был царь, рады были все воины его. Послы рассказали царю все по порядку, что видели. Патриарх же взял два венца, прочел грамоту, что лежала под ними, и возложил царские венцы на царя Василия и царицу Александру, родом армян. Царь взял себе кубок и велел наполнить его золотыми изделиями. А пять драгоценных камней он отослал в Иерусалим — патриарху. А все, что с собой захватили послы, — золото, серебро, драгоценные камни и крупный жемчуг, обо всем доложили они царю, но царь не только не отобрал у них ничего для себя, а еще дал им по три мошны золота. Отпустил их и сказал:

— Идите с миром к отцам и матерям вашим, прославляйте бога и трех отроков и царя Левкия, во крещении Василия.

Из-под Вавилона царь захотел идти в Индию. Но Давид, царь критский, сказал:

— Иди в северные края на врагов-иноверцев за народ христианский.

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ ДИНАРЕ

*Дивная повесть, всем полезная, о дочери иверского царя, царице Динаре **

Когда умер государь иверский Александр Мелек, то не осталось у него сыновей, только дочь пятнадцати лет, очень умная и мужественная, не искавшая замужества. Ей-то и передал отец власть над государством.

Она начала править мудро, по наставлениям и преданиям отца своего. Динара сумела снискать любовь сановников и вельмож своих, показала милость к народу и строго блюла праведный суд. Но больше всего влекли ее книги божественного писания и предания о древних царях и властодержцах, об их подвигах и переменах судьбы. Эти предания вселили в нее воинскую храбрость. Как пчела, перелетая с цветка на цветок, собирает мед, так царица Динара собирала мудрость из достопамятных книг. Безгневно и мирно, с великой заботой правила она своим царством. Как опытный кормчий стремится безбурно провести свой корабль через пучину морскую, так царица Динара все силы полагала, чтобы править кротко и жить со всеми в мире.

Славен и грозен был в ту пору сосед ее — персидский царь.

Когда дошла до персидского царя весть о том, что царь Александр умер и власть над Иверским государством приняла его дочь, царица Динара, задумал властитель Ирана захватить Иверию и покорить иноверцев. Он отправил к Динаре посольство и велел сказать ей:

«Если хочешь милостию моею царствовать, то пришли нашему величеству двойные дары. Если же не покоришься, то не позволю тебе остаться на царстве, ступай в изгнание!»

Динара отпустила персидских послов, привезших такие грозные речи, потом отправила в Иран свое посольство с дарами — больше того, что посылал ее отец, — но с таким ответом:

«Ты приказываешь мне сложить с себя власть, но не ты мне ее дал, я приняла свою власть от бога. Какие это у тебя, язычника, права и доля во владениях богоматери? Не из страха перед тобою, а ради дружбы послала я дары свои. У вас басурманская вера, а у нас закон истинного бога! Напрасно ты угрожаешь и величаешься, бог не даст тебе пленить меня!»

Услыша такие речи от послов Динары, не принял персидский царь даров ее и в зверской злобе своей прогнал их прочь, велел передать ей:

«Я окажу вам свою великую царскую милость: если хотите удержаться на царстве, отдайте мне все свои богатства до последней рубашки. Если ж не покоритесь, пойду на вас со всеми несметными полчищами своими и захвачу и тебя, царица, и всех вельмож твоих вместе с тобою!»

Царица Динара выслушала послов персидского царя и отпустила их с таким ответом:

«С несметными полчищами поднимаешься ты, грозный царь, в поход против слабого детища, против девы! Если и победишь ты меня, не велика тебе честь будет, что над слабым детищем одержал ты победу! А вот если я с помощью бога и богоматери одолею тебя, наступлю девичьей ногою на твое царское тело и отрублю тебе голову, — какую добуду славу, победив царя персидского своей девичьей храбростью: и будет тогда всем женщинам иверским честь и слава, а царям персидским стыд и срам!»

Властитель Ирана пришел в ярость от этих дерзких слов и ринулся на Иверию со множеством воинства своего.

Собрала царица Динара вельмож своих и посылает их против персидских полчищ. Они же отвечают ей:

— Как нам выступить против множества войск, против такого непобедимого персидского воинства?

Динара же отвечает им:

— А вспомните, как Девора победила хананеян, а Геден * — множество мадейцев! Разве не послал им бог победу? И теперь тот же бог и наша заступница, пречистая богородица, станут за нас! Не медлите ж! Если тотчас не вооружимся против иноверных и не станем насмерть биться за свою веру, то всё равно погибнем, но бесславно, погибнем в рабстве! И, вместо доблести своего благочестия, умрем бесславно опозоренные! Будьте мужественны, отбросьте женскую изнеженность! Когда обильно орошенную долину долгое время иссушает знойное, всеسوжигающее солнце, земля становится сухой и бесплодной, и тяжело добывать пропитание от плодов ее, — вот так и в нашей державе, процветающей и преисполненной благоденствующим народом, — что в ней останется, если захватят ее и разграбят персидские полчища, как мы соберем потом свои силы, какая нам будет

честь, если, предавшись страху, не исполнимся храбрости, потеряем доблесть! Прочь женственную слабость! Храбро стоим за свои сокровища! Ведь бережно охраняет свое сокровище женщина, когда зачала во чреве и носит его! Но ваши сокровища — богатство, гордость, честь, — и вы готовы повергнуть их, и вы готовы покинуть народ, единовверных своих, вы готовы предать любовь к своему народу! Но за это будете вы низвергнуты, как последние рабы, и потоптаны ногами врагов, и всеми покинуты, и горько тогда возрыдаете! Гоните от себя страх и слепую гордыню, ваше спасение — в храбрости. Если поддадитесь персам, они рассеют вас и захватят все богатства ваши! Да что же мы медлим! Скорей — навстречу врагу! И я, девица, тоже иду в бой! Забыв свою женскую слабость, не уступаю вам в храбрости, мужчины! Надену броню и шлем на женскую голову, опояшусь мечом и возьму копье в девичью руку, ступлю в стремя и с мужской силой пойду в бой! Не хочу услышать, что персы захватили и разграбили земли богоматери, данную ею нам державу! Небесная царица вдохнет в вас храбрость и поможет отстоять свое достояние.

А персы спешили, мчались день и ночь — без сна, не давая отдыха своим коням. И как женщина, когда подошли часы родов, чувствует великую истому во всем теле, так и персы в решающий час были изнурены и расслаблены.

Царица призывала: «Поспешим навстречу врагам! Не дадим им войти в нашу страну! Ударим на них первыми, и да поможет нам богородица! Если угодно ей будет даровать нам победу, — все для нее возможно! Не теряйте времени на благочестивые размышления, начнем битву, а богоматерь ее завершит! Я впереди вас начну поединок с врагом!»

Вельможи иверские загорелись храбростью от ее речей и устремились за нею, восклицая: «Смелей, царица, смелей!»

Динара приказала собрать в одно место все ополчения иверские, а сама отправилась в паломничество в Шарбенский монастырь * — на пути к Тебризу — босыми ногами по острым камням, чтобы помолиться там пречистой богоматери о помощи. И, войдя в храм богородицы, упала ниц перед образом ее и молилась так: «Владычица, дева-богородица! Я царствую в твоей доле земли, по твоей воле и твоему милосердию! Ты была покровительницей моему отцу и мне, слабому детищу, вручила власть в державе своей! Взгляни, богородица, как кичится этот персианин, как он уверен в себе и полагается на множество воинства своего! А я, владычица, надеюсь на тебя, на твоё милосердие и у тебя прошу помощи! Не дай, госпожа, потоптать твои владения врагам твоим, стань на помощь нам, чтобы не возвысились гордые собой и не были унижены надеющиеся на тебя! Поспеш скорей на помощь нам, дай храбрость мне, юной, и

разгроми врагов, покори их нам, верующим в тебя! Если под твоим непобедимым воеводством я сдолою врагов, — не возьму себе ничего из персидских сокровищ и не дам их на расхищение, а отдам всю добычу на украшение церквей твоих — в память о твоём заступничестве и помощи, что явила ты милость в своих владениях!»

Вышла из церкви, вскочила на коня, вернулась к войску и сказала воеводам своим:

— Други и братья! Я хочу впереди вас всех первой голову сложить за землю богоматери, за нашу веру и за весь наш православный народ! Если и вы сделаете то же, — пусть бог и его пречистая мать поспешат нам на помощь. Если же вы этого не сделаете, бог и пречистая мать сокрушат вас и предадут в рабство и на разграбление, как старейшин Израиля!

Двинулась она в поход, чтобы встретить персов за пределами своей страны, и когда сошлись войска, подняла она копье свое и помчалась впереди всех на полчища персидские с кличем: «Силою господи Иисуса Христа и помощью пречистой его матери — бегут персы!» И поразила она своим копьем военачальника персов. И оба войска слышали ее клич. Дрогнули персы и побежали. Царица Динара и все ее войска погнались за ними и без милости рубили их в жестокой сече. Царя персидского захватила она и отсекла ему голову. Она насадила голову персидского царя на копье и с этим копьем пошла на персидский город Тебриз, * захватила его, а с ним и все сокровища персидских царей: драгоценные камни и блюдо с рубинами, на котором подавали яства царю Навуходоносору, много бисера и золотых изделий. На Тебриз она наложила дань себе на потребу — драгоценные благовония и душистые масла, а город Шемаху * отдала на добычу своей коннице. Другие же города отдала на кормление своим вельможам.

И вернулась в свою страну после славной победы над гордыми врагами. Пречистая богородица подала помощь слабому детищу, и такую храбрость показала женщина-воительница! От грозного клича девушки устало несметное войско персидское, от копья в девичьей руке произошло такое смятение, внезапный клич девы-полководца сковал ужасом персов, и все это внушила ей богоматерь, давшая ей смелость выступить в поход на могучего соседа и овладеть такой державой!

Когда Динара вернулась в свою страну, она выполнила свое обещание: всю добычу, все бесценные сокровища персидских царей — и блюдо с рубинами, и драгоценные камни, и бисер, и золото, и всю царскую утварь раздала она церквам божиим в своей стране, не прикоснувшись ни к одной из этих драгоценностей, помня о чудесной помощи богоматери.

И царствовала она мирно и безмятежно, а с персов взимала дань до самой своей кончины. После этой победы ни один соседний царь не дерзнул выступить против нее, а народ иверский — под защитой богоматери — так и живет никому не подвластный.

Царица Динара правила тридцать восемь лет и шесть месяцев, а после ее кончины власть перешла к ее родным. Она погребена была в Шарбенском монастыре.* Царство Иверское и доныне пребывает единым и нераздельным, род свой ведет от Давида, царя еврейского.

Повести конец, и богу нашему слава и пречистой богоматери.

ПОВЕСТЬ О МУНТЯНСКОМ ВОЕВОДЕ ДРАКУЛЕ

Был в Мунтянской земле * воеводой христианин греческой веры по имени Дракула * (так по-румынски, а по-нашему это значит — дьявол). Был он жесток: каково имя, такова и жизнь.

Прибыли раз к нему послы турецкого султана. Вошли, поклонились по своему обычаю, а колпаков не сняли. Спросил он послов:

— Почему вы так поступили: пришли к великому государю и такую обиду мне нанесли?

Они ответили:

— Таков обычай нашей земли, государь!

Тогда он сказал:

— Ну что ж: я хочу утвердить ваш закон, чтоб вы в нем крепко стояли! — и приказал прибить малыми гвоздями колпаки к их головам.

Потом отпустил их, сказав:

— Ступайте, скажите вашему государю, что он, может быть, и привык терпеть от вас такую обиду, а я не привык. Пусть же он не навязывает своих обычаев тем государям, которые не хотят их принимать, пусть соблюдает их в своей стране!

Султан * очень разгневался и пошел войной на Мунтянскую землю со многими силами. Дракула собрал сколько мог своего войска и ударил на турецкую рать среди ночи. Он перебил множество турок, но не мог одолеть великое воинство с малыми силами своими и отступил. А поутру поставил на смотр свои полки, вернувшиеся из боя: у кого раны были спереди, тому воздавал великую честь и делал его витязем, а у кого сзади, тех сажал на кол, говоря: «Ты не мужчина, а баба!» А когда опять готовил войско на турок, держал к воинам такую речь: «Кто из вас перед битвой о смерти помышляет, тот не ходи со мною, оставайся дома!»

Султан, узнав об этом, повернул назад с великим позором, так как он потерял много войска и не решился опять идти в бой.

Потом султан прислал к нему своего посла, чтоб платил ему дань. Дракула оказал большие почести этому послу, показал ему свои богатства и сказал:

— Я хочу не дань платить твоему царю, а со всем своим войском, со всей казною пойду к нему на службу; как изволит, так и буду ему служить! Скажи султану, чтобы он приказал никакого зла не чинить мне и моим людям, когда я буду проходить по вашей земле, а я вслед за тобою двинусь к султану и дань ему принесу.

Султан, услышав от посла своего, что Дракула хочет перейти к нему на службу, повелел оказать ему почет и послал богатые дары. Он рад был этому, так как воевал в это время с восточными соседями. И разослал приказ по городам своей земли, чтобы никакого зла и сопротивления никто не чинил, когда Дракула войдет в его страну, чтобы все принимали его с честью.

Дракула двинулся со всем войском в Турецкую землю, и пристава султана сопровождали его и оказывали ему большой почет. Он прошел в глубь Турецкой земли на пять дней пути и, внезапно повернув, стал захватывать и грабить города и села, * угнал множество пленных, а сопротивлявшихся порубил, многих турок на кол посадил, иных надвое рубил или жег, не щадя и грудных младенцев. Опустошил весь край, ничего не оставил, а христиан, какие там жили, перегнал и поселил на своих землях.

С богатой добычей вернулся он к себе, а султановых приставов отпустил с почетом, сказав:

— Ступайте, расскажите царю вашему обо всем, что видели. Сколько мог, я послужил ему. А коли угодна моя служба, я готов так же служить ему, пока моих сил хватит!

И ничего не мог сделать с ним султан, только покрыл себя позором.

Дракула беспощадно карал в своей земле всякое зло. Если кто совершит злое дело, воровство, или разбой, или какую-нибудь неправду, то не быть ему живу: будь это боярин, или священник, или инок, или простой человек, будь у него хоть какое богатство, — от смерти не откупится ничем. Так грозен был воевода.

Был в одном месте родник и над ним колодезь. К этому колодезю сходились дороги из разных стран. И путники со всех сторон приходили и пили воду этого родника из колодезя: вода была холодная и очень вкусная. Дракула поставил у этого колодезя безо всякой охраны большую золотую чашу очень искусной работы. Кому захочется пить, чтобы брал эту чашу и, испив, оставлял бы ее на месте. И время шло, а чаша оставалась все там же, никто не смел ее унести.

Однажды велел он объявить по всей Мунтянской земле, чтобы шли к нему все старые и немощные, нищие и прокаженные. И собралось бесчисленное множество калек и нищих, надеясь получить от него большую милостыню. Дракула приказал собрать их всех в одну большую хоромину, выстроенную для этого, и устроил там для них пир. Они ели, пили и веселились. Потом сам Дракула пришел к ним и спросил:

— Чего еще хотите от меня?

Они отвечали:

— Что богу угодно и твоему величеству, делай, как бог тебе внушит!

Он спросил:

— Хотите, избавлю вас от всех печалей на этом свете и от всякой нужды?

Они были уверены, что он сулит им великие милости, и все в один голос ответили:

— Хотим, государь!

И приказал он запереть хоромину и обложить ее огнем, и все они там сгорели. Тогда Дракула сказал своим боярам:

— Должны вы знать, зачем я сделал это. Прежде всего — чтобы не донимали народ своими жалобами и чтобы не было нищих в моей стране, а только богатые, а во-вторых, я избавил их от страданий, нищеты и тяжких недугов.

Пришли к нему как-то из Венгерской земли два католических монаха за пожертвованиями. Он приказал поместить их в разных комнатах и, призвав одного, показал вокруг своего дворца множество казненных, посаженных на кол или колесованных и спросил:

— Хорошо ли я поступаю, и что скажешь ты о тех, кто посажен на кол?

Монах ответил:

— Нет, государь, ты злое творишь, жестоко казнишь людей, а подобает государю быть милостивым. Те, кого ты на кол посадил, — мученики!

Тогда позвал он другого монаха и его спросил о том же. Второй монах сказал:

— Ты, государь, поставлен богом, чтобы лиходеев казнить, а доблестных награждать. А эти злодеи получили возмездие по своим делам!

Снова призвал Дракула первого монаха и сказал:

— Зачем ты покинул свою келью и монастырь, ходишь по дворам великих государей, если ничего не понимаешь в мирских делах? Вот ты сказал, что эти люди — мученики. Коли так, хочу я и тебя к мученикам причислить!

И велел посадить и его на кол. А второму монаху дал пятьдесят золотых дукатов, похвалив его: «Ты — разумный человек!» И приказал довести его с почестями до Угорской земли.

Раз прибыл богатый торговый гость из Венгрии в его город. Он велел ему поставить свой воз с товарами на улице перед домом, где он остановился на ночлег. Ночью кто-то украл с воза сто шестьдесят золотых дукатов. Купец пошел к Дракуле и сказал о пропаже золота. Дракула успокоил его: «До утра тебе вернут твои дукаты!»

И приказал искать по всему городу вора, пригрозив: «Если вор не будет найден, весь город погублю!»

А пока найдут, он приказал положить купцу на воз свои дукаты, но к ста шестидесяти он прибавил еще один дукат.

Утром на другой день, чуть свет, купец пошел к возу и нашел свои золотые. Стал считать — один лишний, пересчитал еще раз — одним дукатом больше, чем было. Пошел он к Дракуле и говорит:

— Государь, сегодня я нашел свои деньги. Но сверх моих ста шестидесяти дукатов оказался в мошне один не мой, лишний!

В это время нашли и привели вора с украденными золотыми. Отпустил Дракула торгового гостя и, прощаясь, сказал:

— Поезжай с миром! А если бы ты не признался, что нашел лишний золотой, то я готов был и тебя вместе с этим воров на кол посадить!

Если чья-нибудь жена изменит мужу, он приказывал вырезать у нее грешное место и кожу с него содрать, кожу повесить на столбе посреди базарной площади и ее тут же привязать. Та же казнь и девушкам, которые не сохранили невинность, и вдовам за прелюбодеяние. А иным сосцы вырезали, иным сдирали кожу с грешного места и втыкали туда раскаленный железный вертел, так, чтобы пронзил ее до самых уст. А прикованная к столбу нагая женщина так и стояла, пока птицы не расклюют ее тела, пока обглоданные кости не рассыплются.

Однажды проезжал он по своей земле и увидел на бедном пахаре изорванную, ветхую рубаху и спросил его:

— Есть у тебя жена?

Тот ответил:

— Есть, государь!

Дракула приказал:

— Веди меня в свой дом, хочу ее увидеть.

И увидел, что жена у бедняка молодая и здоровая.

Спрашивает пахаря:

— Что же ты, льна не сеял, что ли?

— Льна у меня много, государь! — ответил пахарь и показал свой запас льну.

Разгневался воевода и говорит жене:

— Что же это ты ленишься и не заботишься о муже? Он должен пахать, сеять и тебя кормить, а ты должна мужу своему чистые и нарядные одежды готовить. Ты здорова, а даже рубашки мужу не выделала. В том, что носит он такую ветошь, — ты виновата. Если бы он не сеял льну, — тогда он был бы виноват!

И приказал отсечь ей руки, а тело ее на кол посадить.

В иную пору после казней он приказывал подавать себе обед тут же, среди трупов посаженных на кол, словно бы ему так было слаще есть и пить. Один из слуг, подававших ему яства, не мог стерпеть трупного смрада, заткнул нос и отвернулся от казненных. Дракула спросил его:

— Ты что это?

— Не могу, государь, смрада этого выносить! — ответил слуга.

Дракула велел и его посадить на кол:

— Кол тебя вознесет — и смрад до тебя не дойдет!

В другой раз прибыл к нему посол венгерского короля Матьяша,* родовитый боярин из польского рода. Посадил Дракула посла рядом с собою обедать среди казненных и велел положить перед его местом высокий кол, весь в позолоте. И спрашивает посла:

— Не угадаешь ли, зачем я велел изготовить этот кол?

Испугался посол и говорит:

— Думается мне, государь, что согрешил перед тобою какой-нибудь знатный вельможа и хочешь ты его казнить с почетом, как никого не казнил.

— Правду ты молвил. Ты — посол великого государя, для тебя я и приготовил этот кол!

Посол и говорит:

— Государь! Если я сделаю что-нибудь достойное смертной казни, то делай что хочешь, ты ведь праведный судия, не ты будешь повинен в моей смерти, а я сам!

Рассмеялся Дракула и сказал:

— Если бы не так, а дерзостью ответил ты, то, клянусь, сидеть бы тебе на этом колу!

Он щедро одарил посла и отпустил его с почетом:

— Тебе только и надо ходить послом от великого государя

к другим владыкам, хорошо умеешь ты с ними говорить, а другие послы пусть не смеют, пока не научатся, как с великими государями беседу вести!

Откуда бы ни пришел к нему неискусный посол, от царя или от короля, а если не умел он как подобает переговоры вести и на его каверзные вопросы отвечать, — Дракула приказывал посадить его на кол и прощался с ним так:

— Не я виноват в твоей смерти, а государь твой или ты сам. Поэтому не проклинай меня. Если государь твой, зная, что ты еще не научен и не мудр, послал тебя ко мне, к мудрому государю, то он и убил тебя, а если ты сам, не искусившись в этом деле, дерзнул на эту службу, то сам ты и убил себя!

Таков был его обычай.

По его приказу мастера изготовили железные бочки, наполнили их золотом, запаяли и тайно опустили на дно речное. И сразу же после этого он приказал отрубить головы этим мастерам, чтоб никто не знал о его кладе, кроме его тезки дьявола.

Когда пошел на него в поход венгерский король Матьяш, он двинулся с войском навстречу, и вступили в битву; там Дракулу захватили в плен живым.* Свои же изменники предали его. Привели его к королю, и тот велел посадить его в темницу. Сидел Дракула в темнице в Вышеграде, что на Дунае выше Будина,* двенадцать лет, а в Мунтьянской земле посажен был другой воевода.* Когда же этот воевода умер, король послал в темницу предложить Дракуле вернуться на воеводство в Мунтьянскую землю, но при условии, что он примет католическую веру,* а если не примет, то останется в темнице до самой смерти.

Дракула всегда любил быстротечные сладости этой жизни больше, чем бесконечные радости вечной жизни, он отступил от истины, изменил православию, оставив свет и погрузившись во тьму, не хотел претерпеть временные мучения в темнице и обрек себя тем на вечные мучения. Он принял католическую ложную веру. Король венгерский дал ему за это не только Мунтьянское воеводство,* но и сестру свою родную в жены. От этой жены родились у него два сына. Пожил он еще около десяти лет, да так и умер в ложной вере.

Рассказывают, что и в темничном заключении он не оставил своих злобных дел: ловил мышей, птиц покупал на базаре и казнил их: ту на кол посадит, этой голову отрубит, а с третьей перья ощиплет и выбросит на волю. В темнице он научился сапожному ремеслу и тем кормился.

Когда король освободил его из темницы и поселил временно в Пеште — против Будина, то, раньше чем король допустил его

к себе, случилось так, что в его дворе скрылся некий преступник. Преследователи ворвались в этот двор, обыскали и схватили его. Дракула вышел из дому, обнажил свой меч и отрубил голову приставу, который задержал злодея. Все преследовавшие, видя это, убежали, а Дракула отпустил преступника. Пострадавшие явились к судье и рассказали обо всем. Судья же вместе с посадниками пошел к королю с жалобой на Дракулу. Король послал к нему спросить, почему он совершил такое злое дело. Дракула ответил:

— Никакого зла я не совершил, пристав сам себя убил. Всякий, кто посмеет совершить такой набег на двор великого государя, так же погибнет. Если бы ты сам ко мне явился и я нашел бы в своем дворе злодея, то выдал бы тебе, чтобы ты помиловал его от смерти.

Когда королю передали эти слова, он смеялся и дивился его нраву.

А кончина его так пришла. Пришли на Мунтянскую землю турки* и стали грабить и полон брать, он ударил на турецкое войско, и турки побежали, а войска Дракулы преследовали их и рубили без пощады. Дракула, торжествуя, поскакал на высокую гору, чтобы видеть, как его люди рубят турок. Удалился он от свиты, а в это время настигли его мунтянские воины и, приняв за турка, кинулись на него, один ударил его копьем; он, расшвырвав, порубил своим мечом пятерых, но их было много, и его подняли на копья.

Король вернул к себе в Венгрию сестру свою с двумя сыновьями. Один до сих пор живет — в свите королевского сына, другой был при дворе варданского епископа* и при нас умер. Видели мы еще и третьего сына Дракулы, самого старшего, Михаила,* тут же в Будине. Еще до женитьбы на сестре короля Дракула прижил этого сына с какой-то девушкой. Теперь он бежал к королю от турецкого султана.

После гибели Дракулы Стефан, господарь молдавский,* с позволения короля посадил воеводой на Мунтянской земле некоего воеводского сына по имени Влада.* Этот Влад с молодых лет был иноком, потом священником и игуменом монастыря, а после расстригся, женился и сел на воеводство. Он взял за себя вдову того воеводы, что был недолго после Дракулы, пока его не убил Стефан Молдавский. И теперь воеводой на Мунтянской земле этот Влад, бывший чернец и игумен.

Эту повесть 1486 года 13 февраля написал в первый раз, а 28 января 1490 года переписал еще раз грешный Ефросин.*

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ

Как Петр, племянник хана Берке, узнал страх божий, приехал в Ростов* в 1253 году и там крестился; как явились ему апостолы Петр и Павел на поляне, где теперь стоит церковь их имени и построен монастырь*

Епископ ростовский Кирилл* отправился в Золотую Орду к хану Берке просить на храм святой Богородицы. От него хан услышал рассказ о епископе Леонтии,* родом греке, который крестил Ростов в православную веру, получив на то благословение патриарха и князей русских, а еще раньше — благословение от греческого царя, от патриарха и от вселенского собора. Рассказал епископ Кирилл и о чудесах, которые доньше совершаются от мощей святого Леонтия у его гробницы. И много проповедовал епископ Кирилл евангельское учение. Хан Берке охотно слушал эти поучения, полюбил епископа Кирилла, пожаловал ему все, чего тот просил, и отпустил его домой. Напомню здесь, что по повелению хана Берке ярославские* князья после смерти епископа Кирилла ежегодно присылали дары на украшение его гробницы.

В то время заболел единственный сын хана. От врачей не было никакой пользы, и тогда хан послал за ростовским епископом, обещая ему богатые дары, прося вылечить сына. Епископ велел служить молебны о здоровье больного по всем ростовским церквям, а сам освятил воду и отправился в Орду; там, окропив святой водой ханского сына, исцелил его. Обрадовался хан Берке, и весь дом его, и вся Орда его, и приказал каждый год посылать дары в Ростов на храм святой Богородицы.*

Один молодой татарский князь, племянник хана Берке, находившийся всегда в свите хана, слушал поучения епископа Кирилла и был взволнован ими до слез. Он убегал в степь, чтобы наедине размышлять о слышанном, и думал так: «Наши ханы веруют в солнце и месяц, в звезды и огонь. А где же истинный бог?» Он рассуждал так же, как когда-то праотец Авраам. Но

тот был потомком благословенного рода, а этот юноша — благородный отпрыск злого племени. Решил он уехать из Орды вместе с епископом, посмотреть храмы Русской земли, увидеть чудеса, производимые святыми. «Ведь в наших краях не бывает чудес от солнца, от месяца, от звезд или от огня», — говорил он. В то время отца у него уже не было, а овдовевшая мать распорядилась всеми богатствами их дома. Узнав о замысле сына, мать залилась слезами; она показала ему отцовские сокровища, чтобы отвлечь его от страшного намерения. А он роздал эти богатства бедным татарам, много сокровищ отдал епископу Кириллу. Он скрылся от своих близких, снискав тем божью благодать еще раньше, чем принял крещение. Так древний Мельхиседек, * царский сын, убежав из дворца, стал священником. О таких сказано в Евангелии: «Многие из первых станут последними, а из последних станут первыми».

Приехал он в Ростов, увидел храм, великолепный в своих золотых и жемчужных украшениях, сверкающий драгоценностями, как невеста. Услышал церковное пение, подобное хору ангельскому. В те времена в храме Богородицы левый клирос пел по-гречески, а правый — по-русски.

После церковной службы юный татарский княжич, хоть и язычник, воспламенился верой: огонь был в его сердце, свет луны в мыслях, солнце засияло в душе. Он упал к ногам епископа и сказал: «О праведник божий, я размышлял о вере моих родителей и моего государя — о солнце, луне и огне, я понял, что это сотворено богом, что ваша вера правая и благая, что ваш бог истинный. Прошу тебя, дай мне святое крещение!»

Епископ с почетом выслушал его, беседовал с ним, велел ждать: он еще подумает о желании юного княжича.

Вскоре после этого умер хан Берке, * в Орде началась смута, и там забыли о племяннике умершего хана. Тогда владыка крестил юношу и назвал его Петром. Долго жил княжич Петр у епископа, учась христианской вере. Скончался владыка Кирилл, похоронили его с почестями, вечная ему память. На епископский престол в Ростове вступил владыка Игнатий. * Он принялся перестраивать собор Богородицы, крышу перекрыл оловянными плитами, а полы — мраморными. Потом епископ Игнатий отправился в Орду за дарами для своей епархии. А Петр, княжич татарский, день и ночь молился и соблюдал пост, как научил его епископ Кирилл.

Но не забыл он и своих княжеских обычаев: иногда ездил на соколиную охоту в леса, что вокруг Ростовского озера. * Раз, утомленный охотой, помолившись, как обычно, он уснул. Был поздний вечер, совсем стемнело, — тут явились ему два человека, лица их светились как два солнца; они разбудили княжича и сказали;

— Друг Петр, щедрая милостыня твоя и молитвы твои дошли до бога.

Разве не чудо, дорогие читатели! Язычник роздал все богатства, а приняв веру христианскую — услышан милостивым господом. Так же в древности Евстафий Плакида * щедро подавал милостыню, когда еще был язычником, а приняв христианство, вознагражден был за подвиги и при жизни, как Петр, и после смерти — царством небесным. Сказал об этой милости божией сам Христос так: «За одну денежку продаете вы пять этих птичек, но ни одна из них не забыта богом». За щедрые подаяния татарского княжича бедным услышал бог молитвы его после крещения.

Проснулся Петр, увидел двух исполинов, высотой чуть не до облаков, сияющих как небесные светила. Упал он пред ними, объятый ужасом, потом встал, но в страхе опять пал на землю. И в третий раз поднялся и еще поклонился им до земли. Тогда светлые мужи подали ему руки и сказали:

— Друг Петр, не бойся! Мы посланы богом, в которого ты уверовал и крестился. Бог укрепит род-племя твое и потомков твоих до конца мира, он вознаградит тебя за милостыню, а за труды свои — удостоишься вечных благ!

Потом дали они ему два кошелья и говорят:

— Возьми эти кошелья, в одном тут золото, в другом — серебро. Завтра пойдешь в город и выменяешь три иконы: пресвятой богородицы с младенцем, святого Дмитрия и святого Николы. Отдашь за иконы столько, сколько спросит иконник.

Петр поглядел на них, показалось ему, что они действительно люди, взял кошелья, подумав, что хотят они возвеличить в Золотой Орде его род-племя, ибо не мог он сразу понять смысла их речи. Подумал и, набравшись смелости, спросил:

— А что же я отвечу, господа мои, если иконник спросит, откуда у меня кошель золота? Кто вы такие?

Они отвечали:

— Кошелья эти спрячь за пазуху, чтоб никто не знал о них. А попросят у тебя за иконы девять серебряных монет, а десятую золотую, так ты отсчитаешь им по одной. Потом ступай к епископу с иконами и говори ему так: «Петр и Павел, Христовы апостолы, послали меня к тебе, чтоб ты построил церковь над озером там, где я спал. А эти иконы — знамение от них, и вот дали они мне кошелья с золотом и серебром; что велишь с ними делать?» Как он прикажет, так и сделаешь. А мы — Христовы апостолы, Петр и Павел.

И не стало их.

Видишь, читатель, что не ложно сказано: «Прославлю тех, кто меня прославил». За то, что роздал сокровища свои бедным бога ради, прославил бог нашего Петра.

В ту же ночь и епископу явились оба апостола, приведя его в трепет. Они сказали: «Ты должен построить на средства епархии церковь княжичу Петру, он много золота пожертвовал епископу Кириллу на церкви. Новую церковь освятишь нашим именем. А если не сделаешь, как мы велим, то смертью казним тебя!» И, сказав это, стали невидимы. Встал епископ Игнатий и стал размышлять о ночном видении. Много было у него в епископской казне серебра и золота.

Велел вызвать к себе князя Ростовского* и сказал ему:

— Не знаю, что и делать. Явились мне Петр и Павел — точь-в-точь как на иконе — и устроили меня. Приказали строить церковь их имени, а где строить, так я и не уразумел!

— Вижу, что ты, владыка, от страха голову потерял! — говорит ему князь.

Поглядел он в окошко и видит, из собора святой Богородицы идет к дому епископа княжич ордынский, Петр, несет иконы, а от тех икон сияние, как огненный столб, выше колокольни. Испугался князь, говорит:

— Гляди, владыка, что там за огонь!

Им показалось, что Петр объят пламенем, но кроме них никто не видел этого огня.

А Петр еще рано утром вернулся в город, выменял иконы и понес их к епископу. Принес, поставил перед епископом и князем и говорит так:

— Вот, владыка, иконы, посланные тебе апостолами Петром и Павлом, чтобы ты построил церковь там, над озером, где я спал, когда они мне явились. А эти иконы — их знамение тебе, да еще вот дали они кошель эти, что велишь с ними делать?

Время было раннее, перед службой церковной. Князь и епископ встали и поклонились святым иконам, дивясь, откуда они, ибо не было в их городе иконописцев. А Петр был еще юношей, не мог он их написать, да и знали они, что он из татар. Спросили его:

— У кого же ты добыл эти иконы?

— На базаре выменял, господи!

Задумались они о ночном видении епископа: значит, являлись апостолы. И снова иконы засияли таким светом, будто солнце вошло в палату, где они были. И снова ужас охватил всех от этого знамения.

После утрени владыка Игнатий пел молебны святой богородице, святому Дмитрию и святому Николу. Потом запрягли колесницу по повелению епископа, княжич Петр вынес иконы и поехал к тому месту, где он спал. А владыка, князь и весь город шли за колесницей с пением. На месте сна Петрова они отслужили молебен апостолам, призывая их со слезами, и пожертвовали дому их окрестные хутора и поля. Отслужив молебен,

горожане по повелению князя поставили часовню, перевезенную из города, а Петр внес туда иконы. Потом огородили часовню забором и вернулись в город.

Садясь на коня, князь промолвил в шутку:

— Вот владыка построит тут тебе церковь, а я земли не дам! Что ты тогда будешь делать?

Петр ответил:

— По повелению святых апостолов Петра и Павла, князь, я куплю у тебя земли столько, сколько выделит для этого твоя милость.

А князь еще в доме епископа видел Петровы кошель с деньгами, вспомнил о них теперь и подумал: «Надо бы у тебя побольше выделить из дара святых апостолов, пока не опомнился епископ от ночного страха и не прибрал его себе». И пришло ему на ум: «Может ведь и так быть, как Ильи-пророк сказал: и у нас горсть муки на каждый день не умалится, и ушат воды не опустеет, и горшок с маслом все полон будет». Подумав так, ответил он Петру будто в шутку:

— Скажи-ка, Петр: можешь ты за землю отдать мне, как за иконы, — девять гривен серебра, а десятую — золота, только выложи их так, чтоб всю межу покрыть? Согласен так?

Петр ему в ответ:

— Приходившие ко мне апостолы наказали — как повелит епископ, так и делать. Как изволите, владыка?

Епископ благословил своим крестом Петра и говорит:

— Господь нас учил, дитя мое Петр: всякому просящему у тебя дай. Так не жалея ты богатств родительских, для чего они, ведь сказано: «горшок с маслом полон будет, и горсть муки не умалится». А за щедрость твою — по молитве святых апостолов — род твой будет благословен. Отдай за землю князю столько, сколько он хочет.

Петр земно поклонился владыке, слова его принял покорно, подошел к князю и говорит:

— Пусть исполнится воля святых апостолов — и твоя, князь!

И приказал князь окинуть мерной веревкой место под церковь: от озера до ворот часовни, от ворот до угла, а потом опять до озера, — место просторное. Петр и говорит:

— Прикажи, князь, чтобы все это место рвом окопали, как мы в Орде всегда делаем, чтобы потом не урезывали участок церковный.

Так и сделали. Горожане, что с крестным ходом пришли, провожая иконы, принялись за дело и быстро окопали рвом ограду. Сохранился этот ров и доныне. Тогда Петр начал выкладывать монеты одну к другой — от самого озера, сначала девять серебряных из одного кошель, потом десятую золотую — из другого.

И когда выложил он по всей меже девять гривен серебра и десятую золота, то князьи слуги, собрав их, наполнили воз Петровыми деньгами, да еще и ту колесницу, на которой часовню с иконами везли. Кони едва с места сдвинули эту поклажу.

Увидев такое множество серебра и золота, в десять раз больше, чем следовало выплатить за этот участок, князь и епископ изумились: столько монет он выложил, а кошельки его всё так же полны, и подумали: «Что же это такое, господи! По нашим грехам мы бы того не получили, а этот человек дивную милость Божию заслужил помощью святых апостолов!»

С великим почетом посадил князь Петра Ордынского на коня; проводили его в город всем народом, принесли ему многие дары, возле дома его поставили стражу. Город радостно праздновал этот день, много дней служили молебны и восхваляли бога и святых апостолов за чудо, а Петр щедро раздавал милостыню и кормил убогих.

Княжич Петр все размышлял, не понимая, как же свершилось это чудо, молчал на людях и любил уединяться. Когда заметили епископ и князь, что Петр приумолк и томится, стали они меж собой говорить:

— Ведь Петр — ханского рода. Если уйдет он от нас в свою Орду, может произойти от этого большой вред нашему городу.

Петр был тогда уже ростом высок, лицом красив. Призвали они его и сказали:

— А что, Петр, не хочешь ли ты жениться? Найдем тебе невесту!

Петр в волнении ответил князю и владыке:

— Я полюбил вашу веру и покинул веру родителей. Переселился к вам, — так будь теперь, как богу угодно и как вы изволите!

Князь сосватал за него дочь большого вельможи. В Ростове тогда еще жили ордынские вельможи. Владыка обвенчал Петра, и построил над озером церковь, и освятил ее во имя святых апостолов.

Князь Ростовский часто брал Петра с собой на ханскую забаву — на ястребиную охоту за озеро, чтоб не тосковал он по родине, чтоб в нашей вере остался.

Раз как-то говорит ему князь:

— Великая благодать Божия на тебе и на нашем городе из-за тебя. Сказано в святом Писании: «Отдам богу от всех благ, как он дал нам». Подарю я тебе надел земли небольшой из своей вотчины против церкви святых апостолов, у самого озера, и напишу тебе дарственную грамоту!

Отвечал княжич Петр:

— Я ведь, князь, сроду не владел землею, и предки мои никогда не владели. А зачем еще писать грамоты?

Говорит ему князь:

— Я все сделаю, Петр, как у нас водится. А грамоты надобны вот зачем, — чтоб не отнимали твоих поместий мои дети и внуки у твоих детей и внуков.

— Пусть будет, князь, по-твоему, на то воля божья! — поклонился Петр.

И распорядился князь, чтобы перед епископом были составлены грамоты Петру на владение многими землями вдоль озера, и водами, и лесами, а те грамоты и по сей день сохранились. И настроили Петру хором по его землям. А Орда тогда в набеги не выходила многие годы.

Такой хороший нрав и обычай был у Петра, так обходителен и учтив он был, что князь полюбил его, как родного, всегда его при себе держал и за стол без него не садился. Попросил он владыку, чтобы связал он их в церкви обрядом побратимства. И стали звать Петра братом князя. А у Петра тогда уж и дети подрастали.

Через несколько лет умер епископ Игнатий и получил царство небесное, вечная ему память! А несколько дней спустя после владыки умер и князь Ростовский. Дети его звали всегда Петра дядею до самой его старости. Мирно прожил Петр свою жизнь и скончался глубоким стариком, приняв монашеский чин; и похоронили его на том самом месте, где спал он, когда явились ему апостолы, у самой их церкви. И со дня его погребения начали строить там монастырь.*

Внуки же старого князя* Ростовского стали забывать, чем обязан был их род Петру, княжицу ордынскому, и начали отнимать луга, уголья и земли у Петровых детей. Тогда сын Петра поехал в Орду, рассказал там, что он внук хана — по его брату. Обрадовались его дядья, одарили его богатыми подарками и попросили хана отправить с ним своего посла. Приехал ханский посол в Ростов, позвал на суд внуков ростовского князя: показаны были ему грамоты Петра Ордынского, данные старым князем, и по этим грамотам уставил он рубежи владений сыну Петра, дал ему грамоту с золотой печатью, какая давалась по повелению хана, и уехал в Орду.

А молодые князья, злобствуя, вели меж собой и своими боярами такие разговоры: «Слыхали мы, что наши родители звали дядей его отца, Петра, что дед наш получил от него много серебра, что он братался с Петром в церкви. Да ведь род-то их татарский — не наша кость! Какая ж они нам родня! Серебра ведь нам ихнего не досталось от родителей наших!..»

Вот такие у них были речи, и не думали уж о чуде святых апостолов Петра и Павла, позабыли о дружбе и любви прародителей своих. Долгие года завидовали они тому, что Петровых детей в Орде принимали с бóльшим почетом, чем их. А сын Пе-

тра дожил до глубокой старости и умер, окруженный большой семьей, сыновьями и дочерьми.

Внук Петра, Юрий, как и его родители, много жертвовал собору святой госпожи Богородицы в Ростове, устраивал пиры владыке и клиру в поминальные дни по своим родителям и прародителям и в праздник святых апостолов Петра и Павла.

Замечено было, что Юрьевым рыбакам удаются большие уловы, не то что остальным ловцам. Будто играя, рыбаки петровских тонь чуть заведут невода — и вытаскивают несметное число рыбы, а городские рыбаки как ни бьются — всё впустую!

И пошли городские рыбаки с жалобой к своим князьям: «Господа наши, князья! Если Юрьевы ловцы не перестанут ловить, запустеет Ростовское озеро! Они всю рыбу переловят!»

Тогда правнуки старого князя Ростовского призвали Юрия и говорят:

— Давно слышали мы, что дед твой получил владенные грамоты от прародителя нашего на место под монастырем, на земли и угодья, но озеро Ростовское — наше, на озеро грамоты вы не получили. Потому запрещаем ловить вашим рыбакам!

Так сбилось предсказание старого князя, побратима Петрова, об обидах, что будут чинить его внуки, из-за которых он и велел писать грамоты.

Выслушал их Юрий, внук Петра, и отправился в Орду — искать правды. Дядья его приняли с честью, одарили богатыми подарками и снарядили с ним ханского посла.

Приехал ханский посол в Ростов, остановился у озера в монастыре Петра и Павла и позвал князей на суд с внуками Петра Ордынского. Испугались князья ханского посла. А Юрий положил перед послом все Петровы грамоты. Переглядел посол эти грамоты и спросил князей:

— Не ложно ли эти грамоты написаны? Ваша ли вода в Ростовском озере? Есть ли под вашей водой земля, которую продал прародитель ваш? Можете ли вы свою воду снять с той земли?

И отвечали князья:

— Ей-ей, не ложны эти грамоты, господин! И вода тут наша, и земля под нею есть! А снять ее с земли не можем, господин!

Тогда приговорил ханский посол так:

— Если снять эту воду с земли не можете, почему же своею ее называете? Создана она богом на службу всем людям! Если куплена земля, то и вода на ней куплена!

Так присудил он воды озера по границам земельных владений Петрову внуку, Юрию. И дал Юрию грамоту с золотой печатью по повелению хана, да с тем и уехал.

Так и не могли князья Ростовские никакого зла причинить Юрию. Присмирели они на долгие годы. А Петровы внуки праздновали чудо святых апостолов, как повелось в роду их, и поминали каждый год своих родителей раздачей большой милостины беднякам.

И вырос уже правнук Петра, сын Юрия — Игнат. В его время пошел как-то походом на Русские земли из Орды Ахмыл. * Сжег он Ярославльскую крепость и повел свои полчища на Ростов. Ужас овладел всеми, бежали от него князья Ростовские, побежал и владыка ростовский Прохор. Тогда Игнат настиг владыку, извлек свой меч и говорит:

— Если ты не пойдешь сейчас со мною навстречу Ахмылу, я сам изрублю тебя! Там наше племя, там мои сродники!

Послушался его владыка, вернулся в Ростов и вышел навстречу Ахмылу в ризах с крестом, со всем клиром, с хоругвями. А Игнат вышел вперед крестного хода с горожанами, вынес потеху ханскую — охотничьих кречетов, вынес шубы и хмельные меды, стал на колени перед Ахмылом у самого Ростовского озера и, приветствуя его, как потомок брата древнего хана, сказал:

— Здесь вотчина ханская и твоя, Ахмыл! Купил эту вотчину прадед наш затем, что тут чудеса совершались!

Смело говорил он, а горбжане и церковный люд с ужасом озирали несметное войско Ахмылово. И спросил его Ахмыл:

— Ты меня утехой ханской даришь, — а кто же те, что в сверкающих одеждах с хоругвями стоят, не хотят ли они биться с нами?

Игнат объяснил ему:

— Нет, господин, они бога молят за хана и за тебя, а вынесли они божницу, чтобы благословить тебя по закону здешней веры!

У Ахмыла как раз в то время под Ярославлем тяжело заболел сын. Он вез его при своем войске на возу. И приказал подвезти его сюда, чтобы владыка благословил его. Епископ Прохор * освятил воду, дал испить ее больному и благословил его крестом. И выздоровел сын Ахмыла. Увидев это чудо, сошел с коня Ахмыл, поднял руки к небу и говорит:

— Благословен верховный бог, что внушил мне мысль идти к этому городу. Праведник ты, владыка Прохор, раз молитва твоя воскресила моего сына. Благословен и ты, Игнат, за то, что спас людей своих и этот город. Ханской ты крови, наше племя, если будет тебе здесь от кого обида, не ленись прийти к нам в Орду!

И дал Ахмыл сорок мер серебра владыке, да тридцать мер серебра его клиру. Взял кречетов у Игната, поцеловал его, поклонился епископу, сел на коня и ушел назад в Орду.

Игнат проводил Ахмыла вместе с владыкою и с горожанами. Потом вернулись в Ростов и служили молебны, прославляя бога за чудесное избавление.

Пошли, господь, утешенье читающим и пишущим о делах древних наших прародителей! Дай им здесь покой и в будущей жизни! А всему роду Петрову дай умножение и бережение! И не оскудеет в нем радость без печали, не исчезнет его память до кончины мира.

Господу Иисусу Христу слава, честь и поклонение ныне и во веки веков. Аминь.

ПОВЕСТЬ О МЕРКУРИИ СМОЛЕНСКОМ

В городе Смоленске в Петровской купеческой сотне жил молодой еще человек, именем Меркурий. День и ночь учился он священному Писанию, своим благочестием, постом и молитвою сиял, как звезда богоявленная. Был он возвышен душой и часто ходил молиться у креста за Днепром в Петровском посаде. *

В то время зловерный царь Батый завоевал и разграбил Русскую землю, * проливая невинную кровь, как воду, предавая мучениям христиан. И приблизился царь Батый с бесчисленным войском к хранимому богом городу Смоленску, стал лагерем за тридцать верст от него, жег в окрестности все церкви, избивал христиан и готовился к приступу.

Жители Смоленска были в большой печали, целые дни они молились с воплями и слезами в соборной церкви пречистой Богородицы, * умоляли всемогущего бога, и пречистую богоматерь, и всех святых уберечь и сохранить их город от всякого зла.

И внял бог молитвам, показал свое попечение о смоленчанах. Неподалеку от города, за Днепром-рекою, был Печерский монастырь. * И было видение пономарю в этом монастыре, явилась богородица и сказала: «Пойди, человек божий, да поскорей, к тому кресту, где молится подвижник Меркурий, и скажи ему: „Призывает тебя богоматерь!“»

Пономарь поспешил в посад, нашел там Меркурия у креста и позвал его:

— Меркурий!

— Что тебя привело сюда? — спросил Меркурий.

Пономарь сказал:

— Иди скорей, брат! Богоматерь призывает тебя в Печерскую церковь.

Когда Меркурий вошел в святой храм, он увидел пречистую богородицу на золотом престоле с Христом на руках, окруженную свитой ангелов. Он пал к ногам богородицы, охваченный трепетом. Пречистая богоматерь велела ему встать и говорила с ним так:

— Сын мой и избранник мой Меркурий! Тебя посылаю на отмищение за пролитую кровь христианскую. Ты победишь зловерного царя Батые и все его воинство. А потом придет к тебе воин светлоликий, ты отдашь ему меч свой, и он отсечет тебе голову. И возьмешь ты главу свою в руки, придешь в град свой и только там примешь кончину свою. Тело твоё будет погребено в моей церкви!

Великие туга и печаль охватили Меркурия, заплакал он и сказал:

— О пресвятая госпожа, владычица, мать Христа бога нашего, откуда у меня, окаянного и худого раба твоего, возьмутся силы на такой великий подвиг? Разве у тебя самой, владычица, нет сил, чтобы победить злобного царя Батые?

Потом принял от нее благословение, вооружился и одел доспехи, поклонился до земли богородице и вышел из храма. Тут стоял уже храбрый боевой конь. Вскочил Меркурий на коня и выехал из города. Доскакав до полчищ Батыевых, он ударил на врагов и с помощью бога и пречистой богородицы разбил их, освободил из плена множество христиан, отпустил их в Смоленск, а сам носился по полю битвы, как орел по воздуху.

Зловерный царь Батый, узнав о поражении своих людей, охвачен был великим страхом и ужасом и обратился в бегство с малой дружиной. Бежал он в землю венгров и там убит был иноверным царем Стефаном.*

И тогда появился перед Меркурием светлоликий воин. Меркурий поклонился ему, отдал меч свой и подставил голову. Приняв усеченную голову в руки и ведя за собой коня, пошел он, обезглавленный, в свой город Смоленск. Народ, глядя на это, дивился божьему промыслу. И дошел Меркурий до Мологинских ворот.* Какая-то девушка шла за водой к Днепру и встретила его в воротах. Увидев, что святой несет голову свою в руках, она стала грустить над ним. Тогда святой пал на пути и отдал душу богу. А конь его исчез в тот же миг.

Узнав об этом, архиепископ смоленский пошел крестным ходом со множеством народа, чтобы взять и перенести в церковь священное тело героя. И не могли поднять его, не позволил им святой. Поднялся громкий плач и рыдания в толпе: за что же это не дает нам поднять свое тело святой! Архиепископ был в большом смятении, стал молиться богу, чтоб вразумил его, и услышал голос: «Не скорби об этом, слуга господень! Кто послал Меркурия на одоление врагов, тот и похоронит его!»

И три дня лежало тело Меркурия непогребенным. Архиепископ всю ночь молил бога, чтобы открыл ему тайну этого чуда. И глядел он со страхом в оконце, что выходило к соборной церкви. И видит: стало светло, среди ночи будто засияла солнечная заря, и в этом сиянии вышла из собора пречистая богородица с архистратигами Михаилом и Гавриилом. И, подойдя к воротам, где лежало тело святого, подняла его богородица, окутала его своим покровом, и перенесли его в соборную церковь и положили в гроб на том месте, где и доныне стоит он, всеми видим, и творит чудеса во славу Христа, бога нашего, благоухая, как кипарис.

Когда архиепископ смоленский пришел в собор к заутрене, увидел преславное чудо: святой лежит в гробу на месте своем, будто спит. И стал сбегаться народ поглядеть на это чудо, и все славил бога.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Есть в Русской земле город, называется Муром. * Рассказали мне, что правил им когда-то добрый князь, по имени Павел. * Ненавидя всякое добро в роде человеческом, дьявол наслал в терем княгини Павловой летучего змея — обольщать ее на блуд. Когда находило на нее это наваждение, она видела его таким, каков он есть, а всем, кто входил в это время к княгине, представлялось, что это князь сидит со своей женою. Прошло немало времени, и жена князя Павла не утаила, рассказала мужу все, что было с нею, потому что змей тот уже насиловал ее.

Князь задумался, что сделать со змеем, и не мог придумать. Потом сказал жене:

— Сколько ни думаю, не могу придумать, как мне справиться с этим нечистым духом. Я той смерти не знаю, какую ему можно учинить. Вот как мы сделаем. Когда будет он с тобою говорить, спроси-ка ты хитро и лукаво его самого об этом: не знает ли этот оборотень-змей, от чего ему смерть суждена. Если ты это узнаешь и нам поведаешь, то не только избавишься от его гнусного дыхания и осквернения, о котором мерзко и говорить, но и в будущей жизни умилиставишь к себе неподкупного судию — Христа!

Княгиня обрадовалась словам своего мужа и подумала: «Хорошо, когда б это сбылось».

Вот прилетел к ней оборотень-змей, она заговорила с ним о том, о другом льстиво и лукаво, храня в памяти своей добрый умысел, и когда он расхвастался, спросила смиренно и почти-тельно, восхваляя его:

— Ты ведь все знаешь, наверное и то знаешь, какова и от чего суждена тебе кончина?

И тут великий обманщик сам был обманут лестью красивой женщины, — и сам не заметил, как выдал свою тайну:

— Смерть мне суждена от Петрова плеча, от Агрикова меча!

Княгиня, услышав эту загадку, твердо запомнила ее и, когда змей улетел, пересказала мужу, как он ей ответил. Князь выслушал и задумался, что это значит: «смерть от Петрова плеча, от Агрикова меча»? *

Был у него родной брат, князь, по имени Петр. * Призвал он его в ближайшие дни и рассказал о змее и его загадке. Князь Петр, услышав, что змей назвал его именем того, кто с ним покончит, мужественно решился одолеть его. Но смущала его мысль, что ничего не знает он об Агрикове мече.

Он любил молиться в малолюдных церквах. Пришел он как-то один в загородную церковь Воздвижения, что в женском монастыре. Тут подошел к нему подросток, служка церковный, и сказал:

— Князь! Хочешь, покажу тебе Агриков меч?

Тотчас вспомнил князь о своем решении и поспешил за служкой:

— Где он, дай взгляну!

Служка повел его в алтарь и показал щель в алтарной стене между кирпичами: в глубине щели лежал меч. Доблестный князь Петр достал этот меч и вернулся в княжой двор. Рассказал он брату, что теперь он уже готов, и с того дня ждал удобного времени — убить летучего змея.

Он каждый день приходил спросить о здравии брата своего и заходил потом к снохе по тому же чину.

Раз побывал он у брата и сразу от него пошел на княгинину половину. Вошел и видит: сидит с княгиною брат, князь Павел. Вышел он от нее и повстречал одного из свиты князя:

— Скажи мне, что за чудо такое: вышел я от брата к снохе моей, оставил его в своей светлице и нигде не задержался, а вхожу к княгине, он там сидит; изумился я, как же он раньше меня успел туда?

Приближенный князя отвечает:

— Не может этого быть, господин мой! Никуда не отлучался князь Павел из покоев своих, когда ты ушел от него!

Тогда князь Петр понял, что это колдовство лукавого змея. Пошел опять к старшему брату и спрашивает:

— Когда ты вернулся сюда? Я от тебя вот только что ходил в покои княгини твоей, нигде ни на минуту не задерживался и, когда вошел туда, увидел тебя рядом с нею. Я был изумлен, как ты мог оказаться там раньше меня. Оттуда сразу же пошел я сюда, а ты опять, не понимаю как, опередил меня и раньше меня здесь оказался.

Тот же говорит:

— Никуда я из горницы своей не выходил, когда ты ушел к княгине, и сам у нее не был.

Тогда князь Петр объяснил:

— Это чары лукавого змея: он передо мною принимает твой образ, чтобы я не подумал убить его, почитая тебя, своего брата. Теперь уж ты отсюда никуда не выходи, а я пойду туда биться со змеем, и если бог поможет, так и убью лукавого змея.

Взял он заветный Агриков меч и пошел в покои своей снохи, опять увидел возле нее змея в образе брата, но теперь он был уже твердо уверен, что это не брат, а оборотень-змей, и поразил его мечом. В тот же миг змей принял свой настоящий вид, забился в предсмертных судорогах и издох. Но струи крови чудовища обрызгали тело князя Петра, и от этой поганой крови он покрылся струпьями, потом язвами и тяжело заболел. Он призывал всех врачей своего княжества, чтобы исцелили его, но ни один не мог его вылечить.

Прослышал он, что в Рязанской земле много лекарей, и велел отвезти себя туда, потому что болезнь его очень усилилась и он не мог уже сидеть на коне. Привезли его в Рязанскую землю, и разослал он свою дружину во все концы искать лекарей.

Один из его дружинников завернул в деревню Ласково. Подъехал он к воротам какого-то дома, — никого не видно; вошел на крыльцо, — словно никто и не слышит; открыл дверь и глазам не верит: сидит за ткацким станом девушка, одна в доме, а перед нею скачет-играет заяц.

И молвит девушка:

— Плохо, когда двор без ушей, а дом — без глаз!

Молодой дружинник не понял ее слов и говорит:

— Где же хозяин этого дома?

Девушка отвечает:

— Отец и мать пошли взаймы плакать, а брат ушел сквозь ноги смерти в глаза глядеть.

Юноша опять не понял, о чем она говорит, удивился и тому, что увидел, и тому, что услышал:

— Ну скажи ты, что за чудеса! Вошел я к тебе, — вижу, работаешь за станом, а перед тобой заяц пляшет. Заговорила ты, — и странных речей твоих я никак не пойму. Сперва ты сказала: «плохо, когда двор без ушей, а дом без глаз!» Про отца и мать своих сказала: «пошли взаймы плакать», а про брата: «сквозь ноги смерти в глаза глядеть», и ни единого слова я тут не понял.

Улыбнулась девушка и сказала:

— Ну чего уж тут не понять! Подъехал ты ко двору и в дом вошел, а я сижу неприбранная, гостя не встречаю. Был бы пес во дворе, почуял бы тебя издали, лаял бы: вот и были бы у двора уши. А кабы в доме моем было дитя, увидело б тебя, как

ты через двор шел, и мне бы сказало: вот был бы и дом с глазами. Отец и мать пошли на похороны и там плачут, а когда они помрут, другие над ними плакать будут: значит, сейчас они свои слезы взаймы проливают. Сказала я, что брат мой (как и отец) — бортник, в лесу они собирают по деревьям мед диких пчел. Вот и сейчас брат ушел бортничать, залезет на дерево как можно повыше и вниз поглядывает, как бы не сорваться, ведь кто сорвался, тому конец! Потому я и сказала: «сквозь ноги смерти в глаза глядеть».

— Вижу, мудрая ты девица, — говорит юноша, — а как же звать тебя?

— Зовут меня Феврония.

— А я из дружины муромского князя Петра. Тяжело болеет наш князь — весь в язвах. Он своей рукой убил оборотня, змея летучего, и где обрызгала его кровь змеиная, там и струпья явились. Искал он лекаря в своем княжестве, многие его лечили, никто не вылечил. Приказал сюда себя привезти, говорят, здесь много искусных целителей. Да не знаем мы, как их звать и где они живут, вот и ходим, спрашиваем о них!

Феврония подумала и говорит:

— Только тот может князя твоего вылечить, кто себе его потребует.

Дружинник спрашивает:

— Как это говоришь, кто себе потребует князя моего? Для того, кто его вылечит, князь Петр не пожалеет никаких богатств. Ты скажи мне имя его, кто он и где живет.

— Приведи князя твоего сюда. Если он добросердечен и не высокомерен, то будет здоров! — ответила Феврония.

Вернулся дружинник к князю и все ему подробно рассказал, что видел и слышал. Князь Петр приказал отвезти его к этой мудрой девушке.

Привезли его к дому Февронии. Князь послал к ней слугу своего спросить:

— Скажи, девушка, кто это хочет меня вылечить? Пусть исцелит меня от язв — и получит богатую мзду.

А она прямо и говорит:

— Я сама буду лечить князя, но богатств от него никаких не требую. Скажи ему от меня так: если не буду его супругой, не надо мне и лечить его.

Вернулся слуга и доложил князю все, что сказала девушка. Князь Петр не принял всерьез ее слов, он подумал:

«Как это мне, князю, жениться на дочери бортника?» И послал к ней сказать:

«В чем же тайна врачевства твоего, начинай лечить. А если вылечишь, возьму тебя в жены!»

Посланный передал ей слова князя, она взяла небольшую плошку, зачерпнула из дежи хлебной закваски, дунула на нее и говорит:

— Истопите вашему князю баню, а после бани пусть мажет по всему телу свои язвы и струпья, но один струп пусть оставит непомазанным. И будет здоров!

И принесли князю эту мазь. И велел он истопить баню, но, прежде чем довериться ее снадобью, решил князь испытать ее мудрость хитрыми задачами. Запомнились ему ее мудрые речи, которые передал первый его слуга. Послал ей малый пучок льну и велел передать:

«Коли хочет эта девушка супругой моей стать, пусть покажет нам мудрость свою. Если она и вправду мудрая, пусть из этого льна сделает мне рубаху, портки и полотенце за то время, пока я буду в бане париться».

Слуга принес ей пучок льну и передал княжий наказ. Она велела слуге:

— Заберись-ка на эту печь, сними с грядки сухое поленце, принеси сюда!

Слуга послушно достал ей полено. Отмерила она одну пядь и говорит:

— Отсеки этот кусок от поленца.

Он отрубил. Тогда она говорит:

— Возьми эту чурочку, отнеси князю своему и скажи от меня: «За то время, пока я пучок льну очешу, пусть князь из этой чурочки сделает мне ткацкий стан и все снаряды, чтоб выткать полотно ему на белье».

Слуга отнес князю чурочку и пересказал речи девушки. Князь посмеялся и послал его назад:

— Иди, скажи девушке, что нельзя из такой малой чурки в такое малое время столько изделий приготовить!

Слуга передал слова князя. Феврония только того и ждала.

— Ну, спроси тогда его, разве можно из такого пучочка льну взрослому мужчине за то время, пока он в бане попарится, выделать и рубашку, и портки, и полотенце?

Слуга пошел и передал ответ князю. Выслушал князь и подивился, — ловко ответила.

После этого сделал он, как велела девушка, помылся в бане и помазал все язвы и струпья ее мазью, а один струп оставил непомазанным. Вышел из бани — и болезни не чувствует, а наутро глядит — все тело чисто и здорово, только один струп остался, что он не помазал, как велела девушка. Изумился он быстрому исцелению. Однако не захотел взять ее в жены, из-за низкого ее рода, и послал ей богатые дары. Она даров не приняла.

Уехал князь Петр в свою вотчину, в город Муром, совсем здоровым. Но оставался на теле у него один струп, оттого что

не помазал его целебной мазью, как наказывала девушка. Вот от этого-то струпа и пошли по всему телу новые струпья и язвы с того самого дня, как уехал он от Февронии. И опять тяжело заболел князь, как и в первый раз.

Пришлось вернуться к девушке за испытанным лечением. Добрались до ее дому, и как ни стыдно князю было, послал к ней опять просить исцеления.

Она, нимало не гневаясь, говорит:

— Если станет князь моим супругом, то будет совсем исцелен.

Тут уж он твердое слово дал, что возьмет ее в жены.

Она, как и прежде, дала ему закваски и велела выполнить то же самое лечение. Князь совсем вылечился и женился на ней. Таким-то чином стала Феврония княгиней.

Приехали они в отчину князя, в город Муром, и жили благочестиво, блюдя божии заповеди.

Когда же умер в скором времени князь Павел, стал князь Петр самодержавным правителем * в своем городе.

Бояре муромские не любили Февронию, поддавшись наущению жен своих, а те ее ненавидели за низкий род. Но славилась она в народе добрыми делами своими.

Раз пришел один ближний боярин к князю Петру, чтоб поссорить его с женой, и сказал:

— Ведь она из-за стола княжеского каждый раз не по чину выходит. Перед тем как встать, всегда собирает она со скатерти крошки, как голодная!

Захотел князь Петр проверить это и приказал раз накрыть ей стол рядом с собой. Когда обед подошел к концу, она, как с детства привыкла, смахнула крошки в горсть. Князь взял ее за руку, велел раскрыть кулачок и видит: на ладони у нее благоуханная смирна и фимиам. С того дня он больше уж ее не испытывал.

Прошло еще время, и пришли к нему бояре гневные и мятежные:

— Мы хотим, князь Петр, праведно тебе служить, как нашему самодержцу, но не хотим, чтобы Феврония была княгиней над нашими женами. Если хочешь остаться у нас на княжьем столе, возьми другую княгиню, а Феврония, получив изрядное богатство, пусть идет от нас куда хочет!

Князь Петр всегда был спокойного нрава, и без гнева и ярости ответил им:

— Скажите-ка сами об этом княгине Февронии, послушаем, что она вам на это скажет!

Мятежные бояре, потеряв всякий стыд, устроили пиршество, и когда хорошо выпили, развязались у них языки, и начали они о княгине говорить нелепо и поносно, как псы лаялись, отрицали ее

чудесный дар исцеления, которым бог наградил ее не только при жизни, но и по смерти. Под конец пира собрались они возле князя с княгиней и говорят:

— Госпожа княгиня Феврония! От всего города и от боярства говорим тебе: дай нам то, о чем мы тебя попросим!

Она ответила:

— Возьмите чего просите!

Тогда бояре в один голос закричали:

— Мы все хотим, чтоб князь Петр был владыкой над нами, а наши жены не хотят, чтоб ты правила ими. Возьми богатства, сколько хочешь, и уезжай, куда тебе угодно!

Она им и говорит:

— Я обещала вам, что получите то, чего просите. А теперь обещайте вы дать мне то, чего я у вас попрошу.

Бояре же недогадливые обрадовались, думая, что легко от нее откупятся, и поклялись:

— Что ни попросишь, сразу же беспрекословно отдадим тебе!

Княгиня и говорит:

— Ничего мне от вас не надо, только супруга моего, князя Петра!

Подумали бояре и говорят:

— Если князь Петр сам того захочет, ни слова перечить не будем!

Злобные их души озарились дьявольской мыслью, что вместо князя Петра, если он уйдет с Февронией, можно поставить другого самодержца, и каждый из них втайне надеялся стать этим самодержцем.

Князь Петр не мог нарушить заповедь божью ради самодержавства. Ведь сказано: «Кто прогонит жену, не обвиненную в прелюбодеянии, и женится на другой, тот сам станет прелюбодеем». Поэтому князь Петр решил отказаться от княжества.

Бояре приготовили им большие суда, потому что под Муромом протекает река Ока, и уплыли князь Петр с супругою своею на этих судах.

Среди приближенных был с ними на судне один человек со своей женой. Соблазняемый бесом, этот человек не мог наглядеться на княгиню Февронию, и смущали его дурные помыслы. Она угадала его мысли и говорит как-то ему:

— Зачерпни-ка воды с этой стороны судна и испей ее!

Он сделал это.

— Теперь зачерпни с другой стороны и испей!

Испил он опять.

— Ну как? Одинакова на вкус, или одна слаще другой?

— Вода как вода, и с той стороны и с этой!

— И женское естество одинаково. Почему же, забывая свою жену, ты о чужой помышляешь?

И понял боярин, что она читает чужие мысли, не посмел больше предаваться грешным помыслам.

Плыли они весь день до вечера, и пришла пора причалить к берегу на ночлег. Вышел князь Петр на берег, ходит по берегу и размышляет:

«Что теперь с нами будет, не напрасно ли я сам лишил себя самодержавства?»

Прозорливая же Феврония, угадывая его мысли, говорит ему:

— Не печалься, князь, милостивый бог и жизни наши строит, он не оставит нас в унижении!

Тут же на берегу слуги готовили княжеский ужин. Срубили несколько деревьев, и повар повесил на двух суковатых рассошках свои котлы. После ужина проходила княгиня Феврония по берегу мимо этих рассошек, благословила их и говорит:

— Пусть вырастут из них наутро деревья с ветками и листвою!

Так и сбылось. Встали утром, а на месте рассошек — большие деревья шумят листвою. И только хотели люди собирать шатры и утварь, чтобы переносить их на суда, прискакало посольство из города Мурома челом бить князю:

— Господин наш, князь! Мы пришли к тебе от всего города, не оставь нас, сирот твоих, вернись в свою вотчину. Мятежные вельможи муромские друг друга перебили, каждый хотел стать самодержцем, и все от меча погибли. А остальные вельможи и весь народ молят тебя: «Князь, господин наш, прости, что прогневали мы тебя! Говорили тебе лихие бояре, что не хотят, чтоб княгиня Феврония правила женами нашими, но теперь нет уж их, все мы однодушно тебя с Февронией хотим, и любим, и молим, не покидайте рабов своих!»

И вернулись князь Петр и княгиня Феврония в Муром. Правили они в городе своем по законам Божиим и были милостивы к своим людям, как чадолюбивые отец и мать. Со всеми были равно сердечны, не любили только спесивых и грабительствующих, не жадны были к земным богатствам, но для вечной жизни богатели. Истинными пастырями города они были, не яростью и страхом правили, а истиной и справедливостью. Странствующих принимали, голодных кормили, нищих одевали, несчастных от гонений избавляли.

Когда приблизилась их кончина, они молили бога, чтобы в один час переселиться в лучший мир. И завещали, чтобы похоронили их в одной большой каменной гробнице с перегородкой посредине. В одно время облачились они в иноческие одежды и

приняли монашество. Князя Петра называли в иночестве Давидом, а Февронию — Евфросинией.

Перед самой кончиной княгиня Феврония вышивала покров с ликами святых на престольную чашу для собора.

Приняв иночество, князь Петр, названный теперь Давидом, послал сказать ей: «О сестра Евфросиния! Близка моя кончина, но жду тебя, чтобы вместе покинуть этот мир».

Она ответила: «Подожди, господин мой, сейчас дошью покров для святой церкви».

И во второй раз прислал князь сказать: «Недолго могу ждать тебя!»

И в третий раз послал: «Отхожу из этого мира, не могу больше ждать!»

Княгиня-инокия в это время вышивала последний покров, уже вышила лик святого и руку, а одежды его еще не вышила и, услышав зов супруга своего, воткнула иглу, замотала вокруг нее нитку и послала сказать князю Петру — в иночестве Давиду, — что и она готова.

В пятницу 20 июня отдали они оба души богу.

После их кончины церковнослужители решили положить тело князя Петра в соборной церкви пречистой Богородицы в Муроме, а тело княгини Февронии — в загородном женском монастыре, в церкви Воздвиженья животворящего креста, так как нельзя, дескать, мужа и жену положить в одном гробе, раз они стали иноками. Сделали для них отдельные гробницы и похоронили святого Петра в городском соборе, а святую Февронию в другой гробнице в загородной Воздвиженской церкви. А ту двойную каменную гробницу, что они велели сделать себе еще при жизни, оставили пустою в том же городском соборе.

Но на другой день утром увидели, что отдельные их гробницы пусты, а святые тела князя и княгини покоятся в той общей каменной гробнице, которую они велели сделать для себя перед смертью. И те же неразумные люди, что пытались при жизни разлучить их, нарушили их покой после смерти: они снова перенесли святые тела в особые гробницы. И на третье утро увидели опять тела князя и княгини в общей гробнице. После этого больше уж не смели трогать их святые тела, и так и остались они в соборной церкви Рождества пресвятой богородицы, где сами велели себя похоронить.

Мощи их даровал бог городу Мурому во спасение: всякий, кто с верою приходит к гробнице с их мощами, получает исцеление.

ПОВЕСТЬ О ЛУКЕ КОЛОЧСКОМ

В 6921 (1413) году скипетр власти Всероссийского государства держал князь Василий Дмитриевич. * В уделе брата его Андрея Дмитриевича, верстах в пятнадцати от города Можайска, * жил в урочище Колочка простой бедный крестьянин по имени Лука.

Ходил он как-то по лесу и нашел неподалеку от своего двора на дереве икону — складень с двумя створками. На иконе написан был образ пресвятой богородицы, держащей на руках предвечного младенца — господа нашего Иисуса Христа. На створках написаны были с одной стороны великий и ревностный пророк божий Илья, с другой — святитель и чудотворец Николай.

Лука-земледелец помолился перед иконой, снял ее с дерева, с верой поцеловал, вынес из леса и укрепил на дереве у своего поля, на незаметном месте. Но другой бедный крестьянин пришел как-то и перенес икону к своему полю. Лука дал ему хлеб овсяный, вымолил икону и снова забрал ее и перенес в свою избу.

В это время один из его домочадцев много лет уже лежал в параличе. Лука рассказал ему подробно, как он нашел эту святую икону. Больной изумлен был, слыша о такой чудесной находке, и попросил его принести икону. Когда Лука поднес икону к постели больного, тот окреп силою веры, осенил себя иконою божьей матери, коснувшись лба, глаз и губ, и тотчас почувствовал себя здоровым, как будто никогда и не был болен.

Когда разошлась молва об этом по окрестным селениям, сошлось к Луке множество людей, принесли больных всякими болезнями, — и все были исцелены. И начали приносить множество больных отовсюду, — и все уходили здоровыми.

С того времени, как в доме крестьянина Луки от образа пресвятой богородицы произошли бесчисленные чудеса, все стали почитать Луку как божия пророка или апостола. Тогда крестьянин Лука поднял чудотворную икону богородицы и понес ее перво-

наперво к городу Можайску. Навстречу иконе вышел сам благоверный князь Андрей Дмитриевич крестным ходом, со всем духовенством и с боярами своими и со всеми горожанами от мала до велика. И тут совершились новые чудеса от иконы богоматери.

Оттуда понес Лука чудотворную икону к Москве. И встречал ее крестным ходом сам преосвященный Фотий, * митрополит всей Руси, с епископами и со всем духовенством. И бояре с женами и детьми, и воинство, и бесчисленное множество народу, детей и женщин вышло ей навстречу. Здесь снова больные всякими болезнями получили исцеление от иконы богоматери: слепые стали видеть, калеки и параличные поднялись на ноги, немые заговорили, глухие стали слышать, и одержимые всякими неизлечимыми болезнями выздоровели. Такое множество непостижимых чудес происходило в те дни, что нельзя ни упомянуть, ни рассказать.

А крестьянин Лука ходил с иконой божьей матери из города в город, и везде творила она чудеса, и всюду в руки этого Луки подавали обильную милостыню.

Хоть и простой он был бедный крестьянин, но не лишен был добродетели, а потому, возвратившись в свой двор под Можайском с чудотворным образом богоматери, по милости которой собрал бесчисленное богатство, построил он церковь во имя Успения пресвятой богородицы, и в этой церкви поставил чудотворную икону. На этом самом месте стоит теперь Колоцкий монастырь. *

А себе выстроил Лука богатый дом с великолепными светлыми хороминами. В его богатом доме работало множество слуг и служанок, и казачки в блестящих одеждах прислуживали ему и шли впереди него. За столом подавали ему дорогие кушанья и много ароматных вин и напитков, подолгу пировал он со своими подчиненными. На досуге тешился он соколиной охотой или гнал зайцев и лисиц с гончими псами. И переменялся наш простолюдин Лука, стал он дерзок и жесток. Не только с вельможами и сановниками препирался и непокорствовал, но и самому князю Андрею Дмитриевичу непослушен бывал. Раз даже захватил на охоте ловчих соколов и ястребов самого князя. И только ради образа пречистой богородицы простил ему это князь.

Но праведный бог, всех людей наставляющий на путь спасения своим провидением, не дал и этому Луке погибнуть в нечестии и привел его к покаянию таким способом.

Однажды ловчие князя Андрея Дмитриевича поймали злого медведя-одинца и везли его в клетке мимо хором богача Луки. И выслал Лука слуг и велел выпустить медведя из клетки на его дворе. Собралось много зевак во дворе, когда выпустили медведя; тот, минуя остальных, кинулся к Луке и помял его так, что еле живого ловчие вырвали Луку из медвежьих лап.

Узнав об этом, князь прискакал из Можайска, пришел к нему, а тот уж едва дышит. И сказал князь:

— Вот к чему привело тебя неразумие! Бог прославил тебя, дав тебе чудотворную икону пречистой богородицы, а ты погнался за суетными благами, предался пьянству, забавам, мирским утехам и пагубам. За это тебе и послано такое испытание, чтоб не полагался на свои богатства, чтоб обратился к богу, помощнику всем на пути спасения.

Словно очнувшись от сна, Лука вспомнил и великие чудеса от иконы пресвятой богородицы, и свою прежнюю честную жизнь, и все свои непотребные дела последних лет... Горько заплакал он, охваченный стыдом и раскаяньем, и стал умолять князя Андрея Дмитриевича, чтоб он оказал милость, распорядился бы всем его богатством так, чтобы бог и пречистая богородица не лишили грешную его душу спасения.

Князь Андрей Дмитриевич, не мешкая, употребил все бесчисленные богатства Луки на то, чтобы выстроить монастырь пречистой Богородицы на том самом месте, где раньше Лука поставил церковь для иконы, по сей день творящей чудеса.

Построивши монастырь, князь Андрей Дмитриевич пришел к образу пречистой богородицы с такими словами: «Оказал мне бог свою неизреченную милость, явив чудотворный образ городу моему и окрестным селам и всей области — наследию моему от прадедов моих. Помогай же нам, державная помощница и воевода, не оставляя нас, мы всегда надеемся на тебя!»

Совершены были торжественные молебны и службы, князь пожертвовал новому монастырю на пропитание монастырской братии большие поместья, сказав: «Если бог с нами, никто не встанет против нас!»

Тогда и Лука постригся в монахи в этом монастыре, прожил в иночестве несколько лет, предавшись покаянию, и умер благочестиво.

ПОВЕСТЬ О ТИМОФЕЕ ВЛАДИМИРСКОМ

О священнике, совершившем грех с девицею в церкви. Как он бежал в Казанское царство, надругавшись над христианской верой, и стал гонителем христиан и как покаялся и умер

Было это в Российском государстве, при царе и великом князе Иване Васильевиче Московском * и Всероссийском и при митрополите Филиппе. *

Жил тогда в городе Владимире священник по имени Тимофей. И по божьему попушению постигло его великое искушение — на погибель души.

В первую неделю великого поста православные христиане всякого пола и возраста по обычаю постятся, а в пятницу вечером идут к своим отцам духовным на покаяние, чтобы очиститься от грехов и в субботу на литургии причаститься святого тела и крови Христа бога нашего.

Вот так и к этому попу Тимофею пришла исповедаться в грехах своих девушка, очень красивая, дочь именитого человека в том городе. Во время исповеди остались они в церкви одни, и дьявол стал разжигать священника неуголимой похотью. Не в силах больше противиться пламени страсти, охватившей его, священник пал на девицу в храме, не убоившись суда божия и вечных мук. Сотворив блуд с девицею, опомнился Тимофей и, боясь, что его сейчас же схватят, убежал из церкви домой, прячась от всех людей, чтобы кто-нибудь не предал его в руки властей и не казнили бы его за содеянное злою смертью.

Оседлав Тимофей коня, остригся, переоделся в воинскую одежду и, не показываясь ни жене, ни детям, вскочил на коня и усакал прочь. Бежал он из своего города в чужую страну, в землю безбожных татар, в Казанское царство. *

А там, в Казанской Орде, поступил на службу к царю казанскому, отрекся от христианской веры, сверг с себя священнический

сан, принял сарацинскую басурманскую веру и завел себе двух жен.

О, горе ему! Прежде был проповедником чистоты — набожным священником, ходатаем за грешников перед судом Божиим, а потом стал злобным врагом христиан, лютым кровопийцей, храбрым казанским полководцем.

Казанский царь часто посылал его с татарскими отрядами на Русскую землю, воевать с христианами в своем отечестве. Так прожил он в Казани тридцать лет, служа татарскому государю, и нажил большое богатство.

Но бог не покарал этого грешника смертью, он хотел вернуть его при жизни к прежнему благочестию.

Раз послал его казанский царь, как обычно, на злое и безбожное дело — проливать неповинную кровь русских людей. Тимофей выступил в поход, прошел набегом по Русской земле и повернул назад в Казань, ведя толпы полоненных. Когда подходили они открытыми степями к Казани, пустил он вперед свое войско, а сам отстал, чтоб одному отъехать в сторону по какому-то делу. И вот в полдень проезжал он мимо дубравы, далеко отстав от своего отряда, и задумался о своих злодеяниях; вспомнился ему любимый стих из молитвы пресвятой богородице, и с душой он заплел его:

Радость даруешь ты, благодатная,
Всем созданиям земным...

А в этой самой дубраве, притаившись, лежал в зарослях молодой русский полоняник, бежавший из Казани. Три дня уже скрывался он в этом лесу, пережидая, пока пройдет мимо весь отряд татарский, чтобы потом, выбравшись из дубравы, по свежему татарскому следу, не сбиваясь с пути, добраться до родных мест на Руси.

Когда полоняник услышал пение Тимофея, поднялся он, уверенный, что так петь может только русский человек, без страха вышел из дубравы и, радуясь, подбежал к всаднику — к безбожнику окаянному, бывшему попу. Захваченный врасплох, Тимофей пришел в ярость, выкатил озверевшие глаза, обнажил меч и замахнулся, чтобы срубить парню голову. Полоняник пал на землю и с горькими слезами молил не убивать его.

— Я русский, — говорил он, — бежал из татарского плена на Русь, и слышалось мне, что заплел ты по-русски великую стихирю богоматери, а стихи эти у нас на Руси любят больше всех, поют их с умилением, славя пресвятую богородицу, нашу милостивую заступницу. Поверил я, что ты — русский, и без страха стал перед тобой, господин мой!

Дрогнуло жестокое и каменное сердце изменника от этих слов, спрыгнул он с коня и бился о землю с воплем и рыданием...

Испугался молодой полоняник и постичь не может, что же это случилось с витязем. Хотел было бежать от него, но, подумав, остался. Не простой это был юноша, умудрен был он грамотой.

А Тимофей стонал и плакал от полудня до самого вечера, пока не пропал голос, не иссякли слезы из глаз. Горестно глядел он на юношу и вдруг понял, что тот изголодался в бегах, и накормил его, а сам так ни к чему и не притронулся. Огляделись они, выбрали безопасное место и легли спать в высокой траве. Утром полоняник стал осторожно расспрашивать Тимофея:

— Что с тобою случилось? О чем печаль твоя и горькие слезы? Поведай твоему верному слуге!

Тот уже больше не плакал, почти пришел в себя и обо всем рассказал юноше, что с ним случилось с той поры, как был он попом на Руси.

Полоняник уговаривал его покаяться:

— Ведь наш бог милостив и кающихся прощает!

Пораздумавши, сказал ему Тимофей:

— Вот о чем прошу я тебя, сынок! Заклинаю тебя великим богом Иисусом Христом, приходившим на землю, чтобы грешных спасти, покажи свою любовь ко мне христианскую: иди от меня без боязни на Русь к Москве и, когда придешь туда, расскажи митрополиту московскому обо всем, что услышал здесь от меня. Если есть для такого грешника покаяние, пусть он наложит его на меня, и осудит меня, и простит потом — по заповеди бога нашего и спаса Иисуса Христа. А простивши, чтобы стал митрополит печальником моим и ходатаем перед великим князем Московским, вымолил бы он мне прощение за все злодеяния, что много лет воевал я на его земле, христиан губил. Буде простят они меня, пусть напишет митрополит прощеную грамоту во всех грехах, да чтоб запечатал ту грамоту двумя печатями — великого князя печатью да своею, митрополичьей. Вот тогда мне можно этому поверить. Сроку тебе положу — два месяца, чтоб вернулся ты на это же место, и тогда поскачу я из Казани в Москву в большой радости, без всякой опаски, и пойду в монастырь — грехи свои замаливать. А ты, брат, потрудишься для меня бога ради без лености, и наградит тебя бог большою наградою в царствии своем!

А на дорогу дал он полонянику серебра щедрой рукой, и обещался тот честно и не леностно выполнить все, что наказал ему Тимофей.

Поднялись они рано поутру, и снова горько заплакал басурман, прощаясь с полоняником, поцеловались они и разошлись. Тот пустился в путь на Русь, а Тимофей вихрем поскакал к Казани — догонять свой отряд.

Когда добрался полоняник до Москвы, пришел он к Филиппу митрополиту и рассказал все Тимофеево дело. Митрополит был

истинный пастырь церкви Христовой, радел о душах христианских: не мешкая пошел он в царские палаты и сыну своему духовному, великому князю Ивану Васильевичу, обо всем поведал, что узнал от юноши.

И смутила души царя и митрополита эта повесть полоняника; в долгом размышлении сидели они в палате... Потом снова позвал митрополит юношу и расспрашивал его вместе с царем обо всем деле, чтобы увериться, что это истинная быль. Юноша еще раз очень подробно все пересказал, как и было на самом деле.

Припомнил митрополит евангельское слово: «Если поможешь достойному подняться из бесчестия в прежнее достоинство, — ты сделаешь это устами моими». И держал совет митрополит с великим князем, потом написали грамоту и, запечатав ее своими печатями, послали с отроком к Тимофею басурману. А в той грамоте сказали они прощение покаявшемуся и прозревшему после тьмы своей великому грешнику, всё ему простили и велели посланцу звать его, чтобы ехал к Москве безо всякой боязни, обещали достойную службу у великого князя.

Начинался третий месяц, и юноша тот спешил без обмана выполнить дело, как обещался по любви христианской: ведь истинная любовь только у того, кто и жизнь свою готов отдать за брата своего.

Много дней шел тот юноша полями и безлюдными степями, пока дошел до условленного места. В назначенный срок пришел туда и ждал басурмана день и два дня, и думал уже, что тот не придет.

На третий день взмошел юноша на гору, высмотрел высокое дерево и залез на верхушку — глядит-высматривает казанскую дорогу. И видит: скачет по степи к урочному месту всадник из Казани на двух конях, на дорогах скакунах, во весь опор несется. Узнал юноша друга своего — басурмана, а все же решил испытать его и скрылся ненадолго.

Прискакал басурман в назначенное место, не находит юноши, а надо бы тому раньше быть! И подумал, что не сдержал тот своего слова, не приехал в назначенный день и час. Он спрыгнул с коня, повалился на землю и кричал и плакал так горько, что, кажется, мог бы заставить и камни заплакать вместе с ним. Когда плачет такой старый воин пятидесяти лет — значит, горе его безутешно. Но тут как раз увидел он, что вдалеке с горы быстро шагает к нему тот самый юноша. Вскочил он, побежал навстречу, обнял юношу, целовал его и, плача, говорил:

— Чем отплачу тебе, любимый брат и неложный друг, за многотрудное твоё хождение послом и ходатаем моим, за услугу твою мне, неверному!

Юноша вынул из-за пазухи укладочку, открыл ее, достал оттуда грамоту с двумя печатями и подал ему. Басурман взял

грамоту, прочитал ее, прослезился и, как мытарь в евангельской притче, стал молиться:

— Боже, смилуйся надо мною, грешным, беззаконным преступником! Очисти грехи мои, прости злодеяния мои, помилуй меня!

И, подняв руки к небу, сказал:

— Щедрый боже, человеколюбец, милостивый к грешникам, благодарю тебя, даровавшего мне, окаянному, прощение всех прегрешений от архипастыря моего, митрополита!

И вдруг упал безмолвно. Вытянулся последним усилием и застыл недвижимо. В ужасе стоял над ним юноша. Потом понял, что друг его умер.

Снял он с него воинские доспехи и богатые одежды, одел его в монашеское облачение, выкопал ямину, похоронил его со слезами и ночь провел над его могилой. Во сне в эту ночь явился ему Тимофей и сказал:

— Благодарю тебя, твоим старанием получил я от бога прощение грехов своих. Возьми моих коней и все, что на них, в награду за свои труды, иди отсюда на Русь и поминай меня до конца дней своих молитвами и милостынею.

Утром юноша простился с ним на могиле, взял обоих скакунов с драгоценной сбруей, а на конях перекинута были сумы, полные золота, и серебра, и драгоценного камня. Сел на коня и поехал радостный на Русь.

Приехал в Москву, дошел до великого князя Московского и до митрополита и подробно рассказал им обо всем, что случилось. «Умер он, и я его похоронил». И как явился ему во сне. И показал все наследство Тимофеево. Князь и митрополит дивились рассказу, прославили бога и рассудили, что бог принял от изменника покаяние, что слезами своими очистился он, что прощен теперь, и душа его спаслась. А юноше отдали князь и митрополит все Тимофеевы богатства. А великий князь прибавил к тому еще и земельный надел.

Много лет передавалась эта повесть из уст в уста в народе и не была записана. А я, прослушав ее от многих людей, подумал, что надо записать ее, чтобы не отчаивались грешники в спасении, чтобы приносили всемилостивому господу искреннее покаяние и получали прощение грехов и вечную жизнь в царствии небесном, вместе с праведниками.

ПОВЕСТЬ ОБ ОСАДЕ ПСКОВА СТЕФАНОМ БАТОРИЕМ

*Повесть о нашествии литовского короля Стефана * Батория с большим победным войском на славный город Псков, * откуда и как попустил ему бог за грехи наши прийти на Русскую землю, и как по великой милости к нам, грешным, святой троицы со стыдом и великим позором он от Пскова ушел*

Э то было в 1577 (7085) году, в царствование христоролюбивого православного государя нашего, царя и великого князя Ивана Васильевича, самодержца всей Руси, * и при его сыновьях, православных царевичах Иване Ивановиче и Федоре Ивановиче. * Эти государи хорошо управляли христианским государством Российским, обороняя и защищая его от соседних языческих царей, не нашей веры королей и всяких полководцев, приходивших войной на Русское царство, чинивших насилия над православным их народом. А более всего стойко и мужественно обороняли они святые церкви и монастыри, сражаясь за свою православную веру. Бог поставил нашего царя — первопрестольным — над всеми христианскими царями, во всех четырех концах земли за его правую и совершенную веру, которой мы твердо держались и непорочно хранили на Руси по его повелению.

В то время прибыли к царю вестники с северной стороны его государства, сказали о нападении самого злобного войска — лифляндских рыцарей. * Никакой враг не чинил столько зла и насилия нашим селам и городам, да и не только простому люду: они опустошили все окрестности чудотворного и святого монастыря Успения пречистой богородицы и много обид и вреда нанесли самому монастырю, осадив его.

Когда услышал христоролюбивый царь и великий князь всей Руси Иван Васильевич, что не только его города и села грабят и насилюют немцы, но и на Печерский святой монастырь * посягают, то послал он на лифляндских рыцарей свои войска и сам за дом богородицы в поход поднялся вместе со своим царевичем,

князем Иваном Ивановичем. Принял благословение от отца духовного, митрополита Антония, и пустился в путь. *

Придя в вотчину свою — в славный город Псков, начал государь приводить его в надежный для войны порядок, составил военный совет из бояр, назначил воевод каждому полку, указал, кому каким делом ведать, если подступит враг, так как Псков стоял на рубеже, совсем близко от крепостей насильников-рыцарей.

А из славного города Пскова пошел государь на врага.

По обычаю перед походом молился царь в соборной церкви святой Троицы, * перед ее образом, чтобы послал ему бог по милости своей победу над неверными за насилия и обиды, чинимые врагами православному народу.

Поклонился царь и чудотворному образу пречистой богородицы, молился со слезами: «Знаю, госпожа богородица, что не отвергает твоей молитвы сын твой, господь наш. Помолись же ему о рабе своем, пусть возвысит руку мою над злодействующим врагом за его насилия над христианами, а больше того — над святым монастырем своим и всеми живущими в нем христианами, верными рабами сына твоего и господя».

Потом поклонился гробнице сродника своего, великого князя Гавриила-Всеволода, * псковского чудотворца, призывал и его на помощь.

Благословил царя крестом Христовым печерский игумен Сильвестр, * и чудотворными иконами благословили его. А он дал обет, что после войны принесет богатые вклады святым храмам и чудотворным иконам, а особенно Печерскому монастырю — дому пресвятой богородицы.

После этого государь пошел на врага. *

Когда достиг он Лифляндской земли, * немцы пришли в полное смятение, преслышав, что идет на них царь с могучим войском. Знали они, что не устоять им против него. Одни бежали в иные края, другие заперлись в крепостях, надеясь на свои твердыни, третьи в спорах и смятенье не могли решить, оставаться ли за крепкими стенами или покорно выйти навстречу русскому царю с дарами, не надеясь, что их грозные крепости устоят против русских стенобитных орудий.

По милости божьей, по молитве богородицы и великих чудотворцев государь и великий князь всей Руси Иван Васильевич не только отомстил врагам за дерзкое покушение на святыни, но стал государем всей Лифляндии и прославился победами.

Некоторые города он взял на щит после яростного приступа: тут пощады никому не давали. * Из других городов немцы за много верст вместе с женами и детьми выходили с дарами встречать царя. Этим государь даровал свою милость. А тем, кто понадеялся на крепостные полки, на мощность стен и башен, кто

решился выдержать осаду, — тем не было спасенья: царь приказал разрушить крепости, не оставляя камня на камне, а жителей предал различным горьким смертям, не щадя даже женщин и детей, чтобы остальным внушить страх и трепет.

Узнали и курляндские * рыцари от беженцев из Лифляндии, что ни одна крепость не могла устоять перед русской военной силой, что только те спаслись и милость царя получили, кто покорно с дарами выходил к нему из крепости. Собрались тогда старейшие рыцари и военачальники курляндские на совет. Решили отправить к русскому царю послов со многими дарами, чтобы оказал им милость, не воевал бы их земли, а наложил бы по своему государеву изволению ежегодную дань на них. Так и сделали. Государь наш смилостивился, принял дары от послов, велел всем жить на старых местах, назначил ежегодную дань и отпустил их в свою землю.

А Лифляндию из конца в конец всю завоевал, * многие города взял, жителей в плен увел, а все неисчислимы богатства их, золото, серебро и драгоценности всяческие повез-покатил в Москву. И сам в добром здоровье, со славой победителя вернулся в свою отчину.

После победы прежде всего направился государь в Печерский монастырь, в дом пречистой богородицы, упал на колени у мраморного подножия чудотворного образа и в слезах возносил благодарственные молитвы. И выполнил все свои обещания: пожертвовал монастырю бесчисленное множество золота и серебра, отдал из добычи много драгоценностей, отписал монастырю завоеванные села.

А когда прибыл во Псков, пошел в соборную церковь живоначальной Троицы, с благодарными молитвами поклонился иконам и гробнице князя Гавриила-Всеволода, выполнил и здесь свои обеты, оставив многие дары.

После этого пошел царь к Москве. Здесь его встретили как победителя. Не только на Руси, но и по всем окрестным царствам и королевствам пронеслась молва и слава его победы над Лифляндией.

А когда вернулся государь в свою вотчину, в славный царствующий город Москву, и как узнали курляндские рыцари, что он все войска свои по домам распустил на отдых, то, полагаясь на дальность расстояния, умыслили они, вопреки первому своему договору, освобождать земли бежавших к ним под защиту лифляндских рыцарей. Соединились они с отрядами из Литовского государства и вместо дани государю послали войска на только что завоеванные нашим царем земли, осадили многие города и некоторые отобрали у нас назад. *

Узнал наш государь, что не только договор свой и обещание нарушили, но и войной пошли, города взяли, и очень разгневался.

На третий год после первого своего похода он вновь поднимается войной, чтоб отомстить врагам. *

Когда дошел об этом слух до обманщиков, курляндских немцев, что свирепое воинство московское вновь поднялось на них, страх и трепет охватили их, каждый стал раздумывать, где искать помощи, забегали они, как муравьи возле развороченного муравейника. Отправили посольство к литовскому королю Стефану Баторию, умоляя спасти их от гибели, призывая в союзники на войну с русским царем. А послами и ходатаями своими послали курляндцы вероотступников и поругателей православной веры, изменников русскому царю — князя Андрея Курбского с его соратниками. *

Эти ненавистники христиан охотно исполняют просьбу курляндцев, по примеру Иуды умышляют на гибель своего владыки, православного государя, поспешно едут ко двору литовского короля и уговаривают его идти войной против российского царя.

Стефан Баторий, горделивый полководец, принимает их совет с радостью. Литовский король был неистов в боях как зверь; неутомимый воитель за свою лютерскую веру, он всегда рад был кровопролитию и началу войны: в ней он отводил душу, исполненную лютого змеиного яда. Тотчас повелел он войску своему вооружаться к походу на Русскую землю * и внезапно выступил на старинный литовский город Полоцк, * который семнадцать лет назад отобрал у Литовского княжества наш государь.

Русский царь в это время шел со своими полками на Курляндскую землю и дошел уже до Пскова, когда примчались из Полоцка вестники, что литовский король Стефан идет на Полоцк с огромным войском. Узнав о внезапном и клятвопреступном наступлении Батория на Полоцк, * царь отправил воевод своих и значительные силы в разные города около Полоцка, а в самый Полоцк для усиления оборонцев отправил отряды из Полоцкой земли и стрельцов из Полоцка, что были в его большом ополчении. *

Но по божьему попущению за грехи наши скоро весть пришла во Псков к государю нашему, что литовский король овладел Полоцком и близкими к нему городами, * что царевы воеводы и многие, многие воины в Полоцке, как и в остальных городах, оборонялись с великим мужеством и храбростью, не щадя крови своей и жизни, а в Соколе-городе на смерть стояли — с отвагой невиданной.

Горестью и кручиной охвачен был царь, слушая эти вести. Только и вымолвил он: «Да будет воля господня! Видно, теперь так богу угодно, потому это и случилось». И вернулся государь в столицу свою Москву.

Два года спустя после этого, в 1579 (7087) году, разъярился опять и загордился злой ирод, литовский король Стефан, снова

собрался в поход на Русскую землю: * карает нас бог за наши грехи. Началом бед и мучений нашей отчизны был захват королем Стефаном окраинных земель. А дальше задумал он идти под Великие Луки. *

Узнав об этом новом разбойном нашествии, царь и великий князь всей Руси Иван Васильевич объят был печалью. Он послал в Великие Луки своих воевод, увеличил силы обороны и в этом городе и в других городах, чтобы стойко держались в осаде, а к литовскому королю отправил послов — вести переговоры о мире. *

Но король Стефан больше прежнего возгордился, теперь он и слышать не хотел о мире, государевых послов бесчестил, смеялся над ними и во всем им отказал. Да еще, адскою злобою палим, ядовитыми речами наших послов уязвил, угрожая опустошительным и беспощадным набегом не только Великим Лукам и близким к ним городам, но и Пскову — славному городу. В сатанинском исступлении он кричал им: «Я не только Великие Луки со всеми его пригородами возьму, я и славный ваш великий Псков тяжким жерновом поворочу, чтобы силу вашу смочь, и государем Пскова буду! И Новгородом Великим овладею! Нет такой крепости, нет такого города, что мог бы выдержать осаду великого храброго войска прославленного короля литовского! О каком же мире с вами стал бы я раздумывать!»

Он и послов нашего государя велел захватить с собою под Великие Луки: «Пусть своими глазами увидят, как я буду брать и разорять города их государя!»

Обо всем узнал наш государь, — что мирные переговоры он отклонил, и что послов повез при своем войске под Великие Луки, и как хвастал он своими замыслами овладеть Великим Новгородом, а более того — идти на славный наш, хранимый богом Псков.

«Слышал я, — говорил король Стефан, — что велик и богат ваш Псков, что сильнее всех других городов его оборона, что неодолима его каменная крепость. Вот его-то я сперва и возьму, а Великий Новгород после того и одного дня против меня не выстоит!»

Выслушав все это, глубоко опечалился царь и, глубоко вздохнув, сказал: «Воля господня да будет!»

В Новгород Великий для берсенья послал царь воевод. А в хранимый богом славный город Псков снарядил он целое войско и поставил воеводами бояр своих, князя Василия Федоровича Шуйского-Скопина,* да боярина князя Ивана Петровича Шуйского, да воеводу Никиту Ивановича Очина-Плещеева, да князя Андрея Ивановича Хворостинина, да князя Володимера Ивановича Бахтиярова-Ростовского, да князя Василия Михайловича Ростовского-Лобанова,

Отпуская бояр и воевод своих, дал им государь многие советы и наказы, как им за православную веру христианскую стоять, за святые церкви, за государя, за государевых детей и за все православное Крестьянство, наказал мужественно биться с врагами, всю силу души собрать и всем сердцем о защите отечества радеть, жизни не щадить! Указал великий государь наш, как укрепить стены Псковской твердыни и как вести бои с осаждающими, как поддерживать дух осажденных, и много еще мудрых указаний дал он им, прощаясь. И царским словом обещал им:

— Если господь избавит нас от злого врага, если вашим боярским и воеводским умением выдержит Псков осаду, пожалуй я вас такими милостями, о каких вы и в мечтах не гадали!

Как верные слуги, обещали и на кресте поклялись бояре и воеводы все сделать по его наказу. Тогда отпустил их царь в наш хранимый богом город Псков: «Господь бог, богородица и все святые да хранят вас!»

Прибыв во Псков, бояре и воеводы начали готовиться к обороне по наказам государя: стены города укрепили камнем и земляными валами, деревянные опоры и второй пояс обороны соорудили и все приготовления сделали для долгой осады — все, что только могли предвидеть и надумать, по божьей воле.

Затем стали они приводить к присяге на верность государю городских голов и детей боярских, стрелецких голов и стрельцов, псковичей всех от мала до велика и беженцев всех, укрывшихся в крепости от вражеского нашествия. Все целовали крест.

А литовский король Стефан пришел тогда под Великие Луки и послов государя нашего с собою привез. За большие наши грехи, за неправды и беззакония наши, за все преступления против бога и человека — предал бог в руки этому безбожнику Великие Луки со всеми близкими городами и пригородами в 1580 * (7088) году. А завоевав Великие Луки, возгордился, превознесся и с большим торжеством вернулся король Стефан в Литовскую землю. Войско свое он распустил по домам и, отпуская, велел готовиться к весеннему походу.

— Должны вы, — говорил он, — в новом походе сражаться похвальнее и достойнее, так как предстоит нам под славный город Псков идти. Теперь разъезжайтесь, любимые мои и храбрые воины, высокого королевства Польского и великого княжества Литовского и всех других моих земель непобедимые витязи и рыцари — каждый к вотчине своей и по волостям своим, укрепляйте тела свои и мышцы, откармливайте боевых коней, проверяйте тела свои и мышцы, обновляйте боевые доспехи — к трудному походу на славный город Псков надо хорошо подготовиться! Кто хотел бы с женой и семьей своей во Пскове панствовать, снаряжайтесь к переезду во Псков!

Хитро говорил король со своими верховными гетманами и ротмистрами и со всем своим войском, когда отпускал их по своим поместьям. И еще добавил: «Когда придет время выступать, я пришлю вам всем о том весть!»

И твердо обещали ему военачальники, эти кровожадные волки, и все его гетманы со своими подручными, псами трупоглодающими, — обещали королю, неуголимому в змеиной злобе, все его наказы выполнить. С тем и разъехались по своим дворам.

Перед самым великим постом узнал государь наш, царь и великий князь Иван Васильевич, об этом посягательстве на его государеву вотчину, о близком разбойном нашествии на славный город Псков. Послал он тогда во Псков за боярином и воеводой Иваном Петровичем Шуйским. Когда приехал князь Шуйский в Москву, стал государь его расспрашивать, как укреплен город Псков, что сделали бояре и воеводы, чтобы неприступной стала эта крепость, сколько орудий у них и как расставлены пушки, кто куда назначен оборону держать, много ли народу в осаду собралось и сколько боеспособных людей?

Боярин и воевода князь Иван Петрович Шуйский все подробно и по порядку царю и государю рассказывал, как надежно укрепили они город и о божьей помощи не забывают.

— Крепко надеемся мы, государь, на бога и, как на стену твердокаменной крепости, надеемся на заступницу нашу богородицу, а и на всех святых и на твое грозное имя надеемся! А по всему тому — выстоит наша славная крепость Псков против литовского короля!

Так оно и было, по милости Христовой.

Выслушал благоверный царь наш воеводу, боярина своего, князя Ивана Петровича Шуйского, узнал, как надежно утвердили воеводы крепость, как неослабно трудятся все перед осадой, с какой непреклонной верой будут отстаивать город от нападения литовского короля: скорее умрут за православную веру, за царя и детей государевых, за жен и детей своих, за дома и достояние свое, чем допустят короля литовского захватить славный Псков. Успокоил государя рассказ боярина, тихую слезу уронил он и молвил:

— Вверяю в руки господя, богородицы и святых чудотворцев город Псков, а особо — сроднику моему, князю Гавриилу Всеволоду, который изволил сам, чтобы мощи его положены были во псковском Троицком соборе; теперь он поможет избавить Псков от вражеского нападения. Надеюсь и на вас, бояр и воевод, на воинов моих и на всех псковичей, что верны вы будете присяге своей и мне; надеюсь, что отстоите вы Псков умением и промыслом своим, что бог вразумит и наставит вас в беде!

И снова послал государь наш, православный царь и великий князь Иван Васильевич, боярина своего и воеводу, князя

Ивана Петровича Шуйского, в хранимый богом Псков. Обо многом он с воеводой переговаривал, научая его, и дал ему письменный наказ, подписанный высокой царской рукою:

— На тебе одном весь ответ будет об этой службе. Мимо всех — с тебя спрошу за все, что станется во Пскове за время осады, и за службу вашу боярскую и воинскую, — сказал ему еще царь, прощаясь.

И глубоко запали в сердце князю Шуйскому эти слова государя. Не смел он ничего сказать против этого, хоть и утешился бременем, которое возлагал на него царь. Ответил так:

— Как изволил ты, государь, по божьему внушению, — так все и сделаю по твоему наказу. Всей душой и всем сердцем радеть буду о службе, какую ты мне поручаешь, да поможет мне бог и богородица постоять за город Псков!

Но перед отъездом велел ему царь принести еще раз присягу и дать торжественные обеты в Успенском соборе в Кремле перед чудотворной иконой Богоматери, что все он выполнит по царскому наказу и стойко будет оборонять и держать город Псков со всеми осажденными православными людьми и крепко будет биться с Литвою — даже до смерти.

Так оно и было.

Боярин и воевода, князь Иван Петрович Шуйский, вернувшись во Псков, с большим усердием принялся за крепление города вместе с боярином Василием Федоровичем Шуйским-Скопиным и с другими воеводами. Каждый день объезжали они Псков и указывали сооружать больше и больше укреплений вокруг города и в самом городе.

Во второй раз приводил князь Иван Петрович Шуйский к присяге всех бояр и голов стрелецких, и детей боярских, и сотников, и стрельцов, и всех псковичей, велел на кресте поклясться, что верой и правдой будут стоять за царя всей России, Ивана Васильевича, за государевых детей, за святые церкви, за православную веру, за свой город Псков; будут смертным боем биться с Литвой, без всякого лукавства.

Посылал он с гонцами и по всем пригородам и близким городам указы об укреплении их против набегов. А в окрестные села и волости тоже посылал свои грамоты, чтоб покидали их и укрывались за крепостными стенами вместе с женами и детьми и со всей скотиной и своим достоянием, так как скоро нагрянет враг. Так готовились к встрече врага в хранимом богом Пскове и его пригородах.

За грехи наши послал нам бог испытание: горделивый литовский король Стефан, движимый лютой злобой, извергнул яд сердца своего на богоспасаемый город Псков, — объявил в призывных грамотах поход на Русскую землю. Разослал он свои

листы с похвальбами и мольбами к правителям многих земель, а писал в них так:

«Король польский, великий князь литовский, русский, прусский, жемайтский, мазовецкий, князь седмиградский и иных земель * Стефан — дорогому другу моему и соседу (каждому — его имя) на государстве желает здравствовать. Да будет вам известно, если о том не слышали, что уже два года я русскому царю большой вред причиняю и многие города его, близкие к моим землям, у него отнял, присоединив их к своей державе. Войска мои во многих боях одолели его рать, и обогатились русскими богатствами мои воины, русскими сокровищами изобилует теперь мое государство. Великое унижение и страх всей Русской земле я причинил, великую славу приобрел высокому королевству Польскому, великому княжеству Литовскому и всем подвластным мне панам и гетманам и всему моему воинству. Теперь я в новый поход собираюсь. Высоко я стою, но еще выше хочу подняться, как учат нас писатели: „Если стоишь на высоком холме, то ищи более высокую и прензобильную гору и ею овладевай; так лев, поймав зайца, если увидит верблюда, оставляет зайца и гонится за верблюдом“.

В этих мыслях решил я теперь на третий год подняться еще с большими силами, чем прежде, — в новый поход на Русскую землю. Но обращаюсь я к своим друзьям и близким соседям с мудрым советом и призывом: присоединяйтесь ко мне, собирайте свои могучие войска и пойдем все вместе на Русскую землю, на великий город Псков.

Об этом городе скажу вам то, что сам узнал. Псков — город очень большой, в нем четыре каменных пояса крепостных стен, * повсюду славится он многолюдством и богатством. Большая река пересекает этот город, разрезая каменные стены, * но по берегам реки в городе выстроены нужные для обороны сооружения. Богатства города, говорят, превосходят воображение.

Поэтому-то я вам и советую и призываю идти на Псков вместе со мною, я завоюю его и пригороды и все окрестные города, добуду величайшую славу и вас вместе с собою возведу, как своих друзей и советников. Несметные богатства города мне достанутся, и вы, мои друзья, и все наше великое и храброе войско обогатится. Всю добычу, всех великих и благородных полоняников без зависти разделим. А непокорных воителей и всю чернь мечу предадим. Оставим во Пскове своих великих гетманов, а сами невредимыми и со славой высоких победителей вернемся в Литовскую землю, каждый с богатой добычей и пленниками, разъедемся по своим поместьям. Русскому великому князю страшное бесчестие и позор нанесем, тяжкую кручину сердцу его причиним — о потере такого славного и ве-

ликого города, а сами на весь мир прославимся, отняв у русского царя знаменитый город Псков».

Это горделивое и безбожное послание разослал король Стефан во многие страны и государства. Там прочли эти листы, и каждый отправил ему ответ:

«Чтимому и высокопрестольному королю польскому и великому князю литовскому — здравствовать! Мудрое и дружественное послание твое получили мы, с радостью его прочли и совет твой приняли. Готовы мы идти вместе с тобою во главе войска своего на Псков. А что писал ты нам о Пскове-городе, то же и в наших странах о нем говорят, о славе его и великом богатстве. И о четырех поясах каменных стен этой могучей крепости мы знаем. Но хоть бы было их вдвое против того или даже десять стен, — против такого великого полководца, как ты, никакая крепость не устоит. Мудрым замыслом и большим военным искусством — Псков можно взять!»

Отправили королю льстивые послания и стали собираться со своими ополчениями в Литву к королю Стефану. Из всех соседних стран множество воинских отрядов пошло с королем Стефаном на Псков. Пришли литовские полки и польские, венгерские и мазовецкие, немцы австрийские и датские, шведские, из Любека, из Брунцвига, — и всяких наемных людей у него собралось шестьдесят тысяч, да своих людей сорок тысяч, а всего у него войска стало сто тысяч, не считая торговых людей.

Когда увидел надменный король Стефан эту великую воинскую силу, еще больше возгордился и укрепился в своем безбожном помысле, говоря: «С такими силами я не только славный город Псков возьму со всеми его пригородами, но и Великий Новгород со всеми его землями».

То же говорили и приближенные его, наилучшие полководцы и гетманы: «Увидев такое бесчисленное твое войско, устрашатся все собравшиеся в Пскове люди и не смогут обороняться против такой силы».

Другие говорили: «Какая же гора устоит против такого потопа? Какая твердокаменная крепость выдержит удары твоих стенобитных орудий?»

Третьи еще и так ему льстили: «О милостивый государь наш, король Стефан! Разве найдется среди русских воевод или хитрых мастеров во Пскове кто-нибудь, кто сравнится бы с тобою и твоими мудрыми полководцами? Каков же город, какая крепость выдержит твое обложение? Не бывало ведь до сих пор, чтоб устояли где-нибудь города против твоих храбрых и непобедимых витязей и твоих искусных мастеров осады. Иди же скорей на город Псков, будь здоров и владей славным городом! И нас своими милостями не забудь, кто вместе с тобою всем сердцем был и при взятии такой сильной крепости потруился!»

Выслушав эти хвалебные речи своих ближних советников, больше прежнего занесся в гордости король, — вот так же, как древний Сенахирим, царь ассирийский. Тот, завоевав многие города вокруг Иерусалима, задумал взять и Иерусалим, полагаясь на свои огромные силы: «Не только войска осажденных иерусалимцев, но и сам бог ничего не сможет поделаться против моего бесчисленного воинства!»

Бог услышал самовосхваление гордеца и за богохульные речи покарал его. Когда Сенахирим * пришел под Иерусалим и осадил его, то в первую же ночь бог истребил сто восемьдесят пять тысяч его воинов. Увидев утром страшный свой урон, Сенахирим бежал с малой дружиной в Ниневию, а там был убит своими же детьми. Так же поплатился за свое самохвальство под Псковом и горделивый польский король. Об этом мы потом расскажем, а сейчас будем описывать все по порядку.

Созвал литовский король Стефан большой военный совет и начал полки распределять, кому из его великих панов и гетманов в каком полку воеводой быть. В передовой полк он назначил начальником Николая Радзивила, * виленского воеводу, великого гетмана литовского, да с ним Остафия Воловича * из виленской знати, да Яна Дорогостайского, * полоцкого воеводу. В полк правой руки воеводой поставил Яна Тишку Жемайтского, * да Мельхиора Шемета, * кухмистра литовского. В полк левой руки поставил воеводой Яна Глебова, * владельца минского, подскарбия земского литовского, да Николая Сапегу, * минского воеводу, да Криштофа, воеводу новгородского. * А в сторожевой полк — Николая Радзивила, * владельца троцкого, да Филона Кмиту, * старосту оршанского. В большой полк ставит своего канцлера, великого гетмана польского, * а при нем многих ротмистров. Назвали его большим польским полком. И сам король с этим полком пошел. А из приближенных короля с ним пошли: Тишка, польский воевода, Бекеш, гетман венгерский, * Николай Криштофов, * великий маршалок литовский, Ольбрехт Радив, * староста ковенский. А осадные пушки все отдал под команду воеводе венгерскому Юрию Зиновьеву, старосте чечерскому. Назначив по всем полкам начальников, двинул король Стефан войска свои в поход на славный, великий город Псков.

Услышав, что литовский король идет уже на Псков, государевы бояре и воеводы надежно и неутомимо его укрепляли. Из волостей, из сел и посадов они велели возить в город всякие запасы для осады, а что нельзя вывезти, все остатки и самые дворы приказали жечь, чтобы врагам ничего не досталось. Всем жителям сел строго приказали бежать от врага в крепость, во Псков.

Узнал и православный царь всей Руси, государь и великий князь Иван Васильевич, что безбожный литовский король ре-

шился напасть со всеми своими воинскими силами на его вотчину, на город Псков. Царь написал грамоты во Псков своим боярам и воеводам, ко всем воинам и ко всем псковичам: стоять против врага в осаде неослабно и мужественно, биться с Литвою за свой город Псков — не отступая, до последней капли крови!

Архиепископ Великого Новгорода и Пскова Александр тоже отправил послание со своим благословением во Псков к своей пастве, боярам, воеводам, ратным людям и горожанам. Как чадолюбивый отец, он ободрял и укреплял мужество псковичей на подвиг и обещал своей святительской молитвой помогать и поддерживать их. Написал он всему духовному чину: священникам и дьяконам, инокам и инокиням и всем прислужникам церковным. Во главе духовенства в славном и богохранимом Пскове был тогда игумен Печерского Успенского монастыря Тихон, а в псковском соборе Живоначальной Троицы настоятелем был протопоп Лука и протодьяконом — Алексей. Архиепископ прислал этим наставникам духовенства из Новгорода повеление: служить в соборе каждый день молебны и по домам молиться днем и ночью за своего государя, детей его и за весь православный народ, чтобы отвел господь грозную кару за грехи наши и даровал бы милость свою славному городу Пскову, не отдавал бы его в руки врагов, жестоких насильников. Призвал архиепископ весь духовный чин соблюдать в осаде пост и воздержание, братолюбие и чистоту душевную, быть во всем образцом для своей паствы. И на том посылал всем свое благословение.

Приближалось грозное и жестокое время, подходил литовский король Стефан с великим войском к рубежу Русской земли. А впереди тех полчищ неслись слухи и скоро до Пскова долетели, что подходит король Стефан и что город Вороноч * — в ста милях от Пскова — уже занял.

Как насытый ад раскрывает свои челюсти, чтобы проглотить жертву, так готовился он взять в клещи своими полками Псков. Чем ближе, тем стремительнее и радостнее шли войска короля. Словно Змей-Горыныч из своей пещеры вылетел, так растянулись походные колонны и обозы, — дымом лагерных костров, пальбой и осадными машинами страдал этот Змей русских людей. Литовский король говорил, что и не дойдя до Пскова, он уже чувствовал его в утробе своей. Он хвалился, что насытит отбросами добычи своей всех аспидов, змей и скорпионов — своих приближенных. Налетел Змей-Горыныч на Псков, хотел повалить его крылами своими, хотел уморить псковичей жалами своими, а все сокровища Пскова хвалился унести, проглотив, в свою Литовскую землю, а кого оставит в живых, — тех на хвосте приволочь к дому своему. Победителем Пскова мнил себя Змей-Горыныч.

Узнали в хранимом богом Пскове бояре и воеводы, ратные люди и псковичи, духовный чин и миряне, что подходит все

ближе враг, что заживо проглотить их грозитя. Посоветовались воеводы с игуменом Тихоном, протопопом Лукою и всем священным собором и решили обойти вокруг всего города со святыми чудотворными иконами, с мощами великого князя Гавриила-Всеволода, псковского чудотворца, — совершая по пути молебны. За священным собором шли стрельцы и ратники, шли псковичи и псковитянки с детьми и малыми младенцами, молясь богу со слезами. Без гордости, без похвальбы, без корыстных надежд, от всего сердца молились они:

«Живоначальная троица, упование наше! Пренепорочная богородица — покров и стена наша надежная! Помощники наши и молитвенники перед богом — все святые! Первый воевода наш — архангел Михаил со всем его небесным воинством!»

Так готовились к осаде во Пскове. Вера в помощь божью поднимала сердца на подвиг. Лед отчаяния не сковал сердце, горячая вера растопила его, а пламя благодати Христовой закалило сердца: крепкими, как алмаз, стали псковские люди, бесстрашно будут биться за веру Христову, за правое свое дело — и готовы были биться насмерть. Без колебаний, без сомнений каждый делал свое дело, чтобы обеспечить защиту в осаде.

Вот пришла весть, что литовский король Стефан осадил Остров, пригород Пскова * — в пятидесяти милях от него, что бьет из пушек по крепости. Не дрогнули сердца защитников Пскова. Государевы бояре и воеводы отдавали последние распоряжения, усиливали огневую оборону, выбирали наилучшие места для верхних дальнобойных орудий и для пищалей нижнего яруса, для отражения штурмующих лавин. Разделили меж собой все участки внешней стены и каждому воеводе дали в подчинение, сколько нужно, боярских голов и детей боярских, голов стрелецких и стрельцов, посадских бойцов по набору и стрельцов-добровольцев из псковичей. Так вся крепость была надежно вооружена пушками и пищалами, ружьями и всяким снарядам, людьми и военачальниками — против врага государева. Все так и было, как здесь описано.

В южной стороне от хранимого богом Пскова темной стеной поднялись дымы: тучей подошли литовские силы — и черная тень легла на белокаменные стены Пскова. Но и вся Литовская земля не могла бы очернить их. Дымы поднялись в таборах литовского войска, ставшего у Черехи-реки, * в пяти милях от Пскова; там в заставе были боярские дети московские, прискакали они во Псков известить о приходе передового полка литовского войска. Бояре и воеводы государевы приказали тогда бить в осадный колокол, а за рекой Великой поджечь оставшиеся строения и дома в посаде, чтобы неприятель не занял их под жилье. Так началась осада Пскова — 18 августа 1581 (7089) года, в день памяти святых мучеников Фрола и Лавра.

Когда стали переправляться литовские войска через реку Череху и полк за полком подходить к городу, бояре и воеводы вывели отряд в первую вылазку к переправе. Поляки в этой первой стычке не выдержали боя и обратились в бегство, словно послано им было предзнаменование всех грядущих бед. И больше передовые полки не возвращались к городским стенам.

Но вот, как дикий вепрь из пуши, подошел к городу и сам литовский король со своими главными силами — 26 августа, в день памяти святых мучеников Адриана и Натальи. Лютый зверь с несытою утробой жадно глядел на Псков, как на большую гору: трудно подняться, и велика по окружности, не скоро обойдешь! Запальчиво торопился он с осадой и повелел войску обложить Псков сплошным кольцом. И начали исполнять его повеление.

А государевы бояре и воеводы приказали по оцепляющим войскам бить из пушек. Наши пушкарки так метко стреляли, что расстроили порядок в неприятельских полках и много людей у них перебили. Тогда доложили королю, что нельзя обложить Псков из-за жестокого пушечного огня из крепости. Король приказал окружить город большим кольцом, отъехав подальше, скрывая войска по окрестным лесам. Но с высоты башен и стен видно было, как темнеют по лесам неприятельские отряды. И приказали бояре и воеводы бить по ним из самых крупных орудий. И тогда дальнотойные псковские пушки те леса, как траву, к земле приклонили и многими полками землю застелили. Доложили и об этом королю. Он воскликнул: «Кто же заманил меня сюда, говоря, что великий князь все пушки из Пскова велел в Москву вывозить? А теперь что слышу? Ни с собою здесь у меня нет, ни в Литве не найдется ни одной такой пушки, чтобы на столь большом расстоянии поражала!»

Возле Любятова * на Московской дороге стал разбивать лагерь один из полков. Поставлено было много шатров, и разведали псковичи, что там будет королевский стан. Бояре и воеводы псковские не велели днем туда стрелять, но засветло перетаскивали лучшие орудия на этот участок. Там к ночи закончили устройство большого лагеря, а часов около трех ночи псковские бомбардиры дружно ударили из верховых пушек и дотла разгромили весь этот стан. Утром от пойманных языков узнали, что много важных панов там погибло.

Увидев это, король быстро перенес свой стан назад к реке Черехе, укрывшись там за высокими горами — около Промежицы. *

Торопясь утолить жадное нетерпенье, он начал искать места, где применить свое искусство брать крепости. Осмотрев и обследовав вместе со своими лучшими советниками все наруж-

ные укрепления города, выбрал он угол крепости над рекой Великой — от Покровских водяных ворот до польских Свиных ворот. * Решил эту часть укреплений разбить орудийным огнем и отсюда взять Псков. И все одобрили этот план.

После этого приказал литовский король со всеми военными хитростями начинать наступление на крепость. С радостью приняли этот приказ свирепые и лютые разрушители крепостей. С большим усердием начали они свою работу. Первого сентября — в самый новый 1582 (7090) год — они стали копать в земле глубокие ходы от своих станов на большой Смоленской дороге к Великим воротам, мимо церкви Алексея человека божия к городу * — к Великим, и к Свиным, и к Покровским воротам. За три дня они выкопали пять больших ходов продольных да семь поперечных. А в этих окопах, как потом мы узнали, пройдя по ним, выкопали больших дворов, то есть избышек с печками, 132, да 904 малых. В больших поместились ротмистры и сотники, а в маленьких устроили себе жилье гайдуки. Закопавшись так в землю, они почти вплотную приблизились к городу, так что от городских стен их отделял только крепостной ров. А подбирались они к городу злоумышленно и очень хитро: прорывали себе ходы как кроты — со стороны города насыпали валы выкопанной земли, чтобы ходов тех не было видно, а в валах провертели отверстия, чтобы через них стрелять во время штурма и отбивая вылазки.

Потом, 4 сентября, подкатили ночью туры. * Сперва у церкви Алексея человека божия — в полумиле от города. Там король приказал устроить из тур — заслон для сбора штурмующих отрядов, а другой такой же заслон поставили против него на другом берегу Великой. Да еще поставили две туры стенобитные: одну против Свиных ворот, вторую против Покровской наугольной башни; а третью стенобитную туру против того же Угла, за рекой Великой. И все те пять тур в эту же ночь насыпали землею. 5 сентября в три стенобитные туры приволокли и пушки. Так соорудили литовские хитрецы все свои военные изобретения для одоления хранимого богом Пскова.

Государевы бояре и воеводы видели все эти работы и ухищрения литовского войска и, призвав на помощь бога, заступницу богородицу и всех святых, по-своему стали укрепляться против вражеских затей. Игумен печерский Тихон со всем священным собором, с крестами и чудотворными иконами, с мощами великого князя Гавриила-Всеволода прошли на угрожаемое место — Угол, в храм Покрова богородицы, как раз против того места, где литовские мастера сооружали самые хитрые свои стенобитные машины. Пели там молебны, окропили святой водой — и укрепления, и воевод, и воинов, и псковичей, всех на подвиг благословили знаменем креста — мучений Христовых,

А бояре и воеводы приказали в Углу еще более усилить крепость стен, позади каменных стен они велели возводить деревянные, а между стен — опоры и перемычки, чтоб устояли они против стенобитных ядер. Укрыли получше свои пушки и затинные пищали, усилили оборону — придав отряды детей боярских, стрельцов с их головами и псковских посадских стрельцов, — собрали надежную защиту того места, где ожидали первого приступа литовского войска. Все, что могли, сделали в этом месте.

Да и по всей городской крепости, особенно на внешнем обводе, день и ночь работали, и во внутренних поясах крепости каждый воевода неослабно следил за людьми и караулами, за всем крепостным делом.

В Покровском Угле у Свиных ворот начальником обороны был государев воевода, князь Андрей Иванович Хворостинин, но неустанно наблюдал за этой частью крепости и боярин, князь Иван Петрович Шуйский. Съезжались туда на совет, бывало, и все государевы бояре и воеводы, а с ними и государевы дьяки города Пскова: Судьмен Тимофеевич Булгаков да Афанасий Викулин, сын Малыгин, да из Пушечного приказа государев дьяк Терентий Лихачев. Раздумывали и совещались они о защите и укреплении города, предлагали каждый то, чему его бог вразумил, ибо не от множества собравшихся зависит успех дела, но от разумного совета и божьей помощи.

Тогда приехал к литовскому королю гетман Юрий Зиновьев, пан угровецкий, староста чечерский, который был поставлен во главе осадных орудий, и доложил ему, что все приготовления закончены, все стенобитные и другие пушки на местах и к бою готовы. Услышав это, обрадовался король и приказал пану Юрию Угровецкому открыть огонь по крепости и сделать большие проломы в нескольких местах, чтобы через них проникнуть и захватить город Псков. И принял он приказ короля.

В первом часу дня в четверг 7 сентября открыли огонь по городу литовские пушки с трех стенобитных тур из двадцати орудий. Били они весь день и до ночи. На другой день с самого рассвета били по тем же местам еще пять часов без передышки. И выбили большой пролом в стене: двадцать четыре сажени стены разрушили до самого основания да Покровскую башню разбили всю, а у Свиной наугольной башни весь обвод до земли разбили и самой башни половину выбили почти до земли, и местами еще повредили стену; всего шестьдесят девять сажень стены проломили.

Обо всем этом доложили королю, и в большой радости велел он всем гетманам и ротмистрам со своими гайдуками явиться в королевский стан на совет. Король принял их, горделиво восседая на высоком троне. А после совета пригласил всех гетманов и великих панов, всех первых советников, всех ротмистров, всех

осадных мастеров и всех ратных людей к себе на пир. После пира приказал изготовиться братъ Псков. Паны ликовали и наперебой произносили льстивые речи королю: «Сейчас мы, по твоей королевской милости, пируем здесь, в твоём полевом стане, а сегодня же вечером надеемся ужинать у тебя в Псковском замке и там будем приветствовать тебя как владыку Пскова!»

Король угощал своих гетманов, ротмистров и воинских людей щедро и великолепно и тут же дружески просил и красноречиво уговаривал во что бы то ни стало взять город, сулил большие награды и свою королевскую милость, обещал разделить все псковские богатства и знатных пленников по чинам, справедливо и беззавистно. Гости отвечали:

— Непременно, государь, сегодня возьмем Псков с его замком на щит, если сами псковичи не сдадутся. Ведь не смогут они выдержать штурма твоих бесчисленных сил и всех ухищрений нашего военного искусства.

И женам своим, расставаясь с ними после пира, наказывали радостно и торжественно встречать их, когда с большой добычей они вернутся из захваченного Псковского замка. Так после пира послал король Стефан своих гетманов, ротмистров и опытейших бойцов — братъ Псков.

В пятом часу пополудни в пятницу 8 сентября, в праздник Рождества пресвятой богородицы, литовские воеводы, ротмистры, гайдуки и отборные бойцы пошли на приступ. Бояре и воеводы государевы, воинские люди и псковичи увидели, как из королевского стана полк за полком двинулся к городу со знаменами, как вошли они в подготовленные раньше глубокие ходы в земле, и поняли все, что идут они к проломам в крепостных стенах. Тогда приказали бояре звонить в осадный колокол, что в Среднем городе у церкви Василия Великого на Горке,* — на городской стене, чтобы весть подать псковскому народу о приступе литовских полков. А сами бояре и воеводы стояли наготове со всеми стрельцами и воинами, кому назначено было отбиваться у пролома. Когда вражеские полки приблизились, воеводы приказали открыть огонь. Из пушек и пищалей били непрерывно и уложили множество литовских людей. Все поле перед проломом было устлано трупами. А новые литовские полки шли с тем же дерзким напором, будто волны морские подступали к подножию крепости, устрашая ее защитников, а над стальными волнами как молнии сверкали их сабли.

В соборе Живоначальной Троицы духовенство со слезами и воплями молилось богу об избавлении города. А псковичи, простившись с женами и детьми, все побежали к проломам, готовые встретить врага, в решимости крепко постоять за веру, за город свой, за дома, за жен и детей своих, не выдавая друг друга, не уступая ни пяди до последнего вздоха.

В шестом часу того дня словно высокий водный вал зашумел, словно гром загремел, все литовское войско с воем и выкриками ринулось в проломы стен, прикрываясь, как кровлей, своими щитами и оружием, оцетинившись бесчисленными копьями.

Государевы бояре и воеводы со всем нашим воинством призывали на помощь бога и, русским языком скликая и подбодряя русский народ, оттеснили врагов до самых стен. Литовские бесчисленные войска как потоки воды лились на стены, а наши воины как звезды небесные над ними сверкали, не давая подняться на стену. Стоял грохот и стук, неслись крики и вопли двух ратей, гулкие пушечные выстрелы и пальба из ружей — все сливалось в оглушительный шум. Псковское воинство городскую стену от неприятеля отстояло, как ни рвались на нее в бесстрашном натиске литовцы.

Но в проломах, сделанных вражескими стенобитными пушками, удержать натиск было невозможно, через проломы и на конях за крепостную стену прорывались, а никаких укрытий от вражеских пушек и пищалей не осталось у Покровских и у Свиных ворот. Строили против пролома деревянную стену со многими ярусами пушечного боя, но так она и осталась недостроенной из-за жестокого обстрела, а при последнем огневом налете враги разрушили ее до основания.

Поэтому многим литовским воинам удалось взобраться на стены Пскова, многие ротмистры и гайдуки со своими знаменами взлезли на Покровскую и Свиную башни и прячась за щитами или из бойниц поражали наших воинов в городе. Первыми вошли на стену и удержались на ней самые свирепые, самые умелые бойцы литовские в железных бронях с лучшим оружием. А государевы бояре и воеводы со всем православным воинством стояли против них крепко и неотступно, бились мужественно и искусно, прохода в город врагу не давали.

Литовский прославленный король Стефан увидел, что отборные его штурмовые войска уже на стенах города, что его ротмистры и гайдуки развернули знамена войска литовского на Покровской и Свиной башне, что с этих башен они ведут беглый огонь по городу и особенно по пушкарям, чтобы открыть путь для полного овладения городом, — радость переполнила сердце короля: сбывалась надежда взять Псков. Со всей свитой и гвардией он приблизился теперь к городу и стал у церкви Никиты Мученика * — на расстоянии не более мили от города. Тогда подошли к нему первые его советники и любимцы из свиты и говорили такие льстивые речи:

— Славен ты теперь, победитель и завоеватель знаменитого города Пскова, милостивый государь наш, король Стефан! Умоляем тебя, отпусти нас и пошли впереди себя в Псковский

замок, чтобы не хвастались потом твои ротмистры, что они одни с гайдуками своими взяли город Псков!

Слыша, что самые близкие придворные и первые его советники хотят помочь своим умением скорейшему исполнению его желания, еще более обрадовался король и отвечал им, как братьям, с ликующим сердцем:

— Если так вы решили, то и я пойду в бой, я от вас не отстану!

Придворные сказали:

— Ты, государь, король Стефан, войдешь в великий город Псков торжественным и славным королевским шествием, как входил победитель всей вселенной, царь Александр Македонский, в великий город Рим. А мы, слуги твои, выйдем навстречу тебе из твоего великого города Пскова — как выходили навстречу царю Александру Македонскому из Рима, — прославляя тебя в торжественных гимнах, вынесем к твоему въезду множество псковских сокровищ — твоих трофеев, выведем пленниками государевых бояр и воевод, поставленных во главе города Пскова русским великим князем. И самое драгоценное сокровище русского царя — двух его славных бояр и воевод: великого гетмана псковского, князя Василия Федоровича, и второго великого гетмана, храброго, неколебимого и верного защитника Пскова, князя Ивана Петровича, — обоих знаменитых Шуйских, — поставим перед тобою связанных. И ты сделаешь с ними, за непокорство их, что захочешь!

Выслушав это, польщенный король отпустил их в бой на стены Пскова:

— Знаем мы, друзья, что ваши добрые предсказания до сих пор сбывались, так сбудутся они и теперь! Делайте, что задумали! Ничто не устоит против ваших мудрых замыслов!

И собралось придворных и гвардейцев короля, отменных воинов, около двух тысяч. Они пробрались и заполнили Свиную башню, заняли удобные позиции и начали обстреливать оттуда из бойниц отряды защитников Пскова. Как из большого дождевого облака, полился град ружейных пуль, поражая народ бесчисленными свинцовыми каплями и, как змеиными жалами, уязвляя насмерть. Заполнили новые силы литовские и Покровскую башню, и по всему пролому стали теснить они наше православное воинство, расчищая путь к захвату города.

Государевы бояре и воеводы, воинские люди и псковичи бились крепко и мужественно. Одни стояли у подножия стены, с пиками ожидая тут врагов, стрельцы наносили им большой урон из пищалей, дети боярские метко стреляли в них из луков, а кто из пращ камнями, — все как могли и умели обороняли родной город. И пушкари непрерывно били из пушек, не давая литовцам спуститься в город из захваченной части крепости. Ли-

товцы вели яростный огонь по защитникам из башен, со стен — через бойницы, сменяя друг друга, и кричали: «Возьмем город Псков, непременно возьмем!» Король литовский в нетерпении посылал гонцов узнать, взят ли город, и, сердясь, торопил гетманов и все свое войско.

А в хранимом богом Пскове государевы бояре и воеводы с любовью и слезами увещевали своих воинов держаться против коварного и могучего врага и безотступно бились вместе с ними. Горько им было видеть, как православные воины умирали за веру Христову, словно пшеничные колосья, вырывающиеся из земли. Другие падали от многих ран и полного истощения сил: день тогда был очень знойный от жгучих лучей солнца. Одна только надежда на бога и его защиту укрепляла псковичей.

Везде молились о спасении города. Когда дошла весть до собора Живоначальной Троицы, где собрались все духовные чины, что литовские отряды уже на стенах, что на двух башнях уже развеваются литовские знамена, что они стреляют в город, чтобы проложить себе путь, — тогда игумен печерский Тихон, и протопоп Лука, и весь священный собор города Пскова, протягивая руки к святому образу, громко молясь, пали на колени, омывая слезами мрамор у подножия икон, умолая богородицу о спасении города Пскова и всех живущих в нем. Боярыни, княгини и жены защитников города, сошедшиеся на молитву, били себя в грудь, рыдали и громко зывали к богу и пречистой богородице, падали ниц и бились о пол и о перила на хорах, иступленно моля о защите. И те жены и дети, что оставались по домам, коленопреклоненно молились перед образами, плакали и били себя в грудь, каялись в грехах и звали на помощь богородицу со всеми святыми. А на улицах Пскова стоял крик, и стоны, и вопли неописуемые.

Литовские войска уверенно и неодолимо наступали: «Вперед, друзья! Истребим всех псковитян за их непокорство, и не останется и памяти о прославленных жителях Пскова, тень смерти покроет тут все, никто не вызволит их из наших рук!»

Кто может поведать о силах господних, кто возгласит ему хвалы? Блаженны все боящиеся бога, кто ходит по прямым его путям и честно ест плоды трудов своих. Слушайте, все народы вселенной, земные сыны человеческие, богатые и бедные. Придите, все святые Русской земли православной, в богоспасаемый славный город Псков! Вы соболезновали нам, вы помогли нам своими молитвами. Вместе прославим бога, возвеличим святую троицу: господь нам прибежище и сила, помощник в великих скорбях, посетивших нас! Потому мы и не боимся, ибо сказал пророк: «Велик господь, прославлен в городе нашем, на святой горе!» Бога познаём в беде, когда заступается он за свой город! За смирение наше не забыл о нас господь, когда цари земли собра-

лись все вместе на хранимый богом Псков, говоря: «Бог оставил его, поспешим и возьмем его, пока нет никого, кто избавил бы его!»

Окаянный, горделивый и лукавый язык твой, литовский военачальник, Стефан Оботура! * Как говоришь ты и все твоё безумное войско, что нет никого, кто избавил бы Псков? Господь в его великой силе — с нами, он заступник наш, бог Иакова, в троице славимый, в трех именах и едином свойстве познаваемый, отец, сын и святой дух, на него мы надеемся, а ты, Оботура, в злой ереси своей не знаешь бога, ты превознесся до небес и посягнул, безумный, на Псков, надеясь на множество сил своих!

Подожди, окаянный! Увидишь, что станется с твоею силою, поймешь, есть ли кто, избавляющий нас, и чего стоит все твоё тщеславное хвастовство — овладеть Псковом! В меру гордости твоей испытаешь унижение, высоко занесся — и в ад низойдешь со всем своим воинством. За смирение наше не забыл о нас господь и избавил от врагов наших!

Услышал господь молитвы слуг своих, — лишь одно мановение неизреченного его милосердия, и начала сбываться божья милость над достоянием господним и рабами его.

С Похвальской башни из большой пищали, из Барса, ударили по Свиной башне — и не промахнулись: одним выстрелом побили множество отборных литовских воинов. А вскоре за тем под эту самую Свиную башню, по приказу бояр-воевод, подвели подкоп и заложили много пороху, взорвали ее, и тогда смешались тела и обломки башни, выросла гора трупов среди развалин, трупов тех самых горделивых придворных панов, любимцев и советников короля, которые отпросились у него войти первыми во Псковский замок и потом торжественно встречать короля, выводя из города связанных бояр-воевод и ратников государевых. По божьему промыслу эти связанные русские бояре и воеводы их, первых советников и любимцев короля, в основание новой башни уложили, их телами великий крепостной ров под Псковом наполнили, и тесно будут они лежать там до последнего восстания мертвых.

Узнал об этом король, когда спросил:

— А что, мои придворные паны уже в замке?

— Под замком, ваше величество, — ответили ему.

— Так в городе за стеною рыскают и русскую оборону истребляют?

Нет, король, все они при взрыве Свиной башни сожжены, погибли, во рву лежат..

Тогда король Стефан едва не кинулся на свой меч, как делают в припадке ярости язычники, тогда сердце его чуть не разорвалось. Разгневанный, послал он к сидящим в Покровской башне, и к тем, кто захватил пролом, и ко всем войскам приказ — крепко наступать и во что бы то ни стало взять Псков!

Увидели государевы бояре и воеводы, что усплился огонь, еще яростней стало наступление врага, а у них много воинов побито, много изранено, изнемогает оборона, только надеждой на бога держится. Тогда послали они в собор Живоначальной Троицы за избавлением, за святыми чудотворными иконами и мощами благоверного князя Всеволода, чудотворца псковского, велели принести их к месту пролома. Как принесли из Владимира в царственную Москву чудотворную икону пречистой богородицы из-за набега Темир-Аксака царя, * так здесь в богохранимом Пскове — из-за нашествия польского короля. Там — против прославленного Хромца, здесь — против знаменитейшего Батория. Там — Владимирскую икону, здесь — Печерскую икону. Там понесли из Владимира в Москву икону Пречистой в самый день ее успенья, и в тот же день Темир-Аксак в страхе бежал из Москвы и со всей Руси со своими полчищами. Здесь, в славном городе Пскове, — в день рождества богородицы вынесли ее чудотворную печерскую икону Успенья * и другие иконы вместе с мощами благоверного князя Гавриила-Всеволода к пролomu, и в тот же час невидимо пришло спасенье.

Ожесточенно бились литовские воины с русскими и в проломе, и по стенам, и у Покровской башни. Вместе с воинами стояли на обороне и государевы бояре и воеводы, не давали литве прорваться в город, во Псков. А когда пошли крестным ходом из собора с иконами к пролomu, то впереди помчались на конях вестники — не ратники, а воины Христовы, в черных одеяниях: Печерского монастыря келарь Арсений Хвостов, да Святогорского монастыря * казначей Иона Наумов, а третий с ними — Мантирей игумен, которого все хорошо знали во Пскове. Эти монахи, по рождению — дети боярские, пока жили в миру, были искусными воинами. Вот они-то и примчались к пролomu, врезались в самую гущу кровопролитного боя и мощными голосами воскликнули боярам, воеводам и всему православному воинству:

— Не бойтесь! Бейтесь крепко! Пойдем дружно на литовских насильников! Богородица к нам идет с милостью, заступница наша со всеми святыми идет на помощь!

Когда разнеслись эти слова, милость богородицы осенила православное воинство, и самые слабые сердца стали твердыми, как алмаз, и все новой силой вооружились. Воскликнули:

— Помоги, богородица! Теперь умрем вместе за Христову веру, за православного государя, царя и великого князя Ивана Васильевича, но не отдадим наш город Псков польскому королю Стефану!

Призвали на помощь также заступника псковского, князя Гавриила-Всеволода, и князя Довмонта, и Николу Юродивого и в мощном порыве устремились на литовцев, очищая от них городские стены и место пролома.

Так, по милости бога и пречистой богородицы, по молитве великих святых чудотворцев, выбили литовцев из города, и там, где только что стояли литовские ноги, утвердились теперь православные воины. Били литовцев уже за стенами города и с остальными сражались в Покровской башне.

Когда бог судил православному воинству одолеть литву, когда выбили из пролома и со стен сбили ротмистров, гайдуков и всех воинов литовских, то не утаилась эта божья благодать, по всему городу понеслась молва. И разнеслась из дома в дом такая весть: литовское войско из города выбито, а вам, оставшимся в домах женщинам, велено идти захватывать литовские пушки и пищали и оставшихся литовцев добивать, а собираться всем в проломе!

Тогда все жены псковские, сидевшие в большой печали по домам, охваченные великой радостью, забыли свои женские немощи, будто почувствовав в себе мужскую крепость, помчались к пролому, прихватив из своего двора, каждая по силе, какое-нибудь оружие. Молодые женщины крепкого сложения с самого начала приступа выходили с оружием побивать литву, а старые и бессильные теперь бежали с веревками, чтобы втаскивать в город орудия, брошенные литовскими пушкарями. Все теперь бежали к пролому, и каждая старалась добежать раньше.

Великое множество псковитянок набежало к пролому, и большую помощь они оказали мужьям, православным воинам. Одни, не уступая мужчинам, бились с литовцами и побивали их, другие подносили камни мужчинам, и те били литовцев со стен и башен, третьи подносили пить изнеможенным и мучимым жаждой, возвращая силу ретивым сердцам их.

Было это в пятницу, в праздник Рождества пресвятой богородицы; настал уже вечер, а литовцы держались еще в Покровской башне и постреливали оттуда в город.

Тогда государевы бояре и воеводы, еще раз призвав бога на помощь, созвали кличем войска и пошли на Покровскую башню, женщины шли на приступ вместе с воинами, вооружась кто чем мог. Одни стреляли в литовцев из ружей, другие метали в них камни, третьи кипятком их обливали, четвертые огнем выкуривали и всякие хитрости применяли. Наконец, в погреб Покровской башни подложили пороху и подорвали ее. Так остатки литовских войск были уничтожены, и стены Псковской крепости от осквернения литовскими ногами были очищены. Теперь бились уже за стенами.

И побежали литовцы от города к своим станам. А псковичи далеко гнались за ними, рубили бегущих. А кто из них укрылся в крепостном рву, тех находили и добивали. Многих живьем взяли и привели для допроса к государевым боярам и воеводам, брали видных витязей со знаменами, трубами, бубнами и ору-

жием. Возвращались в город невредимыми с бесчисленной добычей: нанесли множество драгоценных разукрашенных самопалов и ружей и всякого дорогого литовского оружия.

Так, по милости божией, по несказанному милосердию божественной троицы и молитвами богородицы и всех святых чудотворцев, спасен был в этот день великий город Псков, и славную победу одержало православное воинство над горделивой и неверной Литвой. Шел уже третий час ночи.

Государевы бояре и воеводы, весь священный собор, все православные христиане, мужи и жены с детьми своими, в радости неизреченной благодарили бога, всеоружную нашу заступницу и воеводу — приснодеву Марию, всех святых чудотворцев, и особенно светильника и заступника великого Пскова, великого князя Гавриила-Всеволода, а с ним и Довмонта и Николу Юродивого.* А помолившись и утерши пот своей храброй победы, пошли все на отдых.

Потом бояре и воеводы так говорили воинству своему и псковичам:

— Это был, милые братья, только первый день и плача нашего и веселья, храбрости и мужества. Плача — потому что за грехи наши подверг нас бог такому тяжелому испытанию; веселья — так как привел господь за веру христианскую и за отеческие наши законы умирать; храбрости и мужества — с которыми мы начали и с которыми будем до конца стоять, если будет на то милость господня. Сильные враги наши погибли, а мы, слабые, явили силу; те, у кого были богатые запасы хлеба, лишились их, а мы, голодные, получили его вдоволь. Не помянет бог грехов наших и отвратит от нас свой праведный гнев. Видя его милосердие в добром начале дела, надеемся на счастливый конец. О повадке наших врагов, горделивых литовцев, так говорят: если они потерпели неудачу вначале, то дальше могут действовать поспешно и опрометчиво. Помните, что мы благодатию Христа и по имени его христианами именуемся. Будем готовы умереть за веру свою, за православного государя всей Руси, царя и великого князя Ивана Васильевича, и за детей его. Помните, что мы целовали ему, государю нашему, непобедимое оружие, животворящий крест, и не дадим вкраться в сердца наши сомнениям, болезни, отчаянию, дурным помыслам. Сказано в Евангелии устами Христа: «Если богатства всего мира приобретет, а душу осквернит, что может дать человек за душу свою?»

Много с ними говорили, дружески увещевали бояре и воеводы подначальное свое войско, как истинные поборники христианства. А воины со слезами отвечали им:

— Мы от отцов своих и дедов и от прадедов — христиане, и теперь готовы за веру свою умереть! Как начали — с богом, так и кончать будем — без измены!

Так и было, по милости божией.

Потом воеводы велели похоронить храбрецов, отдавших жизнь за Христову веру, как мучеников, скончавшихся от рук неверных литовцев. При первом приступе убито было наших воинов восемьсот шестьдесят три человека. Раненых велели лечить из государевой казны. А ранено было в день большого первого приступа тысяча шестьсот двадцать шесть человек.

Прегордый король литовский Стефан своими глазами видел, как бежали от города с великим позором его войска, ничего не добившись. Он мучился стыдом поражения и на глаза к себе не пускал гетманов своих и ротмистров. И сами гетманы не смели явиться к королю своему, угнетенные стыдом и срамом после такого хвастовства перед королем. К тому же узнал он, что убит на приступе венгерский великий гетман, самый любимый им, Бекеш Кабур, что многие великие магнаты литовские погибли вместе с ним: * и пан Стефан, и пан Мартын, и великий венгерский пан Петр, и пан Ян Сиос, и пан Дерт Томас, и пан Генес Павлов, и пан Бедерениш, и многие другие великие и славные литовские рыцари. А ратных людей в этом штурме погибло, как сами литовцы сказывали, более пяти тысяч, да раненых было еще вдвое больше. Узнав все это, король охвачен был горем и отчаянием, и себя и своих советников и полководцев поносил он жестокими укорами. А со всех сторон долетали к нему стоны, рыдания, плач и крики из полевых станов, словно смута началась в войске. Паньи оплакивали своих мужей, матери рыдали над трупами детей, братья горько плакали о потерянных братьях. И те, кто приказывал паньям своим пышно встречать их, как победителей, при возвращении из Пскова, не вернулись с поля битвы, погибли страшной смертью под развалинами или во рву крепостном, и тела их были растерзаны псами.

И вот снова сидит король Стефан на высоком престоле, а перед ним его гетманы и советники, совещаются, как им взять город Псков.

— Как же их взять, — говорят, — какой хитростью обмануть, какую мудростью одолеть этих свирепых воевод и этот непокорный народ?

Одни предлагают новым приступом брать, а старые советники велят лаской и угрозой добиться сдачи города у бояр, воевод и народа. Написать им обошительные послания и кинуть их в город на стрелах. А если это не подействует, не уступят ни угрозам, ни обещаньям псковичи, тогда каждый воевода предлагает со своего конца вести подкоп под стены, подкатить пороху, взорвать стены, и, не проливая крови литовского войска, легко и быстро можно будет взять Псков. Эти безбожные советы, эти дьявольские злоумышления, эту суетную гордыню и тщеславие ума их похвалил король. Так и решили действовать.

Снова литовские ротмистры и гайдуки начинают ежедневные внезапные нападения на проломное место. Но государевы бояре и воеводы с воинами своими на городскую стену никому взобраться не дают. А тем временем приказали воеводы построить против пролома деревянную стену с башнями и многими ярусами бойниц для пушек; подвезли орудия и снаряды, чтоб отбивать литовский приступ. Между старой каменной стеной и новой деревянной выкопали глубокий ров, а по дну этого рва забili острый дубовый частокол, и во всех мелких проломах и перед всеми башнями тоже дубовые островерхие частоколы забili так крепко и часто, что никому пройти через него невозможно. И много других приготовлений сделано было против приступа: нанесли вязанок смолья, чтобы, зажигая, метать их на штурмующих, а в котлах кипятили воду с калом, чтобы обваривать их со стен, приготовили разрывные кувшины с порохом, чтоб бросать в гущу нападающих, наносили сухой просеянной извести, чтобы засыпать ею бесстыдные очи литовскому войску. Так умудрил их господь хорошо изготoвиться против приступов.

Литовцы каждый день, а иногда и дважды на день ходили на приступ, но помогал нам Христос от стен их отражать, и всякий раз несли они большие потери, а наших людей хранил бог неведимыми.

Видят гордоупорные литовцы, что никак им крепостных стен приступом не взять и должны в том королю признаться. Тогда король велел написать боярам и воеводам во Псков грамоту о сдаче города:

«Знайте, бояре и воеводы, что не затем я пришел под ваш город Псков, чтобы уйти, не взяв его. Да вы и сами знаете, сколько городов государя вашего взял я за два последних года, ни от одного из них не ушел, пока не взял. Да не только против меня, но и против посланных мною гетманов ни один город не устоял.

Пишу я вам, жалея вас, оберегая высокий род ваш, пощадите вы себя сами, покоритесь моему великому имени, откройте мне город без пролития крови. Если послушаетесь меня, то знайте, что ни один из великих бояр вашего государя не был так пожалован, как я вас пожалую милостью и лаской своей. Если явитесь за моей милостью перед лицом моим, заверяю вас королевским словом своим вместе с советом магнатов моих, что не только во Пскове останетесь вы моими наместниками, но и многие еще города дам вам в отчину. Только отдайте мне мирно Псков. И весь народ во Пскове помилую: жить будете и впредь по своим законам, каждый своим делом будет занят, и торговать будете по старине, по пошлине. Но если мне не покоритесь сейчас, ни одному человеку не будет милости во всем великом городе Пскове, все будут преданы злым смертям».

Написав эту грамоту, паны на стрелах кинули ее в город, и не раз и не два, а множество стрел с такой грамотой.

Государевы бояре ответили королю так:

«Знай, гордый литовский полководец, король Стефан, что пятилетние дети во Пскове смеются над твоей глупостью и над твоими глупыми магнатами-советниками, о которых ты нам писал. Какая польза человеку любить тьму больше света и бесчестье — больше чести, горькое рабство — больше свободы. Еще более безумным было бы оставить свою святую веру и покориться вашей чахлой ереси. Какая честь нам — покинуть своего православного государя, великого христианского царя, и покориться иноверному чужеземцу! Мы уподобились бы евреям: но те, не зная или по зависти, распяли своего владыку, господу славы, а мы предали бы, хорошо зная своего православного царя и государя, под чьей властью и прадеды наши родились. Ты хочешь прельстить нас лестью и ложной лаской, суетным богатством. Но мы не взяли бы богатств всего мира за нарушение своего крестного целованья, которым поклялись своему государю. А еще грозишь ты нам постыдными и злыми смертями, так не боимся тебя: если бог за нас — никто против нас! Все мы готовы умереть за свою веру и за своего государя, но не сдадим города Пскова, не поддадимся твоим обольстительным речам! Нет такого глупца во Пскове, чтобы поддался на твой обман. А сановитые люди и мужи псковитяне и слушать тебя не хотят. Будь готов к битве с нами, а кто кого одолеет — то бог покажет!»

Ответ свой воеводы кинули неприятелю тоже на стреле.

Часто, почти ежедневно, бояре и воеводы делали вылазки из осажденного города. Бог помог — на царское счастье, удалось воеводам поймать много литовцев. Суровыми пытками и истязаниями они вывели от пленных планы королевского военного совета и могли готовить свои средства против коварных замыслов неприятеля.

Раз после вылазки за Варлаамские ворота добыли они еще литовских языков и от них узнали, что гетманы литовские похвалились взять Псков подкопами и что начальник каждого войска повел свой подкоп: королевский, польский подкоп, литовский подкоп, самый быстрый — венгерский подкоп, немецкий подкоп, а всего в разных местах девять подкопов. Сказали литовские языки, что все эти подкопы ведутся с 17 сентября, что раньше всех закончен будет венгерский. Но никто из литовских людей не знал, где и к какому месту ведутся эти подкопы: тайну подкопов на литовской стороне, говорили они, ото всех блюдут.

Узнав, что литовский король начал вести сразу много подкопов под Псков, бояре и воеводы благодарили бога, что стал им известен вражий план, но сокрушались они оттого, что не знали, под какое место крепостной стены велись подкопы. При-

зывая помощь божию, они велели копать в разных местах слуховые колодцы вне города, и не только против пролома, где их ожидали, но и вокруг крепости в разных местах выкопали слуховые посты, чтобы предупредить подкопы.

Священный собор непрестанно молился об избавлении от надвигающихся бед и о спасении города Пскова. Три раза в неделю ходили к пролomu крестным ходом с чудотворными иконами, с мощами благоверного князя Всеволода-Гавриила и с прочими святынями, пели там молебны. А литовские гайдуки, когда доносилось до них пение и служба священников из наугольной Покровской башни, догадывались, что там собралось много народа, и начинали метать туда камни, попадая в молящихся.

Вот так же 20 сентября кидали гайдуки камни, услышав молебственное пение возле Покровской башни, и ударили камнем по чудотворному образу великого мученика Христова, Дмитрия Солунского; * икона — греческого корсунского мастера, принесенная из собора Живоначальной Троицы. Попали они в ризу, в золоченый доспех Дмитрия Солунского, и выбили часть доспеха — повыше пояса против правого плеча — и повредили образ до самой доски. Видя это, священники и бояре стали молиться страстотерпцу Дмитрию Солунскому:

«О великомученик и победоносец! Ты видишь дерзость наших врагов, они не только нас поражают, но и над святым твоим чудотворным образом надругались. Моли господи, святой Дмитрий, избавить нас с твоей помощью от врагов наших. Ты прежде за Солунь умолил господи, ты помог Александру Невскому против поганных немцев на Чудском озере, * когда он оборонял наш великий город Псков. Ты дал знамение своей милостивой помощи, когда наши серьгу из правого уха — с твоего чудотворного образа — на месте побоища великого князя Александра Невского с немцами. Так и теперь яви милость свою, избавь нас и город наш от врагов, от злой, гордой литвы».

Не умолчу тут о чуде милосердия божия. В тот же день, когда неслыханная дерзость коснулась святого образа великого страстотерпца, открылись все замыслы короля и его советников, вызнали про все подкопы: который куда ведется, под какую часть крепостной стены. А случилось это так. Перебежал во Псков из литовского войска русский человек, бывший полоцкий стрелец, по имени Игнаш. Этот Игнаш государевым боярам и воеводам подробно рассказал и точно со стен городских показал, к каким местам ведутся подкопы. Радостью наполнились сердца, когда узнали это, и стали благодарить бога, пречистую богородицу и святого великомученика Дмитрия, что ради его образа открыта им эта тайна.

Против вражеских подкопов сразу же стали копать свои слуховые ходы, и уже 23 сентября с литовским подкопом сошелся

наш подземный ход, и с божьей помощью мы взорвали литовских подкопщиков между Покровскими и Свиными воротами. Подорвали и второй подкоп — под Покровскую башню, а потом были разрушены и другие подкопы за чертой города. Так и этот злокозненный замысел их провалился.

Видит король, что безбожное злоумышление его и советников его не сбылось, тогда снова начинают по его приказу штурмовать стены крепости, хотят отвлечь силы защитников и украдкой прорваться в город через пролом. Однако русские к стенам их и близко не подпускали. Тогда поневоле пускается литва на старую свою хитрость при осаде городов: чтобы вызвать большое смятение в городе и, воспользовавшись этим, через пролом пробраться в город, они начали стрелять из-за реки Великой по жилым домам раскаленными ядрами. Весь день 24 октября обстреливали они город на поджог, но псковичи, по милости божией, уберегли свой город невредимым.

Видит упорная и гордая литва, что и это ничуть им не помогло, пускаются тогда на новые хитрости. Литовские гайдуки и каменотесы подплыли по реке Великой к городской стене, что от Покровской наугольной башни идет к водяным Покровским воротам, и, закрываясь изобретенными ими огромными щитами, начали подсекать стену кирками и другим каменоломным снарядами, чтобы обрушить ее в реку. За каменной стеной у нас построена деревянная. Ту они хотели огнем спалить. А потом из пушек и пищалей с другого берега Великой выбить всю оборону в этой части крепости и оттуда ворваться в город.

Государевы бояре и воеводы разгадали вражеский замысел и стали искать способа противостоять ему. Приказали они зажигать пучки смолья и кидать на их щиты-кровли, чтобы поджечь эти кровли и горечью дыма выкурить их из-под щитов или же там их и сжечь. Но это мало помогало, литва дралась под щитами и упорно долбила основание стены.

Тогда государевы бояре и воеводы приказали против того места, где они долбили, сверлить бойницы в деревянной и каменной стене и стрелять в них из ружей, колоть их копьями. Через просверленные отверстия лили на них кипящую смолу, бросали горящие просмоленные пасмы льна, метали в них разрывные кувшины с порохом.

Кому из литовских гайдуков удавалось найти надежное укрытие, те продолжали долбить стену, а над кем загоралась кровля или кого обжигали смолой, порохом, тот спасался бегством, не в силах терпеть мучений. Но их подстерегали проворные псковские стрельцы с долгими самопалами, они ни одному гайдуку не дали убежать, расстреливая их. А тех литовских долбежников, которые пробили глубокие ниши в основании стены и обходились уже без щитов, нельзя было достать ни

кипятком, ни смолой, ни поджогом. Для них придумали бояре и воеводы с мудрыми советниками такое приспособление. На шести велели навязать длинные кнуты, а на концы кнутов привязать железные палки с острыми крючьями. Когда, взмахнув этим кнутом со стены, ударяли подсекателей стены, острые крюки вонзались в одежду или в тело; как ястребиный клев выхватывает утенка из-под куста на заводи, так этими «батогами» выхватывали подсекателей из-под стены, а стрельцы, как белые кречеты, кидались на сладостную добычу, клевали их из ружей и ни единому литовцу спастись не давали.

Испытав такие мучения, несчастные литовские гайдуки, каменотесы и мастера осадного дела не стали слушать понуждения гордых своих панов и пошли в королевский стан, жалуюсь королю со слезами о насаде сердца своего:

— Лучше прикажи, государь наш, король Стефан, казнить нас тут же в стане твоём, но не вели всем до единого перебитым быть под стенами Псковского замка. Крепко бьются, на смерть стоят в схватках русские люди в Псковской крепости, очень мудрые у них начальники, и против всех наших замыслов находят они свою хитрость, никак перехитрить их мы не можем.

В глубину сердца королю запали эти слова самых надежных его гайдуков и мастеров, но он сказал им:

— Господа гайдуки, сделайте еще два или три приступа на город, и если мы не возьмем его сейчас, — будь по вашей воле: отведу я вас из землянок, сниму осаду крепости.

И приказал беспрестанно бить по стене из пушек с другого берега реки Великой, а в то же время и на приступ ходить. Пять дней вели непрерывный обстрел, и пять дней большие силы литовцев штурмовали город. Когда разрушили стену, что над рекой Великой, то 2 ноября на большой приступ литовцы пошли уже по льду. Метко стреляли псковичи, и безуспешен был приступ. Тогда гетманы и ротмистры прискакали с тыла подгонять гайдуков и стали рубить саблями отступающих. Но чуть кинулись они на штурм, псковские пушкарки уложили их всех, и гайдуков и ротмистров, — вымостили дорогу по льду их трупами. Так божьей милостью и в этот день спасен был великий город Псков.

Бояре и воеводы послали государю донесение из осажденной его вотчины, славного города Пскова, о первом большом приступе, о потерях убитыми и ранеными, и просили прислать помощь, чтобы отстоять город Псков от всех происков и натиска литовского короля. Благодарный царь и великий князь всей Руси Иван Васильевич, прочитав это, повелел Стрелецкому приказу послать псковской обороне подкрепление. Отправлен был стрелецкий голова Федор Мясоедов с царским указом,

и велено ему было со своим отрядом стрельцов пробиться сквозь литовскую силу в осажденный Псков.

Тот стрелецкий голова, Федор Мясоедов, желая выполнить царское повеление, преодолел своим мужеством страх перед литовскими силами; боясь царского гнева и надеясь на царскую милость, он пробился сквозь литовский заслон, не щадя жизни, и пришел во Псков цел и невредим со всеми своими людьми и обозом.

Когда узнали о приходе московского подкрепления государевы бояре и воеводы и все православное воинство во Пскове, все горячо благодарили бога и государя. А в литовских войсках это вызвало страх, и видели в том большое себе унижение, что не сумели уничтожить русский отряд, посланный на подмогу Пскову.

Тогда понял гордый король литовский, что никакими хитростями военного искусства не сможет он взять город Псков, и приказал ротмистрам с гайдуками отойти от города в лесные станы и все пушки и пищали снять со стенобитных тур. В день памяти преподобного отца нашего Варлаама Хутынского,* 6 ноября, в четвертом часу ночи вышли литовские осадные войска из землянок вокруг крепости и все осадные пушки и сооружения сняли и увезли.

Увидев это, государевы бояре и воеводы, наше воинство и все псковитяне благодарно восхваляли бога, надеясь, что скоро король и вовсе снимет осаду.

Но король стоял в дальних станах, раздумывал, как загладить позор своего безуспешного похода, как исполнить хоть малую долю хвастливых своих обещаний. За безмерную свою гордость он низко повержен; растратил свои богатства, а цели не достиг; бесчисленные свои войска в осаде истощил и уморил, а Пскова не одолел; от стыда и срама задыхался король.

А пока король литовский бесцельно медлил с войсками под Псковом, государь и великий князь Иван Васильевич послал воевод своих с войсками в Литовскую землю. Государевы воеводы в Литовской земле захватили многие города и вернулись невредимы с богатой добычей и пленными. Еще больше забот стало у литовского короля под Псковом.

Как раз в это вот время приехал в королевский стан легат папы римского, протопоп его же лютерской веры, Антоний Посевин.* Король ему очень обрадовался; рассказал ему, как ближнему советнику, обо всех неудачах похода и просил помочь избавиться от позора и стыда. Они обсудили вместе, как начать переговоры о мире с нашим государем.

О, премудрость и милость божия! — гордых усмиряет господь, а смиренных возвышает. Раньше литовский король отвечал послам нашего государя: «О мире с русским царем и мысли не допускаю!» А теперь сам хлопочет, как бы добиться мира с

ним. С радостью подготовил король послание и отправил гонцов к государю, царю и великому князю, чтобы встретились послы для мирных переговоров. А протопоп Антоний, исполненный лукавства Ихнилотова, * лъстивости разбойницы лисы, еще до отъезда послов является к государю, чтобы быть посредником при заключении мира, и объявляет себя как королю, так и государю посланником римского папы для их примирения.

Чтобы облегчить переговоры, по совету Антония король уехал из стана под Псковом в Литовскую землю 1 декабря того же 1582 (7090) года, в день памяти святого пророка Наума. А под Псковом оставил своего канцлера, польского гетмана, с войсками для продолжения осады, рассчитывая страхом долгой осады, голодом и всяческой нуждою вынудить город к сдаче. Такой наказ он оставил своему канцлеру, уезжая. Поляк-канцлер после этого похвалялся, что выстоит, пока не возьмет осажденный город.

Такова твоя мудрость, польский король, таковы твои безбожные умыслы, великий князь Литовский! Что же вышло из твоих затей, Стефан? За ветром ты гонишься, в морской пучине чей-то след ищешь или высоко парящего орла круги и взлеты угадываешь? Больно тебе стало против рогатины стоять. Если бог за нас, что ты можешь против нас? Всем теперь явно твое безумие, когда сам ты со всеми мудростями военной науки не взял города Пскова, а теперь, испытав великое унижение, уехал с позором из-под Пскова, слуге своему велишь взять его. О, глупость и неразумие! Голова с ногами совет держит, государь рабу свою честь уступает! Если бы кто-нибудь из твоих воевод, посланный под какой-нибудь город твоим повелением, не справился с делом, было бы не удивительно, но когда государь не одолел крепости, а холопу своему велит взять ее, это позор для тебя не только перед воеводами, но и перед простыми людьми, даже если б ты потом с этим справился. Да чем же ты хвалишься в нехристианской злобе своей: не своею силою ты побеждаешь, а бог за грехи карает нас. О завоевании царем римским Титом * Иерусалима сказано в летописании: «Не Тита бог возлюбил, а Иерусалим покарал». А ты хвастался до конца разорить все наше царство христианское. Как посмел ты дерзким языком изречь такую похвальбу: разорить христианское царство? Или хочешь сравняться с древним Юлианом Отступником? Сказано в книгах: «Нет народа под небесами, что мог бы одолеть царство христианское, посреди которого воздвигнута крепость креста, знаменующего все четыре конца вселенной — в ширину и долготу, в высоту и глубину. Никакая сила не упразднит силы креста, а чтущие его незыблемо охраняются самим Христом, давшим пригвоздить себя на кресте. А когда придет Антихрист, исчадие беззакония, сын погибели, и прекратится

всякое начало власти, тогда сын божий сам отдаст царство богу и отцу своему». О каком царстве здесь говорится? Ясно, что о христианском. Мы видим, что бог посылает всяческие казни на христианское царство за грехи людские; кого бог любит, того и наказывает, бьет сына, которого принимает. Говорится в писании, что с четырех сторон набросятся вражеские государства на христианское царство и не одолеют его. Как переплавленное золото, испытает христианский род всякие мучения, но претерпев до конца, — спасется! Сам Христос во святом евангелии сказал: «Когда придет сын человеческий, он увидит ослабление веры». Мы готовы умереть за Христову веру и на Христа надеемся, он избавит нас от посланных нам бед. Написано, что многие скорби суждены праведным людям, и от всех бед избавит их господь. Потерпи ради бога, и он возвысит тебя, как наследника земли. Но вернемся к рассказу о событиях.

Король литовский вернулся в свою землю, его канцлер-гетман с большими силами все еще осаждает Псков. Государевы бояре и воеводы через разные ворота делают вылазки во вражеские станы, войско литовское побивают и языков себе добывают. А к царю, государю и великому князю всей Руси Ивану Васильевичу, из Пскова посылают с грамотами гонцов, пишут обо всем, что происходит во Пскове, и о своей твердой надежде на бога, и о долгом бесплодном стоянии короля под Псковом, и об его отъезде со многими воеводами в свою столицу, и о продолжении осады канцлером короля, гетманом польским. И все гонцы с этими грамотами благополучно пробрались сквозь польские войска.

Получив добрые вести о славной победе Пскова над Литвою, о позорном бегстве короля, государь вместе с царевичами и царицами воздали благодарственные молитвы богу, пречистой богородице и всем святым. Царь повелел преосвященному митрополиту города Москвы и всем епископам и архиепископам по всем епархиям служить молебны.

А канцлер, гетман польский, с литовскими силами все еще стоял под городом Псковом, не смея к нему приблизиться и не думая больше о штурме, только держал его в окружении. Государевы бояре и воеводы решили потревожить осаждающих. Четвертого января снарядили они сильную вылазку из Больших ворот, отправив конные и пешие отряды. Эта вылазка нанесла тяжкий урон литовскому войску, захвачены были в плен многие знаменитые магнаты, убито было более восьмидесяти панов и захвачены важные языки. Это была последняя вылазка. А всего сделано было за осаду сорок шесть вылазок, а больших приступов на город было всего тридцать один.

Исполненный великой злобы и гордости, поляк-канцлер, видя внезапную гибель именитых и славных своих панов, впал в большую скорбь. И в отместку задумал злодейское покуше-

ние на государевых бояр и воевод, а особенно на князя Ивана Петровича Шуйского.

Девятого января пришел во Псков из литовского войска русский пленник и притащил на себе большой ларец. * Привели этого пленника к государевым боярам и воеводам, он передал им ларец и сказал, что велено ему вручить им еще и письмо от королевского придворного Ганса Мелера. А в письме было написано: «Одному государеву боярину и воеводе, князю Ивану Петровичу Шуйскому, Ганс Мелер челом бьет. Я бывал у вашего государя с немчином Юрьем Фрэнбреком. * Теперь вспомнил я хлеб-соль вашего государя и не хочу против него воевать, хочу под его высокую руку от литовцев уйти. А вперед себя послал я с пленником свою казну в этом ларце. Ты бы, князь Иван Петрович, ларец мой у пленника взял, казну бы мою наедине осмотрел, а никому бы больше не давал смотреть. А я буду во Пскове в скором времени».

Государев боярин и воевода, князь Иван Петрович Шуйский, прочитав эту грамоту, посоветовался с товарищами и решил, что этот ларец с обманом. Поэтому вызвал он мастера искусного ларцы открывать и приказал ларец тот подальше из его воеводской избы вынести и отпереть со всяческой хитростью и осторожностью.

Мастер вскрыл ларец и увидел его смертельно опасное устройство: в нем заложены были двадцать четыре заряженных самопала, обращенных стволами во все стороны, а поверх них всыпано с пуд пороху, а заводной замок соединен с крышкой ларца ремешком так, что чуть крышку поднять, замок спускает все взведенные самопальные курки, зажигает порох и взрывает ларец.

Такое покушение подготовил злоумышленник канцлер на боярина и воеводу великого князя Ивана Петровича Шуйского за его праведную службу, за непобедимое воеводство, за благоразумие и мудрость в делах против государевых недругов, против всех козней короля, за то, что лишил славы канцлера, лишил гордости все литовское войско.

Что же сказать о твоей безумной гордости, глупый канцлер, и о твоей бессовестной затее? Задумал ты дело выше своего разума, умысел — выше божьей воли. Кого бог хранит, того и вся вселенная не может убить, а кого бог оставит, того и вся вселенная не может укрыть. Сказано, что праведный будет жить, а вместо него погибнет нечестивец. Христос сказал в Евангелии ученикам, а вместе с ними и всем нам, истинно верующим в него: «Даю вам власть наступать на змею, и на скорпиона, и на всякую силу дьяволову, и ничто не повредит вам». И мы, возлагая на себя крестное знамение, печать Христову, не боимся ваших бесовских ухищрений.

В троице славимый бог и богородица спасли боярина и вое-

воду князя Ивана Петровича Шуйского с товарищами от этого смертоносного покушения, не пострадал даже тот, кто ларец открывал.

А через несколько дней, 17 января, увидели псковитяне, что с южной стороны, от церкви Нерукотворного образа и со стороны поля, где польский канцлер, литовский воевода, станом стоял, показались конные и пешие полки литовские, приближаясь к городу. Государевы бояре и воеводы подумали, что литовские войска еще раз идут на приступ, и вышли на стены со всем своим воинством, готовясь к бою. Но потом разглядели, что литовские полки остановились, а один всадник отделился и скачет к городу. Когда он подскакал, увидели, что это русский, царя Ивана Васильевича сын боярский, по имени Александр Хрущов. Впустили его в город, и передал он боярам и воеводам грамоты от царских послов. Это была первая весть во Псков, что государевы послы по царскому приказу с послами польского короля заключили мир. *

Так по неизреченному милосердию пребезначальной троицы и помощницы нашей, заступницы всего рода христианского богородицы и вечной девы Марии, заступничеством небесных сил, молитвами великих чудотворцев и основательницы Пскова, зачинательницы христианства на Руси — великой княгини Ольги, * и правнука ее, великого князя Гавриила-Всеволода, и преподобного отца нашего Евфросина, * псковских чудотворцев, и молитвами всех святых избавил вотчину свою, город Псков, и всех, находившихся в нем, от литовского короля и от всего его войска — неведомо какими судьбами — благоверный и христоробивый государь наш, царь и великий князь всей Руси Иван Васильевич.

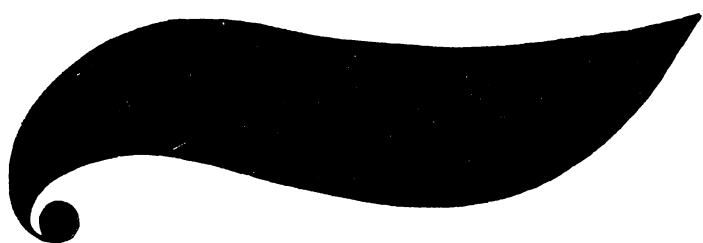
Потом 4 февраля польский гетман и канцлер со всеми своими войсками ушел от Пскова в Литовскую землю. Тогда только открылись, наконец, заделанные по-осадному ворота Пскова, и этим хочу я закончить свою повесть.

Написана эта повесть в том же богохранимом городе Пскове, жителем города, иконописцем, а имя его складывается так: единица дважды, да единица, пятьдесят дважды, да дважды четыре, да трижды десять и дважды четыре, а на конце десять, и всего семь букв [В а с и л и й *].

Не осуждайте меня, грешного, за все недостатки, но исправляйте совершенством своей учености, ведь сказано:

«Друг для друга возьмите на себя тяготы, — так вы исполните закон Христов».

Слава творцу и вседержителю, кому поклоняемся в троице, кого славим вместе с сыном и святым духом, кого воспевают вышние ангелы, а на земле люди, кому поклоняется всякая тварь, безначальному отцу с едиnorodным сыном и животворящим святым духом — сейчас, из века и во веки веков. Аминь.

В книге «Русская повесть XV — начала XVI веков» даются тексты лучших оригинальных повестей времени образования централизованного Русского государства, когда местные областные центры постепенно теряли свое самостоятельное политическое значение, окончательно уступая его Москве. В развитии повести этот период сказался наличием двух видов повестей — областных и собственно московских, различавшихся между собою своими основными тенденциями. И позже повести, возникшие на окраинах Русского государства, еще долгое время несли в себе рудименты областных интересов, краевой изолированности, местных обычаев и нравов. Повести же собственно московские обычно отражали передовые идеи своего времени, общенациональные интересы и определенные этапы в развитии культуры всего русского народа. Но такая характеристика областных и собственно московских повестей верна только в самом общем виде, только применительно к древнерусской повести XV — начала XVI века, взятой в целом. Отдельные областные повести в это время также не чужды московской идеологии.

Весьма различные по своей тематике, кругу идей и настроений и уровню понимания своей эпохи или событий прошлого, и те и другие повести всегда в большей или меньшей мере «историчны», близки окружающей жизни, быту.

В каждой из них чувствуется дыхание времени. Все они принадлежат тому периоду в историческом развитии древней Руси, когда изживалась феодальная раздробленность, формировалась русская народность. Тематика их теснейшим образом связана именно с этим периодом.

Это особенно следует сказать о повестях, которые ставят своей целью дать художественное изображение тех или иных исторических событий, например о «Задонщине», «Сказании о Мамаевом побоище», «Повести о московском взятии от царя Тохтамыша» и др.

Но и те из них, которые разрабатывают, условно говоря, «личную» тему, говорят об обыкновенном рядовом человеке, никогда не сужают эту тему до вопросов личного успеха или самосовершенствования героев, до их личных взаимоотношений

и пр. Всегда, а не только в виде исключения, они разворачивают свое повествование на более или менее широком историко-бытовом фоне, изображают конфликты общественного, а не личного значения и т. п. В художественном воспроизведении окружающей действительности их идейно-эстетическое значение и смысл. И то обстоятельство, что в своем содержании они, как правило, касаются событий исторического прошлого Руси, не меняет принципиальной стороны дела. Они принадлежат своему времени. И когда в них речь идет о прошлом, то прошлое освещается и оценивается с точки зрения представлений, сложившихся в новой, современной им, исторической обстановке. Их идеи объективно отражают новый политический порядок. Так, например, на первый взгляд может показаться, что «Повесть о Петре, царевице ордынском» оторвана от современности. В ней идет речь о легендарном основателе Петровского монастыря, выходеце из Орды, время жизни которого повесть относит ко второй половине XIII века. Но всем своим идейным содержанием повесть связана с последней четвертью XV века. Самое ее возникновение вызвано конкретным историческим событием — полным прекращением самостоятельности Ростовского княжества после 1474 года. Как известно, именно это обстоятельство послужило толчком к оформлению в повесть местной легенды о царевице Петре. Автор повести стал на защиту культа Петра — местной святыни Ростова. В то же время новые понятия о характере княжеской власти дали возможность автору критически оценить поступки и деятельность местных ростовских князей XIII—XIV веков. Его симпатии не на их стороне. Также связаны с современностью и «Повесть о Меркурии Смоленском» и «Повесть о Тимофее Владимирском». Даже «Повесть о царице Динаре», внешне не связанная с жизнью древней Руси, не случайность в русской исторической обстановке конца XV—начала XVI века. Она явилась одним из откликов на возникший в русском обществе этого времени вопрос о природе княжеской власти, об идеале сильного и мудрого князя. Не в меньшей мере связана с самым концом XV века и крупнейшая повесть этого времени — «Повесть о Петре и Февронии», действие которой отнесено к началу XIV века. И хотя автор повести в образах муромских князя и княгини воскрешал далекое прошлое своего княжества, политической мысли его уже была доступна московская идея сильной княжеской власти, и литературному мастерству его — новые веяния. Это новое сказалось здесь, кроме попытки в художественных образах выразить новый идеал сильной княжеской власти, в стремлении показать борьбу общественных сил, создать широкий историко-бытовой фон повествования. И главное — это сквозь ткань традиционного стиля просвечивающая новаторская манера повествования, охва-

тывающая и композицию произведения, и его образную систему, и приемы эстетической оценки изображаемого.

Таким образом, беря повесть XV — начала XVI века в целом, можно сказать, что во всех случаях не литературная традиция — традиционные литературные сюжеты, мотивы, образы, поэтические формулы и пр. — определяет своеобразие повести. Это своеобразие создается в конкретной обстановке классовой борьбы в определенное время, и требования жизни обуславливают собою ту или иную функцию, то или иное место в повествовательном произведении самих элементов литературной традиции.

Древнерусская повесть в XV — начале XVI века еще не была осознана книжником как особый жанр. Ее образцы не связаны между собою преемственностью в развитии. В том случае, когда они не восходят к произведениям фольклорного происхождения, они, часто весьма неожиданно, как бы «откалываются, отпочковываются» от других, уже вполне определившихся в литературе древней Руси жанров. Повести исторического характера — «Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша», «Повесть о Темир-Аксаке», «Сказание о Мамаевом побоище» и др. — выросли на богатой летописной почве древней Руси. Часть сюжетных повестей этого времени связана отношениями генезиса с житийной литературой, оригинальной или переводной. Генетические нити от других повестей тянутся в иных направлениях. «Повесть о Петре и Февронии» явно идет от эпической песни и сказки и по замыслу ее автора является историческим повествованием о счастливом прошлом его княжества. «Повесть о Петре, царевиче ордынском» сложилась на основе русской легенды об ордынце — основателе монастыря или церкви — и была в свое время не чем иным, как выражением запоздалого протеста ростовских «сепаратистов» против московской политики централизации. Образование повести о Басарге (фольклорной по своим мотивам) стоит в теснейшей связи с расцветом московской публицистики конца XV — начала XVI века. Произведения типа повести о Динаре — результат влияний нескольких жанров: исторического повествования, дипломатических речей, публицистики и отчасти агиографии.

Таким образом, возникновение повести как литературного жанра, все перипетии его развития и даже литературную историю отдельных повестей можно понять только при учете взаимосвязей этого жанра с другими жанрами древнерусской литературы. Историческое повествование, агиография и публицистика, возникнув значительно раньше первых зачатков светской повести, занимали в древнерусской литературе господствующие позиции. Все, что отклонялось по содержанию и форме от них, — а отклонения неизбежно происходили, и ряд древнерусских повестей — одно из ценнейших из этих отклонений, — или

быстро скрывалось с поверхности официальной «большой» литературы, или приспособлялось к ее ведущим жанрам, с трудом и постепенно завоевывая себе право на жизнь. Биография превращалась в житие; легенда — в историческое или политическое сказание; сказочно-легендарная повесть становилась на службу публицистике и т. п. Жанрово-индивидуальные черты нивелировались, новые виды «типизировались» под формы устойчивые, уже завоевавшие себе прочное место в литературе. Эта своеобразная «борьба» между устойчивыми жанрами и новыми повествовательными видами с особой силой, в каждую историческую эпоху по-новому, отражалась на судьбах оригинальной русской повести. На ее долю выпал особенно трудный и болезненный рост. В ряде повестей ярко выраженные черты нового жанра в последующих редакциях сглаживались под напором литературной традиции и вследствие других причин. Явление это чаще всего объясняется переходом повествовательного произведения в новую социальную среду, равнодушную к оригинальному творческому замыслу его автора и улавливающую в новом произведении только элементы традиции. В духе этой традиции в таком случае обычно и перерабатывается все произведение в целом или же вносятся в него частичные поправки и дополнения. Так, например, «Повесть о Петре и Февронии», возникшая в конце XV века, уже в XVI веке перерабатывается Ермолаем-Еразмом в житие. Житиями становятся поздние редакции «Повести о Петре, царевиче ордынском». Даже «Повесть о купце Дмитриии Басарге и о сыне его Борзосмысле» в поздних редакциях начинается обращением: «Благослови, отче». Таким образом, *клерикальный характер ряда повестей — не исконное, а вторичное явление*. Он объясняется приспособлением светских повестей к нуждам религиозного культа, что с такой бесспорностью обнаруживается в литературной судьбе ряда повестей XV — начала XVI века. На всем пути своей литературной жизни отдельные повести все время отклонялись в сторону ранее определившихся жанров. Этим объясняется столь настойчивое наименование одной и той же повести в ее различных редакциях или даже списках и «житием», и «чюдом», и «словом», и «сказанием», и «историей». Борьба прогрессивной и консервативной мысли, светского и клерикального начала характерна как для процесса возникновения, так и для литературной истории повести XV — начала XVI века. Подлинное жанровое своеобразие ряда повестей древней Руси обнаруживается только в результате изучения их, когда путем текстологического анализа снимаются с них позднейшие напластования.

Для повести XV — начала XVI века характерны прочные связи не только с другими литературными жанрами, но и с национальным фольклором. Круг фактов, свидетельствующих

о связи повести этого времени с русским фольклором, очень широк. Одни из этих фактов объясняют *генезис* ряда повестей («Повесть о Петре, царевиче ордынском», «Повесть о Меркурии Смоленском», «Повесть о Петре и Февронии Муромских»); другие характеризуют литературную судьбу тех повестей, которые сближаются с фольклором только в своей дальнейшей литературной жизни, в своих последующих редакциях («Сказание о Мамаевом побоище», отчасти — повесть о Басарге и др.). Большинство повестей этого времени в своем сюжетосложении обычно обнаруживает *непосредственное* соприкосновение с русской устной легендой, русской сказкой, эпической песней и другими национальными устно-поэтическими произведениями. Было бы ошибочным ограничивать связь повести с фольклором только «заимствованием» или говорить об «усвоении» материала, пусть даже самого разнообразного: сюжетов, мотивов, образов, поэтической фразеологии и т. п. В данном случае это хотя и очень важная, но не самая характерная особенность родственных отношений повести и народно-поэтического творчества. Самое замечательное в этих отношениях — это процесс постепенного перехода самостоятельных, вполне законченных народно-поэтических произведений в повествовательные литературные произведения, — процесс, свидетельствующий о глубокой *народности* древнерусской оригинальной повести по самому ее происхождению. Говоря об «усвоении» или «выборе» сюжета автором повести, необходимо помнить, что в эти понятия нельзя вкладывать современного нам понимания, основанного на изучении истории повести нового времени. Процесс образования древнерусской повести обычно протекал иначе. В своих типичных формах он полнее всего раскрывается на *истории сюжета* «Повести о Петре и Февронии». Здесь легко констатировать движение от сказки и эпической песни через народную легенду к литературной повести. Подобно «Повести о Петре и Февронии», почти каждая древнерусская повесть имеет свою более или менее длительную *праисторию*, глубоко уходящую в фольклор. В ряде случаев повесть в далеком прошлом — народная сказка, народно-эпическая песня, сказание или легенда и т. п. Но еще в устной традиции народно-поэтический сюжет обрастает бытовыми и историческими деталями; фабула конкретизируется, теряя свой общеэпический вид; действие связывается с определенными именами и ставится в более или менее резко очерченные географические или исторические границы. Не сюжетную схему народно-поэтического произведения заимствует из устной традиции — из народно-эпической среды — древнерусский книжник, а цельное, законченное сказание, уже прошедшее ряд предварительных стадий в своем развитии. Он усваивает ему название повести (от «поведати», «поведаю») и придает новый,

литературный облик. При этом сплошь и рядом меняется трактовка темы произведения, обогащается его фабула историческим и бытовым материалом, новое значение приобретает его идейный смысл и т. п.

Художественный язык повестей — это язык образов. Авторы редко формулируют свои идеи; обычно они выражают их через художественные образы. Повести этого времени создали богатый и сложный мир образов: образов — схематичных, условных, статичных; образов — носителей только определенных человеческих качеств; образов — символов. И наряду с этим некоторые из авторов повестей поднимаются до хорошо разработанной системы образов, обуславливающей основной конфликт действия; рисуют героев в их индивидуальном своеобразии, в динамике. И литература предшествующих периодов, и многовековой художественный опыт национального фольклора учили авторов повестей этому искусству. Но такой пример, как «Повесть о Петре и Февронии», при сравнении которой с ее бесспорными источниками можно восстановить сам процесс создания образов героев и героини, единичен. На этом примере мы вочию видим, что художественный опыт устной народной поэзии действительно дал автору повести материал и подсказал путь художественного обобщения при создании образов Февронии и Петра. Автор «Повести о Меркурии Смоленском» также обязан народно-поэтической традиции, хотя в данном случае контакт с агиографией и привел к снижению образа героя. Но в большинстве случаев мы в недоумении, как перед загадкой, стоим перед мастерски созданным писателем образом. «Повесть о Петре, царевиче ордынском», «Повесть о Луке Колочском», «Повесть о Тимофее Владимирском» создают эти загадки. Развитие фабулы этих повестей определяется основными особенностями характеров героев, которые очерчены с исключительным мастерством. Где и у кого учились авторы повестей этому искусству?

Авторы сюжетных повестей мастерски владеют искусством сюжетного рассказа. Рассказ всегда логически последовательно и художественно оправданно членится на несколько частей, каждая из которых обычно в свою очередь состоит из нескольких эпизодов. Как правило, писатель стремится исчерпать до конца содержание каждого эпизода, чтобы потом уже к нему не возвращаться. Хронологический принцип разворачивания сюжета — это пока единственный принцип, который знает повесть. Мастерство диалога — это одна из высокоразвитых форм речевой организации сюжетных повестей. Диалог не только управляет динамикой повествования или дорисовывает образы героев, как, например, в сцене покупки земли в «Повести о Петре, царевиче ордынском», но иногда — как в «Повести о царице Динаре» — определяет собою всю композицию произведения.

ЗАДОНЩИНА

В 1223 году недалеко от Азовского моря, на реке Калке, произошло первое столкновение русских с татарами, окончившееся жестоким поражением русских войск. А через четырнадцать лет, в 1237 году, татары во главе с Батыем двинулись на Русь. Огню и мечу предали победители большинство русских княжеств. Несмотря на мужественное сопротивление, Русская земля, залитая кровью, пылающая в огне пожарищ, вынуждена была подчиниться грозным завоевателям и в течение нескольких столетий нести на себе бремя татарского ига, вся тяжесть которого легла на плечи трудового народа.

Однако русский народ не был покорён, древняя Русь не прекратила своего существования как определенная государственная формация феодальных княжеств. Экономическое развитие феодальных княжеств ведет к образованию централизованного государства. На Руси этот процесс ускорялся обороной страны от внешнего врага, то есть борьбой Руси с татарским игом — борьбой, которая началась с первых же дней завоевания страны татарами и, не прекращаясь, с годами возрастала все больше и больше. Наиболее ярким эпизодом этой борьбы, имевшим огромное значение в истории развития нашей страны, было Мамаево побоище. Событие это произошло в княжение Дмитрия Донского, в 1380 году.

Период княжения Дмитрия Донского ознаменовался дальнейшим усилением Московского княжества, выдвижением его на первое место среди остальных русских княжеств. Внутренняя и внешняя политика Московского княжества в этот период была направлена на продолжение постепенного объединения разрозненных русских княжеств вокруг Москвы.

Золотоордынский хан Мамай сознавал опасность усиления Московского княжества для Золотой Орды. Стремясь ослабить это усиление, он в 1378 году предпринимает поход на Москву.

Силами Мамая в этом походе руководил Бегич, русскими — Дмитрий Донской. Битва произошла на реке Воже и окончилась поражением татар.

После поражения на Воже Мамай начал готовить новый большой поход против Москвы. Он собрал большую армию, в которую, помимо татар, вошли многочисленные наемные войска. Очевидно, в Москве стало известно о готовящемся походе Мамая, и Дмитрий начал собирать русские силы. Ему удалось сплотить вокруг Москвы почти все русские княжества: помимо княжеств, вассальных Москве (Серпуховское, Бело-зерское, Переяславское, Костромское, Владимирское, Дмитровское, Галицкое, Угличское, Можайское), на стороне московского князя выступили княжества Ростовское, Нижегородское, Суздальское, Смоленское, Ярославское, Моложское, Кашинское, Брянское; пришли на помощь Москве и новгородцы и псковичи. В этом единении вокруг Москвы большинства русских княжеств и была сила Дмитрия Донского — поход против Мамая приобретал общерусский, общенародный характер.

В союзе с Мамаем против Дмитрия выступил литовский князь Ягайло Ольгердович и князь постоянно соперничающего с Москвой княжества Рязанского Олег. Союзники Мамая должны были при вступлении татарских войск в пределы Русской земли соединиться с ним и идти к Московскому княжеству.

Сборным пунктом всех русских сил была назначена Коломна, откуда 20 августа 1380 года русское войско, переправившись через Оку в месте впадения в нее реки Лопасни, пошло на юг, к истокам реки Дона. При подходе войск к Дону в районе впадения в Дон реки Непрядвы состоялся военный совет, на котором было решено переправиться через Дон. С точки зрения военной тактики выбор Куликова поля местом битвы в значительной мере способствовал успешному для русского войска исходу сражения. Основные силы Дмитрия расположились по южному берегу реки Непрядвы, имея эту реку в своем тылу. На восток от расположения основных сил был отправлен в сторону Дона, в лес, резервный полк под командованием серпуховского князя Владимира Андреевича, двоюродного брата Дмитрия Донского, и московского воеводы Боброка-Волынского. Татары расположились в южной части Куликова поля, имея в своем тылу наиболее высокую точку данной местности — Красный Холм.

Кровопролитная битва началась утром 8 сентября. В ходе боя татары стали одолевать русских и прижали их к Непрядве. Когда победа, казалось, почти уже была на их стороне, в правый фланг татарских полков ударили свежие силы засадного полка. Это решило исход боя: татары были разбиты и обратились в бегство. Победа досталась русским тяжелой ценой: по-

тери были чрезвычайно велики. Ягайло, узнав о поражении Мамай, ушел от Одоева, где он остановился со своим войском, в Литву. Олег Рязанский бежал из своего княжества в Литву. Мамай, вернувшись в Орду, снова собрал силы и хотел опять пойти на Московское княжество, но в это время из-за реки Яика пришел хан Тохтамыш. На Калке между ними произошла битва, в результате которой Мамай потерпел поражение. В Орде воцарился Тохтамыш.

Битва на Куликовом поле, явившаяся началом освобождения Русской земли от татарского ига, вызвала к себе неослабевающий интерес как в ближайшие годы после нее, так и в последующие десятилетия. Ни одному историческому событию древней Руси не было посвящено такого количества литературных памятников, как Мамаеву побоищу.

Вскоре после битвы на Куликовом поле была написана «Летописная повесть» о Мамаевом побоище. Этот рассказ о победе над Мамаем ярко окрашен непосредственными, свежими впечатлениями от описываемых в нем событий. Особенно характерна в этом отношении оценка, которую она дает князю — изменнику Олегу Рязанскому. Автор «Летописной повести» называет Олега Святополком, душегубивым, лихоемцем, Иудой, кровопийцем и т. п. Это произведение Куликовского цикла проникнуто идеей предопределенности: победа над Мамаем и роль в этой победе великого князя Московского объясняется в ней предначертанием «божественной воли». В соответствии с этой тенденцией в «Летописной повести» исход боя решается не умелыми действиями полководца и мужеством русских воинов, а появлением на поле брани полков «святых», которые с неба поражают татар и обращают их в бегство.

Также вскоре после Куликовской битвы было создано наиболее поэтическое произведение Куликовского цикла — «Задонщина». Под таким названием это произведение встречается в самом раннем из дошедших до нас списков, Кирилло-Белозерском (70-х годов XV века), где оно озаглавлено: «Писание Софония старца рязанца, благослови отче. Задонщина великого князя господина Димитрия Ивановича и брата его князя Володимера Андреевича». В других списках оно озаглавлено иначе: «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче. Писание Софония старца рязанца». Только из заглавия мы и знаем имя автора «Задонщины» — Софоний рязанец, но более подробных, достоверных сведений о том, кто такой был Софоний рязанец, у нас нет. До нашего времени дошло шесть списков «Задонщины», из которых самый ранний список (список XV века) сохранился в отрывке, и текст в нем сильно испорчен. Остальные списки «Задонщины» также дают явно испорченное чтение текста

памятника. Поэтому для составления верного представления о тексте этого произведения приходится на основе всех его списков создавать сводный его текст.

Первых исследователей «Задонщина» прежде всего интересовала своей близостью к наиболее замечательному произведению древнерусской литературы — «Слову о полку Игореве», созданному в 1187 году. Существование «Задонщины», литературного памятника, написанного в конце XIV века, в котором мы встречаем не только отдельные слова или фразы, восходящие к «Слову о полку Игореве», но и целые отрывки из него, с полной очевидностью свидетельствует о подлинности «Слова о полку Игореве». Но вместе с тем эта близость «Задонщины» к «Слову» служила причиной того, что многие исследователи «Задонщины» считали ее лишь рабским подражанием «Слову о полку Игореве» и не видели в ней художественной ценности оригинального произведения.

В исследованиях советских ученых вопрос о значении «Задонщины» в истории древнерусской литературы, объяснение зависимости этого памятника от «Слова о полку Игореве» получили наиболее полное истолкование.

Необходимо отметить полную идейную самостоятельность «Задонщины». Автор «Задонщины» шел в своем произведении прежде всего от события, которому этот памятник посвящен, от его высокой оценки, от понимания его исторической роли в жизни страны. Основной идейный смысл, пафос «Задонщины» — в прославлении Москвы и московского князя, в утверждении, что объединение всех русских князей вокруг московского князя привело к поражению татар.

Обращение же автора «Задонщины» к «Слову о полку Игореве» как к образцу для своего произведения не случайно и не является показателем литературного бессилия, беспомощности автора «Задонщины»: это обращение автора памятника конца XIV века к памятнику конца XII века обусловлено и исторической эпохой и внутренней близостью этих двух памятников. Период в русской культуре и идеологии после битвы на Куликовом поле характеризуется повышенным интересом к прошлому, к истории Русской земли: «Вся русская культура конца XIV — начала XV века пронизана духом историзма, духом любви к славному прошлому своей родины».¹ В связи с победой на Куликовом поле для Софония неизбежно вставал вопрос о татарах в историческом плане, потребность рассмотреть их значение в прошлом.

¹ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, М. — Л., 1945, стр. 70.

Автор «Задонщины» прекрасно уловил основной идейный смысл «Слова о полку Игореве» — призыв к единению русских князей перед опасностью со стороны внешнего врага. Зная историю своей родины, он видел, что событие, рассказанное в «Слове о полку Игореве», было одним из тех, которые привели Русь к поражению на Калке. Это поражение явилось одной из причин полуторакового господства над Русской землей татаро-монголов. И, взяв «Слово» за образец, автор «Задонщины» как бы сопоставлял самой формой произведения это событие с событием, воспетым в «Слове». Читатель, знавший «Слово», при чтении «Задонщины» невольно должен был сопоставлять эти два произведения, и ему яснее становилась их основная идея: если у князей «розно ся им хоботы пашут», как было во времена, воспетые «Словом», то страна будет терпеть поражения от врагов, а вот если все они объединятся под знаменем одного князя — великого князя Московского, — то тогда, как это и произошло на Куликовом поле, враг будет побежден. В этой идейной связи рассказа о битве на Каяле и рассказа о битве на Куликовом поле и нужно прежде всего видеть причину, побудившую автора «Задонщины» обратиться к «Слову о полку Игореве».

Софоний искусно пользуется «Словом о полку Игореве». Основываясь на глубоком изучении этого произведения, он привлекает нужные ему элементы для построения своей повести. Таким образом, «Задонщина» — памятник вполне самостоятельный и оригинальный. Автор «Задонщины» не просто берет поэтические образы из «Слова», а перерабатывает их. Когда Игорь в «Слове» выходит в поход, «солнце ему тьмою путь заступаше», а в «Задонщине», когда Дмитрий выходит из Москвы, «солнце ему ясно на востоцы сияет, путь поведает». В «Слове» — «Черна земля под копыты костьми была посеяна», в «Задонщине» — «Черна земля под копыты, костьми татарскими поля насаены» и т. д.

Близость «Слова о полку Игореве» к народному творчеству обусловила и широкое обращение автора «Задонщины» к приемам народно-поэтического творчества. Однако и в данном случае автор «Задонщины» не просто копирует «Слово», а по-своему использует эти приемы. Так, например, он значительно чаще и больше употребляет отрицательные сравнения («то ти не орли слеташася, съехалися все князи руския», «то ти, брате, не стук стучит, ни гром гремит, стучит сильная рать великого князя» и т. п.). Очень часто автор «Задонщины» пользуется эпитетами, взятыми из народной поэтики: «быстрая река», «чистое поле», «борзый конь», «черный ворон» и т. д.

В «Задонщине», так же как и в «Слове о полку Игореве», широко используются образы и сравнения, взятые автором

из мира окружающей его природы. В какой-то мере часть этих поэтических образов идет в «Задонщине» от «Слова о полку Игореве», но наряду с ними имеются и самостоятельные, встречаемые только в «Задонщине» образы: «О жаворонок птица, красных дней утеха, возлети под синии небеса...» «А уже соколы и кречати, белозерския ястребы рвахуся от златых колодец ис каменного града Москвы, возлетеша под синии небеса...».

Это своеобразное сочетание близости к «Слову о полку Игореве» наряду с вполне определенной и яркой оригинальностью «Задонщины» делают ее одним из интереснейших произведений древнерусской литературы.

«Задонщина» печатается по тексту, реконструированному по всем его спискам В. П. Адриановой-Перетц («Воинские повести древней Руси», М. — Л., изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 33—41. Серия «Литературные памятники»).

Стр. 9. *Дмитрий Иванович Донской* (1350—1389) — великий князь Московский, продолжал политику Ивана Калиты по собиранию вокруг Москвы русских княжеств.

Владимир Андреевич — двоюродный брат Дмитрия Донского, князь Серпуховский; был прозван Храбрым. Талантливый полководец. Впервые участвовал в военном походе с Дмитрием, когда великому князю было двенадцать лет, а ему девять. Руководил многими военными мероприятиями великого князя Московского. Умер в 1410 году.

Софоний. Автор «Задонщины» назван Софоний рязанец не только в самом тексте «Задонщины», но и в некоторых списках «Сказания о Мамаевом побоище». В одном из списков «Сказания», «Едомском летописце», Софоний рязанец назван иереем. Сведений о Софонии, помимо тех, которые мы можем извлечь из «Задонщины» и «Сказания», у нас больше нет. Хотя Софоний и называет себя рязанцем, однако в его произведении выражена общерусская точка зрения. Его рязанское происхождение обнаруживается только в том, что он ничего не говорит в «Задонщине» об измене Олега Рязанского.

Микула Васильевич — сын тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. Был женат на сестре великой княгини Евдокии — Марии.

...идет к нам в Залесскую землю. — Залесской землей назывались земли Владимиро-Суздальского княжества, а затем и Московского.

...жребия Афетова, сына Ноева... — По библейской легенде, во время «всемирного потоп», ниспосланного богом за грехи людей, спасся за свою праведную жизнь только Ной и его семейство в построенном Ноем ковчеге. С рассказа о разделении земли между сыновьями Ноя начинается «Повесть временных лет». Иафету достались северные и западные страны, таким образом Русь входила в пределы «жребия» Иафета. Хаму достался юг. Восток достался Симу; поэтому «жребий Симов» — восточные страны.

Стр. 9. ...на реке на Каяле одолеша род Афетов. — На реке Каяле Игорь, князь Новгород-Северский, потерпел поражение в битве с половцами в 1185 году. Но реки с названием «Каяла» нет. По всей видимости, Каяла — образное название, происшедшее от глагола «каяти» в значении — жалеть, оплакивать, то есть Каяла — река плача, река скорби. В «Задонщине» под Каялой подразумевается не Каяла «Слова о полку Игореве», а близкая ей по звучанию река Калка, на которой русские потерпели первое поражение от татар в 1223 г. Смысл всей фразы в «Задонщине» — восточные племена одолели на реке Каяле русских.

...от Калатъския рати... — т. е. от Калкской битвы, от битвы на реке Калке.

Стр. 10. ...великого князя Владимира Киевскаго. — Московские князья всячески подчеркивали свое происхождение от киевских князей, и именно от Владимира Киевского, который в 988 г. принял христианство и объявил христианство государственной религией. Умер в 1015 г.

Боян — имя певца, который создавал свои поэтические произведения задолго до появления «Слова о полку Игореве». Имя это упоминается лишь в «Слове о полку Игореве». Исходя из упоминания в «Слове о полку Игореве» князей, которым Боян пел славу, видно, что он жил во второй половине XI — начале XII в. Автор «Слова о полку Игореве» очень часто и с большим уважением упоминает имя своего предшественника, что говорит о большой популярности этого певца в древней Руси.

Игорь Рюрикович — киевский князь, княживший в Киеве с 912 по 945 г.

Ярослав Владимирович — сын Владимира Киевского, великий князь Киевский, севший на киевский стол после продолжительной борьбы со Святополком, захватившим княжеский стол сразу же после смерти Владимира. Княжил в Киеве с 1019 по 1054 г.

...в поле половецкое. — Как в летописях, так и в древнерусских литературных памятниках земли, занимаемые татарами, по аналогии с более древним периодом истории Руси, назывались половецким полем, а татары — половцами.

Трубы трубят на Коломне... — Коломна — сборный пункт войск Дмитрия Донского. Коломна упоминается в летописи с 1177 г. Город расположен юго-восточнее Москвы в 100 км на реке Коломенке, в месте ее впадения в Москву-реку. Важный опорный пункт в борьбе Московского княжества с татарами. Коломна входила в состав Рязанского княжества и к Москве была присоединена в 1301 г. По Оке, южнее Коломны, проходила граница между Московским и Рязанским княжествами.

Серпухов — укрепленный опорный пункт южной окраины Московского княжества. Расположен на реке Оке, западнее Коломны.

Звонят колоколы вечныя... — Вече — общее собрание новгородцев, на котором решались важные для жизни города вопросы, — собиралось по звону вечегово колокола.

Святая София — главный храм города. На площади около Софии, так же как и на торговой площади, собиралось новгородское вече.

Стр. 10. ...на рице на Мече. — Река Красивая Мечь — правый приток Дона.

Андрей и Дмитрий Ольгердовичи — сыновья великого князя Литовского Ольгерда, находившиеся на службе у великого князя Московского — Андрей с 1377 г., а Дмитрий с 1379 г. См. прим. к стр. 26.

...да Дмитрий Волинский — имеется в виду Дмитрий Боброк-Волинский. См. прим. к стр. 29.

Стр. 11. Сулица — копье, байдан (бадан, бодан) — кольчуга.

Непрядва — приток Дона, впадающий в него с запада; ограничивает с севера Куликово поле.

...на поле Куликове — см. прим. к стр. 31.

Руская земля... за Соломоном царем побывала. — Эта фраза «Задонщины» представляет собой испорченное прочтение восклицания «Слова о полку Игореве» — «О Русская земле! уже за шеломянем еси!» (О Русская земля! ты уже за холмом!). Очевидно, в первоначальном тексте было правильно «за шеломянем», а уже писцами сначала было искажено как «за соломьянем» (за проливом — в некоторых древнерусских памятниках и в диалектах «соломянем» называется залив, пролив), а еще позже «за соломьянем» было понято как «за Соломоном», и в таком виде это место дошло до нас.

Стр. 12. ...ударихася копьи харалужными... — В «Слове о полку Игореве» встречается фраза «мечи харалужные». Можно предполагать, что «харалужные» означает «булатные». В. Ф. Ржига предполагает, что «харалужный» произошло от узбекского слова «хараблик» — гибель, разрушение. В этом случае «харалужное» значит гибельное: копья, мечи, несущие гибель (См. В. Ф. Ржига. Восток в «Слове о полку Игореве». — Сборн. Гос. литературного музея «Слово о полку Игореве», М., 1947, стр. 169—189).

Стр. 12. ...кликнуло диво... — В «Слове о полку Игореве» — Див. Вопрос о том, что означает слово «Див» в «Задонщине» и в «Слове о полку Игореве», до настоящего времени не разрешен и вызывает самые спорные и разноречивые толкования. Большинство исследователей считают, что это какое-то мифическое существо, враждебное русским.

Кафа — теперешняя Феодосия.

Торнов — Тырнов, столица Болгарского царства.

Царыград — Константинополь, столица Византии.

Чернеца Пересвета — см. прим. к стр. 22.

...привели на судное место. — Судное место — место суда, место, на котором должен произойти «суд божий», т. е. место битвы.

Стр. 13. ...а чаду моему Якову... — В «Сказании о Мамаевом побоище» по некоторым редакциям в перечислении воинов, посланных «на сторожу», упоминается Яков Ослебятев. Очевидно, у Осляби был сын Яков, принимавший участие в Куликовской битве.

...Дон шелома вычерпати... — Пить шлемом из реки — значит завоевать ту местность, где эта река протекает.

Стр. 14. ...выхода... не прашивати. — Выход — дань.

СКАЗАНИЕ О МАМАЕВОМ ПОБОИЩЕ

Кроме «Летописной повести» о Куликовской битве и «Задонщины», Мамаеву побоищу посвящено еще одно произведение древнерусской литературы — «Сказание о Мамаевом побоище». Это наиболее интересное произведение Куликовского цикла, пользовавшееся большой популярностью у древнерусского читателя.

«Сказание о Мамаевом побоище», вероятнее всего, было написано в первой четверти XV века. Особый интерес к Куликовской битве в начале XV века объяснялся вновь обострившимися в это время взаимоотношениями с Ордой и, в частности, нашествием Едигея на Русь в 1408 году. Нашествие Едигея, успех которого объяснялся недостаточной сплоченностью и единодушием русских князей, пробуждает мысль о необходимости восстановить единение под руководством великого князя Московского для борьбы с внешним врагом. Эта мысль является основной в «Сказании о Мамаевом побоище». Автор «Сказания» хотел на примере событий 1380 года показать силу Москвы, великого князя Московского, подчеркнуть, что на первом месте, выше всех русских князей, стоит великий князь Московский, что именно он и Москва должны объединить русских князей и руководить ими. Эта задача автора определила яркую публицистичность «Сказания о Мамаевом побоище».

Главный герой «Сказания» — Дмитрий Донской. «Сказание» — это не только рассказ о Куликовской битве, но и произведение, посвященное восхвалению и возвеличиванию великого князя Московского, и в этом отношении оно почти сближается с памятниками житийного жанра. Эта «житийность» «Сказания» выступает с тем большей силой, что оно окрашено сильным религиозным колоритом. В церковно-религиозной окраске «Сказания о Мамаевом побоище» нужно видеть отражение определенного политического мировоззрения. В церковную форму

облекалась политическая мысль, политическая оценка явлений реальной жизни. Автор дает свою оценку поведения и поступков действующих лиц своего повествования, пользуясь для выражения своего отношения к фактам реальной жизни, к фактам историческим, формулами церковно-религиозных текстов, образами библейской истории. За церковно-религиозными фразами, цитатами нужно видеть оценку государственной деятельности того или иного действующего лица. Желая возвысить своего героя, задержать на нем внимание читателя, представить все действия и поступки князя Московского наиболее правильными, стремясь нарисовать идеальный образ великого князя Московского, автор «Сказания» пользуется религиозной трактовкой образа Дмитрия Донского, которая усиливает публицистичность «Сказания».

Но величие и сила князя Московского раскрыты не только в религиозном плане. Автор изображает Дмитрия мудрым и мужественным полководцем, подчеркивает его воинскую доблесть и отвагу. На примере поведения Дмитрия во время событий 1380 года автор «Сказания» показывает, что великий князь должен сам возглавить борьбу с врагом и находиться на поле сражения. В образе Дмитрия Донского показаны конкретные черты, которыми должен обладать великий князь Московский в представлении передовых людей эпохи, непосредственно предшествовавшей образованию Русского централизованного государства.

Все остальные образы произведения группируются вокруг Дмитрия Донского.

Отношения между великим князем Московским и другими русскими князьями, принявшими участие в борьбе с Мамаем на стороне Дмитрия, изображены в соответствии с характером этих отношений в начале XV века: Дмитрий Донской старший среди всех русских князей, все они — его верные вассалы, его младшие братья.

Время после Едигеева нашествия характеризуется усилением призывов к единению между русскими князьями для борьбы с «погаными». Единение между князьями, которое представляется автору «Сказания» идеальным и которому должны следовать все русские князья, показано в памятнике на примере отношений между Дмитрием Ивановичем и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем Серпуховским.

Владимир Андреевич, князь Серпуховский, показан неизменным спутником Дмитрия Донского — его имя постоянно упоминается рядом с именем великого князя Московского. Владимир Андреевич всюду показан как верный, безупречный вассал великого князя Московского, беспрекословно выполняющий все его повеления. Такое подчеркивание преданности и

любви князя Серпуховского к князю Московскому наглядно иллюстрировало вассальную преданность младшего князя князю старшему.

Верными вассалами, безусловно служащими великому князю Московскому, представлены в «Сказании» также и остальные русские князья, принявшие участие в походе Дмитрия. Автор изображает русских князей как единодушную группу, сплотившуюся вокруг великого князя Московского. Этим объясняется то, что индивидуально, за редким исключением, князья никак не характеризуются автором. Он или говорит о них всех: «Князи русские», «князи и воеводы», или же, как, например, в рассказе об уряжении полков, называет при перечислении имена князей.

В «Сказании» мы встречаем имя митрополита Киприана. Почему автор вводит его в число действующих лиц своего повествования, в то время как на самом деле Киприан никакого участия в событиях 1380 года не принимал и даже не находился в это время на Руси? Упоминание в «Сказании» в числе действующих лиц событий 1380 года митрополита Киприана, противоречащее исторической правде, отнюдь не является ошибкой автора. Автору «Сказания», поставившему своей целью на примере Дмитрия Донского показать идеальный образ великого князя Московского, совершенно необходимо было представить его поддерживающим прочный союз с митрополитом. Для феодального периода объединение княжеской и духовной власти было типичным. То княжество, в котором был стол великого князя и находилась митрополичья кафедра всяя Руси, было главенствующим среди всех остальных княжеств. И для того, чтобы подчеркнуть силу князя Московского, автор «Сказания» должен был показать тесный союз между князем и митрополитом, должен был показать, что все его поступки, все его действия были согласованы, одобрены митрополитом всяя Руси. В произведение художественное из публицистических соображений автор мог ввести в число действующих лиц и митрополита Киприана, как знаменитого в XV веке деятеля церкви, хотя это и противоречило исторической действительности. Примеры такого «вольного» обращения с фактами в художественных памятниках древнерусской литературы многочисленны.

Мамай, враг Русской земли, изображается автором «Сказания» в резко отрицательных тонах. Он полная противоположность Дмитрию Донскому: если за всеми поступками и делами Дмитрия стоит бог, то за Мамаем — дьявол: «От наваждения диавола воздвигется царь от восточных страны, именем Мамай... И начать подстрекати его диавол...» В отличие от Дмитрия Донского Мамай наделен непомерной гордостью и надменностью. Так же прямолинейно и непосредственно противопоставлены

русским воинам силы врага. На одной стороне все светлое и морально высокое, а на другой — темное, мрачное и отрицательное. Даже ночь накануне боя иная для русских, чем для татар: «Поистине бо рече пророк — ночь не светла неверным, а верным просвещена».

Изменники, присоединившиеся к Мамаю, противопоставляются Дмитрию Донскому не так прямолинейно, как Мамай. Отношение «Сказания о Мамаевом побоище» к Олегу Рязанскому отличается от той оценки этого князя, которую ему дает «Летописная повесть». В «Сказании» мы не видим столь резкого и гневного осуждения князя Рязанского, как в «Летописной повести». Измена князя Рязанского затрагивает и волнует автора «Сказания» уже не столько с точки зрения реального факта, как это имело место у автора «Летописной повести», сколько как пример нарушения вассальной верности великому князю Московскому. Автор «Сказания» усиленно подчеркивает недальновидность князя Рязанского, показывает, что Олег Рязанский просчитался, в результате чего пострадало и его княжество.

В образе Олега Рязанского автор показывает, что защита только местных интересов толкает к измене общерусскому делу, приводит русского православного князя к тому, что он выступает против православной веры. Такое изображение князя Рязанского в «Сказании» обусловлено всем идейным смыслом этого произведения, призывом к единению князей, к полному подчинению великому князю Московскому. Идти против князя Московского — значит идти против всей Русской земли, против христианства.

Вторым союзником Мамаю назван в «Сказании» литовский князь Ольгерд. На самом же деле союзником Мамаю в походе против Дмитрия Донского был Ягайло, сын Ольгерда. Ольгерд же никак не мог принимать участия в событиях 1380 года — он умер в 1377 году.

Перед нами, как и в случае с митрополитом Киприаном, не ошибка автора «Сказания», а вполне сознательный литературный прием, обусловленный художественной спецификой «Сказания о Мамаевом побоище». Для русского человека конца XIV — начала XV века, а особенно для москвича, имя Ольгерда было связано с воспоминаниями о его походах на Московское княжество. Ольгерд был опасным противником московского князя, его набеги на Москву и опустошения, причиняемые им Русской земле, делали это имя ненавистным на Руси, а особенно в Москве и Московском княжестве. Ягайло же ни разу не воевал против московского князя. Поэтому для усиления публицистичности своего произведения, для усиления его художественного воздействия на читателя автор «Сказания», как и в

примере с Киприаном, вопреки исторической действительности делает союзником Мамая Ольгерда. Этим автор «Сказания» особенно ярко подчеркивал силу и мощь московского князя. И татары, которые угнетали и подавляли Русь с злополучного года битвы на Калке, и литовский князь, который дважды угрожал Москве и нанес столько бедствий ее жителям, на этот раз, когда с московским князем объединились почти все остальные русские князья и биться вышел весь народ, потерпели поражение.

Автор «Сказания» поставил своей целью изобразить в первую очередь и главным образом великого князя Московского и русских князей, что обуславливалось публицистической заостренностью его произведения, но он не забыл и о главном герое эпопеи 1380 года — о русских воинах. Русское войско рисуется автором как единая, сплоченная, грозная сила. В картинах, описывающих русское войско и битву, автор достигает наибольшей поэтичности и красочности. Наряду с общими характеристиками всего войска в целом, он отмечает и имена отдельных, наиболее замечательных, чем-либо отличившихся простых воинов: здесь и имя бывшего разбойника Фомы Хацыбеева, который вместе со всеми пошел на борьбу с татарами, и перечисление состава сторож, и, наконец, сохранившееся в Забелинском варианте основной редакции перечисление «самовидцев» великого князя — Юрка Сапожник, Васюк Сухоборец, Сенька Быков, Гридя Хрулец. Академик М. Н. Тихомиров, открывший этот список «Сказания», пишет: «Перед нами имена безвестных героев Куликовской битвы, а в их числе ремесленник — сапожник. Нельзя лучше представить себе всенародность ополчения, бывшего с татарами на Куликовском поле, чем назвав эти имена».¹

Автор «Сказания» широко использовал в своем произведении изобразительные средства «Задонщины». Обращение автора «Сказания» к «Задонщине» объясняется прежде всего совпадением основной идеи этих двух памятников — стремление показать силу объединения всех князей русских под главенством великого князя Московского. Эта идейная близость между «Сказанием» и «Задонщиной» определила совпадение между обоими памятниками и в более мелких деталях. Наконец, этому сближению способствовала художественная специфика того и другого произведения. Вставки в «Сказание» из «Задонщины» были сделаны автором очень умело и являются не простым переписыванием текста, а его переработкой в соответствии с основным идейным содержанием и художественными особенностями

¹ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV вв.), М., 1947, стр. 207.

«Сказания о Мамаевом побоище». Например, используя образы «Задонщины» в картине выезда русских воинов из Москвы, автор «Сказания» соответственно основной идее своего произведения меняет сюжетное построение заимствованного из «Задонщины» эпизода. В «Задонщине» на первом месте в этом описании поставлены белозерские князья, и автор воспекает их мужество и доблесть, а затем уже говорит о великом князе Московском. «Сказание о Мамаевом побоище», значительно сильнее, чем «Задонщина», прославляя и восхваляя великого князя Московского, на первое место ставит великого князя Московского и московских воинов, а потом уже говорит о белозерских. «Сказание» не ограничивается вставками в свой текст отрывков из «Задонщины». Автор «Сказания» свободно пользуется отдельными словами, фразами, образами этого поэтического памятника древнерусской литературы. Связь между ними не ограничилась односторонним воздействием «Задонщины» на «Сказание»: в поздних списках «Задонщины» мы встречаемся с такими местами, которые явно проникли в нее из «Сказания о Мамаевом побоище».

Поэтической выразительности, красочности своего произведения автор «Сказания о Мамаевом побоище» достигает использованием не только поэтических образов «Задонщины», но и применением изобразительных средств устного народного творчества.

Героический характер события, изображенного в «Сказании», обусловил обращение автора его к устным преданиям и легендам о битве на Куликовом поле. Это обращение к фольклорным рассказам о Мамаевом побоище объясняется и тем, что автор «Сказания» стремился как можно полнее осветить все события на Куликовом поле и пользовался для этого материалом и устных преданий. К устным рассказам о событиях 1380 года, вероятнее всего, восходят такие эпизоды «Сказания», как рассказ о единоборстве Пересвета с татарским богатырем, рассказ об испытании примет Дмитрием Волынцем, картина проводов русских воинов из Москвы, рассказ о переодевании великого князя и о поисках его среди убитых. Особенно ярко и сильно сказалось воздействие на автора «Сказания» устного народного эпического творчества в тех местах произведения, которые посвящены описанию русского войска, картинам природы. Русских воинов он постоянно сравнивает с соколами, русские побивают татар, словно траву косят: «И поскочиша из дубравы зеленая, аки ясныя соколы от златых колодиц на жаравлиное стадо, тако сии витязи, направлены на бой з добрым воеводою, приидоша аки на овчие стадо и начаша поганых сещи, аки трава от косы постилаются». Очень часто пользуется автор традиционным образом народной поэзии — «битва-пир». Многие

образы народно-поэтического устного творчества подверглись в «Сказании» книжной обработке, но, несмотря на это, за книжностью все же обнаруживается эпическая основа. Несмотря на то, что плач великой княгини в «Сказании» дан в форме молитвы, в основе его лежит устная народная традиция выражать горе и печаль плачем. Хотя Пересвет — монах, все же перед читателем он предстает как былинный герой-богатырь.

Эту эпическую основу целого ряда эпизодов прекрасно ощущали многочисленные читатели и переписчики «Сказания» древней Руси — в поздних редакциях мы встречаем гораздо более многочисленные, чем в первоначальном тексте памятника, вставки из устного народного творчества, образы, фразеологические обороты, заимствованные из народной устной поэзии. Особенно примечателен в этом отношении список основной редакции из собрания Уварова № 802, в котором, как это отметил еще С. К. Шамбинаго,¹ имеются три вставки, явно восходящие к устному источнику: это — описание внешности татарского богатыря, описание боя, описание сборов новгородцев на помощь великому князю Московскому. Вот как описан в этом списке «Сказания» татарский богатырь, вышедший на поединок с Пересветом: «Трею сажень высота его, а дву сажень ширина его, между плеч у него сажень мужа доброго, а глава его аки пивной котел, а между ушей у него стрела мерная, а между очи у него аки питии чары, а конь под ним аки гора велия».

Наиболее поэтические картины в «Сказании» — это места, в которых автор говорит о природе. Описания природы в памятнике немногочисленны, но, тем не менее, они играют большую роль и в идейном содержании памятника и в его художественной системе. Для изображения картин природы автор в значительной степени пользуется материалом «Задонщины». Природа в «Сказании» выступает как сила, сочувствующая русским воинам. Описание картины природы при выезде русских воинов из Москвы на поле брани как бы символизирует успешный исход предстоящего сражения: «Солнце же ему (Дмитрию) на востоце сияет, путь ему поведает». Описывая природу накануне боя, автор этим поэтическим описанием передает напряженность, настороженность, тревожность, рисует символическое предзнаменование кровопролитного и тяжелого боя: «За многи ж дни около поля Куликова приидоша мнози волцы, воюще безпрестани день и ночь. Мнози ж слеташеся вранове и галицы немолкающе и кричаху. Мнози же от устья Дону слеташе орли клекчюще и кричаху, ждуще грозного побоища — во нь же имат пасти труп человеческий, а кровопролитию аки морской воде.

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, СПб., 1906.

От такового страха и великие беды древа преклоняются и трава по земле постилаетца».

Наряду с условно-приподнятым описанием природы в «Сказании» встречаются и чисто реалистические картины, создающие зрительный образ вполне реального пейзажа. Таково, например, описание ночи перед боем: «...и бысть тоя нощи велия теплота и тихость», утра дня битвы: «На утрии же день, на восходе солнца бысть утро мгляно, не видети полков».

Творческое использование автором «Сказания» образов «Задонщины», обращение к устному народному творчеству, описания природы — все это свидетельствует о высоком поэтическом мастерстве. Автор делает «Сказание» большим художественным, остропублицистическим произведением древнерусской литературы начала XV века.

У нас нет никаких данных об авторе «Сказания о Мамаевом побоище», но ответить на вопрос о том, чьи социальные интересы отразил он в своем произведении, мы можем.

Сторонниками сильной княжеской власти, и именно князя Московского, в начале XV века являлись внутри господствующего класса служилые бояре, «подручные князья» великого князя и другие группы служилого слоя феодалов. Они были заинтересованы в усилении власти великого князя Московского, в том, чтобы остальные русские князья и княжества находились в полном подчинении одного сильного князя, каким в то время уже был великий князь Московский. Усиление великокняжеской власти было обусловлено развитием экономики страны, отвечало экономическим интересам служилого слоя феодалов. Усиление единовластия московского князя и подчинение ему всех остальных русских князей было необходимо для борьбы с внешними врагами Русской земли, и в первую очередь с татарами. Именно эти идеи, эти устремления отразил автор «Сказания», показывая на примере Куликовской битвы успех объединения и подчинения всех русских князей великому князю Московскому.

Как известно, в период феодальной раздробленности идея королевской власти является идеей прогрессивной, отвечающей интересам широких трудовых масс. «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть... была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним».¹ По-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 445.

этому служилые группы господствующего класса, поддерживающие усиление и рост Москвы, стоявшие за утверждение единовластия великого князя Московского, в какой-то мере отражали интересы широких народных масс. И автор «Сказания», выступивший сторонником единовластия, отразил тем самым и интересы трудовых народных масс, что свидетельствует о прогрессивности «Сказания о Мамаевом побоище».

До нашего времени дошло очень много списков «Сказания о Мамаевом побоище». Все они могут быть сгруппированы в отдельные редакции. Текст памятника, наиболее близкий к первоначальному авторскому тексту произведения, читается в основной редакции, которая сохранилась в 56 списках. Основная редакция, в свою очередь, разбивается на несколько вариантов. В нашей книге печатается текст того варианта основной редакции, который условно по одному из списков мы назовем вариантом Михайловского. Мы печатаем его по списку из собрания Погодина № 1595 с внесением в него поправок по другим спискам той же группы из рукописного собрания Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде — Михайловского Q. 509, и поступления 1929 г. № 933. Поправки этого рода не оговариваются. В тех случаях, когда какое-либо слово читается неверно по всем трем спискам данной группы, мы исправляем его по основному списку основной редакции, давая в подстрочном примечании чтение исправляемого слова.

Печатаемый нами вариант основной редакции «Сказания» отличается тем, что в целом ряде случаев он сокращает текст «Сказания» за счет выпуска религиозно-риторических сравнений, отступлений автора, молитв великого князя. Вместе с тем этот вариант «Сказания» основной редакции характерен тем, что в его текст включен целый ряд новых подробностей, делающих рассказ более увлекательным.

Стр. 16. *Дмитрею Ивановичю* — см. прим. к стр. 9.

Владимеру Андреевичю — см. прим. к стр. 9.

...со безбожными агаряне... — Агарянами или измаильтянами русские книжники называли восточные племена, в том числе и татар. В библин потмки Измаила, сына Авраама от рабыни Агари, названы измаильтянами или агарянами. Измаил, по библейской легенде, вместе с матерью своей был изгнан по настоянию жены Авраама Сарры в Аравийскую пустыню и стал там родоначальником арабских племен.

...яко же иногда Гедеон на мадияма... — По библейскому преданию, за грехи евреев на Израиль в течение семи лет совершали опустошительные набеги соседние племена, в том числе и мадиамы. Когда однажды к Израилу подошли многочисленные отряды мадиамов, израильтянин Гедеон во главе небольшого отряда напал ночью на врагов и всех их перебил.

...еллин сый верою... — т. е. языческий, не православный.

...и иному Улияну... — Имеется в виду Юлиан (Флавий Клавдий

Юлиан), римский император (с 361 по 363 г. н. э.). Он выступил против христианской религии, возродив эллинистическое язычество. Христианские проповедники, как современные ему, так и более поздние, резко выступили против Юлиана, прозвав его «Отступником». Юлиан погиб от вражеской стрелы во время походов на персов.

...великого князя Юрья... — Георгий II Всеволодович — великий князь Владимирский. Пал в битве с войсками Батыя во время сражения на реке Сити в марте 1238 года.

...великого князя Юрья и Василиска убил... — Имеется в виду Василий, князь Козельский, про которого в летописи говорится, что во время взятия Батыем Козельска он пропал без вести: «инин глаголаху, яко в крови утонул естъ, понеже убо млад бе» (ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 143).

...Навходносором, царем вавилонским... — Имеется в виду Навуходоносор II — царь Нововавилонского (Халдейского) государства (604—561 г. до н. э.). В 587 г. (по некоторым источникам, в 589 г.) захватил Иерусалим и разрушил его.

Стр. 17. *Нача глаголати... своим алпаутом... —* Алпауты — воеводы.

...перевезеся великую реку Волгу... — Очевидно, Мамай выступил из района столицы Золотой Орды в XIV в. Сарай-Берке, находившейся на Волге (поблизости от современного Сталинграда).

Олег Иванович — великий князь Рязанский с 1350 по 1402 г. Рязанское княжество соперничало с Московским в борьбе за первенство среди русских княжеств, что вызывало частые столкновения Москвы с Рязанью. В 1386 г. при активном содействии игумена Сергия между Москвой и Рязанью был заключен вечный мир, закрепленный браком сына Олега Федора на дочери Дмитрия Донского Софье.

Коломна — см. прим. к стр. 10.

...к великому князю Ольгерду литовскому... — Ольгерд, великий князь Литовский (1341—1377) неоднократно предпринимал походы против Москвы. Отношение к нему русского народа ярко выражено в летописной записи о его смерти: «умре великий князь литовский Ольгерд зловерный, безбожный и нечестивый» (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 133).

Стр. 18. *...хотел древний Иерусалим пленити, яко же халдеи... —* Подразумевается пленение Иерусалима Навуходоносором.

Стр. 19. *Боровск —* город юго-западнее Москвы, на реке Протве. При Владимире Андреевиче входил в состав Серпуховского удельного княжества.

...иде ко преосвященному Киприяну митрополиту... — Киприан — болгарин знатного происхождения. Поставлен на русскую митрополию в 1376 году. Был русским митрополитом до 1406 г.

...отцу великому Василью... — Василий Великий — каппадокийский архиепископ, один из так называемых «отцов церкви», живший в IV веке н. э.

...посла воина своего Меркурия... — Меркурий Кесарийский — византийский святой. Согласно легенде, он был воином и по повелению свыше разбил неприятеля.

Стр. 20. *И повеле им у Тихой Сосне...* — Имеется в виду река Сосна, приток Дона (течет с запада на северо-восток в районе городов Ливны и Ельца). Через эту реку проходили дороги, по которым татары продвигались на Русь. Разведывательные отряды Мамай должны были находиться как раз в районе реки Сосны.

Стр. 21. *И приидоша к Москве белозерские князи...* — Белозерские князья принимали участие в битве на Куликовом поле. Федор Иванович (в тексте ошибочно Семенович) и его сын Иван погибли во время битвы. Надо читать не «киевские», а «кемские», и не «каргопольский», а «карголомский» — названия мелких удельных княжеств, входивших в состав Белозерского княжества и существовавших только в конце XIV — начале XV в. Известен кемский князь Семен Васильевич, живший как раз в конце XIV — начале XV в. Имена Андрея Ивановича и Глеба Карголомского, кроме «Сказания», более нигде не встречаются. В этом случае, как и в целом ряде случаев ниже, где будут упоминаться имена участников Куликовской битвы, «Сказание» сообщает сведения о лицах, неизвестных по другим историческим источникам, однако нельзя забывать, что возможны искажения в тексте произведения, сделанные переписчиками.

...князь Роман Прозоровский, да князь Лев Курпский... — Уделы князей Прозоровских и Курбских входили в состав Ярославского княжества. Перечисленные имена известны только по «Сказанию».

...поиде... ко преподобному игумену Сергию... — Сергей Радонежский родом из Ростова. В 1330 г. вместе с родителями переселился в город Радонеж (отсюда — Сергей Радонежский). Был основателем Троицкого монастыря в радонежских лесах на реке Кончуре (в настоящее время Троице-Сергиевская лавра в городе Загорске Московской области). Принимал активное участие в борьбе Дмитрия Донского с феодалами князьями за укрепление и усиление Москвы. Пользовался большим влиянием на церковную жизнь страны, уже при жизни считался святым. Умер в 1392 г. Троицкий монастырь являлся важным опорным пунктом Москвы, пользовался особым покровительством московских князей, неоднократно совершавших туда паломничества.

Стр. 21. ...дай же ми... два воина — старцов Пересвета и брата его Ослябя... — Сведения о Пересвете и Ослябе у нас очень немногочисленны и связаны главным образом с событиями 1380 г. Можно думать, что и Пересвет и Ослябя вполне реальные исторические лица, отличившиеся в битве на Куликовом поле, и позже с их именами были связаны эпические предания.

Стр. 22. ...ея же написа Лука евангелист... — Владимирская икона богородицы считалась написанной евангелистом Лукой (в настоящее время она находится в Третьяковской галерее в Москве). Эта икона, привезенная из Византии в Киев, затем перенесенная из Киева во Владимир, особо читалась на Руси. По летописным данным, икона эта была перенесена из владимирского Успенского собора в московский Успенский собор в 1395 году. Но есть ряд свидетельств, позволяющих предполагать, что

и в 1380 году икона эта могла находиться в Москве, и в «Сказании» перед нами не ошибка, а отражение действительного факта (см. подробнее Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище» — «Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР», т. X, М. — Л., 1954, стр. 195—197).

Стр. 22. *...Петра митрополита московского...* — Петр — митрополит всей Руси с 1305 г., ум. в 1326 г. Деятельность Петра была тесно связана с политикой московского великого князя Ивана Калиты, направленной на усиление и рост Москвы. После смерти Петра митрополичья кафедра перешла из Владимира в Москву, что имело большое значение для выдвижения Москвы на первое место среди остальных русских княжеств. Петр был погребен в заложенной им самим в 1326 г. в Москве первой каменной церкви, на месте которой стоит в настоящее время Успенский собор, построенный в 1475—1479 гг. После Петра Успенский собор, в котором находился его гроб, стал митрополичьим храмом. Вскоре же после смерти Петр был канонизован (официально объявлен святым и чудотворцем) и считался патроном, покровителем Москвы.

Стр. 23. *И послав... з живоносными кресты во Фроловские и в Никольские и в Костянтиновские ворота...* — Никольские ворота Кремля, выходящие в сторону Красной площади, называются так и ныне, Фроловские — нынешние Спасские ворота, Константиновские (или Константино-Еленинские) ворота в настоящее время не существуют.

...церковь... Михаила — Архангельский собор в Кремле. На месте сохранившегося до наших дней Архангельского собора в Кремле, построенного в 1505—1508 гг., в 1380 г. стояла каменная церковь того же названия, сооруженная при Иване Калите и служившая княжеской усыпальницей.

Княгиня же великая Евдокия со снохою своею, князя Володимеровою княгинею... — Евдокия — дочь князя нижегородского Дмитрия Константиновича, жена Дмитрия Донского с 1366 г. Снохой великой княгини названа жена Владимира Андреевича Серпуховского. Как старший по возрасту и по положению, Дмитрий Донской по феодальным представлениям был Владимиру «в отца место», и поэтому жена Владимира по отношению к жене Дмитрия могла быть названа ее снохой.

И выехаша из города каменнаго Москвы... — Под «каменной Москвой» нужно понимать каменную стену вокруг города, которая впервые была сооружена при Дмитрии Донском в 1366 году.

...на Брашеву дорогу... — Брашево (Брошево) — древнерусский городок в Коломенском уделе.

Симонов монастырь основан в княжение Дмитрия Донского в юго-восточных окрестностях Москвы на берегу Москвы-реки. Монастырь этот пользовался особым покровительством Дмитрия Донского.

...а сам князь великий пошел на Котел... — т. е. пошел дорогой, идущей от Москвы прямо на юг, по направлению к Серпухову. Котел — небольшой ручей, впадающий в Москву-реку. На нем было расположено село Нижние Котлы.

Стр. 24. *Княгиня же великая Евдокия... вниде во свои набережные хоромы...* — «Рядом с Успенским и Архангельским соборами из массы разнообразных зданий выделялся «златоверхий терем» великого князя Дмитрия Донского. Самой красивой частью деревянного дворца были выходившие на Москву-реку Набережные сени; спускавшиеся от них лестницы с рундуками придавали терему живописный вид. Хотя и построенный из дерева, великокняжеский дворец представлял собой великолепное для своего времени здание, соответствовавшее высокому политическому значению московских князей и их столицы» («История Москвы», т. 1, М. — Л., изд. Академии наук СССР, 1952, стр. 66).

...брань была на Калках... — На Калке (река в районе Азовского моря) произошло первое столкновение русских с татарами в 1223 году. Из-за разногласия князей русские, несмотря на мужество и воинскую доблесть, проявленные в этой битве, были разбиты.

...Василия да Георгия Дмитриевичев... — Во время Донской битвы Василию было 9 лет (род. в 1371 г.), Георгию — 6 лет (род. в 1374 г.).

Великий же князь... — поим с собою... гостей сурожан... — Сурожанами назывались купцы, торговавшие с богатым колониальным генуэзским городом на берегу Черного моря в Крыму — Сурожем (современный Судак). В основной редакции и в других редакциях «Сказания» перечислены имена этих десяти купцов. Академик М. Н. Тихомиров определил, что большинство из названных имен — имена действительно живших в то время богатых купцов (см. М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, М., 1947, стр. 108, 109, 206).

Сивёрка — небольшая речка в районе Коломны.

...епископ же коломенский Галасий... — В 1380 году коломенским епископом был Герасим. В некоторых редакциях «Сказания» он назван правильно, в некоторых же неверно — Геронтий (такой коломенский епископ был во второй половине XV в.), в некоторых, как в нашем списке, — Галасий (коломенского епископа с таким именем не было вообще); это ошибки, сделанные поздними переписчиками памятника.

Стр. 25. *...князя Глеба Брянского...* — Это имя известно только по «Сказанию о Мамаевом побоище».

...урядив Дмитрея Всеволодича Холмецкого... — Холмский князь с таким именем встречается только в «Сказании» (Холмский удел входил в состав Тверского княжества). Возможно, что перед нами неверно названный один из сыновей князя Холмского Всеволода Александровича — Юрий или Иван (первый умер в 1408 г., второй в 1402 г.).

Микула Васильевич — сын тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. Был женат на сестре великой княгини Евдокии — Марии. О ее плаче по убитом муже на Куликовом поле говорится в «Задонщине».

Тимофей Волуй упоминается среди убитых на Куликовом поле в Симеоновской летописи.

...да Ивана Родионовича Квашня Углецкой. — В родословной в роде Квашниных читаем: «К великому князю Ивану Даниловичу пришел из

Литвы Нестор Рябед, а у него сын Родивон, а у Родивона сын Иван Квашня...» Имя Ивана Родивоновича названо в духовной грамоте Дмитрия Донского.

...в полку воеводы Андрей Черкисович... — В родословной о роде Старковых читаем: «Приехал к великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому из Большие Орды царевич Серкиз, да крестился. А у Серкиза сын Андрей...».

Данил — возможно, Даниил Пронский, который, как это известно по летописи, принимал участие в битве на реке Воже на стороне Дмитрия.

Костянтин Конович — имя, известное только по «Сказанию».

...да князь Феодор Елецкий... — Об участии елецкого князя Федора в битве на Куликовом поле сообщает Татищев («История российская с самых древнейших времен», т. IV, стр. 272), Карамзин («История государства Российского, т. V, прим. 71).

...князь Георгий Мещерский, князь Андрей Муромский. — Об участии в битве на Куликовом поле мещерского и муромского князей сообщает только «Сказание», в других источниках об этом ничего не говорится.

...обою братии по плоти Бориса и Глеба... — Борис и Глеб — дети Владимира Ярославича Киевского, в 1015 г. были убиты своим братом Святополком, севшим на киевский стол после смерти отца. Когда Ярослав захватил у Святополка киевский стол, Борис и Глеб были объявлены святыми. Это первые русские святые. Дмитрий говорит о них как о «сродниках», так как и он ведет свою родословную от Владимира Киевского.

...и от своего монастыря даст ему пособники калугеры. — Калугеры — монахи. Имеются в виду Пересвет и Ослябя.

...яко Святополка земля мя пожрет... — Святополк, разбитый Ярославом на реке Альте, согласно летописному рассказу бежал в степи, думая, что за ним гонится Ярослав; там он и умер. «Есть же могила его в пустыни и до сего дне. Исходит же от нея смрад зол», — прибавляет летописец.

Стр. 26. Одоев — город на левом берегу реки Упы, в 140 км на северо-запад от Куликова поля.

Сынове же Ольгердовичи... — Рассказ о том, что Ольгердовичи пришли к Дмитрию из Литвы перед самой Куликовской битвой, — литературный прием, которым автор «Сказания» подчеркивает противопоставление поступку Ольгерда, присоединившегося к Мамаю, поступок его детей, которые для защиты православной веры пошли против родного отца. На самом деле в 1380 году и Андрей и Дмитрий Ольгердовичи находились уже на службе у великого князя Московского и, как его вассалы, должны были принимать участие в походе против Мамаю. Андрей Ольгердович перешел на сторону московского князя в 1377 году, а Дмитрий Ольгердович — в 1379 году.

Стр. 26. *Мы же... огражены святым крещением.* — Андрей и Дмитрий Ольгердовичи были православного вероисповедания. В летописной редакции «Сказания» еще более подробно развита эта деталь — в ней говорится, что Ольгердовичи были крещены своей мачехой.

Стр. 27. *...два брата... скоро из Брянска пойдут на помощь...* — Андрей Ольгердович сидел в Пскове, после того как перешел на службу к Дмитрию Донскому, а Дмитрию Ольгердовичу великий князь Московский дал в удел Переяславль, и поэтому литовские князья никак не могли идти на Куликово поле из Брянска, входившего в то время в состав Литовского княжества.

...стоит на месте, нарицаемем Березы. — Березы — древнерусский небольшой город Березуй (в XIX в. — село Березово) в 80 км от Куликова поля на север.

...яко тако вскоре Лотови поможе! — Этот образ, как и многие другие сравнения в «Сказании», взят из библии: однажды на Содом напали враги и увели в числе пленных племянника Авраама Лота. Авраам, узнав об этом, с вооруженным отрядом рабов бросился в погоню и освободил Лота и всех пленных содомлян.

Поприще — мера длины, равная приблизительно 2 км.

Стр. 28. *...Ярослав... Святополка победи...* — Первая битва между Ярославом и Святополком произошла в 1016 г. на Днепре у Любеча. Войска стояли друг против друга по обеим сторонам реки в течение трех месяцев. Наконец, Ярослав со своими силами переехал реку, напал неожиданно на неприятеля и наголову разгромил его.

...Великий Александр... победи с похвалою пришедшего. — Имеется в виду битва Александра Невского со шведами на Неве в устье реки Ижоры (см. прим. к стр. 31). Перед битвой Александр перешел реку Ижору.

А в ертовулах... — Ертовул — конный отряд, выполнявший во время походов задачи разведки. Военские подразделения с таким названием были созданы значительно позже времени написания памятника. Это слово встречается не во всех редакциях и не во всех списках «Сказания». В данном случае перед нами прибавление позднейшего переписчика.

...князей и бояр и всяких людей. — Об участии новгородцев в битве на Куликовом поле мы знаем только из «Сказания о Мамаевом побоище». В летописях записей об этом нет. Достоверность этого сообщения «Сказания» подтверждается рукописным синодиком новгородской церкви Бориса и Глеба, где есть слова о поминовении убитых новгородцев на Дону.

Стр. 29. *...на Непрядву реку* — см. прим. к стр. 11.

...именем Дмитрей Вольнец... — Дмитрий Боброк-Волынский — сын литовского князя на Волыни Корната-Михаила Гедиминовича. Выехав из Литвы, он был сначала тысяцким у нижгородского князя, а затем перешел на службу к Дмитрию Донскому, у которого был воеводой. Талантливый военный деятель. Принимал участие во всех походах Дмитрия Донского.

Стр. 29. ...даруй... князю нашему, яко *Костянтину, победы на варвары.* — Имеется в виду римский император Константин Великий (306—337), причисленный православной церковью к лику святых, ведший успешные войны с франками и готами.

Стр. 30. ...и отпусти его вверх по *Дону в дубраву*... — Посылка в засаду полка Владимира Андреевича имела решающее значение в победе Дмитрия Донского над Мамаем: засадный полк, ударив свежими силами в правый фланг и тыл атакующих татар, решил исход боя.

Стр. 31. ...на *хвалящего короля римского.* — Имеется в виду битва Ярослава со Святополком на реке Альте в 1019 году, окончившаяся полным поражением последнего, и победа Александра Невского над шведами в битве на Неве в 1240 г. В повести о житии Александра Невского говорится, что «римский краль» (шведский король) похвалялся завоевать всю землю Александра Невского.

Куликово поле находится в верховьях Дона, в пределах современного Куркинского района Тульской области; с востока и северо-востока ограничено Доном, а с запада и северо-запада — Непрядвой. Русские войска расположились у Дона и Непрядвы, имея эти реки у себя в тылу. Это расположение было чрезвычайно выгодным в тактическом отношении — фланги русского войска прикрывались естественными преградами. Татары не могли на выбранном русскими месте использовать свою конницу для широкого маневра и были скованы в своих действиях.

Стр. 32. ...князя *Михаила Андреевича Брянскаго*... — Михаил Андреевич Бренко — боярин Дмитрия Донского.

Стр. 33. *Погании ж силы бредут... аки стадо свиное*... — Можно думать, что в данном случае более позднее ошибочное переосмысление литературного образа «аки борове» — «как лес»: поздним переписчиком было неверно понято слово «борове».

Голиаф — библейский исполин, пораженный в единоборстве Давидом.

Стр. 34. ...*Мамай... нача боги своя призывать*... — Автор «Сказания», желая подчеркнуть, что Мамай «идоложрец», язычник, называет в числе богов Мамаю и древнерусские божества — Перуна и Гурса (искажение имени Хорс), и Магомета (Махмет), и неизвестных Сафата и Раклея.

Стр. 35. ...*идуша с побоища, вельми уязвена*. — Все названные в тексте имена известны только по «Сказанию о Мамаевом побоище»; при этом в различных редакциях и вариантах имена эти варьируются. Наиболее интересен в этом отношении Забелинский список «Сказания», где «самовидцами» великого князя названы простые воины.

...*Феодор Сабур да Григорей Холопищев*... — В остальных редакциях «Сказания» Федор Сабур и Григорий Холопищев названы просто воинами, а в Киприановской редакции подчеркнуто, что они «от простых сущи».

Стр. 36. ...*побиты восемь князей белозерских*... — Имеются в виду не только непосредственные белозерские князья (на поле Куликовом их было только двое), но и князья мелких уделов, входящих в состав Белозерского княжества.

Стр. 37—38. *...Мамай... убиен бысть от своих...* — Мамай после поражения на Куликовом поле собрал вновь силы, чтобы идти на Москву, но в это время на Золотую Орду пришел Тохтамыш и разбил силы Мамаю. Мамай бежал в Кафу (современная Феодосия), где был убит.

Олег... живот свой эле скончав... — О смерти Олега Рязанского говорится только в этом варианте «Сказания», очевидно под влиянием выше сказанных слов о смерти Мамаю. На самом деле Олег бежал в Литву и через год снова вернулся на свое княжество.

ПОВЕСТЬ О МОСКОВСКОМ ВЗЯТИИ ОТ ЦАРЯ ТОХТАМЫША

Победа объединенных русских войск на Куликовом поле в 1380 году имела огромное значение для исторических судеб Северо-Восточной Руси. Куликовская битва показала желание, силу и решимость русского народа освободиться от ненавистного татарского ига. Вместе с тем она выявила и реальную возможность полной победы над вековым врагом путем объединения русских земель вокруг Москвы и Московского княжества. В результате разгрома полчищ Мамайская власть и авторитет великого князя Московского Дмитрия Донского возвысились и укрепились.

Однако на пути к окончательному завоеванию национальной свободы русскому народу суждено было пережить многие тяжкие испытания. Первым из них явилось нашествие на Русь Тохтамыша.

Воспользовавшись поражением Мамай на Куликовом поле, хан Белой Орды Тохтамыш окончательно добил его и захватил власть в Золотой Орде. Известив об этом Дмитрия Донского и других русских князей, Тохтамыш потребовал от них полного себе подчинения. Но теперь большинство князей уже не хотело признавать былой зависимости от Орды. Убедившись в этом, Тохтамыш решил навязать свою власть силой. В 1382 году огромное войско Тохтамыша неожиданно и стремительно двинулось к Москве, как главному центру сопротивления. Застигнутые врасплох, московские князья не смогли организовать оборону. Дмитрий Донской вынужден был оставить Москву, чтобы ехать на север собирать войско. Митрополит Киприан и бояре трусливо бежали из столицы. Москва оказалась оставленной на произвол судьбы. Тогда защиту города взял на свои руки народ. Организовать народную оборону Москвы помог прибывший в город внук литовского князя Ольгерда — Остей. 23 августа 1382 года Тохтамыш осадил Москву. Однако все его

попытки взять город штурмом оказались безуспешными. Москвичи с беспримерным мужеством отбивали яростные атаки татар. Только путем вероломства и обмана врагам удалось ворваться в Кремль. Москва была предана огню и мечу. Это трагическое событие послужило сюжетной основой для создания цикла повестей о Тохтамышевом нашествии.

Из этого цикла наиболее известна повесть под названием «О Московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русской», вошедшая в разных вариантах в состав многих летописей (Новгородской четвертой, Софийской первой, Воскресенской). Основа ее возникла, по-видимому, около 1418 года, в связи с составлением московского летописного свода. Исследуя генезис этой повести и ее историческое значение, академик М. Н. Тихомиров установил, что она не является в полном смысле слова оригинальной, а представляет собою расширенный и дополненный свод двух более ранних повестей, в свою очередь резко отличающихся друг от друга.¹

Первая из этих повестей дошла до нас в составе Симеоновской летописи и Рогожского летописца, отразивших в своей основе так называемый Киприановский летописный свод 1409 года. Повесть невелика по объему. Начинается она с описания того, как Тохтамыш, задумав поход на Москву, предварительно направил отряд войска «в Болгары и повеле христианские гости Русския грабити, а ссуды их и с товаром отнимати и провадити к себе на перевоз», а затем, «собрав вой многы», и «перевезеся Волгу, поиде изгоном» на Русскую землю. Далее в повести кратко сообщается о том, как восприняли весть о походе Тохтамыша русские князья. Суздальский князь Дмитрий Константинович «посла к царю два сына своя», Василия и Семена, которые и «постигоша его на Рязани». Князь Олег Иванович Рязанский обвел Тохтамыша «около всеи своей земли и указа ему вся броды на Оце». А великий князь Московский Дмитрий Иванович, «не ста на бои противу его, не подня руки противу царя», уехал в Кострому. Тохтамыш, перейдя Оку и взяв Серпухов, двинулся к Москве, «волости и села жгучи и воюючи, народ христианский секучи и убиваючи, а иные люди в полон емлючи». 23 августа татарское войско подошло к Москве, где затворился литовский князь Остей, внук Ольгерда «с множеством народа». «Царь же, — повествует затем автор, — стоя у города три дни, а на 4 день оболга Остея лживыми речми и миром лживом, и вызва его из града и уби его пред враты града, а ратем своим всем повеле оступить град весь с все страны, и по лестницам возлезше на град на заборы, а

¹ М. Н. Тихомиров. Древняя Москва, М., изд. МГУ, 1947, стр. 192—196.

ти тако взяша град месяца августа 26 день, на память святого мученика Андреяна и Наталии, в 7 час дни». Вслед за этим следует описание разорения Москвы. Но теперь сжатый рассказ уступает место развернутому повествованию. Спокойная речь автора становится взволнованной, когда он говорит о зверствах татар в церквах, где затворились горожане. «Татарове же силою разбиша двери церковныя и сих мечи иссекоша, а другыя оружием до конца смерти предаша, и церкви зборныя разграбиша и иконы чюдныя и честныя одраша, украшенныя златом и серебром, и женчугом, и бисером, и камением драгим, и пелены златом шитыя и саженыя одраша, кузнь с икон одраша, а иконы попраша и ссуды церковныя служебныя священныя поимаша и ризы поповскыя пограбиша. Книг же толико множество снесено с всего града и из загородия и ис сел в сборных церквах до стопа наметано сохранения ради спроважено, то все без вести сотвориша. В церквах же и в олтарих убиство сдеяша и кровопролитие сотвориша окаяннии и святая места погании оскверниша». Картину разорения Москвы автор завершает описанием всеобщего горя и отчаяния: «И бяше в граде видети тогда плачь, и рыдание, и вопль мног, слезы, крик велик, стенание, охание, сетование, печаль горькая, скорбь, беда, нужда, горесть смертная, страх, трепет, ужас, дряхлование, ищезновение, поправление, бещестие, поругание, понос, смехание врагом, укор, студ, срамота, поношение, уничижение». Взяв и разграбив Москву, а потом ее «огню предаша, а людии мечю предаша», татары этим не ограничились. Они и другие «волости повоеваша и грады поимаша, а села пожгоша, а монастыри пограбиша, а христиан посекоша, а иных в полон поведоша и много зла сотвориша». Заканчивается повесть сетованиями Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского «с своими бояры» по поводу разорения Москвы.

В повести, как видно из ее содержания, основное внимание уделено московскому разорению, описанию горя и бедствий, причиненных Русской земле татарами. Разрабатывая этот главный мотив, автор обнаруживает превосходную осведомленность в трагических событиях 1382 года. Так, в повести приводятся исторически точные даты начала осады Москвы, взятия ее и другие подробности. Тем более становится очевидной односторонность автора в отборе фактического материала и тенденциозность в освещении его. Это относится главным образом к описанию осады Москвы Тохтамышем. Объяснив отъезд Дмитрия Донского из города его нежеланием «подняти руки противу царя», автор умалчивает о том, что Москву трусливо покинули также и высшее духовенство во главе с митрополитом Киприаном и феодальная знать. Не отразился в повести и патриотический подвиг простых людей Москвы, решивших собствен-

ными силами защищать свою столицу от врагов. Игнорируя народ, автор склонен приписать инициативу и главную роль в обороне города литовскому князю Остею. Сведя все описание осады Москвы Тохтамышем к лаконическому — «царь... стоя у города 3 дни», он объяснял его взятие исключительно смертью того же Остея, вероломно убитого татарами, и считал, что все бедствия, «приключившая на христианьстем роде от поганех, — грех ради наших».

Повесть выдержана в стиле исторических сказаний. Она написана, очевидно, лицом духовного звания. Об этом свидетельствуют и пространные описания разорения церквей, и подкрепленные библейским изречением сетования автора на то, что «святые места погании оскверниша», и, наконец, его скорбь по поводу того, что при захвате Москвы «убиен бысть Семен, архимандрит Спасский, и другой архимандрит Иаков, и игумен Акинф Крилов, и инии мнози игумени, и прозвитери, и чернеци, и крилошане, и черници, и попове, и диаконы». Вместе с тем выдвижение Остея героем повести дает основание предполагать, что эта ее редакция вышла из недр канцелярии митрополита Киприана, известного своей ориентацией на Литву.¹

Вторая ранняя повесть из цикла о Тохтамышевом нашествии (печатается в настоящем издании) дошла до нас в Ермолинской рукописи. В ряде мест она текстуально близка к первой. Одинаков, например, зачин повестей, сходно в общих чертах описание движения Тохтамыша к Москве, совпадают даты и некоторые другие частности. По-видимому, авторы пользовались каким-то общим источником, а главное, оба они были равно хорошо знакомы с действительными событиями. Но, опираясь на один и тот же материал, они осмыслили его с разных общественных позиций и подчиняли его разным идейно-художественным задачам. В результате повести оказались резко отличными друг от друга. Если первая из них отмечена печатью церковных интересов, то вторая, напротив, имеет ярко выраженный светский, демократический характер. Пафос ее состоит в сознании силы русского народа, его решимости и способности бороться за свою национальную независимость. Не мотив пассивной скорби пронизывает повествование, а идея активной борьбы. Внимание автора сосредоточено не на разорении Москвы, а на ее героической обороне. Не «грехи рода христианского» считает он главной причиной падения Москвы, а ищет земных виновников этого бедствия. Он не сетует бесплодно, а трезво рассуждает, обличает и судит.

¹ В. Л. Комарович. Литература Московского княжества конца XIV и XV вв. Летописание. — «История русской литературы», т. II, ч. I, М. — Л., изд. Академии наук СССР, 1946, стр. 194.

Характерной особенностью повести является попытка воспроизвести строго мотивированную цепь событий. Автора мало интересуют факты, имеющие случайный или частный характер. Нередко он их совершенно отбрасывает и, наоборот, привлекает или творчески воссоздает такие, которые позволили бы раскрыть сущность событий.

Описывая, например, подготовку Тохтамыша к походу на Москву, автор говорит, что царь послал своих татар «на Волгу» (а не только в город Болгары, как в первой повести), он «повеле» им при захвате торговых судов для переправы своего войска «избивати вся гости руския» (вместо «грабтии»), «дабы не было вести на Русь». Эта убедительная мотивировка позволяет автору с полным основанием сообщить далее, что Тохтамыш, переправившись через Волгу, «пойде изгоном», то есть внезапным набегом, на Русскую землю.

Рассказ автора первой повести о том, что сыновья Дмитрия Суздальского, посланные к Тохтамышу, «переехаша дорогу его на Серначе», а затем «постигоша его на Рязани», носит, в сущности, случайный, не связанный с дальнейшим повествованием характер. Во второй повести, напротив, наличие этого эпизода логически и художественно оправдано. Суздальские князья Василий и Семен будут играть немаловажную роль в дальнейших событиях. Но вместе с тем автора не интересует частный факт, что они «переехаша дорогу» Тохтамыша «на Серначе». Ему гораздо важнее показать, как «борзо бо бяше иды» Тохтамыш. Поэтому в повести князья едут в Орду и, не застав, против ожидания, там царя, «едва сустигоша его в рязанских приделах». Именно у Рязанской земли, а не «на Рязани», как утверждала первая повесть, противореча себе последующим сообщением, что рязанский князь обвел царя «около всея своей земли». Снимая это противоречие, автор разъясняет, что Олег Рязанский «срете» Тохтамыша, «донележе не вниде в землю его».

В первой повести не говорится, каким образом Дмитрий Донской услышал о грозящем Руси бедствии. Для автора же второй повести это имеет принципиальное значение. Он сообщает, что весть о походе Тохтамыша на Русь пришла к великому князю «от некоторых доброхотящих хрестьяном, живущих в странах Татарских». Так, в противовес изменническим действиям удельных князей, готовых покорно сносить татарское иго, автор называет истинными патриотами торговых людей, ибо они «бяху на то устроени сущи и поборницы земли Русстей». Национальные интересы и чувства этих русских патриотов связываются в повести с именем организатора победы на Куликовом поле. В Дмитрии Донском они видят вдохновителя борьбы за национальную независимость и верно

служат общенациональному делу за пределами родины. В этом свете изображена и деятельность Дмитрия Донского до прихода Тохтамыша. Он «нача полки совокупляти и поиде с Москвы, хотя противу татар», но тут столкнулся с непреодолимым препятствием: «бысть разно в князех русских: овии хотяху, а инии не хотяху, бяху бо мнози от них на Дону избиты». Уговорить князей не удалось, а тем временем Тохтамыш «бяхе близ уже, яко совокупитися некогда». Дмитрию Донскому, который, в связи с отказом князей выступить против татар, «в недоумении. быв», пришлось отойти на Кострому. Так, оправдывая великого князя, автор повести возлагает всю вину за оставление Москвы беззащитной на княжескую междоусобицу.

Главная часть повести начинается с описания событий, развернувшихся в покинутой князьями столице в канун прихода Тохтамыша. «А во граде Москве, — пишет автор, — мятеж бе велик». Здесь, как и среди князей, нет единодушия: «овии бежати хотяху, а инии в граде сидети». В «распре велице» столкнулись две силы: московская знать, ставившая превыше всего свои личные интересы, и простые люди, видевшие свое спасение в борьбе с врагом. Так в центре повести появляется истинный национальный герой — народ. Перед лицом грозной опасности народ, «сташа суймом», взял в свои руки судьбу столицы своей родины. Захватив городские ворота, защитники Москвы решили не «пущати... из града крамольников и мятежников». И тут они «ни самого митрополита усрамилися, но на вся огрозишася, ни бояр великих устрашишася». Митрополит, добившийся в конце концов, чтобы его выпустили из города, был в глазах автора повести тем же крамольником, как равно и «прочие», то есть «бояре великие», поскольку они «единачо с ним мятаху».

Центральное место в повести — описание обороны Москвы, когда народ-патриот встретился лицом к лицу со своим вековым врагом. Просто, точно и образно повествует автор о том, как сначала подошли к Москве разведывательные отряды Тохтамыша, а затем и «сам царь прииде со всею силою»; как, рассчитывая взять город штурмом, татары «приступиша» к нему «со все стороны, стреляюще»; как стойко защищались горожане, «стреляху и камением шибяху». Однако борьба была неравной. Татар много, и они хорошо вооружены, «бяху же стрелы их яко дождь умножены». Врагам удалось сбить горожан со стен, «аще бо граду тогда ниску суцу». Вот они уже «начаху лествицы приставливати» и «на стены хотяху взыти». Но неисчерпаемы силы народа. Восхищаясь самоотверженностью и героизмом москвичей, которые в решительный момент «взвариша воду в котлех, ляху на нь, а инии стреляху, тюфяки

пушаху и пушки», автор повести не ограничился этим. Героический подвиг народа, отбившего яростный натиск врага, он художественно обобщил в эпическом образе простого «москвитина», суконника Адама, который «с Фроловских ворот пусти стрелу, напаяв, уби некоего от князей ордынских, славна суща, иже велику печаль сотвори Тахтамышу и всем князем его».

Рассказ о трехдневной осаде, во время которой Тохтамыш безуспешно «много брани сотворив», автор завершает описанием вероломного захвата и разорения Москвы. Повествуя об этом событии, он не столько возмущается коварством татар, которые, пообещав «мир и любовь», обманным путем захватили город, сколько клятвопреступлением суздальских князей, которые «правду хрестьяном даша, яко не блюстися ничего». Именно они, с точки зрения автора повести, предали интересы народа и земли Русской; именно они являются прямыми виновниками того, что город был «огнем попален, а люди иссечены, а инии пленены, а инии згореша, а инии истопопоша, а инии в трупьи и в крови издушишася». Сообщив, что, вслед за Москвою, татары «сотвориша» то же «и в Володимери, и в Переславли, и в Юрьеве, и в Звенигороде, и в Можайске, и во всех волостех», автор, однако, не склонен бесплодно сетовать о постигшем Русь бедствии. Он предпочитает говорить о событиях, которые могли бы вселить уверенность в возможность победы над татарами. Поэтому не случайно повесть более подробно рассказывает о том, как князь Владимир Андреевич Серпуховский, стоявший за Волоком «со многими людьми», разбил наголову наехавших туда татар, в результате чего Тохтамыш «убояся и нача помалу уступати от Москвы». И вполне справедливым кажется автору двойное возмездие, полученное рязанским князем за его пособничество татарам: от Тохтамыша, который на обратном пути в Орду «взя всю землю рязанскую», и от рати Дмитрия Донского, которая землю Олега Рязанского «пусту сотвориша, пуще ему бысть татарской рати». Осуждая изменников, автор верит в силу народа, верит в скорое возрождение разрушенной Москвы и растущую мощь Русского государства, с которым не могли не считаться правители Орды. Подчеркивая это обстоятельство, он сообщает в заключение, что Тохтамыш направил в Москву своего посла с жалованьем великому князю, а Дмитрий Донской «повеле хрестьяном дворы ставити и город делати».

Повесть в краткой редакции является в полном смысле слова оригинальным произведением в русской литературе. Чуждая всякой подражательности книжным образцам, она напоминает по своему стилю запись изустного эпического сказания об исторических событиях. Особое внимание автора к «поборникам земли Русской» — московским торговым гостям, которые

на Волге первыми пострадали от Тохтамыша, а также фигура купца-суконника Адама, сразившего татарского князя, заставляя предполагать, что сказание возникло в среде московского торгово-ремесленного посада.

Развитие внутренних и внешних экономических связей в конце XIV века вызвало рост торгового и ремесленного населения городов Северо-Восточной Руси. Великокняжеская столица Москва стала крупным экономическим центром русских земель. Предприимчивые московские купцы вели обширную торговлю не только на внутреннем рынке, но также с Ордой, венецианскими и генуэзскими городами южного побережья Крыма и с западными странами. Однако развитию торговли сильно мешала феодальная раздробленность Руси, княжеская междоусобица и опустошительные набеги татар. Купеческое сословие мечтало о сильной централизованной власти, способной разрушить политические и экономические преграды между отдельными землями, прекратить междукняжеские распри, обеспечить безопасность торговых путей и внешних границ. В этом же были кровно заинтересованы простые люди городских посадов, сел и деревень. Поэтому внутренняя объединительная политика Дмитрия Донского и его борьба с Ордой пользовалась полной поддержкой народа. Все это нашло яркое отражение в повести. Именно московскому великому князю спешат сообщить «доброхотящие христиане, живущие в странах татарских», весть о походе Тохтамыша; его усилия организовать отпор татарам подчеркивает автор; о гибели княжеской казны скорбит он; Дмитрий Донской «многы слезы излиша», увидя разоренную Москву; противников великого князя — князей Суздальских и Олега Рязанского — обвиняет повесть; изображая, наконец, в неблагоприятном свете роль Киприана, она отражает враждебное отношение Дмитрия Донского к киевскому митрополиту за его пролитовскую политику и бегство из Москвы перед приходом Тохтамыша. Так личность Московского великого князя является в повести неотделимой от национальных устремлений русского народа, противопоставленного автором удельным князьям, боярской знати и высшему духовенству киприановской ориентации.

Последующие редакции повести из цикла о Тохтамышевом нашествии (один из ее вариантов также печатается в настоящем издании), являясь плодом довольно искусной контаминации двух первых, осложнены вставными эпизодами, лирическими отступлениями и новыми мотивами. Так, сходные варианты повести, включенные в состав Новгородской четвертой, Софийской первой и Воскресенской летописей, начинаются со вступления, в котором сообщается о небесном знамении в виде «хвостатой» звезды, предвещавшей «злое пришествие Тохтамышево»

как «гнев божий» за «умножение грехов». Характерные для первой повести сетования по поводу разорения Москвы усиливаются и становятся еще более пространными. Текст щедро пополняется библейскими изречениями. Хотя в общем новая повесть и сохранила светский характер, которым отличалось второе сказание, но в ней довольно отчетливо выявилась тенденция обособить купеческое сословие от простых людей и выделить его в привилегированную группу вместе с боярами и духовенством. В таком порядке, например, перечисляются горожане, затворившиеся во главе с Остеем в Москве: «бояре, и сурожане, и суконники, и прочие купцы, и архимандриты и игумены»; о крестном ходе сообщается: «и выидоша со князем своим и с дары многими ко царю, тако же и архимандриты и игумены и попове со кресты, а по них бояре и большие люди, и потом народ и черные люди». Сожалая о гибели церковных ценностей и княжеской казны, автор еще более скорбит о разграблении татарами «многоценного имения» «бояр старейших» и особенно богатства и «всякого товара» сурожан, суконников и купцов.

В наибольшей степени отличает сводную повесть от прежних мотив добрых и недобрых людей. Добрые граждане, ожидая смерти от татар, денно и нощно молятся богу «с покаянием, и с причастием, и со слезами». Недобрые же люди обходят дворы, вытаскивают из погребов «меды господския и сосуды серебряны и сткляницы драгия», «упивахуся до великаго пияна» и хвастливо заявляют: «Не уstraшаемся нахождения поганых татар, селик тверд град имуще, иже суть стены каменны и врата железны». Будучи «пияне суще» и «шатахуся», они взбираются на городские стены и ругают подошедших татар, «образом бестудным досаждающе».

Этот новый мотив введен в сводную повесть несомненно с той целью, чтобы бросить тень на граждан, которые до этого «сотвориша вече», восстали против феодальной знати, решившей бросить Москву на произвол судьбы. Именно их, а не беглецов из города именуется теперь повесть «народи мятежницы, крамольницы» (исключение в этом отношении составляет лишь более ранний вариант сводной повести, вошедший в состав Типографской летописи). О бегстве же из города митрополита и знатных бояр теперь не говорится, их участие в событиях оттеняется в положительном смысле, а князю Остю ставится в заслугу подавление «мятежа».

В более поздних по времени создания вариантах сводной повести (Никоновская летопись) виновниками «распри» уже прямо названы «злые человецы», которые «восташа... друг на друга и сотвориша разбои и грабежи велии». Выдавая их за грабителей, повесть рассказывает, что лучших людей они «уби-

ваху... и богатство и имение их взимаху», митрополита Киприана, который якобы пытался прекратить мятеж, они не стыдились, бояр великих не боялись, а великую княгиню Евдокию «преобидеша».

Авторы стремятся теперь всячески обелить и возвысить митрополита. Его отъезд из Москвы вместе с великой княгиней изображается чуть ли не подвигом, после того как «мятежники» едва «умолени быша». Повесть специально разъясняет, что Киприан приехал в Москву «перед пришествием Тахтамышевым за два дни, и виде разньство и разпрю во граде, и отъиде в Тферь и тамо избыти». Окружая митрополита ореолом святости, авторы сообщают далее: «Татарове же хотеша и ко Тфери итти, но возбрани им божественная сила невидимо».

Так в течение XV века первоначальное сказание о нашествии Тохтамыша постепенно перерабатывалось и дополнялось. Антибоярские и антикиприановские мотивы снимались, личность князя Остея возвеличивалась, богатые купеческие верхи противопоставлялись народу, а прямыми виновниками гибели Москвы назывались уже не удельные князья и феодальная знать, а народные массы.

Текст «Повести о московском взятии от царя Тахтамыша» перепечатывается из издания «Ермолинская летопись» (Полное собрание русских летописей, т. XXIII, СПб., 1910, стр. 127—129), где он напечатан по рукописи XV века, ранее принадлежавшей Троицкой лавре под № 17, лл. 219 об. — 224 об. Повесть здесь не озаглавлена. Название ее взято нами из Типографской рукописи первой половины XVI века Московской б. Синодальной библиотеки, № 789 (ныне в Гос. Историческом музее), напечатанной в издании «Типографская летопись» (Полное собрание русских летописей, т. XXIV, П., 1921, стр. 149—154).

Стр. 39. В лето 6890 — по современному летосчислению — 1382 г. Дата исторически верна.

Тахтамыш, или Тохтамыш (ум. ок. 1406 г.) — хан Золотой Орды. Сын одного из монгольских правителей, в 1375 г. при помощи Тимура захватил власть в Белой Орде; разбив в 1380 г. Мамаю, ослабленного поражением на Куликовом поле, становится полновластным ханом Золотой Орды. В 1382 г. предпринимает поход на Русь, описанный в настоящей повести. С конца 1380-х гг. начинается его борьба с Тимуром. Потерпев от него поражение в центральном Казахстане (1391) и на Тереке (1395), Тохтамыш позднее вступил в союз с литовским князем Витовтом, но, несмотря на его помощь, был разбит и свергнут ханом Тулук-Тимуром (1399).

Дмитрей Костянтинович — Суздальско-Нижегородский князь Дмитрий Константинович (1323—1383). Соперничая с московскими князьями, в период 1360—1363 гг. дважды получал великое княжение, отнимая его у Дмитрия Донского. В 1366 г. стал тестем московского князя, выдав

за него дочь Евдокию. Расчетливый и осторожный, он уклонился от участия в Куликовской битве, а во время похода Тохтамыша выказал покорность татарскому хану, послав к нему своих сыновей. Дмитрию Константиновичу принадлежала знаменитая Лаврентьевская летопись, списанная по его заказу в 1377 г. монахом Лаврентием.

Стр. 39. ...и посла к Тахтамышу сынов своих, Василья и Семена... — Василий и Семен — сыновья Дмитрия Константиновича, из которых Василий Дмитриевич Кирпядя (ок. 1350—1403) — князь Суздальский и Городецкий, отличался особенной активностью в посредничестве между своим отцом и татарскими ханами. Так, уже в 1364 г. он привез отцу из Орды ярлык на великое княжение. Уходя в 1382 г. из пределов Руси, Тохтамыш взял его с собою в Орду в качестве заложника. В 1386 г. Василий бежал оттуда, но был пойман и возвращен обратно; на следующий год Тохтамыш его отпустил и «пожаловал» Городцом. Последние годы жизни вел борьбу с Московским великим князем Василием I Дмитриевичем за Нижний Новгород.

Олег Рязанский — Олег Иванович (ум. в 1402 г.), великий князь Рязанский (с 1350 г.). Враждуя с московско-владимирскими великими князьями за первенство над Русскими землями, был вынужден вести осторожную политику по отношению к Золотой Орде, так как рязанские земли непосредственно граничили с татарскими владениями. В 1371 г. разбит Дмитрием Донским и бежал из Рязани, но в том же году при поддержке татар вновь захватил ее. В 1380 г. вошел в сношения с Мамаем, обещая ему поддержку в походе против Москвы; но после Куликовской битвы отказался от борьбы с Дмитрием Донским и в 1381 г. заключил с ним договор. Пособничая Тохтамышу, Олег нарушил договор, за что Дмитрий Донской жестоко его наказал, разорив рязанские земли. Мир с Москвой был заключен в 1386 г. В 1387—1394 гг. Юрий Рязанский вел борьбу с татарами, а в 1396—1398 гг. — с литовским князем Витовтом.

Князю же великому... — Имеется в виду Дмитрий Донской (1350—1389) — великий князь Московский (с 1359 г.).

...мнози от них на Дону избиты... — Речь идет о Куликовской битве (1380), во время которой объединенные русские войска, разгромив татар, сами понесли большие потери.

...сташа суймом... — т. е. собравшись на вече.

...ни самого митрополита... — Имеется в виду Киприан (год рождения неизвестен — ум. в 1406 г.) — митрополит киевский и литовский (с 1376 г.), родом болгарин из Тырнова. Посвященный в сан в Константинополе еще при жизни московского митрополита Алексея, он усиленно домогался стать его преемником. Однако пролитовская политика Киприана и его приверженность византийскому патриарху встречали резкое противодействие со стороны Дмитрия Донского, боровшегося за независимость Московского государства и русской церкви. После смерти Дмитрия Донского — митрополит Московский и всея Руси (с 1390 г.); церковный писатель, редактор ряда литургических книг и жития московского митрополита Петра, автор посланий псковскому духовенству, Сергию Радонежскому и др. Киприану при-

надлежит инициатива создания первого общерусского митрополичьего летописного свода 1409 г.

Стр. 40. *...некий князь литовский Остей, внук Ольгердов...* — Ольгерд Гедиминович — великий князь Литовский (1345—1377). Ведя войны с русскими князьями, расширил границы своих владений за счет захвата земель Черниговского и Новгород-Северского княжеств; поддерживал тверских великих князей в их борьбе с Дмитрием Донским; в 1368 и 1370 гг. принимал походы на Москву, но всякий раз безуспешно.

...граду тогда ниску сушу... — В 1367 г. началось строительство белокаменных стен Московского Кремля, вместо дубовых, возведенных при Иване Калите и пострадавших от пожара в 1363 г. К 1382 г. постройка стен, по-видимому, не была еще закончена.

...тюфяки пушаху и пушки... — Тюфяки — особый род пушек. Это первое в истории упоминание о применении московскими войсками огнестрельного оружия.

...суконник Адам... — Суконниками называли московских купцов, торговавших западноевропейским сукном, в отличие от сурожан, которые вели торговлю с итальянскими колониями на южном берегу Крыма, главным образом через город Сурож (Судак).

...с Фроловских ворот... — Впоследствии эти кремлевские ворота стали называться Спасскими.

Стр. 41. *Володимер Андреевич* — Серпуховско-Боровский князь Владимир Андреевич Храбрый (1353—1410), внук Ивана Калиты; талантливый военачальник. Разделяя политику своего двоюродного брата Дмитрия Донского, много способствовал усилению Московского великого княжества своими успешными походами против врагов Русской земли. Особенно прославился во время сражения на Куликовом поле, когда засадный полк под его командованием решил исход боя; за Куликовскую битву получил название Донского, как и великий князь Дмитрий. После смерти последнего верно служил его сыну, великому князю Василию, участвуя во многих походах; в 1408 г. организовал оборону Москвы при нападении на нее Едигея.

Текст «Повести о московском взятии от царя Тахтмышша и о пленении Земля Русская» перепечатывается из издания «Софийские летописи» (Полное собрание русских летописей, т. VI, СПб., 1853, стр. 98—103), в основу которого положен список конца XV — начала XVI веков, Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Толстов., IV, № 211, лл. 234 об. — 240 об.

Стр. 42. *Болгары*, или Болгар — город на Волге в районе устья Камы, столица волжских болгар (X—XV вв.).

...на месте, нарицаемом Серначе... — Сернач — урочище. Местоположение его неясно.

ПОВЕСТЬ О ТЕМИР-АКСАКЕ

К концу XIV века Московское княжество заняло первенствующее положение в феодальном союзе северо-восточных русских земель. Московские князья, умело используя внутренние раздоры в Орде, начинают всё менее считаться с ее властителями. Дмитрий Донской, не спросив ордынского хана, объявил великокняжескую власть наследственной и по духовному завещанию назначил своим преемником старшего сына. Василий Дмитриевич, заняв в 1389 году Московско-Владимирский стол, продолжал по отношению к Орде линию отца. Воспользовавшись борьбой ордынских ханов, он даже прекратил выплачивать им дань.

Роль Москвы как политического, экономического и культурного центра русских земель сильно возросла. Москва становилась основой постепенного объединения Руси в единое национальное государство. С возвышением новой столицы усилился интерес к идейному наследию ее предшественников. Взоры светских и церковных властей Москвы обращались прежде всего к Владимиру-на-Клязьме — главе некогда сильного Владимиро-Суздальского княжества. Использование владимирского наследия сулило большие возможности для пропаганды и утверждения идеи исторической преемственности. В данной связи созрела мысль перенести из прежней великокняжеской столицы в Москву икону богородицы, почитаемую народом за национально-русскую святыню, которая в свое время по аналогичным соображениям была привезена Андреем Боголюбским во Владимир из-под Киева. Это важное политическое мероприятие было осуществлено в 1395 году, когда над Русью нависла угроза нового татарского нашествия.

Грозный монгольский завоеватель Темир-Аксак (Тамерлан), об опустошительных походах которого в страны Среднего и Ближнего Востока было хорошо известно на Руси, в 1391 году

начал борьбу с золотоордынским ханом Тохтамышем. В 1395 году он нанес своему бывшему ставленнику решительное поражение на Тереке и, преследуя его, в том же году вторгся в пределы Елецкого княжества. Появление монгольских полчищ в русских землях вызвало сильнейшую тревогу в Москве, не забывшей еще Тохтамышева разорения. Московское войско, предводительствуемое великим князем Василием Дмитриевичем, спешно вышло к Коломне и заняло переправу через Оку. Москва под руководством князя Владимира Андреевича Серпуховского готовилась к осаде. Однако Темир-Аксак, овладев Ельцом и разграбив его, не пошел в глубь русских земель. После двухнедельной остановки у пределов Рязанского княжества он неожиданно повернул обратно и ушел в приазовские степи. Это радостное для Руси событие, как раз совпавшее по времени с перенесением иконы богородицы из Владимира в Москву, и послужило основой для создания повести о чудесном избавлении Москвы от нашествия Темир-Аксака. Реальные причины, заставившие монгольского завоевателя отказаться от похода на Русь, в полной мере не выяснены до сих пор. Тем более они были непонятны автору повести. Поэтому в соответствии с религиозными воззрениями своего времени он и связал их с вмешательством божественной силы.

Повесть о Темир-Аксаке вошла в различных вариантах, а иногда и под разными названиями, в состав большинства летописей. Ее многочисленные списки принято в литературе подразделять на две редакции: «краткую», содержащую текст, наиболее близкий к своему архетипу, и «распространенную», сравнительно позднюю по времени создания.

Повесть в последней редакции (см., например, Полное собрание русских летописей, Приложение, т. XI, СПб., 1897, стр. 243—254) имеет ярко выраженный церковно-учительный характер. Написанная в приподнято-риторическом стиле, с обилием библейских параллелей, она посвящена исключительно истории иконы Владимирской богородицы и описанию связанных с нею «чудес».

«Краткая» повесть (один из вариантов ее печатается в настоящем издании) также не лишена элементов украшающей риторики и библейских сравнений, в ней довольно сильно звучат церковно-религиозные мотивы, но вместе с тем она в большей степени отразила существенные черты исторической действительности своего времени. Повесть одухотворена любовью к родине и ненавистью к иноплеменным поработителям. В ней и нескрываемая тревога за судьбу Москвы как столицы всей земли Русской, и торжество и радость по случаю избавления отечества от страшной опасности. Разработка патриотической темы делает

повесть примечательным явлением в русской литературе периода возвышения Московского княжества.

Повесть о Темир-Аксаке создана, очевидно, в самом начале XV века. Она невелика по объему и несложна по построению. Предваренная кратким вступлением, в котором сообщается о времени и причине исторических событий, повесть в дальнейшем отчетливо делится на две части. В первой из них автор передает легенду о личности Темир-Аксака и описывает его вторжение в пределы Русских земель. Вторая часть повествует о перенесении Владимирской иконы в Москву и о бегстве уstraшенного Темир-Аксака.

Живо и эмоционально излагается в повести биография знаменитого монгольского завоевателя. Фактическая основа ее тесно переплетена с легендарным вымыслом, преследующим определенную идейную цель. Автор повести проводит мысль, что Темир-Аксак, в сущности, не законный царь, а самозванец, потому что он «не царь бе рождением, ни сын царев, ни племени царска, ни княжеска, ни боярска», а происходит от худых людей» и «преже раб был у некоего у своего осподаря». Далее в повести рассказывается о том, как Темир-Аксак, прогнанный господином за «злонравие», стал «с младу» заниматься «татьбою». А когда он попался с украденной овцой, то был «нешадно» бит, и ему «пребиша... ногу и бедру его наполю». Очнувшись по «непоколице времени», он «перекова себе железом ногу» и выздоровел, но сделался хромым, «и того ради прозван бысть Темираксаком, темир бо зовется железом, а аксак зовется хромец». Однако и после этого он «ни смирился, ни укротился», а «пущи прежняго бысть лют разбойник». Так переосмысляя факты биографии и возникновение прозвища «Железный Хромец», автор внушает мысль, что и личные качества Темир-Аксака не давали ему права на царский титул, а звание князя и потом царя ему незаконно присвоили его сподвижники, «злии человеци», такие же, как и он, «разбойници и хищници».

Повесть, однако, не всегда и не во всем прибегает к легенде и преувеличениям. Рассказывая о могуществе Темир-Аксака, о том, как он «многы страны и земли повоева, многы области и языки поплени, многы княжения и царства покори под себе», а затем перечисляя эти страны и земли, автор стоит на почве реальных фактов. Не преувеличивает он и тогда, когда говорит, что Темир-Аксак «вельми нежалостив, зело немилостив, лют мучитель, зол гонитель, жесток томитель». Личность восточного деспота, который вел свои разорительные войны с неслыханной жестокостью, получает здесь точную и меткую характеристику.

Повесть исторически правдиво воссоздает исключительную напряженность момента, когда татарские «тьмочисленные» полки, опустошив Елец, вдруг неожиданно остановились «в едином месте». По «частым вестем», приходившим «по вся дни» на Москву и «возвещающе прещения и грози» Темир-Аксака, казалось, что он вот-вот двинется на Русь. Неподдельная тревога москвича и патриота родной земли слышится в словах автора, когда передает он «грозныя весты», как Темир-Аксак готовится «воевати Русскую землю», как похвывается «ити к Москве, хотя взяти ю» и как собирается «люди руския пленити». Вместе с тем здесь с полной очевидностью проявляется политическая позиция автора повести. Для него понятия Русская земля и Москва ассоциативны. Убежденный сторонник идеи единства Руси, он выступает за признание политической исключительности Московского княжества и Москвы. С его точки зрения, московский великий князь, который, собрав «воя многы», вышел «в стретение» Темир-Аксака, — глава всех русских земель, а Москва, вместившая «многу народу сущю от-всюду» и готовящаяся «седети в осаде», — общерусский центр, защита которого — всенародное дело.

В авторе повести патриот неотделим от христианина. Его патриотические тенденции тесно переплетаются с религиозными представлениями. Верно отражая уровень и форму общественного сознания своего времени, он связывает приход Темир-Аксака с его свирепым желанием «святыя церкви жещи, веру хрестыанскую искоренити, а хрестыян бити и гонити, томити и мучити и огнем печи и жещи и мечем сещи». Сравнивая «поганого» с «гонителями и мучителями» первых христиан — римскими императорами, автор настойчиво внушает мысль, что сила русских людей — в их братском единстве, и непобедимость Русской земли — в защите всеми христианами своей православной веры. Так великая жизненная идея объединения Руси во имя обороны ее от врагов приобретает в повести отчетливый религиозный налет.

Посвященная торжеству этой идеи вторая часть повести еще в большей степени окрашена в религиозные тона. В ней рассказывается о «всенародном молении», дабы «бог избавил» Русь от нашествия татар, о перенесении, «страха ради Темир Аксакова», Владимирской иконы в Москву и, наконец, о том, как Темир-Аксак, «гневом божиим гоним», повернул свои полчища вспять от Русской земли и «пойде без вращения». Несмотря на традиционность формы этого в полном смысле житийного сюжета, в основе его лежит актуальная политическая проблема. Автор одним из первых разрабатывает в русской литературе тему о политической преемственности древнего общерусского наследия в Московском великом княжестве.

Подобно тому, как для «Задонщины» образцом был Киев и «Слово о полку Игореве», автор повести о Темир-Аксаке, прославляя Москву, обращается к ее ближайшему предшественнику — Владимиру-Залесскому. Повествуя о проводах и встрече иконы Богородицы, он как бы подчеркивает факт признания бывшим центром объединенной Руси новой общерусской столицы — Москвы. Чередуя в повествовании о перенесении иконы пространные библейские сравнения с развернутыми молитвенными отступлениями, риторические восклицания — с лирическими излияниями, славословие — с хулою, автор преследует одну цель — прославить и превознести русскую святыню, ставшую отныне символом могущества Москвы не только как политического, но и религиозного центра Руси. В этом плане повесть о Темир-Аксаке с полным основанием может быть названа предшественницей таких повестей XV века, как сказание о взятии Царьграда, о Вавилонском царстве и «Сказание о князьях Владимирских», где религиозно-политическая идея преемственности получила свое дальнейшее развитие.

Текст «Повести о Темир-Аксаке» перепечатывается из издания «Типографская летопись» (Полное собрание русских летописей, т. XXIV, П., 1921, стр. 160—165), где он напечатан по рукописи первой половины XVI века Гос. Исторического музея. Московской б. Синодальной библиотеки, № 789, лл. 225 об. — 232, с учетом разночтений по рукописи XVII века Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. IV. 218 (собрание гр. Ф. А. Толстого), опубликованных в том же издании. Повесть названа здесь «О царстве Тахтамышове». Это название заменено нами более соответствующим содержанию текста — «Повесть о Темир-Аксаке».

Стр. 49. *Темир-Аксак* — Тимур (1336—1405) — знаменитый монгольский завоеватель; родился в городе Кеша близ Самарканда в семье мелкого феодала. Поступив в ранней молодости на службу к эмиру Казгану, стал предводителем его дружинников (нукеров), с которыми совершал грабительские набеги. В одном из них Тимур был тяжело ранен в ногу и сделался хромым; отсюда прозвище Железный Хромец — по-тюркски Темир-Аксак, по-персидски Тимур-ленг (в европейском произношении Тамерлан). Перейдя на службу к хану Токлук-Тимуру, он вскоре стал главою сильного чагатайского племени барлас, а в 1370 г., провозгласив себя единовластным правителем Чагатайского государства, принял титул «великого эмира» и сделал своей столицей Самарканд. Совершив в течение первого десятилетия своего царствования 9 походов в Туркестане, Тимур завоевал государство Хорезм; с 1380 г. начал серию походов в богатый Иран, в результате которых покорил всю Персию и государства Закавказья. В 1389 г. совершил опустошительный поход в глубь азиатских владений золотоордынского хана Тохтамыша и в 1391 г. одержал над ним победу. В 1395 г., когда Тохтамыш вторгся в Закавказье, Тимур разбил его на Тереке и, преследуя, раз-

рушил Елец, разграбил Азов и Кафу (Феодосию), сжег столицу Золотой Орды Сарай и Астрахань. В 1397—1398 гг. предпринял поход на Индию, а в 1399 г. начал войну с турецким султаном Баязидом и египетским султаном Фараджем; в 1401 г. овладел турецким городом Сивасом, а затем сирийскими городами Алеппо и Дамаском, подвластным египетскому султану; в 1402 г. разбил Баязида под Анкарой и захватил его в плен. В конце 1404 г. начал поход в Китай, но в феврале 1405 г. умер. Типичный феодальный деспот, Тимур вел опустошительные войны с целью завоеваний и грабежа и своей исключительной жестокостью превосходил даже Чингис-хана.

Стр. 49. ...в пятое на десять лето царства Тахтamyшова... — на пятнадцатый год после воцарения Тохтамыша в Золотой Орде (1380), т. е. в 1395 г. Дата исторически верна. О Тохтамыше см. прим. к предыдущей повести (стр. 375).

...в седьмое лето княжения великого князя Василия Дмитриевича... — Старший сын Дмитрия Донского Василий I Дмитриевич (1371—1425) стал московским великим князем после смерти своего отца, в 1389 г. Продолжая политику своих предшественников, Василий Дмитриевич значительно расширил территорию Московского княжества, присоединив к нему суздальско-нижегородские земли, Муром и Тарусу. Но в борьбе с Ордою он, в отличие от Дмитрия Донского и, вероятно, не без содействия митрополита Киприана, решил пойти на союз с Литвою и женился на дочери литовского великого князя Витовта — Софии. Однако этот союз не помешал Витовту присоединить к своему княжеству Смоленск (1404) и не предотвратил нашествия на Русь Едигея (1408).

...индикта 3... — т. е. в третий год индикта — единицы старинного церковного летосчисления, равной пятнадцати годам.

...в третее на десять лето по тотаршине, по Московском взятии... — Имеется в виду нашествие на Русь Тохтамыша и разорение им Москвы в 1382 г.

...от Синие Орды, от Самарханския земли... — Самарханская земля — области бассейна Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, известные под названием Мавераннахра (по-арабски значит — «то, что за рекой»).

...от Заицских татар... — от монгольских племен из-за реки Яика (Урала).

...за Железными враты... — Железными Воротами называется узкий проход в южной части Уральских гор, через который многократно проходили из Средней Азии орды кочевников-завоевателей.

Стр. 50. Самархант — Самарканд, центр Мавераннахра. Чагадие — Чагатайское государство в Мавераннахре. Хорусани — Хорасан, город и область в северо-восточной части Ирана. Голустани — город Гюлистан. Китай. — Территория Китая Тимуром не была завоевана: он умер, не осуществив начатого в конце 1404 г. китайского похода. Шираз — город в Иране, захвачен Тимуром в 1387 г. Испаган — Исфаган, город в центральной части Ирана, в XIV в. один из крупнейших городов Ближнего Востока. В 1387 г. жители Исфагана перебили тимуровских сборщиков податей. Подавив восстание, Тимур приказал убить 70 тысяч жителей и построить

пирамиду из их черепов, а город разрушить. *Орнач* — город Ургенч в Средней Азии. *Гилянсиз* — по-видимому, Ганджа (ныне Кировабад) — город в Закавказье, расположенный на реке Гянджачай (приток Куры). *Шабран* — город в Ширване — области северного Азербайджана. *Шаматхи* — Шемаха, город в Ширване. *Савас* — Сивас, город в Малой Азии, захвачен Тимуром в 1402 г. *Арзунам* — по-видимому, Эрзерум — город в западной Армении. *Тефлизий* — Тбилиси; захвачен Тимуром в 1386 г. *Тевризий* — Тавриз — город в южном Азербайджане, захвачен Тимуром в 1385 г. *Обезии* — абазины, народ, обитавший на северном Кавказе. *Гурэи* — Грузия. *Тагдат* — Багдад, город на реке Тигр, ныне столица Ирака. Тимур занимал его дважды — в 1392 и 1401 гг. *Темиркабы*, *рекше Железные врата* — город Дербент.

Стр. 50. *Навходоносор царь* — Навуходоносор II, вавилонский царь (604—562 до н. э.), в 586 г. до н. э. захвативший и разрушивший Иерусалим.

...*Севастию град*... — Себастия — древний город Малой Армении; развалины его близ города Сиваса.

...*святый Григорей, епископ Великия Армения*... — Имеется в виду Григорий Просветитель, первый епископ Армении, основатель армяно-грегорианской церкви, которая около 301 г. стала государственной церковью Армении; умер в 331 г.

Дамаск — один из древнейших городов мира, ныне столица Сирии. Захватив его в 1401 г., Тимур приказал уничтожить значительную часть жителей, преимущественно христиан.

Сарай великий. — Имеется в виду Новый Сарай, или Сарай-Берке — город на Волге, основанный ханом Берке; в XIV веке — столица Золотой Орды; в 1395 г. разрушен Тимуром.

Стр. 51. *Иулиан законопреступник* — Юлиан, римский император (361—363), прозванный христианами за возврат к язычеству Отступником; пытался ввести в Римской империи единую языческую государственную церковь во главе с императором; ограничил свободу христианской церкви. *Диоклитуан* — Диоклетиан (ок. 245—313) — римский император (284—305); в 303—305 гг. предпринял жестокое гонение на христиан. *Максимиан* (240—310) — римский император (286—305 и 307—310); являясь соправителем Диоклетиана (286—305), не менее жестоко преследовал христиан. *Деки* — Деций, Гай (200—251), римский император (249—251); издал эдикт, предписывающий христианам обязательность языческой государственной религии, за невыполнение его учинил в 250 г. разгром христианской церкви. *Ликий* — Лициний (род. ок. 263 г. — ум. в 324 г.) — император восточной части Римской империи (ок. 308—324); в 313 г. вместе с Константином (императором западной части) издал Миланский эдикт, предоставляющий христианам свободу вероисповедания. Лициний причислен в повести к гонителям христианства, очевидно, потому, что боролся за единовластие с Константином — первым императором-христианином, по приказу которого и был убит.

Стр. 53. *Синахири́м* — *Синахери́б*, ассирийский царь (705—681 до н. э.); вел войны со многими государствами, в том числе с Иудеей, дважды осаждал ее столицу Иерусалим, но овладеть городом не мог; в 689 г. разрушил Вавилон; в 681 г. убит собственными сыновьями во время дворцового переворота. Повесть передает библейскую легенду, как пророк Исаия, близкий советник иудейского царя Езекии, спас Иерусалим от нашествия Синахериба.

...в *Ниневию*. — Ниневия — древний город на реке Тигр; при царе Синахерибе — столица Ассирии.

...сыны *Агаряны*... сыны *Измаилевы*. — По библейскому сказанию, сын патриарха Авраама и его наложницы Агари Измаил сделался родоначальником кочевых племен: измаильян и агарян; по мусульманскому преданию, он был похоронен в Каабе в Мекке. Отсюда в русской летописной традиции сыны Агаряны и сыны Измаилевы — инаковерующие, мусульмане.

Стр. 54. ...на *Кучкове поле* — так называлось урочище в окрестностях Москвы, сохранившее имя боярина Кучки, по преданию владевшего в начале XII века богатыми селами на месте будущей Москвы.

ПОВЕСТЬ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ТУРКАМИ

«Повесть о взятии Царьграда турками» привлекала древнерусского читателя не только рассказом о трагическом конце Византийской империи, но и всем тем строем идей, который нашел в ней свое выражение. Она весьма показательна для политического кругозора московских идеологов второй половины XV века. Ее автор, Нестор-Искандер — русский по происхождению, но с молодых лет очутившийся в Турции, — во время осады Константинополя султаном Магометом II был в турецких войсках. По его собственным словам, он «писал в каждый день творимая деяния вне града от турков», а войдя после падения Константинополя в город, собрал «от достоверных и великих мужей вся творимая деяния во граде противу безверных». Признание это весьма ценно. Оно, во-первых, свидетельствует о том, что «Повесть» была написана по свежим следам событий, и, во-вторых, объясняет свойственную ей точность в описании этих событий.

Царьград на всем протяжении своей исторической жизни был окружен в греческой литературе целым рядом литературных произведений провиденциального или мистического характера. Они писались в форме ямбических стихотворений, поэм, загадок, сновидений, прорицаний и пр. Их авторы подражали то античной поэзии, то народным произведениям, то апокалипсису и т. д. В них шла речь о чудесном возникновении Царьграда, о его патрональных святынях, осуществлявших волю провидения, и чаще всего — о его неизбежной гибели. Произведения эти появлялись у греков еще задолго до действительного падения Византийской империи. Складывалась определенная историософия, основанная частично на исторических знаниях и опыте, частично на различного рода религиозно-мистических учениях, сообразно которой Византийская империя, как и ряд государств древнего мира, падет под ударами внешних врагов,

но в конце концов будет спасена посланным свыше царем. Этот взгляд на будущую судьбу империи имел широкое распространение и среди высших слоев византийского общества и в народной среде. В течение ряда веков менялось представление о враге Византии, и предсказания об угрожающей ей опасности последовательно применялись то к арабам, то к славянам, то к крестоносцам, то, наконец, к туркам. Но если на протяжении веков менялось представление о поработителе Византии, всегда отражая реальную опасность, то неизменным (по крайней мере с X века) оставалось определение ее освободителя. Это — «русый язык», или «род русских», то есть русский народ. Все наиболее популярное из этой легендарно-политической литературы предсказаний о будущей судьбе Царьграда было известно в переводах на Руси в XV веке и раньше.

Автор «Повести о взятии Царьграда турками» был в курсе всей этой литературы. Но, главное, он глубоко усвоил лежащие в ее основе историко-философские взгляды и мистические настроения греков и с исключительной талантливостью и последовательностью провел их через все свое произведение, тем самым перенося читателя в тревожную и трагическую обстановку гибели мирового по средневековым представлениям города. Он изображает события осады и падения Царьграда в хронологической последовательности; но свое историческое повествование, в фактическом отношении весьма точное, он соединяет с легендарным сюжетом об основании, гибели и возрождении Царьграда. Этот сюжет, именно как отдельный, самостоятельно задуманный элемент композиции «Повести», очень ярко выделяющийся на общем фоне повествования своими специфически легендарными чертами, в основном опирается на греческую литературу предсказаний.

Можно указать его основные компоненты. Во-первых — это мотив о чудесном знамении при основании города: в данном случае — борьба змея и орла при основании Константинополя. Мотив этот осмыслен в духе христианской символики: змей — символ магометанства, орел — христианства. Во-вторых, составной частью этого сюжета являются мотивы ухода из обреченного на гибель города его патрональной святыни — ангела — и выпадение кровавого дождя. Наконец, в этот сюжет входят мотивы предсказаний, взятых из различного рода эсхатологических сочинений, предсказаний о том, что «русий» народ победит измаила (турок) и христианский Царьград возродится. В своей совокупности эти мотивы образуют сюжет своеобразной легенды.

Этот легендарный сюжет как бы накладывается автором «Повести» на основную ткань его исторического повествования, меняя самый тип этого повествования. Эпизоды «Повести»,

написанные в развитие этого сюжета, являются символическим изображением всей истории великого города, истории действительной и воображаемой: его основания, падения под ударами турок и возрождения в грядущие века. В общей фабуле «Повести» именно он, этот легендарный сюжет, является носителем провиденциальной точки зрения ее автора на историю Царьграда.

В задачу автора входило так написать историю Царьграда — историю его прошлого, настоящего и «будущего», — чтобы была очевидна предопределенность его исторического бытия, так как только при ней сохранялась надежда на его возрождение. Автор не предлагает никаких конкретных форм освобождения Царьграда в ближайшем будущем, потому что не видит их, как, впрочем, не видели их и государственные или политические деятели на Руси и в годы падения Византии и в более позднее время.

Автор «Повести о взятии Царьграда турками», Нестор-Искандер, был воином-профессионалом. В описании осады и обороны Константинополя он обнаруживает чисто профессиональные знания и навыки военного искусства. Он легко восстанавливал в своей памяти ход тех сражений, в которых участвовал сам или о которых слышал рассказы очевидцев, и находил точные и образные слова для описания их. Он хорошо знал приемы единоборства и современную ему тактику наступления и обороны и в своих описаниях поединков и сражений обращал внимание на эту сторону дела. Пожалуй, впервые в древней русской литературе мы встречаем описания поединков, сделанные с профессиональной четкостью. Нестор-Искандер в описании единоборства цесаря и Бегилар-бея указывает, например, в действиях цесаря те приемы, которые обеспечивают ему победу. Кроме этого, он не забывает сказать, что тело Бегилар-бея турки «*падиши отъяша*», то есть вынесли, упав на землю, ползком. Действительно, только так и можно было это сделать во время сражения конницы.

Приведем пример: «Он (Амар-бей) же, видев Рахкавея люте секуща турок, обнажив меч, нападе на нь, и сечахуся обои люте. Рахкавей же, наступив на камень, удари его мечем по плечю оберучь и разсече его на двое: силу бо имяше велию в руках» (Арх. Л., стр. 20). В этом описании поединка Амар-бея и Рахкавея замечательно указание на то, что пехотинец может с силой ударить врага мечом только тогда, когда ему удалось (став на камень) оказаться выше или наравне со всадником.

В описаниях многочисленных приступов турок на Царьград и обороны его греками Нестор-Искандер использовал старые формулы воинских повестей в искусном соединении их с новыми воинскими формулами. Крики сражающихся, боевые

звуки труб, блеск оружия, звон набата, плач и рыдание осажденных, гром пушек, пороховой дым, множество убитых и раненых — все это в описаниях автора создает впечатление больших ожесточенных боев. Это описания новых тактических приемов в сражениях, когда приступ начинается артиллерийской подготовкой на слабых участках укреплений, когда оборона использует умелую перегруппировку сил, быструю заделку крепостных стен, разбитых ядрами пушек, установку фугасов на подступах к городу и пр. И в эти описания вклиниваются, как припоминания, стилистические формулы старых воинских повестей о сражениях, когда «сеча бысть велия и преужасна» и воины «сечахуся лицом к лицу, рыкаяюще, аки дивии звери», и «падаху бо трупия обоих стран, яко снопы, с забрал, и кровь их течаше, яко реки по стенам» и т. п.

В этом соединении новаторства и традиции характерная особенность стиля «Повести» Нестора-Искандера.

«Повесть о взятии Царьграда турками» Нестора-Искандера принадлежит к тому же ряду русских литературных произведений XV века, к которому относится и «Сказание о Вавилоне граде». Она также свидетельствует о пробуждении в русском обществе середины и второй половины XV века интереса к международным делам, к осмыслению мировых событий. Именно за это, как показывает литературная судьба «Повести», она прежде всего и ценилась. Падение мировой империи в ней осмыслялось на уровне историософии ее века, в средневековых условиях равно распространенной в пределах всего христианского мира. Правильно расценивая борьбу исторических сил на мировой арене XV века, она порицала католический Запад и турок, как непосредственных виновников падения Константинополя, и в то же время с сожалением, но открыто признавала неизбежность и закономерность гибели мировой империи — Византии.

Текст повести перепечатывается из издания архимандрита Леонида: «Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора-Искандера, XV века» (по рукописи Троице-Сергиевской лавры, начала XVI века, № 773) — «Памятники древней письменности», LXI, СПб., 1886.

Стр. 55. *В лето 5803 (295) царствующу в Риме... Константину Флавию... нача укрепляти и расширати веру христианскую...* — Константин I, прозванный позднее Великим, полное имя Гай Флавий Валерий Константин (ок. 274—337) — римский император (306—337). Здесь и дальше в повести речь идет об эдикте, изданном Константином и его соправителем Лицинием в городе Милане, согласно которому христианам была предоставлена свобода вероисповедания с возвращением всех конфискованных церквей и церковного имущества. В дальнейшем христианская церковь получила право

принимать вклады и наследства, духовенство было освобождено от городских повинностей, суд церкви приравнивался к суду государственному. Миланский эдикт, положивший начало превращению христианства в господствующую религию в Римской империи, был издан в 313 г. (по старому летоисчислению в 5821 г.). Дата, указанная в повести, не является точной.

Стр. 55. ...наипаче похвалиша ему... *Визандию*. — Византия — древнегреческая колония на европейском берегу Босфора.

...прилежаше мыслию на *Трояду*, идеже и всемирная победа бысть греком на *фряги*... — Трояда — древнее название крайней северо-западной области побережья Малой Азии, искони населенной фригийцами, которые были побеждены греками во время Троянской войны (XII в. до н. э.). Фрягами, с которыми автор смешал фригов, в древней Руси назывались латыняне.

...посылает в *Визандию* *магыстров*... — Магистр — один из высших гражданских чинов в имперской табели о рангах.

...оставив в *Риму* *кесари*: два сына *Консту* и *Константина*... — Конста — по-видимому, Констанций (317—361) — второй сын Константина I, провозглашенный цезарем в 323 г. и назначенный управлять восточными провинциями; в 351—361 гг. римский император. Константин (316—340) — старший сын Константина I; провозглашен цезарем в 317 г., при жизни отца управлял Галлией, Испанией и Британией; после его смерти римский император (337—340).

...сыновца своего *Адаманта* в *Бретанию* [*послав*]... — Кто такой Адамант — неясно. Возможно, речь идет о племяннике Константина I, старшем сыне его сводного брата Юлия Констанция, впоследствии умерщвленном вместе со своим отцом (337).

...поиде с матерью своею *Еленою* в *Визандию*, с нею же взят и жену свою *Максиминоу*, *дщерь* *Диоклитиана* *царя*, и сына своего *Константина*, и *Ликиния* зятя своего, и два брата своих, *Далмата* и *Константина*, и *Долматова* сына, *Далмата* же, и *Константиновых* два сына *Галу* и *Улияна*... — Елена (ок. 244—327) — первая жена отца Константина I — Констанция Хлора (264—306), римского императора (305—306), который оставил ее в 293 г. Елена имела большое влияние на своего сына, который возвел ее в сан августы. В 325 г. она совершила путешествие в Палестину, где, как ей приписывают, нашла так называемый гроб Иисуса Христа и крест, на котором он был распят. Диоклетиан (ок. 245—313) — римский император (284—305), известный жестокими гонениями на христиан. Константин — по-видимому, Констант (323—350), третий сын Константина I; провозглашен цезарем в 333 г. и еще при жизни отца управлял Италией, Иллирией и Африкой; римский император (337—350), отторгнувший от старшего брата Константина II западную часть империи. Ликиний — Лициний (р. ок. 263 — ум. 324) — римский император (308—324), соправитель Константина I, женатый на его сводной сестре. Как претендент на единовластие, был убит по приказу Константина. Далмат — Далмаций, сын Констанция Хлора; судьба его неясна; сын Далмация, носивший такое же имя, был убит в 337 г. во время мятежа, организованного императором Констан-

цием II, боровшимся за единовластие. Константин — Юлий Констанций — второй сводный брат Константина I, убит также в 337 г. вместе со старшим сыном; второй сын его Галл (род. в 325) был умерщвлен по приказу Констанция II в 354 г. Улиан — Юлиан (331—363), младший сын Юлия Констанция, римский император (361—363), прозванный впоследствии Отступником за попытку ввести в Римской империи единую языческую церковь во главе с императором. Судя по историческим датам, все эти члены императорской семьи не могли одновременно сопровождать Константина Великого, который прибыл в Византию не позже 326 г.

Стр. 56. *...собра цесарь вельмож и мегистан...* — Мегистаны (от греч. μέγας — большой сановник) — *набольшие*.

...повеле размерити место на три углы... — Территория Константинополя, ограниченная стенами, представляла собою треугольник, омывающийся с одной стороны водами Золотого Рога, с другой — Мраморного моря.

...межи дву морь — Чернаго и Белаго. — Мраморное море известно было также под названием Белого.

...се место седмохолмный наречется... — Константинополь назван Седмохолмным в так называемой надписи на гробнице Константина Великого.

...повеле... начати град делати... — В 326 г. совершилась закладка новых стен Константинополя; в 328 г. были начаты перестройки в городе и возведение новых зданий.

Созда же цесарь и полату великую, иподрому предивную и две поле устрои... — Великая палата — императорский дворец. Иподрома — ипподром, цирк, существовал и ранее в Византии; Константин его перестроил. Поле — портик, крытый ход.

И назва град Новый Рим. — Торжественное освящение города, получившего название Нового Рима, куда Константин перенес столицу Римской империи, было произведено в 330 г.

...созда церкви преславные: Софею великую, святых Апостол и святых Ирины, и святого Мокия и архангела Михаила... — Софийский собор — главный храм города. Церковь св. Апостолов назначалась для погребения членов императорской семьи. Церковь св. Ирины существовала и раньше, Константин ее расширил и украсил. Церковь св. Мокия была построена на месте храма Зевса.

Стр. 57. *...поставиж и пречюдный он столп багряный... и на нем кумир...* — По свидетельству очевидцев, величественная пурпурная колонна, возведенная на главной площади — Форуме, увенчивалась статуей Аполлона, голова которого была украшена лучами. Остаток этого сооружения сохранился до сих пор и известен под названием «Горелая колонна».

Стратиг — начальник, особенно военный.

...иже от Едеса... — Город Эдесса (в северной части Месопотамии) — один из христианских центров того времени; был известен богословской школой последователей Ефрема Сирина.

Иустиниан цесарь — римский император Юстиниан Великий (ок. 483—565), царствовал в 527—565 гг. При нем Константинополь был перестроен

по грандиозному плану, разработанному талантливыми архитекторами и выдающимися учеными. Особенно величественным сооружением явился сохранившийся до нашего времени знаменитый Софийский собор, созданный в 532—537 гг. на месте прежнего храма св. Софии. Из других сооружений наиболее значительными были: церковь святых Сергия и Вакха (527—565), роскошный императорский дворец и колоссальные водоемы.

Стр. 57. *Феодосий Великий* — Феодосий I (346—395) — римский император (379—395), объявивший эдиктом 380 г. христианство истинной и единственно допустимой в государстве религией. Из числа многих сооружений, возведенных при Феодосии Великом, наиболее известны Золотые Ворота, ставшие впоследствии триумфальными, через которые императоры победоносно вступали в город.

Цесарица Евдокия. — Это имя носили многие византийские императрицы. Возможно, что здесь речь идет о Евдокии Элии Афинанде (400—460), жене императора Феодосия II (ок. 401—450), известного преследованиями язычников и противников ортодоксального христианства. В период царствования Феодосия II (408—450) была построена вторая церковь св. Софии (415).

Блаженный Андрей Кривки известен как создатель религиозных гимнов; в 767 г., во время царствования императора Константина Копронома, принял мученическую смерть; церковью причислен к «лику святых».

Стр. 58. *...Магумет Амуратов сын...* — Мехмед II (1429—1481) — турецкий султан (1451—1481), сын султана Мурада II (1421—1451). Став главой Османской империи, Мехмед сразу же прервал мирные отношения с Константинополем, установленные его отцом в последние годы жизни.

...цесарем Константином... — Константин XI Палеолог (ок. 1403—1453) — последний византийский император (1449—1453). К началу его царствования Византия уже находилась в состоянии полного политического и экономического упадка. Большинство византийских владений было завоевано турками. Власть императора распространялась фактически только на Константинополь и его ближайшие окрестности.

...пришед внезапно град обступи со мною силою. — К захвату Константинополя Мехмед II начал готовиться с 1452 г. Он собрал огромную армию из всех своих владений (ок. 300 000), создал сильную артиллерию, подготовил большой флот (более 400 вымпелов), на берегу Босфора построил мощную крепость, для того чтобы отрезать город с моря. Мехмед II осадил Константинополь в конце марта или начале апреля 1453 г. В изложении автора повести, как рассчитал И. И. Срезневский, осада началась 26 марта (И. И. Срезневский *Повесть о Царьграде*. — «Ученые записки II отделения Академии наук», 1854, кн. 1, СПб., стр. 110. В дальнейшем даты приступов и боев даются в наших примечаниях на основании расчетов И. И. Срезневского).

...людского собрания не бе и братьям цесаревым не сущим... — По свидетельству историков, Константин смог собрать в городе только около 5000 греческих воинов, которые вместе с 2000 наемных латинян, в разное

время прибывших в Константинополь, составили его гарнизон. Братья Константина — Дмитрий (ум. в 1470 г.) и Фома (ум. в 1465 г.) находились в Пелопоннесе, где они владели небольшими уделами.

Стр. 58. ...с патриархом... — Имеется в виду находившийся в то время в Константинополе патриарх Анастасий, который хотя и отказался от патриаршества, но носил этот титул.

Стр. 59. В 14-й же день... — 8 апреля.

...начаша сурны играти и в варганы и накры бити... — Сурна — турецкая дудка (наподобие кларнета); варган — труба;akra — бубны.

Тумбан — тимпан, большой турецкий барабан.

Стр. 60. ...от зелейного духу... — Зелье — порох.

...поиде... в святую великую церковь... — Подразумевается Софийский собор.

...в седьмый день... — 15 апреля.

...Константин посылаше по морю и по суку, в Аморею к братии своей, и в Венецию и в Зиновию... — Аморея — Морей, средневековое название Пелопоннеса (возможно, от славянского слова «Поморье»), где братья Константина были заняты междоусобной борьбой. Венеция — сильная в то время морская республика с территорией на Апеннинском и Балканском побережьях Адриатического моря; владела, кроме того, большим количеством колоний и имела флот в несколько тысяч кораблей. Зиновия — Генуя, морская республика, расположенная на побережье Лигурийского моря; владела Корсикой и многими черноморскими колониями; ее колонией являлась также Галата — восточное предместье Константинополя, которое генуэзцы превратили в сильную крепость, независимую от византийского императора.

...с арбанаши ратовахуся... — Арбанаши автор повести называет албанцев. В описываемое время Албания представляла собою независимое государство, освободившееся от турецкого владычества в результате ряда побед, одержанных над турками под руководством талантливого военачальника Георгия Кастриота — Скандербега (1405—1468). Опасаясь Албании, многие соседние феодалы зачастую выступали против нее и даже на стороне турок.

Стр. 61. ...Зиновьянин князь именем Зустуня... — Джованни Джустиниани, бывший губернатор Кафы — генуэзской колонии на южном побережье Крыма (ныне Феодосия).

...на дву катаргах... — Катарга — галера.

...проиде сквозь все рати морския турецкого... — В начале осады одна из турецких эскадр находилась у константинопольского берега Мраморного моря, против акрополя столицы. Вторая, прибывшая из Черного моря, расположилась против Галаты. По другим источникам, корабли Джустиниани прибыли еще осенью 1452 г., т. е. до начала осады Константинополя.

В 30-й же день по первом приступе... — 23 апреля.

...пушки бяху 2 велице, иж ту сольяны: единой ядро в колено, а другой в пояс... — По свидетельству очевидцев, искусный венгерский

пушкарь-литейщик Урбан отлил для Мехмеда гигантскую пушку с отверстием в 12 ладоней, которая стреляла каменными ядрами в 30 пудов каждое.

Стр. 61. *...удари в тое пушку, и разседеся у ней зелейник...* — По другим сведениям, турецкая пушка взорвалась во время выстрела, причем был ранен и ее создатель Урбан. Зелейник — казенная часть орудия, куда закладывается зелье — порох.

...возопи величим гласом: «ягма, ягма!» — Ягма (турецк.) — грабеж. Употреблялось как междометие и как существительное.

Стр. 62. *...пажушине Галатцкой, сиречь Ильменю всему...* — Так автор называет бухту Золотой Рог, на восточном берегу которого расположена Галата; Ильмень — от слова «ильмень» в нарицательном значении — болото, озеро.

...прекратил день той... — 24 апреля.

Порокы — метательные орудия.

Стр. 63. *...в 9-й день...* — 3 мая.

Днем же минувшим 25... — т. е. еще в течение 25 дней, считая от 3 мая до 29-го, когда Константинополь был взят турками.

Туры — деревянные передвижные башни с надежными укрытиями для штурмовых отрядов.

Стр. 64. *Он же, лукавый... нача советевати о миру.* — Изложенные далее условия мира, которые выдвигал Мехмед II при переговорах с послами Константина, подтверждаются и другими источниками. Константин просил снять осаду и обещал за это любую дань, султан же требовал сдачи города и вместо него предлагал императору Морею, а его братьям другие владения.

Стр. 65. *Днем же трием минувшим...* — т. е. спустя три дня после неудачного приступа турок 3 мая.

...пушка... велия слияся добре... — Как передают другие источники, раненый Урбан отлил, по приказанию Мехмеда, новую гигантскую пушку.

...да сбудутся вся прежереченная о граде сем при Костянтине велицем цесаре и Льве премудром и Мефодием Патормским. — Автор имеет здесь в виду так называемое предсказание о судьбе Константинополя, начертанное одними согласными буквами на крышке гробницы Константина Великого в храме св. Апостолов. Объясняя в 1421 г. эту надпись, сенатор Григорий Схолярый связал ее с эсхатологическими сочинениями императора Льва Мудрого (886—912) и «Откровением Мефодия Патарского» (IV в.). Это «Откровение», ложно приписываемое Мефодию, епископу города Патар в Ликии (III—IV вв.), повествовало о событиях «от первого человека до скончания века», которое должно было наступить в 7000 г. от «сотворения мира». Особенно широкое распространение «Откровение» получило с XI в.

Амурат же некый янычанин... — Янычары — отборные привилегированные пехотные войска, впервые созданные Мурадом II из христиан, обращенных в детском возрасте в мусульманство.

Флабурар — знаменосец; турецкий санджак-бег — военачальник, имевший свое знамя. Кто такие *Амарбей* (Омар-бей) и *Рахкавей* (Рангави), о поединке которых сообщается дальше в повести, — неизвестно. Ни один из современников осады Константинополя не сообщает о них.

Стр. 66. ...*Палсолог стратиг Сингурла*... — Кто такой Палеолог — не ясно. Возможно, речь идет о родственнике Константина — Никифоре Палеологе, начальнике резерва.

...*восточный же флабулар Мустафа*... — Мустафа, как и западный флабулар Омар-бей, не отмечен другими современниками.

...*Федор же тысячник*... — Федор, грек из Венецианской Эллады, командовал одним из греческих отрядов во время осады Константинополя.

...*нападем... яко же иногда Гедсон на мадиямлян*... — Согласно библейской легенде, один из израильских судей — Гедсон, получив божественное повеление избавить еврейский народ от угнетения мадианитян, напал на них ночью с небольшим отрядом воинов. Враги в панике бежали и не решались больше вторгаться в Палестину.

Кир Лука же и архидукс... — Лука Нотара — великий канцлер империи, он же и архидукс — великий дука, т. е. главный адмирал.

Николай епарх... — Епарх — должность префекта Константинополя, в обязанности которого входило поддержание порядка в столице и обеспечение ее продовольствием.

Великий же domestik и с ним логофет... — Великий domestik — командующий византийской армией. Логофет — высшее должностное лицо, вроде статс-секретаря. В то время в Константинополе великим логофетом был Георгий Франдзи (1401 — ок. 1478), впоследствии автор «Большой хроники», в которой описал взятие Константинополя как очевидец этого события.

Стр. 67. ...*видим убо, яко гаурове охрабришася*... — Гяурами магометане называли инаковерующих.

В 20 же первый день мая... нощи убо против пятка... — Пятница тогда приходилась на 25 мая, следовательно, ночь на пятницу была на 21, а 24 мая.

Стр. 69. ...*Карач-бею противу цесарских палат и деревяных врат и Калисария*... — Карач-бей — один из военачальников турецкого султана — назван и в других источниках. Цесарские палаты — императорский дворец, находившийся в северо-западном углу Константинополя, во Влахерне, расположенной между двумя воротами: Деревянными, самыми северными со стороны материка, и Харсийскими (Калисария).

¹ ...*Бегилар-беем: восточному — противу Пигии и Златого места, а западному — против Хорсуни вся*... — Бегилар-бей — беглер-бек, военачальник. Пигия — юго-западный угол города. Златое место — Золотые Ворота, самые южные со стороны материка. Хорсунь — сторона города против Харсийских ворот.

Стр. 69—70. ...*столу же морскому Балтауглию и Загану — обе стене от моря*... — Стол морской — эскадра, флот. В начале осады турецкий флот не мог проникнуть во внутреннюю гавань Константинополя — Золотой Рог, так как греки заградили его толстой железной цепью, плававшей на бревнах, а за нею поставили свои корабли. Тайно сговорившись с генуэзскими правителями Галаты, турки соорудили позади галатских укреплений деревянный настил и по нему перетащили свои корабли из Босфора в Золотой Рог

Балтауглий не упоминается другими источниками в числе турецких морских военачальников. Заган — главный советник Мехмеда II, настаивавший на взятии Константинополя.

Стр. 71. *Фарис* — арабский конь.

...*смолья пумы великий зажигающе...* — Пучма — связка; слово западнорусского наречия.

...*согнаша их с забрал...* — Забрала — помосты на верху стен, огражденные с внешней стороны брустверами.

...ударив *Зустуня по персем...* — Об этой первой ране Джустиниани другие современники не упоминают.

Стр. 72. ...*со многими срачины...* — Срачины — сарадины, название мусульман, которые считали себя потомками Авраама и жены его Сарры.

Протостратор — одна из высших придворных должностей, начальник стораторов (конюших).

Инафты (инфанты) — подростки, слово западноевропейского происхождения.

...*прилетешу убо склопу, и удари Зустуня...* — Склоп — по-видимому, искаженное «склон», в данном случае в значении — ядро на излете. Ср. на стр. 71: «...прилетев ис пушки ядро каменное на излете и ударив Зустуня по персем».

...*срете Зустуня еще жива суща...* — По другим источникам, Джустиниани, легко раненный, малодушно бежал в Галату, а оттуда на остров Хиос.

Стр. 74. ...*приде гуфою и гордостию великою...* — Гуф — отряд; слово польского происхождения.

Стр. 75. ...*тако пострада благоверный царь Костянтин...* — Все современники сообщают о смерти Константина с оружием в руках. Большинство из них изобразили его мужественным и храбрым до конца.

Царица же... иночество прия... — По свидетельству историков, вторая супруга Константина, Екатерина, умерла еще в 1442 г. За год до падения Константинополя император по политическим соображениям предполагал жениться на вдове султана Мурада II, происходившей из рода сербских князей. Однако та предпочла уйти в монастырь. В тот же год Константину была сосватана невеста из Грузии, за которой, по свадебному договору, можно было послать только через год. Говоря о царице, автор, очевидно, допустил неточность.

Стр. 76. ...*метаху... сверху полат керамиды и плиты...* — Керамиды — черепица; плиты — кирпичи.

...*бреди израды...* — Израда — измена. В своем предисловии архимандрит Леонид назвал это слово единственным в повести из западнорусского наречия. Выше в примечаниях нами отмечены и некоторые другие западнорусские слова.

Стр. 77. *Анактос* — правитель.

...*протостраторов сын Андрей и братанич его Асан Фома Палеолог...* — О ком здесь идет речь, неясно. Асан Фома из Палеологов не упомянут ни у одного из современников событий.

Стр. 77. ...одолевших гордого Артаксерксия... — Артаксеркс I — персидский царь (465—424 д. н. э.), над которым древние греки одержали решительную победу в морском сражении у Кипра (449 до н. э.).

...измаильта победят... — Изманльтянами назывались в средние века мусульмане, считавшиеся потомками библейского Измаила, сына Авраама и его рабыни Агари (отсюда второе их название «агаряне»).

...в последнем видении Данилове... — Под именем «видений Даниила» обобщаются многие памятники предсказаний, принадлежащие к числу апокрифических книг. Особенным распространением в средневековой византийской и славянской литературе пользовалось так называемое «Последнее видение Даниила», с которым тесно связано и «объяснение» надписи на гробнице Константина Великого. Далее в повести до ее послесловия приведена цитата из этого «Последнего видения». В перевод повести, даваемый в настоящем издании, она не включена.

...до Тесного устья. — Тесное устье — по-видимому, Дарданеллы.

Стр. 78. ...до Единодубного... — Под этим названием известно одно из древних предместий Константинополя.

...в Селуни. — Селунь — Солунь, славянское название города Фессалоники в Греции (ныне Салоники); в XIV—XV вв. второй по экономическому и культурному значению город Византийской империи; в 1430 г. захвачен турками.

Нестор Искандер. — Искандер — турецкое произношение имени Александр.

ПОВЕСТЬ О КУПЦЕ ДМИТРИИ БАСАРГЕ И СЫНЕ ЕГО БОРЗОСМЫСЛЕ

Повесть о Басарге написана русским книжником на основе устного греческого сказания, по-видимому, в самом начале XVI века. Около четырех столетий она прожила в рукописной традиции, неоднократно подвергаясь редактированию, постепенно теряя черты нерусской жизни в своем содержании.

В греческом устном сказании, как об этом можно судить по повести о Басарге, речь шла о каком-то эпизоде многовековой борьбы греческого православия с латинским Западом. Местом борьбы изображалась Антиохия, надежды на защиту православного населения города возлагались на Царьград. Трудно, конечно, от устного — да еще сказочного типа — сказания ожидать точности в изображении исторических событий этой борьбы. Но какую-то долю историчности оно все же в себе содержит. Бурное историческое прошлое Антиохии представляет немало случаев утеснения ее греческого населения и Персией, и Египтом, и турками, и «латинами» — крестоносцами. Последние владели Антиохией с 1098 по 1268 год. Уже вскоре после взятия ими Антиохии произошел разрыв между византийским императором Алексеем Комниным и антиохийским князем Боемундом Тарентским, который, с точки зрения Византии, слишком усиливался за счет слабых турецких эмиров и византийской территории. Антиохия на долгие годы стала главным центром внимания Алексея Комнина в его борьбе против латинских княжеств на Востоке. Но поход под ее стены при нем так и не был приведен в исполнение: у империи в это время не было сил для такой экспедиции.¹ Зато сын Алексея Комнина, Иоанн II, достиг полного успеха в борьбе с Антиохийским княжеством. Осажденная им Антиохия «должна была просить у него мира, который и был дарован Иоанном на усло-

¹ А. А. Васильев. Византия и крестоносцы, П., 1929, стр. 36—37.

вии признания антиохийским князем сюзеренитета империи».¹ Но после смерти Иоанна II (1143) вновь создались условия, благоприятные для большей независимости Антиохийского княжества. Эта политическая борьба между Византией и Антиохией, протекавшая на фоне общей борьбы Византии с Западом, не могла, конечно, не сказываться на положении греческой части населения самой Антиохии, а также на интересах константинопольских купцов, ведших с нею торговлю. Таким образом, географическая и историческая обстановка в самом общем их виде не противоречит той картине борьбы «латин» и греков, какая была дана в устном греческом сказании, послужившем источником для повести о Басарге.

Вряд ли следует только ограничивать события, о которых в нем шла речь, какими-либо определенными хронологическими или географическими рамками. Но ядро сказания, самый факт борьбы между «еллинским», то есть римским, царем и греками, вероятно, является художественным обобщением той борьбы, которая в эпоху крестовых походов была типичной для малоазийских и сирийских городов со смешанным населением.

Это было сказание о царе «латинской веры», притесняющем греков, художественно обобщавшее многовековую борьбу между Византией и Римом, которая особо острые формы принимала в таких городах, каким, например, была Антиохия. Только в этом смысле и можно допускать какую-то долю его «историчности». Сказание это на греческой почве, очевидно, не получило литературной обработки и существовало в устной традиции греческого населения Сирии.

В силу каких причин и когда это греческое «сказание о царе латинской веры», притесняющем православных, перешло на Русь?

Перейти на Русь оно могло тогда, когда интерес к подобного рода сюжетам был создан крупными политическими событиями в жизни Византии и Московского государства. Падение Константинополя (1453) лишало греческую культуру в глазах русского населения того значения, которое она имела для него на протяжении ряда веков, — значения высокого совершенства, авторитета, божественной волей отмеченного главенства во всемирной истории. Но старые связи между Византией и Русью не сразу и не окончательно рвались. Они принимали только новые формы. После падения Константинополя московские великие князья в своих собственных глазах становятся защитниками и покровителями православного Востока. Это убеждение сложилось не без влияния нахлынувших на Русь в конце XV и в XVI веке греческих просветителей «милостыни». Московские

¹ Там же, стр. 42.

князья покровительствуют населению ряда греческих центров. Но влиять на покоренные турками народы в смысле высшей культурной силы или оказывать им какую-то действительную помощь в политическом отношении русские не только в XV—XVI веках, но и значительно позже не имели возможности. Их покровительство на первых порах не шло дальше более или менее щедрой материальной поддержки — «милостыни» или же предложения убежища греческим эмигрантам.¹ Уже вскоре после взятия Константинополя патриарх Геннадий обратился к московскому князю с просьбой о «милостыне» и просил прислать в Константинополь великокняжеского посла. В ответ на это обращение патриарха великий князь Василий Васильевич действительно послал в Константинополь своего посла с письмом и «милостынею». Так начались новые отношения между Востоком и Москвой. С этого времени русские послы с княжеской, а затем и царской «милостыней» неоднократно посещают Константинополь, Иерусалим, Афон, Антиохию и т. д. Православные страны и народности Востока, в свою очередь, посылают в Москву представителей, начиная от простых монахов до патриархов включительно: они привозят в Москву «святыни» (иконы, кресты, мощи); подолгу живут в Путивле, Москве и в различных монастырях и уезжают к себе, богато одаренные князьями.

Сознание вот этой исторической роли Московского государства в его взаимоотношениях с православным Востоком являлось в XV—XVI веках одной из причин интереса древнерусского книжника к произведениям, подобным греческому сказанию о царе «латинской веры» — угнетателе православных. Так, например, именно в связи с этими новыми взаимоотношениями Москвы и Востока перешло на Русь известное «Слово о патриархе александристе Иоакиме, како пия смертное зелие лютое веры ради христианския и не вредим пребыть».²

С известной долей вероятности можно определить и время перехода на Русь греческого сказания о царе «латинской веры», литературно обработанного в повесть о Басарге. В ближайшие полвека после взятия Константинополя турки подчинили себе почти все малоазийские колонии Византии, в 1516 г. окончательно была присоединена к Турции и Антиохия. Быстрое распространение турецкого владычества на территории, занятой греками, должно было заслонить в глазах греческого населения старые ссоры с Римом. Сюжет, сохранявшийся в

¹ См. Н. Каптерев. Характер отношений России к православному Востоку, изд. 2-е, Сергиев Посад, стр. 103—104.

² См. «Чтения Общества истории и древностей российских», М., 1884, кн. I, январь — март, стр. 132.

устной традиции, вряд ли мог просуществовать в народной памяти долгое время после этих событий без существенных изменений. А между тем в повести о Басарге не упоминаются турки. Поэтому отодвигать проникновение этого сюжета на Русь ко времени более позднему, чем начало XVI века — когда греческое население подчиненных Турции областей уже сильно почувствовало религиозный и национальный гнет турецкого владычества, вызвавший в ряде населенных греками мест восстания, — вряд ли будет правильным. Начало XVI века — наиболее вероятное время перехода на русскую почву этого сюжета.

Здесь он легко мог быть воспринят, так как, кроме его чисто литературной занимательности, сама идея борьбы с «неверными» имела для Московского государства в XVI веке не отвлеченное, а глубоко жизненное значение. Летописи XVI века и другие исторические источники указывают на пленение русских людей казанскими и крымскими татарами, ногайцами и турками. Очень выразительную картину татарских набегов в первой половине XVI века рисует А. Курбский в своей «Истории о великом князе Московском». По его словам, Московское государство разорялось «еще во младости его [Ивана Васильевича] безчисленными пленениями варварскими, ово от царя Перекопскаго, ово от татар Нагайских, сиречь заволских, а наипаче и горши всех от царя Казанского, сильного и мощнаго мучителя христианского (яже подо властию своею имел шесть языков различных), ими же безчисленное и неисповедимое пленение и кровопролитие учинял, тако уже было все пусто за осьмнадцать миль до Московского места. Тако же и от Перекопского, або от Крымского царя, и от Нагаи вся Резанская земля, аже по самую Оку реку, опустошена...»¹

На этом историческом фоне, характерном для Московского государства на протяжении всего XVI века, содержание повести о Басарге, возникшей на основе устного греческого сказания, вскоре стало восприниматься как действительный случай из жизни русского купца. Это обстоятельство создавало психологическую основу для редакторских переделок первоначального текста повести, для национального приурочения ее сюжета. И действительно, вся литературная история повести о Басарге на русской почве идет в этом направлении. А отсюда постепенное проникновение не только в отдельные редакции повести, но и в отдельные списки ее, черт русского быта и, что еще любопытнее, — идейное переосмысление всего произведения в целом.

Итак, повесть о Басарге в своем первоначальном виде, — очевидно, следуя за устным греческим сказанием, —

¹ «Князя А. М. Курбского История о великом князе московском», изд. Археограф. комиссии, СПб., 1913, стр. 8.

приурочивает действие к городу *Антиохии*. Царь Аркадий и патриарх Амфилохий правят в *Антиохии*. Буря заносит корабль Дмитрия Басарги — *грека, жителя Царьграда, в Антиохию*. Его сын выступает в *Антиохии* против латинского царя на защиту *греческой веры*. Повесть оканчивается переездом Дмитрия Басарги со всем своим родом *из Царьграда в Антиохию*. Здесь еще нет ничего русского. И понятно: в основе первоначальной редакции лежит «Сказание о царе латинской веры», отражающее чаяния греческого населения восточных провинций Византии, занятых крестоносцами.

Итак, попав на Русь, греческое сказание получило литературное оформление в виде повести. Приобретенный им литературный облик является лишним доказательством правильности предположения о возникновении повести в начале XVI века; на нее легли черты повествовательного стиля этой эпохи — стиля легендарно-публицистических повестей и сказаний конца XV и начала XVI века.

Общеизвестны те крупные исторические события, которые определили собою характер публицистики и художественно-публицистической литературы этой поры. Флорентийская уния (1439), взятие Константинополя турками (1453) и еще более важные для истории Руси факты — образование единого Русского государства, широкий размах международной политики Москвы, ослабление Золотой Орды и свержение татарского ига вызвали значительное оживление в области умственной жизни Руси конца XV и начала XVI века и сильно изменили ее публицистику. В последнюю проникли новые историко-политические идеи и представления: московский князь, этот «государь над всеми государями Русской земли» — наследник власти римских императоров; истинное благоверие удерживается только в Москве; Москва — третий Рим и т. д. Публицисты этой поры облекли новые идеи и представления в особую форму, стиль которой отвечал историческому кругозору и литературному вкусу их времени. Обращение к легенде и псевдоисторическая аргументация при решении важнейших вопросов эпохи — характерная черта стиля этой литературы. Новые представления и идеи получили распространение не только путем оригинальных произведений, но и через переводную, созвучную новым требованиям литературу, весьма умеренно, но в то же время и умело, руссифицированную. Так образовался круг публицистических произведений этой эпохи: «Сказание о князех Владимирских» и ряд его переделок и извлечений из него, повесть о Вавилоне, «Сказание о новгородском белом клобуке» и др. К циклу этой публицистической и художественно-публицистической литературы примкнула и повесть о Басарге. Ее

роднит с этим кругом произведений единство темы, идей, образов и в известной мере самая манера письма.

Сын Дмитрия Басарги борется за истинную, греческую веру против латинского царя Несмеяна Гордого, лютого и злого законопреступника, насильно обращающего православных христиан в свою латинскую веру. Эта тема, издавна хорошо известная древнерусской литературе, вновь приобрела все значение злободневности после Флорентийской унии и нашла свое отражение в публицистике конца XV и начала XVI века. Не без влияния этой литературы сказочный образ Несмеяна Гордого в повести о Басарге сильно смещен в сторону традиционных образов, неоднократно намечавшихся в различного рода «писаниях еже на Латыню».

Идея царской власти выражена в повести о Басарге в том же духе, в каком ее культивирует публицистика, находящаяся на службе складывающегося московского единодержавия: царь — божий слуга, и царство ему дается «божиим изволением». Божественная природа царской власти символизируется в повести особым обрядом поставления отрока на царство.

Несмотря на легко обнаруживаемую близость к циклу публицистических и художественно-публицистических произведений конца XV и начала XVI века, повесть о Басарге в первоначальной редакции еще продолжает оставаться произведением со своим особым, нерусским содержанием, при этом с содержанием, ставшим анахронизмом для начала XVI века, когда и Царьград и Антиохия уже были под властью турок. Воспринимаемая остро, как злободневное и однородное с публицистическим циклом произведение (о чем, между прочим, можно судить по тому факту, что все эти произведения иногда помещаются в одних и тех же сборниках), повесть о Басарге должна была подвергнуться дальнейшим изменениям. И действительно, еще в XVI веке она была отредактирована умелой рукой. Вспротиву в эти изменения, нельзя не заметить отчетливо сказавшейся в них тенденции, продиктованной определенными литературными требованиями. В новой редакции опущено введение в повесть и упоминание о возвращении патриарха в Антиохию, то есть то, что придавало повести исторический и географический колорит, явно далекий от русской жизни. В новой редакции нет Антиохии, а есть безымянный «град», нет Аркадия, царя антиохийского, нет Амфилофия, патриарха Антиохии. Но не только путем негативной правки шел редактор в своей попытке сблизить повесть о Басарге с русской жизнью. Он поступил более решительно. Под его пером Дмитрий Басарга превращается в русского купца. Сын Дмитрия Басарги отстаивает в неведомом граде русскую веру. В аспекте нового понимания всего содержания повести по-другому, совсем уже в унисон

с самыми злободневными общественно-историческими представлениями начала XVI века, зазвучала передача регалий римского царя (жезла, меча, венца и царской одежды) русскому отроку-царю, и на повесть со сказочно-анекдотической основой упал ясный отблеск важнейших идей эпохи, волновавших русское общество XVI века. Литературный облик повести именно в процессе этой редакции принял вполне законченный вид; и эта новая редакция повести о Басарге получила широкое распространение в древнерусской литературе.

Работу составителя новой редакции продолжили авторы ее многочисленных вариантов. Каждый из них вносил изменения в текст повести, но требования времени были настолько сильны, что важнейшие из этих изменений шли в одном направлении — по пути дальнейшего освоения чужеземного сказания, придания ему своей, национальной окраски. Все, что могло казаться чужим, было окончательно стерто в тексте повести, очевидно, еще в XVI веке.

Но этим не оканчивается литературная жизнь повести о Басарге.

К концу XVII века относится вторая переделка повести о Басарге. Оставляя без изменений основные линии сюжета, составитель сильно изменил фабулу повести. В ней речь идет о «нечестивом царе», который в своем городе «веру Христову попрад и всех православных христиан обосурманил и повеле веровать богу своему Бахмету». Такая же судьба ожидала и приезжих гостей: «и те все обосурманены, веры Христовы и домов своих отстали». Этот «басурманский» царь в повести ближе не определяется. Но судя по тому, что царство его находится на море, основным толчком к изменению фабулы повести послужили, наверное, не раз на протяжении XVII века приобретавшие острые формы взаимоотношения Московского государства с турками и крымскими татарами. Фабула повести, таким образом, охватывает область новых отношений и понятий. Повесть оканчивается победой сына Дмитрия Басарги, который убил «нечестивого» царя, «а поганых босурман повеле бить да в море метать».

Замечательна эта вторая переделка повести и своим тяготением к фольклору. В этом отношении особенно показательны изменения в составе загадок. «Стоячево ли древа боле или лежачево?» — спрашивает царь вместо традиционной загадки: «Много ли, мало ли от востока до западу?» Отрок отвечает: «Лежачево древа боле, а стоячево мене... Лежащий лес в царствах и в городех, и в селех и в деревнях, и на корени лес стоит, а в нем большая половина лому». Вместо традиционной третьей загадки «Чтобы аз вам не смеялся поганой» во второй пере-

делке повести читаем: «Кто бежит и кто гонится?» Отрок отгадывает: «День идет, а ночь приближается».

В самом конце XVII века повесть еще раз подверглась переработке. Теперь местом действия в ней оказывается не безымянный заморский город и не Антиохия, а Венеция. Буря прибывает корабль, на котором едет Дмитрий Басарга вместе с сыном своим Форсом, к незнакомому городу. Город этот, по словам встретившегося Дмитрию рыбака, «именуется Венеция великая. В ней же тафты и всякия бархаты и аталасы сотворят, и прочая драгия портища и шелки сотворяются». Форс, который «всех хитрецов и мудрецов венецейских превзыде премудростию и разумом», отгадывает загадки Несмеяна и убивает его. «Многоцветущии народи великаго и славнаго царства венецейскаго» избирают Форса «вселя великия Венеции светлейшим самодержцем». Заняв престол, Форс вскоре «взя прекрасную и предивную девицу Зевериаду, дочь нечестиваго царя Несмияна Гордаго», крестит ее «и нарекоша ее имя Маремия».

На этой поздней переделке повести о Басарге сказалось влияние уже новых понятий и нового стиля литературы предреформенного петровского времени.

И в ней продолжается руссификация содержания повести путем добавления характерных подробностей: отрок «нарядися в светлую одежду золотую узорчатую, яко же искони рустии людие честнии носяху, тако же и отец его нарядися в драгая портища светлая и поидоша ко царю». Сближение с фольклором здесь также сказывается на изменении состава загадок. Так, отвечая на загадку «Колико есть от востока и до запада, от севера и до юга, от земли до небеси», Форс говорит: «От востока до запада день с нощию...» — обычная отгадка; затем: «А от небеси до земли тако же немного есть. Егда гром грянет, того же часа и земля вся потрясется, а молния егда облиста на небеси, того же часа и на земли многия вещи пожигает и опалает. И облак тако же егда найдет, того же часа и дождь на землю пролиется. А земная, царю, глубина мне ся снит отнюдь глубочайше небесная, занежь моего государя дедушка положили в землю, трех локтей могила его, и уже тому времени минуло есть 30 лет, а по се время ожидаем его и не можем дожидатися».

В дальнейшей литературной истории повести о Басарге знаменательным фактом является приобретение ею черт, характерных для произведений народного чтения XVII—XVIII веков. Она уходит в более демократические слои читателей. Забывается ее когда-то злободневный политический смысл. Ее стиль характеризуется наплывом элементов просторечия или речевых фрагментов фольклорного происхождения: «ударить челом», «булатный меч», «царь-детище», «подобает ли детскими играми

и женскими вечерами загадки мудрствовать» и т. п. Ее новые списки XVIII—XIX веков часто дают усеченный текст: сохраняется только занимательно-анекдотическая часть текста — состязание между царем Несмеяном и отроком Борзосмыслом в загадывании и разгадывании загадок; эпизоды же повествовательного характера, следующие за убийством царя, обычно опускаются. Так замыкается круг литературной жизни сюжета, лежащего в основе «Повести о купце Дмитрие Басарге и сыне его Борзосмысле».

«Повесть о купце Дмитрие Басарге и сыне его Борзосмысле» печатается по списку XVIII века Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, О. XVII. 57, 8°, лл. 164—179, публикуемому впервые.

Стр. 79. *Борзосмысл* — человек острого ума, быстро соображающий.

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНЕ ГРАДЕ

В «Сказании о Вавилоне граде» рассказывается, как послы, отправленные в Вавилон греческим царем Львом, — грек, кавказец¹ и русский — добывают там знаки царской власти, принадлежавшие некогда вавилонскому царю Навуходоносору. Эти знаки царской власти послы по возвращении своем из Вавилона вручают византийскому царю Льву. Так символически обосновывается в «Сказании о Вавилоне граде» идея исторической преемственности Византией всемирной царской власти. Но основной идейный смысл «Сказания» не в этом.

«Сказание о Вавилоне граде» замечательно своей исторической и политической концепцией. В нем в форме легенды дается осмысление положения Руси на фоне истории всех христианских православных стран конца XIV — первой половины XV века. В новой исторической обстановке в новой форме возрождается идея, волновавшая передовых людей еще времени Киевской Руси. Теперь русские идеологи выдвигают идею равноправия или равенства всех оставшихся независимыми православных стран — Руси, Обезии (Грузии) и Византии. Это определенный выход русской политической мысли из круга ближайших и очередных задач внутренней жизни Руси в сферу международных вопросов.

¹ Проф. М. О. Скрипиль в этой статье толкует этническое название «обез», «Обезия», как «абхазец», «Абхазия». Я заменил это толкование обобщенным «кавказец», а вместо «Абхазия» — «Северный Кавказ» и «Грузия». Названия «абхаз» и «Абхазия» фонетически не могли дать в древнерусском языке «обез» и «Обезия». Наиболее подходящим туземным прототипом этих терминов можно признать «абазы», современное «абазинцы». Название племени, родственного абхазам и грузинам, но живущего на самой северной окраине Кавказа, ближе всего к русским, видимо, в XIV—XV вв. послужило обобщенным обозначением всех кавказцев, и среди них — грузин, как основной народности центрального Кавказа. Таково же перенесение имени мелкого периферийного племени «греки» на эллинов и т. д. — Б. Л.

Концепция, отразившаяся в «Сказании», слагалась постепенно, начиная с конца XIV века. Были внешние причины, подспазывавшие ее, — потеря самостоятельности Болгарией и Сербией и ослабление Византии. Еще более существенными были внутренние причины, коренившиеся в глубоких изменениях жизни северо-восточных русских княжеств, и особенно княжества Московского. За немногословным текстом «Сказания о Вавилоне граде» открывается целый мир идей и отношений, волновавших русских людей в период, предшествовавший образованию централизованного Русского государства. «Сказание» — это своеобразное обоснование права Руси и Грузии первой половины XV века на участие в международной жизни на равных началах со старшей христианской православной империей — Византией. Грузия входит в эту концепцию не случайно, так как жизненные интересы Руси и кавказских народов соприкасались уже в это отдаленное время.

Рассказ об участии на равных началах представителей трех сохранивших свою независимость православных стран в добытии царских инсигний (знаков царской власти) для греческого царя, написанный в последние десятилетия существования Византийской империи, — это символическое изображение соотношения сил этих стран в первой половине XV века.

Мысль о равноправии или равенстве Византии, Обезии и Руси могла возникнуть только в определенной конкретно-исторической обстановке, вернее всего — в обстановке наступления ислама на христианские православные страны в конце XIV и первой половине XV века.

Со времени завоевания османскими турками Галлиполи и фракийского Херсонеса, то есть с 1357 года, начинается наступление их на Сербию и Болгарию.

Когда в 1383 году пала София, Болгарское царство оказалось накануне своей гибели. Внутри его не затихали междоусобные распри, оно не получало поддержки и извне, от соседних государств.

С конца XIV века Болгария на долгие столетия оказывается под властью османских турок.

Военная мощь Сербии оказалась подорванной уже со времени битвы на реке Марице в 1371 году. В битве этой погиб и король Вукашин, герой сербского народного эпоса. Король Лазарь, владевший северной Сербией, стал копить силы для борьбы с турками. Ему удалось собрать огромную по тому времени армию в шестьдесят тысяч человек, которая встретила с турками на Коссовом поле. В первом же сражении с турками король Лазарь попал в плен и был казнен. Это вызвало панику в сербских войсках. Сербы потерпели полное поражение на Коссовом поле, и самый день битвы — день св. Вита (сербск. — Ви-

довдан, 15 июня 1389 года) — остался в памяти сербского народа как самый трагический день сербской истории. Сербия потеряла независимость и была обложена тяжелой данью. И хотя отдельные князья, добиваясь поддержки турок, пытались удержаться у власти, это уже не могло иметь особо важного политического значения: подлинная самостоятельность Сербией была утеряна, а через семьдесят лет после битвы на Коссовом поле, когда султан Мухаммед подавил и эти отдельные попытки сербских князей, вся страна (за исключением Белграда) стала турецкой провинцией (1459).

Так сложились исторические судьбы Болгарии и Сербии к началу XV века.

Успешные войны османских турок с Византией на протяжении всего XIV века и их победы на Балканах в конце этого века сильно изменили международное положение православного Востока. Болгария и Сербия потеряли свою независимость. На исторической арене, в представлении русского книжника XV века, остались Византия, ослабленная и урезанная в своих границах, Грузия и Русь.

Именно такое представление о положении «православного мира» в первой половине XV века нашло свое отражение в идейно-художественном замысле «Сказания о Вавилоне граде», своеобразно преломившись в идее равноправия или равенства Византии, Грузии и Руси.

Но в какой стране могла появиться эта идея?

Вся история отношений Византии с народами, принявшими от нее христианство, свидетельствует о том, что эта идея не византийского происхождения. На всем протяжении исторической жизни Византии императорская власть представлялась греческим политическим деятелям всемирною и исключительною. Византийский император считался единственным представителем мировой империи и единственным законным главой всех христиан. Даже за римскими императорами не признавалось право на одинаковое с ним положение. «Новообращенные» народы столетиями воспитывались в убеждении, что все христиане являются подданными византийского императора; и греческие политики стремились достигнуть на практике того, чтобы все страны, куда проникало христианство из Византии, поставить в зависимость от византийского императора и в политическом и в церковном отношении. На истории взаимоотношений Византии и древней Руси мы видим, с каким исключительным упорством Византия пыталась добиться осуществления этих взглядов на практике.

Нет фактов русской истории, свидетельствующих о том, чтобы упорное стремление Византии через церковь или непосредственно добиться политической зависимости Руси имело успех хотя бы на короткое время. Но идея эта возникла в Визан-

тии очень рано, и вполне отказаться от нее империя не могла вплоть до падения Константинополя. Это и понятно: признание права «новообращенного» народа на независимость в церковном и политическом отношениях противоречило основной теории византизма — теории мировой монархии и вселенской церкви.

Трудно представить себе, чтобы византийский писатель любого времени, и в частности первой половины XV века, мог написать произведение, подобное «Сказанию о Вавилоне граде». Его идея о равноправии или равенстве греков, кавказцев и русских в корне противоречит византийским воззрениям на народы, принявшие христианство из Византии, — воззрениям, сложившимся исторически и получившим каноническое обоснование.

Названием «обезы» в древней Руси обозначались абазины — кавказцы, или, вернее, их родина. Русь, по-видимому, поддерживала с ними оживленные сношения, и упоминания об обезах довольно часто встречаются в наших летописях. Вполне понятен интерес древней Руси к обезам. Обезия была христианской страной (в 550 году в ней уже были христианские церкви), границы которой лежали недалеко от древнего Тьмутараканского княжества. Возможно, что уже в это время между русскими и абазинами были торговые и иные связи.

В то время, когда под ударами турок теряли свою государственную самостоятельность Болгария и Сербия, в жизни Обезии и Грузии также происходили крайне важные события. С 1386 года началась длительная борьба Грузии с Тамерланом, которая продолжалась в дальнейшем с его наследниками до 1411 года. Разорение Грузии во время этой борьбы было очень велико. И несмотря на то, что вслед за этим наступило сравнительно спокойное время тридцатилетнего царствования грузинского царя Александра I с его широкими восстановительными планами, страна все же не могла уже вполне оправиться.

Тем более не могло это произойти еще и потому, что в царствование Александра I заметно усилились крупные феодалы, а в связи с этим и феодальная эксплуатация трудового народа. Грузинское царство было накануне своего распада. Но современники не видели надвигавшихся событий, и восстановление при Александре I городов, крепостей, дворцов и монастырей воспринималось ими как возрождение лучших времен, как расцвет страны.

Казалось, что Грузия, третье по счету христианское свободное государство в первой половине XV века, вновь окрепла на многие годы. Очевидно, именно такое восприятие Грузии времени царя Александра I нашло свое отражение в «Сказании о Вавилоне граде» (признание Грузии равноправной с Византией).

Но в «Сказании» речь идет об обзах, а не о Грузии.

Конец XIV и начало XV века — это было то время в истории Грузии, когда среди всех областей Грузинского царства Обезия заняла совершенно особое положение. Когда под ударами Тимура во время его шести больших походов в Грузию восточная и часть западной Грузии лежали в развалинах, Обезия избежала прямых последствий нашествия монгольского завоевателя. Сохранилось ее население. Не была разрушена ее экономика. Кроме того, она в это время пользовалась полной церковной независимостью от Грузии.

На Руси до конца XV века лучше знали абазинцев, чем грузин и племена других областей. Здесь в первой половине XV века скорее Обезия, чем Грузия в целом, могла быть сочтена той страной, которой наряду с Византией и Русью было суждено представлять на международной арене христианский православный мир.

В истории древней Руси время с 60-х годов XIV века и до середины 80-х годов XV века имело совершенно исключительное значение. Оно было не только временем роста и укрепления Московского княжества, но и непосредственным этапом на пути создания централизованного Русского государства.

Со второй половины XIV века в политическом строе северо-восточных русских княжеств происходили глубокие изменения. В основном эти изменения состояли в успешном преодолении феодальной раздробленности внутри каждого из русских княжеств, сохранявших политическую самостоятельность в конце XIV — первой половине XV века. Этот процесс происходил и внутри Московского княжества. Но политика московских князей, которые в XIV и XV веках с незначительными перерывами почти все время удерживали за собою великое княжение, далеко не исчерпывалась подавлением самостоятельности «уделов» внутри Московского княжества.

Московские великие князья вследствие занимаемого ими положения неизбежно должны были объединять и возглавлять другие северорусские княжества в случаях внутренней и внешней борьбы. Эта объединяющая и руководящая роль Москвы была признана всеми русскими землями уже в конце XIV века в момент грозной опасности — нашествия Мамаю.

Куликовская победа закрепляла за Москвой значение общерусского политического центра, а общие успехи княжения Дмитрия Донского означали кризис системы феодальной раздробленности Руси. Объединительную политику Дмитрия Донского продолжали его преемники. Но необходимо было еще целое столетие упорных усилий Москвы, прежде чем было достигнуто окончательное политическое объединение всей страны и создано централизованное Русское государство.

Общественная и литературная жизнь Руси конца XIV — первой половины XV века определялась высоким уровнем национального самосознания русских людей, которое во всех областях культуры этого времени обусловило проявление особого внимания к большим государственным темам. В общественной жизни и литературе возник ряд новых политических идей и теорий. Они касались главным образом внутренней жизни Руси, хотя в известной мере в них отразился интерес и к внешне-политическим событиям и к международной обстановке.

Попытки осмысления русской истории на фоне мировой истории, известные в древней русской литературе в более раннее время, теперь, в XIV—XV веках, возродились с особой силой.

Уже в первой половине XV века Московское княжество достигло такого уровня развития, при котором проявление в его идеологической системе идеи равноправия или равенства Византии, Обезии и Руси было вполне возможным.

Основные мотивы «Сказания о Вавилоне граде» несомненно фольклорного происхождения. Змей, охраняющий город; добыча драгоценностей в мертвом городе; кубок с чудесным напитком и пр. — все эти мотивы известны в сказочном репертуаре многих народов. Возможно, что они попали в «Сказание» из старорусского фольклора.

Уже с начала XVI века к «Сказанию о Вавилоне граде» начинает присоединяться ряд других сказаний и повестей о Вавилоне. В них подробно разрабатываются некоторые из тем, входящих в «Сказание», — происхождение Навуходоносора, основание им нового Вавилона, казнь Ании, Азарии и Мисаила. Свой материал они черпают из библии и апокрифической литературы. Каждое из этих произведений является как бы введением к «Сказанию о Вавилоне граде». Очень часто «Сказание» предваряется то одним, то другим из них. Но во всех этих случаях идейный смысл «Сказания» остается прежним. Идея равноправия или равенства всех сохранивших свою независимость к концу XIV — началу XV века православных стран — Руси, Обезии (Грузии) и Византии — по-прежнему остается центральной идеей теперь уже не одного «Сказания о Вавилоне граде», а целого цикла сказаний и повестей о Вавилоне, объединенных в одно цельное произведение.

Но в отдельных случаях при таких объединениях менялся и идейный смысл «Сказания». Так, в некоторых списках «Сказания» читается дополнительная заметка, приближающая его к «Сказанию о князях Владимирских» и к сходным с ним по содержанию произведениям. В заметке сообщается, что греческий царь Лев посылает великому киевскому князю Владимиру в дар полученные из Вавилона «сердоликову кробицу да мономахову шапочку. И с того времени прослыша великий князь Владимир

киевский — Мономах. А ныне та шапочка в Московском государстве в соборной церкви. И как бывает властепоставление, тогда ради чину воскладывают ея на главу». Эта приписка к основному тексту «Сказания» появилась поздно, в начале XVII века, в период острой политической борьбы, когда после «Смуты» встал вопрос об избрании царя. Московские идеологи этого времени стремились к тому, чтобы новый царь «учинился на царстве по прежнему обычаю», который возводился ко времени Владимира Мономаха. Естественно было именно в это время припомнить старые легендарно-политические сказания, которые само происхождение инсигний вели из глубокой древности, но минуя «латинский», католический, Запад. «Сказание», таким образом, попадало в разряд произведений, выражавших национальные чувства различных слоев московского населения начала XVII века.

Текст «Сказания о Вавилоне граде» перепечатывается из «Трудов Отдела древнерусской литературы», изд. Академии наук СССР, т. IX, 1953, стр. 142—144, где он издан М. О. Скрипилем по списку XV века Гос. Исторического музея (Москва), Музейн., № 2952.

Стр. 85. ...от *Леукия царя*... — По преданию, знаки царской власти, о которых идет речь в повести, были привезены из Вавилона византийскому императору Льву VI Философу (886—912).

...*трех отрок — Онаньи, Озарьи, Мисаила*. — По библейскому преданию, вавилонский царь Навуходоносор, разгромив Иудею, пленил трех отроков — Ананию, Азарию и Мисаила, которых отправил затем в Вавилонию для воспитания в халдейской школе. Однако там они отказались поклоняться языческому истукану и оставались верными своей религии. За это Навуходоносор приказал бросить юношей в раскаленную печь, но они благодаря чудесной помощи вышли оттуда невредимыми.

...*крестьянского роду и сурского*. — Последнее, по-видимому, — искаженное «сурожского». В XIII—XV вв. Сурож (нынешний Судак) занимал одно из первых мест среди городов северного Черноморского побережья, являясь центром торговли с греческими и итальянскими городами.

Стр. 86. ...*царя Навходоносора*... — Навуходоносор II — вавилонский царь (604—592 до н. э.), с именем которого обычно связывалось представление о силе неограниченной царской власти.

ПОВЕСТЬ О ЦАРИЦЕ ДИНАРЕ

Торговые и политические устремления Русского государства на юго-восток от центра очень рано определили его интерес к ряду государств: к Шемахе, Персии, Турции и единой Грузии. Со всеми этими странами уже во второй половине XV века Москва завязывает дипломатические сношения. В это же время появляется интерес к Грузии и в московской литературе.

Следы этого интереса довольно явно засвидетельствованы наличием в московской литературе XV века таких произведений, как «Повесть о приходе богородицы на Афон в данный ей жребий», смысл которой сводится к тому, что богородица является покровительницей Грузии, «Повесть о Вавилонском царстве», в числе героев которой находим рядом с русским и греком и абазина — грузина, и пр. Все эти произведения отдельными своими чертами связаны с жизнью Грузии. К разряду подобных произведений относится и «Повесть о царице Динаре».

Автор «Повести» удачно выбирает из истории Грузии один из самых красочных эпизодов и обрабатывает его в духе тех идей, которые волнуют московских идеологов конца XV века. В XV веке в литературе Московского государства неоднократно поднимался вопрос о природе княжеской и царской власти и создавался идеал мудрого правителя-воина. «Повесть о царице Динаре» также является отражением этих политических интересов, в ней дается идеальный образ царицы — мудрой правительницы и беззаветно храброй защитницы своего государства. Так именно эта повесть и понималась в XV—XVI веках. Недаром автор «Казанского летописца» говорит, что Иван Грозный в 1552 году, когда русские войска, упавшие духом, колебались, идти ли на приступ Казани, для ободрения их произнес длинную речь, ссылаясь на подвиги царицы Динары. «Слышасте, — говорил будто бы Грозный, — иногда божию бывшую великую милость и пречистыя богородицы помощь, яко премудрая и мужеумная

царица Иверская сотвори и колику победу показа на небожных персах».

Имена героев «Повести о царице Динаре», встречающиеся в ней географические названия и ее общее содержание не оставляют сомнения в том, что в ней нашел свое отражение один из эпизодов многовековой борьбы Грузии с Персией. Но связь изображаемых в повести событий с именем грузинской царицы Динары не подтверждается историческими документами. Динара по грузинским документам известна как царица Эрети (южная Грузия), обратившая свою страну в христианство в X веке. Динара русской повести неизвестна в истории и преданиях Грузии в той роли, какую ей отводит повесть. Очевидно, здесь имя Динары заменило собою какое-то иное имя. Большинство ученых склоняется к той мысли, что Динара нашей повести, одержавшая блистательную победу над персами, завоевавшая Тавриз и Шемаху, — это грузинская царица Тамара, дочь Георгия III, правившая Грузией с 1184 по 1212 год.

Известно, что время правления Тамары характеризуется большим национальным подъемом в Грузии; удачными войнами с Персией, Турцией и Византией; расширением границ Грузии, разнообразным строительством и расцветом искусств и литературы.

Это эпоха классиков грузинской литературы — Тmogвели, Хонели, Чахруха, Шавтели и Шота Руставели, в лирических произведениях и романах которых нашел свое отражение дух времени: глубокое сознание национальной мощи, рыцарское уважение к женщине, культ благородного «модарбазе» (придворного, рыцаря) и т. д. В центре этой литературы стоит опоэтизированный образ царицы Тамары, которой посвящают оды Шавтели и Чахруха и черты которой запечатлены в женских образах поэмы Шота Руставели. Царица Тамара стала идеалом военной доблести и правительственной мудрости. У Шавтели Тамара — «воспитательница и учительница народа», «благотворительница», «главный судья над судьями», «сосуд мудрости»; у Шота Руставели она «лев, ей прилично копье, щит и меч».

Идеализированным вошел образ Тамары и в грузинскую летопись — «Картли-Цховреба». Здесь в описании жизни Тамары находим почти все основные части фабулы, положенной в основу повести о царице Динаре. По рассказам летописи, Тамара наследовала престол отца своего еще девицей. После побед ее войска над персами у Ганжи и над турками у Карса знаменитый алеппский султан Нукардин послал против грузин огромную армию, известив Тамару о нашествии и обещая милость ей, в случае согласия быть его женою, и каждому, кто примет ислам. Начинается война. Собирая свои войска, Тамара обращается к ним с речью: «Братия мои, да не трепещут сердца ваши при сравнении

множества врагов наших и малого числа вашего, ибо бог — с нами. Вы слышали о трехстах воинах Гедеона и бесчисленном множестве мадианитян, избитых им... Возложите упование ваше только на бога» и т. д. Затем она, «снявши обувь с ног своих, пошла босыми ногами в церковь матери божией, в Мотехни, и, распростершись перед иконой, непрестанно стала молиться...» Тамара лично участвует в походе против войск Нукардина, окончившемся знаменитой Шанкорской битвой. После ряда побед Тамара мирно правила Грузией, оказывая покровительство наукам, искусству, литературе, строя по всей стране церкви и дворцы. Летописный рассказ о царице Тамаре, и особенно о Шанкорской битве, сходится с повестью о царице Динаре не только в общих контурах, но и в ряде мелких черт.

Наконец, вызывает интерес и сходство «Повести о царице Динаре» с рядом книжных грузинских легенд. Динара повести неоднократно называет Грузию «жребием богоматери». Это очень распространенный мотив, получивший в Грузии официальное значение и признаваемый таковым и на Руси. Грамота патриарха Иова митрополиту Иверии (1589) начинается следующими словами: «Части и жребия пресвятыя и пренепорочныя владычица наша богородицы и приснодевы Марии Иверския земли о святом душе сыну и служебнику...» Мотив этот в виде особой легенды вошел в несколько письменных памятников, в частности в грузинское сказание об обращении Иверии в христианство. Заключительные слова «Повести о царице Динаре» о том, что цари Иверии «нарицаются от рода Давида, еврейского, от царского колена», также являются отголоском местной грузинской легенды, нашедшей, между прочим, отражение в официальном титуле грузинских царей. «Яз, богом венчанный царь, царь от корене Иессея, и Давида, и Соломона, царей вседержителей» — таков обычно титул грузинских царей в переписке с Москвой.

Некоторые поэтические формулы повести о Динаре роднят ее с древнерусской «воинской» повестью. Таковы, например, выступление в бой: «Друзи и братия! Аз главу свою положити наперед вас хочу»; «облекуся в мужскую крепость, и препояшу чресла своя оружием, и возложю броня и шлем на женскую главу, и восприиму копие в девичи длани, и возступлю во стремя воинскаго ополчения» и т. п., или описание военной добычи: «камение многоценное и блюдо лалное... и бисеру драгаго, злата же многое множество» и т. п.

Эти разнообразные литературные связи «Повести о царице Динаре» ни в какой мере не определяют ее художественных особенностей. В этом отношении она отличается большим своеобразием. Она, как и ряд других повестей XV века, имеет хорошо развитый сюжет. Для этого времени, как мы знаем, это уже

обычное явление. Но композиция ее весьма оригинальна. Вся «Повесть» построена на диалогах и монологах. Завязка ее действия дана в форме двукратного обмена посольскими речами персидского царя и царицы Динары. Выступление в поход грузинских войск предваряется длинным монологом Динары, обращенным к вельможам; бой — ее воинской речью. Повествовательный элемент занимает очень скромное место в данной повести. Он сводится, собственно, к незначительным прослойкам между диалогами и монологами главных действующих лиц.

Эта особенность «Повести о царице Динаре» заслуживает особого внимания. Становится очевидным, что автор ее хорошо владеет искусством составления речей разных видов и имеет ясное представление об обстановке, в которой они произносятся. Возможно, что это говорит о среде, в которой «Повесть» могла возникнуть. Учитывая, к тому же, ее содержание, можно предположить, что автор ее принадлежал к дипломатической московской среде конца XV века.

Следует остановиться еще на системе образов «Повести о царице Динаре». Для «Повести» крайне характерно резкое разделение на безусловно отрицательных и идеально положительных. Персидский царь — грубый насильник и завоеватель; он злобен, самомнителен и заносчив. Это образ восточного деспота, традиционный образ мирового фольклора и литературы, сложившийся в очень древние времена.

Персидскому царю — деспоту и язычнику — противопоставлена в «Повести» представительница иного культурного мира — царица христианской Иверии Динара. Но ее образ нарисован не пером агиографа. Динара — это дева-воительница, мудрая дева народных сказаний и сказок. Она не только побуждает своих вельмож и воинов стать на защиту родины, но и показывает в бою пример личного мужества и храбрости. В оценке положения государства и в решении государственных дел она обнаруживает не только способности дипломата, политика и правителя, но и высшую, с народной точки зрения, одаренность — искусство полемики, иронический ум мудрой девы народных сказок. Ее второй ответ персидскому царю обнаруживает именно эту ее «мудрость». В образе Динары раскрываются подлинные идейно-эстетические представления автора «Повести», его политический и художественный идеал.

Система образов «Повести о царице Динаре», собственно, и исчерпывается этими двумя образами, как и конфликт ее, с простотой, свойственной античной трагедии, исчерпывается столкновением между двумя ее героями — персидским царем и царицей Динарой. В «Повести» нет других образов, других героев. Все остальные действующие лица ее — послы, вельможи, воины — это только фон.

О времени создания «Повести о царице Динаре» можно говорить с достаточной уверенностью. Автор ее заканчивает свое повествование словами: «Даже и до днесь нераздельно державство Иверское пребывает». В этих словах можно видеть некоторые хронологические указания. После блестящей эпохи Вагратидов, объединивших все разрозненные племена грузинского народа, уже при сыне Тамары, Георгии IV (1212—1223), начинается падение могущества Грузии и постепенное подчинение ее персам. Дробление Грузии еще более усилилось в эпоху татаро-монгольского нашествия, и только в первой половине XV века при грузинском царе Александре I (1413—1442) части Грузии ненадолго объединились. Это было в последний раз в истории древней Грузии. Возможно, что эту эпоху и имел в виду автор повести. Создание же повести вернее всего отнести к концу XV века.

Текст «Повести о царице Динаре» печатается по списку XVI века Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Софийск., № 1471, лл. 301—306, с исправлениями по списку 1642 года Гос. Исторического музея, Уваров. № 1819 (533) (Царск. 396), лл. 188—193 об.

Стр. 88. ...о девице, Иверского царя дщери, Динари царици. — Иверия — Грузия. Исторический прототип Динары — знаменитая грузинская царица Тамара (1184—1213), с именем которой связан самый выдающийся период в истории развития феодальной Грузии. В ее правление Грузия достигла своего наибольшего внешнего могущества, расширив границы государства от Черного до Каспийского моря. Это время — период необычайного расцвета национальной культуры. Тамара являлась единственной наследницей грузинского царя Георгия III Багратида (1156—1184), который выведен в повести под именем Александра Мелека. Георгий короновал ее на царство еще при своей жизни (1179). В повести царица Динара — девица. Тамара же была замужем дважды. Это, пожалуй, наиболее существенное отличие героини повести от ее прототипа. Первый брак Тамары (1185) с русским князем Юрием — сыном владимирского великого князя Андрея Боголюбского — был неудачен. Второй муж Тамары — осетинский царевич Давид Сослани, известный своими успешными походами против турок и персов.

Стр. 89. Вспомните Девору и Гедонеа... — Согласно библейским легендам, Гедонеон и Девора — судьи израильские. Первый избавил еврейский народ от угнетения мидианитян, напав на них ночью с небольшим отрядом и обратив их в бегство. Вторая освободила Израиль от тяжелого ханаанского ига, воодушевив народ на борьбу и одержав во главе его решительную победу над многочисленным войском ханаанского царя у горы Фавор.

Стр. 90. ...поиде... в Шарбенский монастырь.. — О каком монастыре идет речь — неясно. Возможно, это искаженное в списках повести название

Шатберского монастыря в Сванетии, бывшего в то время крупным культурным очагом Грузии.

Стр. 91. ...*во град Тевриз перский. И прият град и плени.* — Тавриз — столица южного Азербайджана. Исторические источники не сообщают о том, что Тавриз был завоеван войсками царицы Тамары.

...а *Шахи повеле..* — Шамаха — столица Ширвана, феодального государства северного Азербайджана, ставшего в XII в. вассальным владением Грузии.

...*погребена бысть в Шарбенском монастыре.* — Место погребения царицы Тамары неизвестно.

ПОВЕСТЬ О МУНТЪЯНСКОМ ВОЕВОДЕ ДРАКУЛЕ

Среди памятников русской письменности XV века, большого числа церковных поучений, «слов», житий, сугубо светская «Повесть о мунтянском воеводе Дракуле» представляется необычным явлением. Конечно, «Повесть» — не единственный памятник светской письменности того времени. XV век — время расцвета русского летописания, развивавшегося в различных политических центрах, а летописи нередко включали в свой состав отдельные повествовательные памятники; существовали светские повести и внелетописного характера. Но произведения эти были посвящены либо сюжетам далекой древности, как «Александрия» или «Иудейская война», либо патриотическим темам русской истории, как повести о Дмитрии Донском и Куликовской битве.

Совсем иной характер имеет «Повесть о Дракуле». Героєм ее является мелкий «мунтянский» (валахский) князек, по прозвищу Дракула (дьявол), фигура не очень значительная в историческом плане, никак не связанная с Россией и уже совершенно лишенная какого-либо благочестия или святости.

Как проникла повесть о Дракуле на Русь? Дракула — реальное историческое лицо; имя его было Влад Цепеш; он правил в Валахии (нынешней Румынии) во второй половине XV века. Первоначальные рассказы о жестокостях Влада Цепеша, очевидно, возникли на его родине, распространялись эти рассказы и в соседних землях — Венгрии и Молдавии; в конце XV века в Германии даже было издано несколько брошюр, посвященных этому князьку.¹ Однако русский рассказ не может быть возведен к немецкому — он значительно подробнее, последовательнее

¹ Перечисление их — см. K. M. Kertbeny. Ungarn betreffende deutsche Erstlingsdrucke, Budapest, 1880, стр. 9—10, перевод на современный немецкий язык — стр. 329—332.

и явно лучше отражает первоначальную версию легенд о Владе Цепеше. Судя по языку повести, она не была также составлена и в Западной Руси, находившейся под польско-литовской властью. Язык «Повести о Дракуле» — великорусский; автор ее — москвич, побывавший на родине Дракулы или недалеко от нее и составивший повесть на основе устных рассказов, услышанных там. Отсюда и некоторое, сравнительно небольшое, число нерусских терминов в повести: «поклисарие, апоклисарие» — греч. «апокрисиариос» — посол, вестник; «сиромах» (югославск. — бедняк), наименование монеты — «дукат», мера длины — «миля» и т. д.

О том, что повесть о Дракуле была связана с пребыванием ее автора за границей, свидетельствует и сам автор. Рассказав о смерти Дракулы, он так описывает судьбу сыновей этого князя: «Един при кралеве сыне живет, а другой был у варданского бископа и при нас умре, а третяго сына старейшего Михаила тут же на Будину видехом...» Автор повести, следовательно, побывал в конце XV века в Венгрии, и не один, а с какими-то спутниками («при нас», «видехом»), вероятнее всего — членами посольства.

Кто же был автором «Повести о Дракуле»? Уже А. Х. Востоков, первый исследователь повести, высказал предположение, что автором ее был посольский дьяк Ивана III Федор Курицын, выдающийся дипломат XV века и глава московского еретического кружка (так называемых «жидовствующих»). Федор Курицын, действительно, возглавлял в 1482—1484 годах посольство к венгерскому королю Матвею Корвину; по дороге он посетил свата Ивана III, молдавского господаря Стефана III. Оба эти государя играют видную роль в «Повести о Дракуле»: «король угорскы Маттеаш» держал Дракулу несколько лет в плену, а затем, после обращения его в «латинскую веру», вновь посадил его воеводой «на Мунтьянской земли»; Стефан уже после смерти Дракулы, убив его преемника, отдал «Мунтьянскую землю» своему ставленнику Владу Монаху. Связи с «Угорской землею» сохранились у Курицына и после его миссии — он даже вывез с собой в Москву спутника, некоего «угрянина Мартынку», участвовавшего потом в московском еретическом кружке.

Несмотря на наличие таких совпадений, гипотеза А. Х. Востокова об авторстве Курицына встретила возражения со стороны ряда исследователей. Решительно высказался против этой гипотезы, например, Е. Петухов: по его мнению, Ф. В. Курицын, как «видный участник в среде жидовствующих», не мог бы так резко осуждать переход Дракулы из «православной нашей веры» в «латинскую веру», как это делается в повести; кроме того, сочувствие «принципу самовластия», которое Е. Петухов усматривает в этом произведении, также не подобает, по его мнению,

еретику Курицыну.¹ Иные аргументы против авторства Курицына выставил А. Седельников — он заметил, что древнейший из дошедших до нас текстов был «преже писан», по словам писца — в феврале 1486 года. Мог ли Курицын после окончания своей миссии успеть составить и пустить в распространение эту повесть? Известно, что летом 1484 года Курицын, возвращавшийся из Венгрии и Молдавии, был задержан в черноморской крепости Белгород (Аккерман) турками, и Ивану III пришлось обратиться к крымскому хану с просьбой о посредничестве перед султаном для освобождения русского посла; летом 1486 года великий князь благодарил хана за это посредничество. А. Д. Седельников полагает, что к февралю 1486 года Курицын мог только успеть приехать в Москву; переписка повести в такой короткий срок кажется ему совершенно невероятной.²

Все эти соображения не могут считаться вполне убедительными. Особенно слабы аргументы Е. Петухова. Вопреки представлениям этого исследователя, новгородско-московские еретики конца XV века, к которым принадлежал Курицын, были решительными противниками «латинян» и считали себя истинными представителями «православной нашей веры» (как они ее понимали); Федор Курицын был близок к Ивану III, и у нас нет никаких оснований считать его противником всякого «самовластия». Не решают вопроса и хронологические расчеты А. Д. Седельникова. Летом 1486 года, когда Иван III благодарил хана за посредничество, Курицын, как соглашается исследователь, был уже в Москве. Но почему мы должны думать, что он приехал только в начале 1486 года? Курицын мог приехать и в 1485 году и еще раньше — во второй половине 1484 года; сношения с ханом были редкими, и Иван III мог благодарить его за посредничество и год спустя. Предполагать же, что рассказ о Дракуле появился на Руси за много лет до 1486 года, мы не можем, — ведь рассказчик писал его уже в то время, когда «мунтыанским» воеводой стал ставленник Стефана III Влад Монах, а этот князь занял престол только в 1481 году. Учтем также, что если в Молдавию русские послы ездили в 80-х годах неоднократно, то сношения с Венгрией завязались только в результате миссии Курицына, и едва ли кто-либо до него мог делиться своими воспоминаниями о пребывании в Будине.

Итак, у нас нет оснований отвергать предположение Востокова, что лицом, видевшим детей Дракулы в Венгрии в 80-х годах XV века и написавшим повесть об этом князьке, был Федор

¹ Е. В. Петухов. Русская литература, древний период, Пгр., 1916, стр. 139.

² А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. — «Известия по русскому языку и словесности Академии наук», т. II, кн. 2, Л., 1929, стр. 638.

Курицын. Как же согласуется эта гипотеза с содержанием повести? В какой степени ее содержание соответствовало взглядам и настроениям «начальника» московских еретиков?

Сюжет «Повести о Дракуле» несложен — на первый взгляд повесть эта представляется просто соединением ряда анекдотов о «мунтянском воеводе», расположенных в дошедших до нас списках «Повести» в различной последовательности и с неодинаковой полнотой. Своеобразие «Повести» раскрывается перед читателем лишь тогда, когда он начинает задумываться над отношением автора к центральному персонажу, над общей идеей повести. Дракула, по словам автора, «зломудр»; этим словом определяются особенности его характера и поведения. Изощренно жестокий, он не лишен известной последовательности и даже остроумия в своих поступках. В основе деятельности Дракулы лежит твердая уверенность в его достоинстве «великого государя» — уверенность, которая не покидает этого князя даже в плену, в темнице.

Образ Дракулы не мог не вызывать у читателя XV века размышлений о правах и обязанностях государя. Вопрос этот не раз вставал в русской публицистике того времени. Особенно охотно трактовали его церковные писатели. Виднейший «обличитель еретиков» конца XV века Иосиф Волоцкий включил в свое «Сказание» о поклонении различным предметам (7-е «слово» «Просветителя») специальное рассуждение о том, как подобает поклоняться «царю, или князю, или властелину». Царь, по словам Иосифа, есть «божий слуга». Отнюдь не ставя вопроса о каком-либо законодательном ограничении царской власти, Иосиф Волоцкий ограничивает эту власть в одном отношении: служить подобает лишь благочестивому царю. «Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою же имать царствующа страсти и грехи, сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех — неверие и хулу, таковый царь не божий слуга, но диавол, и не царь, но мучитель... И ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертью претить!»

Дракула во многом соответствует образу нарисованного Иосифом Волоцким злого царя. Ему присущи и «гнев», и «лукавство», и «гордость, и ярость», и даже наихудший грех «неверия» — отступничество от православия. Но автор отнюдь не склонен оценивать этого государя в соответствии с принципами Иосифа Волоцкого. Правда, он осуждает переход Дракулы в «латинскую веру»: «Дракула же возлюби паче временного света сладость, нежели вечного и бесконечного, и отпаде православия... увы, не возможе темничныя временныя тяготы понести...»; но Дракула не перестает от этого быть в его глазах настоящим государем. Более того. Из повести мы узнаем, что Дракула

нарушал другую обязанность, предписанную каждому доброму христианину, — обязанность «нищелюбия». «Беседуя нищему да не оскорбиши его: обесчестивая бо нищаго раздражает сотворшаго и», — писал Иосиф Волоцкий в уже упомянутом «Сказании». «Алчнаго накорми, жаднаго напои, яко же сам господь повеле, нагаго одежди...» Принцип «нищелюбия» играл важную роль в феодально-христианской морали; принцип этот создавал ту иллюзию всеобщей гармонии, которой так не хватало феодальному обществу. «Богат ли имаши дом или убог, о всем благодари господа бога: все убо то божественным промыслом строится, и все зрит неусыпающее того око», — так завершал Иосиф Волоцкий свое рассуждение о «нищелюбии». А автор «Повести о Дракуле» с полным эпическим спокойствием описывает, как Дракула созвал к себе «бесчисленное множество нищих и странных», запер их в дом и сжег. «И глаголаше к бояром своим: да весте, что учиних тако: первое да не стужают людем, и никто же да не будет нищ в моей земли, но вси богатии, второе свободих их, да не стражут никто же от них на сем свете от нищеты или от недуга».

Далекий от идеала христианского монарха, чуждый «нищелюбия» и других добродетелей, Дракула не теряет от этого в глазах автора повести известного обаяния. Он храбр, неліцеприятен, в стране его не творятся несправедливости, искоренены преступления. Особый эпизод повести, совершенно отсутствующий в немецком тексте и читающийся только в русском, посвящен правосудию Дракулы. «И толико ненавидя во своей земли зла, — читаем мы здесь, — яко хто учинит кое зло, татьбу, или разбой, или кую лжу или неправду, той никако не будет жив. Аще ли велики боярин, или священник, или инок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупитися от смерти, и толико грозен бысть».

Очень интересно также сравнить в немецком и русском тексте имеющийся и там и здесь рассказ о приходе к Дракуле двух «латинских монахов» и о казни одного из них. В немецком рассказе, где поведение Дракулы вообще лишено какой бы то ни было последовательности, казненным оказывается тот монах, который хвалил Дракулу, а помилованным — тот, кто его ругал;¹ в русском рассказе, напротив, помилования и одобрения удостоивается тот из монахов, который признает абсолютную власть государя: «Ты государь, от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати».

Значит ли это, что «Повесть» является апофеозом Дракулы, что автор безусловно сочувствует ему и одобряет его жестокости? Если А. И. Пыпин считал, что автор «Повести о Дра-

¹ Kertbeny. Ук. соч., стр. 331.

куле» рисовал этого князя «самыми темными красками»,¹ то некоторые современные исследователи, наоборот, склонны отождествлять взгляды автора повести со взглядами самого Дракулы. Они видят в этой повести официозное произведение, распространявшееся правительством Ивана III и пропагандировавшее идею законности и справедливого феодального суда. «Политический смысл повести о Дракуле заключается в оправдании тех репрессий, которые применяло феодальное правительство в отношении всех подрывавших основы государства как органа господствующего класса, в особенности в отношении нарушителей прав феодальной собственности».²

Верна ли такая трактовка «Повести о Дракуле»? Годи́лся ли Дракула повести для роли идеального героя — образца феодальной законности? Не осуждая Дракулу полностью как «царя-мучителя», автор «Повести», вместе с тем, нигде не прославляет его и не выражает солидарности с действиями «мунтянского воеводы». В двух случаях автор даже не удерживается от порицаний по адресу своего героя. Прямо осуждает он, как мы уже знаем, вероотступничество Дракулы; возмущает автора и другой поступок «мунтянского воеводы» — когда тот, заказав мастерам «бочки железны» для золота, приказал затем «посещи» этих мастеров, «да никто же увести сделанного им окаянства, токмо те-зоименитый ему диавол».

Отношение автора повести к своему герою было двойственно, и он, несомненно, и сам ощущал эту двойственность. «Зломудрый» Дракула мог, по его представлениям, содействовать искоренению «зла» в своей стране. Выражаясь автор повести терминами более позднего времени, он мог бы сказать, что власть Дракулы представляется ему злом, но злом необходимым. В этом случае особенно ясно обнаруживается сходство между автором «Повести о Дракуле» и другим русским публицистом, жившим столетия спустя после него: Иваном Пересветовым. Герой произведений Пересветова, турецкий царь «Махмет Салтан», во многом напоминает Дракулу, он так же жесток, но нелицеприятен и, беспощадно расправляясь с несправедливыми судьями, искореняет зло в своей стране. Так же, как автор «Повести о Дракуле», Пересветов вовсе не склонен безусловно одобрять своего героя. Он не отрицает того, что Махмет — «кровопивец», вдобавок он еще и нехристь. Но «без таковыя грозы немочно в царство правды ввести», — объясняет Пересветов, и эта мысль составляет лейтмотив его сочинений.

¹ А. И. Пыпин. История русской литературы, т. II, СПб., 1896, стр. 494—495.

² Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2, М. — Л., 1951, стр. 312. Ср. В. П. Адрианова-Перетц, Крестьянская тема в литературе XVI в. — «Труды ОДРЛ», X., 1954, стр. 203.

«Без таковыя грозы немочно в царство правды ввести» — эта мысль проходит и через «Повесть о Дракуле». Та же идея, как мы можем полагать, определяла и отношение к великокняжеской власти новгородско-московских еретиков, к которым принадлежал Федор Курицын. Еретики конца XV века не были безусловными апологетами самодержавия; недаром уже в конце XVI века самодержавная власть сочла нужным беспощадно с ними расправиться. Но в борьбе между великокняжеской властью и «вельможами» их симпатии были на стороне «державного». Осуждая Дракулу за его «окаянство» по отношению к безвестным мастерам, автор повести несомненно одобрял его «грозность» к «великим боярам».

Двойственная оценка автором «Повести о Дракуле» своего героя свидетельствовала не только о своеобразии его политического мировоззрения. Такая оценка героя шла вразрез и с литературными принципами того времени. Характерной чертой большинства памятников древнерусской литературы вплоть до XVII века была их прямолинейная нравоучительность. Персонажи этой литературы были либо абсолютно положительными, либо вполне отрицательными, либо носителями божественной воли, либо «сосудами дьявольскими». «Повесть о Дракуле» представляет в этом смысле редкое исключение — в ней как бы намечается уже «открытие» человеческого характера в его сложности и противоречивости, относимое литературоведами в основном к началу XVII века.¹ Такое построение повести о Дракуле казалось странным даже писателю начала XIX века — Н. М. Карамзину. «Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, — писал он об этой повести, — но не сделал того, оставляя читателям судить о философии Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертью».²

Автор «Повести о Дракуле» не свел характеристику своего героя ни к его прославлению, ни к низвержению; он обошелся без заключительного нравоучения. Тем самым произведение его резко контрастировало с традициями современной ему письменности; однако оно вряд ли выглядело так необычно на фоне устного творчества той же эпохи. Сказка с давних времен обходилась без «прекрасных нравоучений»; персонажи ее часто не были ни героями, ни злодеями. С одной группой русских сказок «Повесть о Дракуле» перекликается особенно явно: со сказками об Иване Грозном. Сказки о «грозном царе Иване Васильевиче»

¹ Ср. Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. — «Труды ОДРЛ», VII, 1951, стр. 219—220.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VII, СПб., 1892, стр. 141.

не могут служить доказательством «народности» этого царя, как еще недавно утверждали некоторые исследователи; но они не могут рассматриваться и как наносное и случайное явление в фольклоре. В сказках о Грозном отразился и наивный «царизм» крестьянских масс, и их сочувствие борьбе с боярскими «изменами», и их ужас перед жестокостью царской власти. Образ Грозного в этих сказках так же противоречив, как образ Дракулы.

Фольклорность «Повести о Дракуле», ее светский характер, расхождение с принципами христианской морали — все это резко противопоставляло «Повесть» церковно-нравоучительной литературе того времени. «Да будет ти горько бесполезных повестий послушание», — предостерегал своего читателя Иосиф Волоцкий, имея в виду памятники типа «Повести о Дракуле».

«Повесть о Мунтянском воеводе Дракуле» печатается по списку XV века Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Кирилло-Белозерское собрание № 11/1088, лл. 204—217, ранее опубликованному А. Д. Седельниковым в «Известиях по русскому языку и словесности» Академии наук СССР, т. II, кн. 2, 1929, стр. 652—659.

Стр. 92. ...в Мунтянской земли... — Мунтения — восточная область территории, расположенной между Карпатами и Дунаем, в отличие от западной — Олтения. Разделенные рекой Олтулом, обе эти области составили в XIV в. самостоятельное феодальное княжество Валахию. В конце XIV в. над Валахией нависла угроза нападения со стороны Османской империи. Эта опасность особенно усилилась после битвы на Косовом поле (1389), когда турки, разгромив сербские войска, вышли на валашскую границу. В 1394 г. князь Валахии Мирча Старый (1386—1418), участвовавший в Косовской битве, нанес серьезное поражение султану Баязиду. Но вскоре страна все же была занята турецкими войсками. Для борьбы с ними Мирча в 1395 г. заключил договор о дружбе с венгерским королем Сигизмундом, и в 1396 г. объединенные венгерские и валашские войска изгнали турок. Только угроза нового турецкого нашествия заставила Мирчу признать себя вассалом султана. Упорная борьба Валахии за свою независимость продолжалась в течение всего XV века. В ходе ее окрепли связи Валахии с Молдавией. Однако в XVI в. оба эти княжества подпали под полное господство Турции. В 1862 г. Валахия и Молдавия образовали единое Румынское государство, которое освободилось от турецкого ига лишь в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

...воевода именем Дракула... — Исторический прототип Дракулы — валашский господарь Влад Цепеш (ум. в конце 1476 или самом начале 1477 г.), внук Мирчи Старого, получивший валашский престол в 1456 г. при помощи венгерского правителя Яноша Хуньяди. За время своего первого княжения в Валахии (1456—1462) неоднократно наносил поражения турецким войскам. В 1462—1476 гг. он находился в Венгрии, а в Валахии

в это время правил его брат Раду Красивый, а затем Басараб Лайот. Оба они участвовали в походах турок против Молдавии. В конце 1476 г. Влад Цепеш вновь стал во главе Валахского княжества, но вскоре был убит в битве с турецкими войсками.

Стр. 92. *Царь... поиде воинством на него...* — Имеется в виду Мехмед (Мухаммед) II (1429—1481) — турецкий султан (1451—1481), войска которого много раз вторгались в пределы Валахии с целью ее порабощения.

Стр. 93. *...и начат пленити градове и села...* — В 1461—1462 гг. Цепеш совершил нападение на турецкие владения, разграбив многие села. Однако в том же 1462 г. он потерпел поражение от войск Мехмеда II.

Стр. 95. *...от угорского короля Маттеаша...* — Матнаш (Матвей) Корвин (1443—1490), сын Яноша Хуньяди, — венгерский король (1458—1490).

Стр. 96. *...поиде на него... Маттеаш... и ухватиша Дракулу жива от своих издан по крамоле.* — В 1462 г. Цепеш лишился валахского престола и очутился в Венгрии. Произошло ли это в действительности так, как описано в повести, или Цепеш вынужден был бежать в Венгрию после поражения в битве с турками — неясно.

...в Вышеграде на Дунаи выше Будина... — Будин, правильно Буда, — древний город на правом высоком берегу Дуная, известный еще во II в. как военное поселение римлян. В XIV—XV вв. столица венгерского королевства. Вышеград, расположенный севернее Буды, известен с XV в.

...на Мунтьянской земли посади иного воеводу. — После Цепеша валахским господарем стал его брат Раду Красивый. Кем он был посажен — Матнашем Корвиным или же турецким султаном — в точности не известно.

...латинскую веру примет... — Повесть подчеркивает католическую ориентацию венгерского короля, который стремился найти опору своей власти в католической церкви. Однако такая политика не содействовала укреплению связей Венгрии с ее соседями славянами и вела к ослаблению создаваемого Корвиным централизованного государства.

...даст ему воеводство на Мунтьянской земли... — С 1475 г. Цепеш находился в особой милости у венгерского короля. Корвин решил посадить его вновь господарем Валахии, вместо княжившего тогда там Басараба Лайота, который поддерживал турок и был опасен как для Венгрии, так и для дружественной ей в то время Молдавии.

...приидоша к биреву... — Бирев — судья.

...живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци... — Цепеш был поставлен господарем Валахии в 1476 г., после того как объединенные венгерские и молдавские войска разбили Басараба и он бежал к туркам. Когда войска покинули Валахию, Басараб привел туда турок. Цепеш был убит, войско его разбито, и господарем Валахии вновь стал Басараб.

...у Варданского бископа... — Вардан — ныне город Орадя в западной Румынии,

Стр. 97. ...третьего сына старейшего Михаила... — По-видимому, речь идет о сыне Цепеша — Михне Злом, который впоследствии был валашским господарем (1508—1511).

Стефан же молдавский... — Стефан III Великий — молдавский князь (1457—1504). Талантливый полководец и искусный дипломат, Стефан III отстоял независимость Молдавии от притязаний венгерского короля Матиаша Корвина, разгромив его войско, вторгшееся в глубь страны (1467). Заключив мир с Венгрией, он успешно боролся с турками, нанеся им ряд поражений. Добившись почти неограниченной власти в своем княжестве, Стефан III мечтал о создании сильного централизованного государства путем объединения Молдавии и Валахии.

...посади на Мунтянской земли некоего воеводского сына, Влада именем. — В 1481 г. Стефан III разбил войско Басараба и, умертвив его самого, поставил валашским господарем сына Влада Цепеша — Влада Монаха, который княжил до 1506 или 1508 г. Дальнейшее сообщение повести о том, что Влад Монах женился на вдове убитого Стефаном III Басараба, — вряд ли достоверно. По-видимому, автор смешал Влада Монаха с Радой Красивым, которого Стефан III разбил в 1472 г., а его жену посадил на валашский престол вместе с Басарабом.

...преписах аз грешных Ефросин. — Ефросиний — иеромонах Кирилло-Белозерского монастыря, известный своими «Ефросиновскими сборниками».

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ, ЦАРЕВИЧЕ ОРДЫНСКОМ

Основные эпизоды «Повести о Петре, царевиче ордынском», в которых в хронологической последовательности рассказывается о жизни главного героя ее, складываются в законченную художественную биографию выходца на Русь, ордынского царевича, племянника хана Берке. А затем повествование переходит в семейную хронику рода Петрова — его детей и внуков. И все это дается на фоне татаро-монгольского ига и крупных и мелких феодальных распрей русских князей. Относительно краткая повесть вмещает в себя рассказ о событиях, растянувшихся на протяжении целого столетия. Но истинный смысл ее выходит далеко за грани биографии ордынского царевича и семейной хроники его потомков. История этого произведения в известной мере раскрывает его идеи и тенденции.

В русских землях, граничивших с Золотой Ордой, очевидно в XV веке сложилась легенда об ордынце — основателе монастыря или церкви. Были особые исторические причины, вызвавшие ее появление.

В XIV—XV веках, в связи с увеличением династических линий, междоусобной борьбой и падением Золотой Орды, лишённые уделов члены знатных татаро-монгольских родов стали переходить к московским князьям на службу со своими семьями, свитой и выводимыми ими из Орды татарами. Московские князья из политических видов «честили» и содержали этих ордынских выходцев, раздавая им города в удел или в кормление. На ордынских «царевичей» московские князья нередко опирались в своей борьбе с удельными княжествами и татарами. Обживаясь на русских землях, «царевичи» крестились, и их потомки уже в качестве русских бояр и князей продолжали служить при московском дворе. Память о родоначальниках этих обрусевших фамилий нередко окружалась благочестивыми легендами, которые в глазах древнерусского общества должны были возместить их нехристианское происхождение. Переход «царевичей»

чей» на службу к московским князьям истолковывался в этих легендах как следствие воли провидения; сами же «царевичи» оказывались избранниками божьими. Это избранничество обычно внешне иллюстрировалось наличием монастыря или церкви, основание которых приписывалось выходцу из Орды.

Легенда об ордынце — основателе монастыря или церкви, очевидно, пользовалась весьма широким распространением. Во всяком случае, мы встречаемся с рядом ее позднейших обработок. Наиболее близким к начальному виду легенды нам представляется московское легендарно-политическое сказание об ордынском князе Чете. Род бояр Годуновых считал своим предком легендарного ордынского выходца князя Чета и щедро одарял основанный им, по преданию, Ипатьевский (у Костромы) монастырь. Соответствующее сказание подробно рассказывает о переезде князя Чета на Русь.

В 1330 году знатный татарский вельможа, князь Чет, с детьми и многими мурзами бежал из Золотой Орды, потрясаяемой междоусобицами. Плывая вверх по Волге, он заболел, остановился у места слияния Волги и Костромы и раскинул на берегу свои шатры. Здесь он увидел чудесное явление иконы с изображением богородицы, апостола Филиппа и мученика Ипатия. Изумленный видением, Чет крестился, выздоровел и на месте видения построил церковь во имя Троицы с приделами Ипатию и апостолу Филиппу. Возникший у церкви монастырь получил название Ипатьевского.¹

Отсутствие родовитости бояр Годуновых и происходящих от них дворянских фамилий (Сабуровых, Шеиных, Вельяминовых) возмещалось в сказании богоизбранничеством легендарного родоначальника этих фамилий — князя Чета.

Вариацией легенды об ордынце — основателе монастыря или церкви является и малоизвестное в нашей науке великоустюжское сказание об ясащике Буге. Это сказание обычно включается в житие Прокопия Устюжского, но оно известно и поздней устюжской летописи. Фабула этого произведения связана с XIII веком, и оно сильно насыщено воспоминаниями исторического и политического характера о народных восстаниях против татар при Александре Невском.

В Устюге жил татарский ясащик Буга; он «взял у некоего крестьянина дочь девицу насилем за ясак». Но вот от Александра Невского приходит грамота, «что татар бити»; девушка

¹ «Русский временник», 1790, стр. 168; Мих. Днев. Историческое описание костромского Ипатьевского монастыря, М., 1858, стр. 5—6, 75—77; П. Ипатьевский монастырь. — «Отечественные записки», 1820, № 1, май, стр. 2—4, 29; А. Козловский. Взгляд на историю Костромы, М., 1840, стр. 30; Амвросий Орнатский. История российской иерархии, ч. II, М., 1810 стр. 632—634.

предупредила об этом Бугу, который умолил устюжан не убивать его, а крестить. Затем он «с девицею же венчася, и наречено быть имя ему Иван». Далее следует рассказ об основании церкви: «Се же бысть чудо дивно. Сей Буга-Иван, сед на конь, поезде с соколом на Устицы; и бысть во утрии день красен, и одержим бысть сном, и взыде на гору, и слез с коня и привяза за древо; а сокол посади на луку у седла, а сам ляже на землю и усну. И явися ему во сне Иван Предтеча, глаголя: «На сем месте постави церковь мою во имя мое». И востав от сна своего и потом постави на том месте, еже есть на Соколе горе, церковь Рожества Ивана Предтечи».

В этом сказании очень ясно очерчиваются три основных звена сюжета об ордынце — основателе монастыря: отказ знатного ордынца от своей родины, чудесное видение ему святого, основание церкви. При этом и самая обстановка чудесного видения ордынцу описана здесь уже в твердо определившихся формах: Буга охотится с соколом; засыпает во время охоты; во сне видит святого, приказывающего ему построить церковь, и пр.

Наличие легенды об ордынце — основателе монастыря или церкви в ряде литературных обработок древней Руси дает основание предполагать, что и в «Повести о Петре, царевиче ордынском» рассказ о Петре также восходит к этой легенде. Действительно, в этой части «Повести» — в рассказе о Петре — точно повторяется сюжетная схема народной легенды об ордынце в том виде, в каком она обнаруживается, например, в сказании о Буге.

Ордынский царевич, племянник хана Берке, был увлечен проповедью ростовского епископа Кирилла, приехавшего в Орду. Под влиянием Кирилла юный племянник хана решает бежать на Русь. По прибытии в Ростов ордынский царевич был очарован великолепием церковного богослужения. Он увидел «церковь, украшенну златом и жемчугом и драгым камением, аky невесту украшену. В ней же пения доброголасная!..» Эти впечатления побуждают царевича креститься. Он получает христианское имя — Петр. Петр ведет христианский образ жизни, но «и царския своя не престава я утехы: бе выезды, при езере Ростовстем птицами ловя». Однажды во время соколиной охоты он уснул на берегу озера. Тогда явились ему сначала во сне, а после пробуждения и наяву апостолы Петр и Павел. Они «вдаста ему два мешца и глаголаста: «Возьми сия мешца, в едином ти злато, а в другом сребро». Затем апостолы повелевают Петру на месте его сна построить церковь. Эпизод об основании церкви изложен пространно и красочно. Петр по требованию ростовского князя выкладывает границы отведенной под церковный двор земли монетами, чередуя девять серебряных и десятую золотую. Это монеты из мешков, врученных ему апостолами. В мешках же деньги не убывали. Князь щедро наделил построенную церковь

землями, выдав на них грамоты. Он так сильно привязался к Петру, что побратался с ним в церкви. Петр дожил до глубокой старости и был похоронен в построенной им церкви; «и от того дне уставися монастырь сей», то есть Петровский.

За этим красочным рассказом легко ощущается сюжет легенды об ордынце — основателе монастыря или церкви.

Оформление биографии Петра, первоначально, очевидно, в форме устной легенды, было первым и главным этапом в создании «Повести о Петре, царевиче ордынском». Когда она была записана и в каком виде — для решения этого вопроса у нас нет данных. Можно только предполагать, что в церковных летописных записях Петровского монастыря она появилась не раньше начала XV века, так как сама легенда об ордынце — основателе монастыря или церкви только к этому времени могла приобрести свой вполне определившийся вид. Если это предположение верно, то тогда можно более отчетливо представить дальнейший путь подготовки «Повести». К записанной уже легенде о Петре стали постепенно добавляться записи о наиболее замечательных фактах жизни его детей, а затем — внуков и правнуков. Дети ростовского князя, современного Петру, помня побратимство его со своим отцом, звали его дядею. Но их дети уже по-иному взглянули на дело: «Дед бо наш много у него сребра взя и братася с ним в церкви, — говорили они о Петре, — а род татарский, кость не наша. Что се есть нам за племя. Сребра нам не остави ни сей, ни родители наши». И стали отнимать «лузи и украины земли» у сына Петрова, который ходил в Орду жаловаться и получил «грамоту с златою печатию» на свои земли. Также и у внука Петрова, Юрия, правнуки старого князя стали отнимать право ловить рыбу в озере, доказывая, что вода ему не принадлежит, хотя он и имеет грамоты на землю. По вызову Юрия приезжает ордынский посол и предлагает ростовским князьям снять свою воду с земли потомков Петра; когда же они отказываются выполнить это, он замечает: «Аще не можете сняти воду с земля, то почто своею именуετε», и грамотой подтверждает права внуков Петра на землю и воду. Наконец, и из жизни правнука Петра, Игната, повесть передает весьма красочный эпизод. Войска Ахмыла (1322), разорив Ярославль, направились к Ростову; в ужасе перед ними побежали ростовские князья и епископ Прохор. «Игнат же извлек меч и угна владыку и рече ему: Аще не идеши со мною противу Ахмыла, то сам посеку тя. Наше есть племя и сродичи. И послуша его владыка». Взяв «тешь царскую, кречеты, шубы и питие», Игнат в сопровождении епископа и всего клироса с крестом и хоругвью встретил Ахмыла «и сказася ему древняго брата царева племя», предотвратив этим разгром Ростова.

Можно думать, что первоначальные летописного характера заметки о жизни Петра и его потомков выглядели как разрозненные, но идущие в хронологическом порядке, краткие и сухие записи. Они не были еще объединены единой идеей и ясной тенденцией, не были выражены в рамках определенного стиля. Условия для создания «Повести о Петре, царевиче ордынском» наступили несколько позже образования кратких записей о Петре и его потомках. Возникновение «Повести» нельзя отнести ко времени более раннему, чем конец XV века. Только учитывая конкретную историческую и политическую обстановку Ростовского княжества этого позднего в его самостоятельной жизни времени, можно понять истинный смысл «Повести о Петре, царевиче ордынском» — ее стремление обосновать неоспоримость прав потомства Петрова и Петровского монастыря на земли и воды, приобретенные когда-то Петром.

К концу XV века Ростов Великий потерял не только всякую политическую самостоятельность, но постепенно и всю свою территорию, перешедшую во владение московских князей. Наконец, происходит событие, которое должно было взволновать всех местных патриотов: в 1474 году великий князь Иван III покупает Борисоглебскую сторону Ростова, еще называвшуюся вотчиною ростовских князей. Москва теперь становится полновластным хозяином ростовских земель. Монастыри, и в частности Петровский, владевший большими землями, имели все основания для тревоги. Приемы управления московских наместников хорошо были известны в Ростове и нашли свое образное выражение в ряде литературных памятников. Так, например, в житии Сергия, отец которого, ростовский боярин, вынужден был в свое время покинуть Ростов, дается следующая картина первых лет подчинения Ростова Ивану Калите: «Увы, увы и тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отъяся от них власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая и потягну к Москве». О наместнике же Москвы Василии Кочеве житие замечает: «Егда внидоста в град Ростов, тогда возложиста велику нужу на град, да и на вся живущая в нем, и гонение много умножися и не мало от ростовцев москвичем имения своя с нужею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем со укоризною взимающе... И самого того епарха градского... стремглавы обесиша... и бысть страх велик на всех слышащих и видящих сия, не токмо во граде Ростове, но и во всех пределах его» («Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке». — «Памятники древней письменности», СПб., 1885, стр. 33—34). Подобную же характеристику порядков, вводимых Москвой в присоединяемых областях, дает и известная местная летописная запись (ростовская или ярославская), тоже конца

XV века, об открытии мощей ярославских князей Федора и его сыновей («Летописный обзор достопамятных событий Ростовской области». — «Ярославские епархиальные ведомости», 1868, № 9).

В этой атмосфере местной трагедии, болезненно переживаемой отдельными княжествами в период образования единого национального Русского государства, в стенах Петровского монастыря и была обработана легенда об ордынце — основателе монастыря или церкви, применительно к патрону Петровского монастыря — Петру, царевичу ордынскому. Это одно из запоздалых выражений протеста против политики объединения всех северо-восточных русских княжеств вокруг Москвы. Политический консерватизм автора, болезненно переживающего потерю местных привилегий, не позволил ему оценить эту политику в более широких перспективах. Наоборот, автор стремится всячески защитить местные привилегии, в частности — привилегии Петровского монастыря. Он приводит юридические основания владения Петровским монастырем земельными и водными угодьями. Это — выдача грамоты князем Борисом Васильковичем на угодья, отходившие к монастырю.

Но в представлении автора не менее существенное значение имеет апелляция к легенде, поэтому с такой тщательностью он разукрашивает сюжет легенды об ордынце — основателе монастыря или церкви и историческими фактами из жизни Ростова Великого конца XIII—XIV века и литературными мотивами. Так, например, изображение явления ордынскому царевичу во сне апостолов он пополняет мотивом передачи царевичу мешков с чудесными неубывающими золотыми и серебряными монетами как символ того, что основание монастыря совершается по воле провидения. Самое же приобретение земель и вод для монастыря он изображает в художественно завершенном эпизоде выкладывания покупаемой для храма земли золотыми и серебряными монетами.

Трудно определить, из какого источника автор повести заимствует мотив выкладывания повеохности покупаемой земли золотыми и серебряными монетами. Можно только сказать, что этот мотив хорошо известен буддийским легендам и что он проник в барельефы башен Будда-Гая и Бхаохут. Бхархутская ступа — буддийский алтарь, построенный во II веке до нашей эры, украшен рельефными изображениями разных легендарных сюжетов. Изображения сопровождаются надписями. В одной из таких надписей речь идет о покупке земли с религиозной целью. В надписи читается: «[Сад] Анатхапиндикко дарит Жеты, выкладыванием десяти миллионов купивший (его)». «Слова эти, — говорит И. П. Минаев, — поясняют легенду, рассказанную в чуллаваге и изображенную на барельефе: Анатхапиндикко, один из верую-

щих богачей, купил для Буддхы у Жеты сад; купил это место за дорогую цену, деньгами уложив всю почву. На это обстоятельство и намекают слова надписи: „выкладыванием десяти миллионов (то есть монет)“. В тексте чуллавагги, где рассказывается самая легенда, встречается подобное же выражение, то есть говорится следующее: „Анатхапиндика домохозяин на телегах золото приказал свезти, Жеты сад десяти миллионов выкладыванием приказал выложить“. В более позднем тексте при изложении той же легенды стоят слова: „выкладыванием десяти миллионов... купив“». ¹ «Повесть о Петре, царевице ордынском» сложилась в княжестве, имевшем свои прочные культурные и литературные традиции, что не прошло бесследно для ее содержания и стиля. Ее автор обнаружил значительную осведомленность в истории своего княжества, в местных преданиях и в письменности своего времени. Очевидно и то, что он обладал незаурядным литературным талантом, благодаря которому он смог создать произведение, оригинальное по своим литературным особенностям в кругу жанров, определившихся к концу XV века.

Действие повести разворачивается на определенном историческом фоне. В ней мы находим изображение ряда исторических событий и лиц или же глухие упоминания о них. Изображение исторического фона — взаимоотношений Ростова с Золотой Ордой — не противоречит тому, что мы знаем по историческим документам о подобных же взаимоотношениях с Ордой других русских княжеств.

Исторические события, указываемые в повести, или подтверждаются документами, или же являются весьма правдоподобным дополнением к тому, что мы знаем по истории Ростовского княжества. Таким, например, является эпизод с ханским послом Ахмылом. Ахмыл пришел на Русь в 1322 году вместе с Иваном Даниловичем Калитой, который в то время находился в борьбе с тверским князем из-за великокняжеского достоинства. Известное по летописи взятие Ярославля Ахмылом — это не что иное, как карательная экспедиция в интересах Ивана Даниловича Калиты. Повесть о Петре, царевице ордынском, сохранила ценное историческое указание на то, что такая же карательная экспедиция была направлена и против Ростова. Не состоялась она будто бы вследствие находчивости внука Петра, Игната.

Время жизни и деятельности исторических лиц, упоминаемых в повести, известно по бесспорным документам; и указания документов не противоречат хронологии повести. На этой хронологической канве, имеющей реальную историческую основу, вышит весь повествовательный узор жизни и деятельности лиц, по

¹ И. П. Минаев. Буддизм. Исследования и материалы, СПб., 1887.

историческим документам неизвестных: Петра, царевича ордынского, его сына Лазаря, внука Юрия и правнука Игната. Но учитывая, что повесть, написанная гораздо позже того времени, к которому относятся изображаемые в ней события, нигде (за единственным исключением — время правления хана Берке) не допускает хронологических несообразностей, следует предположить реальную основу и там, где она говорит о Петре и его потомстве. Иначе трудно представить себе, чтобы в такую сложную мозаику дат, имен и событий, нигде не нарушая хронологии, была позже вправлена легендарная семейная хроника Петра, царевича ордынского.

Легендарный сюжет в руках автора повести наполнился живым содержанием, получил историческую и бытовую окраску. Автор сумел, соблюдая историческую перспективу, показать всю сложность взаимоотношений русских с татарами, в XIII и XIV веках глубоко пустившими корни в Ростовском княжестве и не возбуждавшими симпатий. Ростовский князь сперва не дает земли Петру, а потом соглашается продать ее за непомерно высокую цену; и епископ услужливо благословляет эту сделку, говоря царевичу: «Чадо Петре, господь рече своими усты: всякому просящему дай, и ты убо не пощади родителей имения; пишется бо: чванец масла не умалися, горсть муки не оскуде... дай же князю волю, яко же хошет». Еще ярче обнаруживаются эти взаимоотношения в более поздних событиях. Внуки старого ростовского князя раздраженно заявляют о Петре и его потомстве: «а род татарский, кость не наша. Что се есть нам за племя». Ахмыл же говорит Игнату: «Благословен же и ты, Игнате, иже упасе люди своя и соблюде град сей. Царева кость, наше племя; еже ти zde будет обида, да не ленися ити до нас». Весьма показателен для характеристики русских и татар и эпизод с грамотами. Князь предлагает Петру грамоты на земли, Петр возражает: «Аз, княже, от отца и от матери не знаю землею владети, и грамоты сия чему суть». Тогда князь снисходительно замечает: «Аз тебе все уряжу, Петре. А грамоты суть на се: да не отимают тех земель мои дети и внуци у твоих детей и внуков по нас». Это — образно выраженное представление автора повести о большей государственности русских по сравнению с ордынцами. И все это дается на фоне более широких и важных политических и культурных взаимоотношений Ростовского княжества и Орды: поездок епископа в Орду, проповеди христианства в Орде, получения прав на передачу «оброков годовниих в дом святыя богородицы» и приездов ханских послов для разбора тяжб, одной из сторон в которых являются сами князья ростовские.

Не менее подробно и ярко характеризуется и внутренняя жизнь Ростова. Здесь говорится об архитектурных богатствах древнего Ростова: его церкви украшены «златом и жемчюгом

и драгим камением»; «владыка Игнатий и нача (церковь) крыты оловом и дно мостити мрамором». Как о признаке высшей культуры упоминается о пении в соборной церкви на русском и греческом языках. Живо рисуются картины построения «обыденной» церкви, раздачи богатой милостыни и кормления нищих. Говорится о получившем в XV веке широкое распространение обычай братания в церкви, о соколиной охоте, о ссорах из-за рыбной ловли на озере Неро и т. д. Одним словом, на основании личных наблюдений и преданий автор повести дает широкую картину быта древнего Ростова XIV—XV веков.

Хорошо знает автор и письменность. Он сравнивает царевича Петра то с Мельхиседеком, то с Евстафием Плакидой; и эти сравнения, как и лирические отступления автора, сделаны твердой рукой писателя, хорошо владеющего риторическим житийным стилем, но не злоупотребляющего им. Легко и свободно, но и очень умеренно, пользуется он цитатами из книг священного писания.

«Повесть о Петре, царевиче ордынском» печатается по списку начала XVI века Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Софийск. № 1364, лл. 333—343 об., публикуемому впервые.

Стр. 98. ...царя Берки. — Берке — хан Золотой Орды (1257—1266). Захватил власть после смерти своего брата Бату (Батые), убив его сына Сартака. Основал город Сарай-Берке (теперь на его месте город Ленинск), который предполагал сделать своей столицей, перенес ее из Старого Сарая, основанного Бату в низовьях Волги. С именем Берке связано проведение поголовной переписи на Руси, от которой было освобождено только духовенство. Перепись и сбор дани, проводимые ханскими баскаками, многие русские города не раз встречали массовыми восстаниями. Русские князья должны были теперь чаще совершать унижительные поездки в Орду на поклон хану и преподносить ему подарки. Из политических соображений Берке принял мусульманскую веру, однако в своей столице позволял русским свободно совершать православные богослужения.

Ростов — один из древнейших русских городов. В XI веке — политический центр Северо-Восточной Руси, столица Ростово-Суздальского княжества, с 1207 г. — главный город Ростовского удельного княжества. В 1474 г. присоединен к Москве. Ныне районный центр Ярославской области.

...епископу ростовскому Кирилу... — Имеется в виду Кирилл II (ум. в 1262 г.), епископ ростовский (1231—1261). О его поездках в Орду летопись не упоминает.

...слышав от него о святем Леонтии... — Леонтий — епископ ростовский (ум. в 70-х гг. XI в.). До возведения на епископскую кафедру (не позже 1051 г.) — инок Киево-Печерского монастыря. Был ли он «греческая земля родом», точно не установлено. Летопись упоминает о нем как о распростра-

нителе христианства в Ростове. В 1164 г. церковь причислила Леонтия к лику «святых», открыв его «мощи», которые вначале были установлены в ростовском храме Ивана Богослова, а в 1213 г. перенесены во вновь отстроенный Успенский собор. Описания «жития» Леонтия сохранились во многих списках.

Стр. 98. *...князи ярославстии...* — В середине XIII в. в Ярославле княжил сын смоленского князя Мстислава Давыдовича — Федор (ум. в 1299 г.), женившийся на дочери умершего в 1249 г. ярославского князя Василия Всеволодовича. После смерти Федора ярославским князем стал его сын Давид (ум. в 1311 г.).

...в дом святых богородица — в Успенский собор.

Стр. 99. *Мелхиседек*, или Мельхиседек — апокрифический персонаж. В одном из апокрифов рассказывается, как Мельхиседек посоветовал своему отцу, палестинскому царю-язычнику Мелхилу, приносить жертвы не идолам, а небесному богу. Разгневанный царь решил убить сына. Тогда Мельхиседек убежал на гору Фавор и пробыл там долго. Бог повелел Аврааму идти к Мельхиседеку и получить от него благословение и причастие, как от нереля.

...по мале времени царю Берке умершу, Орде мятущесе и искания отроку не бе, крести сего отрока святой владыка... — Хан Берке умер в 1266 г. во время похода на Кавказ. Его место занял брат Менгу-Тимур, который за время своего владычества в Золотой Орде (1266—1280) занят был войною с монгольской династией Хулагидов за обладание Азербайджаном. Крещение ордынского царевича повесть приписывает епископу Кириллу. Однако последнего в то время уже не было в живых: он умер четырьмя годами раньше хана Берке.

Игнатий — епископ ростовский (1262—1288). Как сообщает летопись, Игнатий в 1280 г. покрыл оловом и вымостил красным мрамором Успенский собор в Ростове; несколько раз ездил в Орду по делам церкви.

...при езере ростовстем... — Ростов расположен на берегу озера Неро.

...древний Евстафий Плакида... — Евстафий Плакида — римский вельможа и полководец. Согласно легенде, Плакида еще в язычестве отличался добрыми делами. Однажды на охоте он увидел оленя с крестом между рогами и услышал голос, повелевший ему креститься. Став христианином, Плакида впал в немилость двора и вынужден был скитаться, терпеливо перенося всевозможные несчастья. Спустя много лет император Траян с почестями вернул его в Рим. После смерти Траяна император Адриан предал Плакиду за христианство мученической смерти (ок. 118 г.). Церковь причислила Евстафия Плакиду к «лику святых».

Стр. 100. *Призва князя...* — Во время епископства Игнатия в Ростове княжили: Борис Васильевич (ум. в 1277 г.), а затем сын его Константин Борисович (ум. в 1309 г.). По-видимому, повесть имеет в виду последнего, называя его в дальнейшем «старым князем».

Стр. 103. *И от того дне уставися монастырь сей.* — Петровский монастырь в Ростове был создан значительно раньше. По свидетельству Лав-

рентьевской летописи (записи под 1214 и 1216 гг.), он существовал уже в XII веке.

Стр. 103. *Внуци же стараго князя...* — По-видимому, речь идет о внуках князя Константина Борисовича — Константине Васильевиче и Федоре Васильевиче, которые поделили между собою Ростовское княжество.

Стр. 104. *Прииде Ахмыл на Русскую землю...* — Ахмыл — посол золотоордынского хана Узбека. Летописи сообщают, что он пришел на Русь в 1322 г. вместе с возвращающимся из Золотой Орды московским князем Иваном Даниловичем Калитой и в том же году разорил Ярославль.

Прохор — епископ ростовский (1311—1328), до этого архимандрит спасский в Ярославле.

ПОВЕСТЬ О МЕРКУРИИ СМОЛЕНСКОМ

Во второй половине XV века в московской литературе получила широкое распространение тенденция к переосмыслению местных литературных и народно-поэтических произведений в общерусском направлении. Одним из интереснейших фактов этого рода является создание около 1456 года московским книжником на основе местных смоленских преданий «Повести о Меркурии Смоленском».

Задолго до этого времени о Меркурии, спасшем Смоленск от Батия, сложилась местная смоленская народная легенда. Долгие годы она существовала в устной традиции. События, о которых в ней шла речь, как и личность самого Меркурия, не известны ни по летописи, ни по другим историческим источникам. Умолчание летописи о нападении Батия на Смоленск и народную легенду о чудесном подвиге Меркурия, будто бы отразившего такое нападение, можно понять только как согласное свидетельство о том, что Смоленск *уцелел* от татаро-монгольского разорения в первой половине XIII века. И действительно, известия о подчинении Смоленска татаро-монголам относятся только к третьей четверти XIII века. Таким образом, народная легенда о Меркурии Смоленском сложилась, очевидно, в объяснение того факта, что Смоленск уцелел в годину общего бедствия Русской земли.

Народная легенда о Меркурии Смоленском возникла на основе древнейших полуисторических преданий о борьбе древней Руси с восточными народами — касогами, печенегами и др. И летописи и народный эпос сохранили сказания и былины, по своему содержанию, отдельным подробностям и последовательности рассказа напоминающие повествование о Меркурии. Таковы сказание о переяславском богатыре Демьяне Куденевиче и былина о Сухмане Домантьевиче. Демьян Куденевич (Никоновская летопись, 1148) защищает Переяславль от нападения

Глеба Юрьевича с половцами. Он так же благочестив, беззаветно храбр, с таким же глубоким ощущением воинского долга, как и Меркурий. Самая обстановка борьбы в летописном рассказе сильно напоминает «Повесть о Меркурии»: враги подходят к городу внезапно, на ранней заре; Демьян Куденевич выезжает в бой или со слугою, или один; он разбивает врагов, которые, «страхом одержими, бежах спешно каждо во свояси», а сам Демьян умирает от ран, вернувшись в город. Типичные черты подобных сказаний сохранила и былина о Сухмане Домантьевиче, обставив их новыми эпическими подробностями.

Этот старый эпический сюжет и нашел новое применение в годы татарского нашествия, изменившись соответственно обстоятельствам события и местным смоленским условиям. На старую эпическую основу легли прежде всего черты христианской легенды и жития. Сохранение Смоленска на фоне общерусского бедствия было истолковано как проявление сверхъестественной помощи, а поэтические средства для ее изображения были взяты из переводных агиографических произведений из жития Меркурия Кесарийского, легенды об убийстве императора Юлиана Отступника и из сказания о Дионисии Ареопагите. А. Кадлубовский предполагал даже, что и самое сказание о Меркурии Смоленском явилось в итоге приурочения к русской почве рассказов о Меркурии Кесарийском («Очерки по истории древнерусской литературы житий святых». Варшава, 1902, стр. 74). Если и не принимать этого вывода полностью, то все же некоторые детали русской легенды о Меркурии близко соприкасаются со сказанием о Меркурии Кесарийском: Меркурий защищает Смоленск также по приказанию богородицы, явившись на ее зов; он завещает хранить его оружие над своим гробом и т. д.

Мотив усеченной головы не был особенно популярен на Руси. Проникновение его в Смоленскую землю можно объяснить влиянием западноевропейских рассказов о мученике, несущем свою голову в руке. Это представление на Западе было широко распространено в легендах и изображениях и относилось к Дионисию и ряду других святых. В местах соприкосновения русского населения с Западом, в частности в Смоленском княжестве, мотив этот легко мог устным путем перейти на Русь.

Уже в устную легенду проникли местные смоленские подробности: Меркурий молится у креста в окрестностях Смоленска, сражается с татаро-монголами у Долгого моста и умирает у Мологинских ворот.

В XV веке легенда об избавлении Смоленска от Батыя с образом Меркурия как защитника Смоленской земли, постепенно обрастая церковными мотивами, окончательно сложилась. Во второй половине этого века она получила литературную обработку в виде повести в том составе, в каком мы ее теперь знаем.

В ней рассказывается о нападении войск Батыя на Смоленск и о защите города воином Меркурием, который, разбив врагов и исполнив этим подвигом свое назначение в мире, гибнет от руки «прекрасного воина» (ангела), отсекающего ему голову.

Можно в известной мере воссоздать обстановку, при которой легенда о Меркурии получила литературное оформление. Икона богоматери Одигитрии смоленской, одно из «чудес» которой излагается в повести о Меркурии, в конце XIV или в самом начале XV века была вывезена из Смоленска в Москву и до 1456 года стояла на великокняжеском дворе у церкви Благовещения. В 1456 году из Смоленска в Москву прибыл епископ Мисаил со многими смоленскими жителями просить великого князя, чтобы тот разрешил взять икону в Смоленск. Великий князь после совета с митрополитом и боярами решил исполнить просьбу смолян. По этому случаю он устраивает торжество. Митрополит Иона и «весь священный собор» приходят в церковь Благовещения и совершают пред иконой молебен и литургию. Здесь же присутствует великий князь, великая княгиня и дети их: Иван, Юрий, Борис; младшего сына Андрея принесли на руках. После пышно обставленного богослужения, взяв икону, московское и смоленское духовенство, великий князь, бояре и войска, собранные тогда в Москве, пошли в торжественном шествии и проводили икону до церкви Благовещения на Дорогомилове.

Очевидно, в этой атмосфере исключительного внимания к иконе, уносимой в зарубежный тогда Смоленск, московским книжником и было дано литературное оформление ее главному «чуду». Такому предположению не противоречит и язык повести, в котором совсем нет элементов белорусской речи. Меркурий приобретает в этой книжной повести облик национального русского героя, а легендарный рассказ о поражении татар под Смоленском — значение общерусского события.

Автор повести сохранил сюжет легенды, видимо несколько расширив его как за счет тех житийных произведений, воздействие которых сказалось еще на устной легенде о Меркурии, так и за счет других книжных источников. Изложению своему он придал ту цветистую риторическую пышность, которая стала входить в обиход русской житийной литературы второй половины XV века. Но, наряду с этим, возросшее национальное самосознание превратило под его пером заимствованный из апокрифического видения апостола Павла плач земли «за умножение грехов человеческих» в плач Русской земли по поводу нашествия татаро-монголов («чаде мои, чаде мои... вижу вас от пазухи моя отторгаемы и в поганския руки немилостиво впадша... аз бедная вдова бех, что первое сетую, мужа ли или любимых моих чад, вдовство же менит запустение монастырей и святых церквей и градов многих...»); биографическая же заметка

о происхождении Меркурия «от римских пап», из княжеского рода, оказалась одним из ранних проявлений популярности в Москве XV века идеи преемственности царской власти и святости от Рима и Византии.

Народная легенда о Меркурии Смоленском продолжала жить в устной традиции и после создания литературной повести о нем. В XVII веке она вторично была литературно оформлена, на этот раз в более кратком изложении и ближе к своему первоначальному виду.

«Повесть о Меркурии Смоленском» печатается по списку XVII века Гос. Исторического музея, Синодальная библиотека, № 908, лл. 218 об. — 223, опубликованному ранее Л. Т. Белецким в «Сборнике Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. ХСІХ, № 8, П., 1922, стр. 55—57.

Стр. 106. ...приходяше ко кресту господню молитися за мир, зовомый Петровскаго ста. — В древнем Смоленске, как и в Новгороде, купцы объединялись в свои организации, так называемые сотни. Каждая из таких сотен имела своего патронального святого, во имя которого строилась церковь. С XII в. в Смоленске известна церковь Петра и Павла, возведенная в торгово-ремесленном посаде города на правом берегу Днепра — в Заднепровье. По-видимому, она являлась приходской церковью Петровской купеческой сотни. Возможно, что народная легенда связала моления Меркурия с Крестовоздвиженским, или Крестным, монастырем, расположенным также по правую сторону Днепра, на Покровской горе, и существующим с XII в.

...царь Батый пленил Рускую землю... — Батый (Бату) — монгольский завоеватель, внук Чингис-хана, основатель и хан Золотой Орды. В 1237—1238 гг. Батый совершил поход на Северо-Восточную Русь, в результате которого разорил Рязанское княжество, овладел Москвою, Суздалем, Тверью, Владимиром и другими городами. Весною 1238 г. татарские войска двинулись к Новгороду, но, не дойдя до него менее двухсот верст, повернули обратно из-за весенней распутицы и растущего сопротивления. На пути в Орду они опустошили часть Смоленского и Черниговского княжеств. По-видимому, в это время какой-либо из отрядов Батия подходил и к Смоленску, но не решился осадить этот хорошо укрепленный и окруженный лесами и болотами город.

...в соборной церкви пречистыя Богородицы... — Успенский собор в Смоленске был заложен в 1101 г. Владимиром Мономахом, который перенес сюда из Киева икону богородицы Одигитрии (путеводительницы), писанную, по преданию, евангелистом Лукою. Известная под названием Смоленской, эта икона в 1398 г. была перенесена в Москву, а в 1456 г. торжественно возвращена в Смоленск. Успенский собор, в котором, как сообщают дальше повесть, находился гроб с телом Меркурия, был взорван в 1611 г. защитниками Смоленска во время осады города войсками польского короля Сигизмунда III.

Стр. 106. ...за *Непр* рекою в *Печерстем* монастыри... — Возможно, речь идет о монастыре, который, по преданию, когда-то существовал в восьми верстах от Смоленска, в местечке, известном в XIX в. под названием Печора.

Стр. 107. *И пришед во Угры, и тамо злочестивый Стефаном царем убиен бысть.* — Осенью 1239 г. Батый вновь двинулся на Русь, но теперь в южные и юго-западные земли. В 1240 г. он овладел Переяславлем, Черниговом, Киевом и опустошил Владимиро-Волынское и Галицкое княжества. В 1241 г. Батый вторгся в Венгрию. Убийство Батыя венгерским королем Стефаном — легендарный вымысел. Во время татарского нашествия венгерским королем был Бела IV (1235—1270), шестидесятитысячному войску которого Батый нанес решительное поражение, разорил страну и в 1242 г. возвратился в Орду.

И дошед врат Мологинских... — Речь, по-видимому, идет о Молоховских воротах, из которых шла дорога в Молоховскую волость и далее на Мстиславль. По преданию, за этими воротами был воздвигнут столп в память победы Меркурия.

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Характерные особенности древней русской повести конца XV — начала XVI века ярче всего обнаруживаются в «Повести о Петре и Февронии». Среди повестей этого времени она наиболее интересна по своим идейно-художественным особенностям. В ней уже в довольно отчетливой форме наблюдаются признаки повести как определенного литературного вида на данном этапе его развития.

Идейно-художественные особенности «Повести о Петре и Февронии», сложной по своему замыслу, отражают мировоззрение, круг понятий, идеалы красоты и морали русского писателя того времени, когда параллельно с образованием централизованного Русского государства шло формирование русской народности и создание общности русской культуры. Только учитывая эту сложность русской исторической действительности второй половины XV века (и несколько раньше), можно понять «Повесть о Петре и Февронии», понять идейно-эстетические позиции ее автора. То, что автор повести, не москвич, а житель одного из периферийных культурных и политических центров, вернее всего — Мурома, и горячий патриот своего края, освещаая местную тему, в своих общественно-политических представлениях объективно отразил новый политический порядок, — в этом для его времени не было ничего необычного. Это была определенная закономерность в развитии русской общественной жизни, культуры и литературы того времени.

Действительно, автор «Повести о Петре и Февронии», рассказывая о прошлом своего Муромского княжества, говорил о его «золотом веке», сохраненном и разукрашенном в народной легенде; об его «идеальных правителях»; о их человеческих взаимоотношениях; о любви героини и героя, возраставшей и просветлявшейся с годами. Не забыл он рассказать и о борьбе социальных сил их времени.

Однако его рассказ своим внутренним смыслом обращен не к прошлому, а к настоящему. Прошлое не противопоставляется в нем настоящему, не является скрытым отрицанием его. Автор повести был человеком, остро чувствовавшим перемены в исторических судьбах Руси, и на его изображение Муромского княжества периода феодальной раздробленности легли черты, совершенно не характерные для этого периода. Он переносит в прошлое свойственные московским идеологам времени централизованного Русского государства на грани XV—XVI веков представления о князе, княжеской власти, взаимоотношениях князя и бояр и пр. Для автора повести Петр и Феврония — это истинные «самодержцы», самое нарушение «волеизъявлений» которых неизбежно порождает общенародные бедствия; они борются с боярами, стремящимися к власти, и побеждают их, и проч.

Оценка прошлого в свете понятий, складывавшихся на новом этапе исторической жизни древней Руси, сама по себе свидетельствует о прогрессивных началах повести, раскрывает ее истинный идейный смысл. Она рисует социальный облик автора; говорит о том, что он в русской жизни того времени принадлежал к числу тех, «которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов...»¹ Но крайне важно отметить, что оценка прошлого в свете новых общественных понятий и представлений — это не случайность, не обмолвка, а определенное художественное средство в руках автора, которым он пользовался в какой-то мере сознательно, которое предусматривалось самой идеей повести. Счастливая случайность, вследствие которой история создания «Повести о Петре и Февронии» легко и вполне достоверно раскрывается до мелочей, облегчает решение этого вопроса. Как известно, в «Повести о Петре и Февронии» объединены два народно-поэтических сюжета — сюжет песни или сказания об огненном летающем змее и сказки о мудрой девице. Широкое распространение произведений на эти сюжеты в русском фольклоре дает возможность восстановить их в общих чертах примерно в том виде, в каком они могли быть известны автору «Повести о Петре и Февронии», и сравнить затем с самой повестью. Сравнение это весьма наглядно показывает, как смело и искусно воспользовался автор повести своими фольклорными источниками для художественного выражения идей, волновавших прогрессивные слои феодального русского общества второй половины — конца XV века.

Перед автором «Повести» как перед художником неизбежно вставала задача художественного обобщения общественных явлений прошлого, периода феодальной раздробленности Руси,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 443.

и явлений настоящего. Но сам он еще не был в состоянии самостоятельно создавать такие художественно-обобщенные образы, которые соответствовали бы его идейно-эстетическим требованиям, которые дали бы ему возможность в художественной форме выразить со своих классовых позиций восприятие положительных и отрицательных явлений жизни, дать эстетическую оценку их. В осуществлении этой задачи он искал опоры для себя и нашел ее в устной народной поэзии.

О том, в какой мере устная народная поэзия к XV веку владела искусством создания художественно-обобщенных образов, красноречиво свидетельствуют многочисленные образы богатырей былинного эпоса и герои народной сказки. Но, кроме того, важно отметить исключительное соответствие идейного строя народной устной поэзии, особенно ее ведущего жанра — народного эпоса, тем глубоким изменениям, которые характеризуют историческую жизнь Руси этого периода. Присущие на протяжении ряда веков устному народно-поэтическому творчеству идеи единства Русской земли и этнической общности русского народа особенно окрепли и развились в период подготовки и образования централизованного Русского государства и формирования русской народности. Они сказывались и на образной системе произведений народной поэзии.

Одним словом, автор «Повести» в устной народной поэзии мог найти много близкого ему в идейно-эстетическом отношении. Он мог опереться на определенные элементы устной народной поэзии как на прочно сложившуюся традицию. Он и сделал это, опираясь на былинно-сказочные приемы художественного обобщения при создании образа. Народно-поэтическая традиция именно потому, что она соответствовала идейно-эстетическим представлениям автора повести, определила основное русло его творческой работы. Но литературный язык и агиографические приемы письма связывали его с древнерусской книжностью.

В развитии повествовательной литературы XV века автор «Повести о Петре и Февронии» проявил подлинное новаторство как в постановке вопроса о княжеской власти, так и в создании художественных образов ряда действующих лиц и в замечательных зарисовках характерных черт уходящего в историческое прошлое старинного княжеского быта одного из третьестепенных, но древних русских княжеств.

В первой части повести автор следует сюжету эпической песни или сказания об огненном летающем змее. Но все действующие лица ее — муромский князь Павел, его жена и его младший брат князь Петр — претендуют на полную историческую достоверность. Элементы реалистичности пронизывают повествование во всей этой части. Немногими штрихами автор

повести рисует уже несколько архаичный для второй половины XV века образ молодого князя Петра, который беззаветно предан своему старшему, занимающему княжеский престол, брату Павлу и ради защиты его чести идет «не сумняся мужествене... убити змия». Их взаимоотношения рисуются идеальными с точки зрения феодальной морали, к концу XV века уже сильно поколебленной. Но автор повести говорит о прошлом, и поэтому эти взаимоотношения оказываются исторически и художественно оправданными. Зато князь Павел изображается хотя совсем бегло, но иными чертами. К нему даже князь Петр «по вся же дни ходя... на поклонение». За его фигурой не видно никого «от предстоящих» ему: ни бояр, ни дружины. На образе Павла отразились новые представления о характере княжеской власти, показательные для второй половины XV века. Это — «самодержец». Также впоследствии и «князь Петр по брате своем един самодержец бывает граду своему». Черты реалистичности проявляются и в местном колорите повести, например: «Имеяше же (Петр) обычай ходити по церквам, уединяся. Бе же вне града церковь в женстем монастыри Воздвижение честнаго креста. И прииде ту един помолитися»; отмечаются обычаи княжеского двора: князь и княгиня живут в различных «храминах», Петр ходит «по вся дни» не только к своему брату, но «и к сносе своей на поклонение» и т. п.

В композиции повести ее первая часть вырисовывается одновременно как экспозиция и завязка. Автор здесь знакомит читателя со своим главным героем и, что особенно важно, чертами былинной образности дает ему эстетическую оценку. Петр — это прежде всего героическая личность: змееборец былинного эпоса в исторической обстановке. Фантастичность былинного эпоса и историчность уживаются рядом в стиле повести. И фантастичность не затемняет смысла повести. Она по эпической традиции не что иное, как средство гиперболизации, возвышающей героя.

Когда позже Петр «един самодержец бывает граду своему» и автор повести рядом других художественных средств усиливает положительную оценку его, вопрос о политическом идеале автора становится совершенно ясным. Автор — один из тех людей, которые при всем своем местном патриотизме становились на сторону нового политического порядка.

Эпизод борьбы князя Петра со змеем, — во время которой змей «окропи... князя Петра кровию своею», и тот «от неприязнивыя тоя крови острупе, и язвы быша, и прииде на нь болезнь тяжка зело», — является одновременно и завязкой повести. Это оригинальное, автором повести созданное звено, связывающее в единое композиционное целое два самостоятельных фольклорных сюжета. Благодаря этому звену сильно изменяется фабула

сказки о мудрой деве, — сказки, которая легла в основу второй части повести. Мудрость сказочной девы проверяется не только решением невыполнимых заданий (как это обычно делается в сказке), но и тем, сможет ли она «уврачевати» князя. Врачевание князя кладет начало романтическому содержанию «Повести», ее любовной интриге. Народная сказка превращается во второй части повести в трогательный рассказ о любви князя и дочери бортника, любви, вследствие общественного неравенства героев полной превратностей, но в конце концов побеждающей все препятствия.

Герой и героиня, как они зарисованы в эпизодах встречи в селе Ласково, очень близко стоят к образам сказки о мудрой деве. Но есть одна любопытная деталь повествования, которая вновь раскрывает отношение автора к своему главному герою. По сказке герой — обычно недалекий парень, купец, боярин и пр. — в первой же встрече с героиней оказывается посрамленным ее мудростью: он не может понять ее иносказательных речей. В повести этот эпизод изложен иначе: не Петр, а один из его отроков встречается с Февронией и оказывается посрамленным ее мудростью. Будущего самодержца, князя Петра, автор оберегает от унижения.

Особенно замечательно претворен в повести сказочный эпизод изгнания мудрой девы из дома ее знатного мужа. В сказке мудрую деву всегда изгоняет сам муж, убедившись в том, что она своим умственным превосходством лишает его авторитета среди окружающих. Князь Петр и в этом случае освобожден от такой неблагоприятной роли, и весь эпизод дается в ином, в социальном плане. Героиня повести вынуждена оставить княжеский дом вследствие мятежа бояр. Весьма характерны черты быта и элементы реалистичности в описании этого мятежа. Боярский мятеж изображен автором как постепенно нарастающее недовольство Февронией, которая сделалась княгиней «не отечества ради ея». Сперва говорится о неприязни боярских жен к княгине незнатного происхождения. Затем кто-то из бояр подсматривает, что княгиня, выходя из-за стола, сметает в руку крошки, и доносит об этом князю как о позорном поступке. Некоторое же время спустя «приидоша к нему с яростию бояре его» и требуют удаления Февронии. Наконец, «они же неистовии, наполнившеся безстыдия, умылиша, да учредят пир. И сотвориша. И, егда же быша весели, начаша простирати безстыдныя свои гласы, аки пси лающе...» Сперва бояре хотят изгнать только Февронию, но затем соглашаются отпустить вместе с нею и Петра, так как «кииждо бо от бояр в уме своем держаше, яко сам хочет самодержец быти», и дают князю и княгине «суды на реце» для отъезда. Таким образом, в повести уже говорится об изгнании не только княгини, но и князя. Причины их изгнания политиче-

ские — недовольство бояр княжением Петра и Февронии, их честолюбивые намерения занять место князя. Сказка творчески переработана. Ничего нет сказочного и в возвращении героев. Причины их возвращения тоже политические. Настигшие Петра и Февронию через день пути посланники бояр умоляют князя и княгиню возвратиться на княжение, так как «мнози бо вельможа во граде погибоша от меча. Кииждо их хотя державствовати, сами ся изгубиша». Политическая позиция автора вполне ясна: он сторонник князя и противник бояр.

И в этой части повести автор опирается на фольклорную традицию. Ее значение особенно сказывается на создании образа княгини Февронии. Это поэтический образ крестьянской девушки, простотой и непосредственностью, сказочной «мудростью» побеждающей князя. Это образ любящей и преданной жены, умно, внешне незаметно, но постоянно благотворно влияющей на управление княжеством. Демократизм народной сказки, всегда противопоставляющей мудрую, но бедную крестьянскую девушку ее знатному мужу, сохранен и в повести. Автор удачно воспользовался тем социальным конфликтом, на котором построена сказка о мудрой девице. Изображая конфликт между княгиней-крестьянкой и боярами, он поднимается до широких обобщений в описании мятежа бояр.

Построение всей второй части повести на любовной интриге, осложненной изображением феодальной борьбы, бесспорно является вершиной новаторства автора. Трактовка любви как человеческого чувства, без всякой мотивировки ее возникновения вмешательством злой дьявольской воли, любви как личного чувства, осложненного социальным конфликтом, — является чуть ли не единственным примером в повествовательной литературе древней Руси. Мы видим, как в повести она органически вырастает из фольклорной традиции.

Но в «Повести о Петре и Февронии» есть и другая традиция. Она ясно проступает в заключительной части повести, где рассказывается о последних годах жизни Петра и Февронии и о смерти их. По содержанию и стилю эта часть повести на первый взгляд настолько отличается от остального текста, что ее можно принять за дописанные позже страницы. Такое мнение о ней и было высказано в научной литературе в последние годы. Но это, конечно, не так. В замысел автора повести входило изобразить жизнь героев с юных лет до смерти. Жизнь героев, которые для автора являлись идеалом в общественном и личном смысле, могла закончиться, согласно его мировоззрению, только благочестивыми и добродетельными делами и праведной смертью. Все, что нужно было ему для заключительных эпизодов повести, он мог найти в обильной традиции русской житийной литературы. Он и обратился к ней, обнаружив прекрасное понимание

специфически агиографической образности. Но он писал не житие, а повесть, и поэтому не подчинил свое изложение крайне условному, холодному и монотонному стилю русской агиографии второй половины XV века.

Автор повести последовательно проводит своих героев через ряд этапов: юность — зрелость — старость. И всякий раз, сохраняя внутреннее единство образов, а иногда и нарушая его, он раскрывает новые душевные качества своих героев.

Юность — это встреча героев в селе Ласково и состязание их в мудрости. Петр и Феврония, как они зарисованы в этом эпизоде, близко стоят к сказочным образам. Даже фразеологически этот эпизод очень близок сказке. Автор мастерски владеет всеми приемами фольклорной изобразительности. Без психологической углубленности, чисто внешними средствами (иносказательные изречения, невыполнимые требования) он создает образы героев повести, как и в сказке, противопоставляя друг другу умную, находчивую девушку, дочь бедных родителей, посредственному, не лишенному лукавства и сословных предрассудков юноше, наследнику княжеского престола. Он как бы не замечает, что образ князя, как он дан в этом эпизоде, несколько противоречит тому героическому облику князя, который уже нарисован выше, в первой части повести.

Годы зрелости героев — это годы их правления Муромом до изгнания и после изгнания. Сюжет этой части повести повторяет сюжет сказки. Сохраняется здесь и основная идея сказки и легенды: мудрость достойна уважения, она основа личного счастья и общественного порядка. И еще одна особенность Февронии, как она изображается в легенде, намеренно подчеркивается писателем: княгиня — человек, наделенный даром провидения, для нее доступны дела, стоящие за пределами реальности, чудеса. Во всем же остальном автор повести выходит из круга сказочных и легендарных представлений, которые, очевидно, не охватывали всего строя личных чувств и общественных отношений, как они представлялись ему. Он рисует образ Февронии, любящей умной жены и незлобивой княгини. Как бы оттеняя ее высокие душевные качества, он показывает и князя Петра — мягкого, всегда колеблющегося в своих решениях человека, но с хорошей моральной основой, с годами приобретающего все более и более просветленный облик. И были князь и княгиня, говорит автор повести, «ко всем людем, под их властию сущим, аки чадолюбивии отец и мати». Этой патриархальностью отношений между правителями и подданными больше всего дорожит писатель. Показав боярский мятеж и гибельные последствия его, он вкладывает в уста бояр раболепные слова раскаяния: «Ныне же с всеми домы своими раби ваю есмы, и хощем, и любим, и молим, да не оставита нас, раб своих!»

Идеальная жизнь и мудрое правление княжеством, с точки зрения автора, заслуживают ореола святости. Он и украшает им своих героев в последние моменты их жизни. Это третий аспект, в котором автор повести показывает Петра и Февронию. Но это не было основной задачей его труда, и поэтому здесь он предельно лаконичен. В этой части повести он окончательно покидает свой фольклорный источник. Он обнаруживает осведомленность в агиографическом мастерстве, но все же и на последних страницах повести не подчиняет свое изложение житийной манере письма.

Лучшие страницы «Повести о Петре и Февронии», крайне сложной и противоречивой по своему идейному смыслу, подсказаны автору исторической действительностью и богатым источником литературы его времени — фольклором. Являясь в известной мере выразителем демократических идей конца XV века, он в своей творческой работе опирался на местные муромо-рязанские народно-поэтические произведения именно потому, что они были родственны ему по своей демократической направленности. Но под его пером историческое прошлое Муромо-Рязанского княжества получило более конкретное и глубокое освещение, чем в фольклоре: он показал образы прошлого, как они могли рисоваться человеку, очень близко стоявшему к уходящей с исторической сцены удельной Руси. И вместе с тем на легендарно-историческом материале он поставил политические и социальные вопросы, волновавшие передовых людей конца XV века.

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» печатается по тексту, опубликованному М. О. Скрипилем в «Трудах Отдела древнерусской литературы», изд. Академии наук СССР, т. VII, 1949, стр. 225—246, по списку XVI века Гос. Исторического музея, Хлудов. № 147, лл. 405 об. — 425, без предисловия и заключительной похвалы, приписанных позднее.

Стр. 108. *Муром* — один из древнейших русских городов, центр Муромского удельного княжества; в 1392 г. московский великий князь Василий I Дмитриевич присоединил его по ханскому ярлыку к Москве.

...самодержавуя благоверный князь... именем Павел. — Павел — имя вымышленное. Возможно, народная легенда наделила этим именем муромского князя Владимира Юрьевича (княжил в конце XII — первых годах XIII вв.).

Смерть моя есть от Петрова плеча, от Агрикова меча. — Агрик, или Агрика — сказочный богатырь, побеждавший исполинов и чудовищ. За свою жизнь он собрал несметное количество оружия, среди которого было копьё, сделанное из громовой стрелы, и непобедимый меч-кладенец.

Стр. 109. ...имяше же у себе приснаго брата, князя именем Петра... — Петр также не значится в роду муромских князей. Предполагают, что его

историческим прототипом был князь Давид Юрьевич (ум. в 1228 г.), младший брат Владимира Юрьевича, княживший после него в Муроме и перед смертью постригшийся в монахи под именем Петра (в повести наоборот — Петр получает в иночестве имя Давида). Давид Юрьевич был женат на Февронии — как и в повести, в иночестве Евфросинии.

Стр. 112. ...князь *Петр* по брате своем един самодержец... — Давид Юрьевич получил Муромское княжество в 1204 г., после смерти Владимира Юрьевича.

ПОВЕСТЬ О ЛУКЕ КОЛОЧСКОМ

Зерно фабулы одной из ранних московских повестей — повести о Луке Колоцком — хорошо известно по ряду русских летописей — Ермолинской, Софийской I, Русскому хронографу, Псковской, Симеоновской, Воскресенской и др. Но в развитом своем виде повесть представлена только Степенной книгой и Никоновской летописью, да отдельно — многочисленными списками XVI—XIX веков. Изучение этого материала легко обнаруживает время образования повести в ее полном виде. Образование ее нельзя отодвинуть дальше первой половины XVI века. Точно так же становится ясным и то, что многочисленные списки повести ведут свое начало от текста Степенной книги, время от времени незначительно изменяя его.

Варианты повести, сохраненные Степенной книгой и Никоновской летописью, происходят от более древнего, неизвестного нам текста. При этом вариант повести, известный по Никоновской летописи, далеко отступает от первоначального вида повести в стилистическом отношении, хорошо сохраняя ее фабулу. Степенная же книга дает в общем старый текст повести, но там, где речь идет о Можайском князе Андрее Дмитриевиче, мы наталкиваемся на явную переработку первоначального текста в целях возвеличения Андрея Дмитриевича — родственника великих князей Московских.

В основе сюжета «Повести о Луке Колоцком» лежит устное сказание о явлении в 1413 году иконы на Колоче, в 25 верстах от Можайска, где в это время был князем родственник московских князей Андрей Дмитриевич.

Легенды о явлении икон и их чудесах были известны на Руси издавна. Так, еще в XIII веке было написано сказание об иконе, принесенной Андреем Боголюбским из Киева, позже названной Владимирской. За время с XIII по XVI век из Византии и Афона на Русь был перенесен ряд икон греческого письма

(Пименовская 1381 г., Коневская 1393 г. и др.), окруженных в местах их прежнего пребывания благочестивыми легендами. Эти легенды в устном или письменном виде переходили на новую почву вместе с иконами. Переводные сказания давали образчики жанра, но содержанием для русских сказаний было богатое историческое прошлое Руси и окружающая действительность. Эпизоды местной героической борьбы с татарами Золотой Орды, Казанского царства и Крыма, частью уже подвергшиеся народно-поэтической обработке, освоение новых земель, местное церковное и монастырское строительство и чем-либо замечательные факты из жизни удельного князя составляют основное содержание сказаний о явлениях и чудесах икон. Поэтому-то в них, даже в поздних редакциях, сохранилось так много любопытных исторических, этнографических и географических сведений о различных местах и областях древней Руси.

Большинство из них долгое время сохранялось в устной традиции и имело местное значение. Но по мере роста Москвы как политического центра всей Русской земли, местно прославляемые иконы привлекают к себе внимание княжеской и церковной власти Москвы, а сказания о них — московских книжников. Иконы, давно приобретшие на местах патрональное значение, переносятся в Москву, и Москва задерживает их на десятилетия или же навсегда. Так, Владимирская икона (по преданию, принадлежавшая императору Феодосию Младшему), очевидно как символ великокняжеской святыни, в 1395 году навсегда переносится в Москву, и с ней связывается ряд сказаний о крупнейших событиях в жизни Москвы XV—XVI веков. Смоленская икона (по преданию, принадлежавшая императору Константину Порфирородному) попадает в Москву в конце XIV века, и только в 1456 году Василий Темный, по просьбе Смоленска, разрешил возвратить ее, после совета с митрополитом и боярами. Особенно заметна эта концентрация местно чтимых икон в церквах и монастырях Москвы в XVI веке: в 1567 году переносится в Москву великоустюжская икона Благовещения, в 1571 году из покоренного Новгорода — так называемая «Иерусалимская», и т. д. Конечно, в условиях Московского государства той поры это обстоятельство имело определенное политическое значение.

Сказания о явлении икон как повествовательный жанр получили в XVI веке уже совершенно законченный вид, со своей особой композиционной схемой, основными образами и поэтической фразеологией. Если в сказаниях об иконах старших по времени — Владимирской, Тихвинской, Николы Зарайского и др. — авторы рассказывают о чудесном переходе иконы из Византии на Русь, то теперь явление икон описывается совсем иначе. Их обычно находят в лесу — в ветвях сосны, дуба («на древе стоящу») — или у корня дерева, или в поле и на лугу в траве.

Они привлекают к себе внимание лучами света, исходящими от них; эти лучи сплетаются в виде моста, по которому можно перейти реку. Иконы нередко не даются в руки обыкновенному смертному («но простолюдину не дается, точию епископу со священным причтом») и обычно настойчиво возвращаются на место своего явления, что истолковывается как повеление на этом именно месте построить храм. Находят их князья во время охоты или епископы во время поездки по епархии. Их памяти посвящаются церкви, престолы которых делают на пнях деревьев, на которых иконы были обнаружены, а на досках из стволов этих деревьев пишут иконы. Чудесный путник, подобный тени или призраку, проносящий икону через город или посещающий место ее явления, — излюбленный персонаж этих легенд.

По своему содержанию и поэтическому стилю этот жанр стоит на грани церковной легенды и светской историко-бытовой повести, так как, несмотря на всю легендарность содержания произведений этого рода, историческая и географическая рамка событий и бытовые картины весьма нередки в них. Иногда же легендарный элемент совсем отступает на второй план перед историческими и бытовыми реалиями, и, кроме идеальных житийного характера князей и святителей, появляются «простолюдины» и «земледельцы», не лишенные обычных (очень часто даже отрицательных) человеческих черт и действующие в реальной бытовой обстановке. К числу таких произведений относятся сказания о Луке Колочском.

В сказании о Луке Колочском, наряду с прославлением одного из отпрысков великих московских князей — Андрея Дмитриевича Можайского, рассказывается о широко распространенном в древней Руси явлении — постройке церкви или монастыря на собранные суммы. Когда в княжеской или монастырской казне не хватало средств для церковного или монастырского строительства, приходилось прибегать к благотворительности населения. Доживший до нового времени тип «прошаки» на построение храма, так талантливо описанный С. В. Максимовым в очерках «Бродячая Русь Христа ради», был широко известен на Руси уже в XIV—XV веках. Но это обычное для древней Руси явление дано в сказании о Колочской иконе в сопровождении ряда таких красочных бытовых деталей, которые далеко уведат повествование от церковной жизни. С исключительным реализмом нарисован образ «земледельца проста поселянина Луки», который настолько обогащается за счет «чудес» найденной им иконы, что начинает соперничать в силе и богатстве со своим князем.

Самая ранняя летописная запись о событии, послужившем канвою для «Повести о Луке Колочском», сохранилась в Ермолинской летописи.

Сравнивая Софийскую летописную запись с Ермолинской, легко установить, что в последней мы имеем простое сокращение первоначального текста. Обе эти записи свидетельствуют о том, что в своде 1423 года нашла отражение обычная легенда о явлении иконы. Никакого особого смысла в эту легенду пока что не вкладывалось. То же самое наблюдается и во всех тех летописях, которые возникли на основе Софийской летописи.

Но составитель Русского хронографа 1442 года уже сильно изменяет легенду о явлении иконы на Колоче. Его внимание привлекает не столько самый факт явления иконы, сколько те события, которые вокруг этого разыгрались. В Русском хронографе легенда записана в следующем виде:

«В лето 6921 явишася чудеса от иконы пречистыя Богородицы за 20 верст от града Можайска. И поиде с нею Лука к Можайску, и срете его князь Андрей Дмитриевич и весь народ со кресты. И оттуле поиде и в прочая грады, и сретаху его князи и бояре с честию и со многими дары. И от сих обогатев зело и суклонися в житие бесполезно, корчемствоваше и продающе целбы, еже творя святая богородица пречистым своим образом. И сего ради подвиже на него Андрея Дмитриевича: и взять у него икону и ею обоима и того именем постави монастырь во имя святыя Богородица Колочской и икону постави в нем, иже и до сего дни чудеса творит».

Здесь уже намечены не только сюжет, но и образы и взаимоотношения действующих лиц в том направлении, в котором они получают потом свое дальнейшее развитие в распространенных редакциях повести в XVI веке в составе Никоновской летописи и Степенной книги. Внимание составителя Русского хронографа уже привлекает к себе образ Андрея Дмитриевича, брата великого князя Московского Василия Дмитриевича. Весь смысл легенды теперь, в 40-е годы XV века, становится иным. Ее задача — обрисовать Андрея Дмитриевича как благочестивого устроителя своего княжества. Лука же превращен в человека, который «уклонился в житие бесполезно, корчемствоваше и продающе целбы».

«Повесть о Луке Колочском» печатается по списку XVI века Гос. Исторического музея № 1110 (Синод. VI), публикуемому впервые.

Стр. 116. ...великому князю Василию Дмитриевичу. — Речь идет о Василии I Дмитриевиче (1371—1425), московском великом князе (1389—1425), старшем сыне Дмитрия Донского, занявшем великокняжеский стол по его духовному завещанию.

...во области брата его князя Андрея Дмитриевича в пределах града Можайска. — Андрей Дмитриевич (1382—1432) — третий сын Дмитрия Донского — получил от отца в удел Можайск, Верею и другие города.

За время своего удельного княжения — верный союзник старшего брата, а впоследствии и сына его, Василия Темного.

Стр. 117. *Преосвященный Фотий* — митрополит киевский и всея Руси (1408—1431), родом грек из Пелопоннеса. Поставленный константинопольским патриархом во главе русской церкви после смерти митрополита Киприана (1406), он прибыл в Москву в 1410 г., где и оставался до конца жизни (1431). Сторонник объединительной политики московских великих князей, Фотий после смерти Василия Дмитриевича поддерживал также его малолетнего сына Василия, провозглашенного великим князем, и таким образом от имени церкви одобрил новый московский порядок прямого престолонаследия. Фотию принадлежит инициатива в составлении так называемого Владимирского полихрона — первого общерусского летописного свода (1423), созданного на московской основе, в отличие от Киприановского свода 1392 г., где в значительной мере сказывалось тяготение к Литве.

Монастырь Колоческий — иначе Колоцкий, или Колочевско-Успенско-Можайский, основанный в начале XV в. на берегу притока реки Москвы — Колоче, в 25 верстах к западу от Можайска. В 1812 г. генерал Коновницын, ведя арьергардные бои, задержал под его стенами французские войска и дал тем самым возможность укрепить бородинские позиции. Почитаемая монастырская икона богородицы носила название Колоцкой.

ПОВЕСТЬ О ТИМОФЕЕ ВЛАДИМИРСКОМ

Небольшая по размеру, но интересная по своему содержанию повесть о Тимофее Владимирском крепко связана с древнерусским бытом и историей. Встречающиеся в ней упоминания о некоторых исторических лицах (о великом князе Иване Васильевиче и митрополите Филиппе) позволяют отнести ее возникновение к определенной эпохе в жизни Русского государства. Она написана на грани XV—XVI веков, в княжение великого князя Московского Ивана III.

Иван III, вступив на великокняжеский московский престол в 1462 году, продолжает объединительную политику своих предшественников. В 1478 году он наносит окончательный удар новгородской самостоятельности; в 1485 году присоединяет к Москве Тверское княжество; вскоре после этого часть Рязанского княжества также переходит к Ивану III по завещанию одного из рязанских князей. К концу княжения Ивана III образование единого национального Русского государства становится совершившимся фактом.

Опираясь на поддержку церкви, дворянства и посадского населения, Иван III высоко поднимает авторитет великокняжеской власти как внутри государства, так и в международных отношениях и связях. Русское государство при Иване III завязывает дипломатические отношения и обмен посольствами с Римом, Венецией, германским «цесарем», Турцией, Персией и другими странами. Во внешней политике Иван III проявляет осторожность, хитрость, предусмотрительность, и в то же время — смелость и решительность. При нем резко изменяется политика по отношению к Золотой Орде и другим татарским ханствам: Иван III уже не ездит в Орду и отказывается платить дань татарам, а в 1480 году Русское государство окончательно освобождается от татарского ига.

Но, кроме Золотой Орды, у Москвы был и другой враг — Казанское ханство. Казанское ханство являлось серьезной угрозой для восточных окраин молодого Русского государства. Казанские татары во время своих набегов опустошали долину Волги и доходили по притокам Волги до Вятки и Устюга. Вятчане и устюжане в свою очередь нападали на земли казанских татар. Прекращение этой непрерывной войны на восточных границах Руси становилось большой государственной задачей. Борьба с казанскими татарами оказывалась частью общей борьбы за объединение русских земель. Но для Ивана III было ясно и более широкое значение борьбы с Казанью. Казань привлекала его своим удобным географическим положением: завоевание Казани не только дало бы возможность прекратить постоянные военные столкновения с татарами и расширить территорию Московского княжества, но и открыло бы путь к низовью Волги, к Каспийскому морю, что диктовалось возросшими торговыми интересами Москвы. Поход Ивана III под Казань в 1467 году был его первым крупным походом, но закончился он неудачно.

Прошло немного лет, и уже к 80-м годам XV века положение Казанского ханства значительно ухудшилось. Ослабление Золотой Орды сказалось и на военной мощи Казанского ханства, так как теперь оно потеряло своего главного союзника. В 1487 году под Казань вновь была отправлена большая московская рать. Русские осадили город и после долгой осады помогли занять ханский престол Мухаммед Эмину, придерживавшемуся московской ориентации. Вмешательство Ивана III во внутреннюю жизнь Казанского ханства усилило враждебное отношение к Москве среди феодальной знати Казани. Это привело к еще более частым набегам казанских татар на московские владения. Ивану III, не покорившему Казани, приходилось вести по отношению к ней особо осторожную политику, приобретая себе сторонников внутри самого Казанского ханства.

Фабула «Повести о Тимофее Владимирском» становится вполне понятной и объяснимой только на фоне этой конкретной исторической обстановки. В отношении хронологии ее развязка лучше всего соотносится со временем между 1467 и 1473 годами, то есть с первым неудачным походом Ивана III на Казань и смертью митрополита Филиппа I. Повесть отражает, таким образом, очень сложный и напряженный момент во взаимоотношениях Москвы и Казанского ханства. В связи с этим она отличается ярко выраженной политической направленностью. Прощение Тимофея князем и митрополитом несомненно свидетельствует об этой направленности. За внешне религиозной мотивировкой решения князя и митрополита открывается подлинное значение этого решения, как определенного политического акта, согласного с общей политикой Москвы по отношению

к Казанскому ханству в 60—70 годах XV века. Пресвитер Тимофей, совершив преступление, оставляет семью и тайно, переодевшись «в воинскую одежду», бежит «на чужую страну в поганскую землю татарскую, в Казань». Следовательно, Тимофей рассчитывает, что в Казани он окажется недоступным для русских властей. Здесь он отрекается от христианства, «босурманскую злую срачинскую веру прият» и переходит на службу к казанскому царю, очевидно выдавая себя за всина, «и воивода в Казани храбр. И часто его посылаше царь с татары своими воевати страну отечества его, руския земли христиан». Таким образом, над ним тяготят преступления, подсудные и духовному и светскому суду. Поэтому-то он и просит отпускную грамоту за «двема печатями» — печатью митрополита и князя. И митрополит и князь прощают Тимофея: «и наказавше, звати его, чтоб ехал к Москве безо всякия боязни, и да будет честен службе великому князю». Во всем этом — живые черты быта и истории XV века, осторожной и трезвой политики Ивана III в эпоху, когда Казань еще сохраняет свою самостоятельность.

Неизвестно, лег ли в основу фабулы «Повести о Тимофее Владимирском» конкретный, имевший место в жизни случай, или сам автор создал фабулу повести, преследуя свои особые цели. Но важно то, что фабула повести оказалась достаточно емкой для того, чтобы автор мог поставить ряд интересовавших его вопросов. Он прежде всего декларативно заявляет о своем намерении показать, как даже исключительный грешник путем покаяния может «в первое (первоначальное) благочестие» возвратиться. Попутно с художественным показом этого на судьбе своего героя автор повести ясно обнаруживает свой интерес и свое отношение к одному из важнейших вопросов своего времени — к вопросу о «восточной» политике Русского государства последней четверти XV века.

Нам сейчас очень трудно определить, какой из поднятых автором повести вопросов стоял на первом плане в его собственном сознании. Но то, как развивается фабула повести, как настойчиво автор подчеркивает, что преступление Тимофея не исчерпывается святотатством, а является преступлением и против государства — государственной изменой, свидетельствует, что основная идея повести выходит за круг морально-религиозных представлений ее автора. Поступок князя приобретал в глазах автора повести значение политического акта. Чудесное явление Тимофея после смерти во сне отроку с извещением, что он, Тимофей, «приях от бога прощение грехов своих», божественным авторитетом подкрепляет правильность решения князя и отражает положительную оценку этого решения автором повести. Пред нами ясно обрисовывается лицо автора повести как человека, сумевшего ориентироваться в сложной политической

ситуации своего времени, правильно понявшего политику Ивана III в отношении Казанского ханства и оправдывавшего ее.

Характерная для автора манера решения вопросов политических в рамках религиозно-легендарного сюжета не является чем-то исключительным для своего времени. Наоборот, эта манера была обычной для определенного, довольно широкого круга произведений литературы XV века, которым, нам кажется, позволительно было бы присвоить наименование легендарно-политических сказаний.

Широко известные в древней Руси легендарно-политические сказания по своей тематике обычно связаны с какими-либо значительными моментами политической жизни северо-восточных русских княжеств и областей XV — начала XVI века. Иногда они идут по свежим следам исторических событий. Но чаще всего они отражают более позднее осмысление события, изменение взглядов на него, переоценку его, когда яснее становится значение события в исторических судьбах народа. В легендарно-политических сказаниях нередко находило свое выражение тенденциозное освещение межобластных споров. В них отражалась оппозиция объединительной политике Москвы, оппозиция для XV — начала XVI века обычно уже запоздалая и бессильная, но все еще свидетельствующая о некоторой взбудораженности настроений местных общественных сил. Они же, наконец, являлись излюбленным средством в руках московских писателей XV — начала XVI века в утверждении московской идеологии.

И по своему идейному содержанию и по своей художественной манере повесть о Тимофее Владимирском примыкает к этой группе произведений. Ее основная идея состоит в оправдании политического курса единого национального Русского государства в одном из важнейших вопросов времени. Для нее характерно обращение к легенде как к одному из элементов художественно-изобразительной системы. Но во многом повесть о Тимофее Владимирском уже отходит от легендарно-политических сказаний, круг ее идейно-художественных задач несколько шире, чем в произведениях этого жанра.

Герой как личность со своим индивидуальным характером, особенности которого сказываются на его поступках и на его судьбе, — вот то новое, что с особой выразительностью обнаруживается в повести. Тимофей — порывистый, несдержанный, крайне эмоциональный — в самом себе хранит возможность той необычной участи, которая постигает его. От первого преступления до смерти от радостного волнения Тимофей предстает перед нами как цельная личность, как определенный характер. В этом отношении «Повесть о Тимофее Владимирском» сближается с некоторыми другими произведениями XV — начала XVI века, особенно же с «Повестью о Петре, царевиче

ордынском» и «Повестью о Луке Колочском», развитие фабулы которых также определяется основными особенностями характеров их главных героев.

«Повесть о Тимофее Владимирском» печатается по списку конца XVII века Гос. Исторического музея, Барсов., № 2134, лл. 215 об. — 226 об., публикуемому впервые. В этой же редакции повесть была издана ранее М. О. Скрипиным в «Трудах Отдела древнерусской литературы», изд. Академии наук СССР, т. VIII, стр. 300—304, по списку Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q. XVII, № 199.

Стр. 119. ...в княжение царя и великого князя *Иванна Василевича Московского и всея Руси*... — Имеется в виду Иван III Васильевич (1440—1505), великий князь московский (1462—1505). Настойчиво борясь за создание централизованного Русского государства, он присоединил к Москве Великий Новгород с его землями (1478), Тверское великое княжество (1485), Вятскую землю (1489), многие западные русские области с Черниговом, Стародубом, Новгород-Северским, Путивлем и другими городами (1494), а также сделал зависимыми Псков и Рязанское великое княжество. Как единовластный правитель большинства русских земель, Иван III стал в ряде случаев титуловать себя великим князем «всея Руси» и даже царем, хотя и не был официально «венчан» на царство.

Филипп — митрополит московский и всея Руси (ум. в 1473 г.). До возведения на митрополичью кафедру (1464) был суздальским епископом. В своей деятельности полностью поддерживал внешнюю и внутреннюю политику Ивана III.

...в поганскую землю татарскую, в *Казань*. — Казанское царство образовалось в районе Среднего Поволжья в результате распада Золотой Орды. Его возникновение относится ко второй четверти XV века и приписывается изгнанному из Золотой Орды хану Улу Мухаммеду, сын которого, Махмутек, в 1445 г. сделал Казань столицей нового ханства. Казанские татары совершали опустошительные набеги на русские земли и даже доходили до Москвы. В 1467—1469 гг. Иван III предпринял несколько походов на Казань, но овладеть крепостью не смог. Только после свержения ига Золотой Орды (1480) Казань была взята русскими войсками (1487), и на ханский престол возведен сторонник сближения с Москвою Мухаммед Эмин. Казанское ханство прекратило свое существование в 1552 г., после взятия его столицы войсками Ивана IV.

ПОВЕСТЬ ОБ ОСАДЕ ПСКОВА СТЕФАНОМ БАТОРИЕМ

«Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» написана, по-видимому, в 80-х годах XVI века. По своей идейной направленности и художественным достоинствам она с полным правом может быть отнесена к лучшим произведениям древнерусской литературы на историческую тему. «Повесть» — яркий патриотический памятник, в котором воплотилась великая идея национального единства Русского государства и запечатлелся героический подвиг наших предков в борьбе с иноземными захватчиками.

Материалом для «Повести» послужили события из истории Ливонской войны 1558—1583 годов, во время которой Русское государство, кровно заинтересованное в расширении экономических и культурных связей со странами Западной Европы, вело напряженную борьбу с Польшей, Литвой, Швецией и Ливонским орденом за выход к Балтийскому морю.

Автор «Повести» не затрагивает сложных политических и экономических причин, вызвавших Ливонскую войну, и не ставит своей целью описать весь ход ее. В центре его внимания событие решающего значения, определившее исход войны, — пятилетняя героическая оборона Пскова в 1581—1582 годах от войск польского короля Стефана Батория. Разрабатывая этот сюжет, автор берет, однако, исходной датой не 1581, а 1577 год, значительно расширив этим границы своего повествования. В результате произведение оказалось обрамленным двумя знаменательными эпизодами. Оно открывается описанием победоносного похода Ивана IV в южную Ливонию, начатого из Пскова в 1577 году, и завершается ликованием по поводу ухода Баториевых войск «ото града Пскова со студом многим и с великим позором» в 1582 году. Остальные события в этих хронологических пределах также неизменно связываются со Псковом. Автор, таким образом, отвел Пскову главную композиционно-организующую

роль, и «Повесть» благодаря этому приобрела идейную целостность и литературную завершенность.

Стягивая к «славному и богоспасаемому граду Пскову» как к центру все нити повествования, автор-пскович не замыкается, однако, в узком кругу местных, собственно псковских интересов. Его горизонт значительно шире. Он изображает и оценивает исторические события с общерусской точки зрения. Псков в его глазах только одна из многих составных частей органически единого Русского государства, неотъемлемая «вотчина» московского великого князя и самодержца всей Руси; богатство и красота Пскова — это богатство и красота всей Русской земли; святыни его — святыни общенациональные; забота о его защите от врагов — дело всенародное; беспримерный ратный подвиг псковичей — это показатель мужества, стойкости и патриотической самоотверженности всех русских людей. Псков, таким образом, приобрел в «Повести» значение широкого типического обобщения, в котором выразилась национальная сущность Русского государства в тот период его исторического развития, когда фактически уже была изжита феодальная раздробленность и вполне сформировалась русская народность.

Описание исторических событий, непосредственно предшествовавших осаде Пскова Баторием, имеет в «Повести» характер экспозиционный. Эта особенность построения произведения свидетельствует о том, что автор превосходно чувствовал жанровую природу исторического повествования. Развернутая экспозиция «Повести» позволила ему сделать завязку логически оправданной и стянуть события в единый драматический узел. Она давала возможность создать широкий исторический фон, который был необходим прежде всего потому, что в основе сюжетного конфликта «Повести» лежали непримиримые противоречия крупного международного масштаба. Последнее обстоятельство, в свою очередь, потребовало от автора прямолинейного противопоставления борющихся сил, контрастной группировки образов и соответствующих художественных средств для их характеристики, политической и эстетической оценки.

Резко распределяя свет и тень, автор концентрирует борющиеся силы на противоположных полюсах. На одном из них — чужеземные захватчики. Они «много зла сотворяют» не только порубежным русским городам, но собираются даже идти походом «на Великий Новоград, паче же и преболе же на славный и богоспасаемый град Псков», чтобы там «панствовать». На другом — русские патриоты. Они храбро и мужественно бьются с врагами в Полоцке, Соколе и «во окрестных градах» и клятвенно обещают «за град Псков битися с литвою до смерти безо всякой хитрости». Воинствующим главарем первых выступает польско-литовский король Стефан Баторий, руководителем и

вдохновителем вторых является «царь и великий князь Иван Васильевич, всея Руси самодержец».

«Повесть» поэтому не случайно начинается хвалебной характеристикой Ивана IV прежде всего как мудрого правителя земли Русской, который крепко обороняет ее «от окольных... неверных царей и кралей и всяких начальник». В изображении автора Иван IV — талантливый полководец, осуществивший сплавливый Ливонский поход «в отмщение» за бесчинства «вифлянских земли немец» в пограничных русских владениях. Умело руководя военными действиями, он беспощаден к сопротивляющимся и милостив к покорившимся. Русский царь верит клятвам «курлянских немец», разрешает им «на старых местах жити», а впоследствии сильно гневается, когда они вероломно нарушили свои клятвы. Услышав про «татебное звериное устремление» Стефана Батория, он всемерно заботится об обороне Русской земли, но готов вести и мирные переговоры с королем, чтобы не допустить кровопролития. Узнав о падении Полоцка и Сокола, а затем о намерении Батория идти на Великие Луки, он обьят «великою кручиною», но в то же время принимает энергичные меры для защиты главных городов «полунощной страны» своего государства, в первую очередь Пскова. Иван IV посылает туда лучших своих воевод с большим войском, «наказует их», «како всякими крепостьми утвердити» стены и с врагами «бой учинити по чину», а после неустанно следит за «градоукреплением». Когда же огромное войско Батория двинулось на Псков, он в своих грамотах призывает псковичей «мужественно во осаде быти и до последней смерти невозвратно с литвою... битися».

Иван IV предстает перед читателем в ореоле благочестия, чуть ли не святости. Молитва — неизменный его спутник. Перед выступлением в Ливонию царь в соборной церкви Пскова слезно просит бога о даровании победы над «неверная своя враги» и дает многие обеты «святым местом». После успешного похода он вновь посещает псковские обители и, припадая «на мрамор помошта церковного», «благодарные слезы проливает, богу... много-радостно сплетенные хвалы возсылающе». В дни Баториева «прихождения» царь с христианским смирением воспринимает вести о трагической судьбе порубежных русских городов и, вновь «слезами... свое царское лицо омокаше», умильно молит бога спасти Псков.

Наделяя Ивана IV всеми качествами идеального монарха-христианина, автор рассматривает его государственную деятельность в свете политических и религиозных тенденций своего времени. В идеологическом осмыслении «Повести» Русская земля — средоточие и оплот истинного христианства, а «всея Руси самодержец» — помазанник божий, «первопрестольный хрестьянский

царь во все четыре конца вселенныя»; православная вера — основа национального единства и духовной силы русского народа, а «благочестивый и христоролюбивый государь» — верный ее хранитель; борьба народа за свою национальную независимость — это прежде всего защита православия, а царь — самый первый за веру стоятель и грозный отомститель «врагом Божиим».

Иван IV в изображении «Повести» пользуется по праву неограниченной властью, полным доверием и поддержкой всех живущих «под его царскою высокою десницею». Духовенство благословляет его на бранные подвиги, призывает верующих быть преданными царю и вместе с ними молится о ниспослании ему победы над неверными. Бояре и воеводы, «яко истиннии раби», «вседушевно» и «всеречно» служат своему государю. Ратные люди ревностно исполняют его повеления и, не щадя жизни, защищают города его царской вотчины. Весь народ русский славит «велехвального победителя», когда царь возвращается из Ливонии, и ни единым словом не осуждает его за военные неудачи последующих лет: вторжение Батория в русские владения «Повесть» объясняет «попущением Божиим, грех ради наших». Когда грозная опасность нависла над Псковом, бояре и воеводы, войско и «псковичи от мала до велика», а также все «избегшиеся» в город люди дважды целуют крест на верность «своему государю» и готовятся «на подвиг неослабно и безо всякого размышления».

Прославляя истинных патриотов земли Русской, «Повесть» гневно бичует перебежчиков в лагерь врага — князя Андрея Курбского «с товарищи». Эти, по словам автора, «российского нашего государя изменники», замыслившие «воздвигнути ков» на него, являются прямыми виновниками «сверипого» Баториева нашествия. Это они, «богомерские христоненависцы», охотно становятся «молебниками» за трусливых курляндских клятвопреступников. Именно эти предатели родины склоняют польского короля к «брани» с российским царем. «Сий же всегорделивый, — сообщает «Повесть», — совет их радостно приемлет: бе бо и сам той литовский краль Степан... рад бе всегда кровопролитью и начинания бранем».

Стефан Баторий в «Повести» подчеркнуто противопоставлен идеализированной личности Ивана IV. Он наделен только отрицательными качествами, которые нарочито доведены до гиперболических размеров. Польский король именуется не иначе, как «лютый варвар», «агарянин», «неистовый зверь». Он в разных вариациях уподобляется «неутолимому аспиду», который отрыгает «сверипый змеинный яд от своея несытыя утробы». Он, по словам автора, устремляется на Псков, «яко лев ревий», или «яко из великих пещер лютый великий змей», или «яко дивий вепрь из пустыни». Королевские же «извышние» гетманы в изображе-

нии «Повести» — «начальные волки по кровопролитию», их подручные — «мертвотрупоядательные псы», а все Баториево войско — «аспиды», «змеи», «скорпеи».

В этой характеристике Стефана Батория и его войска, как и при изображении Ивана IV, решающую роль сыграла церковно-книжная традиция. Образ польского короля — злодея и мучителя — автор создает в хорошо знакомой читателю агиографической манере, в привычных ему очертаниях и красках. Этот образ — во вступительной части «Повести» схематичный до условности, отрицательный до прямолинейности — призван был, несомненно, внушить читателю одно главное чувство — чувство острой ненависти к иноземным захватчикам, посягающим на свободу и независимость родной земли. В основе эстетической оценки автора лежит трезвая мысль, опирающаяся на живые факты действительности. «Повесть» верно отражает сущность агрессивной политики Стефана Батория. Автор имел все основания негодовать по поводу его притязаний на русские земли, вплоть до Пскова и Великого Новгорода «со всеми приделами», — именно таковы были планы польского короля. Автор справедлив, говоря о любви врагов к «бранем» и возмущаясь издевательствами над русскими послами, — мирные переговоры никак не входили тогда в намерения Батория. Автор верно передает существо грамот и «воззвательных листов» польского короля к своим гетманам и «во многие страны и языки» — в основном такими были цели, задачи и главные пружины задуманных грабительских походов на Русь. Не преувеличивает он и тогда, когда подчеркивает надменность, спесь, бахвальство и жестокость Баториева воинства — польские паны отнюдь не отличались скромностью и человеколюбием.

О событиях, предшествовавших осаде Пскова, «Повесть» сообщает довольно кратко. Однако, перемежая их с молитвенными отступлениями и пространными лирическими излияниями, автор не спеша подводит читателя к главной теме своего повествования. Вступительная часть «Повести» завершается выразительной картиной, как бы подчеркивающей близкое начало грозных событий. Стефан Баторий в своем стремительном движении подошел к Острову и по городу «из наряда уже бьет». В Пскове бояре и воеводы, вооружив всю Окольную стену «людьми и наряды», «уготовились» против «государева недруга». С твердой верой в правоту своего «чесного дела» ждут псковичи часа смертных испытаний. В их руках судьба всей Русской земли.

«От полуденная страны богохранимого града Пскова дым темен: литовская сила и на черноту псковския белая каменные твердые стены предпослался, ея же ни вся Литовская земля очернити не может», — так приподнято-торжественно, с чувством патриотической гордости за «превеликий град» русский начинает

автор свой рассказ о том, как на реку Череху, в пяти верстах от Пскова, вышли передовые отряды Батория. В городе загудел осадный колокол. За рекой Великой, по приказу воевод, запылали посады — «да некогда врагом жилище будет». Вот уже у стен Пскова появились головные неприятельские полки. Однако смелая вылазка псковичей заставляет их спастись «беготворным образом». Враги больше не смеют «приступить» к городу. Вскоре к Пскову подошел сам Стефан Баторий «со всеми своими многими силами». «Всячески умом распаляшесь», он приказал своему войску «объехать и осадить» город.

Повествуя о героической обороне Пскова, автор стремится с наибольшей полнотой и выразительностью воссоздать живую цепь исторических событий и прославить беспримерный подвиг псковичей. Его рассказ хронологически последователен и исторически фактичен. В то же время он подчеркнуто эмоционален, овеян героикой борьбы и согрет горячим патриотическим чувством.

Центральное место в «Повести» посвящено «первому и большому приступу». Это ее самые яркие и волнующие страницы. Здесь все эпизоды — от подготовки войск Батория к решительному штурму и до «литовского от града бежания» — описаны искусною рукою. Передавая быстро развивающиеся события, автор избирает местом действия то подступы к стенам Пскова, где «лютии градомцы» короля, «яко кроты», роют «великие борозды», то переносит его в «Покровский угол» у Свиных ворот, где «уготовились» против врагов ратные люди, где псковичи возводят укрепления, священнослужители совершают молебствия и держат совет бояре и воеводы, то показывает королевский стан, где Баторий со своими «первосоветниками» и «избранными дворянами» уже заранее торжествует победу, то — псковскую соборную церковь, где «с плачем, со слезами и с воплями» идут моления «об избавлении града». Но главное место событий — городские стены и башни, куда в проломы «напорне и дерзостне» устремляется «бесчисленная сила литовская» и где «изрядне и мужественне» сражаются с нею отважные псковские воины. «И бе, — передает автор крайнюю ожесточенность боя, — яко гром велик и шум мног и крик несказанен от множества обоиво войска, и от пушечнаго звуку, и от ручничного обоих войска стрелянья, и от воинского крика».

С большой силой показывает «Повесть» массовый героизм защитников города. Бессменно бьются с врагами ратные люди. Плечом к плечу с ними — простые горожане. Они «каменнем литву побивающе», «горящею водою поливающе», «огни зажигающе, и на них мечюще». В решительные минуты на помощь сражающимся приходят и черноризцы — до «монашества» «искуснии воины», и женщины, которые оказывают воинским людям

«великое пособие». Одни из них наравне с мужчинами бьются с оружием в руках, другие подносят камни воинам, а третьи поят водою истомившихся от жажды раненых («дню же тогда зело от солнечных луч жаростну баше»).

Однако одержанную всеми «вкупе» победу автор связывает прежде всего с именем «государевых бояр и воевод». «Повесть» неизменно выдвигает их на первый план во всех событиях и наделяет всеми возможными доблестями. Военачальники Пскова еще до штурма создают надежные укрепления и разгадывают «литовские умышления», во время боя они воодушевляют своих воинов и во главе их «безотступно» бьются с врагами, а после бегства Баториева воинства «мудроучительные наказуют» псковичей быть и впредь стойкими и мужественными. При описании последующих событий главная роль бояр и воевод еще более подчеркивается. Их повелением возводятся новые укрепления в городе и чинятся проломы в стенах, под их руководством отбиваются многочисленные приступы и осуществляются смелые вылазки, их «боярским и воеводским домыслом» разрушаются хитроумные планы врагов, пытавшихся то подвести тайные подкопы под стены города, то подсесть и обрушить их. Не случайно в изображении «Повести» и враги считают псковских воевод главными виновниками своих неудач. Стефан Баторий стремится обольстить их в первую очередь, посылая свои грамоты с предложением сдать город. Именно первого воеводу, Ивана Петровича Шуйского, пытается умертвить польский канцлер, послав на его имя смертоносный ларец.

Немалую роль в обороне Пскова «Повесть» отводит духовенству и религиозным средствам борьбы. Автор обстоятельно описывает массовые молебствия в храмах, крестные ходы к стенам города и в период относительного затишья и в момент жаркого боя. Он подробно воспроизводит молитвенные обращения священников к чудотворным иконам и сам прославляет псковские святыни. Приписывая успешную оборону и освобождение города их покровительству и заступничеству, он неустанно воздает хвалу богу. Эти элементы накладывают на «Повесть» сильный религиозный отпечаток. Тем не менее они не лишают ее истинного патриотического смысла. Измеряя мерой религии стойкость и мужество русских людей, изображая их высокий патриотизм в форме религиозного воодушевления, автор исторически верно раскрывает характерную черту идеологии своего времени.

В неравной борьбе с врагами Псков не одинок. Осажденный, он по-прежнему кровно связан с родной землей. Русские люди помогают ему, царь постоянно заботится о нем. Это в «Повести» подчеркивается прибытием во Псков отряда стрелецкого головы Федора Мясоедова, пробившегося «скрозе всю литовскую силу».

Отвод Баторием своих войск из-под стен Пскова и отъезд короля автор ставит в прямую зависимость от мужественной борьбы псковичей. В то же время он рассматривает данное событие как общерусскую победу «над литвой». «Повесть» сообщает, что Иван IV по этому случаю повелел митрополиту «молебны пети» и в Москве и «во всех архиепископях и епископях».

Осада Пскова в изображении «Повести» — это непрерывная цепь военных неудач, разбитых надежд и крушений планов польского короля. Последовательно раскрывая их внешние и внутренние причины, автор всякий раз дает им и свою оценку. Он делает это или в виде прямых насмешливых обращений к королю и канцлеру, или в прославлениях псковичей и молитвенных излияниях, или в оценочных эпитетах, или, наконец, путем передачи психологических переживаний Батория. Последнее наиболее ярко проявилось в рассказе о штурме. Автор показывает, как в зависимости от развития событий все более и более нарастающая радость короля внезапно сменяется глубоким отчаянием. Тогда «в мале ему на свой меч не напасти, яко мнети ми, мало сердцу его не треснути», — так образно передает автор душевное состояние Батория, потрясенного вестью об уничтожении в Свинуской башне его отборного отряда. Когда же литовское войско «со студом многим и со срамом» бежало от стен города, король сам «велика сраму исполнен бысть». Он, как сообщает «Повесть», даже смотреть не мог на своих гетманов и надолго впал «в великую кручину», «многие укоризны на ся и на свою силу нанося».

Стремление автора к психологической углубленности ранее условно и схематически очерченного образа Батория является любопытной особенностью его творческой манеры. Однако эта оригинальная черта не вносит существенных изменений в общую художественную структуру «Повести».

Главной особенностью ее стилистического строя является «высокая» риторика, особенно в речах, посланиях, молитвах, благочестивых размышлениях, библейских параллелях. Призванная подчеркнуть важность и серьезность темы, она сообщает всему повествованию торжественно-приподнятый тон. В этом автор опирается на богатую литературную традицию, широкий круг произведений предшествующего времени. Некоторые из них, как «Житие Александра Невского» или «Повесть о Темир-Аксаке», нашли прямое отражение в «Повести» — и в отдельных мотивах и в стилистической окраске.

В числе литературных источников, оказавших наибольшее влияние на «Повесть» со стороны стиля, исследователи называют «Сказание о Мамаевом побоище» и «Историю о Казанском царстве». Оба эти произведения явились для нашего автора основным арсеналом поэтических средств и образцов стилистиче-

ского оформления исторического материала.¹ Только в одном не идет он за ними — в использовании приемов и стиля устной народной поэзии. Автор обнаруживает значительно бóльшую склонность к церковно-книжному витийству. Он явно рассчитывает поразить воображение читателя пышным строем речи и таким образом утвердить в его сознании свое понимание и свою оценку событий. Цветистые слова, эффектные эпитеты, крайне усложненные выражения рассыпаны по всей «Повести». Вот некоторые из них: «гордонапорная литва», «мертвотрупоядательные псы», «храбропобедный пот», «градостеновная твердость», «молебносовещательные грамоты», «мудродруголюбивые советы», «безбогонадежное умышление», «по возбещенному обычью», «условесоваше», «удобовосходна», «благомудрие» и «смиреномудрие», а наряду с ними «многонеправедного ума» и «многоумышленного ума». С этой же целью автор часто употребляет в разных вариациях однозначные эпитеты (Баторий — «многогорделивый», «высокогорделивый», «всегорделивый»), широко использует тавтологические сочетания, которые тоже иногда варьируются («наказует... наказаньями», «утверждати... утверждением», «укрепишася... крепости», «градоукрепление града», «градоемцев градоемное умышление», «окрадообразным образом», «адаманта твержае укрепи» и по-иному — «адаманта креплее утвердишася»). Он любит также витиеватые метафорические обороты (например: «лед таяния отчаянием надежды ни единому во Пскове коснутися»).

Вместе с тем «Повесть» стремится воздействовать на читателя и самой логикой фактов. Передавая фактическую сторону событий, автор отвлекается от торжественного стиля и шумной риторики. Речь его становится лаконичной, деловой, иногда чисто документальной. Без каких-либо украшающих эпитетов и эмоциональных оценок рассказывает он о составе, численности, расположении и потерях войск, о военной технике, о военачальниках, об инженерных сооружениях и разрушениях. Языком официального документа сообщает «Повесть», например, о том, как «разрядил» Баторий свое войско перед походом, кого поставил в передовой полк, в полки «правой руки» и «левой руки», в сторожевой и «большой» полки, где выбрал место для себя, кого назначил командовать «нарядом». Такая же документальная речь у автора, когда он перечисляет бояр и воевод, направленных Иваном IV для обороны Пскова. Так же деловито сообщает он об инженерных сооружениях и распределении участков обороны в городе, о количестве приступов и выла-

¹ Об источниках «Повести» и стилистических заимствованиях из них см. А. С. Орлов. Повесть о приходе Стефана Батория на Псков. — «История русской литературы», т. II, ч. I, М. — Л., изд. АН СССР, 1946, стр. 526—527.

зок. «Повесть» точно называет места важнейших событий, а время их обозначает не только годами, числами месяца и памятными днями, но иногда даже часами. Стилистическим образом во всех этих случаях для автора была форма летописных записей и служебных документов.

Язык «Повести» — это в основном язык превосходно начитанного книжника и незаурядного стилизатора. И только временами в его повествовании слышится живая русская речь. Яркими блесками вкрапливается она то в диалог, то в текст грамоты, то в лирическое отступление. Острое просторечное слово, меткую поговорку, образное обиходное выражение автор использует главным образом тогда, когда иронически отзывается о врагах, например о Батории, у которого «глава ногам беседует», или о его «глупом» канцлере, который «затеял еси выше думы дело, выше же бога совет».

В послесловии «Повести» сообщается, что «списана» она была во Пскове «от жителя того же града художеством зографа» именем Василия. Без сомнения, этот псковский художник-иконописец и является ее автором. Все содержание «Повести» свидетельствует о том, что ее написал именно пскович, хорошо знающий топографию прославляемого им родного города и его окрестностей. Профессия автора также нашла отражение в «Повести». Она сказала, в частности, в иконописной манере изображения, в какой, например, расписан образ змееподобного Стефана Батория, летящего на Псков в окружении «аспидов», «змеев» и «скорпеев» и мечущего «искры огнены и дым темен».

Как иконописец, автор безусловно был близок к церковным кругам Пскова. Этим обстоятельством в первую очередь следует объяснять выдвижение духовенства на одно из первых мест в «Повести». Оно же объясняет хорошую осведомленность автора в чинах и именах представителей псковского «священного собора», церковных реликвиях и склонность его к частому цитированию книг «священного писания».

Автор «Повести», образованный человек своего времени, несомненно был очевидцем и непосредственным участником обороны Пскова. В этом убеждает нас его обстоятельность и историческая точность в описании событий, подтверждаемая многими независимыми от «Повести» источниками, в том числе такими, как «Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию», который вел секретарь походной канцелярии короля Ян Пиотровский, и «Записки о московской войне (1578—1582)» польского историка Рейнгольда Гейденштейна.¹ Однако многие

¹ Очерк осады Пскова с приведенными в нем извлечениями из «Дневника» Пиотровского и «Записок» Гейденштейна см. в книге: «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Подготовка текста и статьи В. И. Малышева, М. — Л., изд. АН СССР, 1952, стр. 6—23.

детали и факты, сообщенные «Повестью», свидетельствуют о том, что ее автором могло быть только лицо, находившееся в центре событий, близкое к руководителям обороны Пскова. Весьма вероятно, что зограф Василий, как предполагает В. И. Малышев, во время псковских событий состоял при канцелярии воевод Шуйских.¹ Именно здесь он мог слышать рассказы о беседах И. П. Шуйского с Иваном IV, знать о показаниях пленных, добытых от них «великим истязанием и пытками», о содержании грамот Батория, ответов ему псковских воевод, их донесений царю, располагать сведениями о числе убитых и раненых, о количестве приступов и вылазок и даже, может быть, читать присланное при смертоносном ларце обманное письмо, текст которого в «Повести» производит впечатление подлинного документа. Вместе с тем эта близость к «государевым боярам и воеводам» повлияла и на характер авторской оценки их деятельности. Главным образом поэтому автор выдвигает их на первый план в своем повествовании и особенно превозносит военный талант и личное мужество руководителя обороны князя И. П. Шуйского.

Автор «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» закончил свой рассказ описанием радостного события. 4 февраля 1582 года в соответствии с условиями мирного договора вражеские войска покинули свои станы под Псковом. Распахнулись городские ворота. Славный русский город, выдержавший более чем пятимесячную осаду, стал свободным.

Однако мир, заключенный с Польшей на десять лет в Яме-Запольском, не был прочным. Стефан Баторий сразу же стал готовиться к военным действиям. На русско-литовской границе было далеко не спокойно. После того как витебский воевода вторгся в пределы русских земель и поставил крепость в устье реки Межи, блокировав таким образом исконный водный путь из Смоленска к Великим Лукам и Торопцу, создалась реальная угроза возобновления войны. А с севера по-прежнему грозили шведы, овладевшие Нарвой, Копорьем и другими городами. В это тревожное время, когда изнуренный длительной войной русский народ имел все основания опасаться новых тяжелых испытаний, и была, по-видимому, написана наша «Повесть». Созданная по горячим следам событий, она на примере героического подвига защитников Пскова утверждала в сознании русских людей великую идею служения своей родине, вселяла в них вы-

¹ «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», стр. 27. См. также В. М а л ы ш е в. Где и кем была написана «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». — Альманах «На берегах Великой», Псков, 1954, № 5, стр. 170—176.

сокое чувство национальной гордости и вдохновляла на борьбу с иноземными захватчиками.

Разошедшаяся по всей Русской земле во множестве списков, «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков» на долгие годы стала источником для заимствования и образцом для подражания. Не потеряла она значения и в наши дни как замечательный исторический и литературный памятник славного прошлого русского народа.

«Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков» печатается по одному из старших списков начала XVII века Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Собр. 6. СПб. духовной академии, № 302, лл. 473—553 об., публикуемому впервые. Внесенные в его текст добавления и исправления (они заключены в квадратные скобки) сделаны по списку начала XVII века Вязниковского районного музея Владимирской области, ранее напечатанному В. И. Малышевым в книге «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков», изд. Академии наук СССР, М. — Л., 1952.

Стр. 124. *...литовского короля Стефана...* — Стефан Баторий (1533—1586) — король польский и великий князь Литовский (1576—1586). Происходил из видной венгерской фамилии (отец его был семиградским воеводой), шестнадцати лет поступил на военную службу к венгерскому королю Фердинанду, а затем служил у семиградского князя Яна Сигизмунда Запольского, после смерти которого был избран князем Семиградии (1571). В 1575 г. выставил свою кандидатуру на польский престол, дав польскому сейму клятву вернуть Речи Посполитой все земли, завоеванные русскими войсками в Литве и Ливонии. Поддержанный среднепоместным дворянством, Баторий в 1576 г. получил польскую корону и, подчинив себе силой оружия Гданьск, который упорно не желал признать его королем, стал готовиться к войне с Русским государством. В короткий срок он перестроил по западноевропейскому образцу польскую армию, пополнил ее солдатами, завербованными вначале главным образом в Венгрии, и оснастил свои войска новейшей боевой техникой, рассчитанной на наступательные действия. В 1579 г. Баторий начал свой первый поход на Русь, завершившийся взятием Полоцка и близлежащих к нему русских крепостей. В 1580 г. Баторий, получив благословение на агрессию от римского папы Григория XIII и освященный им меч, предпринял второй поход, во время которого ему удалось овладеть Великими Луками и рядом других городов. Во время третьего похода летом 1581 г. стотысячная армия Батория осадила Псков, взятие которого открывало путь на Новгород и на Москву. Поражение под Псковом заставило польского короля пойти на перемирие с Русским государством. Однако до конца своей жизни Баторий не оставлял надежды на возобновление войны с Россией, к которой он начал готовиться сразу же после заключения мирного договора.

Стр. 124. Псков — один из древнейших русских городов, о существовании которого летопись впервые упоминает в 903 г. Первоначально был простым новгородским пригородом и управлялся наместниками из Новгорода. Выгодное географическое положение на важнейших торговых путях из русских земель в Прибалтику способствовало экономическому развитию Пскова, а его борьба с агрессией немецких рыцарей-феодалов, которую город вел собственными силами, увеличивала его военное значение и политическую самостоятельность. С 1348 г. Псков с его землями становится независимой от Новгорода феодальной республикой, где высшая власть принадлежала боярско-купеческому вечу, ограничивающему власть князя. Со второй половины XIV в. укрепились политические и экономические связи Пскова с Москвою, а в 1510 г. Псковская земля, несмотря на противодействие боярской верхушки, вошла в состав объединенного Русского государства. Во второй половине XVI в. Псков являлся важнейшим торгово-ремесленным и военно-порубежным центром Руси с населением около шестидесяти тысяч человек. Обнесенный мощными каменными стенами со многими башнями и бойницами, город представлял собою первоклассную по тому времени крепость, способную выдержать долговременную осаду.

...царя и великого князя Ивана Васильевича, всяя Руси самодержца... — Иван IV Васильевич Грозный (1530—1584), сын великого князя Василия III Ивановича, провозглашенный после смерти отца великим князем (1533), первый русский царь; «венчан на царство» в 1547 г., после чего стал официально именоваться титулом — «царь и великий князь всяя Руси». Государственная деятельность Ивана IV была направлена на укрепление централизованного Русского государства и ликвидацию пережитков феодальной раздробленности. Этой цели была подчинена вся его внутренняя и внешняя политика. Начало нашей повести (7085, т. е. 1577 г.) относится к периоду Ливонской войны, которую Иван IV вел с немецкими феодалами, Польшей, Литвой и Швецией за выход России к Балтийскому морю. Война имела прогрессивное значение и для латышского и эстонского народов, находившихся под гнетом немецких феодалов. Начало войны в Прибалтике относится к 1558 г., когда русские войска перешли ливонскую границу на всем ее протяжении. 11 мая 1558 г. они штурмом овладели Нарвой, а 19 июля взяли город Юрьев, или Дерпт (Тарту). Во время нового наступления в 1560 г. русские войска, встречаемые как освободители латышским и эстонским крестьянством, овладели важными крепостями Ливонского ордена Мариенбургом (Алуксне), Феллином (Вильянди) и многими замками. После 1561 г. Ивану IV пришлось вести войну уже не только против Ливонского ордена, но и против Польши, Литвы и Швеции, которые поделили между собою владения распавшегося к этому времени ордена. В 1563 г. предпринят был поход на Литву, во время которого русские войска взяли Полоцк, но потерпели поражение в битвах на реках Улле и Орше (1564). В 1569 г. Иван IV заключил соглашение с братом датского короля — Магнусом. Объявив его «ливонским королем», он стремился добиться добровольного подчинения городов Ливонии. После смерти бездетного польского короля Сигизмунда II Августа, в годы наступившего в Речи Посполитой

междоусобицы (1572—1575), на польский и литовский престол была выдвигнута кандидатура Ивана IV, но шляхтой и католической церковью она была отвергнута. К 1577 г. русские войска овладели всей Эстонией, за исключением только Ревеля (Таллина). Взятие этого важного порта, а также завоевание Южной Ливонии, находившейся под властью Польши, стало ближайшей задачей Ивана IV в борьбе за Прибалтику, пока новый польский король Стефан Баторий был занят усмирением Гданьска.

Стр. 124. ...царевиче князе *Иване Ивановиче* и царевиче князе *Федоре Ивановиче*... — Иван Иванович (1554—1582) — старший сын Ивана Грозного от первого брака, часто сопровождал отца в военных походах, участвовал в приемах послов, но какой-либо заметной политической роли не играл. В 1568 г. считался одним из возможных кандидатов на польскую корону. В 1582 г. убит отцом. Федор Иванович (1557—1598) — младший сын Ивана Грозного от первого брака, русский царь (1584—1598), болезненный и слабоумный. Во время его царствования Русским государством фактически управлял его шурин — Борис Годунов. После смерти Стефана Батория (1586) царь Федор выдвигался кандидатом на польский престол.

...от *Вифляньских земель немец*... — Речь идет о немецких рыцарях из Ливонского ордена, которые владели землями в Лифляндии — области в южной Прибалтике, граничащей с Псковской землей.

...святое место *Успение пречистой богородицы Печерского монастыря*... — Псково-Печерский-Успенский монастырь находился в 56 верстах на запад от Пскова. Основан, по преданию, в 1473 г. В начале XVI в. разорен ливонскими рыцарями, но вскоре начал вновь отстраиваться. В 1558—1565 гг. монастырь был обнесен крепкой каменной стеной с десятью крепостными башнями и тремя воротами. В описываемое время он владел многими угодьями и насчитывал около ста монахов и триста послушников, во Пскове имел свое подворье и церковь. В период осады Пскова Баторием в монастыре был расположен гарнизон из двухсот стрельцов под командой осадного головы Юрия Нечаева, который совершал смелые налеты на польских фуражиров и их обозы. Решив овладеть монастырем, Баторий послал польских и немецких всадников под командой Фаренсбаха, а вслед за ними отряд немецкой пехоты с тремя осадными орудиями. Сделав пролом в стене, враги попытались взять монастырь штурмом (5 ноября 1581 г.). Но осажденные мужественно отбили его и пленили при этом племянника курляндского герцога — Кетлера. Вскоре Баторий послал в помощь осаждающим большой отряд немецкой и венгерской пехоты с четырьмя орудиями. Однако и второй приступ, предпринятый сразу с двух сторон, не увенчался успехом. Позднее гетман Замойский пытался склонить защитников сдать монастырь без боя, обещая им всяческие милости, но его предложение было отвергнуто. Осада монастыря была снята после заключения мира в 1582 г.

Стр. 125. ...во *отмщение* вое посылает... и сам *царь государь*... пути ся *касает*. — Решив лично возглавить поход в южную Ливонию, Иван IV выехал из Москвы, по-видимому, в конце апреля 1577 г., так как уже 1 мая он прибыл в Новгород, где был назначен сбор войскам. 9 июля он отправил

оттуда передовой отряд под начальством князя Трубецкого, приказав ему идти на Вольмар, сам же выехал во Псков.

Стр. 125. *Приходит... в соборную церковь Живоначальныя Троица...* — Троицкий собор, расположенный в псковском Кремле, — главный храм города, сооружен в 1365—1367 гг. на месте древнего деревянного собора, построенного во второй половине X века.

...приходит к сроднику своему, к благоверному великому князю Гаврилу Всеволоду... — Всеволод-Гавриил Мстиславич (г. рожд. неизв. — ум. в 1137 г.), внук Владимира Мономаха, новгородский князь (1116—1136), правивший в интересах боярской знати. Сделал ряд удачных походов против северных и западных племен. В 1133 г. взял г. Юрьев (Тарту). Новгородцы дважды сгоняли его с княжения (1132, 1136). В 1136 г. стал князем во Пскове, где и умер. Канонизован церковью в 1549 г., гробница его была установлена в Троицком соборе.

...от печерского игумена Селивестра... — Селивестр назначен настоятелем Псково-Печерского монастыря в 1572 г., до этого он был игуменом Снетогорского монастыря.

...государь настоящему своему пути касаетца. — Иван IV выступил в поход из Пскова 13 июля 1577 г., имея до тридцати тысяч войска.

Достижю же ему, государю, Вифлянския земли. — Русское войско пересекло ливонскую границу, направляясь к городу Мариенгаузену (Влеху), после взятия которого овладело городами Режицей (Резекне), Невгином (Даугавпилсом) и др.

Овиц... во ины страны бегаяше... — Имеется в виду прежде всего литовский гетман Иван Ходкевич, который с титулом администратора был назначен польским королем управлять Лифляндией. Не рискуя вступать в бой с русскими войсками, он ушел в Литву.

Стр. 126. *Овий же их грады за щитом восприимаша, сии же никоея милости ни живота не получиша.* — Речь идет о городе Вендене (Цесисе), в замке которого засели ливонские немцы, отказавшиеся сдать крепость. Взяв город после трехдневной осады, во время которой Иван IV едва не был убит, он жестоко расправился с непокорными, о чем повесть и сообщает дальше.

...курланские немцы... — Курляндия — область Прибалтики к западу и юго-западу от Рижского залива, коренное население которой составляли литовцы и латыши; в описываемое время с некоторыми другими землями входила в состав Курляндского герцогства, образованного в 1562 г., после распада Ливонского ордена. Курляндский герцог Готгард Кетлер, последний магистр ордена, признавал себя вассалом польского короля.

Вифлянскую же землю до конца повоюва... — В результате похода 1577 г. под властью Ивана IV оказалась вся Лифляндия, за исключением города Риги.

Стр. 127. *...многим же градом пакости сотворше, онии же от них паки восприемше.* — В 1578 г. Магнус, которому Иван IV, уходя из Ливонии, дал несколько городов и право продолжать называться ливонским королем, изменил царю и, сдав города немцам, уехал в Курляндию. Войска курляндского

герцога и виленского воеводы Николая Радзивилла, которому Баторий передал власть в Литве и Ливонии, вместо умершего Ходкевича, вторглись в Лифляндию и стали занимать города. Среди них был взят и город Венден (Цесис), несмотря на отчаянное сопротивление русского гарнизона.

Стр. 127. *...государь, паки в третее лето первого своего походу, во отшествие на них пути ся приемлет.* — Обеспокоенный положением дел в Ливонии, Иван IV еще в декабре 1578 г. решил организовать новый поход в Ливонию. С этой целью он выехал в июле 1579 г. в Новгород, во Псков же были направлены тяжелые орудия для осады Ревеля (Таллина).

...российского государя нашего изменников, князя Ондreja Курбского с товарищи... — Курбский, Андрей Михайлович (1528—1583) — русский князь из Рюриковичей, политический деятель, выражавший интересы родовитого боярства. Принимал участие в походах Ивана IV против татар, а при взятии Казани (1552) командовал правым флангом всей русской армии. В 1559 г. был назначен главнокомандующим русскими войсками в Ливонии, а затем воеводой в Юрьеве (Тарту), откуда в 1564 г. бежал в Литву, предварительно сговорившись с польским королем Сигизмундом II Августом и литовским гетманом Николаем Радзивиллом. Получив от короля большие земельные владения и даже город Ковель, Курбский повел активную борьбу против Ивана IV. В 1564 г. он участвует в войне с Россией, командуя одной из польских армий. Раньше Курбского бежал в Литву князь Д. Вишневецкий, а затем князья М. Ноготков-Оболенский и Черкасский, В. Заблоцкий, Е. Бутурлин и др.

Стр. 128. *..войску же своему вооружатися повеле и готовитися, и с ними на Рускую землю устремися...* — Начать войну с Москвой было решено в феврале 1578 г., на заседании польского сейма. Баторий сразу же приказал собирать войско в Польше и Литве, а также вербовать наемных солдат в Германии и Венгрии. Подготовившись, Баторий в июне 1579 г. направил к Ивану IV гонца с объявлением войны и стал подтягивать свои войска к русской границе.

...граду Полоцку... — Полоцк — один из древнейших русских городов, расположенный при впадении реки Полоты в Западную Двину, на торговом пути от Рижского залива к Киеву. «Повесть временных лет» под 862 г. сообщает, что Рюрик «раздая мужем свои грады, овому Полотск». Во второй половине XIII в. Полоцк был захвачен великим князем Литовским, в 1563 г. Иван IV присоединил его к своим владениям. Баторий хорошо понимал стратегическое значение этого города. Овладев им, Баторий лишил русских ключевой позиции, открывавшей легкий доступ в Ливонию и в Литву и обеспечивавшей контроль над судоходством по Западной Двине.

...вестницы же прибежах... яко литовский король идет... на Полоцкий град. — Об объявлении войны Баторием Иван IV узнал в Новгороде в июле 1579 г. Предполагая, что польский король двинется в Ливонию, он сразу же отправился во Псков и 1 августа послал оттуда часть своего войска в Курляндию. Царские воеводы переправились через Западную Двину, смяли войска курляндского герцога и опустошили его земли. Весть о том, что Баторий направился к Полоцку, заставила Ивана IV отозвать оттуда

своих воевод и задержать во Пскове пушки, предназначавшиеся для осады Ревеля.

Стр. 128. *...воинские люди и стрельцы в Полоцко на осаду в прибавку посла...* — Иван IV отправил в Полоцк отряды под командованием Бориса Шеина и Федора Шереметева. Однако они не смогли достичь города, так как подступы к нему были уже перерезаны войсками Батория, и заняли близлежащую крепость Сокол.

...литовский король Полоцко взял и со окрестными его грады. — Несмотря на мужественную борьбу гарнизона и жителей Полоцка, Баторию удалось 30 августа овладеть городом, после того как он был подожжен венгерскими наемниками короля. Вслед за ним поляки взяли крепость Туровль, 25 сентября сожгли Сокол, учинив в нем страшную резню в отместку за героическое сопротивление его защитников, и заняли также крепости Нищерду, Ситну и Сушу.

...во второе лето по Полоцком взятии... паки устремление пути покажет на Рускую землю... — Свой второй поход на Русь Баторий начал летом 1580 г. во главе пятидесятитысячной армии.

Под Великия же Луки... помышляет прийти. — Решив двинуться на Великие Луки — важный стратегический пункт, прикрывавший подступы к Новгороду и Пскову, Баторий приказал собраться своему войску в Чашниках, расположенных на реке Улле при соединении Лукской и Смоленской дорог. До начала его выступления со сборного пункта не было известно, куда он направит главный удар — на Смоленск или на Великие Луки. В этой неблагоприятно сложившейся обстановке, когда Ивану IV приходилось растягивать свои войска на западной границе, а также отбиваться от наседающих с севера шведов, он решил начать с Баторием мирные переговоры.

...к нему же послы своя посылает... — Послы Ивана IV — князь Иван Сицкий, думный дворянин Роман Пивов и дьяк Фома Дружина — прибыли в стан Батория 28 августа, когда король, овладев Велижем и Усвятом, стоял уже у Великих Лук. Предлагая мир, они уступали Польше Полоцк, Курляндию и 24 города в Лифляндии. Король же требовал всей Ливонии, Великих Лук, Смоленска, Пскова и Новгорода. Сорвав мирные переговоры, Баторий осадил Великие Луки.

Стр. 129. *Во славный... град Псков посылает... боярина своего и воизоду, князя Василья Федоровича Шуйского-Скопина...* — Скопин-Шуйский, Василий Федорович (ум. в 1595 г.), из рода князей Суздальских, был пожалован Иваном IV в бояре в 1577 г. и назначен воеводой сторожевого полка во время похода в южную Ливонию. В 1579 г. назначен наместником и главным воеводой во Псков. С 1584 г. был наместником в Новгороде, а затем в Каргополе. Его сын Михаил Васильевич Скопин-Шуйский прославился во времена «смуты» как талантливый полководец. *Шуйский, Иван Петрович* (ум. в 1587 г.) — родовитый князь, еще в 1563 г. ходил с Иваном IV в поход на Полоцк, а в 1573 г. — в Ливонию. В 1577 г. получил сан боярина и был назначен вторым наместником Пскова. В 1579 г. производил во Пскове набор войска, а затем возглавил строительство укреплений и оборону

города. В 1584 г. вызван в Москву и назначен в Думу. Во время коронации Федора Ивановича (1585) получил звание наместника псковского с правом взимания в награду себе всех доходов с города. Став впоследствии во главе оппозиции против Годунова, был обвинен в измене, сослан в Белозеро и там задушен. *Очин-Плещеев, Никита Иванович* до назначения во Псков был воеводой в Ливонии. *Хворостинин, Андрей Иванович* (род. в 20-х гг. XVI в. — ум. в 1604 г.) — князь, окольничий и воевода. Во время похода на Лифляндию был назначен стрелецким головой в государевом полку. Иван IV послал Хворостинина во Псков, лично зная его военные способности и энергичный характер.

Стр. 130. *...предаде бог... Луки Великие и со окрестными грады лета 7088-го.* — Баторий захватил Великие Луки 5 октября 1580 г. после тяжелых и кровопролитных боев. Вслед за ними пали Невель, Озерище, Заволочье, Подсошь. Польские отряды направились даже под Смоленск, но здесь они были разбиты воеводой Иваном Бутурлиным.

Стр. 132. *...в царствующем граде Москве, в соборной церкви Пречистыя богородицы...* — в Успенском соборе в Кремле.

Стр. 133. *Король польской, князь великий литовский, русский, пруский, жемодукский, мозовецкий, князь семиградский и иных...* — так титуловал себя Стефан Баторий в официальных документах.

Стр. 134. *...четвероограден всекаменными стенами...* — Псков был обнесен сплошной «Окольной» стеной из плитняка протяженностью около 10 км, толщиной в 4—5 м и высотой до 12 м. Стена завершалась зубцами, защищавшими сквозной обход по верху, и имела 27 башен. Главную часть города, расположенную в углу, между реками Великой и Псковой, составляли: Кремль, в центре которого находился Троицкий собор, «Довмонтов город», где располагался княжеский двор, «Средний город» и, наконец, «Окольный город». Каждая из этих частей отделялась друг от друга внутренними каменными стенами.

...реце текущей скрозе каменные стены... — Река Пскова отделяла основную территорию города от «Запсковья». Проходящая через нее «Окольная» стена была поставлена на арки, которые в период военных действий запирались водопропускными решетками.

Стр. 135. *...угорские* — венгры; *мозовшане* — поляки из Мазовецкого княжества; *немцы цысарские* — немцы из городов германского императора — цесаря «Священной Римской империи»; *свиские* — из Швеции; *шлотские* — из Шлезвига; *бруцвицкие* — из Брауншвейга; *любские* — из Любека.

Стр. 136. *...горделивый Сенахирим...* — см. прим. к стр. 53.

...пана Миколая Родивила... — Николай Радзивилл — восвода виленский, великий гетман Литовский, крупный землевладелец-магнат.

...пана Остафья Воловича... — Евстахий Волович — кастелян виленский.

...пана Яна Дорогостайского, воеводу полотцкого... — Автор ошибся — полотским воеводой был Николай Дорогостайский.

...пана Яна Тишку Жемоцкого... — Речь идет, по-видимому, о Яне Кишке — жмудском старосте.

Стр. 136. ...пана Яна Глебова... — Ян Глебович — кастелян минский.
...пана Миколая Сапегу... — Николай Сапега — воевода минский.

...пана Хриштофа, воеводу ноугородского. — Имеется в виду Христоф Радзивилл, сын виленского воеводы, назначенный после взятия Полоцка надворным гетманом литовским и кастеляном трокским.

...пана Троцкого, Миколая Радзивила... — Николай Радзивилл, второй сын виленского воеводы, был воеводой новогрудским.

...пана Филона Хмиту... — Филон Хмита — воевода оршинский; в 1580 г. подходил к Смоленску с семитысячным войском, но был разбит воеводой Бутурлиным. В феврале 1581 г. выжег и разграбил Старую Руссу.

...пана канцлера, гетмана великого польского... — Имеется в виду Ян Замоиский (1542—1605) — коронный канцлер (с 1578 г.), назначенный Баторием 11 августа 1581 г. великим гетманом; один из инициаторов похода на русские земли.

Пан Бекеш, гетман угорский — Гаврил Бекеш, брат Каспара Бекеша, который в свое время боролся с Баторием за княжеский престол в Семиградии, а потом помирился с ним и возглавил венгерские войска во время осады Полоцка, после чего умер. Гаврил Бекеш был убит во время штурма Пскова.

Миколай Хриштопов — Николай Христоф Радзивилл, великий маршалок Литовского княжества, возведенный в это звание после взятия Полоцка.

Онбрихт Радив — по-видимому, Альберт Радзивилл — надворный маршалок литовский.

Стр. 138. ...на Вороноч город пришел... — Крепость Воронеч находилась в ста верстах от Пскова. Баторий владел ею в начале августа 1581 г.

Стр. 139. ...король Степан под Остров... пришел... — Остров — пригород Пскова, важный опорный пункт. Баторий взял его очень быстро, разбив стены крепости артиллерией.

Стр. 140. ...литовские люди первая на Череху пришли. — Череха — приток реки Великой. Передовым отрядом, состоящим из венгерских войск, командовал племянник Батория — Балтазар.

...у Николы чудотворца на Любятове... — Любятовская Никольская церковь была расположена на левом берегу реки Псковы, в пяти верстах от города.

Стр. 141. ...став своими станами за великими и высокими горы, на Промежицы. — Погост Промежица находился на правом берегу реки Черехи, у дороги на Смоленск, в пяти верстах от Пскова. Со стороны города он был прикрыт высокими холмами.

...угол града, от Великия реки, от Покровских [водяных ворот да до польских Свиных ворот]... — т. е. от проездных ворот южной угловой Покровской башни, на берегу реки Великой, до проездных ворот в Свинусской башне, на юго-восточном участке «Окольной» стены. Покровская башня была крупнейшей из 38 башен города. Она представляла собою мощное

пятнарусное оборонительное сооружение диаметром в 25 м и высотой около 20 м, покрытое шатровой крышей со смотровыми вышками.

Стр. 141. ...*в начале индикта, сентября в первый день начальный девятого лета, под седьмою тысящею...* — Индикт — пятнадцатилетний отрезок времени. По счету индиктами год начинался с 1 сентября, а не с 1 января, как принято в нашем исчислении. Поэтому автор повести датирует описываемое событие 7090 (1582) годом вместо 7089 (1581) года.

...*к человеку божью Олексею...* — Алексеевская церковь находилась в полуверсте от города, за Великими воротами, из которых шла дорога на Смоленск.

Турь — большие плетеные корзины, засыпаемые землей, для защиты от ядер и пуль.

Стр. 143. *Охаб (захаб)* — пристройка, которая прикрывала вход в крепость и защищала крепостные ворота.

Стр. 144. ...*у Великого Василья на Горке...* — Каменная церковь св. Василия на Горке, построенная в 1413 г., находилась в «Среднем городе» у городской стены, отделявшей его от «Окольного города».

Стр. 145. ...*во храм великого мученика Христова Никиты...* — Никитская церковь, сооруженная в 1470 г., была расположена в версте от Великих ворот, на берегу реки Великой.

Стр. 148. *Оботуре Степане* — нарочитая перефразировка фамилии польского короля от простонародного слова «обатур» — своевольник, нахал.

С Похвальского роскату... — Раскат — насыпь или помост для постановки пушки.

Стр. 149. ...*нахождения ради Темир-Аксака царя.* — См. «Повесть о Темир-Аксаке», печатаемую в настоящем издании и прим. на стр. 382.

...*яко именитого Колтыри...* — подобно «Оботуре», нарочитая перефразировка прозвища Темир-Аксака (Аксак — по-тюркски хромец) от псковского простонародного слова «колтать» — колтыхать, хромать.

Стр. 150. ...*икона успение пречистые богородицы Печерского монастыря...* — Готовясь к обороне, псковичи перенесли из Печерского монастыря особо почитаемую икону Успения богородицы и поставили ее в Троицкий собор. Вместе с иконой прибыл во Псков игумен Тихон, который совершал богослужения в соборе и крестные ходы к городским стенам во время осады.

...*рождества пречистыя богородицы Снетогорского монастыря...* — Снетогорский монастырь, основанный в XIII в., находился на Снетной горе в пяти верстах к северу от Пскова, на правом берегу реки Великой.

Стр. 151. ...*князя Доманта и Микулу иже Христа ради уродивого...* — Довмонт — псковский князь (ум. в 1299 г.) из рода князей Литовских. В 1266 г. прибыл во Псков, где крестился и был избран князем. Во главе псковского войска неоднократно одерживал победы над литовцами (1266, 1267) и ливонскими рыцарями, пытавшимися овладеть Псковом (1269, 1299). Укрепил город новой каменной стеной, которая до XVI в. называлась Довмонтовской. Погребен в Троицком соборе; впоследствии причислен

церковью к «лику святых». Николай Юродивый (ум. в 1576 г.), согласно преданию, по праву юродивого, смело обличил Ивана IV, когда тот в 1570 г. собирался учинить кровавую расправу над псковичами, как сделал он это в Новгороде. Вмешательство Николая отвратило гнев царя и спасло город. Псковичи похоронили его в Троицком соборе, где до этого погребались только псковские князья.

Стр. 153. *...услыша король, яко... Бекеша Кабура подо Псковом убита, с ним же и иных... славных побитых...* — По сведениям из других источников, в день приступа из высшей знати войска Батория погибло 40 человек, в том числе командир венгерской пехоты Гавриил Бекеш, которого автор повести, по-видимому, смешивает с его братом Каспаром Бекешем (в одном из списков повести он назван Бекеш Касура).

Стр. 157. *...образ... Дмитрия Селунского корсунского греческого письма...* — Дмитрий Селунский (III в. н. э.) — правитель греческого города Солуни (Фессалоники), пострадавший во время гонений на христиан императора Диоклетиана. Культ его пользовался широким распространением на Руси. Иконописные изображения святого Дмитрия, выполненные в Солуни и городе Корсун (Херсонесе), который, по преданию, посетил апостол Андрей, являлись наиболее почитаемыми.

...Александру Невскому на Великом Чудиком озери... — Имеется в виду победа, одержанная новгородским князем Александром Невским над немецкими «псами-рыцарями» на льду Чудского озера 5 апреля 1242 г.

Стр. 160. *Варлаам Хутынский* — основатель и игумен Хутынского монастыря в десяти верстах от Новгорода на берегу Воллова; умер в 1192 г. Канонизован церковью как «чудотворец».

Стр. 161. *...приехавше... римского латынского папы протопоп Антоней...* — Антонио Поссевино (1533—1613) — иезуит, агент папы Григория XIII, который направил его в 1581 г. к Ивану IV с целью навязать Руси католичество. Вызвавшись во время свидания с царем (в августе 1581 г.) быть посредником в мирных переговорах с Баторием, Поссевино 5 октября прибыл в польский лагерь. В последующем участвовал в мирных переговорах в Яме Запольском, содействуя Польше в отторжении от России ливонских земель. После заключения мира вел безуспешные переговоры с Иваном IV о подчинении Русского государства Ватикану. В 1584 г. вместе с Баторием вынашивал планы об организации интервенции в Россию.

...Ихнилатово лукавства... — Автор уподобляет Поссевино Ихнилату — герою переводной повести «Стефанит и Ихнилат» — честолюбивому, лстливому и лукавому царедворцу.

Стр. 162. *...о пленении Иерусалима Титом...* — Тит (Флавий Веспасиан) (39—81) — римский император (79—81), в 66—73 гг. главнокомандующий римскими войсками в Палестине во время Иудейской войны, в 70 г. разрушил Иерусалим.

Стр. 164. *...принес с собою велик ларец...* — Посылку Шуйскому смертоносного ларца с обманным письмом от имени Ганса Миллера описывают и польские участники событий под Псковом.

Стр. 164. ...с немчином, с Юрьем Фрянбеником. — Имеется в виду Юрий Фаренсбек — маршалок датского короля, который в начале Ливонской войны находился на службе у Ивана IV, затем вместе с некоторыми другими иностранцами изменил ему, а в 1580 г. во главе отряда немецких всадников и пехотинцев примкнул к армии Батория.

Стр. 165. ...государевы послы... с королевскими послы мир учинили. — Мирные переговоры между русскими и польскими послами начались в декабре 1581 г. в деревне Киверова Гора, в 15 верстах от Яма Запольского (между Заволочьем и Порховом). 6 января 1582 г. было заключено перемирие на десять лет. По договору Россия отказывалась от своих владений в Ливонии, польский же король должен был отвести свои войска с русских земель, возвратив Великие Луки и другие города.

...великия княгини Ольги... — Ольга, жена Игоря Рюриковича, княжившая после смерти его в Киеве, была родом из Пскова. По преданию, она поставила в окрестностях города дубовый крест.

Ефросин — основатель Спасо-Великопустынского монастыря (1447), расположенного в 30 верстах к северу от Пскова.

Стр. 166. ...художеством графа... — т. е. иконописца.

...имя же ему есть сие: единица дважды, со едином, пятьдесятница же усугубити дважды, и четверица сугуба, [десятирица же трижды и четверица сугубо], совершает же ся десятирицею, и всех обрящеши письмен семь. — Большинство букв древнерусского алфавита имело числовое значение. Скрывая свое имя, автор повести применил цифровую тайнопись, которая расшифровывается следующим образом: «единица дважды» — $1 \times 2 = 2$ — в; «со едином» — 1 — а; «пятьдесятница же усугубити дважды» — $50 \times 2 \times 2 = 200$ — с; «четверица сугуба» — $4 \times 2 = 8$ — и; «десятирица же трижды» — $10 \times 3 = 30$ — л; «четверица сугубо» — $4 \times 2 = 8$ — и; «совершает же ся десятирицею» — 10 — i; все семь «письмен» — Василий.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора

3

РУССКИЕ ПОВЕСТИ XV—XVI веков

ТЕКСТЫ

Задонщина	9
Сказание о Мамаевом побоище	16
Повесть о московском взятии от царя Тахтамыша	39
Повесть о московском взятии от царя Тахтамыша и о пленении земли Русской	42
Повесть о Темир-Аксаке	49
Повесть о взятии Царьграда турками	55
Повесть о купце Дмитрие Басарге и сыне его Борзосмысле	79
Сказание о Вавилоне граде	85
Повесть о царице Динаре	88
Повесть о мунтыянском воеводе Дракуле	92
Повесть о Петре, царевиче ордынском	98
Повесть о Меркурии Смоленском	106
Повесть о Петре и Февронии Муромских	108
Повесть о Луке Колочском	116
Повесть о Тимофее Владимирском	119
Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием	124

РУССКИЕ ПОВЕСТИ XV—XVI ВЕКОВ

ПЕРЕВОДЫ

Задонщина	169
Сказание о Мамаевом побоище	177
Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша	201
Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русской	204
Повесть о Темир-Аксаке	212
Повесть о взятии Царьграда	218
Повесть о купце Дмитрие Басарге и сыне его Борзосмысле	244
	487

Сказание о Вавилоне граде	251
Повесть о царице Динаре	254
Повесть о мунтянском воеводе Дракуле	259
Повесть о Петре, царевиче ордынском	266
Повесть о Меркурии Смоленском	276
Повесть о Петре и Февронии Муромских	279
Повесть о Луке Колочском	283
Повесть о Тимофее Владимирском	291
Повесть об осаде Пскова Стефаном Баторием	296
Послесловие	333
Статьи и примечания	341

РУССКИЕ ПОВЕСТИ XV—XVI вв.

Редактор Р. Софронова

Технический редактор М. Кондратьева

Корректор О. Семенова-Тян-Шанская

Сдано в набор 6/V 1958 г. Подписано к печати 7/XII 1958 г. Бумага

60 × 92¹/₁₆ = 30,5 печ. л. = 30,5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 29,79.

Тираж 15 000 экз. Зак. 1764. Цена 9 р. 45 к.

Гослитиздат, Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
77	14 сверху	цесарю	цесарицю
78	14 снизу	овамо	онамо
»	14—15 снизу	пострадал	пострадах
162	Сноску не читать		
177	3 сверху	...как уничтожены...	...как возвысился род христианский, как уничтожены...
471	12 сверху	«мудроучительные»	«мудроучительне»
486	11 снизу	графа	зографа

Зак. 1764. кн. «Русские попести XV—XVI веков».

